

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ XIII.

ТИФЛИСЬ.

Типографія канцеляріи Главназначавствующаго гражданскою частью на Кавказѣ,

1892.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе.—Учителя Тифлисской 2-й гимназіи <i>А. Боявленскаго</i>	I—XL.

ОТДѢЛЪ I.

Памятники древности города Самшвида.—Учителя Ейскаго Александровскаго училища <i>С. Мажникова</i> Къ статьѣ приложены шесть нмѣ же исполненныхъ рисунковъ: 1-й—Древній храмъ въ Самшвидѣ съ окружающими его могильными памятниками. 2-й—Армянскій храмъ Успенія Пресв. Богородицы. 3-й—Надгробный памятникъ въ видѣ коня. 4-й—Каменный столбъ въ Самшвидѣ. 5-й—Храмъ въ Самшвидѣ, имѣющій форму базилики. 6-й—Развалины Сіона.	3—13 ✓
Пещера св. Оганеса.—Завѣдующаго Новобаязет- скимъ городскимъ училищемъ <i>Н. Федорова</i>	14—17
Дольмены близъ станицы Даховской.—Учителя Даховскаго станичнаго училища <i>В. Ильина</i>	18—19
Древнія гробницы на рѣкѣ Индышъ.—Учителя Карачаевскаго аульнаго училища <i>І. Хурумова</i>	20
Къ статьѣ приложены два рисунка: 7 и 8, исполненные нмѣ же. Квирильское ущелье.—Учителя Квирильскаго училища <i>Ө. Хускивадзе</i>	21—41
Село Касапетъ.—Смотрителя Касапетскаго учили- ща <i>Г. Израелова</i>	42—58 ✓
1. Названіе села, краткія историческія свѣдѣнія, мѣ- стоположеніе и внѣшній видъ	42—45
2. Орощеніе и климатъ	46—47
3. Археологическіе памятники и богомоль- ныя мѣста	47—53
4. Минеральныя источники и минералы	53—54
5. Нравы, обычаи и суевѣрія касапетцевъ	54—56
6. Главныя занятія жителей Касапета	56—58
Село Татевъ.—Смотрителя Саровскаго училища <i>Н. Григорова</i>	59—125 ✓

6x94

Названіе села, его мѣстоположеніе и свой- ства поверхности.	Стр.
Вода	59—60
Окрестности селенія Татевъ	60—63
Вишній видъ селенія Татевъ, устройство до- мовъ, домашняя обстановка и одежда татавцевъ	63—71
Климать, почва, флора и фауна	71—76
Населеніе и его домашняя жизнь.	76—81
Скотоводство.	81—84
Болезни домашнихъ животныхъ и мѣстныя средства лѣченія ихъ.	84—88
Молочное хозяйство	88—92
Хлѣбопашество и другія занятія жителей.	92—95
Пути сообщенія	95—101
Народныя удовольствія	101—111
Образцы народной поэзіи и народной му- дрости	111—125
а) Суевѣрія и предрасудки	111—120
б) Сказки	120—123
в) Загадки	123—124
г) Пословицы	124—125
Гошунъ-Дашъ. —Смотрителя Арцеваникского учи- лища <i>Е. Мезикъ-Шахназарова</i>	126—127
Къ статьѣ приложены два рисунка: 9-й, представляющій остроконечные камни Гошунъ-Даша, и 10-й,—дольмень въ Гошунъ-Дашѣ.	
Самсарскія пещеры. —Учителя Баралетской сель- ской школы <i>Ив. Синакова</i>	128—130
Къ статьѣ приложенъ снимокъ съ древнегрузянской надписи и замѣтка къ ней, составленная учителемъ духов- ной семинаріи <i>Ө. Д. Жарданія</i>	130—132
Могильникъ Челишъ-Кивъ. —Воспитанника VII класса Владикавказской гимназіи <i>В. Долбежова</i>	133—140
Къ статьѣ приложены два рисунка: табл. 12—Видъ могильника Челишъ-Кивъ и части гроба изъ этого могиль- ника и 13—Человѣческой остовъ и другіе предметы изъ мо- гильника Челишъ-Кивъ.	
Памятники древности въ окрестностяхъ селе- нія Башъ-Шурагель. —Смотрителя Баяндурскаго учи- лища <i>Гр. Буятова</i>	141—147
Монастырь св. Өомы. —Смотрителя Чайкендскаго училища <i>А. Туманова</i>	148—152
Къ статьѣ приложенъ планъ монастырскаго храма: табл. 14.	

Отдѣль II.

	Стр.
Встрѣча Нового года у имеретинъ.—Учителя	
Кутаисскаго городского училища <i>В. Ломинадзе</i>	3—8
Поездка въ Рачу.—Учителя Кутаисскаго город-	
скаго училища <i>Ш. Ломинадзе</i>	9—23
Рачинскія сказки.—Его же	24—31
1. Старинъ-нищій и три брата	24—27
2. Царь и черти	27—28
3. Нацарменія	28—31
Изъ абхазскихъ народныхъ преданій и повѣ-	
рій.—Учителя Очемчирскаго училища <i>В. Гарикіи</i>	32—43
1. Озеро Папанцуръ	32—34
2. Абрскиль	34—38
3. Ачмы тыго	38—43
Изъ грузинской народной словесности	44—70
1. Преданіе о царицѣ Тамаръ.—Записалъ воспитанникъ	
Закавказской учительской семинаріи <i>Д. Хакановъ</i>	44—45
2. Бадниъ.—Записалъ воспитанникъ Закавказской учи-	
тельской семинаріи <i>Гр. Амшинашвили</i>	45—46
3. Сказка объ юношѣ и дѣвницѣ.—Записалъ воспита-	
никъ Закавказской учит. семинаріи <i>Д. Думбадзе</i>	46—57
4. Походою царевича Георгія.—Записалъ учитель Ба-	
ралетскаго училища <i>А. Микеладзе</i>	57—70
Гурійскія легенды.—Собщи́лъ воспитанникъ За-	
кавказской учительской семинаріи <i>Ф. Меладзе</i>	71—74
1. О Палеостомѣ	71—72
2. О монахѣ	72—74
Армянскія сказки, преданія и легенды.	75—140
1. Преданіе о Дивъ-архѣ.—Записалъ воспитанникъ За-	
кавказской учительской семинаріи <i>А. Маргоевъ</i>	75—88
2. Царь-пастухъ.—Учителя Касадеговскаго учи-	
лища <i>Г. Осипова</i>	78—82
3. Неблагодарность.—Его же	82—85
4. Бюрапатикъ, или за одну—тысяча.—Его же	85—89
5. Кошишь-оглы.—Его же	89—91
6. О томъ, какъ сатана вошелъ въ человека.—	
Его же	91—92
7. Цветокъ Адама.—Смотрителя Ольгинскаго	
училища <i>Г. Новрузова</i>	93—99
8. Царевичъ, отданный деришю.—Воспитанника	
Закавказской учительской семинаріи <i>А. Бабилта</i>	99—107
9. Хыр-хыр-Нѣса.—Его же	107—116

10. Отцовское завѣщаніе.—Его же	116—126
11. Ашикъ-Ирамаъ.—Смотрителя Касанетскаго училища <i>Г. Израилова</i>	126—128
12. Гемать.—Его же	128—130
13. Лишца.—Воспитанника Закавказской учи- тельской семинаріи <i>А. Мирзова</i>	130—140
Окупой богачъ (осетинская сказка).—Учителя Тверской станичной школы <i>А. Кайтмазова</i>	141—144
Изъ дагестанскихъ нравовъ	145—155
1. Алпабъ (лезгинское повѣрье).—Воспитан- ника Закавказской учительской семинаріи <i>А. Ма- медова</i>	145—146
2. Отеимшій пиры.—Учителя Дешлагарска- го училища <i>Л. Ханазова</i>	146—151
3. Нилоторья повѣрья шорлагинцевъ.—Его же	152—155
Преданія и легенды, записанныя въ городѣ Баку.—Воспитанника Закавказской учительской семина- ріи <i>А. Бабалянца</i>	156—166
I. О праотцѣ Авраамъ	156—158
II. О Соломонѣ Мудромъ	158
III. О Петрѣ Великомъ (1-е и 2-е)	159—161
1. Петръ Великій и Султанъ-Ахмедъ- ханъ	158—160
2. Петръ I и Шахъ Надиръ	160—161
IV. О Шахъ-Аббасѣ	161—166
1. Мечеть и церковь Шахъ-Аббаса въ Тифлисѣ	161—162
2. Шахъ-Аббасъ и подрядчикъ	162—163
3. Шахъ-Аббасъ и красавица	163—166
Шахъ-Аббасъ и Фараджъ.—Воспитанника Закав- казской учительской семинаріи <i>Н. Кялбекова</i>	167—172
Ашикъ-Керибъ.—Сказка съ приложеніемъ татар- скаго текста пѣсенъ Ашикъ-Кериба.—Учителя Кельвин- скаго земскаго училища <i>Махмудбекова</i>	173—229
Татарскія пѣсни.—	
I. Споръ ейлаха съ низменностью.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>М. Куліева</i>	230—232
II. Споръ земли съ небомъ.—Его же	232—234
III. Пѣсня о пчелѣ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>А. Исмаилова</i>	234—237

Селеніе Ивановка.—Смотрителя Геокчайскаго училища *Н. Калашева*. 238—288.

1. Историческія свѣдѣнія 238—241
2. Вышній видъ селенія. Жилыща съ хозяйственными принадлежностями. Правительственныя и общественныя учрежденія. 241—244
3. Мѣстоположеніе, границы и величина 244—246
4. Климатъ 246—247
5. Вода. 247—248
6. Народное здравіе 248—256
7. Флора и фауна 256—257
8. Земельное довольствіе и хлѣбопашество 257—265
9. Пользованіе лѣсомъ 265—266
10. Податное обложеніе и общественныя повинности 266—299
11. Скотоводство, птицеводство и нѣкоторые другіе второстепенныя промысла ивановцевъ. 269—272
12. Пути сообщенія 272—273
13. Народонаселеніе. 273—286
14. Народное образованіе 286—288

Русская сказка и легенда, записанныя въ урочищѣ Манглись.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *А. Валенича*. 289—294

1. Чортъ и баба. 289—291
2. Исусъ Христосъ съ апостоломъ Павломъ въ гостяхъ у мужа 291—294

Татарскія сказки и преданія, записанныя въ Елисаветопольской губерніи 295—322

1. Трусъ.—Воспитанника татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи *И. Эфендіева* 295—297
2. О богачѣ Ализѣ и его рабѣ Мирзѣ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *Мусы Кумиса*. 297—301
3. Иветиниъ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *Алада Асланова* 301—308
4. Сирѣга.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *Османа Гаибова* 308—304
5. Харкалм.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *Б. Насиръ-Султанова*. 305—308
6. Малкъ-Мамедъ.—Учителя Герюсинскаго сельскаго училища *Муртыча Сарксянца*. 308—318
7. Гулчи-ханумъ.—Его же. 318—322

Армянская сказка о семи братьяхъ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>Т. Юзбашева</i>	323—329
Легенды о Соломонѣ Мудромъ	330—333
Первая — воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>А. Мирзоева</i>	330—331
Вторая и третья — учителя Норійской сельской школы <i>Г. Парадова</i>	331—338
Билить.—Бывшаго инспектора народныхъ училищъ Эриванской губерніи <i>Як. Пасхалова</i>	234—343

ПОПРАВКИ.

Отдѣлъ I.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
12	9 и 21 сверху	Храмъ В	Храмъ Б
18	2	Майкопскаго	Майкопскаго
20	9	7-мъ	8-мъ
20	12	8-мъ	7-мъ
34	4 снизу	Пануна	Пануна
56	2	Гадрутъ	Гадрутъ

Отдѣлъ II.

42	6 сверху	по дву ихъ	подъ ними
80	1	видѣяныиъ	видѣяныхъ
95	2 снизу	возращеніи	возращеніи
238	12 сверху	Мѣсторасположенія	Мѣстоположеніе

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ „Сборника“ составился изъ двухъ отдѣловъ: въ первый вошли статьи, представляющія или всецѣло, или въ значительной своей части интересъ археологическій, во второй же отдѣлъ выдѣленъ матеріалъ этнографическій. Статьи, касающіяся археологій Кавказа, были помѣщаемы раньше, въ различныхъ выпускахъ „Сборника“ *), на ряду съ этнографическими данными. Въ настоящее же время, при обиліи археологическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ редакцію „Сборника“, оказалось возможнымъ составить изъ послѣднихъ особый отдѣлъ. Впрочемъ и въ настоящемъ выпускѣ нѣтъ строгаго обособленія археологическаго и этнографическаго матеріала: въ иныхъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ I отдѣлъ его, археологическія свѣдѣнія составляютъ лишь нѣкоторую часть ихъ, и преобладаетъ интересъ этнографическій; таковы, на примѣръ: „Село Касапетъ“ и „Село Та-

*) См. выпускъ I, отд. I, стр. 7: древности г. Эривани; стр. 59—68: надписи на стѣнахъ церкви св. Григорія въ Кечарскомъ монастырѣ.

Вып. II, отд. I, стр. 59—65: Горисъ-цихе, Ушисъ-цихе и Урбинси; стр. 109—117: древности г. Нахичевана.

Вып. IV, отд. I, стр. 289—290: о древнихъ памятникахъ селенія Койласара.

Вып. V, отд. I, стр. 8—14: древности Посковского участка, Карсской области; стр. 70—72: нѣкоторые памятники древностей близъ мѣстечка Салыанъ.

Вып. VI, отд. I, стр. 11: курганы въ станицѣ Отрадной; стр. 101—104: курганы и пещеры близъ ст. Самурской; стр. 184: о курганахъ близъ ст. Беспелевской; стр. 154—160: археологическіе памятники въ окрестностяхъ Гадрута; отд. II, стр. 50—76: „Объ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ донскомскомъ кладбищѣ, близъ селенія Уолла-Кобанъ.“

Вып. VII, отд. II, стр. 37—50: „Памятники древности Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.“

Вып. IX, отд. II, стр. 131—138: нѣкоторыя замѣчанія въ статьѣ „Агбулахскія легенды.“

тевъ“, и, наоборотъ, между статьями II отдѣла попадаются и нѣкоторыя археологическія указанія, какъ, напр., въ статьѣ: „Поѣздка въ Рачу.“

Археологическій матеріалъ настоящаго выпуска просмотрѣнъ и приготовленъ къ печати многоуважаемымъ *Е. Г. Вейденбаумомъ*.

При изданіи этого отдѣла редакція пользовалась также содѣйствіемъ и другихъ лицъ, а именно: 1) учителя Тифлисской духовной семинаріи *Θ. Д. Жорданія*,—по разбору и обработкѣ древней грузинской надписи, находящейся на карнизѣ церкви въ селеніи Ихтила, 2) учителя Тифлисской 2-й мужской гимназіи *И. З. Таміева*,—по изданію грузинскихъ текстовъ, и 3) учителя армянскаго языка при той же гимназіи *А. Г. Караѣзова*,—по изданію текстовъ армянскихъ.

При томъ разнообразіи, какимъ отличается содержаніе, статей, вошедшихъ во второй отдѣлъ настоящаго выпуска, оказалось возможнымъ сгруппировать ихъ: однѣ—по народностямъ, населяющимъ Кавказъ, другія—по единству мѣста ихъ происхожденія.

Такъ, первыя три статьи втораго отдѣла характеризуютъ съ разныхъ сторонъ бытъ имеретинъ. Статья: **Встрѣча Нового года у имеретинъ** затрогиваетъ однѣ изъ интереснѣйшихъ бытовыхъ моментовъ, съ которымъ у каждаго народа соединяется множество обрядовъ, примѣтъ и предразсудковъ. Литература вопроса о празднованіи Нового года у имеретинъ и родственныхъ имъ народовъ (гурійцевъ, мингрель, грузинъ) указана у *Н. Дубровина*, въ его „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ (т. I, кн. II, стр. 229—232 и 148—150). Сравнительно съ указаннымъ у него матеріаломъ очеркъ *В. Ломинадзе* даетъ болѣе обстоятельное описаніе. Нѣкоторыя подробности пра-

аднованія у Дубровина совсѣмъ не упоминаются; такъ, напри-
мѣръ, не говорится ни о „меперхе“, ни о „состязаніи“ дѣ-
тей, ни объ обсыпаніи дома зернами, и т. п. Обычай соста-
занія дѣтей у Дубровина отнесенъ къ празднованію *бослобы*
или празднику *буйляттиновъ* (тамъ же, стр. 233—234). Во-
обще, надобно сказать, что свѣдѣнія, которыми располагалъ
почтенный авторъ по вопросу о празднованіи Нового года въ
Закавказьи, относятся меньше къ имеретинцамъ, чѣмъ къ дру-
гимъ родственнымъ народамъ.

То же нужно сказать и относительно статьи А. С. Ха-
ханова, посвященной этому вопросу и напечатанной недавно
(въ 1889 г.) въ „Этнографическомъ обзорѣни“ (кн. III, стр.
29—40): свѣдѣнія, сообщаемыя ею, касаются ингилойцевъ,
карталинцевъ, гурійцевъ и джаваховъ, и статья В. Ломинадзе
пополняетъ, такимъ образомъ, пробѣлъ, оставляемый г. Хаха-
новымъ. Что касается самыхъ обрядовъ, описанныхъ послѣд-
нимъ, то, въ общемъ, они сходны съ имеретинскими. У всѣхъ
на первомъ планѣ является новогоднее поздравленіе, совер-
шаемое главою дома и стороннимъ, особымъ поздравителемъ
(„меквле“ или „меперхе“); у всѣхъ также большое значеніе
придается новогодней жертвѣ, состоящей изъ различныхъ
(разнообразной формы) пироговъ и другихъ съѣстныхъ припа-
совъ; при этомъ у карталинцевъ и гурійцевъ, какъ и у име-
ретинъ, главную принадлежность этой жертвы составляетъ
свиная голова, и только у ингилойцевъ и джаваховъ, какъ
подпавшихъ магометанскому вліянію, послѣдней въ числѣ жер-
твенныхъ принадлежностей не бываетъ; у всѣхъ изъ выше-
названныхъ народностей въ числѣ атрибутовъ новогоднихъ
обрядовъ видная роль принадлежитъ также орѣховому дереву
и зерновому хлѣбу.

Статья III. Ломинадзе: *Поѣздка въ Рачу* (страница
9—23), не представляя цѣльнаго, всесторонняго описанія
какой-либо мѣстности, интересна со стороны нѣкоторыхъ сво-

ихъ деталей, касающихся быта имеретинъ. Такъ, напримеръ, укажемъ на аналогію между имеретинами-окрибцами и армянами-веркенджцами, одинаково фигурирующими у своихъ сосѣдей въ роли комическихъ героевъ. Второй изъ двухъ приводимыхъ у Ш. Ломивадзе анекдотовъ составляетъ вариантъ помѣщеннаго въ VII выпускѣ „Сборника“ (отд. II, стр. 130) анекдота про веркенджскаго старшину. Не лишено интереса совпаденіе другого бытового явленія на двухъ удаленныхъ одинъ отъ другого пунктахъ: это—употребленіе вмѣсто мыла особой породы глины, содержащей въ себѣ щелочи (см. вып. II „Сборника“, отд. II, стр. 14—примѣчаніе), какъ въ Имеретіи, такъ и въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи. Не перечисляемъ здѣсь другихъ интересныхъ бытовыхъ моментовъ, затрогиваемыхъ статьею.

Рачинскія сказки, помѣщаемыя далѣе (стр. 24—31), также даютъ матеріалъ для аналогій. Такъ, первая изъ нихъ, **Старикъ-нищій и три брата**, развиваетъ тему о человѣческой неблагодарности и о великомъ значеніи гостепріимства,—мотивы, общіе всѣмъ народамъ Кавказа. Редакція располагаетъ совершенно однородною по общему замыслу и даже по деталямъ армянскою сказкою, которая записана въ г. Баку воспитанникомъ Закавказской учительской семинаріи А. Бабаковымъ (у него сказка называется: „Преданіе о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ.“). Тема о человѣческой неблагодарности, только поставленная гораздо сильнѣе, по сравненію съ благодарностью лютаго тигра и ядовитой змѣи, раскрывается далѣе въ армянской сказкѣ, озаглавленной: **Неблагодарность** (стр. 82—85). Вторая изъ рачинскихъ сказокъ, **Царь и черти**, представляетъ забавный рассказъ о томъ, какъ черти, пользуясь человѣческою слабостью царя, желавшаго помолодить себя, отомстили ему за оскорбленія, которыя постоянно терпѣли отъ него. Хитрость лукаваго бѣса служить одною изъ любимыхъ темъ, какъ русскаго, такъ и

вообще иранскаго народнаго эпоса. Въ данномъ выпускѣ мы имѣемъ сходный съ этимъ рассказъ: **О томъ, какъ сатана вошелъ въ человѣка** (стр. 91—92). Здѣсь хитрость бѣса имѣеть точкою приложенія другую слабость человѣка: жадность его, и, кромѣ того, народная фантазія дала рассказу черты легенды, связавъ его съ библейскою личностію пророка и псалмопѣвца царя Давида; по тексту легенды, онъ является здѣсь хозяиномъ мельницы. Наказанное стремленіе помолотиться, хотя и не въ видѣ самостоятельной темы отдѣльнаго рассказа, отмѣчено и русскимъ эпосомъ (см. у Аванасьева: „Три царства,“ буква *с*,—конецъ сказки: здѣсь царь сваривается въ молоко). Еще болѣе популярная тема составляетъ предметъ третьей рачинской сказки: **Нацаркекія** (разгребатель золы). Хитрость и ловкость, одерживающія верхъ надъ физическою силою, не управляемою разумомъ, очень часто служатъ содержаніемъ кавказскихъ сказокъ; эта мысль затрогивается въ нихъ то мимоходомъ, то разрабатывается, какъ самостоятельная тема. Изъ сказокъ послѣдняго рода укажемъ на „Сказку о трусѣ,“ помѣщенную въ VI выпускѣ „Сборника“ (отд. II, стр. 109—118), и на кабардинскую сказку: „Маль мала меньше“ (вып. XII, отд. I, стр. 137—142). Къ нашей сказкѣ ближе всего стоитъ вариантъ на эту тему, напечатанный въ брошюрѣ: „Грузинскія народныя сказки и игры,“ собранныя Бесбуромъ Б. (Тифл. 1887 г.). Сравнительно съ послѣднею наша сказка отличается большею простотою и непосредственностію народнаго юмора. Въ русскомъ эпосѣ однородная съ этимъ тема развивается въ сказкѣ: „Цыганъ и змѣй“ (Аванасьева „Русск. нар. сказки,“ кн. I, стр. 36). Считаемо безынтереснымъ указать и на то, что въ великорусской сказкѣ *разрѣбаніе золы* упоминается, какъ занятіе дурака, а бѣлорусская сказка знаетъ Ивана *Поплялова*, какъ одного изъ своихъ героев (Тамъ же, стр. 316).

Изъ абхазскихъ народныхъ преданій и повѣрій

(стр. 32—43). Первая изъ статей, помѣщенныхъ подъ этимъ общимъ заглавіемъ, **Озеро Папанцуръ**, вводитъ въ кругъ сказаній о провалившихся городахъ и селеніяхъ,—сказаній, которыя нерѣдко встрѣчаются у обитателей странъ, подверженныхъ дѣйствию вулканическихъ силъ. На Кавказѣ также нѣтъ недостатка въ подобныхъ преданіяхъ; въ настоящемъ выпускѣ однородное съ этимъ сказаніе, только окрашенное церковнымъ колоритомъ, передается о происхожденіи оз. Палеостома (см. стр. 71 и 72); о „церкви гѣрода, провалившася за грѣхи его жителей“, слышалъ отъ „туземцевъ“ и Н. И. Шафрановъ, посвятившій рѣшенію вопроса о происхожденіи озера Палеостома статью во II выпускѣ „Сборника“ (отд. I, стр. 45—58). На сѣверномъ склонѣ Кавказа подобная легенда связывается съ озеромъ, находящимся близъ станицы Самурской: черкесское селеніе, которое, по преданію, было на мѣстѣ этого озера, провалилось, по причинѣ грѣховъ противъ Бога и его пророка Магомета (См. вып. VI „Сборника“, отд. I, стр. 103 и 104). Преданіе объ озерѣ „Папанцуръ“, однако, точнѣе опредѣляетъ причину катастрофы и, не ограничиваясь ссылкой на *нечестіе* вообще, указываетъ ее въ *скупости* священника, доходившей до того, что однажды онъ предложилъ своимъ *гостямъ* на обѣдъ собачье мясо. Такою постановкою фавулы преданіе подходитъ къ группѣ другихъ подобныхъ разсказовъ, въ которыхъ говорится о наказанной Богомъ скупости и несоблюденіи обычая гостепріимства. Ниже (303—304) помѣщенъ такой разсказъ, озаглавленный: **Скряга**; здѣсь скупая, богатая старуха предлагаетъ своему гостю для утоленія голода кушанье изъ кошачьяго мяса и за это наказывается отъ Бога тѣмъ, что вмѣстѣ со всѣмъ своимъ богатствомъ превращается въ камень. Совершенно одинаковое съ этими преданіями существуетъ въ Дагестанѣ; тамъ оно приурочено къ Ташъ-гойлару (См. вып. II „Сборника“, отд. II, стр. 140): скупой пастухъ, герой разсказа, превра-

щенъ въ камень за то, что накормилъ гостя собачимъ мясомъ. Съ даннымъ преданіемъ можно также ставить въ параллель преданіе о шейхѣ Асельдерѣ („Сборникъ“, вып. IV, отд. II, стр. 27 и 28), превратившемъ пастуха со стадомъ въ камни, и о „Кара-Чурекѣ“ (Вып. II, отд. II, стр. 117); но здѣсь сходство лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ.

Вторая статья, *Абрскиль*, и третья, *Ач-кы тызго*, относятся къ сказаніямъ о Прометѣѣ. Не касаясь литературы этого, чрезвычайно распространеннаго на Кавказѣ, сказанія укажемъ лишь на то, что свѣдѣнія объ *абхазскомъ* Прометѣѣ были опубликованы лѣтъ сорокъ тому назадъ (См. Дубровина „Исторію войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, томъ I, ч. 2, стр. 35), при чемъ мѣстное названіе его не *Абрскиль*, а *Дашкалъ*, и мѣстопребываніемъ его указывается пещера въ горѣ *Дигъ*. Новыя данныя по этому вопросу были сообщены въ 1881 г., на V археологическомъ съѣздѣ, покойнымъ И. В. Лихачевымъ. Сравнительно съ его докладомъ печатаемая въ настоящемъ выпускѣ статья прибавляетъ многія новыя черты. Сюда относится разсказъ о происхожденіи и юности *Абрскила*, о преслѣдованіи и поимкѣ его и, наконецъ, о заключеніи въ пещерѣ волшебницы, превращенной впоследствии въ щенка. Укажемъ здѣсь, кстати, на разницу въ транскрипціи имени этого героя въ докладѣ И. В. Лихачева (*Абласкиръ*) и въ разсказѣ В. Гарцвін (*Абрскиль*). Статья „*Ач-кы тызго*“ существеннымъ образомъ дополняетъ свѣдѣнія относительно *Чилоусской* пещеры, сообщаемыя И. В. Лихачевымъ. Въ заключеніе, считаемъ нелишнимъ указать данныя, по вопросу о кавказскомъ Прометѣѣ, которыя въ разное время были помѣщены въ „Сборникъ“. Сюда относится напечатанная во II выпускѣ (отд. II, стр. 158—160) грузинская „Былина объ *Амиранѣ*“, разсказъ „*Амиранъ*“, записанный со словъ одного кахетинскаго кузнеца, и сванетская сказка „*Амиранъ, Бадри и Вясибъ*“ съ относя-

щимися сюда замѣтками редакціи (Вып. X, отд. III, стр. 47—49, 6—11 и предисловіе, стр. II и III).

Изъ грузинской народной словесности (стр. 44—70). Первая изъ статей, помѣщенныхъ здѣсь, связывается съ популярнѣйшимъ у кавказскихъ христіанъ именемъ царицы Тамары. Подобныхъ преданій на Кавказѣ разсказывается множество, и нѣкоторыя изъ нихъ уже были напечатаны въ „Сборникѣ“ (См., напр., вып. II, отд. I, стр. 60—61—преданіе объ основаніи Горійской крѣпости; въ VII вып.—о сватовствѣ за Тамару Шахъ-Абасса и о смерти ея; въ X вып., отд. II, стр. 95—96,—сванетская пѣсня о Тамарѣ, въ III отд., стр. 35,—мингрельское преданіе о завоеваніи Тамарою Каспійскаго моря и, стр. 45—46, грузинское преданіе объ основаніи Горійской крѣпости, представляющее болѣе подробный и обстоятельный вариантъ легенды, обнаруженной во II выпускѣ). Данная легенда рисуетъ Тамару съ новой стороны: не только какъ мудрую, но и какъ *чародѣйку*, которая повелѣваетъ природою и владѣетъ силою *заклятiя*. Вѣра въ возможность подобнаго заклятiя, на этотъ разъ въ приложеніи къ дьяволу, составляетъ, отчасти, почву, на которой возникла гурійская легенда о монахѣ (стр. 72—74), добывающемъ съ помощью злого духа царскій кубокъ. Любопытно въ обоихъ разсказахъ, между прочимъ, и то, что заклинаемый духъ связывается предѣлами какаго нибудь предмета (серебряный шарикъ, митра). Въ этомъ отношеніи можно сопоставить здѣсь легенду о дьяволѣ, котораго для царя Давида-Возобновителя св. Георгій превратилъ въ „раши“, наложивши трехпудовую узду: сила заклятiя, по народному представленію, была въ этой уздѣ, и, какъ только она снята была съ чорта, послѣдній превратился опять въ злого духа (См. стр. 10 и 11).

Изъ грузинскихъ сказокъ, слѣдующихъ за преданіемъ о Тамарѣ, **Сказка объ юношѣ и дѣвницѣ** (стр. 46—57) обращаетъ на себя вниманіе *загадками*, которыя задаютъ другъ

другу главныхъ дѣйствующихъ лицъ: юноша и дѣвица. Загадываніе загадокъ, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ любимыхъ приемовъ народнаго эпоса и особенно тогда, когда рассказчикъ желаетъ больше выставить на показъ мудрость своихъ героевъ. Чаще всего проявленіе такой мудрости достается на долю *слабѣйшаго* существа, менѣе всего имѣющаго, повидимому, шансы на обладаніе ею. Такъ, напр., въ одной русской сказкѣ отгадываетъ мудрыя загадки дочь *семилѣтня* (Аван. „Нар. русск. св.“, кн. III, 190—193); въ настоящемъ выпускѣ побѣждаетъ своею мудростью царя *Соломона* ничтожный *муравей* (См. преданіе „О Соломонѣ Мудромъ“, стр. 158). „Мудрая дѣва“ служитъ нервѣею сюжетомъ и русскаго эпоса (см., напр., у Аванасьева цѣлый рядъ сказокъ такого рода, кн. III, 179—182, 187—193). Русская сказка: „Царевна, разрѣшающая загадки“, по своему основному плану, очень близко подходитъ къ нашей (кн. II, стр. 432—434); только загадываетъ сказки одинъ женихъ, а царевна ихъ отгадываетъ; отгадки къ заданнымъ ей загадкамъ она получаетъ съ помощью такой же хитрости, какъ и въ нашей сказкѣ. Изъ кавказскихъ сказокъ можно сопоставить съ нашею (См. II вып., отд. II, стр. 152—154) грузинскую сказку „О царѣ и его трехъ сыновьяхъ“; сюда же примыкаетъ и сказка „Ханская дочь и охотникъ“, помѣщенная въ XII выпускѣ „Сборника“; въ послѣдней, впрочемъ, прозорливость ханской дочери обуславливается обладаніемъ *подзорною трубою*. Редакція располагаетъ въ числѣ другихъ матеріаловъ сказкою, гдѣ въ роли мудрой дѣвы является дочь персидскаго царя, Дарія Кодомана, а отгадчикомъ — Александръ Великій, сынъ Филиппа. Что касается самаго содержанія загадокъ въ „Сказкѣ объ юношѣ и дѣвицѣ“, то нельзя не замѣтить въ нихъ той особенности, что матеріалъ ихъ черпается, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, изъ библейскихъ сказаній, притомъ, апокрифическаго характера; поэтому иные библейскіе факты являются здѣсь

искаженными, а иногда относительно библейских лиц въ нихъ передаются и совсѣмъ вымышленные факты.

Грузинская сказка: **Похожденіа царевича Георгія** (стр. 57—70) представляетъ очень много сходнаго съ армянскою сказкою: **Отцовское завѣщаніе**, помѣщаемою въ настоящемъ выпускѣ ниже (стр. 116—126). Ихъ сближаетъ, прежде всего, общая фабула: въ обѣихъ, выполняя волю отца, дѣти строить пышный храмъ и, такъ какъ для полноты совершенства послѣднему не достаетъ *чудной птички*, отправляются на поиски за нею. Герой сказки, среди разныхъ приключеній, добываетъ *чудную птичку* и, сверхъ того, находитъ красавицу-невѣсту; злые братья стараются погубить счастливецъ, овладѣваютъ его добычей и присвоиваютъ себѣ честь ея пріобрѣтенія. Но обманъ разоблачается, и сказка оканчивается торжествомъ героя и наказаніемъ преступныхъ братьевъ. Но, при единствѣ своего сюжета, обѣ сказки сильно расходятся въ своихъ подробностяхъ и обнаруживаютъ весьма сложный составъ. Такъ, уже съ самаго начала, съ завязки, грузинскій и армянскій варианты идутъ по разной дорогѣ: въ грузинской сказкѣ завязкою служитъ желаніе стараго царя-отца увѣчить свою память, въ виду близкой кончины, постройкою храма; въ армянской же дѣло идетъ о завѣщаніи царя, выраженномъ въ трехъ пунктахъ: дѣти, во-первыхъ, должны по очереди караулить могилу царя три ночи, во-вторыхъ, выдать сестеръ за перваго присватавшагося жениха и, въ-третьихъ, построить прекрасную мечеть. Отсюда и въ дальнѣйшихъ подробностяхъ сказки расходятся между собою, при чемъ въ грузинской замѣтно болѣе мягкое христіанское вліяніе, а въ армянской—болѣе грубое татарское, магометанское. И та, и другая имѣютъ много общаго и съ русскою сказкою и по общему своему замыслу, и еще больше по деталямъ: оба героя сильно напоминаютъ русскаго Ивана-царевича въ поискахъ за жаръ-птицею; напоминаютъ русскую сказку и роль

старухъ, помогающихъ царевичу Георгію, и заабриваніе послѣднимъ родниковъ, волючаго кустарника, соленого озера и воиновъ царицы-пери (Ср. Аван. „Нар. русск. сказки“, кн. I, стр. 176); обстановка, при которой онъ убиваетъ дева въ подземномъ царствѣ, заставляетъ вспомнить сказку о трехъ царствахъ (вариантъ b: Аванасевъ, „Нар. русскія сказки“, кн. I, стр. 268—272) и т. п. Въ армянской сказкѣ заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія птицы-зятя царевича, оказывающіе послѣднему помощь; точно также—подробности бѣгства его отъ Кёсы (Сравн. сказку про Марью Моревну; тамъ же, кн. II, стр. 472—483) и обстоятельства, какими сопровождалось его возвращеніе въ отечество („Три царства“, вариантъ подъ буквою b: здѣсь царевичъ поступаетъ въ подмастерья въ башмачнику и шьетъ сначала башмаки, потомъ платье и, наконецъ, строитъ золотой дворецъ). Въ VIII выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, въ статьѣ: „Двѣ недѣли въ Даргинскомъ округѣ“ (стр. 21), также помѣщена сказка, начало которой очень близко къ нашимъ сказкамъ. Своєю срединою послѣднія напоминаютъ также и включенія Рустама (см. VI выпускъ „Сборника“, приложение).

Подъ общимъ заглавіемъ: **Армянскія сказки, преданія и легенды**, помѣщенъ рядъ сказокъ и преданій, записанныхъ разными лицами и въ разныхъ мѣстностяхъ Закавказья, населенныхъ армянами,—преимущественно въ Бакинской, Елисаветопольской и Эриванской губерніяхъ. Большинство ихъ обнаруживаетъ значительные слѣды церковнаго, христіанскаго вліянія, а нѣкоторые изъ рассказовъ настолько проникнуты имъ, что переходятъ въ область легенды; таковы, напримѣръ: „Царь-пастухъ“ (собственно концомъ своимъ), „О томъ, какъ сатана вошелъ въ человека“, „Бюрапатикъ“, „Цвѣтокъ Адама“ (концомъ). Нѣкоторые же изъ сказокъ, помѣщенныхъ здѣсь, имѣютъ черты восточнаго вліянія, каковы: „Неблагодарность“, „Гемать“, „Ашикъ-Кярамъ“ и др.

Преданіе о Дивь-архѣ (стр. 75—78), между прочимъ, интересно въ томъ отношеніи, что оно рисуетъ съ новой стороны сказочныхъ дивовъ или девовъ: въ этомъ разсказѣ Дивъ является разумною, полезною и способною возбуждать симпатіи силою, тогда какъ, большею частью, дивы или девы являются олицетвореніемъ грубой матеріальной силы, не одушевляемой разумомъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сравнить это преданіе со сказкою: „Нацарекія“. Очевидно, это сказаніе относится къ тому періоду народнаго творчества, когда первоначальный смыслъ древнихъ преданій утрачивался и прилаживался къ новымъ понятіямъ.

Сказка **Царь-пастухъ** (стр. 78—82) обнаруживаетъ двойственный характеръ: въ первой своей половинѣ она выдвигаетъ мысль о превосходствѣ природнаго здраваго смысла надъ присяжнымъ правосудіемъ. Это одинъ изъ любимыхъ мотивовъ народнаго эпоса всѣхъ народовъ: всегда и вездѣ народъ любилъ ставить на первый планъ героевъ, которые вышли изъ его среды. Этотъ, напр., мотивъ звучитъ въ мингрельской сказкѣ „О царевичѣ и воспитанникѣ идеми“ (герой сказки не царевичъ, а взятый изъ лѣсу воспитанникъ идеми; „Сборникъ“, вып. X) и въ сказкѣ: „Коровій сынъ“ („Сборникъ“, вып. IX). Кавказская сказка, однако, подчеркиваетъ и противоположную мысль,—что каждый человѣкъ тяготеетъ къ родственной ему средѣ; съ этой стороны нашу сказку интересно сравнить съ татарскою, озаглавленной: „Царевна нищая“ (Выпускъ VI, отд. II, стр. 118—124). Вторая половина сказки: „Царь пастухъ“ проводитъ ту мысль, что Богъ награждаетъ за правду: царь-пастухъ, лишившійся своихъ глазъ изъ-за любви въ правдѣ, въ награду за свою добродѣтель опять получаетъ отъ Бога зрѣніе. Съ этою высоконравственною идеею мы встречаемся въ произведеніяхъ народной поэзіи также довольно часто; съ особенной силой она развивается въ сказкѣ „О купцѣ честномъ и о вудцѣ нечестномъ“ (Вып. VI, отд. II, стр.

77—88), весьма близкой къ русскимъ сказкамъ „о кривдѣ и правдѣ.“

Сказка: **Бюрапатикъ** (стр. 85—89), по своей главной мысли, совершенно сходна съ грузинской сказкою „Долгъ Бога,“ помѣщенной въ X выпускѣ „Сборника“ (отд. II, стр. 68—72); но въ подробностяхъ между той и другой большая разница: въ армянской сказкѣ добродѣтельный человѣкъ даетъ деньги *не изъ корыстныхъ побуждений*, какъ въ грузинской, а, просто, по своей религіозности; кромѣ того, рядомъ съ основною мыслью сказки, довольно сильно выражена другая нравственная идея: что раскаяніе составляетъ дверь къ спасенію даже и для разбойниковъ, тогда-какъ отсутствіе раскаянія губить и священника. Въ отношеніи порученій, получаемыхъ крестьяниномъ на пути въ Бюрапатику, эту связку любопытно сравнить и съ помѣщаемою ниже татарскою сказкою: „О богатѣ Авизѣ и его рабѣ Мирѣ“ и съ русскою: „О Маркѣ Богатомъ.“

О сказкѣ **Кейиниъ-оглы** (стр. 89—91) говорится ниже, по поводу сказки: „Ашикъ-Керибъ.“

Сказка **Цвѣтокъ-Адама** (стр. 93—99) родственна русской сказкѣ, озаглавленной: „Заклятой царевичъ“ (Аван. „Нар. р. св.“, кн. III, стр. 2—4 *), съ тою лишь разницею, что кавказскій вариантъ этой сказки обнаруживаетъ болѣе сложную композицію, чѣмъ русскій: цвѣтокъ здѣсь не простой—„эдакой“ или „аленькій цвѣтокъ“, а съ изображеніемъ гроба царевича Адама; чудовище (крылатый змѣй съ тремя головами), въ образѣ котораго русская сказка знаетъ самого „заклятого царевича“, въ армянской обособилось въ отдѣльное дѣйствующее лицо, а царевичъ Адамъ является „заколдованнымъ“ въ томъ смыслѣ, что на 8 лѣтъ превращенъ въ мертвеца и заключенъ въ горѣ. Его бракъ съ Цагинѣ составляетъ лишь сторонній эпи-

*) Сюда же относится, по своему началу, сказка про „Перушко Фириньта-асна-сокола“ (Аванасевъ, кн. II, стр. 408, вар. b. Литературу этой сказки см. въ кн. IV, стр. 301 и д.).

зодъ, не имѣющій никакой связи съ уничтоженіемъ лежащаго на немъ заклятія. Къ древнему мифическому сюжету, который въ русской сказкѣ выразился въ болѣе примитивномъ видѣ, въ армянской редакціи мы видимъ совершенно постороннія прибавки: въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является мать чудовища—*Зана*; преслѣдуемую чудовищемъ дѣвушку скрываетъ гора *Малый Араратъ*; чудовище убиваетъ архангелъ *Гавриилъ*, а чары съ царевича Адама снимаетъ *апостолъ Павелъ*; наконецъ, и Цагигъ, и царевичъ Адамъ сознаютъ себя *христіанами*, и на этой почвѣ, собственно, происходитъ ихъ сближеніе. Однимъ словомъ, въ армянской сказкѣ отразилось очень сильно церковно-христіанское вліяніе.

Гораздо слабѣе слѣды этого вліянія въ трехъ послѣдующихъ сказкахъ: *Царевичъ, отданный Дѣрвину* (стр. 99—107), *Хыръ-хыръ-Бѣса* (стр. 107—116) и *Отцовское завѣщаніе* (стр. 116—126).

Первая изъ этихъ сказокъ представляетъ очень много общаго съ дагестанскою сказкою „*Арсланъ-ханъ и Батыръ-ханъ*“ („Сборникъ“, выпускъ II, отд. II, стр. 121—128), такъ-что въ первой своей половинѣ онѣ разнятся лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, на примѣръ, въ нашей сказкѣ отъ яблокъ, данныхъ дервишомъ, рождаются только дѣтн-близнецы, а въ дагестанской, кромѣ Арсланъ-хана и Батыръ-хана, рождаются еще отъ лошади два жеребенка и отъ собаки два щенка; въ нашей сказкѣ дервишь, превращаясь въ великана, способнаго перешагнуть море, уноситъ царевича *за море*, въ дагестанской же сказкѣ—просто въ желѣзный замокъ; наставленіе, какъ отдѣлаться отъ дервиша, въ нашей сказкѣ даютъ царевичу тигры, а въ дагестанской это дѣлаетъ черепъ, найденный Арсланъ-ханомъ на дорогѣ и т. д. Но вслѣдъ за эпизодомъ, въ которомъ рассказывается о сожженіи дервиша, обѣ сказки очень сильно расходятся: въ нашей редакціи юноша остается въ замкѣ дервиша, завладѣвъ его совровищами,

и впоследствии дѣлается известнымъ своему отцу послѣ троекратнаго разгрома враговъ его и доставленія ему молока тигровъ; во второй, послѣ уважнаго эпизода, начинается рассказъ про то, какъ царевичъ, поступивъ къ одному царю въ садовники, дѣлается затемъ его, доблестью приобретаеъ любовь тестя своего и, наконецъ, отысканъ своимъ братомъ. Такимъ образомъ, вторая сказка своєю серединою примыкаетъ уже къ иному типу. Но въ подробностяхъ и здѣсь сохраняется нѣкоторое сходство, напр.: въ рассказѣ про излѣчение больного царя *молокомъ царицы тигровъ* или *молокомъ львицы* и т. п. Почти также близко подходитъ къ нашей сказкѣ и татарская сказка: „Авилъ-Касимъ и Авилъ-Мамадъ“ („Сборникъ“, в. III, отд. II, стр. 118—124). „Звѣриное молоко“, какъ цѣлебное средство, знаетъ и русская сказка (Сравни. у Асан. „Нар. р. ск.“, кн. II, стр. 198—221). Рассказъ о троекратномъ разгромѣ царевичемъ непріятелей сильно напоминаетъ конецъ бѣлорусской сказки: „Масенжны-дядоць“ (тамъ же, кн. I, стр. 256—259).

Вторая изъ названныхъ выше сказокъ, **Хыръ-хыръ-Кёса**, по общему замыслу своему, подходитъ къ типу сказокъ, предметомъ которыхъ служитъ борьба Ивана-царевича, богатровнича, съ Кощеємъ. Хыръ-хыръ-Кёса, рисуется здѣсь настолько ясно, что въ тождествѣ его съ Кощеємъ едва ли возможно сомнѣваться: онъ похититель *красоты*, имѣющій въ плѣну у себя, въ *подземномъ* царствѣ, трехъ красавицъ; онъ владѣетъ дивнымъ конемъ, выносящимъ царевича-побѣдителя Кёсы на верхній свѣтъ; самое имя Хыръ-хыръ-Кёсы такъ близко подходитъ къ русскому Кощею, хотя значеніе его совсѣмъ другое (безволосый или безбородный *)). Интересно

*) Отсутствіе волосъ, какъ атрибутъ дурного человѣка, см. въ сказкѣ „Чип-лагъ“ (VII в. „Сборника“, стр. 191: *плышавая* Мясма) и въ русской „О молодцѣ-удальцѣ“ (вар. f: „Макарка *плышовой*“, Асанасевъ „Народ. русск. сказки“ кн. II, стр. 57).

сопоставить здѣсь эпитетъ Кёсы, встрѣчаемый въ сказкѣ Меликъ-Мамедъ, *Джансызъ-Кёса* (См. отд. II, стр. 316). Не меньше того знакомыми являются и разные детали этой сказки: сюда относятся яблоки, которыя такъ напоминаютъ дающія бессмертіе „молодильныя“ или „моложавыя“ яблоки русской сказки; умерщвление Кёсы съ помощью дѣвицы, отрывающей, что *сила* Кёсы находится въ бутылкѣ, имѣетъ полную аналогію съ подобными же указаніями русскихъ сказокъ относительно *смерти* Кощея и сказокъ другихъ индоевропейскихъ народовъ относительно *смерти* великановъ и другихъ чудовищъ, равносильныхъ ему (см. Ае. Нар. р. ск., кн. IV, стр. 163—166). Только данная связка минуетъ ту сложную цѣпь перемѣщенной души Кощея, каковую мы встрѣчаемъ въ русской сказкѣ, или въ помѣщаемой ниже (отд. II, стр. 308—318) татарской сказкѣ „Меликъ-Мамедъ“ (Сравни также въ X вып. „Сборника“ мингрельскую сказку: „О царевичѣ и воспитанникѣ идеми“, отд. II, стр. 285—287). Она ставитъ его смерть въ зависимость лишь отъ одного предмета: отъ *бутылки*. Конецъ сказки „Хыръ-хыръ-Кёса“ всего ближе стоитъ къ первому варианту русской сказки „О Кощѣѣ“, напечатанному въ I кн. „Нар. русск. сказокъ“ Аванасьева (стр. 444—451, буква *а*) и къ сказкѣ „Норка-звѣрь“ (тамъ же, стр. 293—299). Любопытно конецъ этой сказки сравнить съ окончаніемъ разобранной выше сказки: „Похожденія царевича Георгія“. Герой послѣдней выбирается изъ подземнаго царства съ помощью *благаго барана*; роль послѣдняго въ данной сказкѣ выполняетъ *конь* Кёсы. Нѣкоторыя заключительныя подробности сближаютъ её со слѣдующей за нею сказкой: „Отцовское завѣщаніе“, о которой уже сказано было выше.

Сказка: „Гемать“ (стр. 128—130), раскрывающая идею о рокѣ, котораго ничѣмъ нельзя отвратить, близка къ легендѣ о Соломонѣ Мудромъ, помѣщаемой ниже (стр. 330—331): оба рассказа разнятся лишь обстановкою и способомъ развитія

своей главной мысли. Та же самая мысль раскрывается въ татарской сказкѣ: „Отъ судьбы не уйдешь“ (VI выпускъ „Сборника“, отд. II, стр. 88—94) и въ сказкѣ: „Честность или розовый вустъ“ (выпускъ VII, отд. II, стр. 223). Совершенно однородна съ нашею связкою по замыслу, только гораздо сложнѣе и обильнѣе подробностями, сказка „О богачѣ Азизѣ и его рабѣ Мирзѣ“ (смотри о ней ниже): Азизъ никакъ не можетъ помѣшать Мирзѣ жениться на его дочери, какъ это опредѣлено судьбою, подобно тому, какъ въ данной сказкѣ хозяинъ сокровища не въ силахъ воспрепятствовать плотнику Ивану овладѣть его деньгами. Въ послѣдней обращаетъ на себя вниманіе также роль *змѣи*, хранительницы сокровища. Повѣрье о томъ, что змѣи владѣютъ неслѣтными сокровищами, преимущественно драгоценными камнями, очень распространено на Кавказѣ. Такъ, во II выпускѣ „Сборника“ указывается на существованіе этого повѣрья у армянъ (отд. II, стр. 47 и 48); въ грузинской сказкѣ „О змѣѣ-царѣ“ (вып. IX, отд. II, стр. 181—182) рассказываетъ, что змѣи платятъ своему царю дань, подноси ему „на триста-твали“, т. е. драгоценные камни, съ помощью коихъ исполняются всѣ человѣческія желанія, и человѣкъ дѣлается способнымъ понимать языкъ птицъ и звѣрей; повѣрье относительно того, что змѣи владѣютъ подземными сокровищами и даромъ разумѣть птицій языкъ, встрѣчаемъ и у татаръ (см. сказку: „Овчи-Пиримъ“; тамъ же, выпускъ VII, отд. II, стр. 98—99, 101—103). Въ нашемъ выпускѣ, въ армянской сказкѣ: „Неблагодарность“, есть замѣчаніе, что „змѣи знаютъ, гдѣ хранятся драгоценные камни“, и здѣсь говорится, что змѣя принесла крестьянину, въ вознагражденіе за свое спасеніе, драгоценный камень. Преданія о змѣяхъ, хранителяхъ подземныхъ сокровищъ, въ литературахъ другихъ индо-европейскихъ народовъ указываетъ А. Н. Афанасьевъ въ IV книгѣ своего сочиненія: „Народныя русскія

сказки“ (стр. 323—329), въ замѣтѣхъ по поводу сказокъ: „Птичій языкъ“ и Охотникъ и его жена“.

Въ армянской сказкѣ, озаглавленной: **Лисица** (стр. 130—140), главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является эта послѣдняя: въ благодарность за то, что обездоленный судьбою царевичъ принялъ и кормилъ ее и другихъ звѣрей, которыхъ она собрала вокругъ себя, лиса съ помощью волка, коршуна и медвѣдя сперва женить его на одной царевнѣ, а потомъ уничтожаетъ попытки отца этой царевны возвратить свою дочь. При всемъ разнообразіи и множествѣ сказокъ о хитрости лисы, мы не можемъ указать между ними таковой, которая близже подходила бы къ нашей: правда, лиса въ роли свахи упоминается и въ другихъ сказкахъ, но этотъ сюжетъ развивается въ нихъ при совсѣмъ иной обстановкѣ, дающей больше простора для обнаруженія лисей хитрости; таковы, напр., русскія сказки про Бухтана Бухтановича и Кузьму Скоробогатаго (см. Ае. „Нар. р. сказки“, кн. I, стр. 500—510) и аварская: „Букучиханъ“ („Сборникъ свѣд. о кавк. горахъ“, вып. II: „Аварскія сказанія“, стр. 45). Въ сказкѣ про Кузьму Скоробогатаго фигурируютъ, кромѣ лисы, разные звѣри, и въ числѣ другихъ волкъ и медвѣдь, но не въ качествѣ ея союзниковъ, а въ качествѣ жертвъ ея коварства. Что касается эпическихъ приѣмовъ нашей сказки, то здѣсь обращаетъ на себя вниманіе роль злой старухи, похищающей новобрачную, и своеобразный способъ ея передвиженія въ летучемъ „*карасъ*“ (кувшинѣ), напоминающемъ *стуну*, въ которой путешествуетъ Баба-яга. Роль старухи въ рассказѣ имѣетъ сходство съ однимъ изъ эпизодовъ сказки „Невѣста-всадникъ“ („Сборникъ“, выпускъ VII, отд. II, стр. 81 и 82): здѣсь также коварная старуха, обласканная новобрачными, увозитъ (закупоривъ въ бочку) прекрасную царевну. Заслуживаетъ вниманія въ нашей сказкѣ, между прочимъ, и то, что лиса не имѣетъ того *своекорыстнаго лукав-*

ста, какимъ запечатлѣнъ ея образъ въ эпосѣ индо-европейскихъ народовъ, и, напротивъ, является безкорыстнымъ и благодарнымъ слугою царевича.

Осетинская сказка: **Скуной богачъ** (стр. 141—144) ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ оригинальной демонологіей осетинъ: черти представляютъ здѣсь какъ бы одну семью; у нихъ есть старуха-мать; черти рождаются и умираютъ; сатана, повидному, сама среди этихъ особаго рода существъ, подверженныхъ, подобно людямъ, разнымъ страданіямъ. Отношенія между людьми и этими существами также оригинальны: богачъ старается задобрить сатану, и черти за услугу щедро платятъ ему; дружба съ сатанинскимъ міромъ не ухудшаетъ богача, а, напротивъ, способствуетъ нравственному его улучшенію: онъ становится добръ и гостепріименъ. Съ этимъ своеобразнымъ взглядомъ на демоновъ любопытно сравнить имеретинскія повѣрья относительно вѣдьмъ: послѣднихъ имеретинъ представляетъ гораздо болѣе мрачными существами, чѣмъ осетинъ своихъ сатанъ и чертей („Сборн.“, вып. IX, отд. II, стр. 175—180). Сатанъ, какъ существа демоническія, но не безусловно-злыя, знаетъ и армянскій народъ (см. „Сборникъ“, вып. VII, отд. II, 209 стр.): въ сказкѣ „Меликъ-Мамедъ“ упоминается дочь царя-сатаны, пойманная дѣтьми пастуха, съ помощью бурдюка, намазаннаго виномъ.

Лезгинская **Алпабъ** (стр. 145—146) близка къ этого же рода существамъ и стоитъ гораздо ближе къ имеретинскимъ вѣдьмамъ, чѣмъ къ сатанамъ осетинъ. Близкую аналогію съ лезгинскимъ вѣрованіемъ въ Алпабъ представляетъ *halb-Avasi* у татаръ, и самые способы противодѣйствія враждебнымъ дѣйствіямъ той и другой одинаковы („Сборн.“, вып. IX, отд. II, стр. 110). Въ XI кн. „Этнографическаго обзоренія“ встрѣчаемся съ совершенно одинаковымъ вѣрованіемъ у киргизовъ (статья *Ө. Пояркова*: „Изъ области киргизскихъ вѣрованій“, стр. 41—43): киргизская *Албоста*, злой духъ роженицъ,

рисуетса чертами, близкими къ халь-Анаси и къ Алпабъ: высокій ростъ и необычайно-длинные груди, какъ у халь-Анаси; длинные волосы до земли, какъ у Алпабъ; способы не допустить Албосту до роженицы (крикъ, шумъ, выстрѣлы) — тѣ же, какъ у лезгинъ, для отогнанія Алпабъ.

Статья: **Отемишскіе пѣры** (стр. 146—151), знакомя съ одною изъ святынь кавказскихъ (собств. дагестанскихъ) магометанъ, въ то же время даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, во что выродилась въ настоящее время нѣкогда грозная и внушавшая правительству серьезныя заботы секта зикристовъ (Сравни статью А. П. Ипполитова во II вып. „Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ“; свѣдѣнія о *зикри*, заимствованныя изъ нея, были помѣщены въ статью А. И. Лилова: „Очерки изъ быта горскихъ мусульманъ“; см. „Сборникъ“, вып. V, отд. II, стр. 26—28).

Нѣкоторыя повѣрья мюрагинцевъ (стр. 152—155). Однородный съ находящимся здѣсь этнографическій матеріалъ заключается также въ статьѣ: „Село Татевъ“, одна изъ главъ которой (Отд. I, стр. 111—120) посвящена, между прочимъ, суевѣріямъ и предрасудкамъ армянъ Загезурскаго уѣзда, Елисаветопольской губерніи. Съ указанными здѣсь примѣтами интересно сравнить образцы суевѣрій армянъ, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи (Вып. II, отд. II, стр. 49—56): нѣкоторыя изъ примѣтъ у тѣхъ и другихъ совершенно сходны (ср., напр., №№ 23, 28, 37 и 43 примѣтъ, записанныхъ Н. Григоровымъ, и № 18, 33, 27 и 37 суевѣрій, указанныхъ С. Зелинскимъ). Нѣкоторыя повѣрья и соединенныя съ ними обряды совпадаютъ и съ русскими. Таковъ, напр., обрядъ вспахиванія женщинами руслу рѣки (см. наст. вып., отд. I, стр. 115, № 44); онъ сильно напоминаетъ обрядъ „опахиванія“, совершаемый, хотя и по другому побужденію (по поводу падежа скота), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейск. Россіи. Сюда же можно отнести повѣрья касатель-

но зайца (тамъ же, № 18), чешущейся ладони (№ 41), плыванія въ воду (№ 48), понедѣльника (№ 51), лѣченія ребенка противъ „глаза“ (№ 62; у русскихъ, для окуриванія ребенка, у сглазившаго отрѣзываютъ прядь волосъ, или клочекъ отъ одежды) и т. п.

Преданія и легенды, записанныя въ гор. Баку (стр. 156—166). Первая изъ нихъ, **О праотцѣ Авраамѣ**, принадлежитъ, очевидно, магометанскому міру. Но легенда сохранила основную библейскую черту этого праотца еврейскаго народа, а именно: его вѣрность идеѣ единнаго Бога среди всеобщаго многобожія. Легендѣ не чужда и нѣкоторая романтическая окраска: проповѣдь Авраама и чудо, совершенное для него Богомъ, не въ состояніи поколебать нечестія окружающихъ его язычниковъ, но возбуждаютъ непобѣдимую симпатію къ праведнику у царской дочери, Сары.

Легенды о **Петрѣ Великомъ** свидѣтельствуютъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвела среди кавказскихъ народовъ мощная личность этого государя: по смыслу легендъ, онъ свѣтъ всюду свои благодѣянія и высоко держитъ русское знамя, внушая къ нему уваженіе своимъ друзьямъ и недругамъ; обѣ легенды о Петрѣ Великомъ и первая о **Шахъ-Аббасѣ** выставляютъ Петра и какъ блюстителя правды и законности.

Личность **Шахъ-Аббаса I**, подобно личности Петра, также очень популярна на Кавказѣ: ему приписываетъ мѣстное преданіе множество разныхъ сооружений на Кавказѣ (напримѣръ, „множество“ каравансараевъ по дорогамъ изъ Кубы въ Баку и изъ Сальянъ въ Шемаху и Баку („Списки насел. мѣстъ Росс. имп.“ Вып. LXV, Тифл., 1870, стр. 55). Въ нашихъ легендахъ ему приписывается вѣротерпимость (первая легенда), великодушіе и способность оцѣнить хорошую мысль, хотя бы она расходилась съ его желаніями (вторая и третья легенда). Сюда же подходитъ, по своей главной мы-

сли, и граціозный разсказъ—**Шахъ-Аббасъ и Фараджъ** (стр. 167—172): забавный весельчакъ, нестоимый на разныя выдумки, довольствующійся самымъ скуднымъ заработкомъ,—Фараджъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе Шаха, и въ награду за то безпокойство, которое Шахъ-Аббасъ причиняетъ Фараджю, онъ назначаетъ послѣднему пенсію и дѣлаетъ его, такимъ образомъ, вполне счастливымъ.

Сказка **Ашикъ-Берибъ** (стр. 173—229) относится къ цѣлому ряду подобныхъ же статей, затрогивающихъ одно изъ весьма интересныхъ бытовыхъ явленій Кавказа—*ашикство*. Таковы въ настоящемъ выпускѣ: сказка—**Бешиншъ-огды** (отд. II, стр. 89—91), **Ашикъ-Кырамъ** (стр. 126—128) и замѣтка объ ашикахъ, находящаяся въ статьѣ г. Григорова: **Село Татевъ** (см. отд. I, стр. 109—111). Раньше, въ VII выпускѣ „Сборника“, была помѣщена сказка: „Новрузъ“ (отд. II стр. 164—173), герой которой—ашикъ. Ашикство, какъ бытовое явленіе, обрисовывается въ перечисленныхъ статьяхъ съ полною ясностью: ашикъ есть вдохновенный пѣвецъ-импровизаторъ, получившій свой даръ путемъ божественнаго, сверхъестественнаго воздѣйствія. Такъ, Новрузъ получаетъ призваніе къ ашикству въ сонномъ видѣніи и въ чашѣ воды видитъ образъ своей возлюбленной, Кандаттуры; Керибъ, совершенно неспособный къ ремеслу ашиковъ, по молитвѣ своей, принесенной въ ночь „Кадыра“, видитъ во снѣ Хидиръ-Ильяса, и послѣдній, давъ ему выпить чашу шербета, дѣлаетъ его ашикомъ и указываетъ его возлюбленную, Шахъ-Санамъ. Достигнуть до своей возлюбленной и соединиться съ нею составляетъ цѣль жизни ашика; съ саазомъ въ рукахъ, всюду воспѣвая красоту своей возлюбленной, онъ отыскиваетъ предметъ своей любви. Сила любви ашика такъ велика, что она все побѣждаетъ и отрываятъ ему путь къ сердцу его возлюбленной; ашикъ Кырамъ даже *сгораетъ* въ пламени своей любви, и въ этомъ же пламени сгораетъ и его Асли; ашикъ

Новрузъ, кромѣ Кандаттуры, возбуждаетъ ненобъдимую любовь къ себѣ со стороны Гюлизары и, кромѣ того, ему отдается и Шахъ-Парія; въ Кероба влюбляется, кромѣ Шахъ-Санамъ, ея служанка, Агджа-Кизъ.

Разсматриваемыя сказки различаютъ *истинныхъ* ашиковъ отъ ашиковъ *по ремеслу* и указываютъ превосходство первыхъ. Истинный ашикъ есть особа, можно сказать, священная, неприкосновенная; „ашикамъ вольно высказывать все, что придетъ на мысль“; за равнодушіе къ пѣвцу, просящему приюта, купецъ едва не подвергается побоямъ со стороны молодыхъ людей; въ ашики поступаетъ даже царскій сынъ (Новрузъ); ашикамъ покровительствуетъ самъ Хидиръ-Ильясъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сказкахъ севозитъ иногда и другое отношеніе къ ашикамъ: каждый изъ нихъ, чтобы его не обидѣли въ чужомъ городѣ, нуждается въ сильномъ покровителѣ и, не имѣя такого, затрудняется принять вызовъ на состязаніе; Джалалъ-паша даже сажаетъ Новруза въ тюрьму за то, что онъ сватается за его дочь, и отъ смерти послѣдняго спасаетъ лишь то обстоятельство, что Джалалъ-паша случайно подслушиваетъ его „баяти“ и узнаетъ, такимъ образомъ, что онъ *царскій сынъ*; Керобу также угрожаетъ опасность быть посаженнымъ въ тюрьму за то, что онъ солгалъ пашѣ, и только хорошо слѣтая пѣсня спасаетъ его отъ тюремнаго заключенія.

Сказки неоднократно говорятъ о состязаніяхъ ашиковъ между собою. Такъ, Керобъ въ Тифлисѣ вступаетъ въ состязаніе съ мѣстными ашиками, а въ Алеппо—съ ашиками тамошняго паши и побѣждаетъ и тѣхъ, и другихъ; ашивъ Кешишъ-оглы состязается съ ашикомъ Танджи и, потомъ, съ ашикомъ Алахверды. Въ сказкѣ „Ашикъ-Керобъ“ намѣченъ и самый порядокъ состязанія, вполне совпадающій съ описаніемъ его въ статьѣ г. Григорова (см. отд. I, стр. 110). Любопытна въ этомъ отношеніи сказка про ашика Кешишъ-

оглы: вызвавшій его на состязаніе ашикъ Танджи *отрѣзываетъ головы побѣжденнымъ противникамъ.*

По смыслу сказокъ, ашиество есть явленіе, возникшее не на Кавказѣ, а принесенное сюда съ дальняго магометанскаго Востока. Слово „ашикъ“ (влюбленный, поэтъ) арабскаго происхожденія (отъ арабскаго слова: „эшъ“—любовь); языкъ, на которомъ поются пѣсни ашиковъ, татарскій; имена героевъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ объ ашикахъ, также татарскія *). Но на Кавказѣ это явленіе, можно сказать, акклиматизировалось: статья г. Григорова указываетъ въ Елисаветопольской губерніи цѣлыя деревни, гдѣ жители сдѣлали ашиество своей специальностью; ашикъ Кешишъ-оглы условливается съ ашикомъ Аллахверды пѣть не на татарскомъ, а на армянскомъ языкѣ; Кешишъ-оглы знаетъ Библию наизусть и по воскреснымъ днямъ поетъ для народа священныя пѣсни; сказка „Кярамъ и Асли“, въ лицѣ своихъ героевъ, также отмѣтила сближеніе христіанско-армянскаго и магометанскаго міра,—Кярамъ—сынъ муллы, Асли—дочь священника, и между ихъ отцами такая пріязнь, что они обѣщаютъ одинъ другому поженить своихъ дѣтей, если у одного родится сынъ, а у другого—дочь.

Относительно библиографической стороны печатаемой сказки справедливо сказать, что она *отчасти* извѣстна уже читающей русской публикѣ по пересказу ея, сдѣланному покойнымъ поэтомъ М. Ю. Лермонтовымъ. Но въ своемъ полномъ

*) Интересно, что въ быту киргизовъ есть совершенно однородное явленіе: „ойлянчи“—народные пѣвцы-поэты, на которыхъ они „смотрятъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ смотрѣли арабы на своихъ пѣвцовъ-наѣздниковъ.“ Подобно ашикамъ, ойлянчи, „при пѣніи длинныхъ пѣсней, прерываютъ ихъ разсказомъ, сопровождаемымъ отъ времени до времени легкими аккордами, и потомъ снова смѣняютъ его пѣніемъ“. Въ ряду пѣсней есть также такія, которыя служатъ переходомъ къ драматической поэзіи и представляютъ разговоры двухъ лицъ. У киргизовъ, наконецъ, также устраиваются состязанія народныхъ пѣвцовъ-импровизаторовъ (см. „Этногр. обозрѣніе“, кн. III, стр. 72—88).

объемъ, сколько мы знаемъ, она печатается на русскомъ языкѣ въ первый разъ. Сравнительно съ изложеніемъ Лермонтова нашъ текстъ представляетъ значительныя разности. Такъ, пѣсни Керiba совсѣмъ отброшены поэтомъ; имена дѣйствующихъ лицъ, кромѣ самого Керiba, у него другія; ниня географическія названія прочтены своеобразно (Халафъ вмѣсто Алеппо). Сказка объ ашикъ-Керибѣ, по словамъ Г. Вамбери, весьма популярная въ Турціи и распѣваемая пѣвцами (ашиками) въ кофейняхъ Румелии и Анатолиіи (см. „Этногр. обозр.“, кн. XI: „Кавказско-русскія параллели,“ стр. 5), существуетъ тамъ и въ печати: изданіе ея, сдѣланное въ 1299 г. гижры (т. е. въ 1881 или 82 г.) въ Константинополѣ на турецкомъ простонародномъ языкѣ, озаглавлено: „Повѣсть ашикъ-Керiba“, въ послѣдней прибавленъ также рассказъ „О Тахирѣ и Зехрѣ“. Это изданіе по своему порядку совершенно подходитъ къ нашему: рассказъ о походе Керiba чередуется съ пѣснями его и другихъ дѣйствующихъ въ рассказѣ лицъ и съ нѣкоторыми пояснительными замѣчаніями къ рассказу. Текстъ пѣсенъ Константинопольскаго изданія, по мѣстамъ, *значительно* разнится отъ нашего *).

Что касается вопроса объ отношеніи сказки „Ашикъ-Керибъ“ къ русскому былинному эпосу, то оно съ полною основательностью устанавливается проф. В. Θ. Миллеромъ въ его прекрасной статьѣ „Кавказско-русскія параллели“, напечатанной въ XI книгѣ „Этнографическаго обозрѣнія“ и потомъ вошедшей въ его „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“ (Москва, 1892 года, приложение 1-е). Въ сво-

*) Свѣдѣнія объ этомъ изданіи, а также и разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ относительно ашиковъ обязательно доставлены редакціи учителемъ Закавказской учительской семинаріи Сафаръ-Али-бекъ-Велибековымъ; имъ же выполненъ и трудъ по изданію татарскихъ текстовъ настоящаго выпуска. Редакція считаетъ приятнымъ долгомъ выразить благодарность г. С. А. Велибекову за его содѣйствіе, а также и г. Шерифъ-бекъ-Мирзаеву, которымъ былъ просмотрѣнъ и отчасти исправленъ переводъ вышеназванныхъ текстовъ.

ихъ сужденіяхъ объ этой сказкѣ уважаемый профессоръ опирался на редакцію, сдѣланную Лермонтовымъ, и поставленъ былъ въ необходимость доказывать, что она, „*дѣйствительно народная, а не сочиненная Лермонтовымъ*“. Печатаемый текстъ ея не оставляетъ мѣста для какихъ-либо сомнѣній въ этомъ вопросѣ.

Къ сказкамъ объ ашикахъ примыкаютъ Татарскія пѣсни, помѣщаемыя въ настоящемъ выпускѣ „Сборника“ послѣ татарскаго текста пѣсенъ ашикъ-Кериба (стр. 230—237). Незатѣйливый сюжетъ этихъ пѣсенъ, имѣющей тѣсную связь съ бытомъ простыхъ поселянъ, указываетъ на ихъ народное происхожденіе. Интересно, что двѣ изъ нихъ („Споръ ейлаха съ низменностью“ и „Споръ земли съ небомъ“) имѣютъ форму *состязанія* и, очевидно, предназначаются для выполненія *дум* ашиками,—такъ, какъ это указываетъ г. Григоровъ, говоря о *представленіяхъ*, даваемыхъ ашиками (см. отд. I, стр. 110): „одинъ изъ ашиковъ“, говоритъ онъ, „беретъ роль героя сказки, другой входитъ въ роль его врага, и начинаютъ они ходить по площади, играя на балалайкѣ и распѣвая пѣсни, изъ которыхъ однѣ представляютъ вопросы, а другія—отвѣты на нихъ“. Одна изъ печатаемыхъ пѣсенъ выдвигаетъ еще и третью роль,—примирителя (въ пѣснѣ „Споръ земли съ небомъ“ такимъ является народный поэтъ Шивеста-Аббасъ).

Помѣщаемая далѣе статья: **Селеніе Ивановка** (стр. 238—288), знакомитъ съ положеніемъ русскихъ сектантовъ на Кавказѣ. Заброшенные судьбою на далекую окраину русскаго государства и, притомъ, въ такое время, когда жизнь въ Закавказьѣ была сопряжена не только со множествомъ неудобствъ, но даже и съ опасностями, русскіе сектанты имѣютъ право на вниманіе, какъ болѣе ранніе русскіе поселенцы въ этомъ краѣ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ статьею о поселеніи молоканъ въ Топчахъ и въ Ивановкѣ, приводимъ

слѣдующій, циркулирующій у Тифлисскихъ молоканъ, разсказъ. Онъ заимствуется изъ рукописной тетради, доставленой намъ И. Г. Водопьяновымъ *).

„Въ 1847 году, въ селеніи Борисы (Герусы?) былъ съѣздъ молоканъ (до 200 человекъ) для того, чтобы здѣсь, среди разноплеменнаго азіатскаго народа, не затерять свою вѣру и русскую націю. И на соборѣ было предложено: кто первый и куда поселился изъ молоканъ? Первымъ былъ признанъ всѣмъ соборомъ Гурей Петровичъ Петровъ; пріѣхавъ онъ въ 1833 году изъ Тамбова, поселился на Базаръ-чаѣ“. За нимъ, говоритъ рукопись, прибыло „нѣсколько семей“ и, „по указанію его“, поселились близъ Шуши, въ селеніи „Борисы“. „Въ 1836 году прибыло изъ Россіи 700 душъ (120 семей). По распоряженію начальства, эти молокане были поселены въ селеніи Топчи, на адскомъ мѣстѣ; эти Топчи были пропастью и гибелью молоканъ отъ тяжелаго климата... Прожили тамъ 12 лѣтъ, и постоянно много было новыхъ переселенцевъ, и поселялись тамъ. И въ 12 лѣтъ похоронили тамъ болѣе 2000 душъ. Черезъ такую общую гибель старцы просили начальство, чтобы переселить ихъ на легкой климатъ, на другое мѣсто. Начальство сего не уважило **). Въ 1846 году Богомъ благословенный свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ проѣздомъ осматривалъ Закавказскій край. Старцы наши селенія Топчи, 20 человекъ, пришли въ селеніе Карамарьянъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать... князь. Къ нему обратились съ просьбою, чтобы переселить ихъ съ Топчи на легкой климатъ. Воронцовъ сжалился надъ ними,—указалъ имъ легкой климатъ и хорошую землю, и выселилъ, и поселилъ въ 1846 году, и назвалъ селеніе своимъ именемъ: Воронцов-

*) Рукопись заглавія не имѣетъ и писана скорописью.

***) Пропускаемъ восхваленіе погибшихъ здѣсь молоканъ, какъ страдальцевъ „за вѣру“.

ка *). Также нѣкоторые изъ Топчи поселились въ Алты-агачъ **)».

Не лишены также интереса сообщаемая рукописью свѣдѣнія о молоканскомъ соборѣ и молоканскихъ толкахъ. Приводимъ и эту часть рукописи.

„Ежегодно быстро распространялись селенія молоканскія по Закавказью. Черезъ такой большой наплывъ изъ Россіи молоканъ, изъ разныхъ губерній, стали проявляться раздѣлы и несогласія въ религіи между собою. Нужно было сдѣлать общій соборъ, для разсмотрѣнія сего дѣла. И бытъ соборъ въ селеніи Семеновѣ ***) въ 1866 году, на Троицу; съѣздъ былъ въ тысячу человекъ: изъ разныхъ церквей молоканскихъ пресвитеры, старцы, чтецы на соборъ пріѣхали; у каждаго своя изложенная тетрадь со ссылкой на священное писаніе; но болѣе выдавались... послѣдователи ученію Семена Матвѣевича Увлеина, который основалъ свое ученіе истинной золотой серединой. Другіе называли себя *духовными*, т. е. *прыцны*: отъ духа пляшутъ; другіе назывались *кроткими*: болѣе въ жизни держатся вротости; другіе называли себя *общими*, т. е.,—чтобы имѣнія всего общества были всѣхъ, общія; другіе назывались *назорями*: отращивали себѣ длинные волосы и всегда находились въ богослуженіи; другіе настаивали, чтобы *праздники праздновать еврейскіе*, потому что еврейскіе праздники праздновать Христось и св. апостолы, а въ евангеліи нигдѣ не указано, чтобъ отмѣнить еврейскіе праздники и праздновать настоящіе христіанскіе... И всѣмъ соборомъ утверждено и укрѣплено ученіе Увлеина... Но учителя тѣхъ расколовъ существуютъ до настоящаго времени“.

*) Въ Тифлисской губерніи, Борчалинскомъ уѣздѣ, на Лорійской степи.

**) Въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, на перевалѣ.

***) Въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, верстахъ въ 8 отъ сѣверо-западной оконечности озера Гокчи.

Въ заключеніе, считаемъ умѣстнымъ напомнить публикѣ о прекрасной статьѣ покойнаго историка нашего Н. И. Костомарова, посвященной быту молочанъ (см. его „Историческія монографіи и изслѣдованія“, т. XII, стр. 433—462: „Воспоминанія о молочанахъ“). По вопросу о бракѣ у молочанъ въ ней говорится слѣдующее: „Бракъ у молочанъ безъ всякихъ обрядовъ: молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе дѣвицѣ, получаетъ ея согласіе, тогда испрашиваетъ благословеніе родителей; сходятся, по условію, въ домъ жениховыхъ или невѣстныхъ родителей; приглашаются свидѣтели; новобрачные получаютъ взаимное благословеніе отъ родителей жениха и невѣсты, и бракъ совершенъ. Свадебныхъ церемоній нѣтъ вовсе“ (стр. 452). Сообщаемыя въ статьѣ г. *Калашева* свѣдѣнія, очевидно, расходятся съ этимъ извѣстіемъ: *обрядъ*, сопровождаемый *установленными* молитвами, у молочанъ *совершается*, и нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ читаетъ „пресвятеръ“. Къ этому можемъ прибавить, что въ молитвенникѣ П. И. Лезина мы имѣли случай познакомиться и съ другими *обрядами* молочанъ.

Сказка, озаглавленная: *Чортъ и баба* и слѣдующая за описаніемъ с. Ивановки (стр. 289—291), принадлежитъ къ обширному циклу сказаній „о злыхъ женахъ“. Таковы, напр.: „Жена спорщица“ въ VII выпускѣ „Сборника“ (отд. I, стр. 123—125) и „Злая жена и чудовище“ въ XII выпускѣ (отд. I, стр. 106—111); у Аванасьева („Нар. рус. сказки“, кн. III) находимъ цѣлую группу сказокъ, посвященныхъ „злымъ женамъ“, которыя своимъ нравомъ способны отравить жизнь даже и самому дьяволу. Нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ заключаютъ много сходнаго съ концомъ нашей сказки: въ нихъ также рассказъ сводится къ тому, что злая баба становится пугаломъ для бѣсы, и онъ бѣжитъ безъ оглядки при словѣ „баба“ или „злая жена“ (Ср. изъ сказокъ этого порядка варианты а и с). Но начало нашей сказки, по сравненію съ

другими, является оригинальнымъ и указываетъ новую черту „злой жены“: способность платить зломъ за сдѣланное для нея добро.

Въ легендѣ: **Иисусъ Христосъ съ ап. Павломъ въ гостяхъ у мужика** (стр. 291—294) встрѣчаемъ тотъ же мотивъ, какъ и въ рачинской сказкѣ: „Старикъ нищій и три брата“, а именно: мысль, что Богъ вознаграждаетъ за гостеприимство. Въ нашей легендѣ мотивъ этотъ звучитъ слабѣе, чѣмъ въ рачинской сказкѣ, хотя въ послѣдней онъ является и на второмъ планѣ. Печатаемую легенду можно сравнить со сказкою: „Убогій“ (Аванасьевъ, „Нар. русск. сказки“, в. III, стр. 244); послѣдняя имѣетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ нею: подобно нашему мужику, въ названной сказкѣ „Нестѣрка“, у котораго дѣтей „шестѣрка“, ѣздитъ „по міру“ и встрѣчаетъ по дорогѣ „убогаго“; по неотступной просьбѣ послѣдняго, Нестѣрка сажаетъ его къ себѣ въ повозку и заботится о немъ, какъ о своихъ дѣтяхъ; въ награду за это „убогій“ дѣлаетъ его обладателемъ двѣнадцати возовъ серебра, принадлежащихъ разбойникамъ.

Сказка **Трусъ** (стр. 295—297) развиваетъ мысль о томъ, что счастье дается противъ воли и даже вопреки талантамъ: презрѣнный трусъ, за трусость прогнанный своею женою и по трусости назвавшійся колдуномъ, *благодаря именно этому* приобретаетъ почетъ и богатство. Начало этой сказки, хотя и въ слабой степени, напоминаетъ начало же другой, помѣщенной подъ тѣмъ же заглавіемъ въ VI выпускѣ „Сборника“ (Отд. II, стр. 109 и дал.).

Сказка „О богатѣ Азизѣ и его рабѣ Мирѣ“ (стр. 297—301) высказываетъ мысль о неизбежномъ рокѣ и съ этой стороны принадлежитъ къ группѣ другихъ кавказскихъ сказокъ, какъ это было уже замѣчено раньше (стр. XVII), по поводу сказки „Гемать“. Сравнивая ее съ русскими подобными сказаніями, находимъ, что она очень близка къ сказкѣ „О Мар-

въ Богатомъ и Василии Безсчастномъ“ (Ае. „Нар. русск. сказки“, кн. III, стр. 109—117 и кн. IV, стр. 425—436); вторая часть послѣдней (см. вариантъ подъ буквою а), въ которой разсказывается, какъ Василій Безсчастный, уже будучи зятемъ Марка, отправленъ послѣднимъ къ „царю-Змію“, представляетъ близкую аналогію съ нашею сказкою: Василій Безсчастный, подобно Мирзѣ, дорогою получаетъ порученіе отъ дуба, который стоялъ триста лѣтъ,—отъ перевозчика, который перевозилъ черезъ рѣку уже тридцать лѣтъ,—отъ рыбы-вита, что лежитъ черезъ море. Подобно Мирзѣ, вмѣсто гибели, которую готовить ему тесть, онъ находитъ несчетное богатство, съ которымъ и возвращается домой. Но, при сходствѣ общей мысли и плана, въ подробностяхъ этихъ сказокъ есть громадная разница. Кавказскій пересказъ, вообще, мягче и не имѣетъ тѣхъ грубыхъ штриховъ, которые замѣтны въ русской сказкѣ. Такъ, Азизъ не желаетъ брака своей дочери съ Мирзою не потому, что послѣдній *бѣденъ*, а потому, что онъ *рабъ*. Отправляя Мирзу къ Зорабу, чтобы послѣдній его погубилъ, Азизъ думаетъ, что, можетъ быть, не нужно будетъ этого злодѣянія,—что, быть можетъ, онъ *погибнетъ въ дорогѣ*. Сказка заканчивается въ примирительномъ духѣ—мудрымъ приглашеніемъ Зораба, чтобы Азизъ покорился судьбѣ. Въ русской сказкѣ, рядомъ съ борьбою Марка Богатаго противъ судьбы, мы видимъ еще другой мотивъ: *жадность* его къ деньгамъ, и онъ погибаетъ, какъ жертва своей жадности.

Разсказъ: *Блѣвотникъ* (стр. 301—303) составляетъ вариантъ сказки о хитрой бабѣ, помѣщенный Шлейхеромъ въ его *Litanische Märchen* (стр. 50—53; ср. Аеан. „Нар. рус. сказки“, кн. IV, стр. 528—529); только въ нашемъ разсказѣ дѣйствіе переносится совершенно въ иную обстановку, и весь смыслъ разсказа получаетъ другую окраску: въ литовской сказкѣ роль нашего клеветника выполняетъ „старая баба“; она беретъ за пару новыхъ лаптей и пару башмаковъ поссорить

супруговъ, живущихъ такъ дружно, что и самъ чортъ не могъ поселить между ними раздора; средство для достиженія своей цѣли баба употребляетъ то же, какъ и нашъ клеветникъ; смыслъ разсказа выражается приговоромъ, который высказываетъ чортъ относительно старухи: „ты куда хитрѣе и лукавѣе меня!“ Нашъ разсказъ упираетъ на жадность чловека, который купилъ клеветника, заставившую забыть объ осторожности; въ подробностяхъ разсказа отразились нравы Востока: рабовладѣнне, работорговля, родовая месть.

Сказка **Хархали** (стр. 305—308) есть вариантъ напечатанной во II выпускѣ „Сборника“ дагестанской сказки „Тамбій“ (отд. II, стр. 129—132): подобно Тамбю, Хархали дурачить односельцевъ и обогащается на счетъ людской глупости; подобно тому, какъ Тамбій пользуется, между прочимъ, для своей наживы трупомъ матери и, потомъ, обманомъ заставляетъ раздѣлываться за себя довѣрчиваго пастуха, такъ точно и Хархали. Тѣмъ не менѣе разница между тѣмъ и другимъ вариантами значительна. Въ дагестанской сказкѣ завязка совсѣмъ иная,—Тамбій начинаетъ съ глупости, а потомъ уже и самъ дурачить другихъ; онъ отводитъ своего единственнаго барашка въ лѣсъ, гдѣ его съѣдаетъ волкъ; когда же Тамбій, мстя, за барашка, излавливаетъ волка, то послѣдній, прося о пощадѣ, общаетъ за это пригнать ему цѣлое стадо овецъ. Завязка нашей сказки совсѣмъ другая: Хархали, по бѣдности, нанимается къ односельцамъ въ пастухи, но пасетъ ихъ стадо очень невнимательно; месть односельцевъ за причиненные такимъ образомъ убытки и составляетъ завязку разсказа. Далѣе, въ сказкѣ „Тамбій“ нѣтъ эпизода съ сожженіемъ дома и продажею угля отъ сгорѣвшаго дома. Точно также и конецъ нашей сказки иной: въ дагестанской сказкѣ разсказывается, что всѣ односельцы, кромѣ одной дѣвушки, на которой впоследствии женился Тамбій, потонули, будучи брошены послѣднимъ въ море, для приобрѣтенія овечьихъ стадъ. Въ

нашей же отъ потопленія уцѣлѣли-было два муллы, какъ болѣе умные изъ односельцевъ Хархали, но и тѣхъ погубилъ онъ потомъ посредствомъ новой хитрости. Ближе, чѣмъ „Тамбій“, къ нашей сказкѣ стоитъ другой вариантъ ея, напечатанный въ VII выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ герцахъ“: здѣсь рассказъ связанъ съ предсловутою личностью муллы Насръ-Эддина и сказка озаглавлена такъ: „Мулла Насръ-Эдинъ въ борьбѣ съ роднымъ ауломъ“ (смотри „Даргинскія сказанія о муллѣ Насръ-Эдинѣ“, IV). Но и въ сравненіи съ послѣднимъ нашъ вариантъ представляетъ въ подробностяхъ немалую разницу. Приключенія Насръ-Эддина начинаются съ того, что почетные жители аула, гдѣ обиталъ онъ, обращаютъ его домъ въ отхожее мѣсто, а мулла собираетъ эсверемнты и, высунувъ, продаетъ въ городѣ, какъ порошокъ противъ мышей, выручая на этомъ много денегъ. Другія приключенія Насръ-Эддина совпадаютъ съ приключеніями Хархали, хотя и разнятся во второстепенныхъ подробностяхъ. Конца нашей сказки, однако, среди приключеній его нѣтъ, и рассказъ заканчивается сходно со сказкою „Тамбій“.

Незамысловатый сюжетъ этой сказки является чрезвычайно распространеннымъ и составляетъ достоинствѣ какъ русскаго эпоса, такъ и народныхъ сказаній другихъ индо-европейскихъ народовъ. Изъ русскихъ сюда принадлежатъ двѣ группы сказокъ; одна изъ нихъ у А. Н. Афанасьева носитъ заглавіе: „Мертвое тѣло“ („Нар. русск. ск.“, кн. III, стр. 355 и сл.), а другая—„Шуть“ (тамъ же, стр. 359—371; ср. кн. IV, стр. 502—509). Сказки, имѣющія первое заглавіе, специально рассказываютъ только *однимъ* изъ эпизодовъ нашей сказки: вымоганіе денегъ съ помощью материнскаго трупа, при чемъ послѣднее приключеніе имѣетъ своимъ объектомъ „попа“, который, наконецъ, и хоронитъ трупъ. Сказки второго порядка рассказываютъ множество разныхъ про-

дѣлокъ шута, сопровождаемыхъ обманомъ и вымоганіемъ денегъ; въ числѣ другихъ здѣсь передается и эпизодъ съ трупомъ матери шута, и о томъ, какъ его за всѣ его продѣлки хотѣли утопить, да не утопили. Въ одной изъ нѣмецкихъ сказокъ подобнаго рода передается, въ числѣ другихъ, приключеніе, напоминающее завязку разсказа про юдлу Насръ-Эдина; только здѣсь дуракъ везетъ не порошокъ противъ мышей, а „бочку живой воды старому королю“, чтобы помолодить его.

Сказка **Меликъ-Мамедъ** (стр. 308—318) въ *армянскомъ* пересказѣ была подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатана въ VII вып. „Сборника“ (отд. II, стр. 206—213). Печатаемый въ настоящемъ выпускѣ *татарскій* пересказъ ея настолько обилень своеобразными, характерными подробностями, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. Составъ армянскаго варианта гораздо проще: царь, обладатель семи холостыхъ сыновей, намѣренъ женить ихъ на семи сестрахъ-царевнахъ, а такъ-какъ семи дочерей нѣтъ ни у кого изъ сосѣднихъ царей, и только одинъ изъ нихъ имѣетъ шесть дочерей, то, по совѣту своего младшаго сына, Меликъ-Мамеда, отецъ женить шестерыхъ старшихъ сыновей; по случаю проѣзда свадебнаго поѣзда чрезъ владѣнія царя-змія, Меликъ-Мамедъ попадаетъ къ послѣднему въ кабалу и, по его приказу, долженъ отправиться—добывать дочь китайскаго царя, Гюлизару; отецъ ея старается погубить Меликъ-Мамеда, заставляя его выполнять трудные подвиги (сѣсть шовъ изъ 40 халваровъ рису, выпрясть въ одну ночь амбаръ шерсти и наткать изъ нея ковровъ и подняться на дерево со ставаномъ воды на подносѣ, не проливъ ни капли); въ исполненіи подвиговъ герою помогаютъ муравьи, сатаны и сама Гюлизара. Въ нашей сказкѣ, при тождествѣ общей темы, вводится множество совершенно новыхъ подробностей, такъ что первая половина ея совсѣмъ иная, чѣмъ въ армянской. Вотъ эти подробности: 1) ночная

борьба Меликъ-Мамеда съ тремя дивами—бѣлымъ, чернымъ и краснымъ; 2) встрѣча со старикомъ, мотающимъ нить дня и ночи; 3) избіеніе сорока великановъ; 4) приключеніе, связанное съ мечомъ Меликъ-Мамеда, воткнутымъ въ мраморный камень. Вторая половина нашей сказки, вообще, болѣе близкая къ армянскому варианту, въ разныхъ подробностяхъ, однако, далеко уклоняется отъ него и представляетъ немало новыхъ данныхъ. Такъ, сотрудниками героя являются, кромѣ муравьевъ, не сатаны и Гюлизара, а левъ („ширь“), Зумруть-гуши и кормилица Берхъ-Сачлу-Санамъ; подвиги, совершаемые героемъ, совсѣмъ не тѣ, какъ въ армянской сказкѣ; съ возвращеніемъ Меликъ-Мамеда изъ подземнаго царства соединяется рассказъ о встрѣчѣ съ Джансызъ-Кѣсой, составляющій совсѣмъ новый сравнительно съ армянскою сказкою эпизодъ. Въ цѣломъ татарская редакція носитъ гораздо болѣе сильныя слѣды миѣической старины, чѣмъ армянская, и Меликъ-Мамедъ совершенно опредѣленно рисуется здѣсь, какъ богъ-громовникъ, ведущій побѣдоносную борьбу съ божествами мрака и смерти. Въ своихъ подробностяхъ разсматриваемая сказка имѣетъ много общаго съ русскими сказками. Такъ, напр., столкновение съ Джансызъ-Кѣсой, оплатившимъ Меликъ-Мамеду за свое спасеніе неблагодарностью, напоминаетъ такой же эпизодъ изъ сказки „Марья Моревна“ (Аван., кн. I, стр. 474); роль „Зумруть-Гуши“ имѣетъ аналогію съ ролью „Моголь-птицы“, упоминаемой въ одномъ изъ вариантовъ сказки „О Кощѣѣ“ (вариантъ b): Моголь-птица помогаетъ Ивану-царевичу овладѣть Ненаглядною-Красотою (Аван., кн. I, стр. 456); даже и муравьи въ качествѣ сотрудниковъ Ивана-царевича упоминаются въ одной изъ русскихъ сказокъ („Морской царь и Василиса Премудрая“, вариантъ d; Аван., кн. II, стр. 339): они помогаютъ Ивану-царевичу *обмолотить* въ одну ночь *до единого зерна* триста скирдовъ пшеницы, не ломая скирдовъ и не разбивая сноповъ.

Сказка **Гулчи-ханумъ** (стр. 318—322) принадлежит къ группѣ сказаній, напечатанныхъ А. Н. Аванасевымъ подъ заглавіемъ: „Косоручка“ (Аван. „Нар. русск. сказки,“ кн. III, стр. 31—41; сравн. въ IV кн. стр. 268—277): въ нихъ, обыкновенно, рассказывается объ удивительной судьбѣ доброй золовки, преслѣдуемой злою невѣсткою. Печатаемая въ настоящемъ выпускѣ армянская редакція этой сказки значительно разнится отъ русскихъ по своимъ подробностямъ. Такъ, прежде всего, къ Гулчи-ханумъ не можетъ быть примѣнено названіе „Косоручка“, потому что братъ не отрубаетъ у нея руку, какъ это рассказывается въ однородныхъ русскихъ сказкахъ. Точно такъ же, по армянскому пересказу, братъ отвозитъ сестру не въ лѣсъ, а въ царскій садъ; сынъ, рожденный Гулчи-ханумъ, по выходѣ ея замужъ за царевича, имѣетъ только *золотые* волоса, тогда какъ въ русскихъ сказкахъ Косоручка рождаетъ сына, у котораго „по локоть руки въ золотѣ, по бокамъ части звѣзды, во лбу свѣтель мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце“; въ русской сказкѣ отыскиваетъ своего мужа Косоручка, а въ армянской, наоборотъ, отыскиваютъ несчастную женщину самъ мужъ и ея братъ. Другія подробности сказки живо напоминаютъ „Косоручку“: Гулчи-ханумъ, подобно Косоручкѣ, обвиняется въ умерщвленіи племянника; и въ русскихъ, и въ армянскомъ вариантѣ этой сказки рассказывается одинъ и тотъ-же эпизодъ съ подиѣномъ писемъ; способъ наказанія злой невѣстки также совершенно тождественъ.

Армянская сказка **О семи братьяхъ** (стр. 323—329) по своей темѣ нѣсколько подходитъ къ предыдущей: интересъ рассказа сосредоточивается на судьбѣ младшей, добродѣтельной невѣстки, оклеветанной въ глазахъ мужа старшими, порочными невѣстками. Но развитіе темы въ данной сказкѣ совсѣмъ иное. Ближе стоитъ разсматриваемая сказка къ русской, напечатанной А. Н. Аванасевымъ подъ заглавіемъ: „Диво-дивное,

чудо-чудное" („Нар. русск. сказки", кн. II, стр. 492 и дал.). В послѣдней идетъ рѣчь про одного купца и его жену: жена просить своего отъѣзжающаго мужа привести „изъ ннхъ земель" для нея „диво-дивное, чудо-чудное"; мужъ случайно приобретаетъ *диговиннаго гуса*, котораго можно зажарить и съѣсть и потомъ возродить изъ восточекъ; гусь, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладаетъ и другимъ дивнымъ свойствомъ,—притягиваетъ къ себѣ виновныхъ людей; эффектъ, производимый диговиннымъ гусемъ въ домѣ купца, по возвращеніи его къ своей женѣ, совершенно одинаковъ съ дѣйствіемъ волшебной скатерти въ нашей сказкѣ: гусь разоблачаетъ невѣрность жены купца.

Въ нашей сказкѣ любопытенъ, также способъ, которымъ бывшій табущикъ добываетъ волшебную скатерть. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе *эпическій конь*, получающій мудрость отъ *морского царя* и *игра въ прятки*. Преданія о вѣщихъ и волшебныхъ коняхъ, столь распространенныя среди индо-европейскихъ народовъ, нашли себѣ мѣсто во множествѣ сказокъ (см. Аванасьева „Нар. русск. сказки", кн. IV, стр. 202 и слѣд.); что же касается превращенія морского царя въ коня, то съ нимъ встрѣчаемся въ сказкѣ: „Морской царь и Василиса Премудрая" (вариантъ f: тамъ же, кн. II, стр. 360). Игра въ прятки, какъ эпическій приемъ, встрѣчается, по словамъ А. Н. Аванасьева, „нерѣдко" (тамъ же, кн. IV, стр. 303—307), варьировалъ на множество ладовъ (сравн. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", вып. XII, отд. I, стр. 117—122). Въ нашей сказкѣ герой прячется съ помощью своего коня: въ его торбѣ, изъ которой онъ ѣстъ овесъ,—въ челюсти, на мѣстѣ вынутаго зуба, и, наконецъ, въ хвостѣ, на мѣстѣ выдвинутаго волоса; подобный же способъ спрятаться встрѣчается въ одной изъ норвежскихъ и въ одной хорутанской сказкѣ въ первой герой разсказа сперва, „превратившись" въ комара,

загѣзаетъ въ лѣвую ноздрю своего волшебнаго коня“, а потомъ „дѣлается комомъ грязи и ложится подъ копытомъ его передней ноги“; во второй „добрый молодецъ укрывается въ хвостъ, гривѣ и подъ ногой бурой кобылы“ (Аван. „Нар. русск. сказки,“ кн. IV, стр. 307).

Кромѣ того, изъ деталей сказки заслуживаютъ вниманія *горы, находящіяся въ постоянномъ движеніи, а также птица съ разноцветными перьями.* Первая изъ этихъ диковинъ напоминаетъ классическія симплегады, между которыми приходилось ѣхать аргонавтамъ, или „толкучія горы“ русскихъ сказокъ (тамъ же, стр. 260—261). Вторая же изъ нихъ приводитъ къ вопросу о вѣщихъ и диковинныхъ птицахъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ сказкахъ, напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ „Сборника“. Таковы: Лейлекъ, Гѣгерчинъ и Каракушъ-падишахи въ сказкѣ „Отцовское завѣщаніе,“ коршунъ въ сказкѣ „Лисица,“ Зумруту-гуши въ сказкѣ Меликъ-Мамедъ, Жаръ-птица въ одномъ изъ преданій о Соломонѣ Мудромъ. Сюда же относится „птичка царицы-пери,“ упоминаемая въ сказкѣ о „похожденіяхъ царевича Георгія,“ и „Соловей Едди-тюкли,“ а также и говорящія голуби въ сказкѣ „Отцовское завѣщаніе.“ Диковинныя птицы упоминаются также и во многихъ другихъ кавказскихъ сказкахъ, напечатанныхъ въ предыдущихъ выпускахъ „Сборника“. Такъ, въ сказкѣ „Рустамъ“ (прилож. къ VI вып., стр. 25) упоминается птица, которая выноситъ героя изъ подземнаго въ надземный міръ. Героя сказки „Несчастный садъ“ подобнымъ образомъ выноситъ на свѣтъ „Грифъ-птица“ (Вып. VII, отд. I, стр. 128—141); въ сказкѣ „Судьба“ при подобныхъ же обстоятельствахъ упоминается „Орлица“ (Вып. X, отд. III, стр. 54—61), а въ сказкѣ „Коровій сынъ“—птица „Синамаръ“ (Вып. IX, отд. II, стр. 196—197). Въ сказкахъ: „Сахка-Юсуфъ,“ „Кули-ханъ,“ „Джецаревичъ-Хачи“ и „Джейрана,“ при выборахъ въ цари, встрѣ-

чьемъ „царскую птицу“ или „девять-гуши“ (См. Вып. VII, отд. II, стр. 196—206, 213—219, 223—228 и вып. IX, отн. II, стр. 93). Въ сказкѣ „Ханская дочь и охотникъ“ (Вып. XII, отд. I, стр. 119) „орелъ“ помогаетъ охотнику спрятаться отъ ханской дочери и, держа въ когтяхъ, уносить „въ темныя облака, гдѣ у него было свое гнѣздо“. Такимъ образомъ, роль птицъ въ сказкахъ разныхъ кавказскихъ народовъ вполне тождественна съ тою, какую онѣ играютъ въ русскихъ сказкахъ: онѣ знаютъ и отрываютъ людямъ судьбу и, вообще, сокровенное отъ нихъ; онѣ переносятъ съ мѣста на мѣсто сказочныхъ героевъ, побѣждающихъ чудовищъ; въ случаѣ, когда герой сказки убитъ, онѣ приносятъ „живую“ или „райскую“ воду и оживляютъ его.

Легенды о Соломонѣ Мудромъ (стр. 330—333), помѣщаемыя послѣ сказки „О семи братьяхъ“, имѣютъ связь съ этимъ библейскимъ именемъ лишь внѣшнюю, основанную на представленіи о Соломонѣ, какъ о *величайшемъ мудреци*. Такъ, въ первомъ изъ преданій онъ одерживаетъ побѣду въ спорѣ съ Жарь-птицею, и вѣщая птица вынуждена признать справедливость его ученія о неизбежномъ роуѣ; во второмъ разсказѣ указывается находчивость Соломона, обнаружившаяся въ изобрѣтеніи средства для вразумленія самаго упрямаго и непокорнаго народа; въ послѣднемъ изъ преданій о Соломонѣ мудрость его торжествуетъ даже надъ бѣсовскою хитростью. Любопытно сопоставить съ данными разсказами легенды: „О томъ, какъ сатана вошелъ въ челоуѣка“ и „О Соломонѣ Мудромъ“, напечатанныя раньше въ настоящемъ выпускѣ: въ первой изъ нихъ, наоборотъ, бѣсъ перехитрилъ царя Давида, а во второй надъ Соломономъ одерживаетъ верхъ, по своему остроумію, муравей.

Заключительная статья настоящаго выпуска, *Билить* *),

*) Редакція печатаетъ эту статью тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что этия исполняютъ желаніе, выраженное академикомъ К. Г. Залеманомъ, просматривавшимъ ея въ рукописи.

обращаетъ вниманіе на однихъ изъ самыхъ таѣхъ селъ, захолустныхъ и изолированныхъ самою природою уголковъ Кавказа, гдѣ со временъ отдаленныхъ, среди военныхъ тревогъ и передвиженія народовъ, уцѣлѣла гореть малоизвѣстнаго народа, сохранявшаго и свои древніе патриархальныя нравы, и остатки своего древняго языка.

Учитель 2-й Тифлисской мужской гимназіи

А. Богоявленскій.

ОТДѢЛЪ I.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

города Самшвилде.

Грузинская лѣтопись „Картлисъ-тцхovreба“ приписываетъ основаніе города или крѣпости Самшвилде Картлосу, мифическому родоначальнику грузинъ. Первоначально крѣпость называлась Орби или Орбети, т. е. „страна орловъ“, затѣмъ получила именованіе Самшвилде, т. е. „мѣсто лука“ (снаряда для метанія стрѣлъ). Около 500 лѣтъ до Р. Х. Самшвилде съ окрестною страню былъ пожалованъ знатнымъ выходцамъ изъ Турана (Китая), которые назвали себя по имени города Орбети Орбеліанами и положили начало знаменитому и могущественному въ Грузіи и Арменіи роду князей Джамбакуріанъ-Орбеліани. Начало упадку крѣпкого и населеннаго города Орбети положило нашествіе на Грузію Тамерлана и, затѣмъ, турокъ въ 1578 г. О крѣпости Самшвилде, какъ населенномъ пунктѣ, въ исторіи Грузіи упоминается еще въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія.

Христіанскіе памятники древняго города были кратко и поверхностно описаны въ 1852 г. извѣстнымъ нумизматомъ И. А. Бартоломеемъ въ письмахъ его къ академику Броссе, напечатанныхъ во 2-мъ томѣ „*Mélanges Asiatiques*“ нашей Академіи Наукъ. Исторія города Самшвилде въ связи съ исторіей рода Орбеліани, изложенная по грузинскимъ и армянскимъ лѣтописямъ, находится въ сочиненіи Dubois de Montpéreux „*Voyage autour du Caucase*“ t. IV, pp. 158—188. На таблицѣ XXVI (серія вторая) атласа, приложеннаго къ этому сочиненію, находится видъ города Самшвилде, снятый авторомъ въ 1834 г., съ праваго берега Храма.

Нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Мажниковъ не приложилъ въ своему описанію объяснительнаго плана взаимнаго расположенія храмовъ и городскихъ стѣнъ. Несмотря на близость свою къ Тифлису, городъ Самшвилде извѣстенъ очень мало, и потому такой планъ весьма желателенъ, такъ какъ въ непродолжительномъ времени многіе изъ памятниковъ, по всей вѣроятности, исчезнутъ безслѣдно.

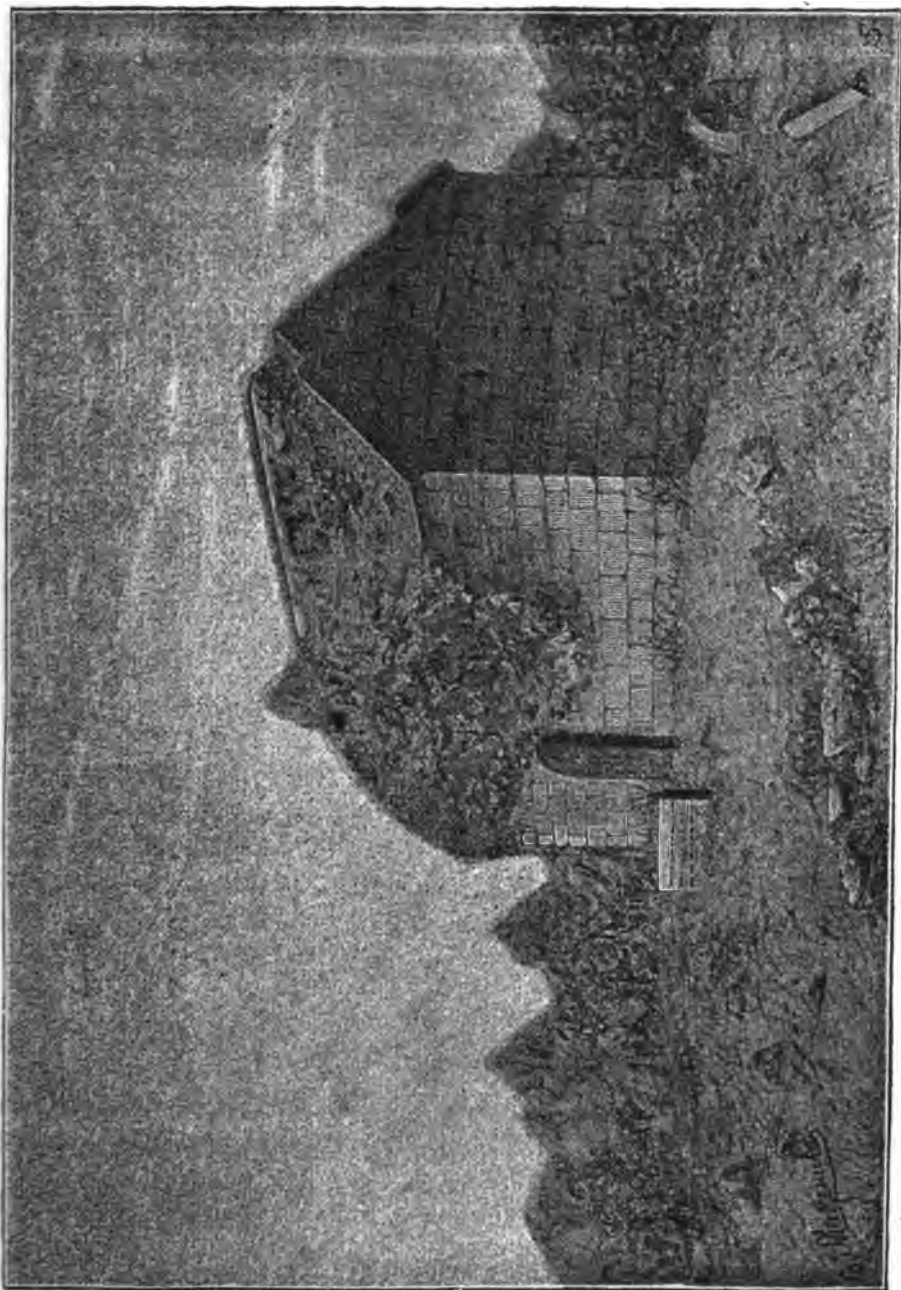
Ред.

Развалины древняго города Самшвилде находятся къ юго-западу отъ г. Тифлиса,—тамъ, гдѣ оканчивается южная часть Триалетскаго плоскогорья и начинается сѣверная часть Сомхетскаго, на мысѣ, образуемомъ сліяніемъ двухъ рѣкъ: Чивчивы *) или Жидовки и Кци или Храма, подъ $41^{\circ}30'$ сѣверной широты и $62^{\circ}11'$ восточной долготы. Ущелья вышеозначенныхъ рѣкъ въ этомъ мѣстѣ доходятъ, приблизительно, до 50 сажень глубины, при чемъ берега ихъ круто спускаются къ русламъ, образуя отвѣсныя, созданныя природой, неприступныя стѣны, и только съ сѣверной части мыса возможенъ доступъ къ развалинамъ. Жителями селенія Новый Самшвилде, живущими на лѣвомъ берегу р. Жидовки, въ настоящее время проложена дорога къ развалинамъ, но и она затруднительна для проѣзда экипажей. Изъ другихъ населенныхъ пунктовъ, кромѣ селенія Новый Самшвилде, къ сѣверо-западу, въ 6 верстахъ отъ развалинъ города, находится урочище Бѣлый-Ключъ, штабъ-квартира 14 Грузинскаго гренадерскаго полка; въ 3 верстахъ, къ сѣверо-востоку—Дагетъ (Хачини), армянское село, и къ юго-востоку, верстахъ въ 8,—нѣмецкая колонія Екатеринфельдъ.

Направляясь къ Самшвилде со стороны Бѣлаго-Ключа,

*) Правильнѣе—Дчивдцара.

Ред.

приходится идти лѣсомъ, состоящимъ изъ дуба, карагача (берестъ), клена, груши, яблони и нѣкоторыхъ другихъ породъ. Версты за двѣ до Самшвилде лѣсъ оканчивается, и открывается долина р. Храма, окаймленная съ южной стороны довольно высокой цѣпью Сомхетскихъ горъ. Долина эта очень богата травой, почему обитатели ея, борчалинскіе татары, почти круглый годъ проводятъ на ней со своими стадами, перекочевывая изъ одной части долины въ другую; нѣкоторые изъ татаръ занимаются разведеніемъ хлопчатника и табачныхъ плантацій, а нѣмцы-волонысты—садоводствомъ.

Почва около Самшвилде, по выходѣ изъ лѣса, изъ тучнаго чернозема переходитъ въ кварцевый трахитъ и къ сѣверу отъ развалинъ города усыпана, какъ градомъ, кристаллами, имѣющими форму двухъ шестигранныхъ пирамидъ, сложенныхъ между собою своими основаніями. У мѣстныхъ жителей существуетъ повѣрье, что кристаллы эти были, дѣйствительно, каменнымъ градомъ, который послалъ Богъ въ наказаніе жителей города Самшвилде за ихъ нечестивую жизнь. Прослѣдивъ этотъ пластъ съ кристаллами, я нашелъ, что онъ тянется къ югу отъ развалинъ города, по направленію къ волоніи Екатеринфельдъ и, далѣе, къ Большойскому ущелью (въ отрогахъ Сомхетскихъ горъ). У самаго города Самшвилде, по лѣвую сторону р. Жидовки, почва лишена всякой растительности, за исключеніемъ кое-гдѣ пріотившагося бустарника съ крѣпкой сердцевинной, который, по преданію, жителями бывшаго города, до изобрѣтенія еще огнестрѣльнаго оружія, употреблялся для выдѣлки стрѣлъ, на что указываетъ и самое названіе Самшвилде, т. е. три стрѣлы, хотя нѣкоторыми это слово производится отъ сами-швили, т. е. три сына.

Городъ Самшвилде въ настоящее время совершенно пустъ, и только въ западной части его, лѣтъ 15 тому назадъ, жители селенія Новый Самшвилде стали разводить виноградные

сады, огораживая ихъ каменными стѣнами изъ обломковъ отъ построекъ древняго города.

Минуя Новый Сампвидде, жителями котораго, какъ уже сказано выше, проложена аробная дорога къ развалинамъ города, приходится спускаться въ ущелье р. Жидовки, впадающей въ трехъ верстахъ отъ селенія въ р. Храмъ. Какъ спускъ, такъ и подъемъ изъ ущелья, весьма затруднительны, по причинѣ каменистаго грунта почвы и выбоинъ, сдѣланныхъ арбами. Выбравшись изъ ущелья на мысъ, до развалинъ города приходится идти еще съ полверсты между каменными стѣнами, ограждающими виноградники жителей Новаго Сампвидде. Для орошенія виноградныхъ садовъ проведена изъ р. Жидовки канава длиною въ 3—4 версты.

По выходѣ изъ садовъ на довольно обширную площадь, на которой былъ расположенъ городъ, встрѣчаемъ первый памятникъ древности,—четыреугольный храмъ, сложенный изъ тесанаго камня и имѣющій въ окружности 10 сажень 6 футовъ (См. рис. 1-й). Стѣны—сплошной кладки, съ внутреннимъ буттомъ и известковою заливкой; крыша—со сватами изъ каменныхъ плитъ. Двери, ведущія въ храмъ, расположены съ южной стороны, онѣ—со сводами; съ южной же стороны находится и узкое окошко въ стѣнѣ безъ колодъ и рамъ, закрытое разросшимся кустомъ инжира, пустившимъ свои корни въ щели стѣны и отверстіе окна. Внутри храмъ имѣетъ форму прямоугольника съ небольшимъ закругленіемъ въ алтарной части; самый же алтарь отдѣляется возвышенной солеей, безъ иконостаса. На солей стоитъ каменный четырехугольный престолъ, завешанный воскомъ свѣчь, иногда приносимыхъ сюда богомольцами. Полъ въ самомъ храмѣ выложенъ тесаннымъ камнемъ и болѣе-чѣмъ на полчетверти покрытъ слоемъ земли и навоза отъ пасущагося поблизости скота, который находятъ въ стѣнахъ храма и защиту отъ непогодъ, и прохладу отъ лѣтняго зноя. Ни внутри храма, ни внѣ его, на стѣнахъ нѣтъ никакихъ украшеній.

Кругомъ храма и къ востоку отъ него расположено городское кладбище, занимающее пространство не менѣе $1\frac{1}{2}$ или 2 десятины. Могильные памятники, которыми покрыто все это пространство, имѣютъ большей частью форму четырехугольных плитъ, какія можно встрѣтить на любомъ кладбищѣ нашего времени, или—форму лежащихъ трехугольных призмъ, или же, наконецъ,—полуокругленныхъ плитъ, поставленныхъ отвѣсно глубоко въ землю, съ высѣченными на нихъ крестами (См. рис. 1-й,—около сѣверо-восточнаго угла храма). На многихъ могильныхъ памятникахъ, какъ видно, существовали надписи, но онѣ отъ времени и атмосферныхъ вліяній положительно сгладились, и вое-гдѣ видны только отдѣльныя части нѣкоторыхъ буквъ.

Къ востоку, саженьяхъ въ 50 отъ кладбища, находится армянская церковь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы. О времени основанія ея не имѣется никакихъ свѣдѣній. Она сложена изъ нетесанаго камня, безъ всякой правильной строительной кладки, какъ-бы на скорую руку, однако съ известковою заливкой. Крыша—простая каменная, полуразрушенная, наверху—съ горизонтальной прямоугольной узкой площадкой. Южная и сѣверная стѣны имѣютъ въ длину, по внѣшнему обмѣру, 22 фута 4 дюйма—каждая, а восточная и западная—по 14 футовъ 11 дюймовъ; высота храма до верхней площадки—14 футовъ 5 дюймовъ и 13 футовъ 3 дюйма—до крыши. На стѣнахъ церкви находятся три узкихъ просвѣта для оконъ: два—въ западной стѣнѣ и одинъ—въ восточной; съ южной же стороны—входныя двери, имѣющія немногимъ болѣе двухъ аршинъ въ высоту и аршинъ съ четвертью въ ширину. Внутреннее пространство церкви занимаетъ не болѣе 4-хъ квадратныхъ сажень, и алтарь—одну квадратную сажень. Этотъ послѣдній отдѣляется возвышенной солеей и большимъ неправильно-цилиндрическимъ камнемъ, который совершенно почернѣлъ отъ копоти свѣчъ, прилѣпляемыхъ къ нему армянами-богомольцами.

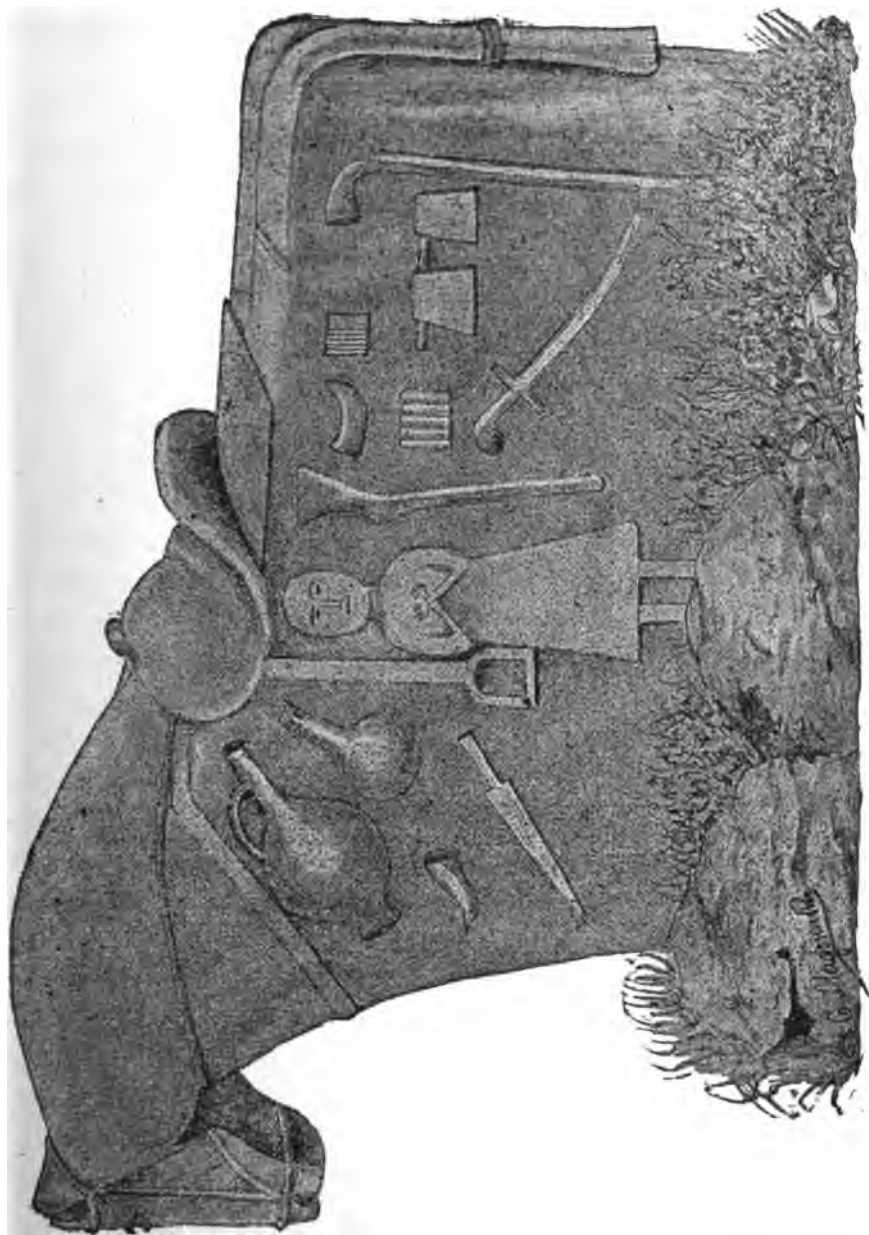
Внутри на стѣнахъ висятъ нѣсколько образовъ, предъ которыми вбиты въ стѣну самыя простыя, незатѣйливой конструкции, желѣзные подсвѣчники для восковыхъ свѣчъ. Сводъ — полукруглый и полъ — каменный.

Въ настоящее время въ церкви этой бываетъ два раза въ годъ богослуженіе на армянскомъ языкѣ: 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы *), и на первый день Фоминой недѣли. Сюда стѣзжаются на поклоненіе святынь, т. е. предалтарному камню, не только армяне-жители окрестныхъ селеній, но и тифлисцы. Въ первый день праздника, предъ литургіей, около самой церкви происходитъ закланіе годовалыхъ барашковъ и пѣтуховъ, при чемъ головы и шкуры первыхъ идутъ въ пользу священника, а мясо раздается, какъ жертва, богомольцамъ. Во время же самаго богослуженія старушки-армянки, нашептывая молитвы и ползая на колѣняхъ вокругъ церкви, обматываютъ ее шерстяными нитями, прикрѣпляя къ послѣднимъ на тряпичныхъ подвѣскахъ небольшіе камешки.

Вокругъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы расположено второе небольшое кладбище. Могильные памятники здѣсь большею частію имѣютъ форму прямоугольныхъ каменныхъ плитъ съ изображеніемъ на нихъ человѣческихъ фигуръ, безъ надписей. Одинъ памятникъ имѣетъ форму коня (См. рис. 3-й), на бокахъ котораго высѣчены изображенія человѣка и различныхъ предметовъ военнаго и домашняго обихода: кувшинъ для воды (сура), сосудъ для вина (кула), рогъ для питья вина (канци), родъ кинжала или наконечника копья, ружье, пороховница, газыри (масра), сабля, два топора или что-то похожее на топоры, пастушій посохъ и еще что-то вродѣ газырей.

*) Вѣроятно, это обстоятельство и дало автору поводъ считать церковь посвященною Успенію Богородицы, такъ какъ никакихъ другихъ доказательствъ въ статьѣ не находится.

О богослуженіи въ этомъ храмѣ на праздникъ Успенія Богородицы см. въ IX вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. II стр. 136—137.

Къ юго-востоку, саженяхъ въ 50-ти отъ церкви Успѣнія Пресвятой Богородицы, почти надъ самымъ обрывомъ въ ущелье рѣки Храма, лежатъ одинъ на другомъ четыре огромныхъ камня, всѣяще въ общей сложности не менѣе 200 пудовъ. Общая высота ихъ до $1\frac{1}{2}$ сажень (См. рис. 4-й). Народное преданіе говоритъ, что первые поселенцы города Самшвилде сочли своимъ долгомъ создать прежде всего жертвенникъ изъ вышеупомянутыхъ четырехъ камней, у котораго и приносили жертвы своему богу *).

Къ востоку, саженяхъ въ 200 отъ той же церкви, находятся остатки городской крѣпости, протянувшейся отъ одной рѣки до другой. Крѣпостныя стѣны сложены изъ камня, съ прочной известковою заливкою и достигаютъ въ высоту до 4-хъ и въ толщину отъ одной до двухъ сажень. По угламъ, съ внѣшней стороны, крѣпость была украшена башнями, и въ одной изъ нихъ, а именно—въ прилегающей къ обрыву ущелья р. Храма, продѣланы въѣздныя въ крѣпость ворота. Дорога, ведущая изъ первыхъ крѣпостныхъ воротъ во вторыя, посредствомъ которыхъ можно попасть и въ остальную часть города, и въ самую крѣпость, проходитъ между наружной стѣной крѣпости и обрывомъ ущелья р. Храма. Въ настоящее время она до того узка, что съ трудомъ можно пробраться по ней даже пѣшеходу.

Внутри крѣпости нѣтъ ни одной уцѣлѣвшей постройки: все превратилось въ груды развалинъ, между которыми виднѣется въ землѣ какъ-бы провалъ, обозначающій, по увѣренію жителей сосѣдняго селенія, начало подземнаго хода къ Храму. Относительно состоянія этого хода мнѣ не удалось собрать у жителей достовѣрныхъ свѣдѣній: одни гово-

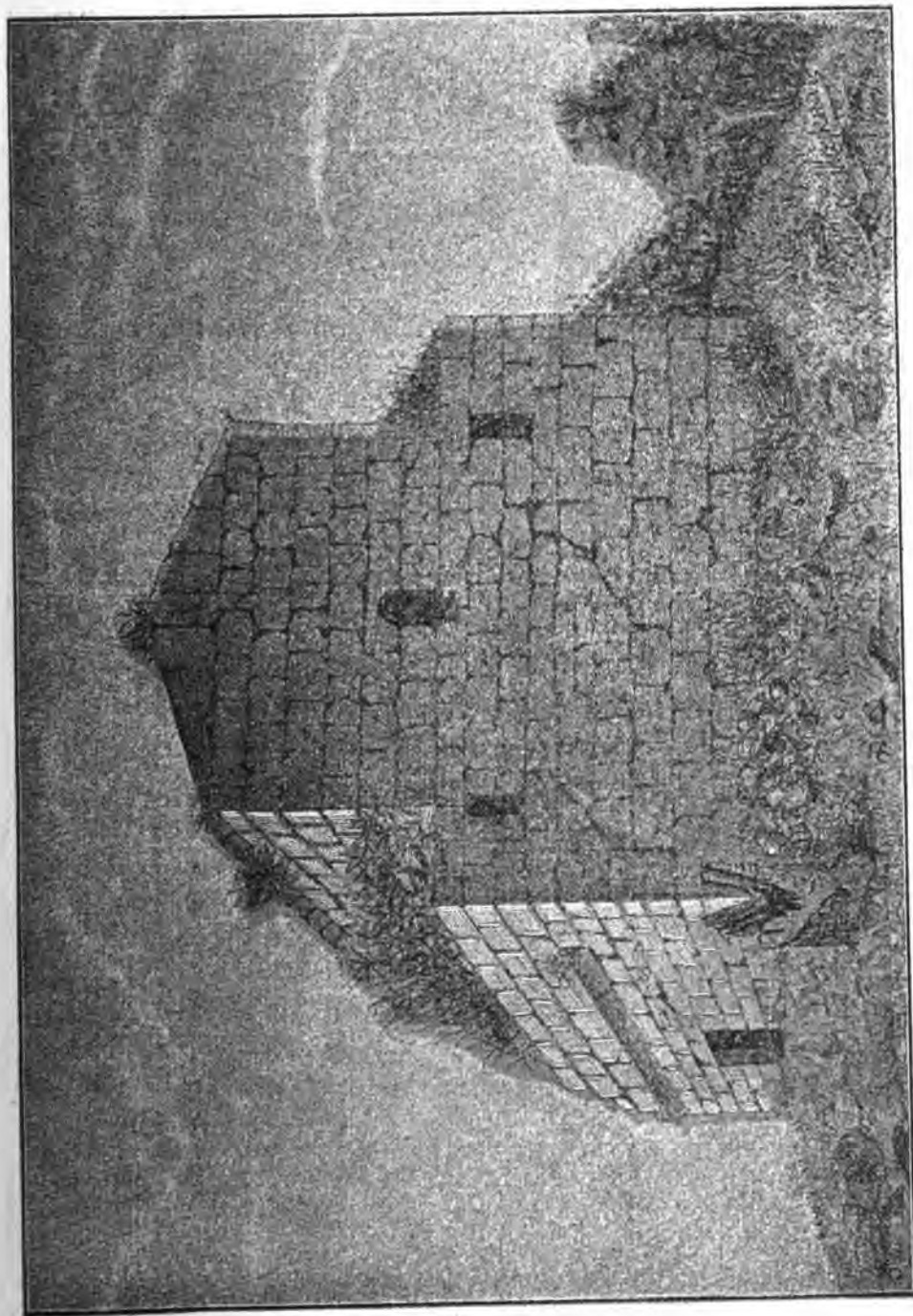
*) Преданіе объ этомъ столбѣ, поставленномъ въ связь съ наименованіемъ селенія города Самшвилде, см. въ IX выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія жѣстностей и племенъ Кавказа“ (Отд. II, стр. 187). Здѣсь говорится, что столбъ состоитъ изъ трехъ камней, и всѣхъ ихъ опредѣляется въ 500—600 пудовъ.

рять, что онъ еще довольно проченъ, другіе же утверждаютъ, что онъ на полъ-пути къ рѣкѣ обвалился. Къ востоку отъ крѣпостной стѣны, какъ и къ западу отъ нея, уцѣлѣли отъ первоначальнаго разрушенія также одни только храмы; прочее все превратилось въ груды камней и мусора.

Церковь (См. рис. 5-й), расположенная саженьхъ въ 30—40 отъ крѣпостной стѣны, имѣетъ форму базилика, съ крышею на два ската; стѣны сложены изъ тесанаго камня, съ известковою заливкой, а крыша покрыта каменными плитами. Длина храма этого—5 сажень 3 фута 4 дюйма, ширина—3 сажени 1 футъ 2 дюйма, высота—3 сажени 1 футъ 3 дюйма. Внутреннее расположеніе нѣсколько разнится отъ расположенія вышеописанныхъ церквей: она имѣетъ форму одного корабля, какъ церковь Шоговатъ, близъ Эчмиадзина, и въ западной своей части—притворъ, въ которомъ стоитъ каменная купель. Эта послѣдняя мелка, съ отлогими краями; высота ея вмѣстѣ съ тумбой, на которой она стоитъ, около одного аршина съ четвертью; въ поперечникѣ она имѣетъ 2 фута 1 дюймъ. Алтарь отдѣляется солеей въ одну ступеньку; ни иконостаса, ни престола не имѣется.

По бокамъ алтаря находятся ниши, отдѣляющіяся отъ него глухими каменными стѣнками и имѣющія сообщенія только съ храмомъ посредствомъ арокъ; арки же поддерживаются цементированными цилиндрическими гладкими колоннами, имѣющими у основанія въ окружности 5 футовъ 9 дюймовъ и вверху (?) 6 футовъ. Въ стѣнахъ храма—пять просвѣтовъ: два для дверей (южныхъ и западныхъ) и три, въ восточной стѣнѣ, для оконъ, изъ коихъ среднее продѣлано въ алтарь, а два другія—въ ниши.

Украшеній ни на внутреннихъ, ни на вѣшнихъ стѣнахъ не имѣется: только внутри храма, въ подъярочной колоннѣ, вставленъ небольшой четырехгранный, призматическій кусокъ мрамора, съ вырѣзаннымъ на немъ древнимъ грузинскимъ

орнаментомъ. О времени построения этого храма и о томъ, въ честь какого святого или событія изъ священной исторіи онъ былъ построенъ, я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній. Въ настоящее время онъ находится въ полнѣйшемъ запустѣніи и близокъ къ окончательному разрушенію.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень къ востоку отъ только что описанной церкви открываются восточныя стѣны уже разрушившагося Сіона (См. рис. 6, —развалины, изображенныя на лѣвой сторонѣ рисунка, лит. А). Сіонъ Самшвидскій былъ сооруженъ въ царствованіе Мирдата, сына Арчила, царицей Сандухтой въ началѣ V вѣка *); онъ построенъ въ византійскомъ стилѣ изъ желтаго тесаного песчаника, доставленнаго сюда, по всей вѣроятности, изъ каменоломни, находящейся верстахъ въ 12—15 къ западу отъ города и верстахъ въ 7—8 отъ Бѣлаго-Ключа, гдѣ полковая церковь сложена изъ такого же песчаника; въ ближайшихъ окрестностяхъ Самшвиде такого камня не имѣется. По уцѣлѣвшимъ остаткамъ только восточныхъ стѣнъ Сіона трудно опредѣлить его точную форму, такъ какъ мѣсто фундамента, да и все пространство бывшаго храма, покрыто толстымъ слоемъ земли; одно только можно связать, что онъ имѣлъ, приблизительно, форму трехъ кораблей съ двумя нишами. Полукруглая стѣна средняго алтаря, выдававшаяся на значительное пространство къ востоку, въ настоящее время обвалилась. На внѣшнихъ уцѣлѣвшихъ алтарныхъ стѣнахъ Сіона виднѣется выбитая въ камнѣ надпись церковно-грузинскими буквами, которая отъ времени и непогодъ во многихъ мѣстахъ исчезла или поросла мхомъ и лишаями. Буквы этой надписи, величиною въ два вершка, опоясываютъ

*) Авторъ не приводитъ основаній, по которымъ онъ называетъ храмъ этотъ Сіономъ и приписываетъ его построеніе царицѣ Сандухтѣ. Царевичъ Вахуштъ, въ своемъ географическомъ описаніи Грузіи, говоритъ, что въ цитадели гор. Самшвиде находится храмъ съ куполомъ, построенный въ V вѣкѣ царемъ Мирдатомъ и разрушенный сначала Тамерланомъ, потомъ турками. Бартоломей называетъ эту церковь каедральною.

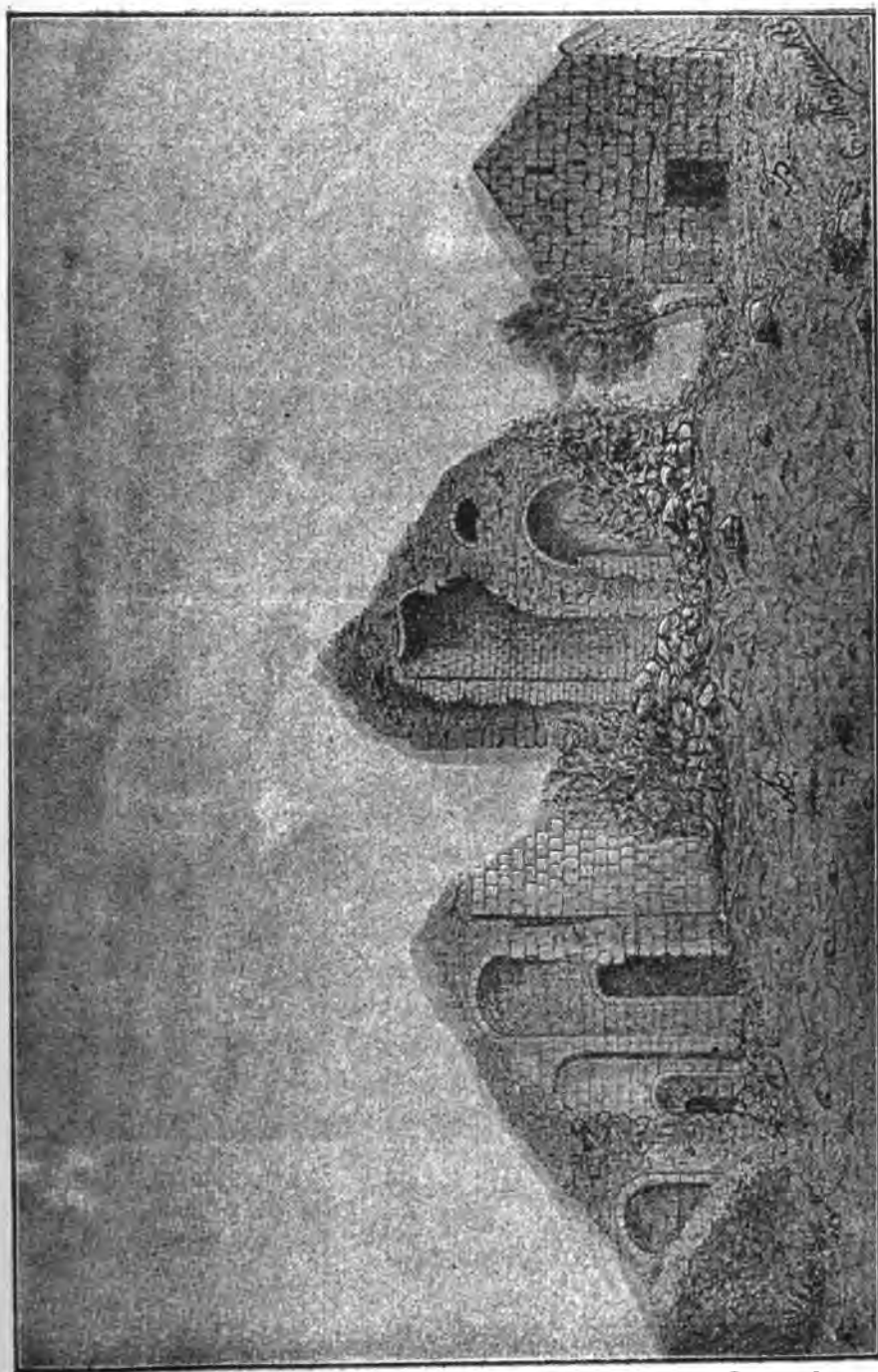
собою всю восточную стѣну храма и прерываются только въ выпавшей стѣнѣ средняго алтаря. Скопировавши эти письма *), я предлагалъ многимъ знатокамъ древне-грузинскаго языка перевести ихъ на русскій языкъ, но они могли разобрать только нѣкоторыя отдѣльныя буквы и слова.

Сіонъ, по народному преданію, былъ разрушенъ во время окончательнаго разоренія города турками, т. е. въ 1578 году.

Храмъ В (См. рис. 6), находящійся недалеко къ востоку отъ Сіона, въ архитектурномъ отношеніи нисколько не разнится отъ другихъ сохранившихся городскихъ церквей: онъ имѣетъ квадратную форму и сложенъ изъ тесавога камня; крыша состоитъ изъ каменныхъ плитъ, со скатами, и только внутри храма, на оставшейся мѣстами штукатуркѣ, испещренной надписями лицъ, посѣщавшихъ его, виднѣется кое-гдѣ фресковая живопись **), сдѣланная неумѣлыми руками и напоминающая собою рисунки дѣтей, впервые берущихся за изображеніе человѣческихъ фигуръ. Солея разрушена и престола не имѣется. Входныхъ дверей двое: западная и южная; въ западной же и восточной стѣнахъ находится по одному узкому оконному просвѣту. Къ востоку отъ храма В (рис. 6) уже не встрѣчается никакихъ построекъ, и только въ самой восточной части мыса и въ самомъ узкомъ мѣстѣ его находятся два ряда невысокихъ крѣпостныхъ стѣнъ съ

*) Копія эта не приведена здѣсь, такъ какъ авторъ сдѣлалъ ее отъ руки и, не будучи знакомъ съ буквами *хумури*, скопировалъ настолько неточно, что надпись не можетъ быть разобрана. Въ 1852 г. надпись эта была снята Бартоломеемъ и тогда уже оказалась мѣстами въ такомъ состояніи, что не могла быть дѣлкомъ разобрана. Академикъ Броссе вывелъ изъ нея заключеніе, что церковь была построена царемъ Абхазіи Константиномъ въ 1318 г. *Ред.*

**) Бартоломей говоритъ также, что близъ кафедральнаго храма онъ видѣлъ большую церковь съ фресками и надписями, которыхъ не скопировалъ. Очевидно, что онъ подъ ними подразумѣвалъ не надписи современныхъ посѣтителей развалинъ, а древнія, высѣченныя въ камнѣ. Странно, что нашъ авторъ ничего не говоритъ о нихъ. *Ред.*

узкими воротами. Стѣны расположены одна ниже другой, при самомъ началѣ спуска въ ущелье, въ которомъ сливаются Чивчива и Кція. Назначеніе этихъ стѣнъ очевидно: только съ восточной стороны, вслѣдствіе большей отлогости береговъ ущелья, могла угрожать городу опасность со стороны непріятеля, тогда какъ сѣверная и южная части города были достаточно ограждены отъ нападенія отвѣсными скалами.

Учитель Вискаго Александровскаго училища *С. Мясниковъ.*

ПЕЩЕРА СВ. ОГАНЕСА.

Къ числу святыхъ мѣстъ, наиболѣе чтимыхъ жителями г. Новобаязета и ближайшихъ къ нему селеній, принадлежитъ пещера св. Оганеса (Иоанна). Дорога къ ней идетъ между двухъ невысокихъ горныхъ цѣпей, по лѣвую сторону рѣчки Кяваръчай, впадающей въ озеро Гокча. Правая цѣпь горъ покрыта гѣломъ зеленью, а лѣвая представляетъ край небольшого скалистаго плоскогорья. Узкая тропинка ведетъ въ сторону отъ дороги, между каменными глыбами, къ пещерѣ. Отъ города считается до нея около двухъ верстъ. Громадные камни, оторвавшіеся отъ скалы, при своемъ паденіи, образовали естественный сводъ, который раздѣленъ на три маленькихъ отдѣленія: это и есть пещера св. Оганеса. Просвѣтъ между глыбами заложень мелкими камнями, такъ-что внутри послѣдняго отдѣленія господствуетъ полный сумракъ даже и днемъ.

Передъ входомъ въ пещеру, на небольшомъ четырехугольномъ каменномъ подножій стоитъ перпендикулярно плита, на которой высѣченъ крестъ съ весьма искусными украшеніями. Такого рода памятники встрѣчаются во множествѣ на городскомъ кладбищѣ, а равно и въ близлежащихъ селахъ. Армянскія надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣлствуютъ о древнемъ ихъ происхожденіи; встрѣчаются, напр., нѣкоторые памятники X столѣтія, и самыя поздніе—XV ст. Памятникъ предъ пещерою не есть, однако, надгробный камень надъ могилою святого: преданіе говоритъ, что св. Оганесь похоронень въ селеніи Еранось, находящемся въ 20 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Новобаязета.

Историческихъ свѣдѣній о личности этого святого, равно

какъ и о времени его смерти, нѣтъ никакихъ; существуетъ только преданіе, что Оганесъ былъ отшельникомъ и жилъ въ XIV столѣтіи. Зиму онъ жилъ безвыходно въ описываемой пещерѣ, а лѣтомъ выходилъ на противоположную гору и все время проводилъ въ молитвѣ. Пищу ему доставляли ангелы, а воду онъ бралъ изъ пробивающагося недалеко отъ пещеры родника.

Армяне, по переселеніи изъ Турціи въ предѣлы нынѣшняго Новобаязетскаго уѣзда въ 1830 г., стали усердно посѣщать пещеру. Въ доказательство святости этого мѣста рассказываютъ, что проезжавшіе по дорогѣ видѣли неоднократно по ночамъ свѣтъ въ пещерѣ, а одна старуха вотъ что передаетъ изъ своей жизни: вскорѣ послѣ переселенія изъ Турціи (рассказчицѣ тогда было 14 лѣтъ) она съ своей сестрой отправилась на богомолье въ пещеру; здѣсь, за неимѣніемъ огня, дѣвушка поставила неважженную свѣчу; выходя изъ пещеры, она оглянулась и увидѣла свою свѣчу горящею.

Богомольцы, обращаясь съ просьбой къ св. Оганесу, вбиваютъ гвозди въ камни пещеры: если гвоздь войдетъ, то просьба будетъ исполнена, полагаютъ они; въ противномъ же случаѣ—не будетъ; въ настоящее время въ камняхъ можно видѣть много вбитыхъ гвоздей, но немало на полу погнутыхъ и сломанныхъ.

Источникъ св. Оганеса находится у подножія горы, въ ста шагахъ отъ пещеры. Вода въ немъ холодная, чистая, вкуса слегка желѣзисто-щелочнаго; мѣстные жители такой вкусъ воды приписываютъ кладу изъ мѣдныхъ денегъ, черезъ который будто-бы протекаетъ вода. Больные навѣсными болѣзнями пріѣзжаютъ въ пещеру помолиться, а потомъ обмываютъ свои язвы водой и получаютъ исцѣленіе. Рассказываютъ, что одинъ крестьянинъ изъ сел. Киплагъ, находящагося въ полуверстѣ отъ пещеры, выпивъ воды изъ родника, плюнулъ въ него и сказалъ: „какая скверная вода!“ Въ тотъ же день

тѣло его стало пухнуть и глаза болѣть, а черезъ день онъ и совсѣмъ ослѣпъ. Тогда крестьянинъ принесъ жертву св. Оганесу, помолился въ пещерѣ, умылся водою изъ родника и выздоровѣлъ. По рассказамъ армянь, это случилось въ 1887 г. Крестьянинъ тотъ, говорятъ, живъ еще и теперь.

Въ настоящее время родниковая вода вытекаетъ изъ камня черезъ металлическую трубочку и въ очень ограниченномъ количествѣ. Вода въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родника теряется въ землѣ,—армяне говорятъ, что св. Оганесъ не желаетъ, чтобы его вода смѣшивалась съ Кяварь-чаемъ.

Воду изъ этого родника армянини набираютъ въ пузырьки, бутылки и прячутъ, какъ святую воду. Многія изъ нихъ вливаютъ ее въ кислое молоко, полагая, что отъ этого, при сбииваніи, увеличивается количество масла.

Года три тому назадъ въ честь св. Оганеса горожане ежегодно устраивали жертвоприношеніе, на которомъ присутствовали только мужчины. Это дѣлалось такимъ образомъ. Одинъ изъ горожанъ собиралъ съ жителей добровольныя пожертвованія деньгами или натурой (напр., давали корову, овцу). Сборъ происходилъ лѣтомъ, когда, съ одной стороны, теплое время и, съ другой, оформленный на вольныхъ пастбищахъ скотъ благопріятствовалъ обряду жертвоприношенія. Къ 20 іюня (это предѣльный срокъ) избирались молодые люди, которые наканунѣ жертвоприношенія отправлялись къ пещерѣ святого Оганеса и приготавливали обѣдъ къ слѣдующему дню. Священники проводили ночь въ церквахъ на молитвѣ. Утромъ громадная толпа народа, во главѣ которой шли всѣ священники въ полномъ облаченіи, направлялась къ пещерѣ. Здѣсь служились панихиды, потомъ благословлялась трапеза, и всѣ усаживались рядами и принимались за кушанья, которыя были приготовлены ночью. Обыкновенно, варили пловъ съ мясомъ, который насыпался каждому присутствующему на тонкій и длинный лавашъ. Для священниковъ и почетныхъ

горожанъ пища готовилась отдѣльно. Послѣ обѣда устраивались танцы подъ зурну, смотрѣли акробатовъ, которые въ этому времени наѣзжали изъ другихъ мѣстъ, и въ 5 часамъ вечера расходились по домамъ.

Впрочемъ, не всегда этотъ праздникъ обходился благополучно: пьяные люди устраивали цѣлыя побоища, оканчивавшіяся иногда и убійствомъ. Это-то обстоятельство и послужило причиной уничтоженія общественнаго жертвоприношенія, которое въ настоящее время замѣнено денежнымъ взносомъ въ пользу бѣдныхъ горожанъ. Деньги собираются на Рождество Христово и на масленицу, и сборъ иногда доходитъ до 300 рублей.

Въ селеніи Ераносъ, гдѣ похороненъ св. Оганесъ, есть небольшая часовня; богомольцы приносятъ сюда съ собой платки, куски матерій, замки и пр. и все это вѣшаютъ въ часовнѣ. Такихъ приношеній тамъ цѣлая груда, и никто не осмѣливается чѣмъ-нибудь воспользоваться.

Говорятъ, что одинъ магометанинъ-курдъ польстился на кусокъ какой-то ткани; но лишь только онъ совершилъ похищеніе, какъ тотчасъ съ нимъ начались судороги: ротъ скривился, и все тѣло стало изгибаться въ ворчахъ. Курдъ постигшииъ возвратитъ похищенное и немедленно получилъ облегченіе. Этотъ случай былъ, какъ говорятъ, въ 1889 г., и рассказы о немъ еще болѣе укрѣпили вѣру народа въ могущество святого Оганеса, такъ-что даже сами магометане оказываютъ почтеніе могилаѣ отшельника.

Завѣдующій Новобалзетскимъ городскимъ училищемъ
Н. Федоровъ.

ДОЛЬМЕНЫ БЛИЗЪ СТАНИЦЫ ДАХОВСКОЙ.

Въ окрестностяхъ станицы Даховской (Кубанской области, Мейкопскаго отдѣла) сохранились нѣкоторые памятники отъ народовъ, обитавшихъ прежде на этихъ мѣстахъ. Таковыми памятниками служатъ каменные постройки, которыя мѣстные жители называютъ „*богатырскими хатками*“ *).

Вышепоименованныя хатки находятся на юго-западѣ, верстахъ въ двухъ отъ станицы, за рѣкой Бѣлой. Количество ихъ не велико: не болѣе двадцати; всѣ онѣ построены изъ одного матеріала (плитнякъ) и по одному типу. Устройство ихъ весьма простое: каждая сложена изъ четырехъ вертикально поставленныхъ каменныхъ плитъ, накрывтыхъ пятою. Всѣ плиты громаднхъ размѣровъ. Боковыя плиты имѣютъ въ высоту болѣе сажени, въ ширину—около двухъ аршинъ, при толщинѣ въ три вершка; верхняя плита имѣетъ площадь квадратную, сторона которой—около двухъ аршинъ; толщина этой плиты такая же, какъ и у боковыхъ плитъ. Въ лицевой плитѣ, въ равномъ разстояніи отъ боковыхъ плитъ и на три четверти аршина ниже верхней плиты помѣщается отверстие, имѣющее фигуру округленную, въ дѣаметрѣ около четверти аршина. Впрочемъ, отверстія въ лицевыхъ плитахъ мною найдены только въ трехъ хаткахъ; всѣ они помѣщаются въ плитахъ, обращенныхъ на востокъ, что, надо полагать, имѣетъ особое значеніе. Въ остальныхъ хаткахъ констатировать отверстій нельзя, потому что хатки представляютъ жалкія развалины. Въ сохранившихся отверстияхъ лицевыхъ плитъ сохранились и

*) Въ археологін гробницы подобнаго рода называются *дольменами*. Ред.

пробки въ нимъ, сдѣланныя изъ одного матеріала съ хатками; форма ихъ одинаковая; каждая пробка вѣситъ не болѣе двухъ съ половиною пудовъ.

Къ сожалѣнію, эти богатирскія хатки уже отживаютъ свой вѣкъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, вслѣдствіе собственной тяжести, погрузились въ землю большею частью своей высоты, а со временемъ и до верху погружаются въ нѣдра земли. Другія же, за нехраненіемъ ихъ станичною администраціей, разоряются мѣстными жителями, для удовлетворенія ихъ домашнихъ нуждъ.

Самое названіе „богатирскія хатки“ мѣстные старожилы объясняютъ тѣмъ, что такихъ построекъ никакимъ образомъ не могли, по ихъ мнѣнію, соорудить люди обыкновенные, а могли строить лишь богатыри, владѣвшіе громадною силой.

Учитель Даховскаго станичнаго училища *В. Ильинъ*.

ДРЕВНІЯ ГРОБНИЦЫ НА РѢКѢ ИНДЫШЬ.

Въ верховьяхъ рѣки Кубани, съ правой стороны, впадаетъ въ нее рѣчка Индышъ, приблизительно, въ 130 верстахъ отъ желѣзной дороги по теченію Кубани. Поднимаясь вверхъ по теченію этой рѣчки, верстахъ въ пятнадцать отъ впаденія ея въ Кубань, можно видѣть тамъ и сямъ *старинныя гробницы*, изображенныя на рисункахъ 7-мъ и 8-мъ. Однѣ изъ нихъ сложены изъ большихъ цѣльныхъ плитъ и накрыты такою же плитою сверху, какъ видно на рисункѣ 7-мъ, и имѣютъ съ передней стороны небольшое отверстіе. Другія, напротивъ, сложены изъ нѣсколькихъ меньшихъ плитъ, по тому же образцу, и сверху напоминаютъ крышу дома, какъ показано это на рисункѣ 8-мъ. Заднею же стороною, какъ однѣ, такъ и другія, упираются, обыкновенно, въ востокъ. Памятники эти находятся, какъ отъ Кисловодска, такъ и отъ ближайшихъ карачаевскихъ ауловъ, въ 40 верстахъ, и ближе этого къ нимъ въ данное время нѣтъ никакого постояннаго жилища.

По преданію стариковъ, Карачаевскій народъ населилъ верховья рѣки Кубани лѣтъ 500 тому назадъ *), но у нихъ не сохранилось положительно ни одного преданія относительно происхожденія этихъ памятниковъ.

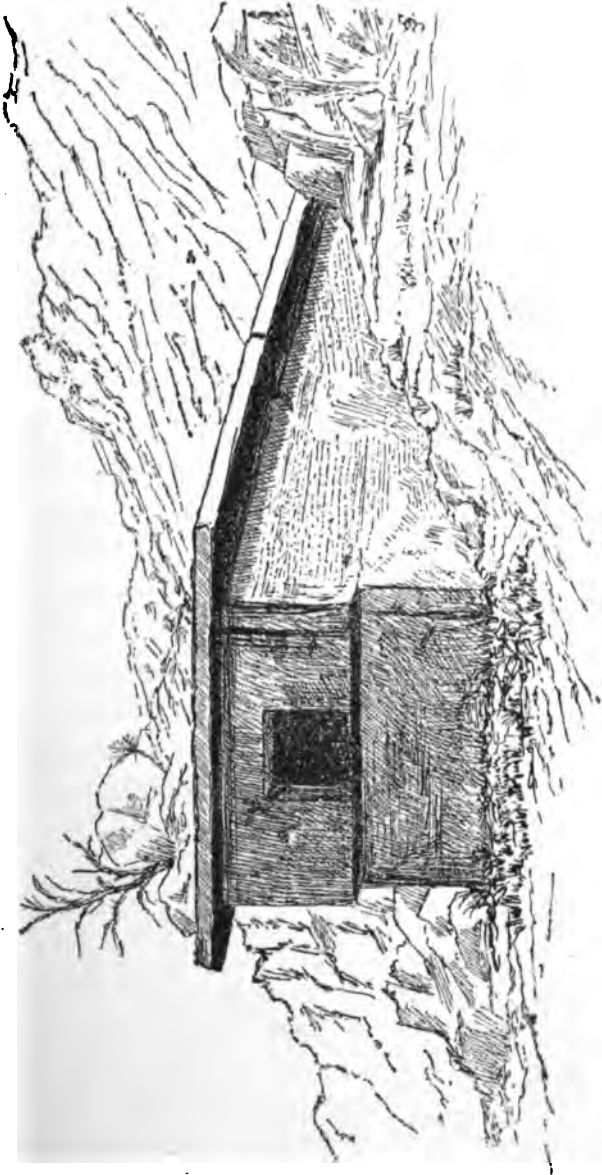
Учитель Карачаевского аульнаго училища *И. Хурумовъ*.

*) Ср. XII вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, стр. 4: „Замѣтка о народѣ адыгъ“.

Рис. 7.

Fig. 8.

КВИРИЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

I.

Нагорную часть Кутанской губернии, послѣ Рачинскаго и Лечхумскаго уѣздовъ, занимаетъ Шорпанскій уѣздъ, который обнимаетъ всю верхнюю Имеретію и лежитъ между $41^{\circ}50'$ — $42^{\circ}30'$ сѣверной широты и $60^{\circ}35'$ — $61^{\circ}30'$ восточной долготы.

Центромъ Шорпанскаго уѣзда служитъ м. Квирила пли, по мѣстному названію, „Зеста-цони“ *), гдѣ сгруппированы всѣ мѣстныя административныя и судебныя учрежденія.

Отъ этого мѣстечка по берегамъ р. Квирилы идутъ, бѣлой полосой, двѣ сельскія дороги: одна изъ нихъ идетъ рука объ руку съ р. Квирилою и разными волнами и изгибами сливается со старымъ военно-имеретинскимъ трактомъ; другая же проходитъ черезъ множество имеретинскихъ деревень и скрывается за предѣлами высокихъ и лѣсистыхъ горъ близлежащей рачинской границы. Первая у мѣстныхъ жителей называется „улевис гза“, что, въ буквальный переводѣ, значитъ: „нескончаемая дорога“, а вторая — „диді ціцеліс гза“, — дорога большого дерева“. Первая дорога, какъ показываетъ и самое названіе, гораздо длиннѣе второй. Обѣ онѣ идутъ по роскошному и богатому Квирильскому ущелью, гдѣ и донынѣ видны развалины старинныхъ замковъ и башенъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ народу убѣжищемъ во время вражескихъ нашествій.

*) Собственно — „Зеста-цони“, что значитъ: „верхній бродъ“, въ отличіе отъ „Ѕведа-цони“, что значитъ: „нижній бродъ“.

Квирильское ущелье тянется верстъ на 50 и составляет естественное русло шумной р. Квирилы. Оно окаймляется съ двухъ сторонъ высокими горными утесами, изобилующими высѣченными въ нихъ каменными кельями, которыя служили жилищами человѣку въ неизвѣстную эпоху, и гдѣ люди находили себѣ пріютъ, при нашествіи враговъ.

Квирильское ущелье имѣетъ, въ общемъ, направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ и изгибается непрерывно самыми причудливыми линіями; мѣстами оно суживается, будучи сдавлено выступающими крутыми или уступообразными скалами, мѣстами снова расширяется или развѣтвляется, пересѣкаясь поперечными горными краями.

Ущелье это богато растительностью. По обѣ стороны дороги отерываются поля и луга. Пріятно смотрѣть на нихъ лѣтомъ: тутъ все дышетъ жизнью; кругомъ желтѣютъ нивы, усѣяныя золотыми копнами; вездѣ бросается въ глаза имеретинская высокорослая кукуруза, въ которой кое-гдѣ мелькаютъ бѣлыя рубахи крестьянъ, съ увѣренностью въ урожайъ взвѣсившихъ на богатые луга и нивы.

II.

Среди богатой растительности, на высокомъ холмѣ, на берегу маленькой рѣчки Кацхуры стоитъ Кацлинскій монастырь. Онъ имѣетъ вполнѣ чарующее мѣстоположеніе: это высокая, открытая поляна, сплошь одѣтая зеленымъ ковромъ, надъ которымъ раскинули свои вѣтви столѣтнія дубовыя деревья, а подъ развѣсистыми вѣтвями ихъ расположены скромныя жилища о. настоятеля и монаховъ; съ западной стороны монастырь охватываютъ голые и необитаемые скалы и овраги, а внизу пробѣгаетъ горная шумная рѣчка Кацхура.

Время построенія монастыря, въ точности не извѣстное, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можетъ быть отнесено, приблизи-

тельно, въ XII вѣку *). Монастырскій храмъ имѣетъ форму двѣнадцатигранника и прочно построенъ изъ мѣстнаго тесаннаго камня. Монастырь этотъ, принадлежавшій князьямъ Абашидзе, до 1872 г. владѣлъ огромнымъ имѣниемъ; но съ этого года, съ разрѣшенія правительства, монастырскія земли и крестьяне перешли во владѣніе князей Абашидзе, обязавшихся содержать монастырь на свой счетъ.

Здѣсь хоронились предки князей Абашидзе, которые и донынѣ имѣютъ въ монастырѣ свою фамильную усыпальницу. Стѣны монастыря были украшены разными изображеніями чудесъ Христовыхъ; но, при обновленіи храма, совершенномъ въ 1854 году по распоряженію имеретинскаго митрополита Давида, все покрыто известью и стерто; уцѣлѣлъ только одинъ иконостасъ. Монастырь богатъ драгоценными вещами и рѣдкой работы евангеліями. Есть одно небольшое позолоченное рукописное евангеліе, которое достойно вниманія, какъ чудное и рѣдкое произведеніе искусства. Оно пожертвовано 10-го октября 1723 года царемъ Вахтангомъ, для поминовенія души убитаго въ сраженіи противъ турокъ кн. Абашидзе. На одной страницѣ его находится слѣдующая собственноручная приписка Вахтанга **):

*) Авторъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе этого мнѣнія. Основателемъ монастыря считаютъ, обыкновенно, царя Баграта IV Куропалата (1027—1072). Пл. Иоселиани указываетъ даже годъ основанія, — 1082. Въ Алавердскомъ соборѣ, въ Кахетіи, находится евангеліе, принадлежавшее Кацхскому монастырю и составлявшее собственность Липарита Орбелиани. Въ слѣдующей на этомъ евангеліи припискѣ, относящейся къ 1059 году, упоминается уже о Кацхской церкви; слѣдовательно, она существовала уже въ XI столѣтіи. Литература о Кацхскомъ монастырѣ указана въ сочиненіи Бакрадзе „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“. Тамъ пропущено сочиненіе Пл. Иоселиани: „Кацхскій храмъ въ Имеретіи“, помещенное въ № 86 „Закавказскаго Вѣстника“ за 1846 г., съ рисункомъ храма.

Ред.

**) ქ. ჩვენ, მუჟუთ მუჟესა ქახტანგისა, მამა სავარდით სახედველი, წარჩინებულისა მთავრისა მე და მამა აბაშიძე სვიმონ. კაცო სახელოთანი. ამან დადგა თიგი თვისი სეფელისა და ჩვენთვის და მამიდისა! შინა უსყულოთასან მოკლდა წინაჲ ჩვენსა, რომლისა სიკვდილმან მოწყუნა ცუდი ჩვენა.

„Сынъ знаменитаго правителя, Семень Абашидзе, въ которомъ мы, царь царей Вахтангъ, видѣли любезнаго намъ брата, человѣкъ именитый, положилъ голову свою за насъ и за вѣру нашу и, въ борьбѣ противъ невѣрныхъ, былъ убитъ предъ нашими глазами, и смерть его нанесла намъ большой ударъ. Поэтому 10 октября 1723 г. послѣ Р. Х. жертвуемъ сіе позолоченное евангеліе мѣсту его упокоенія, Кацхинскому монастырю, для спасенія души его во вѣки. Аминь“.

Въ концѣ стоитъ слово „Вахтангъ“ (монограмма).

Другое рукописное евангеліе оправлено въ серебро; вмѣстѣ съ евангеліемъ, въ одномъ переплетѣ, имѣется и апостоль; въ текстѣ находятся изображенія четырехъ евангелистовъ и двѣнадцати господскихъ празднивовъ; рисунки сдѣланы отъ руки, очень грубо и дурными красками. Оно пожертвовано монастырю кн. Давидомъ Абашидзе, который и сдѣлалъ на одной страницѣ слѣдующую приписку:

„О, ты, царь жизни и смерти, Кацхинская икона Спасителя! Я, находящійся подъ сѣнью милостей Твоихъ и возложившій всѣ мои надежды на Тебя, кн. Абашидзе Давидъ, усердствуя, пожелалъ и пожертвовалъ святое сіе евангеліе и апостоль съ изображеніемъ внутри двѣнадцати Господскихъ празднивовъ, снаружи обтянутые посеребреннымъ сукномъ и съ позолоченнымъ изображеніемъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколькихъ Господскихъ празднивовъ.

Съ помощью Твоею и стараніями моими все было мною лично приобрѣтено. Поэтому приношу предъ Тебя и жертвую, для продолженія жизни моей и спасенія души умершей жены моей Хварамзе, урожденной Микеладзе, за сына моего Леона и другихъ дѣтей моихъ: Іоанна, Свимона, для продолженія

თუეს თუცლომბრისა ათსა ჩღკგ-სა წ. ქრისტეს აქეთ და ჩვენ ეს პატივით მოქედლილი ხანარება სამარხისსა მისსა კაცსს შვესწირეთ, რათა მრავალ მოწუალებით იხსნას სული იმისი ხატანდველიისაგან და დაეშვიდროს საუკუნოსა. ამინ. (გაბრიელაძე).

и укрѣпленія жизни ихъ. Прими сіе ничтожное пожертвова-
ніе и отнынѣ преподай Твое милостивое благословеніе, по
словамъ Твоимъ: „приндите ко мнѣ благословенніи Отца Мое-
го“, и удостой меня милостей Твоихъ и Пресв. Богородицы.

Отнынѣ, если это евангеліе кто-нибудь отниметь у мо-
настыря и присвоить себѣ какимъ-либо средствомъ или пу-
темъ,—будь онъ духовнаго званія, иль свѣтскаго, малъ иль
великъ,—да будетъ проклятъ тѣломъ и душою отъ Пресвятой
Троицы, всѣхъ святыхъ, 12 апостоловъ, 7 вселенскихъ собо-
ровъ, съ 4 вселенскими патриархами, чтобъ не удостоился ли-
цезрѣть Господа во славѣ, за всѣ наши грѣхи да наваетъ
его Господь, егда прійдетъ, во царствіи Своемъ! Отнынѣ, скрѣ-
пившаго и приложившаго печать сію да благословитъ Господь,
да ниспослется на него роса небесная и земное плодородіе!
Аминь. Кн. Абашидзе Давидъ 1814 г., марта 21 дня“ *).

*) «ჴოი, შენ, ცხოვრებისა და სიკვდილისა ხელშეწყობ! მაცხოვარო
კაცებისაო, შე ფარვათა შენთა მინდობილმან და ყოვლისა სასოებისა ჩემისა
შენზედ დამდებმან თ. აბაშიძე დაუთმან ვინებუ და ვიგულს მოდგინე და შე-
მოგწირე წმ. ესე სახარება და სამოციქულო, შიგნით თორმეულ საუფლოთი
დახატული, გარედგან ჯერცხლის მუდით და ორივე გვერდით თორმეულ სა-
უფლო მოუგანელი ოქროთივე დაფერილი: ვინაიდგან შეწვევითა შენითა ვიდრე
ყოვლისა კაცისა უცალებლად, ღვთითა და საცადითა ჩვენითა ვიშოვნე და
შემოგწირე ჩემდა განსაძლიერებლად და სულისა ჩემისა საოხვად და გარ-
დაცვალებულისა მეუღლისა ჩემისა მიქელაძის ასულისა ხვარამხესათვის და
ძისა ჩემისა ლეონისათვის მოსახსენებლად და სხვათა ძეთა ჩემთა: იოანეს
და სვიმონისა სასიცოცხლე და სულთა ჩემთასა სასიორთელოთ; ესეთი შეი-
წირე მცირე ესე შესაწირავი და კვალად მომეცი შენ მიერ იგი კურთხევა,
როგორც რომ ბრძანებ: მოვედით კურთხეულნი მამისა ჩემისნო!» რომელ-
ნიც ღირს ვიქმნე მადლითა ყოვლად წ.-ის მღვთის მშობლისათა. ამინ.

აწ რომელმანცა ძემან კაცისამან, დიდმან ანუ მცირემან, სამღვდლო-
მან ანუ საერომან ესე საუფლო წმ. სახარება შენ მოგვცაძის, მონასტერს
გამოწირის, ანუ გარეთ საკითხავით გაიჯანის, ანუ საფასითა წაიღის ვინმემ,
ანუ რის ღონის ძიებით ვს ჩემგან შენი მორთმეული შემოწირულება გამო-
გართვას და გამოგწიროს, იუბენ კაცი იგი წმ. სამებისაგან წყუელ, კრულ და
შეჩვენებულ სულით და ხორციით, საფლავ-სამარხით და იყოს კვალად შეჩ-

Тутъ приложены три печати. На одной—надпись: „Рабъ Божій Давидъ“ („მონა მღვთისა ღვთი“); на второй: „Абашидзе Давидъ“ („აბაშიძე ღვთი“); на третьей, кромѣ слова „Абашидзе“, ничего нельзя разобрать.

Тутъ же есть двѣ иконы въ серебряной оправѣ: одна Пресв. Троицы, а другая Пресв. Богородицы. Обѣ прекрасной и изящной работы. На одной—надпись:

„Оправила въ серебро сію икону Св. Троицы Мхелдзе Марехъ, для спасенія души моей и долгоденствія Абашидзе Георгія“ *).

На другой иконѣ написано:

„Пресвятая Богородица! Спаси Абашидзе Давида и супругу его Нестардареджану“ **)!

Годъ и мѣсяцъ, какъ и на большинствѣ старыхъ вещей, тутъ не обозначены.

Въ этомъ монастырѣ есть икона съ надписью на русскомъ языкѣ: она прекрасной работы и вся оправлена въ серебро; виситъ она у царскихъ вратъ и пожертвована какою-то „Модобазовой“. Вотъ и самая надпись на ней:

„Сей образъ Спасителя пожертвованъ въ Имеретіи, въ деревнѣ Кацхи, состоящей церкви во имя Спасителя отъ покойницы дочери (?), дѣвицы Анаханумы Давидовны Модобазовой, для воспоминанія души ея, 1837 г., генваря“.

ვენებელი ათორმეტთა მოციქულთაგან, შვიდთა კრებათაგან, ოთხთა მსოფლიო პატრიარხთაგან და მოუკვდენ და ამოუწყდენ შვილნი და საყვარელნი მისნი და ნურცა ისნილავს დიდებასა ღვთისასა და, კვალად ჩვენის ცოდვისა ნაცვლად, იგი განიკითხოს სიკრებამან ღვთისამან დღესა მასსა განიკითხვისსა. აწდამი უკვე დაშაშტყიცებელი და დაშეჭდელი ამისანი იუბნ კურთხეულ ცვარისაგან ცისა და ნამოფიერებისაგან ქვეყნისა. ამონ. თ. აბაშიძე დავით. 1814 წ. მარტის 21 დღესა».

*) «მოგაჭედინე ხატი ესე ყოვლად წმინდისა შვიდის ქალმან მარეს, სულსა ჩემისა საოხად და სადღეგრძელოთ აბაშიძის გოორგისათვის».

***) «ყდ. წმინდა ღვთისმშობელო! შეიწყალე აბაშიძის ძე დავითი და მეცხედრე მისი ნესტარ დარედანი».

Вокруг монастыря живутъ крестьяне Модебадзеы, и, вѣроятно, кто-нибудь изъ нихъ, проживая внѣ своей родины, пожертвовалъ эту икону.

Между рукописными книгами есть одна вполне заслуживающая вниманія, какъ по величинѣ своей, такъ и по своему богатому содержанію. Она носитъ названіе („გუგუბნი“) „Гувани“ и вмѣщаетъ въ себѣ содержаніе всѣхъ церковныхъ книгъ. Величина ея—аршинъ въ длину и полъ-аршина въ ширину; она вѣситъ больше пуда. Написана она прекрасными церковно-грузинскими буквами на пергаментѣ. На одномъ листѣ самыми мелкими буквами сдѣлана слѣдующая приписка:

„Для исполнительницы всѣхъ богоугодныхъ и благочестивыхъ дѣлъ, Эристой Тамары, писалась эта книга. Мы находились въ большомъ почетѣ и уваженіи во время писанія ея. Были тамъ три виночерпія (да будутъ они прокляты!): когда баринъ призывалъ ихъ и просилъ угощать насъ хорошо и не уменьшать назначенной порціи, то они всегда меньше опредѣленнаго давали. Будь они прокляты всѣми святыми! Кто эту подпись уничтожить, тотъ да будетъ проклятъ Богомъ и силою сей книги“ *)!

Въ концѣ книги написано:

„Въ 1766 году послѣ Р. X., въ концѣ сентября, вѣрность Свѣри отняли турки у царя Соломона“ **).

Еще ниже сдѣланы слѣдующія приписки:

*) ქ. ყოვლისა სამღვთისა საქმისა აღმასრულებელი და ღვთივ დალოცვილი, ერისთვის ასული, თამარისათვის აწერებოდა წიგნი ესე. მარგალიტის პატრიარქის ცემსა და კარგის ყოფასა შინა ვიყავით. მაგრამ სამი მუღვირუე უბნდა, ღვთისაგანაც დაიკრულონ იგინი. ბატონს რომ ებრძანებია, თუ ჩემი ბატონობა გრწამდეს, ესენი კარგათ აპატოე, რაც ულუფა გამოჩინოსო. ღმერთმა ისე დააკლოს დღესა და ღამეს და სულის ცსონებასა ღვთისაგან და ამ წიგნისაგან, როგორც იმან ჩვენ მოგვიყლო. ვინც ეს შეშალო, შენმც შეიშალობი ღვთისაგანა.

**) ქრისტესს აქეთ 1766 წ. სეპტემბერი ართვეს მეფე სოლომონს ოსმალით ვასელ ვნებნისთვისა.

„Въ 1795 году послѣ Р. Х. Ходжа-ханъ-Каджари опустошилъ г. Тифлисъ и взялъ въ плѣнъ много православныхъ“ *).

„Послѣ Р. Х. въ 1809 году умеръ Абашидзе Гедeonъ“ **).

На южной стѣнѣ въ храмѣ виситъ икона, вся въ серебрѣ, съ надписью церковно-грузинскими прописными буквами:

„Я, Богомъ вѣнчанная внучка царя царей Константина и дочь царя Баграта, невѣстка семейства Табаговыхъ, усердствуя, пожелала оправить икону сію въ серебро, для спасенія души моей и супруга моего Кайхосро. Дѣти наши—Варвара, Мвечабуки, Мамучаръ, Багратъ, Твалтъ-Мшвениери, Иванъ и Тамара—да здравствуютъ и долгоденствуютъ во вѣки вѣковъ. Аминь. Грѣхи ихъ да проститъ Господь. Отца моего Баграта, мать мою Елену, братьевъ моихъ: Ираклія, Шоту, Юту, Ionатама и Теодора да проститъ Богъ. Аминь. Вахтангъ и Ираклій да здравствуютъ. Освободи моего брата и сестру изъ непріятельскаго лагеря (плѣна) и снова удостой первой чести! Аминь. Упокой, Боже, души Гулдафара и Ionатама! Боже и Древо истинны, Сила Христова, Побѣда надъ врагами, упокой душу дочери моей Елены! Аминь“ ***).

*) ქრისტესს აქეთ 1795 წელსი მოახრდა ხოდა-ხანმა ყაჯარმა თფლისი და მრავალი ქრისტიანენი წაიყვანა.

**) ქრისტესს აქეთ 1807 წ. გარდაიცვალა აბაშიძე გედეონი.

***) მე, ღვთივ გვირგვინოსანმა მეფეთ მეფისა კოსტანტინეს შვილის შვილმან, მეფის ბაგრატის ასულმან და თბავთ სახლის რძალმან, დიდის იმედმან ვიგულისმოდგინე, მოვაქედინე ხატი ესე ქელის ჭეშმარიტისა, რომლითა ხატი ვერცხლითა, რათა მცვედ-მფარველ მიქმნა მე და თანამეცხედა რესა ჩემსა ქაბოსრახს, ჩვენთა ძეთა: ბარბარეს, შხე ჭაბუკს, მამუჩარს, ბაგრატს, თვალთ მშენიერს, თვანეს, თამარს დღევრძელობით გამარდევებით წავგიპართე და შეგვიდევნ ცოდვანი ჩვენი. ამინ. მამასა ჩემსა ბაგრატს და დედასა ვლენეს და ძმათა ჩემთა: ვრაკელს და შოთას, იუსთ, იონათამს და თედორას შეუნდის ღმერთმან. ამინ. ვახტანგ და ვრკელე დღევრძელონ. ჩემი ძმა და და გამოიხსენ აგარაკისაგან და ყვალად ავე პირველსავე პატივსა. ამინ. გულდაფარს და იონათამს შეუნდის ღმერთმან! ამინ. ღმერთო და ძელო ჭეშმარიტო! ძალი ქრისტესი, ძლივდა მტერთა, შეიწყვალე ასული ჩემი ელენე! ამინ.

III.

На разстояніи 20—30 сажень отъ Кацхинскаго монастыря, у подошвы высокой скалы, на маленькой горѣвъ возвышается столбообразная природная скала, высотой въ 50—60 сажень, а въ окружности въ 15—16 сажень. На самой вершинѣ этой скалы виднѣется отверстие, похожее на окно или дверь. Оно служило для входа въ маленькую келью, въ которой жилъ св. Симеонъ Столпникъ, почему церковь, находящаяся здѣсь, и теперь носитъ названіе «*Եկեղեցի զՅուսեփ*», т. е. „церковь столпа.“

По народному преданію, вездѣ и повсюду знали объ этой удивительной церкви, и вотъ какіе-то люди пришли сюда и какимъ-то непонятнымъ способомъ влѣзли на вершину этой скалы, въ келью, и нашли церковь съ громаднымъ богатствомъ: массою серебра и золота и драгоценныхъ вещей. Забравъ все, они хотѣли итти назадъ. Вдругъ, къ великому ихъ удивленію, всѣ они потеряли зрѣніе и ни шагу не могли сдѣлать. Они бросили тотчасъ все, пали на колѣни предъ иконою св. Симеона Столпника и съ горькими слезами начали молиться:

— „Св. отецъ Симеонъ! мы видѣли чудо твое и силу Божию. Помоги намъ освободиться отсюда, верни намъ зрѣніе, и мы клянемся не брать отсюда ничего, кромѣ иконы твоей, въ честь которой общаемъ тутъ-же, у подошвы этихъ скалъ, воздвигнуть церковь и постоянно совершать въ ней богослуженіе.“

Черезъ нѣсколько времени они прозрѣли, взяли икону св. Симеона, сошли внизъ и воздвигли вмѣщающую въ себѣ 12—15 человѣкъ церковь, которая стоитъ и донинѣ. Служба въ этой церкви бываетъ въ годъ разъ: въ пятницу Өоминой недѣли.

Образъ св. Симеона Столпника, находившійся здѣсь, въ послѣднее время, по распоряженію духовнаго начальства, пере-

несенъ въ новую красивую приходскую церковь, построенную изъ тесаного камня среди сел. Кацхи. Въ этой церкви, кромѣ иконы св. Симеона, есть еще икона Спасителя, оправленная въ серебро, съ надписью:

„Иисусе Христе и образъ Спасителя! Молись за душу Зедгинидзе, чтобы онъ долгоденствовалъ на свѣтѣ семь, и чтобы простилъ ему Богъ согрѣшенія его. Аминь, Господи“ *)!

Отъ церкви „Столпа“ или, какъ называютъ ее, „месветской“ прямо въ глаза бросаются остатки полуразвалившейся старой крѣпости Кацхи, когда-то грозной для враговъ.

IV.

Вблизи Кацхинскаго монастыря, въ двухъ часахъ ѣзды по удобной аробной дорогѣ, въ мѣстечкѣ Сачхери, на лѣвомъ берегу рѣки Квирилы, въ скалѣ высѣченъ монастырь. Это такъ называемая Мгвимевская дѣвичья пустынь. Съ перваго взгляда можно подумать, что тутъ не монастырь, а обыкновенное жилище человѣка. Но высокая колокольня, какъ видно, позднѣе выстроенная, даетъ понять, что тутъ монастырь, что здѣсь домъ Божій. Съ двухъ сторонъ она окружена скромными деревянными вельями монахинь. Въ монастырь ведетъ узкая скалистая верховая дорога. Къ воротамъ монастыря, на встрѣчу путнику, выходятъ монахини и спрашиваютъ какъ о личности его, такъ и о цѣли пріѣзда къ нимъ. Въ маленькомъ дворѣ монастыря, въ скромныхъ деревянныхъ вельяхъ монахинь и въ самомъ монастырѣ царствуютъ безукоризненная чистота и опрятность. Монахини живутъ между собою чрезвычайно дружно; проводятъ онѣ время если не въ молитвахъ, такъ въ исполненіи искусныхъ и очень красивыхъ

*) *ქრისტე ღმერთო და ხატო მაცხოვრისო! ილოცე ზედგინიძისათვის, ამ სოფელსა აღდგნებოლე საუკუნისა. ცოდვანი მისნი შეუდგენ ამან. უფალო!*

Послѣ каждаго слова этой надписи стоитъ въ подлинникѣ двостоліе.

руководильныхъ работъ. Вышиванье по канвѣ и золотошвейное мастерство такъ развиты между ними, что каждая изъ нихъ продаетъ въ годъ порядочное количество вышитыхъ подушекъ, рубашекъ и другихъ вещей.

Монастырь имѣетъ полукруглую форму, построены, можно полагать, около XII в. *) какимъ-то Рати Кахаберидзе, Рачинскимъ эриставомъ (правителемъ), который и изображенъ на стѣнѣ; подъ изображеніемъ надпись:

„Рати Кахаберидзе-строитель сей церкви. Рачинскій эриставъ Кахаберидзе Рати. Супруга его Русуданъ. Кахаберидзе Ніанія“ **).

За монастырской стѣной находится природный тоннель, имѣющій въ длину пять сажень и въ вышину двѣ сажени. По серединѣ этого тоннеля течетъ холодная родниковая вода, которая потомъ по деревянному жолобу выливается за другой церковной стѣной.

Въ монастырѣ очень много старыхъ и драгоценныхъ вещей и иконъ со многими надписями. Между всѣми вещами особенное вниманіе обращаетъ на себя рукописное евангеліе, оправленное въ серебро, изящной и рѣдкой работы, пожертвованное имеретинской царицею Анною, которая на немъ же сдѣлала слѣдующую приписку съ перечисленіемъ названій всѣхъ вещей, кои пожертвованы ею вмѣстѣ съ этимъ евангеліемъ:

„Я, царица Имеретин Анна, пожертвовала церкви во имя Пресвятой Богородицы всею церковною утварь, для спасенія души и тѣла моего“ ***).

*) Литература о Мгвѣме указана у Баградзе, въ его сочиненіи „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“.

Ред.

***) «რატო კახაბერიძე, ამ ვაკლესიის აღმშენებელია, რატის ერისთავი კახაბერიძე რატო; მეუღლე მისი რუსუდანი. კახაბერიძე ნიანია».

Удерживается пунктуация подлинника.

Ред.

***) «მე, იმერეთის დედოფალმან ანნამ, შემოგწირე წმ. მღვთისშობლის ვაკლესიის საეკლესიო სამკაული სრულგებით, მეონისთავის სულთა და ხორცთა ჩემთასა».

Дальше слѣдуетъ перечисленіе пожертвованныхъ вмѣстѣ съ евангеліемъ вещей.

На стѣнахъ монастыря и на надгробныхъ камняхъ находятся также надписи. Такъ, на восточной стѣнѣ снаружи написано: „Царевичу Георгію“ (ბატონიშვილს გიორგის*). На западныхъ дверяхъ имѣется слѣдующая надпись:

„Чаковъ сынъ Бахабери да здравствуетъ! Аминь. Достояннаго Цимауридзе да спасетъ Господь! Аминь. Да проститъ Господь Гогіеву сыну Давиду и его супругѣ Маріамъ! Аминь. Мастеру, сдѣлавшему эти двери (тутъ пропущено слово), пришедшему изъ другого общества, Абессалому, Ломинову сыну, и женѣ его Тamarъ да проситъ Господь“ **)!

На правой сторонѣ есть икона Спасителя, на которой написано:

„Для спасенія души человѣческой на землю пришедшій и Властитель всего существующаго! помани, егда прідеши, во царствіи Твоемъ налѣво стоящую жертвовательницу иконы сей—Русуданъ“ **)!

Хотя эта надпись сдѣлана большими прописными церковно-грузинскими буквами, но всё-таки читается съ трудомъ, вслѣдствіе древности ея и порчи буквъ.

На лѣвой сторонѣ иконы Спасителя написано:

„Для спасенія всего существующаго на землю пришедшій Христе Іисусе! спаси и меня, жертвователя иконы сей, Рачинскаго эристава Рати“ ***)!

*) ჩაიის ძესა კახაბერსა გაუმარდოს ღმერთმან. ამინ. სალიორს ციმაუ-რიძესა შეუენდოს ღმერთმან. ამინ. გოგის ძესა დაგიოსა და იმის შეულღეს მარიაშს შეუენდოს ღმერთმან. ამინ. ამ კარეპის შემამკობელს (აქ გამოტყვე-ბულია სიტყვა) თემით მოსულს აბესალოშს ლომინას ძეს და იმის შეულღეს თამარს შეუენდოს ღმერთმან.

**) «ქ. ყაცთა სხნისათვის ქვეუნად მოსულო და არსთა შფლობულო, დღესა მას დიდსა იხსენ მარცხენით მდგომარეთა შემკობი ხაჯისა შენისა რუსედანი».

***) «არსთა სხნისათვის ქვეუნად მოსულო ქრისტე ღმერთო! მოხსენ მეცა, შემკობი ხაჯისა შენისა, სასდელისაგან. რაჯი რაჭის ერისთავი».

На лѣвой сторонѣ иконы Богородицы написано:

„Прествятая Богородица! помяни предъ Сыномъ въ день пришествія Его на землю меня, царицу-царицъ Русуданъ, которая поведотила икону сію и пожертвовала Тебѣ“ *).

На правой сторонѣ иконы Іоанна Крестителя есть надпись:

„Выше всѣхъ рожденныхъ, Предтеча и Креститель! помяни меня предъ Христомъ во время страшнаго суда Господя! Рати, Рачинскій эриставъ“ **).

На большомъ серебряномъ крестѣ написано:

„Св. крестъ Господень! упокой душу мою, сына царя царей, Панврата, дѣтей Константина и Елену! Аминь“ ***).

На западъ отъ храма есть надгробные камни съ надписями, но между ними только и можно разобрать, что тутъ похоронены царевичъ Георгій и супруга его Зехатуни, урожденная Дадіани; остальное все стерлось, и нельзя ничего прочесть.

V.

Отъ Мгвиевскаго монастыря по Квирильской дорогѣ два съ половиной часа ѣзды до мѣстечка Сачхери. При первомъ взглядѣ на Сачхери, чувство полного удовольствія проникаетъ въ душу путешественника. Послѣ длинной, утомительной и вмѣстѣ съ тѣмъ скучной дороги по узкому Квирильскому ущелью, путникъ вдругъ подымается на маленькую горку, и предъ нимъ отърывается чудный видъ на м. Сачхе-

*) «ყდ. წმინდა მღვთის მშობელი! მეონე ყაენ წინაშე ძასა შენისა დღესა მას დიდსა დედოფალი-დედოფალს რუსუდანს, რომლისა ოქროთა მოაჭედინე ნატი ესე შენი, და მიითვალე მსახურება ესე».

***) «ნაშობთა უოველთა უმეცესო! წინამორბედო და ნათლის მცემლო, მეონ მუყავ წინაშე ქრისტესა დღესა მას დიდსა განკითხვისასა. რატი, რაჭის ერისთავი».

***) «ფედარო წმინდაო ჰატოსანო! მეონთა შენთა მეცხონე მონა, შეფეთ-მეფეს ძე პანკრატე, ძენი კონსტანტინე და ელენე. ამონა».

ри. На роскошной полянѣ, окватившей необозримое пространство, тамъ и сямъ вырисовываются пирамидальные тополи, причудливыя рощи, а въ рощахъ—дома и службы помѣщичьихъ усадебъ. Посрединѣ этого богатаго ландшафта пробѣгаетъ бѣлой лентой шумная и непостоянная р. Квирила. Къ сѣверу, за рѣчку, начинаются перерѣзанныя проселками имеретинскія деревни и между ними поля ишеницы. А еще выше видны остатки Сачхерской крѣпости „Меди-нахе“, нѣкогда важной и сильной, а теперь представляющей лишь груды рассыпанныхъ камней и мѣстами, уцѣлѣвшія отъ времени стѣны, служащія нѣмыми свидѣтелями народныхъ бѣдствій.

У подошвы этой крѣпости, на высокомъ мѣстѣ, среди садовъ и рощъ, красуются двухъэтажные дома князей Церетели, представителей одной изъ самыхъ древнихъ и значительныхъ имеретинскихъ фамилій. Есть извѣстіе, что родъ ихъ идетъ съ VIII столѣтія: въ началѣ VIII в., при грузинскомъ царѣ Адарназѣ, вышли изъ Дагестана три брата и, поселившись въ Имеретіи, сдѣлались родоначальниками трехъ вѣтвей этой фамиліи, изъ которыхъ одна приобрѣла въ скоромъ времени большое значеніе, большія помѣстья и княжеское достоинство. Но эта вѣтьвь, вслѣдствіе разныхъ случайностей, едва было не уничтожилась, такъ-что въ 1710 году единственнымъ ея представителемъ остался большой ребенокъ Давидъ, мало подававшій надежды на продолженіе жизни. Старшій же его братъ, молодой и свѣжій человекъ, Папуна, находился въ монастырѣ, навсегда отказавшись отъ свѣта. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ собрались въ Папунѣ оврестинне князья и дворяне и уговаривали его оставить монастырь и принять въ свое вѣдѣніе богатые помѣстья своихъ предковъ и заботы о малолѣтнемъ и больномъ братѣ Давидѣ. Папуна вышелъ изъ монастыря и вскорѣ женился на княжнѣ Абашидзе. По народному преданію, князь Абашидзе, какъ представитель знатной тогдашней фамиліи, не хотѣлъ выдать за вн. Церете-

ли свою дочь, ссылаясь, между прочимъ, на то, что у князя Церетели нѣтъ ни одной крѣпости, которая служила бы доказательствомъ его величія и славы. Задѣтый этими словами, кн. Церетели выстроилъ громадную крѣпость по срединѣ Сачхери и послалъ людей къ кн. Абашидзе съ слѣдующими словами: „У меня есть крѣпость; если не вѣришь, то приѣхай самъ и посмотри“. Кн. Абашидзе, увидѣвъ крѣпость, выдалъ за него дочь, и съ тѣхъ поръ крѣпость эта стала называться „Моди-нахе“, что, въ буквальномъ переводѣ, значитъ: „приди—посмотри“.

VI.

Отъ м. Сачхери, по глубокому ущелью маленькой рѣчки Джручулы, близъ границы Рачинскаго уѣзда идетъ зигзагами узкая проселочная дорога, по которой трудно и даже опасно въ дождливое время проѣзжать. По мѣстамъ черезъ рѣчку проложены деревянные мостики, по которымъ путникъ ѣдетъ съ большимъ страхомъ, потому что они дрожатъ и качаются подъ копытами лошади.

Это живописное ущелье то суживается, то расширяется, образуя береговья поляны, на которыхъ подъ тѣнью столѣтнихъ дубовъ и орѣховыхъ деревьевъ стоятъ деревянные домики имеретинскихъ крестьянъ. Особенно красиво Джручульское ущелье въ томъ мѣстѣ, гдѣ, при поворотѣ дороги, внезапно открывается глазамъ Джручскій монастырь*), построенный на вершинѣ высокаго холма, окруженнаго со всѣхъ сторонъ лѣсистыми горами.

Время основанія Джручскаго монастыря не извѣстно, но мѣстные преданія и въ особенности прекрасная архитектура церкви св. Георгія, построенной изъ гладко-вытесаннаго кам-

*) Литература относительно Джручскаго или Джрудскаго монастыря указана у Баградзе, въ его сочиненіи „Кавказъ въ древнихъ напечатаныхъ христіанства“.

ня, заставляють полагать, что онъ сооруженъ во времена давнія, въ эпоху цвѣтущаго состоянія имеретинскаго царства. Какъ извѣстно, въ 1848 году въ Джручскомъ монастырѣ былъ академикъ Броссе, но онъ не нашелъ тамъ ни одной древней надписи, а только прочелъ на одномъ мѣстѣ, что церковь построена князьями Палавандовыми. Зато въ монастырской ризницѣ Броссе нашелъ весьма старинныя вещи и между ними самый древній памятникъ грузинской письменности съ обозначеніемъ времени, а именно: евангеліе, писанное въ 956 г. Впрочемъ, эти памятники не принадлежатъ по своему происхожденію Джручской обители, а были привезены туда, вслѣдствіе нашествія турокъ, вмѣстѣ съ мощами св. Георгія, изъ Саатабаго (нынѣшній Ахалцыхскій уѣздъ) монашествующею братією, которая искала покоя для молитвы подъ защитою имеретинскихъ царей. Въ этотъ монастырь турки не заходили, но онъ не былъ пощаженъ отъ междоусобныхъ браней, опустошавшихъ нѣсколько вѣковъ Имеретію, и во время возстанія сильнаго Рачинскаго эристава (въ XVIII в.) такъ былъ разоренъ, что царевичъ Вахуштъ, описывая Джручское ущелье, говоритъ, что тамъ были нѣкогда жилища, но теперь разрушены, о монастырѣ же и вовсе ничего не упоминаетъ. Вѣроятно, въ его время онъ былъ совершенно оставленъ. Когда же означенная борьба кончилась, и царь Соломонъ I одолѣвъ упорнаго своего вассала, то велѣлъ выколоть ему глаза и большую часть его имѣнія передалъ князьямъ Церетели, остававшимся постоянно его вѣрными сподвижниками. Послѣ этого Джручская обитель начала оправляться снова, и въ 1789 г. она, вмѣстѣ съ Мгвимевскою пустынью и крестьянами той и другой, пожалована была тѣмъ же князьямъ Церетели за усердіе и привязанность къ царю. Князья Церетели и донинѣ имѣютъ въ этомъ монастырѣ свою фамильную усыпальницу.

Съ восточной стороны монастыря протекаетъ рѣчка Джру-

чула, а съ западной стороны впадаетъ въ нее маленькій ручей Цвалпенила (წყალ-ცუბენი). Обѣ эти рѣчки изобилуютъ форелью. Къ монастырю можно подъѣхать только съ западной стороны, и то лишь верхомъ. При входѣ во дворъ монастыря, обращаетъ на себя вниманіе огромный деревянный амбаръ для храненія хлѣба и кукурузы. Амбаръ этотъ выстроенъ имеретинскимъ митрополитомъ Давидомъ Церетели (въ XIX ст.), который и похороненъ здѣсь. Тамъ же льется прекраснаго качества родниковая вода, проведенная сюда тѣмъ же митрополитомъ Давидомъ за три версты. Всѣ лучшія постройки воздвигнуты имъ же; ему же обязанъ Джручскій монастырь всѣмъ своимъ богатствомъ и величіемъ. Митрополитъ Давидъ былъ настоятелемъ этого монастыря и, умирая, оставилъ слѣдующее завѣщаніе:

„Голь и нагъ поступилъ я въ Джручскій монастырь и все, что теперь имѣю, пріобрѣлъ въ немъ пожертвованіями моихъ родителей, милостями моего дяди, митрополита Досноея, приношеніями добродѣтельныхъ людей и собственными трудами, а потому все мое имѣніе завѣщаю Джручской обители; имѣніе мое стоитъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Кроме такого имѣнія, жертвую еще 158 дымовъ крестьянъ.“

Настоящій монастырь выстроенъ Джручскимъ эриставомъ, что доказывается (?) надписью на правой сторонѣ западныхъ дверей храма:

„Св. Великомученикъ Георгій! спаси Мивела Моурава, Джручскаго великаго эристава“ *).

Монастырскій храмъ не великъ и на его стѣнахъ внутри нѣтъ никакихъ изображеній послѣ обновленія его о. настоятелемъ. Только на южной стѣнѣ есть камень съ надписью:

„О зрители сей могилы! надписью сею молю васъ о

*) «წმინდად მოწამე გიორგი, შეწყველე მიველ მოურავი ქრეტილ დიდის ერისთავისა».

прощени, лежащій подъ камнемъ преосвященный митрополитъ Симонъ Абашидзе. Я былъ настоятелемъ этого разореннаго монастыря, который трудами своими обновилъ и снабдилъ причтомъ, а нынѣ я, рабъ Божій и прахъ земли, прошу прощени грѣховъ моихъ, какъ простятся согрѣшенія ваши. Года 1778, мѣсяца апрѣля, 12 дня* *).

Здѣсь, кромѣ митрополитовъ, похоронены и другія важныя лица, какъ, напр., министръ двора, кн. Зурабъ Церетели съ женою. Это тотъ самый князь, который царемъ Соломономъ былъ отправленъ, въ качествѣ посла, къ императрицѣ Еватеринѣ II.

Между серебряными и золотыми вещами монастыря особенно важны:

1) Икона, оправленная въ золото, очень старая и рѣдкой работы. По срединѣ есть эмальированное изображеніе св. великомученика Дмитрія, съ надписью:

„Св. великомученикъ Дмитрій! возрасти сына Дадіани, который остался десятидневнымъ послѣ смерти матери, дочери грузинскаго царя. По Христѣ 1769 г.“ **).

2) Икона Пресвятой Богородицы, старой, очень изящной работы, оправленная въ золото, съ мощами святыхъ, съ надписью, гласящею, что эту икону 1 марта 1810 года пожертво-

*) «ჰოი, მხედველნი ამის საფლავისანი! მდებარე ამას შინა ყოველად სამღვდელთა მიჯნობითი სიმონ აბაშიძე, დარღვეულითა ნაწერითა ვითხოვ შენდობას, არამც თუ ჩემის ღირსებისათვის, არამედ მონასტრის სასოებასათვის, რომელ დაუშვარ ყოველისა შეძლებით ჩემით. ამისთვის მრავალის წლის დარღვეულისა მონასტრისა ექმენ წინამძღვარ ყოველითა შეწვენითა. განგამწესე კრებულება ამასა შინა და აწ განველ ამ მიერ და ვიქმენ მონა და ნაცარი, რომელი ყოველითა ჩემ ცოდვილითათვის ვსთხოვ შენდობას, რათა თქვენც შეგენდოსთ ცოდვანი თქვენი. წელსა 1778 წ. თვესა აპრილის 12 დღესა.

***) «წმინდაო მოწამე დიმიტრი! თან სახელსა შენსა დადიანის ძეს მივც აღზრდა, რომელ დაუშთ საქართველოსს მეფის ასულს დღისა ათისა. ქრისტესით 1769 წ.

ვალე князь Григорій Церетели, сынъ министра двора, Зураба Церетели *).

3) Вторая икона Пресвятой Богородицы, оправленная въ серебро и позолоченная, съ надписью: „Пресвятая Богородица! удостой вѣчной жизни меня, позолотившаго икону сію святую, Георгія царевича, грѣшнаго раба Твоего, и супругу мою съ дѣтьми и дочерьми. Аминь. По Христвѣ 1775 г.“ **).

Между серебряными церковными вещами особенно замѣчательны: нотирь съ его принадлежностями и кадило. Пѣтирь вѣситъ 12 фунтовъ, а кадило больше полъ-пуда. Также достойна вниманія вышитая плащаница, съ надписью вѣской Кетеваны Абашидзе, что эта плащаница вышита ея служанкой Джанвердою и пожертвована сему монастырю. Работа эта указываетъ на цвѣтущее состояніе рукодѣлій въ старое время.

Престолъ въ монастырѣ каменный, а на престолѣ—множество золотыхъ и серебряныхъ вещей. Есть здѣсь золотая директрительница съ золотою лжицею; здѣсь же лежитъ прекрасное и дорогое евангеліе, оправленное въ серебро. Особенного вниманія заслуживаетъ маленькое рукописное еван-

*) ყოვლიად ვრთვამ სძალო კნინი იესუ და ყოვლიად მწირი უწმინდესო შენ მამისა სძალო, უსძლოო და მისას სახლის შვიდ პარო ხასანთლოო, აღნათო მნათო, იმის შობით განღროთომილო. მე შენის სახის ვეკადრე ესე მკობა სახელით გრიგორ სირთა წურეთელთაგან ქემან წგრეთელი სახლით ხუცესის ზურაბისაგან, ყოველითურთ შენმა სასოებაჲმან, მონამან. თვალთი პატიოსნით, ოქროსთანა ნათხზი გიძლეუნ, დედაო. მკობცა ესე უნდა მიიღო დედა იესოს მხსნელი, ვითარცა თვით მან ოდესმე ქერიკის ძლეუნი. იუვენ ყოვლიად შემწე და მცველი, მთხოვდუნ რა სულისა შეგნებას წესსამებრ ჩემთაცა მათ შშობელთა სასურველთა მეუღლისა ძეთა და ასულით თანაშესაწევნელად სრულ იქმნა ესე. ქმნელ ქრისტესით წყდესა 1810 მარტის 1 დღესაა.

***) ყოვლიად წმინდაო მღვთის შშობელი! ღირს მეუ მე საუკუნოსა ცხოვრებასა მეუღლით, ძეებით და ასულით, ცოდველი მონა შენი ბავონი. შვილი გიორგი, რომელმაც შევაძვე ხალცი ესე შენი წმიდა. ამან. ქრისტესით 1775 წ.ა.

გელიე ვზოლოთჲ პერპლეთჲ, ოცენჲ ივიაჲიოიჲ ი თონჲოი რა-
ბოთჲ. დლინა ი შირინა ევანგელია—პოლთორა ვერშკა, ა თოლჲინა
—პოლ-ვერშკა. ევანგელიე ოთ—პოლონე ი ნაივსავო ოცენჲ მელ-
ხიმი, ნო ოცენჲ უდობნიმი დლია ჲენიე ბუვვამი.

ვზ ბიბლიოთეკჲ მონასტირა ოცენჲ მლოგო რუკოიხსეი. მე-
დუ ნიმი ესთ ბოლოხო რუკოიხსო ევანგელიე, ნაივსავო ბოლო-
შიმი პროიხსნიმი ჲერჲოვნო-გურჲინსკიმი ბუვვამი ნა კოჲჲ.
ნა ოდნოი სტრანიჲჲ ეგო იმჲეთსა პრიპისკა:

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа, съ помощью
Пресвятой Богородицы, силою Животворящаго Креста, съ
помощью Иоанна Крестителя и святыхъ пророковъ и апосто-
ловъ, святыхъ отцовъ и епископовъ, удостоился писанія сего
евангелія я, Григорій, по указанію священника Габріеля, для
спасенія души царя моего Сумбата и родителей моихъ: Ми-
римана, Тинатини, братьевъ и сестеръ моихъ, умершаго Ила-
ріона и Джакели. Отнынѣ, читатели евангелія сего, не забывай-
те и вспоминайте насъ всѣхъ, да вспомнитъ Господь и
васъ. Аминь. Евангеліе это написано рукою скорописца Габ-
ріеля, съ помощью Георгія. Отъ сотворенія міра годъ 6540* *).

*) «სახელითა მამისათა და ძისათა და სულისა წმინდისათა. ამინ. მეო-
ნებოთა წმინდისა მღვთის მშობლისათა, ძლიერებითა პატრიოსნისა ევკრისათა
მეონებოთა წმინდის იოანე ნათლის მცემელისათა და წმინდათა მახარებელთა
და მოციქულთასა და წმინდათა წინასარმეტყველთა მღვლელო-მოძღვართ
და წმინდათა მამათა და ყოველთა წმინდათა ნების მეოფელთა მასთათა».

«ლირს ვაქმენ მე, გრიგორ, დაწერად წმინდა ესე სახარება სელითა გაბ-
როელ მღვდლითა ნარჩევისათა, თაუდ მეფესა ჩემსა სუმბათს სალოცველად
და შემდგომ მშობელთა ჩემთა მირმანისათვის, თინათინისათვის და ძმათა და
დათა ჩემთათვის და ჩემთა ცოდვათა და თანაცხოვრებელთა ჩემთა სახსრად
და მეკიდრთა სახსენებლად ილარიონისათვის და ებუელიისათვის. აწი ვინც
აკითხავდეთ წმინდასა ამას სახარებას ნურცა დაფიქვებულ ვართა ლოცვასა
წმინდასა ცოცხალნი და მეკიდარნი და თქვენცა უფალმან მადლი მოგანიჭის
მავთერი. ამინ. დაიწერა წმინდა ესე სახარება სელითა უცებ მწხრეველითა
გაბრიელისათა და შეწევნითა და მოძღვრებითა გიორგისათა». ჰი, დიდ გუ-
ლის მოდგინება მიჩვენა ამის სახარების დაწერაში ხსენებულთა, რომელნიცა
არაბ კეთილსა შინა. ამინ. დასაბამიდგან წელნი 6540».

Монастырскій причтъ состоитъ изъ одного настоятеля-архимандрита, восьми іеромонаховъ, двухъ іеродіаконовъ и нѣсколькихъ другихъ церковнослужителей.

Учитель Квиральскаго училища *В. Хускивадзе*.

СЕЛО КАСАПЕТЪ,

Елисаветопольской губерніи, Джеманширскаго уѣзда.

1. Названіе села, краткія историческія свѣдѣнія, мѣстоположеніе и внѣшній видъ.

Названіе села Касапетъ армяне произносятъ и пишутъ *Кусапатъ*. Происхожденіе его объясняется двояко. Одни изъ старожиловъ говорятъ, что первые пришельцы, основатели этого села, пригласили мастера (каменщика) построить для нихъ церковь, нынѣ существующую. Мастеръ желалъ, чтобы честь постройки храма осталась за нимъ, и потому не хотѣлъ получить отъ жителей вознагражденія за труды; жертвуя своимъ трудомъ, онъ хлопоталъ о спасеніи своей души; жители селенія, въ свою очередь, заботились о томъ же и рѣшились, во что бы то ни стало, вознаградить мастера, дабы душеспасительная сила этого богоугоднаго дѣла перешла къ нимъ, а не къ мастеру. Чтобы не получить отъ жителей вознагражденія и, такимъ образомъ, не лишиться права на спасеніе души, мастеръ, не достроивъ церкви, ночью убѣжалъ. Когда сельчане узнали о бѣгствѣ мастера, погнались за нимъ и вернули назадъ. Онъ во второй разъ убѣжалъ, и церковь оставалась, по этому случаю, долго не достроенною, а потому и получила названіе „Касапатъ“, что значитъ полу-стѣна, недостроенная стѣна. По этой же причинѣ, говорятъ, нѣтъ надъ церковью и надписи о томъ, кѣмъ и когда она выстроена. Другіе изъ касапетскихъ старожиловъ говорятъ, что названіе „Кусапатъ“ (собственно Куйсапатъ) произошло отъ того, что селеніе это окружено со всѣхъ сторонъ мѣстами, гдѣ жили дѣвственницы, монашенки. Дѣйствительно, къ востоку отъ села находятся

монастыри: „Егннъ-агбюръ“ и „Дадворъ“, въ югу— „Хачхудъ“ въ западу— „Чиннавёръ“, въ сѣверу— „Рипсиме“ и „Гарнбъ-хачъ“. Нѣкоторые, наконецъ, утверждаютъ, что на мѣстѣ старой касапетской церкви существовалъ въ древнія времена дѣвичій монастырь, по-армянски— „Куйспатъ“, и отъ этого слова, будто, и произошло названіе „Кусапатъ“ или, какъ переименовали его впоследствии русскіе, „Касапетъ“.

О времени основанія села Касапетъ у мѣстныхъ жителей сохранились слѣдующія преданія: одинъ изъ рода Гасанъ-Джалаловыхъ, по имени Атабекъ, во времена персидскаго владычества въ Карабахѣ, своею храбростію и энергіею снискалъ милость у одного персидскаго вельможи и выпросилъ себѣ позволеніе вернуться на родину изъ-за Аракса, куда былъ переселенъ въ числѣ другихъ карабахскихъ армянъ. Вельможа персидскій позволилъ Атабеку съ нѣсколькими семействами поселиться въ мѣстности, лежащей между рѣками Тертеромъ и Хачинкою, гдѣ ему понравится, во владѣніяхъ предковъ его Гасанъ-Джалаловыхъ. Въ началѣ Атабекъ съ семействомъ своимъ и нѣсколькими другими семействами поселился въ оврагѣ, нынѣ называемомъ „Хинъ-шенъ“ (Հին շեն), т. е. „старое селеніе“. Впоследствии жители Хинъ-шена переселились на то мѣсто, гдѣ находится нынѣшнее селеніе „Касапетъ“; оно отстоитъ отъ Хинъ-шена на четверть версты.

Касапетъ, по разсказамъ мѣстныхъ старожилловъ, подвергался нѣсколько разъ опустошенію и разрушенію со стороны лезгинъ и татаръ, подобно другимъ окрестнымъ селеніямъ. Въ концѣ же восемнадцатаго столѣтія, частію, по причинѣ раздоровъ между мѣстными жителями, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе двукратнаго нашествія Ага-Магомедъ-хана, христіанское населеніе Карабаха бросилось искать себѣ пріюта въ Грузіи и въ Россіи, и селеніе Касапетъ совершенно опустѣло; равно-какъ опустѣли и всѣ другія селенія этого края, называемаго Джрабертомъ (водяная вѣрность). Но одинъ изъ по-

томбовъ выпеназваннаго Атабека, Ованесь Юзбаши, извѣстный въслѣдствіи подъ именемъ мелика Вани Атабекова, по примѣру своихъ предковъ, не пожелалъ оставить свою родину, одинъ со своимъ семействомъ и съ нѣсколькими челоуѣками прислуги онъ вернулся изъ Ганджи (Елисаветополя) обратно въ свое селеніе Касапетъ.

Это случилось въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго или въ первыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія. Живя въ мѣстности между городами Шушою и Елисаветополемъ, которая служила тогда театромъ военныхъ дѣйствій между персами и русскими, Ованесь Юзбаши неоднократно оказалъ важныя услуги находившемуся въ стѣсненномъ положеніи русскому отряду, бывшему подъ начальствомъ знаменитыхъ героевъ Кавказа: полковника Карягина и маіора П. С. Котляревскаго *).

Послѣ, съ помощью русскихъ властей, Ованесь-Юзбаши почти насильно вернулся обратно изъ селенія Сканпата (Елисаветопольскаго уѣзда) двѣнадцать дымовъ касапѣтцевъ, переселенныхъ сюда во время нашествія Ага-Магомедъ-хана, и вновь основалъ селеніе Касапетъ на прежнемъ опустошенномъ мѣстѣ. Затѣмъ, получивъ отъ Карабахскаго Мехти-Кули-хана въ 1812 или 1814 годахъ званіе „мелика“, онъ, меликъ Вани, привлекъ въ селеніе Касапетъ пришельцевъ со всѣхъ сторонъ, такъ-что число ихъ въ короткое время дошло до 150 дымовъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ, оставивъ коренныхъ касапѣтцевъ въ селеніи Касапетѣ, пришельцевъ онъ переселилъ оттуда въ мѣста другихъ опустошенныхъ старыхъ селеній и образовалъ поселки: Улу-Карабетъ, Иччикъ-Карабекъ, Магавузъ, Люласазъ, Гюльятатъ и Джанъ-атагъ. Между тѣмъ Касапетъ наполнился въслѣдствіи новыми пришельцами, и въ настоящее время селеніе это, по послѣднему камеральному описанію, имѣетъ слиш-

*) Услуги мелика-Вани и его отца, омазаннаго и. Карагану и и. Котляревскому, относятся къ 1805 г. См. „Истор. войны и влад. русскихъ на Кавказѣ“ Н. Дубровина, т. IV, стр. 451 и 452. Ред.

комъ триста дымовъ носална, или 2279 человекъ: 1210 мужчинъ и 1069 женщинъ, которые живутъ, кромѣ главнаго селенія, въ пяти отселкахъ: Демурлахъ, Уратагъ, Мардагирдахъ, Гаратафъ и Мамурлинъ-ятагъ. Причиною тому, что нѣкоторые изъ касапетцевъ, оставивъ главное селеніе, спустились внизъ по касапетскому ущелью и водворились около большой дороги, служить то, что главное селеніе находится довольно далеко отъ пахатной земли, и потому доставленіе сюда сельско-хозяйственныхъ произведеній, напр.: сноповъ, сѣна, хлопчатой бумаги и др., затруднительно. Касапеть, занимаетъ центральное положеніе относительно своихъ отселковъ: съ сѣвера, напр., находятся Улу-Карабекъ и Кичикъ-Карабекъ, (первый въ 5 верстахъ, второй—въ 3-хъ), съ юга—Гюль-ятагъ и Джанъ-ятагъ (первый въ 2 верстахъ, второй въ—4-хъ) и т. д.

Мѣсто, занимаемое селеніемъ Касапеть, имѣетъ видъ трапедіи и составляетъ площадь въ 314 кв. верстъ. Дома у зажиточныхъ людей, преимущественно у дворянъ, устроены, въ подражаніе европейскимъ, въ одинъ и два этажа, оставаясь, по существу дѣла, все-таки азіатскими. Только новое училищное помѣщеніе выстроено по-европейски и бросается въ глаза по своей красотѣ и мѣстоположенію. Прочіе дома выстроены на половину въ землѣ, подъ плоскими или конусообразными навѣсами, поддерживаемыми деревянными столбами; издали отъ такихъ домовъ виднѣются лишь коническія отверстія, оставленныя наверху кровель, для свѣта и выхода дыма. Матеріаломъ для постройки служатъ: камень, песокъ, известь и лѣсъ; послѣдній приобрѣтается жителями за опредѣленную плату изъ казенныхъ или помѣщичьихъ лѣсовъ, находящихся въ западу отъ села, на разстояніи 5—8 верстъ. Въ селѣ существуетъ единственная улица, по которой можно ѣхать на арбѣ, а всѣ прочія улицы представляютъ собою тропинки или узкіе переулки.

2) Орошеніе и климатъ.

Касапетъ и его окрестности орошеніемъ весьма бѣдны. На сѣверо-западѣ отъ села, по глубокой долинѣ, окаймленной высокими скалами, течетъ рѣка Тертеръ. Бурный Тертеръ беретъ свое начало изъ подошвы горы „Делу-дага“ (сумасшедшая-гора), находящейся на западной границѣ Джеванширскаго уѣзда, и, пробѣжавъ слишкомъ сто верстъ, впадаетъ въ рѣку Буру во время весенняго половодія, а въ другія времена года, т. е. лѣтомъ, осенью и зимою, теряется въ долину Буры, не доходя до самой рѣки. Въ своихъ верховьяхъ рѣка Тертеръ то вьется въ зелени бархатной травы, то низвергается съ высоты скалъ, образуя множество водопадовъ. Здѣсь раскинуты кибитки кочевниковъ-вурдовъ, которые служатъ единственными обитателями этого края, отдаленнаго отъ многолюдныхъ селъ и городовъ. Дальше, усиливаясь отъ впадающихъ въ него притоковъ, Тертеръ течетъ въ дремучемъ лѣсу и, дошедши до равнины, раздѣляется на многія оросительныя каналы. Тертеръ съ правой стороны имѣетъ мало притоковъ, а съ лѣвой въ него впадаютъ три значительныхъ рѣчки: Тутту-чай, Сіегту-чай и Трге; послѣдній, въ свою очередь, принимаетъ съ лѣвой стороны слѣдующіе притоки: Мичакетъ, Югубакетъ, Гвазакетъ и Муровакетъ который беретъ свое начало изъ подошвы горы Мурова и отъ нея же заимствуетъ и свое имя. Каналы, на которыя раздѣляется рѣка Тертеръ по вступленіи на равнину, отведены въ помѣщичьи земли, для поливки хлѣбныхъ растений. Одна изъ нихъ, отведенная въ земли помѣщика Н. Пирумова, находится въ пользованіи касапетцевъ по арендѣ на пять лѣтъ. На всемъ протяженіи рѣки Тертера чрезъ нее перекинуты два моста: Сарсагвнъ-Бармунджъ и Кари-Кеорби, т. е. мостъ старухи. Говорятъ, что этотъ мостъ построенъ одною старухою, почему и называется „Кари-Кеорби *). На югъ отъ села по песчаному грун-

*) Сравни во II отдѣлѣ настоящаго выпуска, стр. 78, к. Гарри-Корфи. Ред.

ту течетъ небольшая рѣчка; на ней построены каспетскія мельницы; сельчане, кромѣ того, водою этой рѣчки орошаютъ свои сады, огороды и хлѣбныя поля. Воду для питья поселяне берутъ изъ двухъ родниковъ, изъ коихъ одинъ находится къ западу отъ села, другой къ востоку: вода въ обоихъ здоровая.

Климатъ здѣсь умѣренный и здоровый. Зима—теплая, а лѣто—прохладное; осень и весна сопровождаются постоянными туманами и частыми продолжительными дождями. Зимую дуютъ, большею частью, сѣверные и юго-восточные вѣтры, а лѣтомъ западные и юго-западные. Морозы бываютъ только въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ, а въ иные годы и въ эти мѣсяцы не бываетъ морозовъ. Рѣки освобождаются отъ льда въ концѣ февраля; въ этомъ же мѣсяцѣ появляются и первые цвѣты; въ концѣ марта на деревьяхъ разворачиваются почки. Первые грозы бываютъ въ мартѣ или въ апрѣлѣ мѣсяцахъ. Градь выпадаетъ рѣдко, обыкновенно, въ июнѣ. Въ видѣ исключенія, въ 1887 году градъ выпалъ 12-го и 13-го сентября, при чемъ образовались бурные потоки, которые причинили жителямъ убытку на 1500 руб.: много домашнихъ животныхъ, бочекъ и кадокъ, приготовленныхъ садовладѣльцами для вина, было унесено водою, а градъ побилъ виноградъ и другіе плоды.

3) Археологическіе памятники и богомольныя мѣста.

Изъ археологическихъ памятниковъ и богомольныхъ мѣстъ, находящихся въ окрестностяхъ Каспета, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе.

Къ востоку отъ села, на берегу рѣчки, находится святой родникъ „*Винъ-автуръ*“ (т. е. родникъ оленя). Про этотъ родникъ въ народѣ рассказываютъ такое преданіе: въ былое время ежегодно къ этому роднику приходилъ одинъ олень и ложился у родника; мѣстные крестьяне рѣзали его и дѣлили мясо между собою поровну, какъ жертву посланную Богомъ;

разъ, когда, по обыкновенію, пришелъ олень къ роднику „Егинъ-агбюръ“ и сталъ пить изъ него воду, нѣкоторые изъ крестьянъ бросились на оленя, не давъ ему лечь, подобно другимъ, раньше приходившимъ; олень убѣжалъ по направленію къ лѣсу, но крестьяне догнали и убили его выстрѣломъ изъ ружья, а мяса его не раздѣлили между всѣми сельчанами, какъ это дѣлалось раньше; съ того времени Богъ пересталъ посылать оленей къ роднику. По народному повѣрью, вода родника „Егинъ-агбюръ“ лѣчитъ глазныя болѣзни; только для этого нужно болному зажечь у родника восковыя свѣчи или принести жертву.

Къ сѣверо-востоку отъ села растетъ большой дуба, подъ которымъ лежитъ вуча камней, и на одномъ изъ нихъ врызанъ крестъ. Послѣдній извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „Гарибъ-хачъ“ (крестъ странника). О немъ и о дубѣ существуетъ слѣдующее преданіе. Въ первые годы христіанства, когда христіане не смѣли явно поклоняться кресту Господнему и были преслѣдуемы язычниками, господствовавшими въ то время надъ христіанами, одинъ странникъ, тайный христіанинъ, былъ застигнутъ язычниками подл вышеназваннымъ дубомъ и убитъ. Послѣ этого по ночамъ люди видѣли, что съ неба струями ниспадетъ на это мѣсто сверхъестественный свѣтъ и стали поклоняться этому дубу, какъ святынь.

Къ сѣверу отъ села, въ 1¹/₂ верстахъ находится монастырь „Иинъ-масъ“ (иѣнъ-идимъ, что значить девять мощей). Говорятъ, что въ началѣ распространенія христіанства тутъ были перебиты язычниками девять братьевъ; народъ, причисливъ ихъ къ лику святыхъ, построилъ въ честь ихъ монастырь, который и существуетъ донынѣ. Иинъ-масъ стоитъ на вершинѣ возвышенности; въ западной части его находятся двѣ комнаты, гдѣ живетъ джамакочъ (церковный сторожъ), въ праздничные дни живутъ и богомольцы, пришедшіе на поклоненіе святынь. По разсказамъ дѣлоторыкъ жанданнъ, эти девять братьевъ являются людямъ (женщинамъ) во снѣ одѣтыми одязжово и

сидящими на бѣлыхъ коняхъ. На сѣверномъ склонѣ этой возвышенности находится старое *кладбище*; надписи на могильныхъ камняхъ, находящихся здѣсь, подѣ атмосферными вліяніями такъ сгладились, что ихъ прочесть невозможно.

Въ разстояніи 50 сажень отъ Инъ-маса, въ лѣсу, находится полуразрушившееся каменное зданіе *Меликъ-Гатама*, преемникъ котораго нынѣ живетъ въ селѣ Кичикъ-Карабекъ. Оно окружено крѣпкими стѣнами вышиною въ двѣ сажени. Зданіе Меликъ-Гатама состоитъ изъ нѣсколькихъ карадамовъ и трехъ конюшенъ, расположенныхъ кругомъ довольно большой площади. Крышею, какъ для карадамовъ, такъ и для конюшенъ, служатъ каменные своды, поддерживаемые огромными столбами, высѣченными изъ одного цѣлаго камня.

Къ западу, въ 8 верстахъ отъ села, въ лѣсу, находится богомольное мѣсто „*Тавара-хачъ*“ (святыня скота), куда пригоняютъ скотъ во время эпизвотів; пастухи въ Тавара-хачѣ ломаютъ свои палки и вѣшаютъ на томъ деревѣ, подѣ которымъ лежатъ нѣсколько камней съ вырѣзанными одинъ надъ другимъ крестами. Это дѣлается въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ палками останется тамъ и болѣзнь скота.

Къ сѣверо-западу отъ Касапета, въ 25-ти верстахъ, на сѣверномъ берегу Трге, находится монастырь *Ерекъ-манкункъ* (трехъ отроковъ), гдѣ въ праздники, особенно на Пасху, бываетъ большое стеченіе народа. Зданіе Ерекъ-манкунка, которое можно отнести къ византійскимъ постройкамъ, стоитъ на возвышенности; кругомъ ея шумитъ могучій лѣсъ, благодаря которому братія пользуется здоровымъ воздухомъ и самою чистою водою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на берегу одной рѣчки нашли два колокола; на одномъ изъ нихъ находится слѣдующая надпись *): „Пожертвовалъ сей колоколъ бахджасараецъ Ходжа Худиджанъ

*) ՅԻՀատակ է գանկակս Խոնայ Խուդիճանին Պախջասարեցու. հռու. Սրբոց երից Մանկանց. ձեռամբ Սիմէոն կաթողիկոսին Աղուանեցի. 1147 թվին մայիսի 3-ին:

святинѣ „Ерекъ-манкунѣ“ во дни Агванскаго католикоса Семена 1147 г., 3-го мая. По армянскому лѣтосчисленію выходитъ, что колоколь пожертвованъ лѣтъ 200 тому назадъ. О времени постройки самаго монастыря ничего не извѣстно. Немного дальше, къ востоку отъ главнаго монастыря, на ровномъ мѣстѣ, стоитъ малый монастырь. Преданіе объ этомъ монастырѣ гласитъ слѣдующее. Когда мощи Ерекъ-манкунѣ изъ города Багдада довели на верблюдѣ до этого мѣста, то здѣсь верблюдъ палъ на колѣни; видя въ этомъ указаніе Божіе, хотѣли на этомъ мѣстѣ построить монастырь: привезли матеріалъ, рабочіе стали перемѣшивать известь съ пескомъ; вдругъ въ это время замѣтили, что множество ласточекъ носить въ клювахъ куда-то грязь; стали слѣдить за ними и нашли, что онѣ выбрали для своихъ гнѣздъ болѣе хорошее мѣсто; видя въ этомъ новое указаніе свыше, порѣшили построить главный монастырь на томъ мѣстѣ, которое указали ласточки, а на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюдъ палъ на колѣни, построить малый монастырь. Дорога въ Ерекъ-манкунѣ идетъ то по лѣсу, то по голымъ скаламъ, надъ безднами: малѣйшая неосторожность со стороны богомольца можетъ быть гибельна для него.

Въ 8 верстахъ отъ Касапета находятся развалины древней крѣпости, называемой „Кагакатегъ“ (мѣсто города): по сказанію народа, эта крѣпость была построена армянскимъ царемъ Вачаканомъ и служила ему лѣтнею резиденціею; она расположена въ ущельѣ, окруженномъ высокими горами, на которыхъ стоятъ вѣковыя башни, свидѣтельствующія, что нѣкогда здѣсь кипѣла людская жизнь. Домъ большею частью высѣченъ въ скалахъ; въ сѣверо-западной части развалинъ находится подъ землею каменный домъ, входъ въ который представляетъ отверстіе, продѣланное сверху; говорятъ, этотъ домъ служилъ тюрьмою, гдѣ царь Вачаканъ морилъ голодомъ осударственныхъ преступниковъ. Въ концѣ восемнадцатаго

столѣтія, когда лезгины и персіане напали съ разныхъ сторонъ на Касапетъ и окрестныя села, Меликъ-Гатамъ, съ своими подданными укрылся въ этой крѣпости и сталъ обороняться здѣсь; въ это время онъ возобновилъ, для временнаго житія, одно изъ зданій; стѣны послѣдняго остаются въ цѣлости до настоящаго времени. При раскопахъ, здѣсь были найдены кувшины, серебряныя монеты, женскія украшенія, различныя мѣдныя сосуды, цѣпи и земледѣльческія орудія. Къ сожалѣнію, эти древности растрачены крестьянами.

На сѣверномъ берегу рѣки Тертеръ, на возвышенности, противъ развалинъ крѣпости „Кагакатегъ“, находятся развалины другой крѣпости, известной подъ именемъ „Джрмовинъ-гала“ (*Չրի Վանիկ քերտ*), что значитъ— „крѣпость около воды“. Сооруженіе ея приписываетъ народъ также Царю Вачакану. Она окружена крѣпкою зубчатою стѣною; изъ нея до рѣки Тертеръ идетъ подземный ходъ въ видѣ лѣстницъ; онъ служилъ для доставленія въ крѣпость воды во время осады ея неприятелями.

На лѣвомъ берегу Тертера, на одной возвышенности, среди лѣса стоитъ монастырь „Египше-Аракель“; на склонѣ этой возвышенности находится родникъ, славящійся хорошею водою. По преданію, этотъ монастырь построилъ армянскій царь Вачаканъ, зимняя резиденція котораго находилась въ Бардѣ. Когда житейскія дѣла надѣли царю Вачакану, онъ передалъ свой престолъ сыну-наслѣднику, Ваграму, самъ же надѣлъ платье простаго человѣка и пошелъ путешествовать по своему государству; прошло много времени, и онъ не вернулся въ столицу. Ваграмъ, не дождавшись возвращенія отца, съ своими тѣлохранителями отправился искать его. Выше селенія Мадагисъ, на склонѣ той возвышенности, на которой стоитъ монастырь „Египше-Аракель“, онъ встрѣтилъ своего отца въ лохмотьяхъ, таскающимъ воду въ тулукъ. Какъ только увидѣлъ Ваграмъ отца, тотчасъ слѣзъ

съ коня и хотѣлъ взять у отца тулухъ съ водою, чтобы от-нести воду, куда онъ приважеть; но отецъ не давалъ ему тулуха; долго продолжался этотъ споръ: отецъ тянулъ тулухъ къ себѣ, а сынъ—въ свою сторону; вдругъ тулухъ порвался, и вода вылилась на землю. Съ тѣхъ поръ отсюда стали бить род-никъ, и царь Вачаканъ послѣ того сталъ таскать воду, для постройки монастыря „Егише-Аравела“, изъ этого родника, а не изъ рѣчки, находящейся довольно далеко. Въ послѣднее время у этого родника нашли два колокола довольно большой величины, которые послѣ долгаго нахождения въ землѣ такъ разѣдены ржавчиной, что не издають звука, и надписи, быв-шія на нихъ, сгладились. Егише-Аравель состоитъ изъ девя-ти монастырей, стоящихъ рядомъ, при чемъ главный мона-стырь находится въ серединѣ и состоитъ изъ двухъ отдѣле-ній. Къ востоку отъ самыхъ монастырей устроены три ком-наты, въ которыхъ живутъ приходящіе сюда богомольцы. Все это,—и монастыри, и комнаты,—окружено крѣпкою стѣною; ворота имѣются на востокъ и западъ. Въ одномъ изъ девяти монастырей погребенъ царь Вачаканъ; на наддверномъ камнѣ этого монастыря написано по-армянски слѣдующее *):

„Здѣсь—гробъ царя Вачакана. Господи помилуй вмѣстѣ съ его родителями Айрапета, который построилъ сей монастырь, при помощи Теръ-Семена“.

Въ другихъ монастыряхъ погребены католикосы, архі-епископы и епископы.

Между Егише-Аравеломъ и Ерекъ-мангункомъ, на пра-вомъ берегу рѣки Тертеръ, находятся развалины монастыря „Катоквасаранъ“ (мѣстожительство католикосовъ). Камни это-го монастыря разбросаны во всѣ стороны, и даже одна часть стѣны переброшена на лѣвый берегъ Тертера. Народное

*) «Այս է հանդիստ վաչագան թագաւորին: Աստուած ողորմի Հայրապետաց և իւր ծնողաց, որ շինեց զեկեղեցիս առաջնորդութեամբ Տէր Սիմէոնի»:

преданіе приписываетъ это разрушеніе Ленгъ-Темиру *), который, напавъ на Арменію, опустошилъ всѣ города и монастыри.

4. Минеральные источники и минералы.

Окрестности Касапета богаты минеральными источниками. Въ долинѣ рѣки Тертеръ въ 1886 году появились четыре минеральныхъ источника; изъ нихъ два бьютъ изъ одного мѣста, парно, и, имѣютъ одинъ и тотъ же вкусъ и цвѣтъ, а два другіе, находящіеся въ незначительномъ разстояніи отъ первыхъ двухъ, совершенно напоминаютъ вкусомъ зельтерскую воду. По распоряженію помощника Джеванширскаго уѣзднаго начальника, выкопаны тамъ пруды для купанія. Недалеко отъ этихъ источниковъ находится часть развалинъ древняго города. При выкапываніи прудовъ, подъ землею найдена часть какой-то стѣны: можно полагать, поэтому, что эти источники въ древнее время эксплуатировались, и тамъ были построены помѣщенія, а потомъ послѣднія были разрушены, и самые источники закрыты землею.

Въ верхней части долины Тертера находится группа минеральныхъ источниковъ, извѣстная подъ именемъ „Исти-су“ **).

Къ востоку, въ 10 верстахъ отъ Касапета, находится источникъ „Шоръ-булагъ“, или, въ переводѣ, „соленый источникъ“.

Къ западу отъ Касапета, въ 15 верстахъ, находится серебро-свинцовый и мѣдный рудникъ; лѣтъ 15 тому назадъ этотъ рудникъ былъ открытъ рудопромышленниками. Нашедши рудникъ, они стали тамъ жить; въ послѣднее время пришли

*) Ленгъ-Тимуръ или Тимуръ-ленгъ (Тимуръ хромой), извѣстный въ русской исторіи подъ искаженнымъ именемъ Тамерлана.

**) Въ VII выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (отд. II, стр. 84—85) помѣщено было описаніе этихъ источниковъ, составленное авторомъ настоящей статьи.

въ нимъ и другіе греки; теперь тамъ живутъ двѣнадцать дымовъ грековъ и занимаются добываніемъ свинцу, мѣди и отчасти серебра. Изъ минераловъ здѣсь обращаетъ на себя вниманіе песчаникъ: изъ него мѣстные жители приготовляютъ хорошіе мельничные жернова и развозятъ почти по всему Закавказью. Кромѣ того, встрѣчается кремень, булыжникъ, полевой шпатъ, кварцъ и известнякъ, изъ котораго приготовляютъ мѣстные жители надгробные камни.

5. Нравы, обычаи и суевѣрія касапетцевъ.

Въ нравахъ и обычаяхъ касапетцевъ много жесткости и грубости. Сосѣдство съ татарами имѣетъ дурное вліяніе на касапетцевъ и на ихъ сосѣдей. Внѣшнимъ образомъ это вліяніе выражается въ подражаніи татарамъ: мужчины, особенно молодые, одѣваются въ татарскій костюмъ, въ разговорѣ часто употребляютъ татарскія слова, въ особенности—брань; отъ татаръ армяне переняли похищеніе невѣстъ, кровавую месть и отчасти воровство.

Касапетцы отличаются гостепріимствомъ, но между собою неуживчивы и страдаютъ отсутствіемъ единодушія даже и въ дѣлахъ, касающихся общей пользы. Женщины у большинства касапетцевъ безпрекословно подчиняются волѣ своихъ мужей и всевозможными средствами стараются угодить имъ, чтобы не навлечь на себя ихъ гнѣва. До извѣстнаго возраста отецъ не беретъ на руки своего ребенка не только въ присутствіи постороннихъ лицъ, но и при своихъ родственникахъ; по принятому обычаю, онъ не можетъ даже сказать ему ни одного ласковаго слова; все это считается почему-то униженіемъ и стыдомъ для мужчины. Поэтому, дѣти болѣе привязываются къ матери, чѣмъ къ отцу. Первоначальное воспитаніе дѣтей лежитъ на обязанности матери; затѣмъ воспитаніе дѣтей мужескаго пола, послѣ извѣстнаго возраста, переходитъ къ отцу или къ старшему брату. Называть жену по имени считается

особымъ стыдомъ для мужа, равнымъ образомъ и для жены—звать по имени мужа. У каспетцевъ множество суевѣрій. Болѣзни они приписываютъ волѣ Бога или вліянію святынь; для лѣченія больныхъ къ помощи докторовъ обращаются рѣдко, и послѣднихъ даже нѣтъ у нихъ. Чтобы узнать, которая изъ святынь служить причиною болѣзни, родственники больного обращаются къ знахарямъ; тѣ, спрашивая о времени заболѣванія, рѣшаютъ, что онъ заболѣлъ отъ *такой-то* святыни; чтобы больной вылѣчился, родители или близкіе родственники берутъ его и путешествуютъ по святымъ мѣстамъ, ночуя въ опредѣленное время въ монастыряхъ, по указанію знахаря; нерѣдко во время такихъ поѣздокъ больной простуживается и умираетъ. Иной разъ знахарь приписываетъ болѣзнь волѣ злыхъ духовъ и, получивъ нѣсколько десятковъ копеекъ, пишетъ на треугольномъ клочкѣ бумаги какія-то молитвы, имѣющія яко-бы цѣлительную силу, и приказываетъ, напр., чтобы одинъ изъ этихъ клочковъ бумаги пришили къ одеждѣ больного, другой—зарыли въ землю, у порога дверей, третій—бросили въ стаканъ съ водою и дали больному пить этой воды. Прежде, чѣмъ писать молитвы, знахарь требуетъ по одной черной курицы съ каждаго больного; зарѣзавъ ее, онъ вынимаетъ камешки изъ ея желудка и сердце; сердце даетъ съѣсть больному, а камешки приказываетъ въ мѣшечкѣ пришить къ одеждѣ больного, чтобы злые духи не смѣли приближаться къ нему *).

Я былъ очевидцемъ слѣдующаго случая: одинъ человѣкъ заболѣлъ; по внушенію нѣкоторыхъ лицъ, пригласили доктора; послѣдній далъ ему лѣкарство и прописалъ рецептъ; но родные больного не хотѣли послать человѣка за лѣкарствомъ въ аптеку, говоря, что знахарь воспретилъ давать лѣкарство больному, такъ какъ его болѣзнь—отъ святыни „Хачъ-Хурата“,—чтобы вылѣчиться, больной долженъ непременно отпра-

*) Сравни „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, вып. IX, стр. 144—145.
Ред.

виться на поклоненіе Хачь-Хурату; при этомъ старухи, крестьясь, съ благоговѣйнымъ страхомъ, говорили что—чѣмъ больше принимаетъ больной лѣкарство, тѣмъ чувствуетъ себя хуже *).

6. Главныя занятія жителей Касапета.

а) *Скотоводство* составляетъ для касапетцевъ одно изъ главныхъ средствъ къ жизни. Благопріятныя климатическія условія и хорошія пастбища дали возможность сельчанамъ заниматься не только разведеніемъ крупнаго рогатаго скота, но и овецъ, козъ и свиней; впрочемъ, разведеніемъ послѣднихъ занимаются не всѣ сельчане, тогда-какъ разведеніе крупнаго рогатаго скота—общее занятіе мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, для перевозки тяжестей, держатъ еще лошадей и ословъ, а для полевыхъ работъ,—буйволовъ. Коровы и быки бываютъ средняго роста; коровы мѣстной породы даютъ мало молока, быки же не отличаются большою силою.

Объ улучшеніи породы своего крупнаго рогатаго скота жители не стараются да и понятія объ этомъ дѣлѣ не имѣютъ. Приготовлять хорошо сыръ, масло и другіе продукты изъ молока здѣсь не умѣютъ. Весь уходъ за домашнимъ скотомъ состоитъ въ кормленіи (чтобы скоть не издыхалъ съ голоду) и въ сбереженіи отъ воровъ и хищныхъ звѣрей. Никакихъ кормовыхъ травъ поселяне не разводятъ: довольствуются только тѣмъ, что природа сама раститъ. Часто скоть сельчанъ дѣлается жертвою страшной чумы, и противъ нея донинѣ никакихъ мѣръ не принимается ни крестьянами, ни мѣстною властью.

б) *Земледѣліе*. Изъ отраслей сельскаго хозяйства, которыми занимаются крестьяне, первое мѣсто принадлежитъ земледѣ-

*) Что касается праздниковъ и свадебъ у касапетцевъ, то они справляются послѣдними такъ же, какъ и жителями селенія Годрутъ; см. VI выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. I, стр. 186—192.

лю; въ послѣдніе годы ему удалось выдвинуться изъ ряда другихъ отраслей сельскаго хозяйства; причиною тому служить закавказская желѣзная дорога: она дала возможность въ большемъ количествѣ сбывать пшеницу въ разные города, гдѣ чувствуется нужда въ хлѣбѣ. Прежде, въ урожайные годы, чумагъ (7 пуд.) пшеницы продавался по 3 р., а теперь продается по 5 и 6 руб. Поэтому мѣстные жители стали заниматься земледѣліемъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Изъ хлѣбныхъ растений засѣваютъ пшеницу, ячмень, просо, рожь; кромѣ хлѣбныхъ растений сѣютъ еще кунжутъ, хлопчатую бумагу, дыни и арбузы. Пшеница, которую сѣютъ здѣсь крестьяне, известна подъ именемъ „зарда“. Этотъ сортъ пшеницы, въ свою очередь, дѣлится на четыре разновидности по цвѣту зерна: кармира-зарда (красная зарда), сиптакъ-зарда (бѣлая), шаква-зарда или сева-зарда (черная) и тегна-зарда (желтая). Изъ этихъ четырехъ сортовъ бѣлая зарда болѣе всѣхъ выдерживаетъ засуху и продается дороже, чѣмъ остальные сорта. Земледѣліе дало бы еще болѣе выгоды сельчанамъ, еслибы здѣсь не было большого недостатка въ водѣ. Земледѣльческія орудія пока первобытныя: въ плугъ запрягаютъ десять или двѣнадцать паръ быковъ и буйволовъ. Весною предназначенный къ посѣву участокъ земли пахутъ плугомъ и оставляютъ до осени, не засѣвая; осенью сперва сѣютъ на немъ, потомъ перепахиваютъ сохою и тотчасъ послѣ посѣва поливаютъ. До жатвы поливаютъ хлѣбныя растенія два раза, иногда только разъ, но случается, что, по недостатку въ водѣ, не поливаютъ и ни разу. Нѣкоторые изъ жителей приобрѣли усовершенствованныя земледѣльческія орудія, и есть надежда, что въ непродолжительномъ времени всѣ мѣстные крестьяне будутъ имѣть земледѣльческія орудія новой системы. Не ограничиваясь посѣвомъ озимаго хлѣба, жители сѣютъ и яровой хлѣбъ, только въ меньшемъ противъ озимаго количествѣ. Пашни не удобряются: пахутся и засѣваются по три—четыре

года сряду и, при всемъ томъ, даютъ удовлетворительный урожай.

в) *Садоводство и винодѣліе* ведется, можно сказать, по первобытному способу; но мѣстные условія вполне благоприятствуютъ разведенію хорошихъ садовъ и винодѣлію. Касапетскіе сады преимущественно виноградные. Весь уходъ за ними у касапетцевъ состоитъ въ слѣдующемъ: черезъ 5 или 6 лѣтъ разъ вскапываютъ сады и лѣтъ черезъ 10—15 уваживаютъ, и то—не каждый садъ. Ежегодно съ 15-го марта начинаютъ отрѣзывать лишніе побѣги, вбиваютъ колья, а въ апрѣлѣ привязываютъ лозы къ тычинкамъ. По причинѣ скудости воды, поливаютъ сады въ годъ разъ, и то не всѣ. Сборъ винограда начинаютъ 20-го сентября, иногда—10 октября; при сборѣ его не обращаютъ вниманія на спѣлость винограда. Собранный виноградъ бросаютъ въ особое мѣсто, называемое „чаравушъ.“ Чаравушъ имѣетъ видъ трехгранной пирамиды; двѣ боковыя стѣнки его состоятъ изъ прутьевъ, а дно изъ одного большого камня съ возвышенными краями. Сбросивъ сюда виноградъ, его топчутъ ногами; передъ чаравушемъ есть каменный желобокъ, куда стекаетъ вино; отсюда оно переливается въ кувшины, гдѣ и остается до употребленія. Такъ какъ не даютъ винограду созрѣть хорошенько и не сортируютъ при сборѣ, то вино бываетъ плохого качества,—вислое на вкусъ. Надо замѣтить, что въ послѣдніе три года нѣкоторые изъ жителей стали готовить хорошее вино, и есть надежда, что въ недалекомъ будущемъ отъ нихъ и другіе познакомятся съ приготовленіемъ лучшаго вина.

Смотритель Касапетскаго училища *Г. Израеловъ.*

СЕЛО ТАТЕВЪ,

Зангезурскаго уѣзда, Елисаветопольской губерніи.

Названіе села, его мѣстоположеніе и свойства поверхности.

Село Татевъ получило свое названіе отъ находящагося въ двухъ верстахъ Татевскаго монастыря. Мѣстные армяне производятъ слово „Татевъ“ отъ армянскихъ словъ „Տարբլ“, что значить въ переводѣ „дать крыло“. О происхожденіи такого названія сюникскіе *) армяне рассказываютъ слѣдующую легенду: опытный каменщикъ, успѣшно окончивъ постройку Татевскаго монастыря, стоя на высокой стѣнѣ его, потребовалъ отъ рабочихъ двѣ дощечки, взялъ ихъ въ руки, поцѣловалъ ихъ и произнесъ: „Հոգի՛ն Սուրբ տարբլ“ (Св. Духъ пусть дастъ мнѣ крыло). Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ у него выросли крылья, и онъ улетѣлъ и скрылся изъ виду. Всѣ попытки рабочихъ и собравшихся христіанъ найти каменщика въ окрестностяхъ Татева оказались безуспѣшными. Не зная средства, какъ разобратъ поставленные въ храмѣ, для строительныхъ работъ, громадныя лѣса, и узнавъ, по слухамъ, что каменщикъ-строитель монастыря живетъ въ Константинополѣ, мѣстные христіане отправили къ нему посла съ просьбою—пріѣхать и докончить постройку храма. Несмотря на настойчивыя прось-

*) Сюникъ или Сисаканъ (по имени Сисака, сына Гехамы, изъ династіи хайкандовъ), въ древности состоялъ изъ 12 областей, которыя теперь входятъ въ составъ Эриванской и Елисаветопольской губерній. См. Ист. Сюникскаго дома Степанноса Орбелианъ, изданіе Н. Эмина, Москва 1861 г., гл. 2, стр. 6. Въ этомъ сочиненіи есть нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о селеніи Татевъ; см. стр. 147, 168—171.

бы посла, каменщикъ самъ не прѣхалъ въ Татевъ, но открылъ ему секретъ, какъ разобрать лѣса.

Селеніе Татевъ расположено въ центрѣ Зангезурскаго уѣзда, на правой сторонѣ ущелья рѣки Базаръ-чай, при притокахъ его Чгвани, въ 15 верстахъ отъ заштатнаго городка Герусы и въ 104 верстахъ, къ юго-западу, отъ г. Шуши. Окрестности Татева богаты растительностью и живописны; селеніе окружаютъ пахотныя поля, разстилающіяся до самаго Татевскаго монастыря и роскошныхъ лѣсовъ, покрывающихъ склоны сосѣднихъ горъ, спускающихся террасами въ ущелью рѣки Базаръ-чай. Благодаря красивому мѣстоположенію, Татевъ долгое время служилъ резиденціею сюникскихъ государей.

Ближе къ селенію земля ровная и удобная для хлѣбопашества, далѣе же, постепенно возвышаясь, переходитъ, наконецъ, въ горы, прорѣзанныя глубокими балками. На западѣ и югѣ тянется горная цѣпь, которая проходитъ между Нахичеванскимъ и Зангезурскимъ уѣздами; она извѣстна подъ именемъ Арыглинскаго хребта и въ Сисянскомъ и Мигринскомъ полицейскихъ участкахъ Зангезурскаго уѣзда распадается на многія горныя цѣпи, которыя во всевозможныхъ направленіяхъ прорѣзываютъ означенные участки, образуя, при этомъ, глубокія долины съ быстрыми горными рѣчками. Вообще, Татевъ съ примыкающимъ Мигринскимъ участкомъ (Капанъ—*qashish*) представляетъ самую гористую мѣстность въ Елисаветопольской губерніи, покрытую мѣстами большимъ непроходимымъ лѣсомъ.

В о д а.

Къ Татеву правымъ берегомъ прилегаетъ р. Базаръ-чай *),

*) Базаръ-чай у Орбеціана извѣстенъ подъ именемъ Воротна (*Воротна*); рѣка эта получила свое названіе отъ древняго армянскаго селенія и крѣпости, отъ которыхъ остались однѣ только развалины. Теперь Воротномъ называется у армянъ только среднее теченіе Базаръ-чая. У татаръ оно называется Урутъ-чаемъ.

самая большая рѣка въ Зангезурскомъ уѣздѣ. Она беретъ свое начало съ Арыглинскаго хребта, выше молоканскаго селенія Базарь-кендъ. Многочисленныя горныя рѣчки, стекая съ Арыглинскихъ горъ въ Базарь-чай, дѣлаютъ его порядочной рѣкой выше Базарь-Кенда *). Протекая потомъ по Сисянской плодородной и черноземной равнинѣ, Базарь-чай, по причинѣ глубины русла и скалистыхъ береговъ, не представляетъ благопріятныхъ условій для устройства оросительныхъ канавъ, столь нужныхъ для мѣстныхъ земледѣльцевъ. Въ Сисянѣ Базарь-чай принимаетъ многоводные притоки: Агкендскую и Алхатіанскую рѣки; затѣмъ, онъ все больше и больше стѣсняется береговыми скалами, подобно стѣнамъ, окаймляющимъ его русло. Далѣе впадаютъ въ Базарь-чай справа рѣки: Лорская, Татевская (Чгравани) и Караннъ, а слѣва онъ принимаетъ Герусскую (*᠒ᠤᠮᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ*) рѣчку и соединенное русло Забуга и Аверы, изъ которыхъ каждая, въ отдѣльности, весной представляетъ громадное препятствіе для проѣзда; собирая многочисленныя притоки съ обѣихъ сторонъ, Базарь-чай подъ именемъ Баргүшета впадаетъ въ Араксъ въ Джебраильскомъ уѣздѣ.

Отъ верховья на всемъ протяженіи своего теченія по Зангезурскому уѣзду рѣка Базарь-чай имѣетъ высокіе, утесистые берега, которые окрестныхъ жителей лишаютъ возможности отводить въ стороны оросительныя канавы; только въ нижнемъ теченіи, гдѣ рѣка называется Баргүшетомъ, она мѣстами выходитъ изъ береговъ и, затопляя окрестности, орошаетъ чалтычныя (рисовыя) посѣвы.

Весною, отъ таянія снѣговъ на горахъ и отъ частыхъ дождей, рѣка сильно увеличивается и бываетъ непроходима до начала лѣта, а лѣтомъ до того мелѣетъ, что переходятъ

*) Изъ истоковъ рѣки Базарь-чай спущена вода въ Арпа-чай арендаторомъ казенной земли Шан-Гиреемъ, который въ Шаруро-Даралагескомъ уѣздѣ занимается земледѣліемъ.

ее въ бродъ десятилѣтніе мальчики. На всемъ протяженіи Базарь-чая чрезъ него сдѣланы только четыре каменныхъ моста: въ Баргушетѣ—Лазаревскій (снесенъ чрезвычайнымъ разливомъ въ 1888 г.), Чортовъ мостъ—въ двухъ верстахъ отъ Татевскаго монастыря, а два другихъ построены жителямъ селенія Прнакотъ Меликъ-Тангіемъ, одинъ—близъ развалинъ древняго сел. Воротнъ, а другой—въ Сисянѣ.

Не представляя въ верхнемъ и среднемъ теченіи удобствъ для орошенія полей, рѣка Базарь-чай всё-таки приноситъ и нѣкоторыя выгоды прибрежнымъ жителямъ: они разводятъ на ея берегахъ огороды и сады, гдѣ почва тому благоприятствуетъ, и устраиваютъ мельницы. Въ Базарь-чаѣ водятся самой лучшей породы форели, караси, усачи и другая мелкая рыба, которую ловятъ сѣтью, удочкою и особыми приспособленными къ тому корзинами, въ которыя вода съ рыбою падаетъ съ возвышенности, при чемъ вода проходитъ чрезъ отверстія корзины, а рыба остается въ ней. Рыба ловится лишь для потребленія на мѣстѣ.

Воду для питья татевцы берутъ изъ родника, бьющаго на сѣверо-западномъ краю селенія, въ ущельѣ. По краю селенія протекаетъ небольшая рѣчка Чгрвани, притокъ Базарь-чая; она образуется изъ горныхъ ручьевъ и впадаетъ въ Базарь-чай немного ниже Чортова моста; у Татевскаго монастыря р. Чгрвани падаетъ съ довольно высокаго выступа шумнымъ водопадомъ. У подножія монастыря отъ р. Чгрвани отводится въ сторону, къ татевскимъ огородамъ, оросительная канава. Ниже водопада устроены монастырскія мельницы, которыя въ 1888 г. вмѣстѣ съ мельниками сдѣлались жертвою наводненія, случившагося вслѣдствіе ливня съ сильнѣйшимъ градомъ.

На лѣвомъ берегу Базарь-чая, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ Чортова моста, бьетъ изъ скалъ минеральный источникъ желѣзисто-известковой воды, которая отличается цѣлебными свойствами. Въ послѣднее время эти воды приобрѣли такую извѣст-

ность, что со всѣхъ селеній Зангезурскаго уѣзда стекаются сюда больные ревматизмомъ, чесоткою, лихорадкою и другими хроническими болѣзнями, противъ которыхъ мѣстныя минеральныя воды, какъ говорятъ, оказываютъ благотворное дѣйствіе. Больные, ѣздившіе прежде на далекія Джеванширскія минеральныя воды (у верховьевъ рѣки Тертеръ), теперь посѣщаютъ татевскія воды. Архимандритъ Татевскаго монастыря Амазаспянъ построилъ для больныхъ удобныя купальни. Судя по древней купальнѣ, построенной при другомъ сосѣднемъ источникѣ, эти воды эксплуатировались и въ древнія времена.

Окрестности селенія Татевъ.

Чортовъ мостъ.—Изъ м. Герусы въ с. Татевъ дорога для пѣшихъ и верховыхъ идетъ чрезъ Чортовъ мостъ (*Սանտիկ Կամուրջ*), перекинутый чрезъ р. Базаръ-чай. Онъ находится въ разстояніи одного часа ѣзды отъ Татева и состоитъ изъ громадной каменной глыбы, вѣрнѣе сросшейся съ береговыми утесами. Въ оставшуюся подъ нею узкую щель мчатся воды Базаръ-чая, а надъ ними висятъ сталактиты. Размѣры моста грандіозны: въ длину, по теченію рѣки, онъ имѣетъ 50 шаговъ, въ ширину—25. Поверхность его ровная и нѣсколько поката къ нижнему боку его. Зрителю, находящемуся выше моста, кажется, что вода пробивается чрезъ скалу по нѣсколькимъ отверстиямъ, но съ противоположной стороны она стремится только чрезъ одно отверстіе и низвергается водопадомъ со скалы. Говорятъ, что по временамъ отверстіе, находящееся подъ мостомъ, заграждалось снесенными рѣкою деревьями и хворостомъ, вслѣдствіе чего вода поднималась и шла сверху моста; потомъ, когда препятствовавшіе теченію предметы устранялись, вода опять подчинялась своему теченію, оставивъ жителямъ на мосту много рыбы *).

*) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ мостѣ см. въ журналѣ „Нива“ за 1888 г., № 1: замѣтка къ рисунку, представляющему Татевскій монастырь.

Шахандухтъ (Շահանդուխտ).—Въ трехъ верстахъ отъ Чортова моста возвышается величественная скала, предъ которою, на днѣ глубокой долины, до сихъ поръ стоитъ полуразвалившаяся церковь, построенная, по преданію, дѣвицею Шахандухтъ, мощи которой впослѣдствіи погребены тамъ же. Отъ имени Шахандухтъ долина называется Шахандухтскою (Շահանդուխտի ձոր), а скала по-татарски называется „Гялянъ-кая“ (скала невѣсты). Вотъ какъ описываетъ Шахандухъ лѣтописецъ Орбеліанъ: „Дочь Агуванскаго Великаго князя Трдата, Шахандухтъ обладала рѣдкою красотою; свѣжесть лица ея и молочный цвѣтъ его заставляли зрителя полагать, что тѣло ея, какъ будто, состоитъ изъ какого-то свѣтлаго матеріала, а не изъ мяса и костей (Իրև և լուսամար օղյ և յնօր շիջի Կիրպոցի)“. О красотѣ Шахандухтъ слышались персидскіе ханы и стали искать удобнаго случая похитить ее; между тѣмъ ее засватали за какого-то сюникскаго князя; во время переѣзда невѣсты въ домъ жениха, на нее напало персидское войско, подосланное ханомъ, съ цѣлью отбить ее у армянъ. Съ прибытіемъ невѣсты со свитою къ вышеназванной скалѣ, произошла на Окузь-зyaratъ кровопролитная битва между армянами и персами, при чемъ съ обѣихъ сторонъ пало много людей. Зная о причинѣ такой гибели людей, набожная дѣвица повернула коня, перекрестилась и, призывавъ на помощь Св. Богоматерь и Рипсиме, бросилась съ утеса въ страшную бездну. Но, будучи хранима Провидѣніемъ, Шахандухтъ съ конемъ опустилась цѣла и невредима. По окончаніи кровопролитнаго боя, женихъ съ его спутниками нашель невѣсту на томъ мѣстѣ, куда она бросилась съ конемъ. Несмотря на настойчивыя просьбы и ея родителей, и жениха—выйти за послѣдняго замужь, она отказалась отъ мірскихъ суетъ и постриглась въ монахини. Предаваясь строгой монашеской жизни, Шахандухтъ вскорѣ стала известна въ окрестностяхъ, и къ ней стали приходить послуш-

ницы, съ помощью которыхъ она построила подъ скалою небольшую церковь. Она пригласила тогда къ себѣ Татевскаго епископа, вручила ему имѣвшіяся при ней драгоценности, данныя ей родителями въ приданое, и просила епископа половину этихъ вещей раздать бѣднымъ и нуждающимся, а другую половину обратить въ монастырскую собственность. Перенося трудности отшельнической жизни, она скончалась на 30 году монашества. Когда о кончинѣ ея узналъ епископъ Татевскаго монастыря, то пришелъ и предалъ землѣ мощи св. дѣвственницы въ построенной ею церкви.

Монастырь Большой Анапаты.—Монастырь, называемый Большой Анапаты *), построенъ въ 3-хъ верстахъ отъ Татевскаго монастыря, при впаденіи рѣки Чгврани въ Базаръчай, на правомъ берегу ея, и въ верстѣ отъ „Чортова“ моста. Время построенія его относятъ къ X в., а строителемъ его считаютъ епископа Сюниескаго Якова. Дорога къ Анапату изъ Татева и Герусовъ для верховныхъ и пѣшеходовъ идетъ по очень крутому склону горы и, вообще, по очень опаснымъ мѣстамъ. Вся церковь и другія постройки этого монастыря построены изъ тесанаго темно-сѣраго камня, которымъ изобилуетъ вся мѣстность; камень положенъ на извести. Церковь въ Анапатѣ построена во имя Богоматери; она поддерживается шестью каменными столбами съ аркою; полупритворъ церкви (*ἡμισυριστὸν*) поддерживается двумя столбами. Здѣсь много надгробныхъ каменныхъ плитъ, подъ которыми почиваютъ останки знаменитыхъ инововъ этой обители. Соборъ обведенъ широкою каменною оградой съ башнями, которыя придаютъ ей видъ небольшой неприступной крѣпости, каковою, дѣйствительно, по временамъ служила эта обитель для монаховъ и собравшихся сюда во время опасности окрестныхъ жителей. Въ оградѣ размѣщаются и другія постройки: 64 монашескихъ кельи (со сводами, каѣъ и церковь) и общая

*) Въ „Пятиверстной картѣ Кавказа“—Анапаты.

столовая для всей братіи монастыря, обращающая вниманіе своею архитектурою и каменными столами и стульями; здѣсь же находится амбаръ для хлѣбныхъ зеренъ. Въ церковной оградѣ много фруктовыхъ деревьевъ (окрестный лѣсъ также изобилуетъ плодовыми деревьями и ягодными кустами). Между прочимъ, ясно видно мѣсто, гдѣ прежде существовалъ водопроводъ, доставлявшій по искусственному подвемному ходу, на продовольствіе монаховъ и поливку деревьевъ, родниковую холодную воду. Вообще, Анапатъ находится въ самомъ плачевномъ состояніи, и разрушеніе его приближается къ концу. Когда-то въ немъ жило множество монаховъ съ настоятелемъ, и монастырь обладалъ большими землями и другими угодьями, теперь же онъ въ полномъ запустѣніи, и только по временамъ живетъ здѣсь какой-то дьяконъ, да въ праздничные дни сюда стекаются богомольцы изъ окрестныхъ армянскихъ селеній.

Крестъ вороны (Աղաւառ/հուշ).—Къ сѣверо-западу отъ Татевскаго монастыря, до края селенія Татевъ, разстилаются монастырскія пахотныя земли, оставшіяся свободными отъ крестьянскихъ надѣловъ, при составленіи уставной грамоты. Всѣ полевныя работы по воздѣлыванію этихъ земель производились татевцами для монастыря безвозмездно, не какъ установленная новинность, а въ видѣ особаго добраго дѣла, изъ религіозной преданности своему монастырю: собирались съ каждаго дыма по одному или по два человѣка и дружно приступали, напр., къ жатвѣ; монахи за это угощали крестьянъ-жнецовъ приготовленными на самомъ погѣ вкусными кушаньями, какія рѣдко появляются на столѣ у крестьянина, такъ-что эти работы крестьянъ на монастырь были для послѣднихъ чѣмъ-то вродѣ праздника *).

Въ народѣ есть преданіе, что въ одинъ день, когда ра-

*) Такая взаимная помощь между крестьянами называется „медже“ (Ար-
դի կամ ակ Գի), что значитъ — „между собою“ или „совмѣстно“, подразумевается
„работать“; такую же взаимную помощь оказываютъ другъ другу и крестьянки,
напр., при чесаніи шерсти и т. п.

бочіе расположились на землѣ, вокругъ большихъ котловъ съ кушаньями, и собирались обѣдать, вдругъ вниманіе ихъ всѣхъ обратила на себя вьющаяся надъ котлами ворона: несмотря на крики рабочихъ и брошенные ими въ ворону камни, она неотвязчиво продолжала кружиться надъ котлами и, улова удобную минуту, къ общему изумленію жнецовъ, мигомъ бросилась въ котелъ и, конечно, сварилась. Одни думали, что ворона хотѣла вытащить изъ котла кусокъ мяса, другіе, напротивъ того, въ поступкѣ этой птицы видѣли персть Божій, какъ это и подтвердилось на дѣлѣ: когда кушанье, въ которомъ сварилась ворона, вылили, то всѣ были поражены, при видѣ огромной змѣи, находившейся въ котлѣ вмѣстѣ съ мясомъ. Сейчасъ же порѣшили въ память этого замѣчательнаго событія воздвигнуть памятникъ воронѣ, спасшей массу рабочихъ отъ неминуемой смерти, которая, по мнѣнію простонародья, произошла бы отъ змѣйнаго мяса. Памятникъ этотъ стоитъ до сихъ поръ близъ селенія Татевъ, на сѣверо-востокъ отъ него, и состоитъ изъ большой каменной глыбы, въ ростъ человѣка, съ высѣченнымъ на ней крестомъ; подъ камнемъ, по преданію, погребена ворона *).

Гробница пустынника Петроса.— На сѣверо-западъ отъ селенія Татевъ, въ одной верстѣ отъ него, на большомъ холмѣ находится гробница пустынника Петроса. Преданіе гласитъ, что этотъ отшельникъ здѣсь жилъ и умеръ, самъ предварительно выкопавъ себѣ могилу. Могила эта пользуется глубокимъ уваженіемъ у окрестныхъ поселянъ: въ лѣтнее бездождіе сюда приходятъ толпы дѣвушекъ и юношей съ жертвами: пьютъ, ѣдятъ и веселятся; затѣмъ, берутъ хранящійся у могилы каменный крестъ и погружаютъ его въ сосѣдній холодный ключъ; здѣсь онъ остается до тѣхъ поръ, пока пойдетъ

*) Такая же легенда связана съ развалинами *Кваисъ-сандари* (по грузински — *воронья церковь*), находящимися близъ города Горы, между селеніями Ахалъ-совели и Шавшеби (См. газ. „Новое Обозрѣніе“, № 2476, отъ 2 марта 1891 г.).

Ред.

дождь; послѣ этого крестъ опять торжественно доставляется на мѣсто.

Окюзъ-зарать (въ переводѣ съ татарскаго — святыня быка) находится на противоположномъ Татевскому монастырю хребтѣ, при дорогѣ, ведущей изъ Сисяна въ Баргушетъ, недалеко отъ края стремнины Гялинъ-кая. Окюзъ-зарать состоитъ изъ кучи дивныхъ камней, увеличивающейся съ каждымъ днемъ, такъ какъ всякій прохожій считаетъ своею священною обязанностью взять съ дороги камень и бросить его въ общую кучу. По одному преданію, подъ кучею камней погребенъ быкъ, который безъ помощи человѣка, одинъ, на своей спинѣ перетасилъ изъ окрестностей предметы, необходимые для закладки Татевскаго монастыря. Эта святыня почитается татарами больше армянь, чѣмъ и объясняется татарское происхожденіе ея названія „Окюзъ-зарать“. Татары утверждаютъ, что съ мѣста, гдѣ сложенъ изъ камней этотъ курганъ, исчезъ этотъ быкъ, не извѣстно куда. Когда въ окрестностяхъ между домашними животными появляются какія-либо эпидемическія болѣзни, то мѣстные жители пригоняютъ сюда свои стада, обгоняютъ ихъ нѣсколько разъ вокругъ святыни; пастухи проводятъ здѣсь двѣ-три ночи и приносятъ въ жертву жирнѣйшихъ барановъ. Если же падежъ скота силенъ, и нельзя больныхъ животныхъ привести сюда, то хозяева сами достаютъ изъ-подъ кургана Окюзъ-зарата горсть земли и, принеши домой, смѣшиваютъ ее съ солью, насыпаютъ смѣсь на гладкіе камни и пригоняютъ тогда къ этимъ камнямъ стада животныхъ, второя и лизутъ ее: по твердому вѣрованію татаръ, ихъ больныя животныя отъ этого поправляются, и эпидемія проходитъ.

Нѣсколько ниже Окюзъ-зарата, въ глуши гѣса величественно возвышается скала, называемая *Бозиевою* (*Buzlu-şir*). Герой народныхъ разсказовъ и легендъ Бози, при персидскомъ господствѣ, говорять, заперался въ неприступную трещину этой скалы и оттуда держалъ въ страхѣ всѣхъ проѣзжавшихъ

и проходившихъ по близлежащей тропинкѣ татаръ. Бози былъ армянинъ, родомъ изъ Татова.

Канавъ Вараракъ или *Кешимъ-архъ*, какъ ее называютъ татары, — одно изъ достопримѣчательныхъ сооруженій древняго Сюника. Эта длинная и громадная канавъ была проведена епископомъ Татевскаго монастыря Явовомъ изъ верховья нынѣшней Герусской рѣки, выше развалинъ селенія Старыхъ Герусовъ, чрезъ широкую равнину Учтепелеръ (три холма), по скаламъ, оврагамъ и самымъ недоступнымъ мѣстамъ въ Цакутъ (поросшая терновникомъ мѣстность), находящійся на лѣвомъ берегу Базаръ-чая, близъ Чортова моста.

Несмотря на то, что канавъ сооружена 9 столѣтій тому назадъ, слѣды ея и теперь ясно замѣтны во многихъ мѣстахъ; цѣлью при проведеніи этой канавы было сдѣлать возможнымъ разведеніе сада въ Цакутъ: очистивъ эту мѣстность отъ терновниковъ и другихъ дикорастущихъ кустарниковъ, епископъ Явовъ, по словамъ лѣтописца Орбеліана, развелъ такой великолѣпный фрутовый садъ, разураженный цвѣтниками, подобнаго которому даже князья и цари того времени не имѣли; Цакутъ былъ превращенъ въ настоящій рай, гдѣ росли и плодовые деревья теплаго климата, каковы: фиговое дерево, гранатъ, маслина и апельсинъ. Въ срединѣ сада епископъ Явовъ построилъ будку, для надзора за садомъ, и нѣсколько выше — церковь; онъ выписалъ изъ далекихъ странъ художниковъ, которые, по его указаніямъ, покрыли всѣ стѣны садовой церкви живописью. Отъ этихъ построекъ остались нынѣ однѣ развалины. Епископъ Явовъ купилъ воду для канавы Вараракъ отъ Сюникскаго князя Филиппа за 12000 тогдашнихъ серебряныхъ монетъ (дахеканъ — *ἡραζήκιον*) и одинъ драгоценный камень. Въ завѣщаніи своемъ, написанномъ на пергаментѣ и найденномъ впоследствии въ Татевскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ купчею крѣпостью князя Филиппа, продаваемаго воду Вараракъ, епископъ говоритъ: „Я, Бо-

зѣюю благодатью епископъ Сюникскій Яковъ, купилъ у князя Филиппа воду Варарагъ за 12000 монеть и дорогой камень, послѣ долгихъ трудовъ и лишеній спустилъ ее изъ долины Загеворъ *) (*Հագեղձոր*) по горамъ и возвышенностямъ въ Цавутъ. Изъ воды не имѣеть доли ни одна изъ тѣхъ деревень (Шинхеръ, Халидзоръ и Хотъ), чрезъ земли которыхъ проведена канава, составляющая съ водою на всемъ протяженіи безспорное владѣніе монастыря; изъ канавы ближайшіе жители могутъ брать воду для питья, а также поить скотъ, но отнюдь не отводить на орошеніе своихъ посѣвовъ. Да будутъ исполнители сего завѣщанія благословенны, нарушители же прокляты Богомъ и отцами Никейскаго собора. Завѣщаніе состоялось 381 г.“ (932 г.).

Харанцъ-Анапатъ.—Въ ущельѣ р. Базаръ-чая, на правой сторонѣ ея, противъ селенія Халидзоръ **), на небольшой площадѣ стоитъ въ заустѣнн каменная церковь „Харанцъ-Анапатъ“, окруженная деревьями. Анапатъ прежде былъ расположенъ въ полуверстѣ отъ нынѣшняго мѣста, выше, на краю громадной стремнины, въ востоку отъ небольшого сел. Ерець-Тумбъ ***); въ немъ жило очень много монаховъ съ настоятелемъ; въ оградѣ Анапата есть часовня, гдѣ почиваютъ останки знаменитыхъ иноковъ этой обители.

Мѣстное преданіе, подтверждаемое нѣкоторыми историческими данными ****), свидѣтельствуетъ, что Анапатъ теперь

*) Загеворъ—долина, гдѣ расположено сел. Геруси, отъ которой и уѣздъ получилъ свое названіе „Загевурскій“. Загеворъ по-армянски значить долина съ пещерами, которыми, дѣйствительно, очень богато Герусское ущелье.

***) Въ „Пятиверстной картѣ Кавказа“—Галедзоръ.

***) Въ „Пятиверстной картѣ Кавказа“—Рецатумбъ.

****) *Հարանց նախկին մեծ Անապատն, որ էր մայր ամենայն անապատիցն յարևելս և յարևմուտս ազգիս մերոյ: Անապատս այս 'ի յերկրաշարժութենէ, ոստուցեալ 'ի սեղուղէ շուրջ զվայրօքն, և իջեալ է սորալով յեզր Որտանայ գետոյն և դադարեալ անդ ամենևին ամբողջ դրութեամբ: Տես ճանապարհորդութիւն 'ի Մեծ Հայաստան Սարգիս*

находится не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ первоначально: во время сильнаго землетрясенія, со всѣми строеніями, часовнею, кладбищемъ и церковною оградою онъ сорвался съ своего основанія и спустился на нынѣшнее мѣсто, гдѣ и остановился, чудесно уцѣлѣвъ отъ разрушенія и даже удержавъ всѣ стѣны и ограду въ томъ положеніи, какъ онѣ были построены прежде, такъ-что алтарь, напр., обращенъ къ востоку, и только часовня спустилась немного дальше, внизъ. Будучи когда-то въ цвѣтущемъ состояніи, Харанцъ-Анапатъ имѣлъ богатую утварь, ризницу и благоустроенное монашество, теперь же онъ совсѣмъ опустѣлъ и служитъ пріютомъ только дикихъ зверей и овечьихъ стадъ, на ночь загоняемыхъ сюда кочевниками-татарами.

Внѣшній видъ селенія Татевъ, устройство домовъ, домашняя обстановка и одежда татевцевъ.

У западной окраины селенія Татевъ, на довольно возвышенномъ мѣстѣ, одиноко стоитъ каменная церковь, сооруженная во имя св. Минаса; она издали еще видна приближающемуся въ селенію. Церковь окружена могилами, на которыхъ лежатъ большіе, въ ростъ человѣка, четырехгранные камни съ надписями. Каменная стѣна въ сажень высотой окружаетъ её со всѣхъ сторонъ. Церковь построена въ 1095 г. (1646 г.) какимъ-то архимандритомъ, по имени Нерсесомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ армянская надпись на стѣнѣ, надъ дверями, съ наружной стороны:

„Божією благодатью построилъ эту церковь архимандритъ Нерсесъ въ 1095 г.“ (армянскаго лѣтосчисленія *).

Եպիսկ. Ջալալեանց, մասն երկ. երես 306. և Առաքել պատմագիր գլուխ ԻԾ (25):

**) «Շարհօք ամենակալի Աստուծոյ շինեցաւ զայս եկեղեցիս Ներսէս վարտապետ ԹՎ Ն հայոց ՌՂԵ».*

Пришедшая въ ветхость отъ времени церковь была возобновлена въ 1881 г. проживающимъ въ городѣ Баку татевцемъ Ованесомъ Осиповымъ.

Церковь построена изъ сѣраго тесаного гранита на извести, поддерживается четырьмя каменными столбами; у церкви двѣ двери: чрезъ южную дверь входятъ мужчины, а въ западную дверь входятъ женщины, которыя занимаютъ въ церкви западную половину, отдѣльно отъ мужчинъ; послѣдніе помѣщаются въ восточной половинѣ ея. Возвращающіеся съ чужбины татевцы жертвуютъ церкви деньги или церковную утварь. Изъ горнаго родника, находящагося на разстояніи болѣе чѣмъ одной версты, по подземнымъ глинянымъ трубамъ въ церковь проведена вода; здѣсь она выступаетъ наружу, а потомъ продолжаетъ течь въ ограду Татевскаго монастыря.

Домá въ Татевѣ расположены такъ тѣсно, что зрителю не вѣрится, чтобы на такомъ небольшомъ пространствѣ могло помѣститься до 200 дворовъ. Такая тѣсная группировка жилищъ объясняется прошлой судьбой страны: было время, что каждый часъ несчастные обитатели подвергались хищническимъ нападениямъ персовъ, турокъ и татаръ и нуждались въ помощи своихъ сосѣдей *).

Дома здѣсь, какъ и во всѣхъ селеніяхъ Зангезурскаго уѣзда, крайне грязны, улицы кривы, узки и содержатся неопратно: во время дождей на улицахъ образуется непролазная грязь, въ сухую же погоду—толстый слой пыли, которая разносится вѣтромъ во всѣ стороны; въ тому же, на улицу, обыкновенно, выкидываются всѣ домашніе отбросы, очисткою которыхъ занимаются только собаки. Крыши домовъ такъ плотно прилегаютъ другъ къ другу, что по нимъ можно добраться съ одного края селенія до другого. Нѣкоторые саяли до половины на-

*) Въ сосѣднемъ сел. Лорѣ автору даннаго описанія пришлось видѣть небольшое отверстіе чрезъ смежную стѣну двухъ домовъ: объясняя его значеніе, мѣстные жители рассказывали, что прежде всѣ дома имѣли такіа отверстія, чтобы чрезъ нихъ передавать сосѣдямъ извѣстія объ угрожающихъ жителямъ опасностяхъ.

ходятся въ землѣ и снаружи представляютъ видъ подземныхъ норъ кротовъ, которыя такъ часто попадаются въ здѣшнихъ поляхъ. Улицы завалены навозомъ, который гниетъ и распространяетъ въ воздухѣ смрадъ: въ однихъ селеніяхъ, удаленныхъ отъ лѣсовъ, изъ навоза готовятъ для топлива кизяки, въ другихъ его берегутъ для удобренія полей. Число одноэтажныхъ и двухэтажныхъ домовъ, построенныхъ съ нѣкоторыми удобствами, въ Татевѣ не превышаетъ десяти. Жилища бѣдныхъ крестьянъ устраиваются просто: квадратный участокъ земли, предназначенный для постройки дома, окапывается глубокимъ рвомъ, гдѣ кладется фундаментъ изъ большихъ необтесанныхъ камней; стѣны выводятся до надлежащей высоты исключительно изъ камней, при чемъ цементомъ служить обыкновенная грязь. Противъ четырехъ угловъ ставить по одному четырехгранному большому дубовому столбу; на эти столбы кладутъ вдоль и поперекъ четыре большихъ бревна, а на нихъ еще другія четыре, поменьше первыхъ; затѣмъ кладутъ балки, располагая ихъ такъ, чтобы онѣ образовали въ срединѣ полукруглый сводъ, имѣющій два ската; въ вершинѣ его дѣлается широкое отверстіе, по которому, какъ по трубѣ, уходитъ дымъ и проникаетъ свѣтъ. На балки кладется и плотно утрамбовывается земля. Для стока дождевой воды по краямъ такой земляной крыши вставляются деревянные желобки. Смежно съ савлею здѣсь устраиваются, смотря по состоятельности, одна или двѣ комнаты изъ камня, съ маленькими и узкими окнами, гдѣ пропитанные постнымъ масломъ газетные листы замѣняютъ оконныя стекла. Комнаты, большею частью, служатъ вмѣстѣ и кладовой, и гостиной; въ послѣднемъ случаѣ полы устилаются коврами, паласами и джиджимами мѣстнаго производства. Какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ въ савлѣ, ближе къ одной стѣнѣ, зарывается въ землю тониръ, гдѣ разъ въ недѣлю пекутъ хлѣбъ; зимою каждый день по утрамъ въ тонирахъ разводится огонь, на которомъ готовится

завтракъ и ужинъ; пища, приготовленная на ужинъ, оставляется въ немъ, въ глиняномъ горшкѣ, до вечера. На тониръ въ холодную погоду ставятъ особаго рода деревянный ящикъ, имѣющій форму большого табурета и называемый „кюрсъ“ (*kyrs*); размѣры его, обыкновенно, соотвѣтствуютъ числу душъ въ семьѣ; кюрсъ обтягиваютъ одѣяломъ, паласами или джиджимами. Въ холодные зимніе дни члены семьи окружаютъ кюрсъ, садятся вокругъ него, засовываютъ въ него ноги и грѣются *). Такимъ образомъ, тониръ служитъ для варки пищи, для печенія хлѣба и отопленія жилища.

Отъ постоянно-дымящаго въ тонирѣ и каминѣ огня стѣны и потолокъ жилища покрываются слоемъ сажи, которая въ дождливое время вмѣстѣ съ просачивающеюся чрезъ крышу дождевою водою капаетъ и пачкаетъ и безъ того грязную обстановку и одежду жильцовъ. Для вечерняго освѣщенія жилища употребляется туземная глиняная лампада (*kysh*) на деревянной подставкѣ, устанавливаемой на кюрсъ, или прибитой къ одному изъ столбовъ. Въ лампадѣ горитъ постное масло или нефть, которая привозится сюда на продажу татарами Бакинской губерніи на верблюдахъ. Глиняныя лампады у болѣе зажиточныхъ семействъ постепенно вытѣсняются европейскою керосиновою лампою. Кровати и тахты—очень рѣдкое явленіе въ мѣстныхъ жилищахъ, зато непремѣнная принадлежность каждаго изъ нихъ—особаго вида подвижной деревянный закромъ, приставляемый къ западной стѣнѣ и имѣющій отдѣленія, для храненія въ нихъ зернового хлѣба и муки; закромъ этотъ называется „укагъ“ (*ukag*) и вмѣщаетъ въ себѣ отъ 25 до 40 четвертей хлѣба. На укагъ укладывается постель и закрывается большимъ узорнымъ паласомъ. Въ одномъ изъ угловъ саяги устанавливается тѣщій станокъ, на которомъ мѣстные кустари ткутъ бязь и шали для черкесовъ и шаро-

*) Сравни въ IX выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. II, стр. 218. Фед.

варь мужскихъ. Поломъ въ жилищахъ служить вѣрнее утоптанная почва. Нечистоплотное содержаніе дворовъ и жилища благоприятствуетъ размноженію паразитовъ въ домахъ мѣстныхъ обитателей. Домашняя утварь очень проста и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ мѣдной посуды. Внутри дома нѣтъ никакихъ украшеній; на стѣнахъ и столбахъ развѣшиваются крестьянскіе доспѣхи: азіатское ружье, кинжалъ, кривая шапка, пистолеть, пороховница, рожокъ или мѣрочка для заряда, сафьяновый мѣшокъ съ пулями и дробью; теперь крестьяне съ особою охотою стали покупать револьверы системы „бульдогъ“: ихъ привозятъ съ собою возвращающіеся изъ Баку съ заработковъ парни *).

Предъ входомъ въ жилище устраивается навѣсъ (*иршъ*), гдѣ устанавливается станокъ для тканья ковровъ, паласовъ и мафрашей, приготовляемыхъ, большею частью, для домашняго обихода; подъ навѣсами женщины по цѣлымъ днямъ ткутъ, вяжутъ, прядутъ, плетутъ или занимаются другими работами.

Одежда мѣстныхъ жителей несатѣйлива: мужчины носятъ череску (чуку) и шаровары изъ грубой шали мѣстнаго производства, ситцевый архалузъ, рубашку и кальсоны изъ окрашенной въ синій цвѣтъ бязи **), серебряный поясъ и кожаные лапти; голову покрываютъ барашковою шапкою; изъ молодыхъ нѣкоторые носятъ суконныя фуражки. Мѣстныя женщины, за малою разницею, одѣваются на манеръ карабахскихъ армянокъ; какъ мужчины такъ и женщины старательно избѣгаютъ бѣлыхъ платьевъ, требующихъ частой стирки; она у мѣстныхъ жителей, и то не у всѣхъ, производится только предъ главнѣйшими праздниками: Пасхою, Рождествомъ, Преображеніемъ Господнимъ и т. п. Обновки дѣ-

*) Большая часть населенія мужскаго пола, оставляя Татевъ, отправляется на заработки въ городъ Баку, Черный-городъ и Балаханы: тамъ татевцы на заводахъ и нефтяныхъ источникахъ занимаются въ чернорабочіе.

**) Въ выборѣ матерій на разные мужскіе костюмы отдается предпочтеніе черному цвѣту, а на женскіе — красному.

лаются, больше, въ Преображенскій постъ. Во время стирки нижняго платья убѣдныхъ крестьянъ мыло замѣняется мелко-крошенными и высушенными корнями травянистаго растенія, извѣстнаго у туземцевъ подъ именемъ *чѣланъ* (*չոզան*); оно добывается въ Сисянѣ и въ Нахичеванскомъ уѣздѣ; корни этого растенія всыпаютъ въ котелъ съ водою, сильно кипятятъ ее, и этимъ кипяткомъ стираютъ бѣлье.

У мужчинъ и женщинъ, за небольшими исключеніями, — по двѣ пары платья: одна пара праздничная, другая будничная; праздничная одежда у женщинъ очень нарядна: она состоитъ изъ большого краснаго шелковаго головнаго покрывала (*չարդաթ Կամ չարշաւ*), бархатнаго верхняго платья, спускающагося ниже колѣнъ (*սիճանոց*), архагука, сдѣланнаго изъ матеріи меньшей цѣнности, и длинной, до самыхъ пятъ, яркочерной шелковой рубашки; поверхъ всего этого опоясывается широкій полосатый поясъ изъ кашемировой шали. У молодыхъ женщинъ наряднымъ костюмомъ остается подвѣсочное платье, которое носятъ онѣ въ праздники и въ случаѣ семейныхъ торжествъ, напр.: на свадьбу родственниковъ и т. п. Женщины выше среднихъ лѣтъ одѣваются въ черное платье.

Климатъ, почва, флора и фауна.

Находясь въ гористой части Зангезурскаго уѣзда, на значительной высотѣ, и окруженный лѣсистыми горными ущельями, Татевъ съ ближайшими окрестностями имѣетъ умѣренно-сырой климатъ, прохладное лѣто и умѣренную зиму, съ рѣдкими морозами. Но уже недалеко отъ Татева, на Учтепелерской равнинѣ, лежащей отъ него всего въ 8 верстахъ, бываетъ очень суровая зима. По дорогѣ отъ Герусовъ въ с. Караглисы, пролегающей чрезъ Учтепелеръ на разстояніи верстъ 30, зимнія вьюги и бураны нерѣдко погребаютъ путника, сбившагося съ дороги, подъ снѣжными сугробами; не проходить года,

чтобы здѣсь не замерзло нѣсколько человѣкъ съ лошадьми. Воздухъ большую часть года бываетъ влаженъ, благодаря сосѣдству горъ, одѣтыхъ густыми лѣсами. Отъ сырости воздуха жители подвергаются частымъ заболѣваніямъ, преимущественно, лихорадкою и ревматизмомъ. Лѣтній зной по долинѣ р. Базаръ-чая производитъ желчную лихорадку, которая еще болѣе чувствительна въ нижнемъ теченіи ея, на Баргусетѣ. Въ 1888 году свирѣпствовали дѣтскія болѣзни: корь и оспа, унесшія немало жертвъ.

Татевъ открытъ вліянію холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ здѣсь по Учтепелерской равнинѣ со второй половины августа до исхода апрѣля мѣсяца; въ остальное же время года дуютъ южные вѣтры, отличающіеся обиліемъ тепла и влаги.

Въ теченіе года здѣсь больше дней дождливыхъ и пасмурныхъ, чѣмъ ясныхъ. Нерѣдко весною и лѣтомъ, среди бѣлаго дня, поднимаются туманы со стороны Аракса, несутся надъ лѣсами Зангезурскаго уѣзда и цѣлыми недѣлями окружаютъ Татевъ и сосѣднія горы, и падаютъ мелкимъ, какъ пыль, дождемъ. Такая погода причиняетъ чувствительный вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ въ періодъ наливанія зеренъ: зерна въ колосьяхъ отъ сырости покрываются ржавчиною. Въ 1888 году, въ іунѣ мѣсяцѣ, нѣсколько разъ выпадалъ крупный градъ, величиною съ голубиное яйцо и больше.

Снѣгъ появляется въ ноябрѣ; рѣки покрываются льдомъ въ декабрѣ, а очищаются отъ него въ исходѣ марта. Базаръ-чай, впрочемъ, рѣдко замерзаетъ, и то по берегамъ только. Зимомъ снѣгъ на низменности лежитъ не долго: чрезъ 2—4 дня таетъ; на склонахъ и вершинахъ горъ онъ остается до весны. Изъ плодовыхъ деревьевъ черешня, вишня, дикая миндаль и алыча цвѣтутъ, обыкновенно, въ первыхъ числахъ апрѣля. Земляника, черешня и вишня на берегахъ Базаръ-чая посѣваются до 10 іюня.

Свойства почвы, какъ и климата, здѣсь разнообразятся,

смотря по высотѣ данной мѣстности. По склонамъ горъ и торныхъ ущелій почва производитъ высокую и густую траву. Ниже, въ долинахъ, почва черноземная, мѣстами съ примѣсю небольшого количества глины и песку, а подпочва состоитъ изъ залежей глины, валуновъ и камня, вообще. О такомъ составѣ почвы и подпочвы свидѣтельствуютъ обнаженія пластовъ земли, дѣлаемыя потоками воды. Бываютъ случаи, что ливень смываетъ рыхлую почву, оставляя камни на поверхности; чтобы предохранить почву отъ подобныхъ размывовъ, по длинѣ покатого поля, противъ теченія дождевой воды выводятъ невысокія каменные стѣны или вбиваютъ въ землю колья и переплетаютъ дубовыми вѣтвями.

Для восстановления производительности почвы, истощенную землю на годъ или на два оставляютъ свободною отъ посѣва. Другой способъ улучшения почвы заключается въ томъ, что посѣвы ярового и озимаго хлѣбовъ на одномъ и томъ же полѣ чередуются, т. е. если въ предшествовавшемъ году поле было засѣяно озимымъ хлѣбомъ, то въ послѣдующемъ году на немъ сѣется яровой хлѣбъ, и наоборотъ. Ближайшія къ селенію истощенныя поля удобряются навозомъ, который доставляется изъ селенія корзинами, на вьючныхъ животныхъ; корзины, въ которыхъ перевозятъ навозъ въ поле, снабжены внизу клапанами; когда навозъ доставленъ на мѣсто, клапаны корзины развязываютъ и навозъ рассыпаютъ по пашнѣ; смотря по разстоянію, ежедневно доставляютъ въ поле отъ 10 до 20 вьюковъ навозу. Но и такой способъ унаваживанія полей, вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія, является весьма затруднительнымъ. Средствомъ для удобренія почвы считаются также сжиганіе жневыя и ночлегъ овецъихъ стадъ. Здѣсь земля обладаетъ такимъ свойствомъ, что долго переноситъ засуху, и плодородіе, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ селеніяхъ. Въ урожайные годы почва даетъ самъ-восемь или самъ-двѣнадцать; рядомъ съ этимъ, впрочемъ, бываютъ и плохіе

урожаи; обыкновенно, имъ предшествуютъ или большіе дожди въ маѣ и іюнѣ, или градобитіе въ іюлѣ.

Горшечная глина добывается во многихъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Татевъ: изъ нея мѣстные жители лѣпятъ тониры, лампы и грубые горшки; но въ сосѣднемъ подмонастырномъ селеніи Талзатапѣ горшечная глина отличается лучшимъ качествомъ, и гончарное дѣло тамъ занимаетъ много свободныхъ рукъ; талзатапцы лѣпятъ прекрасные горшки, винные кувшины (карасы), кувшины и кружки разной величины и формы.

Въ сосѣднихъ лѣсахъ много известкового камня, который пережигается въ особыхъ ямахъ и даетъ хорошую известь, употребляемую здѣсь для оштукатурки стѣнъ и въ качествѣ цемента, при каменныхъ постройкахъ. Окрестности изобилуютъ также гранитомъ, изъ котораго каменщики вытесываютъ камни для построекъ, а также и надгробныя плиты.

Селеніе Татевъ лежитъ въ самой роскошной по растительности части Загезурскаго уѣзда и окружено густыми лѣсами, гдѣ рядомъ съ простыми деревьями во множествѣ попадаются и плодовые, напр.: яблоня, груша, алыча, шипши, орѣховое дерево, кизиль и т. д.; иногда фруктовыя деревья попадаютъ сплошными группами, которыя занимаютъ значительныя площади. Изъ лѣсныхъ деревьевъ въ здѣшнихъ лѣсахъ растутъ: грабовое дерево (*Fraxinus*), дубъ, букъ (*Fagus sylvatica*), кленъ (*Acer*), ясень (*Fraxinus*), вязъ, карагачъ, рябина (*Sambucus*), орѣшникъ (*Juglans*), боярышникъ (*Malus sylvestris*), а изрѣдка — и ель. Изъ кустарниковъ есть можжевельникъ *) (*Juniperus*), смородина, шиповникъ, калина (*Viburnum*), барбарисъ, ежевика, карадавинникъ (*Rubus*), сараганъ (*Urtica dioica*). Ягоды сушатся и употребляются мѣстными жителями, какъ приправа къ кушаньямъ. Кизиль, освобожденный отъ восточекъ и высушенный, составляетъ приправу къ плову. Алыча

*) Ягодами можжевельника мѣстные знахари окуриваютъ больныхъ эпидемическими болѣзнями.

варится въ большихъ котлахъ: выжатый и сгустившійся сокъ ея сушится въ видѣ большихъ листовъ, которые можно беречь до 3 лѣтъ, и также употребляется въ пищу. Къ сожалѣнію, лѣсъ мало берегутъ: прежде въблизи селенія были большіе дубовые лѣса, съ стройными и годными для постройки деревьями, а теперь, вслѣдствіе безпощаднаго истребленія ихъ, строевой лѣсъ уцѣлѣлъ только на далекомъ разстояніи отъ селенія.

Кустарникъ сараганъ, отличающійся значительными красивыми свойствами, встрѣчается въ лѣсахъ почти повсемѣстно. Стебли его разбиваютъ на мелкія части, кипятятъ въ водѣ, потомъ этимъ кипяткомъ окрашиваютъ въ темно-желтый цвѣтъ пряжу, предназначеную на ковры, паласы, чувалы и чулки. Немало пользы извлекаютъ здѣсь изъ другихъ растений, пригодныхъ въ красильномъ дѣлѣ: гладкая кора молодого дуба употребляется для окрашиванія въ черный цвѣтъ; кора орѣховаго дерева окрашаетъ въ свѣтложелтый цвѣтъ; травянистое однолѣтнее растеніе, растущее зачастую на межахъ пахатныхъ полей и называемое по-мѣстному „севацногъ хотъ“ (окрашивающая въ черный цвѣтъ трава), даетъ черную краску. Вообще, мѣстные жители краски извлекаютъ изъ окружающей ихъ растительности. Хотя природа здѣсь изобилуетъ и лѣкарственными растеніями, но они, за малыми исключеніями, не эксплуатируются.

Почва въ окрестностяхъ Татева, на горныхъ склонахъ и въ тѣнистыхъ мѣстахъ горныхъ ущелій, производитъ въ большомъ количествѣ персидскую ромашку (*l. m. diaphora*), которая мѣстными крестьянами не примѣняется въ дѣлу.

Говоря о мѣстной растительности, нельзя не упомянуть объ орѣховомъ наплывѣ: въ послѣднее время стали являться здѣсь скушники, покупающіе варосты орѣховаго дерева для отправки за границу.

Изъ культурныхъ злаковъ татевцами разводится пшеница (нѣсколько сортовъ), ячмень и рожь; изъ послѣдней приго-

товляютъ здѣсь крупу. Культура масличныхъ сѣмянъ значительна; изъ нихъ сѣется сурьпица, ленъ и конопля; изъ этихъ сѣмянъ на мѣстныхъ заводахъ выжимается масло, при чемъ льняное предпочитается другимъ и дороже цѣнится. Горы обладаютъ естественными повосами въ достаточномъ количествѣ, потому посѣвовъ травы не дѣлается.

Изъ дикихъ животныхъ въ мѣстныхъ лѣсахъ водятся бурый медвѣдь и волкъ, встрѣчается и гиенна; олени попадаютъ иногда стадами до 10 головъ вмѣстѣ; водятся также косуля (*кушур*), дикая коза и заяцъ. Охота за пушнымъ звѣремъ не очень развита и производится нѣкоторыми изъ мѣстныхъ жителей, не какъ промыселъ, а въ видѣ забавы, въ свободныя отъ полевыхъ работъ часы, осенью и зимою. Шкура волка цѣнится въ 1 р. 20 к., лисы—1 р. 30 к., куницы—отъ 5 до 8 р., бобра—3р. и дикой кошки—30 коп.

Изъ дикихъ птицъ въ лѣсахъ и поляхъ встрѣчаются орлы, коршуны, ястреба, соколы, сова, филинъ, стервятникъ, ворона (обыкновенная и черная), дятель, кукушка, удождь, куропатка, рябчикъ, перепелъ, драхва, горлица, голубь, воробей и др. Изъ перелетныхъ бываютъ жаворонки, ласточки, малиновки, дрозды, чижи, севорцы и др.

Пчеловодствомъ занимаются здѣсь неохотно, хотя оно даетъ хорошіе барыши. Не составляютъ здѣсь рѣдкости и дикія пчелы: онѣ встрѣчаются иногда большими роями въ лѣсахъ, въ дуплахъ деревьевъ и въ трещинахъ неприступныхъ скалъ.

Населеніе и его домашняя жизнь.

Въ составъ Татевскаго сельскаго общества, кромѣ селенія Татевъ, входятъ слѣдующіе сосѣдніе поселки: Суваранць, Танзатапъ и Хотананъ, въ которыхъ, по камеральному описанію 1886 г., числилось жителей обоюго пола 2508 чел.

Названія селеній.	Число дворовъ.		Число душъ.		Всего.
	Муж. пола.	Жен. пола.	Муж. пола.	Жен. пола.	
Въ Татевѣ	200	1027	846	1873	

„ Суваранцѣ . . .	22	138	126	264
„ Танзатацѣ . . .	32	170	143	313
„ Хотананѣ . . .	6	35	23	58
<hr/>				
Итого . . .	260	1370	1138	2508

Все населеніе исключительно состоитъ изъ армянъ, армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія. Въ каждомъ селѣ имѣется каменная церковь съ приходскимъ священникомъ, въ Татевѣ же—три священника.

Жители общества, за исключеніемъ 3 семействъ дворянъ Орбеліановыхъ и нѣсколькихъ семействъ духовнаго званія, относятся къ податному сословію. Татевцы—народъ тихій, добрый и необыкновенно домовитый. Трудолюбіе здѣшнихъ крестьянъ и крестьянокъ вошло въ поговорку: „кто свое дѣло не во время дѣлаетъ, тотъ не татевецъ“.

Въ Татевѣ попадаетъ очень много приземистыхъ людей, преимущественно въ старческомъ и зрѣломъ возрастахъ. Причиною тому служить, по мнѣнію ихъ сосѣдей, неустанный трудъ, который занимаетъ татевца почти весь годъ, какъ въ поляхъ, такъ и дома. На это ухудшеніе поколѣнія, говорятъ крестьяне, позднѣе обращено вниманіе: вошло въ обычай сватать невѣсть изъ другихъ, отдаленныхъ селеній уѣзда и своихъ дѣвушекъ выдавать замужъ также въ другія селенія. Благодаря этому, молодое поколѣніе стало замѣтно улучшаться по внѣшности. Улучшенію поколѣнія въ физическомъ отношеніи больше всего мѣшаетъ вредный обычай выдавать дѣвушекъ очень рано замужъ: вступаютъ дѣвушки въ бракъ еще лѣтъ 12—13 отъ роду; перешедшія пятнадцати-лѣтній возрастъ дѣвушки или остаются при родителяхъ, или выходятъ замужъ только за вдовцовъ, имѣющихъ уже отъ перваго брака нѣсколькихъ дѣтей. Мужчины вступаютъ въ бракъ, по большей части, не раньше 24 и не позже 28 лѣтъ.

Семейная жизнь татевцевъ носитъ патріархальный характеръ: отецъ есть глава семьи; онъ управляетъ всѣмъ до-

момъ и завѣдуетъ всѣмъ хозяйствомъ. Всѣ домашніе зависятъ отъ него: ему даютъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ и во всемъ ему безусловно подчиняются, такъ-что безъ его вѣдома и разрѣшенія не производится ни покупокъ по хозяйству, ни продажи продуктовъ своего хозяйства; деньги находятся въ рукахъ главы семьи. Всѣ члены семейства, отъ малаго до старшаго, проникнуты духомъ уваженія къ отцу *). Въ общественныхъ дѣлахъ, какъ представитель своего семейства, онъ подаетъ голосъ за всю семью. Когда умираетъ отецъ, на его мѣсто вступаетъ старшій сынъ, или мать, вдова-старуха (*Abshsh*), которая входитъ въ права и обязанности покойнаго предѣстника-мужа. Тутъ зачастую попадаются семейства, состоящіе изъ 15—25 душъ и живущія между собою въ мирѣ и согласіи. При жизни отца и матери никто изъ сыновей не можетъ отдѣлиться отъ семьи. Спустя нѣсколько лѣтъ, по смерти отца, сыновья, если не хотятъ вмѣстѣ жить, дѣлятся; но общему согласію, при чемъ старшій братъ за свое первенство, сверхъ слѣдующей ему, какъ и другимъ братьямъ, доли, получаетъ еще что-нибудь лишнее, напр., участокъ земли или нѣсколько головъ скота (*Abshsh*). Любовь и уваженіе, которыя питали братья другъ другу, живя вмѣстѣ, съ раздѣломъ нисколько не уменьшаются. Уваженіе къ старшимъ и гостепримство составляютъ отличительную черту мѣстныхъ христіанъ. При старшемъ, будь онъ знакомый или незнакомый, парни изъ уваженія стоятъ на ногахъ со скрещенными на груди руками.

Какъ сыновья безусловно подчиняются отцу, такъ точно и жены ихъ должны повиноваться волѣ старушки свекрови, которая каждый день распределяетъ имъ занятія. Невѣстки, по принятому обычаю, не имѣютъ права прекословить своей

*) Невѣстки до двухъ-трехъ родовъ со старшими въ семьѣ объясняются знаками или черезъ переводчицъ, роль которыхъ исполняютъ дѣти, часто передающія слова невѣстки неточно. Отца титулуютъ словами „аперъ“, или „афа“, старшаго брата — „аперъ“ (отецъ или братъ), а бабушку „ненеа“.

повелительницѣ, которая можетъ преждевременно отдѣлить неповорную. Обѣдаютъ и ужинаютъ женщины отдѣльно отъ мужчинъ.

Скотоводство.

Скотоводство здѣсь значительно развито и стоитъ выше другихъ отраслей сельскаго хозяйства, чему немало способствуютъ просторныя пастбища съ хорошею травою, прохладныя юртовья мѣста, для лѣтнаго пребыванія на нихъ скота, и тщательный уходъ за нимъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ крупный рогатый скотъ, который здѣсь отличается своимъ породствомъ и молочностью; второе мѣсто занимаютъ овцы, мулы (катыры), лошади, ослы и вozy. Всѣ эти животныя проводятъ зиму въ хлѣвахъ и кормятся заранѣе приготовленнымъ фуражомъ; впрочемъ, овцы, бараны и козы зимою, въ хорошую погоду, выпускаются на подножный кормъ. Въ иные неурожайные съномъ годы мѣстные овцеводы перегоняютъ свои стада въ степь Геганъ, на границу Зангезурскаго уѣзда съ Джебральскимъ, гдѣ теплый климатъ и обильный подножный кормъ даютъ возможность хорошо содержать скотъ; при этомъ, за пастбища мѣстнымъ крестьянамъ-татарамъ уплачиваются деньги. Въ послѣднихъ числахъ февраля овцы съ ягнятами обратно перегоняются съ зимовниковъ на кочевья, въ окрестности селенія Татевъ, гдѣ тѣмъ временемъ появится достаточно новой травы. Если лѣто было дождливое, то съенокосные луга и пастбища покрываются высокою травою, и тогда не представляется надобности на зиму перегонять овецъ въ отдаленныя пастбища, подобныя геганскимъ. Нѣсколько хозяевъ нанимаютъ одного пастуха. Срокъ найма, обыкновенно, шестимѣсячный, и годъ дѣлится на два срока: съ 15 сентября по 15 марта, или „вишь-юганъ“—зимнее полугодіе, и съ 15 марта по 15 сентября—„ай юганъ“, т. е. лѣтнее полугодіе. На лѣтнее полугодіе нанимаютъ еще другого пасту-

ха, парня лѣтъ 14—18; срокъ найма его считается съ того дня, когда ягнать выпускаютъ на подножный кормъ (въ первыхъ числахъ апрѣля). Обязанность перваго пастуха, который лѣтами старше второго, пасти овечье стадо, послѣдній же пасеть ягнать и во многомъ подчиняется волѣ перваго. Наемныхъ письменныхъ договоровъ нивакихъ между пастухами и ихъ хозяевами, по мѣстному обычаю, не существуетъ; личное согласіе между ними и опредѣленіе наемной платы натурою, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, считается ненарушимымъ договоромъ между ними. Пастухи различаются „наемные“ и „санамаданъ“ (по счету). Наемные пастухи, въ большинствѣ случаевъ, живутъ на хозяйскихъ харчахъ, получаютъ отъ хозяина пару платья изъ грубой матеріи и еще отъ 6 до 10 ягнать, смотря по числу головъ въ стадѣ, при чемъ половина условленныхъ животныхъ, для „дамазлыха“ (приплода), должна быть изъ самокъ, другая же изъ самцовъ. Пастухи, называемые „санамаданъ“ (по счету), нанимаются изъ односельцевъ: они живутъ на свой счетъ и получаютъ съ каждыхъ 20 овецъ въ стадѣ по одному ягненку за 6 мѣсяцевъ. Пастухъ съ перваго же дня, послѣ его найма, дѣлается отвѣтственнымъ лицомъ и за пропажу долженъ отвѣчать хозяину, если не успѣетъ представить ему вещественныхъ доказательствъ, что овцу растервали волки. -

Зажиточные хозяева устраиваютъ для овецъ отдѣльныя овчарни, ниже и проще хлѣбовъ, бѣдные же овецъ держатъ зимою вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, въ хлѣвахъ. У крестьянъ есть отдѣльныя пастбища для каждаго времени года: на зиму они приберегаютъ южные склоны горъ, гдѣ снѣгъ скорѣе таетъ; сѣверные склоны, гдѣ снѣгъ дольше лежитъ, служатъ пастбищами въ жаркое время года; во время „деоля“, т. е. ягненія, стада выпускаются на ближайшія зимнія пастбища; въ овчарняхъ дѣлается особое отдѣленіе для ягнать, оплетенное дубовыми вѣтвями. Къ осени ягнать стри-

гутъ и пускають къ овцамъ, въ одно стадо. Съ 15 сентября къ овцамъ подпускають барановъ, называемыхъ по мѣстному „кочами“. Овцы сдаиваются разъ въ сутки, начиная со второго мѣсяца послѣ ягненія, т. е. съ 10 апрѣля по 10 августа; но козы доятся дольше. Самое обильное молоко овцы даютъ съ 15 мая по 20 іюня. Овцы доставляютъ овцеводамъ молоко, изъ котораго готовится сыръ и масло, шерсть, мясо и барашковъ, которыхъ хозяева ежегодно въ осени сбываютъ „чеодарамъ“ (скотопромышленникамъ); послѣдніе, откормивъ барашковъ, осенью слѣдующаго года угоняють въ ближайшіе города (Нахичевань, Шупу, Ордубадъ).

Для крупнаго рогатаго скота общественнаго пастуха, какъ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, въ Татевѣ не нанимають, а каждый долженъ самъ ухаживать за своимъ скотомъ ежедневно; иные хозяева-сосѣди, 5—10 дворовъ, вступаютъ для этого въ компанію и наблюдаютъ за скотомъ по очереди; при этомъ каждый хозяинъ, для отбыванія своей очереди, посылаетъ въ поле своего сына, мальчика, пасти общее, обыкновенно, небольшое стадо коровъ.

Изъ коровьяго молока готовятъ исключительно масло, для домашняго употребленія и для продажи; старыхъ коровъ и быковъ весною сбываютъ скупщикамъ; молодыхъ бычковъ на третьемъ году приучаютъ къ полевымъ работамъ, запрягая ихъ въ соху. Быками отправляются всѣ полевья работы, при чемъ въ каждую соху впрягаютъ отъ 3 до 6 паръ, а въ плугъ, когда пахутъ новину, — отъ 6 до 8 паръ. Для перевозки тяжестей и верховой ѣзды употребляютъ лошади, мулы и ослы. Хорошихъ верховыхъ лошадей очень мало; простые лошади, какихъ здѣсь держать, выносливы въ работѣ, но катеры еще выносливѣе ихъ, и потому катерами дорожатъ и за нихъ не жалѣють платить по 70—110 руб. за штуку.

Съ наступленіемъ лѣта, когда въ окрестностяхъ села

ощущается недостатокъ въ подножномъ кормѣ для домашняго скота, мѣстные скотоводы, раздѣляясь на нѣсколько группъ, выходятъ въ ближайшія горныя ущелья. Если въ семьѣ есть нѣсколько братьевъ, то одинъ изъ нихъ (обыкновенно, меньшей) съ женой и дѣтми отправляется на кочевье, гдѣ и проводитъ все лѣто, переходя съ мѣста на мѣсто и выбирая болѣе удобныя пастбища. На кочевьѣ татевцы, также и сосѣди ихъ—армяне и татары, устраиваютъ себѣ войлочные кибитки, называемыя по мѣстному „ора“ или „алачукъ“ (*орш џаш џршъ*). Болѣе бѣдные скотоводы живутъ въ незатѣйливыхъ землянкахъ. На кочевьѣ, называемомъ по-мѣстному „юртомъ“, располагаютъ скотоводы свои кибитки группами. Величина кибитки соответствуетъ богатству хозяина: у зажиточныхъ хозяевъ—большія кибитки, у бѣдныхъ—меньшія. Предназначенное для устройства войлочной кибитки пространство очищается отъ травъ и выравнивается, въ видѣ небольшой круглой площадки, приблизительно въ 4 аршина въ діаметрѣ; кругомъ этой площадки вбиваютъ въ землю длинныя, тонкія и гибкія дубовыя жерди, согнутыя въ дугу: толстые заостренные концы жердей вбиваются въ почву, а верхніе, тонкіе концы перевязываются шерстяными шнурками; затѣмъ, эти гибкія жерди обтягиваютъ плотнымъ войлокомъ; послѣдній покрываетъ жилище кочевника съ верху и боковъ, оставляя между землею и висящими краями войлока свободное пространство въ полтора аршина; къ жердямъ снаружи привязываютъ особую ширму, сплетенную изъ тростника (*џашъ џршъ џршъ џршъ џршъ џршъ*): ее вставляютъ такъ, что она прикрываетъ оставшееся открытымъ пространство. Для прикрытія входа служитъ продолженіе той же ширмы. Войлокъ, опускаясь сверху, съ наружной стороны, закрываетъ верхній край ширмы; къ краямъ войлока привѣшиваютъ тяжелые камни, чтобы его не сорвало вѣтромъ. Кибитки снаружи имѣютъ шаровидную форму. Внутри онѣ дѣлятся на два отдѣленія: переднее, у

входной стѣны, занимаютъ шильцы-вочевники, а заднее служитъ для храненія въ немъ разныхъ принадлежностей молочнаго хозяйства, какъ-то: деревянной маслбойки, глиняной, мѣдной и деревянной посуды съ сыромъ, творогомъ, масломъ, прѣснымъ и кислымъ молокомъ; ко всему этому надо еще прибавить и бараньи бурдюки, набитые сыромъ. У одной стѣны, налѣво отъ входа, привязываютъ на ночь въ вбитымъ въ землю колямъ телятъ, у противоположной стѣны разводится очагъ. Ночью весь рогатый скотъ, принадлежащій одному хозяину, окружаетъ его палатку; недалеко отъ кибитокъ располагаются и овечьи стада. Для безопасности отъ воровъ, хозяева по очереди по ночамъ караулятъ кибитки и скотъ; несмотря на такіа предосторожности, кочевники теряютъ иногда по нѣскольку головъ крупнаго и мелкаго скота: крупный скотъ воруютъ татары, а овецъ и ягнятъ утаскиваютъ волки.

По истощеніи подножнаго корма на верхнихъ вочевьяхъ и снятіи съ полей хлѣбовъ, кочевники со стадами начинаютъ постепенно спускаться въ селенію, останавливаясь по нѣскольку дней въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ найдутъ хорошій кормъ.

На вочевьяхъ и въ селеніи у себя татевцы употребляютъ въ качествѣ топлива валежники, за право пользованія которымъ каждый дымъ вноситъ ежегодно въ Зангезурское лѣсничество по 40 копеекъ.

Болезни домашнихъ животныхъ и мѣстныя средства лѣченія ихъ.

А. *Болезни овецъ.* 1) „Церъ“ (*gba*—испражненіе). Болезнь эта появляется и отъ холода, и отъ жары: овца чрезвычайно много пьетъ воды и испражняется такъ жидко, какъ вода.—Лѣкарство противъ этой болезни заключается въ толченой маренѣ, квасцахъ и соли, смѣсь которыхъ даютъ ѣсть овцѣ.

2) „Дялинджа“ или „гижъ“ (*qhd*—голововруженіе). Появленіе этой болѣзни объясняютъ тѣмъ, что у овцы, будто бы, въ головѣ заводятся черви, вслѣдствіе чего она отстаётъ отъ стада и съ опущенною головою вьрывается на мѣстѣ.—Раскаленною желѣзною полоскою крестообразно прижигаютъ лобъ больной овцы; изъ подъ глаза пускаютъ кровь.

3) „Косъ“ (*рnu* парши). Мѣстами на тѣлѣ у овецъ, не исключая и губъ, появляются прыщики, и животныя сильно чешутся. Такъ какъ эта болѣзнь заразительна, то, съ появленіемъ ея въ стадѣ, опытные овцеводы, для предупрежденія заразы, немедленно отдѣляютъ больныхъ овецъ отъ здоровыхъ. Паршамъ часто подвергаются козы (*шудр рnu*), которыя до нага мѣняютъ шерсть.—Болѣзнь эта хорошо излѣчивается порокомъ и свѣжимъ (не топленнымъ) масломъ, которыми натираютъ больныхъ животныхъ, при чемъ пасутъ ихъ въ тѣнистыхъ рощахъ, такъ какъ солнечный жаръ имъ вреденъ. При неосторожномъ обращеніи съ больными животными, заражается паршами и человекъ, который въ такомъ случаѣ примѣняетъ къ дѣлу тѣ же средства, какія употребляются для лѣченія овецъ и козъ.

4) „Крыль-яра“ (рана отъ ножницъ) происходитъ при неосторожной стрижкѣ овецъ, когда овцеводы или пастухи вырѣзываютъ на какомъ-либо мѣстѣ кожу съ шерстью: съ теченіемъ времени, при жаркой погодѣ, здѣсь образуется рана, и въ ней появляются черви, разѣдающіе рану.—Овцеводы сначала вынимаютъ червей изъ раны, потомъ, промывши начисто, посыпаютъ ее порокомъ изъ мѣднаго купороса (*qtoqumz*) съ известью; это повторяется до заживленія раны. Овецъ съ такими ранами держатъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ.

5) „Опка“ (болѣзнь въ легкихъ), по словамъ овцеводовъ, происходитъ отъ жажды,—если не поить овецъ своевременно. Больная овца отстаётъ отъ стада, теряетъ аппетитъ, усиленно дышитъ, такъ-что бока ея то сильно расширяются, то суживаются.

ваются. — Единственнымъ средствомъ противъ этой болѣзни считается голубоватый бусъ, „опка-даши“: его толкутъ и опускаютъ въ воду, которую даютъ пить больному животному.

6) „Кепенегъ“ (глисть въ печени). Заболѣваютъ этой болѣзнию овцы отъ гнилой болотной воды. Болѣзнь эта считается неизлѣчимою.

Б. *Болезни рогатаго скота.* 1) „Яни-кара“ (черная рана на боку) происходитъ отъ удара въ бокъ или ушибовъ о камни и деревья, вслѣдствіе чего ушибленное мѣсто начинаетъ чернѣть. — Больное мѣсто прижигаютъ желѣзомъ или ланцетомъ пускаютъ кровь.

2) „Кара-папахъ“ (черная шапка). У коровы или быка опухаетъ сердце и животъ; потомъ является и кашель, сопровождаемый поносомъ. — Средство для лѣченія больной скотины въ этомъ случаѣ состоитъ въ кровопусканіи изъ носу или ушей.

3) „Дабахъ“ (поврежденіе копытъ) появляется въ копытахъ рогатаго скота отъ засухи или отъ грязи: въ первомъ случаѣ, отъ твердой почвы копыта рабочихъ животныхъ обламываются; во второмъ же случаѣ, грязь, оставаясь въ дождливое время между копытами, производитъ гніеніе. — Бритвою изъ ноги, выше копыта, пускаютъ кровь и посыпаютъ толчеными квасцами; обливаютъ также копыта нефтью.

4) „Яманъ“ (опасная рана). Отъ невѣдомыхъ причинъ распухаетъ у животныхъ снаружи бедро, брюхо или грудь. — Скотоводы распухшее мѣсто накалываютъ, подобно рѣшету, толстымъ шиломъ и пускаютъ кровь въ большомъ количествѣ, а, затѣмъ, рану прижигаютъ желѣзомъ.

5) „Чянгъ“ (окоченѣлость ногъ). Этой болѣзни больше всего подвергаются буйволы и овцы. Больныя животныя теряютъ способность ходить и, стоя на мѣстѣ, съ близко-приставленными одна къ другой ногами, дрожать. По мнѣнію жителей, болѣзнь чянгъ происходитъ отъ холода. — Практикуемое противъ чянга средство состоитъ въ прикладываніи къ ногамъ сварен-

ной соломы (самана); если же простужена и голова, что обнаруживается течением из носа слизи, то окуривают больное животное, держа под его мордочу тлѣющія трапки.

6) „Сулузь“ (пьявка—*шчррлц*). Когда животные пьют стоячую болотную воду, то вмѣстѣ съ водою попадаютъ въ ротъ иногда пьявки, которыя или проглатываются, или же, прицѣпляясь къ разнымъ частямъ рта, жадно высасываютъ кровь. Присутствіе во рту пьявокъ узнается по текущей изъ него во время ѣды крови.—Для выниманія пьявокъ берутъ кусокъ обмоченнаго въ водѣ войлока, насыпаютъ на него соли и, открывъ ротъ животнаго пальцами и вѣрѣтко держа его за языкъ, трутъ войлокомъ по полости рта; вслѣдствіе этого пьявки отрываются и выпадаютъ на землю.

Рогатый скотъ здѣсь не подвергается тѣмъ частымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, какъ въ Баргушетѣ и Сисянѣ (чума).

В. *Болѣзни лошадей*. 1) „Черъ“ (скоропостижное издыханіе). Эта болѣзнь начинается безъ явныхъ признаковъ: по видимому, совершенно здоровая лошадь внезапно падаетъ съ ногъ и, по временамъ оглядываясь назадъ, издыхаетъ.—Пускаютъ лошади кровь изъ подъ глазъ или стаскиваютъ ее въ воду и гладкими предметами бьютъ по тѣлу ея.

2) „Дамакъ“ (воспаленіе нѣба). Заболѣвающія этою болѣзнию лошади съ трудомъ жуютъ кормъ и большую часть взятой ими въ ротъ пищи выпускаютъ обратно. Крестьяне думаютъ, что дамакъ появляется отъ несвоевременной дачи лошади ячменя, которымъ нужно кормить ее непосредственно послѣ водопоя.—Для устраненія этой болѣзни, изъ нѣба лошади шиломъ пускаютъ кровь.

3) „Сахковъ“ (воспаленіе горла) происходитъ отъ холода. У больной лошади течетъ изъ ноздрей слизь.—Послѣ непродолжительной гонки, лошадь потѣетъ и отъ этого выздоравливаетъ.

4) „Порадавъ“ (поносъ). Нечистый кормъ, съ куринымъ

шометомъ, производить боль и поносъ у лошади.—Больную лошадь окуриваютъ дымомъ однолѣтнаго травянистаго степного растенія, извѣстнаго въ Елисаветопольской губерніи подъ именемъ *евшанъ* *).

5) „Джидовъ“ (рана на спинѣ) образуется у верховыхъ и вьючныхъ лошадей отъ давленія сѣдла: на спинѣ или холкѣ у лошади является опухоль, малѣйшее прикосновеніе къ которой причиняетъ животному чувствительную боль, такъ-что оно нагибаетъ спину; съ теченіемъ времени, опухоль превращается въ гнойную рану, издающую дурной запахъ.—Для предохраненія раны отъ развитія въ ней червей, обмазываютъ ее нефтью, а по очищеніи отъ гноя, насыпаютъ на нее толченую въ порошокъ древесную кору, преимущественно ивовую, или прижигаютъ желѣзомъ края раны.

6) „Пчел-ганъ“ (свопленіе крови) появляется у лошадей, по мнѣнію коноводовъ, отъ частой и слишкомъ обильной дачи ячменя, вслѣдствіе чего послѣдніе суставы ногъ, выше копытъ, сильно распухаютъ и краснѣютъ.—Средства къ излѣченію этой болѣзни употребляютъ слѣдующія: больную лошадь перестаютъ кормить зерномъ, пускаютъ изъ ранъ кровь, прижигаютъ кипяченымъ коровьимъ масломъ или мажутъ больныя мѣста ногъ смѣсью изъ свиного сала и сѣры.

7) „Синагиръ“ (чахотка) проявляется сильнымъ кашлемъ, что происходитъ отъ холода и, въ большинствѣ случаевъ, отъ того, что лошадь поливаютъ водою, когда она потная.—Противъ синагира даютъ лошади проглатывать яйца сорожи.

Молочное хозяйство.

Главная задача скотоводства въ крестьянскомъ быту заключается въ полученіи отъ коровъ, буйволицъ, овецъ и козъ молока, изъ котораго приготавливаются разные молочные про-

*) Евшанъ растетъ большими пучками на южныхъ скатахъ горъ Закавказскаго уѣзда; стебли его достигаютъ до одного аршина и болѣе, и мѣстные жители изъ нихъ связываютъ вѣнки.

дукты, для продажи и домашнего обихода. Масло, преимущественно, готовится из коровьего молока, а сыр — из овечьего и козьего.

Сыр и масло, приготовленные раньше выхода на воевья, в селении, употребляются в пищу жителями до возвращения скота с воевья; на воевьях же готовится зимний запас сыру и масла, избыток которых продается скотоводами в ближайших торговых пунктах.

Коровь сдают два раза в сутки: рано утром, пред выпуском их на пастбище, и поздно вечером, по возвращении их домой. Предназначенное для приготовления масла молоко кипятится и наливается в глиняные горшки; когда оно несколько остынет (температуру молока хозяйки распознают на ощупь, обмакивая в него один палец), вливают туда ложку кислого молока, от которого прѣсное молоко киснет и свертывается. В слѣдующій день, или чрезъ день, изъ кислого молока в деревянныхъ маслобойкахъ, висящихъ на деревянныхъ же треножникахъ, сбиваютъ масло, которое складывается в особый горшокъ и солится. По получении масла в большомъ количествѣ, хозяйка посылаетъ его домой, в деревню, для вытапливанія и хранения в большихъ и чистыхъ горшкахъ (*qñuqñivruñ*). В такомъ видѣ масло собирается на зиму. Избытокъ продается. Овецъ и козъ доятъ в сутки разъ по полуднямъ; надоенное молоко процеживаютъ сѣвезъ сито, выпятятъ, а потомъ, когда молоко немного остынетъ, прибавляютъ кислой сычужной жидкости (заваска — *ñuñu*), сколько это нужно; затѣмъ, оставляютъ молоко в котлѣ до тѣхъ поръ, пока оно свернется; послѣ чего перекладываютъ его в особые мѣшки (сшитые изъ бязи) и кладутъ подъ камни, для выдавливанія сыворотки (*zñu*). Чрезъ 4—5 часовъ сыр вынимаютъ, рѣжутъ на небольшіе куски и, пересыпая солью и сушенымъ творогомъ (шоръ — *zop*), набиваютъ ими большіе мѣшки изъ бараньихъ шкуръ, называе-

мые здѣсь „моталами“; въ нихъ запасъ хранится впоролженіе всей зимы и весны, до полученія новаго сыра. Въ Татевѣ и окрестныхъ селеніяхъ съ молока, предназначеннаго на приготовленіе сыра, снимають сливки, вслѣдствіе чего онъ много теряетъ во вкусѣ. Сычужная жидкость готовится слѣдующимъ способомъ: берутъ бараній сычугъ (*շիւղնի*), промываютъ его начисто, засушиваютъ и кладутъ въ небольшой горшокъ съ узкимъ горлышкомъ; туда же всыпають горсть изюма, яровой пшеницы (*լարճիւնի*), ладана, соли, квасцовъ и 2—3 стакана родниковой чистой воды, потомъ горшокъ съ такою смѣсью ставятъ въ теплое мѣсто, для броженія *).

По выбитіи масла, мѣстные хозяева паханье (*թանի*) не выливаютъ на землю безъ всякой пользы, какъ это дѣлають многіе скотоводы, а изъ него готовятъ два продукта, имѣющіе очень важное значеніе у зангезурскихъ армянъ. Это „чора-танъ“ (*չորաթանի*) и „базуки-танъ“ (*բազկաթանի*). Первый изъ нихъ, чоратанъ (высушенный творогъ), въ сухомъ видѣ можно продержать цѣлыхъ два года. Готовятъ его такъ: по снятіи сметаны, паханье сильно кипятятъ, переливаютъ изъ котловъ въ мѣшки и кладутъ подъ камни, чтобы выжать оттуда жидкость; когда жидкость (сыворогъ) совершенно выдавливается, вынимають творогъ изъ мѣшковъ, добавляют соли и раздѣляютъ на куски, съ яблоко средней величины, и высушиваютъ на солнцѣ. Зимой, по мѣрѣ надобности, растворяють чоратанъ кипяченою водою въ глиняномъ сосудѣ, растирая рукою о стѣнки его, нагрѣвають этотъ растворъ и, наливъ на него масла, ѣдятъ; это одно изъ хорошихъ блюдъ мѣстныхъ жителей. Базукитанъ (густой творогъ съ бураками) готовится точно такъ же, какъ и чоратанъ, только хранится въ горшкахъ и съ прибавленіемъ въ нему на каждый горшокъ отъ

*) Поминваніи надобности въ сычужной жидкости, хозяйка выливаетъ ея остатки въ рѣчку, такъ какъ, по вѣрованію мѣстнаго, населенія выливъ эту жидкость на землю, можно вызвать эпизоотію.

20 до 40 яицъ, а также и бураковъ; онъ бываетъ жиже и вкуснѣе чоратана.

Молоко только-что родившей коровы, овцы или козы (молозиво), по мѣстному, называется „агузъ“; пастухи доятъ молозиво родившихъ животныхъ въ ихъ послѣдъ ($\delta\zeta\eta$); горшокъ съ молозивомъ и послѣдомъ зарывають въ горящіе угли и варятъ; полученное такимъ образомъ блюдо называется „сулухъ“ и бываетъ необмыновенно вкусно. Есть еще два подобныхъ блюда: берутъ нѣсколько ложекъ молозива и, смѣшавъ съ обыкновеннымъ молокомъ, варятъ въ котлѣ: это кушанье называется „булама“; если же сварить отдѣльно молозиво, получится новое блюдо,—густая желтая масса, называемая „хежнь“ *).

Хлѣбопашество и другія занятія жителей. Пути сообщенія.

Всѣ крестьяне, по числу душъ, одинаково надѣлены монастыремъ землями пахатными и покосными, а пастбищныя мѣста ихъ состоятъ у нихъ въ совмѣстномъ пользованіи. Хлѣбопашество для татевцевъ столь же важная отрасль сельскаго хозяйства, какъ и скотоводство, обѣ одинаково необходимы и одна безъ другой невозможна; размѣры полевыхъ запасекъ здѣсь находятся въ прямой пропорціональности съ количествомъ рабочаго скота у хозяина. Зажиточнымъ хозяевамъ мало ихъ надѣла, а бѣдняки, не имѣя рабочаго скота, не въ состояніи обработать свою землю и отдаютъ излишекъ ея въ аренду богатымъ; за пользованіе землею, обыкновенно, отдается землевладѣльцу половина родившагося на ней хлѣба. Способъ пользованія землею и орудія, употребляемыя для обработки ея,—первобытные. Европейскія усовершенствованныя земледѣльческія орудія еще не проникли въ Зангезурскій уѣздъ. Пашутъ землю тяжелыми сохами и плугами,

*) Сравни II выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, отд. II, стр. 83. Ред.

изготавливаемыми самими крестьянами; боронять особымъ орудіемъ, называемымъ здѣсь „цаканъ“ (*дичишъ*); оно состоитъ изъ двухъ жердей, представляющихъ развилку одного ствола; промежутокъ между жердями заплетается дубовыми вѣтвями, а между послѣдними торчатъ зубья, которые служатъ для разравниванія вспаханной земли. Жерди прикрѣпляются къ особой доскѣ, имѣющей форму трапеціи съ двумя отверстиями, куда вдѣваются двѣ другія дубовыя жерди, тонкіе концы которыхъ сходятся, перевязываются веревкою и прикрѣпляются къ яру первой пары быковъ. На цаканѣ стоитъ человекъ и погоняетъ первую пару быковъ, а слѣдующія пары погоняютъ особые погонщики.

Въ соху впрягаютъ отъ 3 до 6 паръ быковъ, въ плугъ—отъ 6 до 10 паръ; послѣднимъ управляютъ два человека, сохою—одинъ. Осенью сѣютъ озимую пшеницу, весною—яровую, ячмень, рожь и масличныя сѣмена—ленъ и сурѣпицу. Поле, предназначенное подъ посѣвъ озимой пшеницы, вспахивается два раза: весною (вдоль полосы) и лѣтомъ (наклонно къ бороздамъ первой запашки). Сѣмена сѣются съ 20 августа по 15 октября по дождю, такъ какъ поля тутъ не поливныя. Яровыя сѣмена высѣваются весною, по мѣрѣ производства распашки.

Хлѣбъ убирается съ полей со второй половины іюля по 15 августа и, по мѣрѣ сжатія, свозится на вьючныхъ животныхъ на гумна, при чемъ на ослевъ кладутъ отъ 4 до 6 сноповъ, на катеровъ и лошадей—отъ 6 до 10. Одновременно съ жатвою производится перевозка и молотба сжатого хлѣба на гумнахъ. Гумно ежегодно поливается водою предъ началомъ молотбы и покрывается толстымъ слоемъ глины, которая чрезъ 3 дня настолько высыхаетъ, что можно бываетъ на ней молотить хлѣбъ. Общепринятымъ молотильнымъ орудіемъ являются большія дубовыя доски со вбитыми въ нижнюю сторону ихъ острыми обломками времней; для

понуканія быковъ сажаютъ на доски дѣтей. Разбросанные по гумну снопы подъ острыми камнями до полудня обращаются въ мякнуну (саманъ); послѣ полудня производится вѣяніе, а къ вечеру очищенные зерна доставляются домой; искрошенную же солому собираютъ особымъ орудіемъ (манъ — *манъ*) въ саманники на земній кормъ скоту. Иные крестьяне часть хлѣба, не успѣвъ окончить молотбы осенью, оставляютъ не обмолоченною до слѣдующей весны. Часть пшеницы откладываютъ на сѣмена, часть мелютъ въ муку на зиму и всыпаютъ въ деревянные уяги, избытокъ же помѣщаютъ въ выртыя въ землѣ глубокія ямы, стѣны и дно которыхъ выстилаются соломой.

Татевская земля была прежде монастырскою; поземельная повинность крестьянъ относительно монастыря выражалась въ томъ, что они давали ему десятую долю получаемого съ пашни урожая. Въ виду того, что лица, распорядившіяся сборомъ съ крестьянъ хлѣбныхъ зеренъ, ихъ храненіемъ и продажей, неаккуратно исполняли возложенныя на нихъ обязанности и злоупотребляли безнаказанно, глѣтъ 15 тому назадъ, по опредѣленію Этміадзинскаго синода, натуральная повинность замѣнена оброчнымъ поземельнымъ налогомъ, который, по состоявшемуся взаимному соглашенію между духовнымъ вѣдомствомъ и крестьянами, взимается съ поселянъ особыми сборщиками, въ размѣрѣ отъ 3 до 5 рублей съ дыма. Для крестьянъ несравненно выгоднѣе эта повинность.

Съ весны до снятія съ полей хлѣбовъ и окончанія сѣнокоса нанимаются обществомъ три полевыхъ сторожа, чтобы оберегать посѣвы отъ погравъ; они день и ночь должны неуспынно слѣдить за пастухами, чтобы эти послѣдніе не погравили посѣвовъ и сѣнокосныхъ луговъ, за цѣлость которыхъ отвѣчаютъ они. Полевые сторожа, цырульники и пастухи получаютъ опредѣленное обществомъ вознагражденіе хлѣбомъ: цырульникъ съ cadaго взрослого (выше 20 лѣтъ) муж-

чины, за стрижку волосъ на головѣ и бритье лица, получаетъ по $2\frac{1}{2}$ пуда пшеницы; общественный настихъ, улаживающій за крупными рогатыми скотомъ, получаетъ съ ховяина за дойную корову 2 килы пшеницы ($26\frac{1}{2}$ фунтовъ), за быка, телушку или яловую корову—такую же мѣру ячменя.

Татевцы, какъ выше упомянуто, отличаются образцовымъ трудолюбіемъ: ранней весною пахутъ поля подъ посѣвъ ярового хлѣба, обрабатываютъ огороды, сѣютъ разные овощи, вывозятъ въ поле навозъ, привозятъ дрова. Лѣтомъ они пахутъ поля подъ озимые посѣвы, чрезъ два мѣсяца еще разъ перепахиваютъ ихъ; лѣтомъ же косятъ траву на сѣно и готовое сѣно возятъ на гумна. Послѣ сѣновоса начинается жатва, сначала—ярового хлѣба, затѣмъ—озимаго. Въ пасмурные дни, когда жать нельзя, крестьяне дергаютъ ленъ и сурѣшницу и оставляютъ выдернутые стебли въ полѣ сохнуть; къ этой полевой работѣ женщины оказываются больше пригодными, чѣмъ мужчины; спустя 2 недѣли, когда маслячнныя растенія высохнутъ на поляхъ, крестьяне выжгаютъ въ поле съ палками, на которыхъ и молотятъ ленъ и сурѣшницу большими дубинами, отбрасывая стебли и собирая зерна.

Окончивъ всѣ полевныя занятія, крестьяне съ осени занимаются извозомъ между городами Шушю и Нахичеванью. Изъ Шуши они берутся перевозить въ Нахичевань нефть, керосинъ, мыло и разные мелкіе и мануфактурные товары; они перевозятъ также въ разные селенія Зангезурскаго и Нахичеванскаго уѣздовъ крестьянъ, возвращающихся съ заработковъ изъ Баку и изъ Закаспійской области, за что извозчики, смотря по расстоянію, получаютъ отъ 4 до 8 руб. за конецъ. Съ Нахичеванскихъ соляныхъ промысловъ татевцы покупаютъ по 10 коп. за пудъ соль и вьюками (на каждое животное владется вьюкъ по 8 пуд.) доставляютъ въ Шушу, гдѣ сбываютъ ее по 60—80 коп. за пудъ. Это занятіе, при дурныхъ дорогахъ, очень

судно вознаграждается: восьмидневное путешествіе между городами Шушою и Нахичеванью, отстоящими другъ отъ друга, приблизительно, на 200 верстѣ, при одномъ выючномъ животномъ, оплачивается, среднимъ числомъ, заработной платою въ 4 руб. 80 коп., при чемъ навозчикъ вноситъ пару лаштей въ 30 коп., а лошадь—станъ подковъ въ 80 коп.

Въ концѣ осени многіе изъ мѣстныхъ жителей ѣздятъ въ сел. Мигры (на границѣ съ Персіей) и мѣняютъ привозимое ими масло на вату, пудъ на пудъ. Обработка ваты у сельскихъ хозяевъ носитъ характеръ кустарной промышленности: сами крестьянки прядутъ изъ ваты нитки и дома теутъ на станкахъ бязь, для домашняго употребленія и для продажи, по 1 руб. за кусокъ въ 10 ханскихъ арш. (1 ханск. арш. = 22 вершкамъ). Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ женщины бывають заняты другимъ дѣломъ, ткацкую работу исполняютъ мужчины. На станкахъ, служащихъ для тканья бязи, теутъ также и шали на чуху и шаровары; вытканныя шали бьютъ ногами до тѣхъ поръ, пока онѣ уплотнятся. Обработка шерсти лежитъ также на обязанности женщинъ: шерсть 1-й стрижки онѣ промываютъ въ июнѣ, сушатъ, расчесываютъ, прядутъ на веретенѣ и окрашиваютъ нитки въ разные цвѣта, при чемъ красильные матеріалы хозяйки, въ большинствѣ случаевъ, употребляютъ домашніе (цвѣты, плоды, кора деревьевъ) и только для окрашиванія нитокъ въ голубой и синій цвѣта обращаются въ мѣстные красильни. Шерсть второй стрижки идетъ на валянье войлока. Женщины прядутъ и сучатъ шерстяныя и бумажныя нитки для разныхъ надобностей въ долгіе зимніе вечера.

Въ Татевѣ съ давнихъ поръ существуютъ два маслобойныхъ завода, принадлежащихъ частнымъ лицамъ (одинъ изъ нихъ теперь въ развалинахъ); третій заводъ находится при главныхъ воротахъ Татевскаго монастыря и принадлежитъ ему. На этихъ заводахъ мѣстные жители и сосѣди ихъ, изъ окрестныхъ селеній, выжимають изъ масличныхъ сѣмянъ постное

масло. Заводы устроены въ самомъ селеніи и снаружи ничѣмъ не разнятся отъ простыхъ крестьянскихъ домовъ; каждый состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ построекъ: въ одной изъ нихъ въ срединѣ устривается каменная ступа съ вертикальною деревянною неподвижною осью въ центрѣ. Къ оси прикрѣпляется конецъ другой оси, проходящей чрезъ срединное отверстіе большого жернова, — такъ, чтобы она вмѣстѣ съ жерновомъ вращалась вокругъ неподвижной вертикальной оси; къ свободному концу оси прикрѣпляется ярмо рабочаго животнаго (для одного буйвола, или двухъ быковъ). Прежде, чѣмъ толочь зерна въ ступѣ, ихъ предварительно жарятъ въ находящейся тамъ же жаровнѣ, имѣющей видъ хлѣбной печи. Въ ступу насыпаются жареныя масличныя сѣмена и толкутся до тѣхъ поръ, пока размельчатся и могутъ быть просѣяны чрезъ сито. Послѣ этого полученную массу смѣшиваютъ съ водою и въ послѣдній разъ толкутъ; такъ какъ эта работа очень трудная, то припрягаютъ и другого буйвола, для увеличенія рабочей силы. Липкую и тягучую массу, которая получается въ ступѣ, кладутъ подъ деревянный прессъ, находящійся въ другомъ отдѣленіи завода. Онъ устривается изъ четырехъ толстыхъ бревенъ, поднимаемыхъ особымъ винтомъ, вращаемымъ, съ помощью рычаговъ, шестью рабочими. Масло вытекаетъ изъ-подъ пресси въ зарытый въ землю кувшинъ. По выбитіи всего масла, пятая часть его отдѣляется въ пользу владѣльца завода, остальное же масло и жмыхи получаетъ хозяинъ семянъ. Топливо, для жаренія масличныхъ зеренъ, и рабочихъ, въ потребномъ количествѣ, даетъ послѣдній.

Неудобство путей сообщенія составляетъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ цѣлаго уѣзда, препятствующихъ развитію сельскаго хозяйства. Предметы своего земледѣльческаго производства крестьяне вывозятъ въ ближайшіе торговые пункты, какъ то: сел. Мигри, Ордубадъ, Герусы и Шушу, вьюками на катерахъ, лошадахъ и ослахъ. Ызда по гор-

нымъ тропинкамъ съ крутыми спусками и подъемами иногда стоитъ жизни вьючныхъ животныхъ: вмѣстѣ съ вьюками они нерѣдко скатываются въ бездны и разбиваются. Ёдущіе верхомъ, изъ опасенія упасть съ лошади и разбиться до смерти, слѣзаютъ съ нихъ и значительную часть дороги проходятъ пѣшкомъ. Нечего и говорить о трудности этихъ дорогъ зимою, когда онѣ мѣстами, отъ стекающихъ горныхъ родниковъ и ручьевъ, покрываются льдомъ. При такомъ состояніи дорогъ катеръ и осель являются незамѣнными животными: безъ нихъ здѣсь была бы иногда немыслима перевозка тяжестей; вотъ почему они дорого цѣнятся у татевцевъ, и крестьянинъ считаетъ необходимымъ имѣть хотя двухъ ословъ и одного катера. Въ уѣздѣ имѣется только одна колесная дорога, проложенная между Шушою и Герусами, она проходитъ по такимъ малонаселеннымъ мѣстамъ, что, кромѣ почтоваго сообщенія, не приноситъ никакой пользы крестьянамъ.

Народныя удовольствія.

Въ числѣ народныхъ увеселеній видное мѣсто занимаютъ свадьбы, совершаемыя здѣсь зимою, пѣсни ашиговъ, представленія, даваемыя канатными плясунами (акробаты), игры на масляницѣ и женскія пѣсни (*Զանգ/ւրում*) по случаю праздника Вознесенія Господня.

а) *Свадьба*. Свадьбы здѣсь, какъ и во многихъ другихъ армянскихъ селеніяхъ, совершаются зимою, когда всѣ полевыя работы бывають окончены, а съѣстныхъ припасовъ имѣется въ домѣ крестьянина вдоволь.

Обрученіе молодыхъ происходитъ по взаимному согласію ихъ родителей, но никакъ не по обоюдному согласію обручаемыхъ. Молодой человекъ, желающій засватать невѣсту, возвращаясь домой съ чужбины, приноситъ съ собою пару наряднаго платья изъ дорогой матеріи и вѣнчикомъ привлекаетъ къ себѣ симпатіи отцовъ, желающихъ вы-

дать своихъ дочерей. Онъ пережвняется и характеромъ: изъ беззаботнаго парня онъ превращается въ задумчиваго и этимъ обращаетъ на себя вниманіе своихъ родителей, которые, появъ въ чемъ дѣло, торопятся скорѣе обручить сына. Заручившись предварительно словомъ родителей невесты, отецъ жениха съ нѣсколькими близкими родственниками отправляется въ домъ невесты, взявъ съ собою нѣсколько *обручальныхъ принадлежностей* *) изъ серебра. Спустя годъ или два со дня обрученія, готовятъ къ свадьбѣ.

Родители жениха заблаговременно запасаются всѣми необходимыми для пира съѣстными припасами и напитками; припасаютъ нѣсколько карасовъ вина, 2—3 бурдюка водки, два быка и одну корову, изъ которыхъ послѣдняя вмѣстѣ съ 20 тунгами вина и 2 тунгами водки отправляется женихомъ въ домъ невесты. Размѣры свадебныхъ припасовъ, отдаваемыхъ женихомъ родителямъ невесты, опредѣляются особымъ совѣщаніемъ, устраиваемымъ у родителей невесты за мѣсяць до свадьбы; совѣщаніе это называется у мѣстныхъ жителей „*шлр п. шп.*“ т. е. дача и взятіе: здѣсь опредѣляется и количество приданаго невесты и подарковъ жениха родителямъ ея, а также и назначается время свадьбы.

Наканунѣ свадьбы въ домъ жениха приглашаются сазандары (зурначи и нагарачи) и гости, съ каждаго дыма по одному человѣку: гости поздравляютъ родителей жениха съ свадьбою ихъ сына, ѣдятъ, пьютъ и расходятся. Въ слѣдующее утро дается обѣдъ приглашеннымъ мужчинамъ и женщинамъ отдѣльно: сначала угощаютъ мужчинъ, затѣмъ — женщинъ. Женщины только разъ посѣщаютъ свадьбу и каждая изъ нихъ, являясь къ жениху, приносить въ подарокъ 20 коп., а къ невестѣ, въ домъ ея родителей, — пару чулокъ

*) Сравни. II выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, отд. II, стр. 6, а также — „Истор. войны и владчества русскихъ на Кавказѣ“ Дубровина; Спб. 1871 г., т. I. кн. II., стр. 416. *Ред.*

или толаховъ. Во все время празднованія свадьбы гремѣть двѣ зурны и бубень (нагара), играя разные мѣстные мотивы для танцевъ, а также особые мотивы для сбора и ухода гостей (*q̄w̄īz̄r̄* и *q̄r̄r̄q̄r̄ b̄q̄w̄īw̄q̄w̄r̄*). Приглашенные изъ окрестныхъ селеній гости жениха и невесты безотлучно находятся въ домахъ сихъ послѣднихъ, односельчане же приглашаются изъ своихъ домовъ ежедневно, въ продолженіе 4 дней. Время обѣда и сбора гостей, а также время ихъ ухода, какъ упомянуто выше, возвѣщаетъ зурна. На второй день, въ вечеру, женихъ изъ знакомой ему молодежи организууетъ себѣ свадебную свиту: онъ выбираетъ двухъ шаферовъ (*q̄w̄z̄-b̄q̄r̄r̄q̄r̄* и *q̄w̄w̄īq̄r̄z̄r̄*), которые должны безотлучно находиться при женихѣ до привода невесты въ его домъ, а также назначаетъ управляющаго всѣмъ свадебнымъ церемоніаломъ, называемаго „тойбаши“ (глава свадьбы); каждый изъ назначенныхъ женихомъ членовъ свиты долженъ исполнять разныя порученія „тойбаша“. Въ тотъ же день, позднимъ вечеромъ, свадебная процессія, въ сопровожденіи зурны, движется изъ дома жениха въ домъ невесты, если послѣдняя живетъ въ томъ же самомъ селеніи; если же невеста живетъ въ другомъ селеніи, то женихъ со свитой, судя по разстоянію, долженъ выѣхать раньше. Женихъ везетъ съ собою въ невестѣ подвѣсничій костюмъ ея, сдѣланный изъ бархата или другихъ шелковыхъ матерій. Въ отсутствіе жениха и зурны ширнество у родителей жениха не прекращается. На пути слѣдованія въ церковь, къ вѣнцу, и обратно родственники жениха и расположенные къ новобрачнымъ лица, мимо домовъ которыхъ проходитъ свадебная церемонія, сопровождаемая ружейными выстрѣлами и неумолкаемымъ громогласнымъ „ура“, обсыпаютъ съ верши домовъ эту шумную толпу разными фруктами; послѣдніе дѣлаются достояніемъ дѣтей и бѣдныхъ; новобрачнымъ изъ домовъ выносятъ на большихъ мѣдныхъ блюдахъ хлѣбъ-соль и разныя сласти, закуски и вино. По возвращеніи изъ церкви новобрач-

ныхъ и ихъ свиты, у родителей невѣсты дается обѣдъ; за обѣдомъ, согласно обычаю, женихъ церемонится и отказывается отъ ѣды, пока не поднесутъ ему подарка. Послѣ обѣда, при звукахъ зурны, новобрачные и ихъ свита приготавливаются къ отъѣзду, при чемъ зурна играетъ печальную мелодію, которая гармонируетъ съ настроеніемъ невѣсты, расстающейся съ родительскимъ домою, и ея родителей, отпускающихъ свою дочь въ чужую семью. Послѣ трогательнаго прощанія, готовятся въ отъѣзду: спутники жениха и самъ женихъ садятся на своихъ коней, а зурна играетъ мѣстный маршъ; невѣсту беретъ на сѣдло такъ называемый братъ жениха, и церемонія, подъ звуки зурны, направляется къ дому жениха. Барабанъ и зурна, пѣсни молодыхъ людей, джигитовка на коняхъ оживляютъ картину свадебнаго поѣзда.

На четвертый день, вечеромъ, среди ужина, производится сборъ пожертвованій съ гостей (*қушъ*), которые владутъ деньги на посланный подвѣвечный шелковый головной платокъ невѣсты, съ 4-мя зажженными восковыми свѣчами по угламъ его. По выбору тойбаши, одинъ изъ зурначей приглашаетъ всѣхъ гостей, начиная съ самыхъ близкихъ родственниковъ, къ пожертвованію денегъ; прывывъ дѣлается, приблизительно, въ слѣдующихъ словахъ: „дорогіе гости! каждый изъ васъ, вѣроятно, принесъ въ подарокъ новобрачнымъ сколько-нибудь денегъ: пусть каждый соблаговолитъ поднести ихъ къ выборному!“ Выборный объявляетъ гостямъ о количествѣ поднесенныхъ денегъ, а глашатай возглашаетъ во всеуслышанье, приблизительно, такъ: „кумъ жениха (тавой-то) въ честь новобрачныхъ принесъ 10 руб.: дай Богъ ему здоровья и благоденствія, — чтобы и его дѣти (или братья) удостоились такого же счастья (т. е. женились бы)!“ Подобные сборы даютъ въ результатѣ отъ 60 до 130 руб., такъ что сборъ денегъ у зажиточныхъ крестьянъ зачастую покрываетъ всѣ расходы по устройству свадьбы. По окончаніи послѣдняго свадебнаго пи-

ра, гости расходятся, но молодежь съ женихомъ продолжаетъ еще нѣсколько дней веселиться. Свадьбы бѣдныхъ крестьянъ справляются гораздо скромнѣе и продолжаются только одинъ день, и денежнаго сбора у бѣдныхъ не бываетъ.

б) *Отправление на богомолье.* Религиознае крестьяне въ праздничные дни посѣщаютъ богомольныя мѣста, которыхъ очень много въ Сюникѣ.

Татевцы и ихъ сосѣди ѣздятъ на богомолье въ слѣдующіе праздники: на Пасху, Вознесеніе, Преображеніе (Варгаваръ, т. е. усыпанный росами), Успеніе Богоматери, Вовдвиженіе животворящаго креста, св. Георгія Побѣдоносца и нѣдр. Особенною торжественностью отличается чествованіе послѣднихъ трехъ праздниковъ. Богомольными мѣстами, которыя, преимущественно, посѣщаются татевцами, служатъ: Татевскій монастырь, церковь во имя великомученика Георгія въ сел. Шагатъ (Сисянскаго участка) и церковь св. Іоанна Крестителя, находящаяся въ полуверстѣ отъ сосѣдняго Татеву армянскаго селенія Лоръ, куда стекается множество богомольцевъ въ день Преображенія Господня. Каждому изъ названныхъ праздниковъ предшествуетъ недѣльный постъ, отъ котораго разрѣшается народъ по субботамъ, наканунѣ праздниковъ. Во всю постную недѣлю богомольцы, нарри и молодыя дѣвушки, готовятъ къ отправленію на богомолье: стираютъ бѣлье, шьютъ новое нарядное платье, пекутъ блины и другіе праздничные припасы, дѣлаютъ изъ веску свѣчи, готовятъ конскую сбрую, нанимаютъ у сосѣдей лошадей, если у кого нѣтъ своихъ, и т. п. Въ субботу, рано утромъ, выѣзжаютъ изъ своихъ селеній къ мѣсту богомолья.

Прибывши на святое мѣсто, набожный богомольецъ слѣзаетъ съ своего коня, заходитъ въ храмъ, кладетъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, благоговѣнно и робко подходитъ и цѣлуетъ алтарь и другія святыни, зажигаетъ свѣчи и прикрѣпляетъ ихъ къ стѣнамъ, беретъ пыль у основанія алтаря или

у стѣны; часть этой пыли глотаетъ самъ, а остальное завертываетъ въ платокъ или клочекъ бумажки и доставляетъ въ цѣлости домой, для другихъ членовъ своей семьи. По выходѣ изъ церкви, богомолецъ нѣсколько разъ обходитъ зданіе ея, цѣлуя каждый разъ наружные углы. Затѣмъ онъ выбираетъ подъ открытымъ небомъ удобное мѣсто для ночлега и разводитъ огонь.

Богомольцы или съ собою привозятъ жертвенныхъ барановъ, или покупаютъ ихъ на мѣстѣ отъ пастуховъ, пригоняющихъ сюда цѣлыя стада. Съ прибытіемъ сюда мѣстныхъ музыкантовъ (зурначей, барабанщиковъ), ашиковъ, гѣвцовъ, танцоровъ, акробатовъ, борцовъ и т. п., таборъ богомольцевъ оживляется звуками музыки, нѣсиями и ружейными выстрѣлами. Устраивается и ярмарка: продаютъ всевозможные фрукты, конфеты и другія сласти, вино и водку. Священникъ сосѣдняго прихода отслуживаетъ здѣсь вечерню въ субботу, а въ слѣдующій день—обѣдню.

Вечеромъ разводится множество огней; между ними суетятся до рассвѣта шумныя толпы молодежи съ бутылками вина и воды въ рукахъ, въ сопровожденіи зурны, угощая всякаго встрѣчнаго водкой или виномъ. Часто между партіями изъ-за музыкантовъ происходятъ споры и ссоры, нерѣдко доходящія до кровопролитія. Дѣло не обходится и безъ воровства: у одного изъ богомольцевъ пропадаетъ шапахъ, у другого—ружье, лошадь, жертвенный баранъ и т. п. Воруютъ пастухи-татары, изъ ближайшихъ лѣтнихъ кочевьевъ, имѣющіе между богомольцами-армянами своихъ агентовъ, съ которыми дѣлятся добычей. Богомольцы съ полуночи рѣжутъ барановъ и ставятъ на огонь котлы, варятъ супъ, жарятъ шашлыки, ѣдятъ, пьютъ, поютъ, танцуютъ до восхода солнца, проводятъ всю ночь въ бодрствованіи. Къ утру приходитъ священникъ и служитъ раннюю обѣдню; послѣ торжественной обѣдни, богомольцы, еще разъ помолвившись мѣстными святынями, развѣзжаются и рас-

ходятся въ самомъ веселомъ расположеніи духа. На возвратный путь разгулявшіеся молодые люди берутъ съ собою „сазандаровъ“ (музыкантовъ); не обходится дѣло и безъ джигитовки *).

в) *Канатный плясунъ*. Акробаты даютъ свои представленія въ селеніяхъ весною и осенью, когда можно привлечь къ себѣ больше зрителей. Они выбираютъ для своихъ представленій удобную площадку, куда, обыкновенно, собираются крестьяне въ свободные отъ работы часы; здѣсь натягиваютъ на высотѣ полоторныхъ сажень надъ землею канатъ, концы котораго глубоко вкапываются въ землю и увѣриваются камнями. Когда все бываетъ готово, то раздаются звуки зурмы и бубновъ, появляется канатный плясунъ, раскидывается на всѣ стороны толпящейся публикѣ и, прося помощи у св. Іоанна Предтечи, котораго онъ титулуетъ султаномъ, беретъ въ руки длинный шестъ (ленгаръ), къ концамъ котораго привязываютъ небольшие мѣшочки, набитые землею, и начинается показывать свое искусство. На канатѣ онъ надъ музыку пляшетъ, не переставая призывать въ помощь Бога и святыхъ, больше всѣхъ—Іоанна Крестителя, покровителя акробатовъ. Первую пляску акробатъ посвящаетъ имени Бога, затѣмъ—его святымъ (для своего „аги“, сурпъ-Карапета, пляшетъ отдѣльно), а потомъ пляшетъ въ честь зрителей поименно, какъ дуетуетъ шуту (влоунъ) канатнаго плясуна старшина или замѣняющее его вліятельное въ обществѣ лицо. Старшина посылаетъ шута къ тому лицу, въ честь котораго будетъ пляска, и тотъ долженъ или дать денегъ 20 коп. или 1 вилу пшеницы, которая сейчасъ же за нимъ и записывается. Акробатъ старается показывать на канатѣ зрителямъ разныя фокусы, которымъ на землѣ подражаетъ шутъ, стараясь при этомъ смѣ-

*) Здѣсь описывается, собственно, богомолье при церкви св. Іоанна Крестителя, находящейся близъ селенія Лоръ и посѣждаемой множествомъ народа въ день Преображенія Господня. Оно можетъ служить типомъ богомолья у армянъ Закавказскаго уѣзда.

шить народъ. Акробатъ привязываетъ въ своимъ ногамъ кинжалы, вставляетъ ноги въ котлы и съ ними прыгаетъ по канату, завязываетъ себѣ глаза, беретъ на спину мальчика и съ нимъ пляшетъ; повѣсившись съ каната вверхъ ногами, онъ стрѣляетъ изъ ружья въ яйцо и т. п. Онъ одѣвается очень пышно: въ шелковый или атласный архалукъ, въ шаровары изъ бархату или кашемировой шали; архалукъ для удобства заправляется въ шаровары. На спинѣ и груди у акробата на шнуркахъ бываютъ навѣшены разные талисмы; талисманы же, въ видѣ трехугольных кусковъ матеріи, бываютъ напхиты у него на его костюмѣ. Это рассчитано на то, чтобы заставить народъ думать, что его ловкость—дѣло сверхъестественное, а не ириобрѣтена практикой.

г) *Кеоса и ялинъ* (безбородый шутъ и невѣста). Весною и осенью крестьяне бываютъ очевидцами слѣдующаго зрѣлища: толпа молодыхъ людей провожаетъ по дворамъ „кеосу и ялинъ“, танцующихъ подъ звуки дудки и бубна. Это торжество имѣетъ нѣкоторое сходство съ „всенобою“, устраиваемою въ гор. Тифлисѣ въ первый день Великаго поста. Кеоса—каррикатурное изображеніе азіатскаго завоевателя-деспота; онъ бываетъ одѣтъ въ смѣхотворный нарядъ: на ногахъ у него большіе лапти и шаровары до колѣнъ, обшитыя толстыми, съ привязанными къ нимъ бубенчиками; на немъ короткая изодранная чуха, подпоясанная кожанымъ поясомъ, къ которому привѣшены деревянная шапка и кинжалъ безъ поженъ; къ спинѣ и груди чухи пришиваются кости и т. п.; чрезъ плечо навѣшиваются бараньи кишки; на головѣ бываетъ надѣта войлочная шапка съ такими же рогами, она покрываетъ и лицо, и шею; для глазъ и рта въ ней бываютъ продѣланы дырки. На соответствующемъ мѣстѣ прикрѣпляются въ напакѣ борода и усы изъ лошадиныхъ волосъ, къ шапкѣ же привязываются колокольчики. Замаскированный такимъ образомъ кеоса своими шутковскими продѣлками сильно смѣшитъ народъ: то онъ корчитъ грознаго повелителя и даетъ

разныя приказанія окружающимъ, требуя отъ нихъ немедленнаго исполненія, то представляетъ осла и ходитъ на четверенькахъ или валется по землѣ, то лежитъ безъ движенія, какъ-бы умирая. Въ послѣднемъ случаѣ зажиточные ховлева, для приведенія кеосы въ сознаніе, должны жертвовать въ пользу кеосы и его свиты съѣстными припасами, деньгами и хлѣбными зернами. Гялинъ (невѣста) кеосы представляетъ образецъ скромной восточной невѣсты, гялинъ — замаскированный мужчина, переодѣтый, какъ обыкновенная татарка, въ женскій костюмъ, съ большимъ головнымъ покрываломъ, закрывающимъ голову и спину до поясицы. Гялинъ объясняется знаками и очень ловко танцуетъ съ минимымъ мужемъ-кеосою. Обошедши все селеніе, кеоса и гялинъ съ участниками, имѣющими обязанность собирать съ прохожихъ и домохозяевъ деньги и другія подаянія, переходятъ въ другія селенія; подъ конецъ участники этой забавы продаютъ всё собранное продукты и вырученные деньги раздѣляютъ между собою.

д) *Ашики*. Ашиковъ крестьяне подраздѣляютъ на простыхъ (бродячіе) и главныхъ. Ашиковъ перваго разряда можно видѣть во всякое время года въ селеніяхъ Эриванской, Елисаветопольской и Бакинской губерній: они ходятъ по дворамъ, играютъ на балалайкѣ, поютъ куплеты персидскихъ и татарскихъ пѣсенъ, изрѣдка поютъ и армянскія пѣсни духовнаго содержанія или назидательныя, потомъ получаютъ отъ хозяевъ по нѣсколькѣ горстей муки, пшеницы, ячменя или нѣкоторое количество масла, сыру и т. п. Осенью, во время молотбы, бродячіе ашики ходятъ по гумнамъ, рассчитывая получить тамъ больше подаянія, чѣмъ обыкновенно; лѣтомъ же они являются на вочевья и тамъ собираютъ, исключительно, масло и сыръ.

„Главные“ ашики, разъѣзжая по селеніямъ, останавливаются у зажиточныхъ хозяевъ (двери ихъ гостепріимныхъ домовъ во всякое время года открыты для ашиковъ) и въ

праздничные и воскресные дни, когда крестьяне свободны от полевых работ, на сельской площади дают свои *представленія* (меарака) изъ жизни сказочныхъ героевъ: Къръ-оглы, Шахъ-Исмаила, Ашикъ-Кериба, Кярама, Новруза и т. под. Выборъ той или другой сказки зависитъ отъ желанія влиятельныхъ лицъ общества (агсахкаловъ). Одинъ изъ ашиковъ беретъ роль героя сказки, другой входитъ въ роль его врага, и начинаютъ они ходить по площади, играя на балалайкѣ и распѣвая пѣсни, изъ которыхъ однѣ представляютъ вопросы, а другія — отвѣты на нихъ. Ашики своими остротами и волевыми выраженіями стараются превзойти одинъ другого; два ашика рѣдко разойдутся, не вступивъ въ состязаніе другъ съ другомъ; побѣда одного надъ другимъ выражается отнятіемъ у послѣдняго балалайки, которая, по обычаю ашиковъ, должна поступить въ собственность побѣдителя. При этомъ, одинъ въ пѣсняхъ съ извѣстными римами задаетъ другому рядъ вопросовъ, другой долженъ разрѣшить вопросы перваго въ пѣснѣ же, оканчивая свои стихи тѣми римами, какими оканчиваются вопросы, а, затѣмъ, второй ашикъ предлагаетъ первому свои вопросы.

Сказки или, вѣрнѣе сказать, отрывки сказокъ, передаваемые ашиками, мѣстами прерываются самыми не цензурными анекдотами, которые можетъ себѣ допустить только ашикъ на улицѣ. По окончаніи сказки, слушатели, по просьбѣ ашиковъ, дѣлаютъ добровольныя пожертвованія по одной или двѣ килы пшеницы, которая въ слѣдующій же день собирается съ общества назначенными старшиною крестьянами.

Ашики въ татарскихъ пѣсняхъ передаютъ о сотвореніи міра, о рожденіи и послѣдовательномъ развитіи человѣка и смерти его, о Моисей и другихъ пророкахъ (въ искаженномъ видѣ). Крестьяне въ ихъ словамъ гораздо довѣрчивѣе относятся, чѣмъ къ словамъ какого-нибудь образованнаго человѣка.

Въ ашики, главнымъ образомъ, поступаютъ жители боль-

шого армянскаго селенія Хндорескъ, а также Дашь-кенда и Аликули-кенда, Зангезурскаго уѣзда. Бродячая и праздная жизнь обратилась у жителей этихъ селеній въ привычку, тогда какъ другіе несостоятельные зангезурцы отправляются на заработки въ Баку и занимаются на тамошнихъ нефтяныхъ заводахъ чернорабочими.

Образцы народной поэзіи и народной мудрости.

а) *Суевѣрія и предрасудки.* 1) Священникъ при выносі тѣла усопшаго изъ дому въ церковь не долженъ оглядываться, иначе смертные случаи могутъ повторяться въ домѣ.

2) Если священникъ будетъ валяться на кладбищѣ, то будетъ въ приходѣ много умирающихъ.

3) Въ темнотѣ не слѣдуетъ пить воды, такъ какъ злой духъ можетъ нанести ударъ по головѣ, отъ чего человекъ заболѣетъ; для предупрежденія вліянія злого духа, надо на голову пьющаго положить руку.

4) На гробу убитаго или повѣсившагося умываютъ ноги и руки больного, а также даютъ пить воду, если болѣзнь приключилась отъ испуга.

5) Чтобы заставить горющаго о смерти близкаго родственника перестать горевать, надо съ гроба покойника взять горсть земли и посыпать ею затылокъ горющаго лица.

6) Если кто ударитъ животное, и оно отъ этого упадетъ, то нанесшій ударъ долженъ плюнуть на ту руку, которою онъ ударилъ: животное придетъ въ себя и встанетъ.

7) Если потолокъ дома покрывается паутинами, то, значитъ, у хозяина долги прибавятся.

8) Только-что вынутаго изъ печи перваго хлѣба нельзя ѣсть, — надо считать до семи; въ противномъ случаѣ у хозяина первая жена умретъ, и браки будутъ повторяться.

9) Кто очиститъ котелъ, въ которомъ варилось кушанье, у того на свадьбѣ пойдетъ снѣгъ.

10) Если хочешь имѣть красивую жену, такъ добѣдай свою порцію дочиста.

11) Кто въ молодости ѣсть съ женщиною изъ одной тарелки, у того будетъ рѣдкая борода.

12) Съ градомъ падаютъ съ неба драгоценные камни.

13) Перешедшій чрезъ лежащее коромысло вѣсовъ долженъ обратно перейти его; иначе онъ станетъ карликомъ, и будетъ большая дороговизна хлѣба.

14) Когда всыпаютъ въ ясли коню зерна, такъ должны перекрестить его, въ предупрежденіе того, чтобы злой духъ сядилса на коня, ѣздилъ на немъ по конюшнѣ и заплеталъ гриву его въ косы.

15) Дѣтямъ родители строго воспрещаютъ въ періодъ агненія овецъ играть съ юму, такъ какъ отъ этого агнята гибнуть.

16) Если женщинѣ удастся пройти подъ радугою, то она превратится въ мужчину; если же пройдетъ мужчина, то онъ обратится въ женщину.

17) Встрѣча со священникомъ предвѣщаетъ неудачу въ предпріятіяхъ; желая сколько-нибудь предотвратить отъ себя несчастіе, встрѣтившій священника долженъ опротивить три камня, поворачивая ихъ на другой бокъ.

18) Встрѣча съ зайцемъ предвѣщаетъ неудачу въ дѣлахъ; встрѣча съ лисою—удачу.

19) Кто чихнетъ разъ, тому говорятъ: „джайтъ“ (старайся еще разъ чихнуть), ибо нечетный чохъ предсказываетъ неудачу, а четный, наоборотъ,—удачу.

20) Если шумить у кого нибудь въ ухахъ, то говорятъ, что въ этотъ самый моментъ кто-либо изъ друзей или родственниковъ вспомнилъ его во время разговора; тогда онъ начинаетъ называть ихъ поименно: на чьемъ имени шумъ въ ухахъ прекратится, тотъ, значить, его и вспомнилъ; при чемъ прибавляютъ: „пусть и у тебя въ ухахъ зазвенитъ“.

22) Чтобы убѣдить кого-нибудь въ истинѣ своихъ словъ, крестьяне вѣянутся солнцемъ, звѣздами, луною, голубымъ небомъ, огнемъ и горящей свѣчю.

23) Къ родильницѣ не должна заходить женщина, имѣющая при себѣ какія-либо металлическія вещи или украшения, талисманы, или страдающая женскими болѣзнями; иначе ребенокъ умретъ отъ горловой болѣзни, а роженица заболѣетъ „гамзатомъ“ (маточныя болѣзни), отчего у нея будутъ выкидыши и неудачные роды, а дѣти будутъ родиться больныя. Иногда женщины, имѣющія съ родильницею враждебныя отношенія, нарочно заходятъ къ ней подъ предлогомъ поздравленія и причиняютъ ей болѣзнь. Кто изъ посѣтительницъ не имѣетъ злыхъ намѣреній, та, остановившись на дворѣ у роженицы, требуетъ, чтобы вынесли изъ дому ребенка; затѣмъ она заходитъ въ домъ, а за нею вносятъ и ребенка: тогда все будетъ благополучно.

24) Когда прорѣзываются первые два рѣзца у ребенка, то мать варитъ пшеницу съ лобіей и изюмомъ; ребенка, посадивъ на полъ, обсыпаютъ сваренными зернами и бросаютъ къ нему ножикъ и головной гребень; если ребенокъ беретъ ножикъ, — значитъ, слѣдующій ребенокъ у матери будетъ мужскаго пола; если же онъ схватитъ гребешокъ, это предвѣщаетъ рожденіе младенца женскаго пола.

25) Отрѣзанные ногти и остриженные волосы спрячь куда-нибудь, если не хочешь страдать головою болью.

26) Кто въ воскресный день обрѣзываетъ ногти, у того на ручныхъ пальцахъ новые ногти выростутъ съ раздвоенными концами.

27) Кто хочетъ на своего противника навести продолжительную болѣзнь, тотъ, раскрывая пальцы руки, выворачиваетъ ладонь въ ту сторону, гдѣ стоитъ его противникъ, и произноситъ слова: „на, — возьми себѣ (т. е. болѣзнь)!“

28) Кто хочетъ, окончательно избавить больного отъ ли-

хоради, тотъ, услышавши первое кваканье лягушки, дѣлаетъ на ниткѣ узелъ, который долженъ развязать большою.

29) Когда у больного вынимаютъ гнѣздромъ потъ, то мать большого не должна рукою прикасаться къ его тѣлу, — иначе потъ перестанетъ выступать.

30) Ходить съ пустою посудою между домашними животными значитъ занести къ нимъ заразительныя болѣзни.

31) Не надо оставлять дѣтей въ избѣ умирающаго, такъ какъ ангелъ, пришедшій отнять душу больного, ударитъ ихъ, отъ чего они будутъ тяжело болѣть.

32) Если въ то время, когда сажаютъ на яйца насѣдку, зайдетъ женщина, то высклеванные цыплята будутъ курочки; если же зайдетъ мужчина, то курица выседитъ пѣтушьево.

33) Чтобы вызвать сонливость у крикливаго ребенка, къ подушкѣ послѣдняго пришиваютъ заячьи уши.

34) Если беременная женщина употребитъ въ пищу зайчатину, то младенецъ, которымъ она беременна, будетъ спать, какъ заяцъ, съ открытыми глазами, и много спать.

35) Если дитя мочится въ постели, то ему даютъ ѣсть баранью или овечью селезенку.

36) Чтобы спасти огородъ, садъ и хлѣбные стога отъ вліянія дурнаго глаза, ставятъ на воткнутый шестъ въ названныхъ мѣстахъ лошадинъ черепъ.

37) Чтобы не сглазили ребенка, пришиваютъ къ верхнему платью его такъ называемыя „пестрыя, противъ глаза, бусы“ (*шзршснлшчр*) или другіе предметы, способные обратить на себя вниманіе ребенка, напр.: окрашенныя въ разныя цвѣта птичьи перья и стальныя бляхи и т. п.

38) Для предохраненія жирныхъ домашнихъ животныхъ отъ волшебства, вѣшаютъ на шею животному небольшія палочки (съ большой палецъ величиною) съ насѣчками (*гшгшб*).

39) Чтобы отереть слѣды убійства, окрашенное кровью

платье убитого вышпять въ водѣ: убійца самъ инстинктивно придетъ тогда къ нагрѣваемому котлу.

40) Если бросить въ огонь волчью лапу, то воръ, утаившій какія-либо вещи изъ дому, будетъ страдать судорогами, пока не возвратитъ украденныхъ вещей.

41) Чешется ладонь руки, — значить получать деньги.

42) Если продолжительные дожди идутъ безпрестанно, когда они не нужны, то старухи черпаютъ дождевой воды и вышпять до тѣхъ поръ, пока вся вода, отъ продолжительнаго вышпаченія, не испарится; отъ этого, какъ полагаютъ, превращается дождь.

43) Если женихъ имѣетъ враговъ, то, для предохраненія себя отъ ихъ чародѣйства, долженъ, предъ отправленіемъ въ церковь къ вѣнцу, взять небольшой замокъ, запереть его и держать въ карманѣ, до возвращенія домой. Враги жениха при помощи злыхъ старухъ достаютъ нить, окращенную кровью тѣхъ животныхъ, которыхъ завололи на свадьбу; эту нить завязываютъ въ узелъ и прячутъ въ щель какой-либо стѣны. Это волшебство можетъ оказать дурное вліяніе на новобрачныхъ въ первую ночь, если женихъ не успѣлъ предупредить его вышеуказаннымъ средствомъ.

44. Во время продолжительной засухи, крестьянки, желая вызвать дождь, сохою папуть русло медоводной рѣчки: въ нее впрягаются восемь женщинъ; одна изъ нихъ, переодѣтая помужски, съ барашковою шапкою на головѣ, управляетъ сохою; двѣ другія погоняютъ запряженныхъ подругъ; и такъ нѣсколько разъ проходятъ по теченію и противъ теченія рѣки.

45) Употребляется и еще одно подобное средство для вызванія дождя: въ воскресное утро, во время бездождія, двѣушки ходятъ по дворамъ, — собираютъ разные съѣстные припасы и съ ними поднимаются на вершину одной горы, на которой есть какой-нибудь христіанскій памятникъ (часовня, могила пустынника, крестъ); здѣсь онѣ устраниваютъ общій

обѣдъ, поють, пьютъ, ѣдятъ, веселятся. Послѣ обѣда берутъ съ горы небольшой камень и съ нимъ отправляются въ ближайшему горному ручью; при исполненіи этого обычая, несущія камень дѣвушки не должны оглядываться назадъ; камень погружаютъ въ воду и оставляютъ въ ней на видномъ мѣстѣ, чтобы, во минованіи надобности въ немъ, опять взять его обратно, на прежнее мѣсто; иначе сильный дождь можетъ смыть всѣ посѣвы.

47) Для предохраненія дѣтей отъ пораженія молнією, въ страстную пятницу имъ вышиваютъ цвѣтными нитками на спинѣ верхняго платья (архалука) кругъ съ крестомъ внутри.

48) Плевать въ воду—грѣхъ.

49) Если цѣловать ребенка въ затылокъ,—онъ выйдетъ сварливымъ человекомъ.

50) Если засуха продолжается долго, то дѣвушки лѣпятъ изъ глины черепаху или куклу, наподобіе голаго ребенка, и ходятъ съ этимъ изображеніемъ по дворамъ, при чемъ жильцы выходятъ и обливаютъ его водою, а дѣвушекъ снабжаютъ разными съѣстными припасами.

51) Понедѣльникъ считается несчастливымъ днемъ; поэтому въ этотъ день не нужно выѣзжать куда-нибудь далеко за дѣломъ; не слѣдуетъ также что-нибудь выносить въ этотъ день изъ дому, для передачи сосѣду,—иначе вся недѣля пройдетъ въ неудачахъ для хозяина.

52) Чтобы на оставшихся въ полѣ или въ лѣсу домашнихъ животныхъ не напали дикіе звѣри и не растервали ихъ, знахари или знахарки ставятъ топоръ на чесальный гребень, левеемъ внизъ, и говорятъ слѣдующую молитву: „Волче рыло связываю двумя большими пальцами, именемъ св. Дѣвы Маріи, посохомъ св. Сергія, чтобы волкъ не соблазнился свернуть съ прямого пути въ потеряннымъ животнымъ, и чтобы зубы его выпали, и онъ не могъ дотрогиваться до скотины.“^а Въ этой молитвѣ упоминается и о границахъ мстности.

гдѣ пасутся животныя, и строго воспрещается волеу подходить къ скоту, оставленному въ лѣсу, по оплошности пастуха. Волки и другіе хищныя звѣри, въ границахъ, указанныхъ молитвою, могутъ подохнуть съ голоду, если, по находженіи пропавшей скотины, знахари не снимутъ съ мѣста орудія, которыми они связали хищникамъ рыло. Этотъ обычай у армянъ называется „*գալիապի*“ *աղօթքք*.

53) Когда въ очагѣ или каминѣ вспыхиваетъ огонь и дрова трещать, то говорятъ, что о сидящихъ возлѣ огня гдѣ-то дурно отзываются, сплетничаютъ.

54) Употребленіе дѣвушками въ пищу въ сыромъ видѣ чеснока, луку и перцу содѣйствуетъ развитію груди, а сухія жиры рогатаго скота удлиняютъ головные волосы у нихъ.

55) Если ребенокъ страдаетъ худосочиємъ, то его три раза взвѣшиваютъ визьяками, т. е. на одну чашку вѣсовъ сажаютъ ребенка, а на другую кладутъ визьяки, до приведенія вѣсовъ въ равновѣсіе. Съ тою же цѣлью ребенка три раза пропускаютъ чрезъ отверстие въ крышѣ (*հրթ*) и выносятъ на дворъ. Равнымъ образомъ, для достиженія того же результата, худенькаго ребенка три раза протаскиваютъ чрезъ отверстие, образованное между обѣими ногами отца и порогомъ двери, гдѣ онъ стоитъ во время этой церемоніи.

56) Если у ребенка изъ рта вытекаетъ слюна, то, для прекращенія слюнотеченія, губы и носъ его утираютъ толaxами *) крестнаго отца.

57) Если у новорожденнаго отрѣзать пуповину и бросить на дворъ, то онъ выйдетъ безпечнымъ человѣкомъ, оставленіе же пуповины дома предвѣщаетъ хорошую будущность ребенка и домовитость его. Это имѣютъ въ виду при рожденіи ребенка повивальныя бабки.

*) Толaxъ—родъ портянокъ, тьется изъ шерсти или шелку узкою полоскою въ 3 вершка ширины и $\frac{3}{4}$ аршина длиною; къ концу толaxа привязывается шнурокъ; толaxъ или „гески“ обвиваетъ нижнюю часть голени, поверкъ кальсоновъ или шароваръ.

58) Если открыть подъ дождемъ сѣдальщину часть перенца, то дождь перестанетъ идти.

59) Бездѣтныя женщины въ богомольныхъ мѣстахъ берутъ себѣ за спину небольшіе камни: съ такимъ камнемъ обходятъ по нѣскольку разъ святыню и, ватѣмъ, берутъ его къ себѣ домой и хранятъ до тѣхъ поръ, пока не родится ребенокъ.

60) На больной глазъ слѣдуетъ положить вату, смоченную молокомъ, взятымъ отъ женщины, имѣющей грудного ребенка женскаго пола.

61) Кто хочетъ имѣть успѣхъ на судѣ или въ другихъ предпріятіяхъ, долженъ носить на себѣ шерсть гѣнны.

62) Противъ болѣзни ребенка отъ чьего-нибудь дурного глаза практикуется слѣдующее средство: отъ обуви сглазившаго отрѣзываютъ тайкомъ кусочекъ кожи, поджигаютъ ее и держатъ надъ горящею кожею ребенка.

63) Если въ новой постройкѣ (домѣ, конюшнѣ, хлѣбѣ, овчарнѣ) хозяину не везетъ, т. е. онъ терпитъ убытки и неудачи въ дѣлахъ (напр., падежъ скота), то онъ переноситъ зданіе на другое мѣсто.

64) Окончивъ молотбу хлѣбныхъ растеній и всыпавъ зерно въ вырытую въ землѣ глубокую яму, крестьяне кладутъ на него крестъ, сдѣланный изъ хлѣбныхъ колосьевъ; въ противномъ случаѣ, полагаютъ они, чортъ можетъ утащить хлѣбный запасъ.

65) На укушенное собакою мѣсто надо положить шерсти этой послѣдней.

66) Надъ больнымъ неважѣчимою болѣзнью (водоболѣзнью), для прекращенія страданій, просѣиваютъ сѣвомъ сито золу, чтобы смерть скорѣе послѣдовала.

67) Съ тою же цѣлью больному водянкою подмазываютъ ноги медомъ; исполнившій эту подмазку самъ тоже умретъ впоследствии отъ водянки.

68) Въ пятницу во время рождественскаго восьмидневнаго поста пекутъ на постномъ маслѣ большую лепешку, въ которую кладутъ одно зерно лобіи или одну штуку изъ обыкновенныхъ четокъ; это называется: „довлатъ крещи“ (дѣлѣ *дѣлѣ крѣчи*), — жребій, счастье дома. На ужинѣ лепешку разрѣываютъ на части, по числу душъ въ семействѣ, не забывая удѣлять прислугѣ, домашней скотинѣ, собакѣ и т. д. по одной части; кому достанется довлать (жребій), тотъ, значить, первый счастливецъ въ семействѣ, и все богатство, все хозяйство зависить отъ его счастья.

69) Наканунѣ праздника Срѣтенія Господня недавноженатыя парни обязаны доставить въ церковную ограду по большой вязанкѣ можжевельника, изъ котораго складывается громадный костеръ, наподобіе стога сѣна. По окончаніи вечера прихожане и священники окружаютъ костеръ съ зажженными свѣчами въ рукахъ; священники освящаютъ костеръ и предлагаютъ новоженамъ поджечь его. Зрители при этомъ внимательно слѣдятъ за направленіемъ дыма, которое, по ихъ мнѣнію, предсказываетъ обильный урожай той или другой мѣстности. Затѣмъ, прихожане съ зажженными отъ костра свѣчами расходятся по домамъ, унося съ собою также по одной головнѣ отъ горящаго костра.

70) Убійца, желая скрыться, или долженъ выпить горсть крови убитаго, или порвать себѣ воротъ рубашки; иначе кровь убитаго мѣшаетъ преступнику сдѣлать куда-нибудь нѣсколько шаговъ.

71) Когда родители замѣчаютъ сухость въ ноздряхъ у грудного ребенка, то объясняютъ это тѣмъ, что у него въ носу остановился кусочекъ принятой имъ пищи или косточка отъ фруктовъ (чѣпъ—*дѣпъ*), ребенка берутъ тогда въ мѣстному знахарю, „чепчи“ (этимъ ремесломъ больше занимаются женщины), который попеременно, закрывая одну ноздрю, дуетъ въ другую и, въ заключеніе, показывая якобы-вынутый

изъ носу ребенка кусочекъ мяса, восты или чего другого, по своему усмотрѣнію.

б) *Сказки.*

1. *Извѣженная царица.*

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были царь съ царицею. Царь былъ человекъ воздержный и велъ очень простую жизнь, тогда какъ царица любила роскошь и была очень извѣжена, что сильно не нравилось мужу ея. Вслѣдствіе такой разницы во вкусахъ царь большую часть времени былъ внѣ дома, разъѣзжая по своему царству инкогнито. Разъ онъ, при обзорѣніи государства, въ одной отдаленной отъ столицы провинціи, на полѣ, встрѣтилъ цыганскій таборъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ семействъ; увидѣвъ полунагихъ женщинъ и дѣтей, идущихъ за вычными животными пѣшкомъ и босикомъ, царь заинтересовался простотою жизни цыганъ и любовался таборомъ. Вдругъ вниманіе его обратило на себя слѣдующее обстоятельство: беременная цыганка отстала отъ спутниковъ и подъ кустомъ, недалеко отъ дороги, разрѣшилась отъ бремени, сама запеленала ребенка въ имѣвшіяся при ней грязныя тряпки и, взявъ новорожденнаго на спину, догнала своихъ спутниковъ и продолжала путь. Царь въ изумленіи долго стоялъ, задумавшись. По возвращеніи домой, онъ нашелъ царицу лежащею въ мягкой постели: она еще не совсѣмъ оправилась отъ трудныхъ для нея родовъ. Царь не могъ равнодушно перенести такой извѣженности своей супруги; онъ рассказалъ ей о цыганскомъ таборѣ, который видѣлъ во время путешествія, и сталъ упрекать ее, говоря, что цыганка на его глазахъ родила ребенка безъ повивальныхъ бабъ и родовспоможеній, тогда какъ она, царица, была окружена акушерками и докторами, которые подали всевозможную помощь, и, вообще, была обставлена самыми лучшими условіями, цыганка же, напротивъ, не имѣла даже и куса насущнаго хлѣба.

Спустя нѣкоторое время, царь предпринялъ новое путешествіе по государству; въ его отсутствіе царица приказываетъ садовнику не поливать цвѣтовъ, вслѣдствіе чего весь цвѣтникъ иссохъ. Возвратившись въ столицу и найдши цвѣтникъ въ самомъ плачевномъ состояніи, царь велитъ казнить садовника за плохой уходъ за цвѣтками; садовникъ оправдывается, говоря, что царица не дозволяла ему пустить въ цвѣтникъ воды и ухаживать за цвѣтами. На вопросъ царя, почему она довела цвѣтникъ до такого состояніи, царица отвѣтила, что она препятствовала садовнику ухаживать за цвѣтами и поливать ихъ потому, что въ дикомъ состояніи цвѣты отлично растутъ, когда за ними никто не ухаживаетъ.

Царь понялъ, что царица сравниваетъ себя съ садовыми цвѣтками, которымъ необходимъ уходъ садовника, а цыганку — съ дикими цвѣтами, которые растутъ безъ всякаго ухода со стороны человѣка. Съ тѣхъ поръ царь безропотно жилъ съ царицею.

2. ТАТАРСКАЯ ЛЕГЕНДА ОВЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ *).

У Александра Великаго на головѣ былъ рогъ. Желая скрыть это отъ людей, македонскій царь отсѣкалъ голову каждому цырюльнику, когда онъ ованчивалъ стрижку его волосъ, чтобы тотъ не проболтался въ народѣ о рогѣ Исмендера-Зюльгарнейца. Разъ, по царскому повелѣнію, приходитъ во дворецъ цырюльникъ брить лицо и стричь голову царю; исполнивъ свое дѣло и узнавъ, что цырюльниковъ тутъ же убиваютъ, онъ просилъ, умолялъ Александра не лишить его жизни, обѣщая нигдѣ ни слова не говорить о его рогѣ. Заручившись обѣщаніемъ цырюльника, великодушный царь отпускаетъ его невредимымъ.

*) Записано со словъ каменщика, Джавата Мамедъ-огли. Данная легенда представляетъ вариантъ классической (см. *Metamorph. Ovidii*, кн. 11.) сказки про тайну царя Мидаса. Fed.

Цырюльникъ, дѣйствительно, нигдѣ ни слова не говорилъ относительно той уродливости, какую замѣтилъ у Александра Великаго. Спустя нѣкоторое время, цырюльникъ чувствуетъ сильную боль въ животѣ, который съ каждымъ днемъ распухаетъ все больше и больше; догадливый цырюльникъ объяснилъ себѣ это явленіе тѣмъ, что онъ никому не передавалъ своего секрета. Чтобы выгнаться, онъ вышелъ въ поле, нашелъ тамъ колодезь, нагнулся надъ нимъ и шопотомъ произнесъ: „Искендеръ-Зюльгарнейнъ буйнузи варъ (у Александра Великаго на головѣ рогъ)“. Проговоривши эти слова, цырюльникъ сейчасъ же почувствовалъ большое облегченіе боли: опухоль живота моментально прошла.

Черезъ нѣсколько дней изъ колодца, которому цырюльникъ открылъ свой секретъ, выросъ тростникъ, вышедшій изъ глубины колодца на поверхность земли выше человѣческаго роста. Случилось пастуху гнать мимо колодца стадо. При видѣ тростника, онъ соблазнился и, срѣзавъ необходимую часть, сдѣлалъ себѣ дудку. Лишь только заигралъ пастухъ на своей дудкѣ, какъ она громко и ясно стала повторять слова цырюльника: „у Александра Великаго на головѣ рогъ“. Разъ царь Александръ былъ на охотѣ и вдругъ слышитъ, будто что-то произноситъ, что у него на головѣ рогъ, тогда какъ, кромѣ цырюльника, которому онъ даровалъ жизнь, никто объ этомъ не зналъ. Онъ въ изумленіи продолжаетъ прислушиваться къ звукамъ чудной дудки, а та безъ конца повторяетъ все одну и ту же фразу. Заподозривъ въ вѣроломствѣ цырюльника, царь требуетъ его къ себѣ и въ гнѣвѣ спрашиваетъ:

— „Какъ ты смѣлъ разгласить по лицу земли мой секретъ! Даже и пастухи знаютъ теперь о моемъ рогѣ и трубятъ по всему свѣту! какое тебѣ за это дать наказаніе!“

Цырюльникъ оправдывался и влился Аллахомъ, что никому не выдавалъ царскаго секрета, кромѣ колодца, надъ которымъ нагнулся и шопотомъ произнесъ секретъ, для облег-

ченія себя отъ невыносимой боли, которую долго страдалъ. Но разгнѣванный царь велѣлъ обезглавить вѣроломнаго цырюльника.

в) *Загадки.*

1) Верѣвка (привязка) воды напилась, а распухъ теле-
ленонокъ.—*Арбузъ и арбузный кустъ.*

2) Безъ веревки разбиваетъ шатеръ.—*Паукъ и пау-
тина.*

3) Красный бѣгъ сидитъ и не встаетъ, черный идетъ и
не возвращается.—*Огонь и дымъ.*

4) Ногою воду пьетъ, а клювомъ высиживаетъ дѣтены-
шей.—*Хлебныя растенія *)*.

5) Съ маленькаго неба снѣгъ идетъ.—*Сито.*

6) Бѣлое поле, черныя сѣмена, рукою сѣю, языкомъ-
жну.—*Бумага, буквы, письмо и чтеніе.*

7) Взлетаетъ на дерево—кричитъ, кривомъ умершихъ
воскреситъ.—*Птухъ.*

8) Съ горъ и скалъ бѣжитъ разъяренный левъ.—*Вода.*

9) Черная, но не ворона, съ крыльями, но не птица,
дѣлаетъ шаръ, но не товаръ.—*Навозный жукъ.*

10) Маленькая птичка вспархиваетъ на дерево, вьетъ
гнѣздо безъ дверей и оконъ.—*Шелковичный червь и коконъ.*

11) По сторонамъ—дощечки, а въ срединѣ алой тигръ
спитъ.—*Кинжалъ.*

12) Что за птица, у которой колѣно выше спины?—*Са-
ранча.*

13) Подъ землю—золотой внукъ.—*Марена.*

14) Поля нельзя вспахать, а камней нельзя сосчитать.
—*Небо и звезды.*

15) Подъ мостомъ—четыре дудки.—*Корова и сымя ея.*

16) Выше лошади, ниже собаки.—*Сидло.*

*) Ср. во II выпускѣ „Сборника матеріаловъ, для описанія мѣстностей и
племенъ Кавказа“, Отд. II, стр. 57.

17) Пока за хвостъ не удержишь, въ хлѣвъ не зайдетъ.
— *Ложка.*

18) Черная курица, но безъ крови; дышетъ, но не жива.— *Мякъ кузнечный.*

19) Идетъ—исчезаетъ, смотришь назадъ—слѣду нѣтъ.—
Корабль и вода.

20) Тѣло глиняное, носъ огненный.— *Глиняная лампада и горящій фитиль.*

в) *Пословицы.*

- 1) Не дошедши до рѣки, не снимай лаптей.
- 2) Цыпленокъ нынѣшняго года прошлогоднему крику учится.
- 3) Если одинъ не умретъ, другой не заживетъ.
- 4) Слѣпецъ слѣпца найдетъ, а вода—яму.
- 5) Хотѣлъ брови поправить, да глазъ выкололъ *).
- 6) Потерялъ верблюда, а ищетъ верблюжонка.
- 7) Горшокъ свалился,—крышку нашель.
- 8) Пожелай сосѣду двухъ коровъ, дабы Богъ далъ тебѣ одну.
- 9) Глупому—наставленіе, черному мыло не поможетъ.
- 10) Кошка не могла достать мяса и говоритъ: „сегодня пятница“ (т. е. постъ **).
- 11) До рожденія дидяти не шей ему платья.
- 12) Осель и сильно жирѣетъ, однако мяса его не ѣдятъ.
- 13) Медъ и масло—въ собачьемъ бурдюкѣ.
- 14) Изъ разговоровъ пловъ не варится, а нужны крупа и масло ***).
- 15) Зная лѣкарство, плѣшивый свою голову вылѣчилъ-бы.
- 16) Обтесанный камень на землѣ не останется.

*) Ср. II выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. II, стр. 45 (№ 29). Ред.

**) Ср. тамъ же, стр. 54 (№ 150). Ред.

***) Ср. тамъ же, стр. 44 (№ 11). Ред.

17) Принесенное вѣтромъ вѣтромъ же уносится.

18) Одинъ любить розу, другой—фіалку.

19) Собачьяго хвоста не выпрямишь, продержавъ въ тискахъ даже сорокъ лѣтъ.

21) Пока Шушанъ (женское имя) нарядилась, въ церкви обѣдня кончилась.

22) Ради яичницы рують костроли цѣлуютъ.

23) Съ каждой бороды по волосу—безбородому и борода *).

24) У женщины волоса длинны, но умъ короткій.

25) Надо стоять предъ лежащимся, а позади кусающагося.

26) Кошкѣ игра,—мышкѣ смерть.

27) Умному—разъ, а глупому—сколько хочешь (говори).

28) Самый лучший пловецъ есть достояніе воды.

29) Слышали,—Али умеръ, не знаютъ, какой Али (Соответствуетъ русской пословицѣ: „слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ“).

30) Коза для козы лучше, чѣмъ цѣлое стадо овецъ.

Смотритель Саровскаго училища *Н. Григоровъ*

*) Ср. тамъ же, стр. 52 (№ 115).

ГОШУНЪ-ДАШЪ.

Подъ именемъ Гошунъ-Даша (камни воиновъ) извѣстно урочище, находящееся въ двухъ верстахъ отъ селенія Каракилиса (Александропольскаго уѣзда, Эриванской губерніи), усыпанное большими стоячими камнями разной формы и величины.

По мнѣнію жителей, прежде обитали здѣсь какіе-то великаны, обладавшіе немовѣрной силой. Мѣстные жители указываютъ на ихъ жилища, дворы, могилы, каменные изгороди и т. п. Повсюду въ Гошунъ-Дашѣ видѣются курганы изъ мелкихъ камней, окруженные, какъ кольцами, высокими стоячими камнями (См. рисунокъ 9). Камни эти, обыкновенно, остроконечные; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ высоты болѣе сажени, при ширинѣ до двухъ аршинъ. Въ камняхъ просверлены одно или нѣсколько отверстій. Эти каменные круги, приблизительно, имѣютъ въ діаметрѣ отъ 5 до 12 сажень; центромъ cadaго изъ нихъ служитъ курганъ изъ мелкихъ камней. Въ каждомъ кругу имѣется по кургану, но есть и отдѣльно стоящіе курганы. Подъ нѣкоторыми камнями вырыты отверстія и норки лисицами и барсуками, а передъ этими норками валяются человѣческія кости и куски глиняной посуды съ черной глазурью.

Жители говорятъ, что подъ курганами погребены полководцы, а кругомъ, подъ стоячими камнями,—воины.

Въ Гошунъ-Дашѣ, есть также нѣсколько дольменовъ (См. рисунокъ 10), наподобіе пещеръ, сложенныхъ изъ огромныхъ каменныхъ плитъ. Одни изъ дольменовъ построены на поверхности земли, другіе—въ землѣ. Отъ пола до каменнаго по-

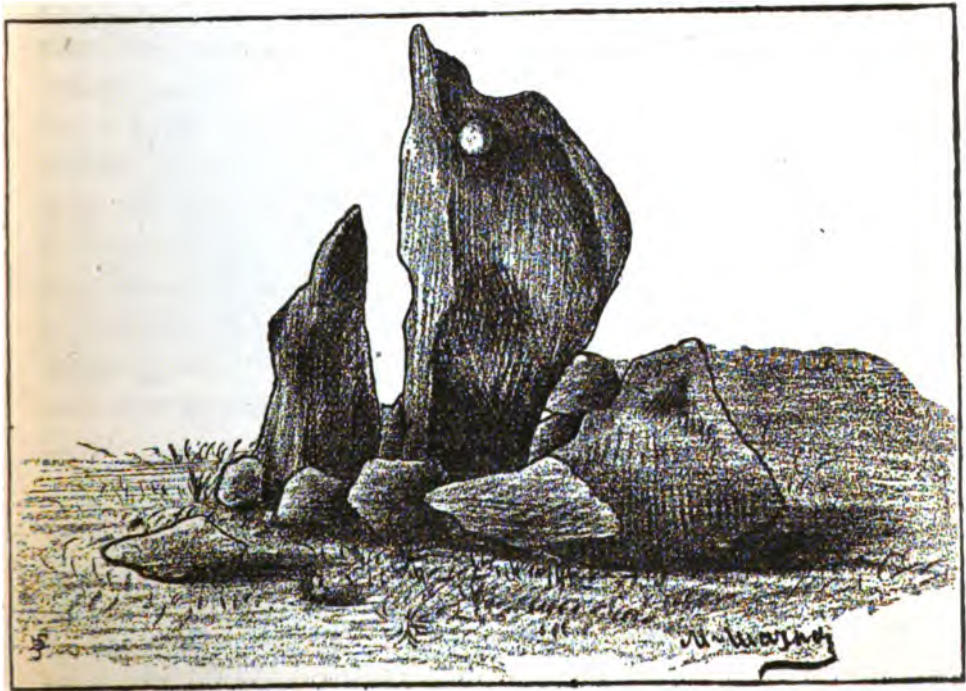
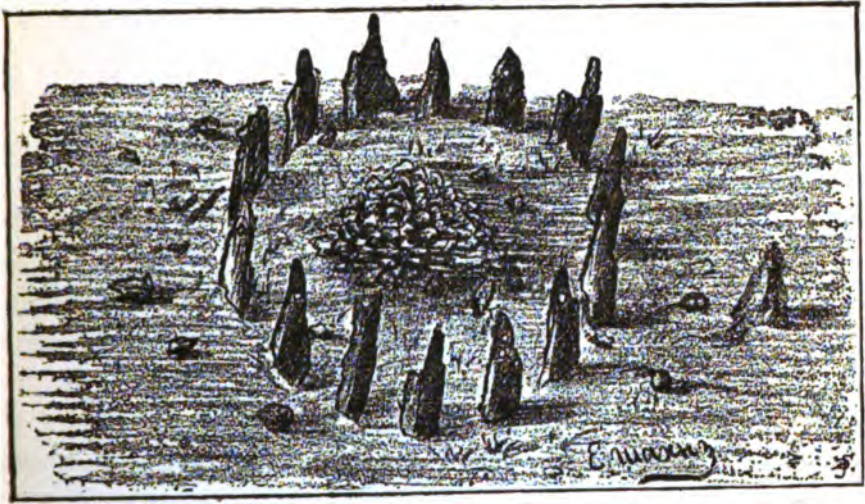

Fig. 10.

толка въ дольменахъ всего по два аршина, а разстояніе между стѣнами неодинаково. Въ нихъ, при раскопкахъ, оказались человѣческія кости.

Смотритель Арцеванинскаго училища *Е. Меликъ-Шахназаровъ*.

САМСАРСКІЯ ПЕЩЕРЫ.

Въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ уѣзднаго города Ахалкалаки, на лѣвомъ берегу рѣчки „Самсрисъ-Цвали“ (Самсарская вода), лежитъ селеніе Токъ-Самсаръ. По крутымъ, скалистымъ берегамъ упомянутой рѣчки, начиная отъ селенія Токъ-Самсаръ, расположены пещеры; онѣ тянутся вдоль по теченію р. Самсрисъ-Цвали, на разстояніи цѣлой версты.

По способу устройства, эти пещеры можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой относятся одно-этажныя, во второй — двух-этажныя. Одно-этажныя пещеры и, вообще, нижніе этажи всѣхъ пещеръ не имѣютъ, по крайней мѣрѣ — въ настоящее время, правильной, опредѣленной формы: онѣ, большею частью, кругловатыя или неправильно-четыреугольныя, съ округленными углами. Солнечные лучи не имѣютъ къ нимъ доступа, отчего въ нихъ царствуетъ темнота и осмотрѣть ихъ безъ свѣчки нѣтъ никакой возможности. Попастъ въ эти пещеры можно только черезъ единственное отверстіе, но не иначе, какъ согнувшись, что называется, въ три погибели. Въ одномъ изъ болѣе темныхъ и менѣе доступныхъ угловъ каждой таковой пещеры замѣчается подземный боковой ходъ, который идетъ по наклонной линіи еверху и на пути своемъ все болѣе и болѣе развѣтвляется, такъ что выходовъ изъ пещеръ, должно быть, много. Меня, однакожь, на одинъ подземный ходъ не вывелъ наружу, — потому, должно быть, что одни изъ нихъ засорились, другіе очень длинны, притомъ, такъ узки и низки, что ходить по нимъ очень затруднительно. Въ нижнемъ же этажѣ двухъ-ярусныхъ пещеръ описанный ходъ находится въ скалистомъ потолкѣ. Ходъ этотъ, съ нарубленными по бокамъ ступенями, круто, почти отвѣсно, подымается сажени

на триверху и выходитъ въ комнату верхняго этажа, имѣющую уже правильную четырехугольную форму, съ глубокими по стѣнамъ нишами и круглыми маленькими отверстіями для свѣта въ передней части потолка. Скалистый полъ этихъ этажей утопанъ землею и такъ чистъ, будто только-что подметенъ заботливою рукою хозяйки дома. Въ этихъ этажахъ свѣтло и уютно; здѣсь также имѣются боковые ходы, подобныя ходамъ нижнихъ этажей, съ тою лишь разницею, что они, углубляясь вовнутрь скалы, мѣстами расширяются, становятся выше и просторнѣе, такъ-что можно встать на ноги и вытянуться во весь ростъ; тутъ въ стѣнахъ видны мѣстами углубленія, покрытыя копотью, вѣроятно, отъ свѣтильниковъ. Послѣ того, какъ минуешь нѣсколько подобныхъ расширенныхъ мѣстъ, ходъ этотъ круто сворачиваетъ внизъ, сажени на четыре, потомъ опять принимаетъ свое прежнее направленіе и, повидимому, кончается; но это только такъ кажется: тамъ, гдѣ ходъ, казалось бы, кончается, лежитъ круглый тесаный камень, и, если сдвинуть его, подъ нимъ оказывается кувшинъ изъ цѣльнаго камня *), — такой, въ какихъ держатъ въ Грузіи вино; если влѣзть въ этотъ кувшинъ, то предъ путникомъ открываеся новый ходъ, который идетъ сперва по горизонтальной линіи, потомъ, круто повернувъ кверху, принимаетъ наклонное направленіе и кончается опять вышеописаннымъ кувшиномъ, и т. д.

Церквей въ этихъ пещерахъ двѣ. Одна изъ нихъ построена изъ тесанаго камня въ скалѣ. Надъ южными дверьми ея къ скалѣ прикрѣпленъ известковымъ цементомъ тесаный камень съ надписью; къ сожалѣнію, надпись эта повреждена, какъ видно, насильственнымъ образомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой церквы, къ востоку, изъ скалы выбивается родникъ **), передъ которымъ лежитъ большая каменная глыба.

*) Грунтъ, въ которомъ высѣчены пещеры, пудинговій.

***) Хотя вода въ этомъ родникѣ, по своему составу, обыкновенная, но жители приписываютъ ей цѣлебное свойство.

На верхней, обтесанной, сторонѣ ея имѣется надпись, поросшимомъ. Тутъ же кругомъ церкви находится нѣсколько келесъ каменными нарами и высѣченными по стѣнамъ крестами.

Другая церковь помѣщается въ верхнемъ ярусѣ, въ отъ изъ пещеръ; она почти ничѣмъ не отличается, по своему устройству, отъ прочихъ пещеръ. Въ алтарѣ этой церкви, каменномъ полу, вырыта яма, которая, какъ мнѣ передавали, служила купелью, при крещеніи дѣтей. На южной стѣнѣ церкви высѣченъ крестъ съ нѣсколькими буквами по сторонамъ.

Подземные боковые ходы, идущіе изъ этой церкви, нѣмало запутаны и болѣе расходятся по разнымъ сторонамъ; ихъ легко можно сбиться съ дороги и заблудиться.

Тамъ, гдѣ рѣчка Самсрисъ-Цвали выбѣгаетъ на Акалавскую равнину, лежитъ селеніе Ихтила. Въ немъ ходится грузинская церковь, присвоенная нынѣ армянами; на южной стѣнѣ ея, снаружи, имѣется надпись, снисъ которой прилагается въ этой статьѣ (см. табл. 11-ю).

Учитель Баралетской сельской школы *Ив. Синаи*

Надпись, о которой говорится въ предыдущей статьѣ, сдѣлана церковно-грузинскими заглавными буквами и читается слѣдующимъ образомъ:

„ქ. გათავდა ქვეშელის ღმრთის (ღმრთის) ცოლისა და თველთ (თმოგველთ) ქალისა როსადანისგან. შუენდკენ (შენ) დემან (დენ). ქორწინებნი იყო ფეზ. ჭორვანიძეს იოვანეს (იენეს) შდკენ (შენ) დემომან (დენ)“.

Въ переводѣ на русскій языкъ, надпись говорить: кончена женою Квешельскаго Липарита, дочьрю Тмогвеле Русуданью. Да помилуетъ ее Богъ. Хрониконъ былъ 52. Да помилуетъ Богъ Чорванидзе Иоанна“.

*) Т. е. тмогвскихъ князей.

Вышеуказанный грузинскій хрониконъ соотвѣтствуетъ 1307 году послѣ Р. Хр.

Слово „Квешели“ (ქვეშელი) произошло отъ названія крѣпости Квеша (ქვეშა), которая лежала въ ущельи р. Храма, на рѣкѣ Машаверѣ, впадающей въ Храмъ *). Крѣпость эта принадлежала фамилии Орбеліановыхъ, и поэтому едвали можно сомнѣваться, что упоминаемый въ разсматриваемой надписи Липаритъ, мужъ Русудани, принадлежалъ къ этой фамилии.

Орбеліановы играли важную роль въ исторіи Грузіи въ XI и XII вв. За двукратное возстаніе противъ царя Георгія III (въ 1157 и 1167 г.) фамилія эта была истреблена царемъ. Спаслись бѣгствомъ за границу только Эликумъ и Іоаннъ съ отцомъ своимъ Липаритомъ. Сыновья послѣдняго были снова вызваны въ Грузію царицею Тамарою и сдѣлались родоначальниками армянскихъ (отъ Эликума) и грузинскихъ (отъ Іоанна) Орбеліановыхъ, утвердившихся въ долинахъ Храма, Дебеды и Машаверы **).

Родословную Орбеліановахъ въ XII и XIII вв. можно представить въ слѣдующемъ видѣ: 1) Липаритъ (1167 г.), 2) сынъ его Іоаннъ (по Степаносу, — Hist. Siounic) или Сумбатъ (по „Картлисъ-цховр.“ I, 389) при царицѣ Тамарѣ († 1206 г.), 3) сынъ Сумбата — неизвѣстный въ исторіи, 4) внукъ Сумбата — Сумбатъ II, игравшій важную роль въ исторіи воцаренія Давида Нарина. Упоминаемый въ разсматриваемой надписи Липаритъ Квешели могъ быть сынъ этого Сумбата; въ лѣтописи грузинской онъ не упоминается.

Жена Липарита, какъ видно изъ надписи, происходила изъ рода тмогвскихъ князей. Тмогви — древній городъ въ Ахал-

*) Селеніе Квеша существуетъ и въ настоящее время въ указанномъ пунктѣ, верстахъ въ 8 или 9 къ западу отъ Екатериненфельда. *Ред.*

**) Hist. de la Siounic, I, 216—220, Вахушт. Георг. р. р. М. Brosset. Слб. 1842, стр. 158; Картлисъ-цховр. I, 383; Hist. Georg. Bross. р. 389; Вардана Великаго Всеобщая исторія, перев. Н. Эмина, М. 1861, стр. 154, 159—160.

цхской области (см. Географію Вахушта, стр. 91 *). Между послѣдними важную роль играетъ въ исторіи Грузіи въ XIII в. *Саргисъ Тмогели*, извѣстный также своею литературною дѣятельностью. Отъ послѣдняго, по всей вѣроятности, и происходила Русуданъ, жена Липарита (Орбелиани).—Чорванцдзе Іоаннъ, быть можетъ, архитекторъ, строитель храма.

Учитель Тифлисской духовной семинаріи *Θ. Жорданія*.

*) Селеніе Тмогелі находится на р. Курѣ, версть на 10 выше владенія въ нее Ахалгалакъ-чалъ. Ред.

МОГИЛЬНИКЪ ЧЕЛИШЪ-КИЗЪ.

Верстахъ въ 25-ти на юго-востокъ отъ Владикавказа, въ Джераховскомъ ущельи, находится маленькій ингушскій поселекъ, въ четыре или пять дворовъ, расположенный на одномъ изъ скалистыхъ отроговъ южнаго склона Столовой горы (Мать-хохъ). По западной сторонѣ этого отрога течетъ небольшой горный потокъ, почти у истоковъ котораго, на скалистомъ выступѣ (мысѣ), находится древній могильникъ, вѣроятно, греческаго зодчества *). Мѣстное преданіе говоритъ о греческихъ зодчихъ **), которые въ очень давнее время воздвигали здѣсь башни и другія постройки подобнаго типа. Остатки этихъ построекъ существуютъ и теперь на солнечномъ склонѣ Джераховскаго ущелья.

Могильникъ ***) имѣетъ форму четырехугольной башни (см. таблицу 12-ю), съ невысокой пирамидальной крышей, на самомъ верху которой поставленъ небольшой пирамидальный камень вышиною около полуаршина. Постройка сложена изъ плитняка и грубо обтесанныхъ крупныхъ валуновъ, которые въ большомъ количествѣ находятся въ этой мѣстности. Для

*) Предположеніе о построеніи могильника греками или по греческому образцу рѣшительно ни на чемъ не основано, да и самъ авторъ высказываетъ дагѣе мнѣніе о принадлежности могильника осетинамъ, жившимъ прежде въ Джераховскомъ ущельи. *Ред.*

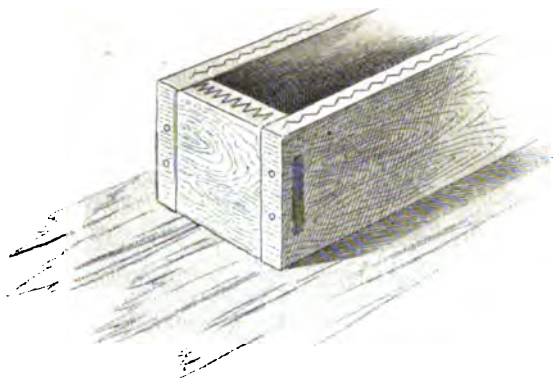
***) Въ замѣткахъ г. Головинскаго о Чечнѣ и чеченцахъ (Сборникъ свѣдѣній о Терской области, Владикавказъ, 1878 г., вып. 1, стр. 247) говорится, что башни, по преданію чеченцевъ Галгаевскаго общества, построены джигатами или джиганами. Г. Головинскій полагаетъ, что подъ этимъ именемъ надо разумѣть грековъ. *Ред.*

***) Изображенія и описанія могильниковъ этого типа находятся въ отчетѣ профессора В. Ф. Миллера объ его поѣздкѣ съ археологическою цѣлю въ Терскую область, предпринятой лѣтомъ 1886 г. (Материалы по археологій Кавказа. Москва, 1888 г., выпускъ I, стр. 24—26 и 57—58). *Ред.*

скрѣпленія этихъ камней цементомъ служила известь хорошаго приготовленія, съ которымъ нынѣшніе туземцы совсѣмъ незнакомы. На наружныхъ стѣнахъ зданія сохранилась штукатурка, даже замѣтны слѣды окраски въ желтый цвѣтъ. Вышина могильника по южной стѣнѣ, вмѣстѣ съ крышею, около 6-ти аршинъ. На восточной, сѣверной и южной стѣнахъ имѣется по одному отверстию четырехугольной формы. Отверстія расположены на различныхъ высотахъ, соответствующихъ внутреннему дѣленію зданія на три совершенно отдѣльные другъ отъ друга этажа. Эти отверстія служили для внесенія вовнутрь башни труповъ и зацпирались толстыми деревянными досками, которыя вставлялись въ устроенные по краямъ отверстій пазы и, затѣмъ, закладывались поперечнымъ засовомъ снаружи. Остатки досокъ видны и теперь. Внутри зданіе не было оштукатурено, но на стѣнахъ и сводѣ подъ крышей видны слѣды давней побѣлки. Нижній этажъ отъ средняго и средній отъ верхняго отдѣлены толстыми деревянными полами изъ дубовыхъ досокъ, уложенныхъ на бревнахъ, концы которыхъ вставлены въ гнѣзда, оставленные въ каменной кладкѣ внутреннихъ стѣнъ. Полы отчасти сгнили и провалились.

Поломъ нижняго этажа служила природная скала, выравненная и нѣсколько покатая отъ сѣверной, задней, стѣны къ южной, гдѣ было отверстіе. На восточной стѣнѣ у отверстія въ средній этажъ, съ лѣвой стороны, снаружи были вдѣланы близко и параллельно другъ другу два брусковидные камня, выступающіе изъ стѣны; въ нихъ, вѣроятно, вставлялись факелы, такъ какъ видны слѣды копоти на стѣнѣ.

Входное отверстіе въ верхній этажъ приходится въ уровень съ гребнемъ скалы, къ которой прислонено все зданіе. Здѣсь, на самомъ гребнѣ, вблизи отверстія, найдены въ небольшомъ количествѣ остатки угля. Точно также найденъ слой древеснаго угля у отверстія въ нижній этажъ, расположеннаго въ южной стѣнѣ, на высотѣ одной четверти аршина отъ

земли. Остатки древеснаго угля показываютъ, что послѣ похоронъ разводили огонь вблизи отверстій. Огонь этотъ могъ имѣть или какое-нибудь религіозное значеніе, или служилъ для удаленія хищныхъ звѣрей и птицъ.

Заглянувъ въ верхній этажъ, я могъ разсмотрѣть слѣдующее: на половинѣ высоты задней стѣны, противъ отверстия придѣлана толстая деревянная полка, на которой поставленъ дѣтскій гробъ; слѣды пологъ остались и на боковыхъ стѣнахъ *). На уплывшей части пола лежали упавшіе съ пологъ дѣтскіе гробы, въ различныхъ положеніяхъ, вслѣдствіе чего трудно опредѣлить первоначальное положеніе похороненныхъ. Одинъ только гробъ, немного больше другихъ, остался, вѣроятно, не сдвинутымъ. Въ гробу лежитъ скелетъ въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головой къ сѣверу и ногами на югъ, прикрытый остатками грубой холщевой (?) ткани, которая плотно прилегла къ костямъ.

Гробы представляютъ прямоугольныя, неглубокіе, деревянные ящики изъ толстыхъ досокъ; на нѣкоторыхъ гробахъ послѣднія украшены грубой рѣзбой, прямолинейными зубцами. Гробы, по всей вѣроятности, не имѣли крышекъ, потому что верхніе края боковыхъ досокъ украшены рѣзбою и потому неудобны были для наложенія крышки. Къ тому же, никакихъ деревянныхъ остатковъ отъ крышекъ въ могильникѣ не было замѣтно. Края досокъ въ головахъ и ногахъ гроба входили единственнымъ широкимъ шипомъ въ выдолбленное въ боковыхъ доскахъ гнѣздо. Каждый шипъ былъ закрѣпленъ двумя деревянными гвоздями (см. табл. 12). Иныхъ сверѣпленій, гвоздей, а также остатковъ или слѣдовъ металлической обивки не было найдено. Всѣхъ гробовъ въ верхнемъ этажѣ, вѣроятно, было до десяти.

*) Ср. III вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. I, стр. 170: объ устройствѣ древнихъ осетинскихъ могильниковъ
Ред.

Средній этажъ, съ отверстіемъ на востокъ, немного ниже верхняго и не имѣетъ половъ по стѣнамъ. Ни числа, ни положенія скелетовъ точно опредѣлить нельзя было, потому что тамъ кости и остатки гробовъ перемѣшаны и засыпаны соромъ и обломками завалившася пола верхняго этажа. Вѣроятно, въ среднемъ этажѣ было похоронено не болѣе пяти человѣкъ, судя по количеству череповъ, которые можно было рассмотреть. Здѣсь оказались, преимущественно, скелеты взрослыхъ, вѣроятно, женскіе, судя по размѣрамъ тазовыхъ костей и по тому, что кости череповъ здѣсь были менѣе крупны, чѣмъ кости взрослыхъ, найденныя въ нижнемъ этажѣ, принадлежавшія, надо полагать, костякамъ мужчинъ.

Разсматривая черепа, которые могъ я притянуть къ себѣ, я замѣтилъ, что лобная кость раздѣлялась у нихъ швомъ, идущимъ отъ переносицы къ темени (*sutura mediofrontalis*), какъ это видно на лобной кости черепа, помѣщеннаго на прилагаемомъ рисункѣ (13-й) подъ № 1. Подобрать принадлежащую къ нему нижнюю челюсть не представилось возможности.

Отверстіе нижняго этажа расположено на высотѣ одной четверти аршина отъ почвы склона. Объемъ нижняго этажа немного болѣе объема верхняго. Въ нижнемъ этажѣ лежали кости четырехъ взрослыхъ и остовъ, отчасти покрытый кожей, совершенно засохшій, принадлежащій также взрослому человѣку. Похороненные здѣсь, вѣроятно, были положены на спину, головой къ сѣверу и ногами на югъ. Такъ позволяетъ заключить положеніе четырехъ череповъ (лицомъ кверху), найденныхъ у задней, сѣверной, стѣны: отъ нихъ костяки тянулись къ южной. Кости четырехъ скелетовъ лежали посрединѣ и вправо, къ восточной стѣнѣ, и найдены перемѣшанными и отчасти заваленными соромъ и древесными остатками, упавшими сюда сверху. Влѣво же, у западной стѣны, лежалъ, нѣсколько сваленный на лѣвый бокъ, засохшій остовъ взрослого человѣка, съ согнутыми въ колѣняхъ и локтяхъ

конечностями. Онъ лежалъ также головою на сѣверъ и ногами на югъ. Лѣвый бокъ, на которомъ онъ поконился, былъ нѣсколько заваленъ соромъ и костями близлежащихъ скелетовъ; остальная же часть тѣла и голова, наклоненная влѣво, лежали совершенно свободно. На рукахъ сохранились остатки шелковой рубашки желтаго цвѣта. Кожа на головѣ (за исключеніемъ лица), шеѣ, плечахъ, грудной клѣткѣ и верхней части живота почти цѣла, на конечностяхъ же удѣлѣли жилы, а кожа сохранилась только отчасти. Лицевыя кости обнажены. Отъ переносицы замѣтно начало шва. Щеки ближе къ носу истлѣли *).

Остовъ этотъ фотографированъ (см. прилагаемую гравюру съ фотографіи, таблица 13) въ томъ положеніи, какъ онъ найденъ. У всѣхъ четырехъ череповъ остальныхъ скелетовъ—тотъ же шовъ (*sut. mediofront.*), какъ это видно на черепахъ №№ 2 и 3 (см. табл. 13). Такъ какъ скала, служившая поломъ этого этажа, позволила войти, то здѣсь произведены раскопки. Найденны: большая (3 вершка длины) костяная игла, толщиною въ 7 мм., съ ушкомъ и орнаментированная поперечными нарѣзами (см. тамъ же, № 4), и довольно крупная опаловая (?) буса (см. тамъ же, № 5). Кроме того, вблизи головы остова, съ лѣвой стороны ея, найдены полузасоренныя двѣ большія чашки изъ вязаваго (?) дерева, выточенные довольно искусно и правильно (см. тамъ же №№ 6 и 7). На меньшей изъ нихъ замѣтны слѣды старой починки.

Болѣе всего удивляетъ состояніе, въ которомъ былъ найденъ остовъ съ засохшей на немъ кожей и остатками шелковой ткани, потому что на костякахъ, найденныхъ съ нимъ рядомъ, не оказалось и слѣда ни того, ни другого. Костяныя эти совсѣмъ обнажены отъ покрововъ, волоконъ мяса и жилъ; даже кости рассыпались и лежатъ не въ порядкѣ. Возможно,

*) Рѣзцы верхней челюсти утеряны при переносѣ.

Конечно, предположеніе, что остовъ съ кожею принадлежить лицу, похороненному значительно позднѣе остальныхъ, лежавшихъ здѣсь; но тогда промежутковъ времени между тѣмъ и другимъ хороненіями долженъ быть весьма значителенъ, если предположить, что трупы всѣхъ четверыхъ, здѣсь похороненныхъ, подвергались процессу разложенія при одинаковыхъ условіяхъ. То же можно допустить и относительно скелета, сохранившагося въ гробу верхняго этажа. Всѣ-же, опредѣлить время, въ которое совершены здѣсь послѣднія похороны, не представляется возможности, такъ какъ нельзя судить о быстротѣ процесса разложенія. Можно думать, что процессъ этотъ совершался гораздо медленнѣе, чѣмъ если бы тѣла погребенныхъ здѣсь были прикрыты землею. Свободный доступъ воздуха, вслѣдствіе чего происходило постоянное провѣтриваніе могильника, могъ значительно задерживать разложеніе. Такъ высушивались мягкія части труповъ, находившихся и безъ того въ исключительныхъ условіяхъ, не способствовавшихъ разложенію, потому что могильникъ стоитъ на сухой скалѣ обращеннаго къ солнцу склона, защищеннаго отъ сырости и вліянія атмосферныхъ осадковъ, которые могли бы ускорять разложеніе.

Конечно, можно допустить и то, что трупъ могъ быть при погребеніи мумифицированъ или, просто, натертъ веществами, противодѣйствующими разложенію, при чемъ, благодаря наклонному основанію могильника, внутренности трупа, разлагаясь, могли стечь, не сообщивъ своего разложенія покровамъ, которые, затѣмъ, могли присохнуть къ костямъ и на весьма долгое время сохраниться въ томъ видѣ, въ какомъ они найдены.

Единственное указаніе на время, послѣ котораго могильникомъ перестали пользоваться для хороненій, можно почерпнуть изъ мѣстнаго преданія, восходящаго къ пяти или шести поколѣніямъ. Преданіе говоритъ, что жившее будто бы здѣсь

въ древнее время племя осетинъ (?) *) было оттѣснено силою оружія за Терекъ, т. е. на лѣвый его берегъ, предками ингушей (чеченскаго происхожденія); населяющихъ въ настоящее время это ущелье. Ингуши рассказываютъ отрывочные эпизоды изъ боевой жизни своихъ предковъ, непріятелями которыхъ называютъ постоянно осетинъ. Связать эти отрывочные рассказы о подвигахъ ихъ предковъ въ послѣдовательное историческое изложеніе пока очень трудно; можно лишь до нѣкоторой степени подмѣтить послѣдовательную дѣятельность главныхъ вождей или героевъ племени, обнимающую періодъ времени, какъ сказано, пяти или шести челоувѣческихъ поколѣній. Считая каждое поколѣніе въ тридцать лѣтъ, можно бы допустить, что водвореніе предковъ нынѣ живущаго въ этомъ ущельи горскаго племени ингушей совершилось, приблизительно, 150 или 180 лѣтъ тому назадъ. Обстоятельство, что у ингушей не сохранилось преданія о вышеупомянутомъ могильникѣ, и что они не знаютъ, кому онъ принадлежалъ, позволяетъ думать, что онъ принадлежалъ не ингушамъ и былъ покинута прежде-жившимъ здѣсь племенемъ по необходимости, лѣтъ за 150—180 до нашего времени. Это предположеніе является вѣроятнымъ еще и потому, что нынѣшнее племя *помнитъ и указываетъ* мѣста хороненій героевъ своего племени въ могильникахъ иного устройства, называемыхъ по-ингушски „кашъ“.

Вблизи селенія Гоусты указываютъ таковой „кашъ“, принадлежащій ингушскому герою. Это каменное сооруженіе цилиндрической формы, съ куполомъ и безъ отверстія, вышиною около четырехъ аршинъ. Оно сложено изъ простыхъ камней

*) Въ преданіи этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Профессоръ В. Ө. Миллеръ доказалъ въ своихъ „Осетинскихъ этюдахъ“, что осетинская территория простиралась прежде на западъ гораздо дальше, чѣмъ нынѣ. Существуютъ нѣкоторыя указанія, что то же самое было прежде и на восточной окраинѣ области, занятой осетинами. Самая рѣчка, сбѣгающая въ Терекъ по Джераховскому ущелью, носитъ осетинское названіе—Макаль-донъ.

и плитняка, безъ цемента и выблено снаружи. Такъ какъ отверстие, въ которое вносились покойники, задѣлано наглухо каменной кладкой, то узнать что-либо о внутреннемъ устройствѣ не представилось возможности *).

Хотя въ данное время туземцы уже перестали хоронить своихъ покойниковъ въ „кашахъ“ и хоронятъ ихъ въ землѣ, но можно полагать, что это измѣнилось не такъ давно, такъ какъ туземцы хорошо помнятъ и указываютъ свои „каши“ и называютъ похороненныхъ въ нихъ предковъ.

~~~~~

Всѣ находки изъ могильника Челишъ-Кивъ, изображенныя на прилагаемомъ рисункѣ, были предъявлены г. председателю Императорской археологической комиссiи, графу А. А. Бобринскому, въ июнѣ 1891 года, во время проѣзда его черезъ Владикавказъ. Согласно его указанiю, находки отправлены въ Московское Императорское общество любителей естествознанiя и антропологии. Остается сказать, что рисунокъ скелета, сдѣланный съ фотографiи, не даетъ вполнѣ точнаго представленiя о размѣрахъ его въ натурѣ. Это случилось потому, что въ моментъ фотографированiя, скелетъ, положенный на полотно, былъ въ наклонномъ положенiи. Нижнiя конечности находились ближе къ объективу, а верхняя часть скелета—дальше, вслѣдствiе чего нижнiя конечности вышли крупнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, по отношенiю къ остальнымъ частямъ скелета. Въ действительности размѣры скелета, во всѣхъ частяхъ своихъ пропорциональны.

Воспитанникъ VII кл. Владикавказской гимназiи В.
Долбежевъ.

~~~~~

*) Объ устройствѣ ингушскихъ и чеченскихъ кашей и о содержимомъ ихъ см. въ I вып. „Материаловъ по археологiи Кавказа“ стр. 26—28. *Ред.*

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

въ окрестностяхъ селенія Башь-Шурагелъ.

Селеніе Башь-Шурагелъ находится въ Карской области, верстахъ въ 13—14 къ юго-западу отъ Александрополя. Въ окрестностяхъ его сохранилось большое количество древнихъ памятниковъ.

Къ сѣверу отъ Башь-Шурагела возвышается сажень на 35—40 небольшое плоскогорье, имѣющее около $3\frac{1}{2}$ версты въ длину и съ версту, а по мѣстамъ и болѣе, въ ширину. Поверхность его, большею частью, ровная, прорѣзана кое-гдѣ ущельями. У мѣстныхъ жителей эта возвышенность называется Бандрель (высота). На южной окраинѣ ея находится три искусственныхъ пещеры, а раньше, за нѣсколько лѣтъ, ихъ было много. Объ этихъ пещерахъ шурагелцы говорятъ, будто онѣ служили амбарами Шараю, прожорливому правнуку Гайка, поселившемуся на плодородной равнинѣ между Карсъ-чаемъ и Арпа-чаемъ. Эти пещеры найдены лѣтъ восемь тому назадъ однимъ турецко-подданнымъ крестьяниномъ. Съ тѣхъ поръ онѣ быстро уничтожаются руками грубыхъ шурагелскихъ каменоломовъ. Вотъ какое устройство имѣютъ эти пещеры. Входъ представляетъ широкое, круглое отверстіе, въ поперечникѣ около $2\frac{1}{2}$ аршинъ; онъ спускается по каменистому грунту аршинъ на 6, и на этой глубинѣ находится самая пещера; форма пещеръ неправильная, а глубина, не смотря на то, что онѣ теперь наполнились землею, достигаетъ до трехъ аршинъ; въ длину пещеры имѣютъ аршинъ по 15, а въ ширину до 12 аршинъ. Въ этихъ пещерахъ найдено было немало драгоценныхъ вещей, старинныхъ кувши-

новъ, а въ одной найдены были истлѣвшіе отруби пшеницы. Поверхность Банцрела въ этомъ мѣстѣ покрыта множествомъ чашъ (?), между которыми есть и такія большія, что поперечникъ ихъ при отверстіи равняется почти полуаршину. Здѣсь же попадаются четырехугольныя, вродѣ корытъ, углубленія, длиною аршинъ $1\frac{1}{2}$, шириною $\frac{1}{2}$ арш. и болѣе, а глубиною вершка четыре. Какъ показываютъ слѣды, эти памятники уничтожаются теперь руками человѣка.

Въ южной части Банцрела, на круто осѣченной скалѣ стоятъ развалины очень маленькой церкви во имя св. Іоанна. Эта церковь имѣетъ видъ квадрата по семи аршинъ съ каждой стороны, и только восточная стѣна, выдаваясь маленькимъ закругленіемъ, нарушаетъ правильность квадрата. Отъ нея уцѣлѣли только западная, сѣверная и часть восточной стѣны, примыкающая къ сѣверной; первыя двѣ имѣютъ въ высоту по пяти арш., а восточная рухнула наклонно и имѣетъ въ ширину только два съ половиною аршина. Эта церковь построена изъ краснаго мягкаго камня, добытаго изъ самаго Банцрела, на цементѣ, состоящемъ изъ извести съ пескомъ. На сѣверной стѣнѣ этой церкви сохранилась надпись: „церковь Іоанна“. Мѣстное преданіе гласитъ, что этотъ храмъ служилъ домашнею церковью царей Багратуни.

На сѣверъ отъ церкви св. Іоанна, саженьяхъ въ трехъ, въ очень давнее время на камнѣ выбито изображеніе лошадиного копыта; мѣстное населеніе вѣруеть, что это—слѣдъ, оставленный лошадыю Сурбъ-Саркиса (св. Сергій), когда онъ ѣхалъ на поиски за похищенною магометанами христіанскою дѣвицею; считая это мѣсто святыней, окрестные поселяне сюда ходятъ на богомолье.

Саженьяхъ въ двухъ отъ описаннаго изображенія лошадиного копыта есть маленькій, ровный спускъ, аршина на четыре ниже большаго холма; этотъ спускъ также представляетъ ровную поверхность и въ длину имѣетъ сажень 15, а въ ши-

рину аршина четыре; какъ показываетъ сохранившееся преданіе, здѣсь были похоронены армяно-григоріанскіе чернецы. На спускѣ съ Бандрела въ этой площадкѣ скала очень гладко отесана, и здѣсь уцѣлѣли отъ турецкихъ рукъ нѣкоторыя изваянія; между ними самое видное мѣсто занимаетъ изображеніе на скалѣ распятія Господня съ двумя разбойниками по сторонамъ; отъ другихъ изваяній сохранились только неясныя слѣды.

Изъ памятниковъ, находящихся въ самомъ селеніи, заслуживаетъ вниманія церковь „Аменапрятчъ“ (Спасителя всѣхъ). Она отличается грандіозными размѣрами и древностью своей постройки и очень хорошо сохранилась. Она представляетъ продолговатый четырехугольникъ и въ длину имѣетъ 47 арш., въ вышину $20\frac{1}{2}$ арш., въ ширину $24\frac{1}{4}$ арш.; толщина стѣны доходитъ до 1 аршина 14 вершковъ. Въ серединѣ каждой стѣны есть маленькое треугольной формы углубленіе, которое наверху украшено вырѣзными, переврещивающимися линиями.

При всей громадности своей, церковь „Аменапрятчъ“ не имѣетъ каменныхъ столбовъ по серединѣ. Она имѣетъ три алтаря: средній — главный и два боковыхъ. По бокамъ крайнихъ алтарей, пониже уровня церкви, есть по одной маленькой комнатѣ, со входами изнутри церкви; эти комнаты называются „хоранами“ и служили прежде ризницами, а теперь мѣстные священники прячутъ тамъ собранную съ народа пшеницу. Надъ церковью есть восемь маленькихъ комнатъ, называемыхъ „вернатунъ“: въ каждомъ углу церкви по двѣ такихъ комнаты, одна надъ другою. Теперь онѣ въ полуразрушенномъ состояніи. До начала нынѣшняго столѣтія надъ ними возвышался куполь. Въ прежнія времена эти вернатуны имѣли входъ изъ церкви; потомъ лезгины устроили съ западной стороны къ сѣвернымъ комнатамъ каменную лѣстницу. Но теперь въ средней части своей она разрушилась. На сѣверной сторонѣ церкви замѣтно мѣсто прежней двери; болѣе поло-

винны нижней части западной стѣны и крыша на этомъ же мѣстѣ въ не очень давнее время подвергались ремонту, а на южной стѣнѣ сохранились двѣ надписи, вырѣзанныя, какъ это видно изъ ихъ текста, ваятелями Хопадакомъ и Мертчемъ въ 1228 и 1231 годахъ *).

Саженьхъ въ 70 на сѣверо-востокъ отъ церкви Амена-пречить, внѣ селенія, у подножія Банцрела, возвышается невысокій круглый холмъ, на которомъ построена была маленькая церковь „Аствацацинъ“ (Богородица). Отъ этой церкви уцѣлѣла только часть сѣверо-западной стѣны, а всѣ остальные части рассыпались по сватамъ холма, и лишь нѣсколько камней осталось у самыхъ развалинъ, на холмѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть остатки надписей.

Эту церковь мѣстные татары называютъ „Кечи кула“ (козлиная крѣпость) и „Бали килиса“ (дѣйствительная, истинная церковь). Названіе „Кечи кула“ татары объясняютъ тѣмъ, что, когда пасли здѣсь баранту, во время турецкаго правленія, то козлы забирались на развалины церкви, и вечеромъ съ трудомъ удавалось отогнать ихъ оттуда домой. Названіе же „Бали килиса“ дали татары этой церкви послѣ того, какъ одинъ татаринъ, выстрѣлившій изъ огнестрѣльнаго оружія въ этой церкви, черезъ нѣсколько дней былъ убитъ его-же оружіемъ.

*) Надписи эти или подложныя, или искаженныя, судя по доставленному въ редакцію переводу ихъ, который и помѣщается здѣсь.—Первая надпись.—„1228 года. По волѣ Божіей, я, атабекъ Иване и Хошакъ, царица грузинская и армянская, ради долгой жизни нашихъ родныхъ: мандатора Худеса Шаһъ-Шаһ и великаго полководца Авака, уступили селенію Ширакъ (Б. Шурагелъ) казенный лугъ „Апуриши“. Итакъ, если кто-нибудь уничтожитъ эту память,—подвергнется проклятію всѣхъ святыхъ, а хранящіе ее вознаграждены будутъ Христомъ Богомъ. Хопадакъ ваятель“. Вторая.—„1231 года. По волѣ Божіей, я, атабекъ, властвующій надъ Грузіей и Армѣніей, и Хошакъ, царица грузинская и армянская, для дарованія долгой жизни нашимъ роднымъ: мандатору Худесу Шаһъ-Шаһ и великому полководцу Аваку, оставили селенію Ширакъ поклашу мельницъ Верхняго Ширака и подать крѣпостную. Мертчакъ ваятель“. Ни армянскіе, ни грузинскіе хроникеры не знаютъ царицы грузинской и армянской Хошакъ въ это время. *Ред.*

Древнихъ кладбищъ здѣсь нѣсколько. Саженьяхъ въ шестидесяти на югъ отъ „Аменапреча“ есть христіанское кладбище, гдѣ и теперь хоронятъ мѣстные жители своихъ покойниковъ; саженьяхъ въ 150 на юго-западъ отъ Аменапреча есть маленькій низенькій холмикъ и, какъ свидѣлствуютъ надгробные камни, здѣсь находится древнее кладбище; отсюда иностранными путешественниками, послѣ русско-турецкой войны 1877—78 г., были добыты какія-то вещи. На сѣверо-западъ отъ Аменапреча саженьяхъ въ 200, на дорогѣ въ Пирвали, есть кладбище, гдѣ на нѣкоторыхъ изъ надгробныхъ камней имѣются изображенія всадниковъ. Это кладбище, говорятъ, магометанское. На самомъ холмѣ Банцрелъ есть также кладбища, которыя въ настоящее время не имѣютъ надгробныхъ камней; послѣдніе, по всей вѣроятности, какъ готовый матеріалъ для построекъ, сняты руками окрестныхъ жителей. Могилы здѣсь расположены не рядомъ одна около другой, а иногда въ десяткахъ саженьей другъ отъ друга. О существованіи кладбищъ на Банцрелѣ узнали случайно въ недавнее время шурагелскіе каменоломы. По разсказамъ ихъ, плоскогорье Банцрелъ, гдѣ они добываютъ мягкій камень, пригодный для построекъ, сверху покрыто землею по мѣстамъ на 2, 3 и 4 аршина. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на глубинѣ 1¹/₂ и 2 аршинъ, попадались имъ совсѣмъ истлѣвшія восты покойниковъ: трупы при этомъ находимы были поставленными на гладкій камень и со всѣхъ сторонъ обложенными очень маленькими кувшинчиками; послѣдніе высотой въ 3 вершка, а въ поперечникѣ, въ широкомъ мѣстѣ, вершка въ 2; они отличаются удивительной крѣпостью и сдѣланы, по-видимому, не изъ глины, а изъ какого-то другого состава; горлышки у кувшинчиковъ очень узенькія. Въ этомъ же мѣстѣ находятъ каменные обсидіановыя издѣлія; только они попадаются очень рѣдко; встрѣчаются также мѣдные топорики, у скелетовъ же на рукахъ—золотые, серебряные и мѣдные змѣ-

видные браслеты. Кругомъ вувшинчиковъ и надъ покойникомъ бываютъ камни: четыре по сторонамъ, а одинъ сверху. Нѣкоторыя изъ такихъ могилъ глубоко вдолблены въ цѣльный камень; въ такихъ могилахъ всегда встрѣчается немало золотыхъ вещей.

Монетъ и старинныхъ вещей изъ золота и серебра, а также и мѣдныхъ, здѣсь находимо было такое громадное количество, что многіе изъ жителей, благодаря находкамъ, богатѣли, и лѣтъ 6—7 тому назадъ крестьяне занимались раскопками, какъ ремесломъ. Найденныя здѣсь монеты во множествѣ или раскуплены иностранцами, которые мѣсяцами проживали въ Александрополѣ и за дорогія цѣны покупали отъ жителей древности, или переплавлены мѣстными золотыхъ дѣлъ мастерами. Древнія золотыя и серебряныя монеты у многихъ богатыхъ туземокъ служатъ украшеніемъ нѣкоторыхъ уборовъ на головѣ и на груди *).

Хотя въ послѣднее время доисторическихъ орудій здѣсь не находятъ, но, какъ рассказываютъ мѣстные юноши, они находили обсидіановыя и костяныя маленькія вещицы наподобіе топоровъ, ножей и т. п. Здѣсь же былъ найденъ маленький, въ два раза больше мѣднаго пятака, круглый обсидіановый плоскій камушекъ съ двумя дырами по срединѣ. Теперь на холмѣ Банцрелъ, гдѣ находятся описанныя пещеры, доисторическія каменные чаши и церковь св. Іоанна, разбросано множество обсидіановыхъ острыхъ осколковъ, межъ тѣмъ обсидіановыхъ гвѣздъ нигдѣ въ окрестныхъ каменоломняхъ нѣтъ. На Банцрелѣ находили мѣдные или бронзовые топоры, золотыя, серебряныя и мѣдные чешуйчатые и гладкіе змѣевидные браслеты и золотыя ожерелья. На магометанскомъ кладбищѣ найдены два мѣдныхъ сосуда, вмѣю-

*) Монеты, найденныя здѣсь и представленныя авторомъ этой статьи въ распоряженіе г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, отправлены въ Императорское Московское Археологическое общество. Ред.

щих слѣдующую форму: они круглые, высотой вершка полтора, а въ поперечникѣ вершковъ 2-хъ; они имѣютъ почти плоское дно и къ отверстію немного суживаются; при отверстіи имѣютъ діаметръ въ $\frac{1}{2}$ вершка; края отверстія покрыты каймой, представляющей гирлянду цвѣтовъ, почему у мѣстныхъ жителей называются „цагикъ-тасъ“ (цвѣточная ваза); между цвѣточками вырѣзаны арабскими буквами стихи изъ корана. Описанныя вазочки рѣдко попадаются въ другихъ мѣстахъ, и мѣстные жители, какъ ко всему татарскому, къ нимъ относятся съ суевѣріемъ и считаютъ талисманами. У мѣстныхъ жителей есть повѣрье, что если хозяинъ цагикъ-таса изъ него три раза обрызгаетъ водою свою баранту, когда ее гонять на зимнюю стоянку или когда отпускаютъ на подножный кормъ, то на баранахъ его стада не разводятся клещи, и они не будутъ болѣть; если же хозяинъ уступитъ свой цагикъ-тасъ другимъ, то отъ этого баранта его погибнетъ. Это повѣрье такъ крѣпко вкоренилось у мѣстнаго населенія, что хозяинъ цагикъ-таса никогда не уступитъ его сосѣду. Эти вазочки цѣнятся у мѣстныхъ жителей рублей по 50 и болѣе. Кромѣ выше-описанныхъ вещей, при раскопкахъ для фундаментовъ зданій находятъ очень много другихъ глиняныхъ сосудовъ разныхъ величинъ и формъ. Эти сосуды отъ современныхъ шурагелскихъ кувшиновъ отличаются вздутостью боковъ, изяществомъ работы и крѣпостью.

Смотритель Баяндурскаго училища *Гр. Бунятовъ*.

МОНАСТЫРЬ СВ. ӨОМЫ.

Монастырь св. апостола Өомы находится въ селеніи Верхніе-Акулисы, Нахичеванскаго уѣзда, Эриванской губерніи, верстахъ въ пяти къ сѣверо-западу отъ г. Ордубада. Мимо него протекаетъ рѣчка Акулисъ-чай, которая дѣлаетъ его съ западной стороны недоступнымъ; съ восточной и сѣверной сторонъ монастырь защищенъ горами. Близлежащія селенія и деревни сообщаются съ нимъ только черезъ селеніе В.-Акулисы по верховой дорогѣ. Окрестные жители—армяне, армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія, и татары—магометане, имѣющіе въ Акулисахъ свою мечеть; преобладающій элементъ населенія составляютъ армяне. Ежегодно, въ день св. апостола Өомы, мѣстные христіане собираются на богомолье въ этотъ монастырь, управляемый теперь особымъ настоятелемъ, назначаемымъ эчміадзинскимъ синодомъ. Хотя монастырь не считается приходскимъ храмомъ, однако вечернее и утреннее богослуженіе, совершаемое въ немъ, посѣщается многими акулисками.

Преданіе армянской церкви свидѣтельствуетъ, что его основатель св. апостоль Вареоломей, который былъ отправленъ Спасителемъ, послѣ Его вознесенія, въ бывшую Армению, для излѣченія царя Абгара, страдавшаго долго тяжкою болѣзнію. Въ то время, когда св. Вареоломей находился въ Акулисахъ, св. апостоль Өома проповѣдывалъ въ Индіи; услышавъ о мученической кончинѣ послѣдняго, онъ построилъ здѣсь въ память св. мученика часовню, которая св. Григоріемъ Просвѣтителемъ была преобразована въ монастырь. Объ

этомъ надпись, высѣченная надъ западными дверями монастырскаго храма, гласить слѣдующее:

«Բարդուղիմէոս ի հայս եկեալ է,
 Ջտուն Տեառն նախ աստ հիմնարկեալ է,
 Սուրբ Թովմայի առաքելոյն անուն կոչեալ ՚գահ հաստատեալ:
 Կոմսի անուն զիւր աշակերտն տեսուչ տեղոյս զնա եղեալ,
 Որ և զտուն Գողթ զաւարիս ՚ի նա յանձնեալ զհօտն ընտրեալ:
 Մերձ Ագուլիս և Դաշտ գովեալ,
 Յղնա, Բամիս սմա յանձնեալ,
 Բուստ, Փառակա ևս տեալ,
 Բուհրուղ . . . *) անքակ եղեալ
 Եւ չրջաւ ընդ ամսեան, (Աղահեցիք) ցանկ հաստատեալ,
 Դաստակ, Վանանդ կցորդ եղեալ.
 Տրուներս, Տնակերտ սմա միարանեալ.
 Օրովանիս և Քաղակիկ և Անապատն Հանդամիջաց,
 Վեռնգետցիք և Քեշերեցիկ, Նուանիս, Օրդուբաթ բաժին կարգեաց:
 Սուրբն Գրիգոր յորժամ եկեալ է, Նոմոս տեսեալ,
 Չեռազրովն նոյն հաստատեալ
 Եւ նզովիւք ամրափակեալ:
 Յամին Տեառն Գ. Է. և հինգ հասեալ
 Լուսաւորչին պատճէն գրեալ է
 Արձանագրիս, որ աստ եղեալ է:»

Переводъ надписи:

„Варооломей, пришедши въ армянамъ и основавъ здѣсь прежде сей Божій домъ, во имя св. Өомы, упрочилъ тронъ ученика своего, по имени Комси; назначивъ здѣсь начальникомъ, поручилъ ему паству округа Гохтнъ **): Ближніе Акулисы и восхваленный Даштъ (Нижніе Акулисы), въ которыхъ присоединилъ Цигна, Рамистъ, Буста, Фарака, Бугрутъ. Дастакъ, Ванандъ, Трунисъ, Тнакертъ, Обованисъ, Кахакикъ, Анапатъ Андамечскій, вернгетцевъ, кешерцевъ, Нуснисъ и Ордубадъ. Св. Григорій, пришедши и увидѣвши Номоса ***)

*) На мѣстахъ, которыя не прочитаны, поставлены точки.

**) Гохтнъ или Гохтникъ (Գողթնիք) — одинъ изъ округовъ древней Арменіи, въ составъ котораго входили вышеупомянутыя сѣла и городъ Ордубадъ.

***) Одинъ изъ учениковъ Варооломея; гробъ его находятся, по мѣстному преданію, въ Акулисахъ.

утвердилъ сіе въ 305 году послѣ Р. Х. и снялъ копію сей надписи.“

Послѣдній ремонтъ монастыря сдѣланъ въ 1694 году, какъ свидѣтельствуеъ надпись, высѣченная на западной стѣнѣ храма. Онъ построенъ изъ тесаного камня, сплошной кладкой, на известковомъ цементѣ; надъ крышею, ближе къ западному притвору, возвышается величественный куполь. Планъ монастырскаго храма представляетъ прямоугольникъ, имѣющій въ длину 82 и въ ширину 64 фута (см. таблицу 14).

Храмъ имѣетъ три притвора *), изъ коихъ одинъ, съ западной стороны, называется *гавитомъ* (*гавѣт*) или *жама-туномъ* (*ѣамѣтунѣ*); два другіе, съ южной и сѣверной сторонъ, служатъ крытыми входами.

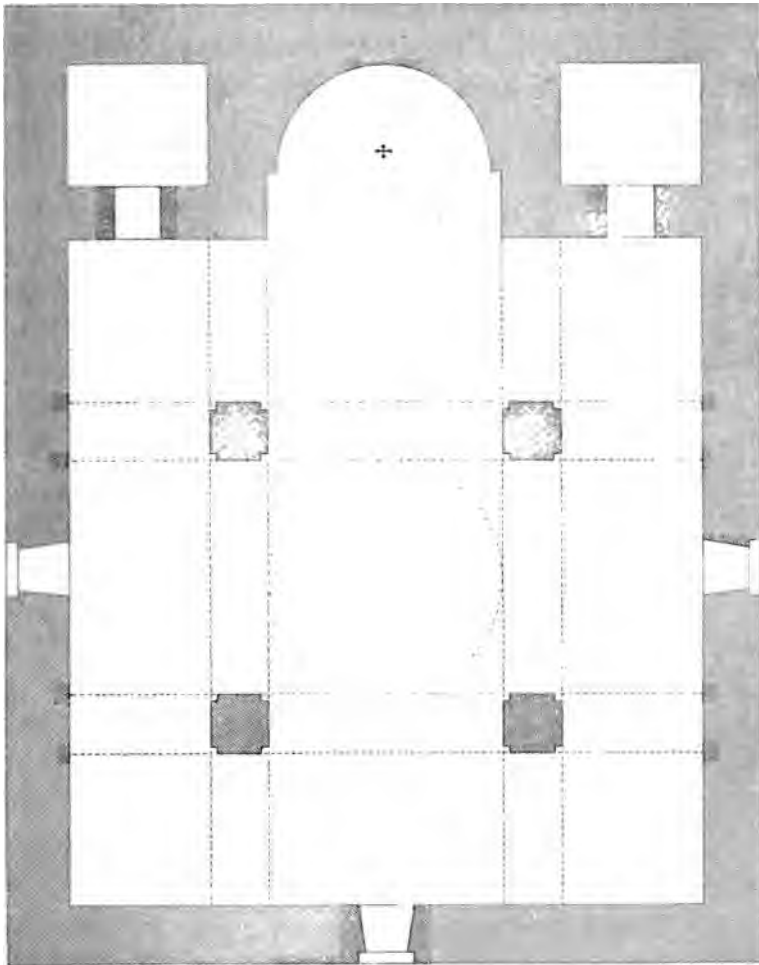
Восточная, или алтарная, часть имѣетъ закругленную форму, но это закругленіе не представляетъ выступа и скрывается въ толщѣ стѣны. Наружныя стѣны разукрашены вырѣзнымъ поясомъ, который на восточной стѣнѣ, обхватывая крестообразное окно, поднимается перпендикулярно и образуетъ орнаменты, имѣющіе форму креста. Надъ западными дверями вырѣзано изображеніе Спасителя, съ крестомъ въ рукѣ, и св. апостола Фомы, ощупывающаго язвы Христовы. Вокругъ оконъ и дверей вырѣзаны орнаменты. Оконъ всего одиннадцать; изъ нихъ десять одинаковой величины: по 6 футовъ въ длину и по 2 фута и 4 дюйма въ ширину; окно, находящееся въ срединѣ восточной стѣны, представляетъ форму креста, имѣющаго въ длину 2 фута, а въ ширину 1 футъ; окна расположены такъ: съ южной и сѣверной сторонъ—по три; изъ нихъ среднія, находящіяся надъ дверями, снабжены краевыми орнаментами; съ западной стороны—два окна, а съ восточной также три. Входовъ въ церковь три: каждый изъ нихъ представляетъ одностворную дверь, имѣющую въ высоту $6\frac{1}{2}$, а въ ширину по $4\frac{1}{2}$ фута. Надпись надъ западной дверью показы-

*) Притворы на планѣ не обозначены.

П Л А Н Ъ Х Р А М А

В Ъ М О Н А С Т Ы Р Ъ С В . Т О М Ы

находящаяся въ селеніи Верхней Чулуиси, Нахичеванскаго уезда, Эриванской губернии.

4 8 12 16 24 32 48 64 фута

ваетъ, что она сдѣлана въ 1694 г. Шея главы монастыря и основаніе купола имѣютъ форму круглую; форма же покрытія послѣдняго—сложная, пирамидальная. Вся крыша покрыта каменной лещадью; она имѣетъ форму шатровую, въ четыре ската, изъ коихъ южный и сѣверный—длиннѣе. Въ куполѣ—четыре окна, имѣющихъ закругленія въ своихъ верхнихъ частяхъ. Размѣровъ этихъ оконъ, а равно и высоты храма измѣрить не представилось возможности.

На восточной сторонѣ возвышается алтарь, который разукрашенъ рисунками, а по обѣимъ сторонамъ его построены особыя помѣщенія, называемыя *хоранами* (*խորան*); въ одномъ изъ нихъ переодѣваются церковные служители, а въ другомъ помѣщается монастырскій музей. Въ сѣверномъ хоранѣ есть глухія лѣстницы, ведущія на крышу.

Великолѣпные своды монастыря поддерживаются четырьмя столбами, имѣющими форму призмы съ угловыми вырѣзами. Полъ, какъ алтарный, такъ и церковный, сдѣланъ изъ жженого кирпича квадратной формы. Верхняя часть, гдѣ начинаются своды, расписана фресками, какіе встрѣчаются въ армянскихъ церквахъ новаго времени. Надъ сѣверною дверью возвышается на крышѣ колокольня, построенная изъ тесаного камня.

Въ южномъ хоранѣ монастыря помѣщается музей и продажныя свѣчи. Шкапъ, находящійся здѣсь съ южной стороны, заключаетъ въ себѣ древнія ризы, а въ шкапу, который помѣщается у восточной стѣны, хранятся древнія митры и вѣнцы разныхъ эпохъ, часть св. Креста, называемаго „Ке-нацъ пайтъ“ *) (Дерево жизни), серебряная модель ковчега Захвѣта, плечевая и голенная кости св. Оомы, кресты, золотая рука съ мощами святыхъ, большое увеличительное стекло въ звѣздообразной серебряной оправѣ, рукописныя церковныя книги на пергаментѣ, древнія монеты разныхъ государствъ,

*) Հենաց փայտ.

драгоценные камни, кондаки *), относящиеся къ дѣламъ монастыря, кольца и др.

Дворъ монастыря окруженъ вѣлями, гдѣ нѣкогда обитали монахи, и шестью башнями, служившими для защиты. Четыре изъ этихъ башенъ, занимаютъ углы квадратнаго двора, а двѣ другія—середину его сѣверной и южной стѣнъ. Онѣ придаютъ монастырю видъ укрѣпленнаго замка. Въ настоящее время нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ келій соединены вмѣстѣ и обращены въ зданіе мѣстной приходской мужской школы.

Смотритель Чайкендскаго двухкласснаго земскаго училища *Ар. Тумановъ*.

*) *Կոնդակ*—духовная грамота католикоса.

ОТДѢЛЪ Ц.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА У ИМЕРЕТИНЪ.

Съ новымъ годомъ имеретинъ связываетъ всё свои лучшія ожиданія и надежды и радуется ему, какъ ни одному изъ праздниковъ, не исключая даже св. Пасхи. Онъ считаетъ первый день новаго года „днемъ судьбы“, т. е. перемены судьбы къ лучшему. Поэтому Новый годъ у имеретинъ называется иначе „счастливымъ днемъ“.

Вопреки обычаю другихъ народовъ дѣлать на Новый годъ визиты, имеретинъ въ этотъ день не дѣлаетъ ни шагу изъ дому. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ совершенно замкнутъ въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу; ни къ одному сосѣду онъ не приходитъ съ поздравленіями; точно также, какъ ни одинъ сосѣдъ и въ нему не пойдетъ не только съ поздравленіями, но и за дѣломъ. Даже путникъ въ это время не смѣетъ постучаться къ нему въ дверь; его не примутъ. Принятіе въ эти дни кого бы то ни было въ свой домъ считается весьма рискованнымъ, такъ какъ, по мнѣнію имеретина, отъ перваго, переступившаго порогъ дома, или, лучше сказать, отъ „счастливой“ или „несчастливой ноги“ его зависитъ судьба цѣлой семьи въ наступающемъ году. Единственный гость, который можетъ быть желаннымъ для имеретина въ этотъ день, это „меперхъ“, т. е. „поздравитель“. Онъ избирается цѣлою деревнею или, по крайней мѣрѣ, большею частью ея. „Меперхъ“, по мнѣнію народа, обладаетъ „счастливою ногою“. Обязанность его—обходить всё дворы съ поздравленіями и благожеланіями. Иной разъ трудно бываетъ выбрать „меперхъ“, потому что имъ можетъ быть далеко не всякій: онъ долженъ быть добрымъ, нравственнымъ, кроткимъ, независтливымъ, и,

главное, „нога“ у него должна быть „счастливая“, т. е., иначе говоря, онъ долженъ принести въ тотъ домъ, въ который приходитъ, миръ, спокойствіе и, вообще, всякое добро.

Придя въ тотъ или другой домъ (это бываетъ, обыкновенно, на другой или на третій день новаго года), „меперхъ“ беретъ чашу, наполненную зернами „гоми“ и, разбрасывая эти зерна по разнымъ угламъ, произноситъ: „вотъ столько золота и серебра; вотъ столько драгоценныхъ камней и жемчуга; вотъ столько коровъ и быковъ; столько лошадей и овецъ; столько куръ, индѣекъ, гусей, утокъ, столько амбаровъ хлѣба; столько погребовъ вина и вотъ столько лѣтъ мирной и счастливой жизни всему семейству“. При каждомъ „вотъ столько“... онъ разбрасываетъ по цѣлой горсти зеренъ. Въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семьяхъ, за недостаткомъ гоми, „меперхъ“ ударяетъ ногою или палкою по горящимъ поленьямъ, отчего поднимается вверхъ множество огненныхъ искръ; въ моментъ поднятія этихъ искръ онъ и произноситъ: „столько-же золота, серебра“ и т. д.

Затѣмъ, „меперхъ“, обращаясь къ домохозяину и его семьѣ, поздравляетъ ихъ съ новымъ годомъ. Ему даютъ закусить, ибо безъ этого его поздравленія и благопожеланія не имѣютъ значенія. Такъ поступаетъ „меперхъ“ вездѣ, во всѣхъ семействахъ. Вездѣ его угощаютъ, вездѣ его принимаютъ съ большимъ почетомъ, какъ предвѣстника всего хорошаго, всего лучшаго. Отъ „счастливой ноги“ его зависитъ все: и здоровье членовъ семьи, и урожай, и размноженіе скотины, и всякое благополучіе. Но если, паче чаянія, „меперхъ“ выдался не изъ счастливыхъ, то все пойдетъ худо: скотина пропадетъ, урожай и шелковичныхъ червей не будетъ, цыплята не выведутся и т. д. Отсюда понятно, какое значеніе имѣетъ „меперхъ“ въ деревнѣ. Въ немъ всѣ заискиваютъ, всѣ стараются дѣлать ему пріятное.

За 3—4 дня до Новаго года хозяинъ и хозяйка бесѣдливо находятъ дома и безустали хлопчутъ и готовятся,

вмѣстѣ со всѣми членами семьи, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить торжественный праздникъ. Предъ самымъ Новымъ годомъ хозяинъ отправляется въ лѣсъ и заготавливаетъ такъ называемыя „чичилаги“; это—выструганныя палочки орѣховаго дерева, сложенныя на крестъ и обвитыя кольцами шиповника, что знаменуетъ Иисуса Христа, распятаго на крестѣ съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ. Одинъ изъ такихъ деревянныхъ крестовъ ставится надъ дверями жилого помещенія, другой—надъ дверями „марани“ *), третій ставится надъ погребами, въ которыхъ хранится вино; четвертый—надъ дверями амбара и т. д. Съ вечера, предъ Новымъ годомъ, хозяйка начинаетъ печь пироги. Пироги пекутся разнообразныя: одни маленькыя, другія большыя; одни имѣютъ продолговатую, лучше сказать, цилиндрическую форму, другія—круглую, третья мѣшкovidную и т. д. Каждый изъ этихъ пироговъ имѣетъ свое особое назначеніе. Цилиндрическіе предназначены для поздравленія животныхъ: хозяинъ дома, поднося ихъ бывающимъ коровамъ, лошадямъ и т. д., говоритъ: „поздравляю васъ съ новымъ годомъ, будьте полны, какъ вотъ эти пироги!“. Мѣшкovidные пироги онъ несетъ къ виннымъ погребамъ и, поздравивъ ихъ съ новымъ годомъ, говоритъ: „наполняйтесь, какъ эти пироги (пироги начинены сыромъ и яйцами). Круглыя же пироги служатъ для поздравленія членовъ семьи. Самый большой пирогъ называется „общимъ“. Отъ него прежде всего отрѣзывается кусокъ для „мецеря“, а затѣмъ и для другихъ. Окончивъ печеніе пироговъ, хозяинъ и хозяйка принимаютъ укладывать въ лотокъ (плоская деревянная чаша) всевозможныя съѣстные припасы, предназначенныя для встрѣчи Нового года. Прежде всего въ лотокъ кладутъ „общій пирогъ“. Надъ пирогомъ кладутся нѣсколько штукъ зарѣзанныхъ куръ, индѣекъ, утокъ и т. д. На самомъ же верху кладется свиная голова. Вмѣстѣ съ съѣстными припасами на ло-

*) Домикъ, который служитъ для выдавливанія винограднаго сока.

товъ владутся „чичилаги“, а также разные драгоценности, какъ, напримѣръ: брошки, камни драгоценныя, золотыя и серебряныя монеты, крестики и т. п. Если же нѣтъ такихъ цѣнныхъ вещей, то обходятся, обыкновенно, гривенниками и двугривенными. Нагрузивъ, такимъ образомъ, лотокъ и поставивъ около него кувшинъ, наполненный виномъ, ложатся спать.

Но если взрослые спать, зато дѣтямъ въ эту ночь не спится. Надо замѣтить, что у имеретинъ, въ деревенской жизни, Новый годъ считается и дѣтскимъ праздникомъ, точно такъ же, какъ у русскихъ, напримѣръ, Рождество Христово. Подарки, въ родѣ конфетъ, кренделей, фруктовъ, пирожковъ, игрушекъ и т. п., у имеретинъ дѣти получаютъ не на Рождество, а на Новый годъ. Но не это служитъ причиной ихъ бессонницы: имъ не даетъ спать желаніе „побѣдить“. Существуетъ повѣрье, что, кто изъ дѣтей раньше другихъ встанетъ на Новый годъ и закутитъ чѣмъ-нибудь, хоть, напр., пирожкомъ, тотъ и „побѣдитъ“, т. е., будетъ что всемъ преуспѣвать въ теченіе цѣлаго года. Понятно, поэтому, съ какимъ нетерпѣніемъ каждое изъ нихъ ждетъ-не дожидется наступленія утра. Помимо того, Новый годъ для имеретинскихъ дѣтей имѣетъ значеніе и исправительное. Имъ заранѣе внушается старшими, что на Новый годъ они должны быть образцомъ послушанія и неуклоннаго исполненія всяческихъ приказаній, исходящихъ отъ старшихъ, если они хотятъ приобрести хорошія привычки, — кто дурно будетъ вести себя на Новый годъ, тотъ и весь годъ будетъ отличаться дурнымъ поведеніемъ. Поэтому дѣти стараются быть въ этотъ день приличными, послушными, исполнительными. Даже шалуны и сорви-головы превращаются на Новый годъ въ кроткихъ агнцевъ.

Послѣ полуночи, съ пѣніемъ цѣтуконъ, по всей деревнѣ начинаютъ раздаваться выстрѣлы; къ разсвѣту они становятся все чаще. Вмѣстѣ съ первыми выстрѣлами вскакиваютъ дѣти и немедленно принимаются закусывать; для этого каждому

изъ нихъ дается еще съ вечера по пирожку, называемому „лу-ла“ (въ буквальной переводѣ—стволь), чтобъ они могли „по-бѣднть“. Несмотря на ранній часъ, поднимаются и старшіе. Прежде всѣхъ встаетъ самъ хозяинъ дома. Ничего не говоря никому, онъ зажигаетъ свѣчу и, взявъ съ собою лотокъ съ при-пасами и кувшинъ вина, выходитъ на дворъ. За нимъ запира-ютъ дверь изнутри. Обойдя вокругъ дома три раза вмѣстѣ съ своею ношею, онъ подходитъ къ запертой двери и говоритъ:

— „Отворите!“

— „Что несешь?“ отвѣчаютъ изнутри.

— „Несу вамъ миръ, благоденствіе и счастье!“

— „Что несешь?“ снова спрашиваютъ изнутри, не от-воряя двери.

— „Несу вамъ золото, серебро, камни драгоценные и жемчугъ“.

— „Что несешь?“ въ третій разъ спрашиваютъ его. Въ отвѣтъ говорится:

— „Несу вамъ милости Бога и царя!“.

При этихъ словахъ дверь отворяется и въ домъ входитъ озябшій хозяинъ.

Не во всѣхъ домахъ старшіе принимаютъ на себя эту роль; иной разъ тоже самое дѣлаютъ, по порученію старшихъ, и другіе члены семьи, мужескаго пола. Кто-бы ни былъ исполнителемъ этой роли, въ данномъ случаѣ онъ называется „мавліери“, т. е. поздравитель, — тоже, что и „меперхъ“; разница только въ томъ, что „мавліери“ избирается изъ домашнихъ, а „меперхъ“ непременно изъ чужихъ, посторон-нихъ. Войдя въ домъ, „мавліери“ произноситъ: „переступилъ чрезъ порогъ, да поможетъ вамъ Богъ!“ и затѣмъ: „поздрав-ляю васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ; дай Богъ вамъ встрѣтить много такихъ праздниковъ“. Послѣ этого, по-ставивъ лотокъ и кувшинъ, онъ, подобно „меперхъ“, беретъ тарелку съ гоми и, разбрасывая его горстями по разнымъ

углажь, говорить: „вот столько серебра, вот столько золота и т. д.“, т. е. говорить тоже самое, что и „меперхэ“. Пожелавъ семейству всякаго добра, „мавліери“ подходят къ каждому члену семьи и говорятъ: „съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“, причемъ даетъ кусочекъ сахару, который тотъ сейчасъ же съѣдаетъ. Послѣ этого онъ беретъ драгоценности, какія только имѣются на лотѣ, и предлагаетъ каждому члену семьи не только щупать ихъ, но и класть въ ротъ. Сахаръ тутъ служитъ символомъ сладостной жизни въ наступающемъ году, ощупываніе же драгоценныхъ вещей—символомъ обогащенія.

Наконецъ, наступаетъ утро. Большинство уже давно на ногахъ, и только кое-гдѣ раздаются запоздалые выстрѣлы проспавшихъ. Каждый держитъ себя по установленному обычаю. Всякій приказъ, всякая просьба немедленно приводятся въ исполненіе безпрекословно. Всякая неприятность, всякое недоразумѣніе сразу улаживаются. Полный порядокъ, полное согласіе, взаимная вѣжливость и предупредительность проглядываютъ въ дѣйствіяхъ всѣхъ членовъ семьи.

Спустя нѣсколько времени, вся семья усаживается за закуску. Никогда, ни въ какой праздничный день имеретинъ не позволяетъ себѣ ѣсть что-нибудь до обѣдни, на Новый же годъ это не только допускается, но считается, въ силу обычая, даже обязательнымъ. Необходимую принадлежность этой закуски составляетъ свиная голова, которая сберегается для этой цѣли, обыкновенно, съ Рождества. Послѣ закуски отправляются въ церковь слушать обѣдню, по окончаніи которой начинается взаимное поздравленіе другъ друга съ торжественнымъ праздникомъ. Поздравленія эти происходятъ внутри ограды церковной, при чемъ мѣняются яблоками, грушами, конфетами и кусками сахару.

Учитель Кутаисскаго городского училища *В. Ломинадзе*.

ПОѢЗДКА ВЪ РАЧУ.

(ПУТОВНЫЯ ЗАМѢТКИ).

Нашъ путь лежалъ черезъ Гелати, Тьябули, Ниворъ-Цминду и Схаву къ границѣ Тифлисскаго уѣзда. Гелати—первая деревня отъ Кутанса на пути въ Рачу. Она замѣчательна монастыремъ того же имени и заселена крестьянами, нѣкогда составлявшими собственность монастыря. Почва земли здѣсь глинистая, неплодородная; но жители не бѣдствуютъ, благодаря близости къ городу, куда они свозятъ и съ выгодой сбываютъ все, что даетъ имъ скудная земля (фрукты, огородныя растенія и т. п.). Между прочимъ, гелатскіе крестьяне очень много продаютъ бѣлой глины, которою очень богато это селеніе и которую городскіе жители, особенно жительницы (туземки), употребляютъ для мытья головы. Такая глина называется погрузински: *ოვობ სუბბო ღოჭს*, т. е. земля для мытья головы. Достоинство ея заключается въ томъ, что она прекрасно очищаетъ головную кожу отъ нечистотъ и дѣлаетъ волосы чрезвычайно мягкими, шелковистыми, за что особенно и цѣнятся туземцами. Глина эта въ большомъ употребленіи во всѣхъ деревняхъ Имеретіи, гдѣ только она добывается. Гелатская глина, однако, считается лучше другихъ.

Бѣлое зданіе знаменитаго Гелатскаго монастыря помѣщается на возвышенномъ мѣстѣ, среди роскошной растительности окружающихъ его съ двухъ сторонъ горъ; отсюда, съ этой возвышенности, открывается восхитительный видъ на Ріонскую долину. Самый монастырь своею сѣдою древностью и своими массивными зданіями производитъ глубокое впечатлѣніе. Основанный царемъ Давидомъ-Возобновителемъ (1089—

1125), онъ стоитъ, несокрушимый, уже восемь столѣтій, сохранивъ въ своихъ нѣдрахъ многіе памятники грузинской исторіи.

Объ основаніи этого монастыря сохранилась въ народѣ слѣдующая легенда.—

Давидъ-Возобновитель сталъ строить монастырь на горѣ, господствующей теперь надъ монастыремъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ, была поляна, поросшая густою травою. На ней паслись лошади и катеръ царя. Однажды слуги, караулившіе этихъ животныхъ, услышали съ неба колокольный звонъ. Объ этомъ донесли царю. Царь немедленно направился на поляну со своею свитою и расположился на ней ночевать. Онъ прилѣгъ и заснулъ, приказавъ окружающимъ людямъ, чтобы немедленно разбудили его, какъ только услышатъ звонъ. Наступила полночь, и съ неба послышался звонъ. Слуги разбудили царя, который, услышавъ звонъ, палъ на колѣни и сталъ молиться Богу вмѣстѣ съ окружающими его лицами. Послѣ этого Давидъ бросаетъ уже возведенныя на горѣ стѣны и приказываетъ начать новую постройку на полянѣ. Но вотъ—бѣда: ночью кто-то разрушалъ всё то, что рабочіе успѣвали возводить днемъ. Это продолжалось изо дня въ день, такъ что не предвидѣлось конца работамъ. Тогда царь назначилъ большую награду тому, кто поймаетъ или укажетъ врага, препятствующаго построенію монастыря. За это дѣло взялся одинъ изъ царскихъ слугъ. Онъ попросилъ только дать ему свѣжую воловьшу шкуру и по стакану молока и воды. Все это ему было дано. Пошелъ слуга и, разостлавъ воловьшу шкуру близъ опушки лѣса, окружавшаго поляну, поставилъ на нее стаканы съ молокомъ и водкою, а самъ спрятался въ кустахъ. Наступила полночь, и изъ лѣсу вышелъ чортъ и направился къ стѣнамъ, но, увидѣвъ предъ собою воловьшу шкуру, усѣлся на ней, выпилъ воды и молока и, опьянѣвши, тутъ же и заснулъ. Этимъ воспользовался слуга: подкрался къ чорту, завернулъ его въ

воловью шкуру, связалъ по рукамъ и ногамъ и въ такомъ видѣ доставилъ царю. Царь обрадовался, наградилъ слугу, а чорта сталъ держать при себѣ. Но постройка монастыря все же не подвигалась впередъ. Тогда царь обратился къ чорту съ вопросомъ, почему онъ не даетъ строить храмъ. „Пока ты меня не возьмешь въ помощники“, отвѣтилъ ему чортъ, „до тѣхъ поръ монастырь не будетъ отстроенъ“. Дѣлать было нечего: царь согласился принять чорта въ сотрудники и постройка быстро двинулась впередъ. Чортъ притащилъ одинъ большой камень и положилъ его въ основаніе одного угла: стѣну съ этой стороны рабочіе быстро возвели. Затѣмъ принесъ онъ другой большой камень и положилъ у другого угла: и съ этой стороны постройка пошла быстро. Такъ онъ притащилъ всѣ угловые камни, за исключеніемъ, впрочемъ, одного, который былъ принесенъ самимъ Давидомъ. Когда кончили постройку, Давидъ обратился къ св. Георгію за совѣтомъ, что сдѣлать съ чортомъ. Св. Георгій перекрестилъ чорта, и онъ обратился въ „рапи“ (связочная лошадь). Чортъ былъ взнузданъ трехпудовою уздою, и на немъ Давидъ впоследствии ѣздилъ между Гелати и Бичвинтою (теперь — Пицунда). Но вотъ однажды слуги царя, вопреки привязанію его, сняли съ рапи трехпудовую узду и пустили его на волю. Рапи немедленно обратился въ чорта и скрылся въ подземельяхъ Гелатскаго монастыря“.

Въ 6 часовъ вечера мы уже были въ Ткибулахъ, которые достаточно извѣстны, какъ богатое мѣсторожденіе каменнаго угля.

Все пространство отъ Гелати до Ткибулъ представляетъ бѣднѣйшій участокъ Кутаисскаго уѣзда, извѣстный подъ названіемъ Окриби. Онъ заселенъ крестьянами, отличающимися замѣчательнымъ трудолюбіемъ и энергіею и тѣмъ не менѣе бѣднѣйшими не только во всемъ уѣздѣ, но и во всей губерніи, по причинѣ безусловной скудости ихъ земли. Ни земле-

дѣліе, ни винодѣліе тутъ не вознаграждаютъ трудъ земледѣльца; кукуруза даетъ очень плохіе урожаи; и только гоми (родъ проса) рождается изобильно и, притомъ, весьма хорошаго качества, но его сѣютъ въ ограниченномъ количествѣ, — сколько нужно для себя; для продажи его не сѣютъ, хотя цѣна его никогда не падаетъ ниже 1 р. 20 коп. за пудъ. Происходить это отъ того, что зерно гоми съ большимъ трудомъ очищается отъ шелухи, и эта очистка обходится очень дорого.

Вѣроятно, крайняя скудость почвы заставила здѣшнюю крестьянку стать рядомъ съ мужчиною на нивѣ и исполнять вмѣстѣ съ нимъ всѣ тяжѣлыя работы. Нигдѣ во всей Имеретіи, исключая глухихъ рачинскихъ деревень, женщина не пахать, не сѣять, не рубить дровъ, а въ Окрибахъ она все это дѣлаетъ.

Та же самая скудость почвы заставила окрибцевъ обратиться къ разнымъ промысламъ: во всѣхъ-почти домахъ окрибскихъ крестьянъ занимаютъ выдѣлкою изъ мѣстной глины „веци“ (родъ глиняной чашки съ плоскимъ дномъ и съ нѣсколькими-приподнятыми вверхъ краями), на которыхъ въ Имеретіи пекутъ чуреки. Почти вся Имеретія снабжается этою необходимою кухонною принадлежностью изъ Окрибъ чрезъ Кутаисъ, куда еженедѣльно, по пятницамъ и воскресеньямъ, крестьяне свозятъ ее въ громадномъ количествѣ. Такъ какъ 40 штукъ веци стоитъ въ продажѣ не менѣе двухъ руб., а хорошая хозяйка можетъ за недѣлю приготовить ихъ до 100 штукъ, то ремесло это составляетъ не малую поддержку для занимающихся имъ.

Другую доходную статью, хотя и менѣе распространенную, но зато болѣе прибыльную, въ Окрибахъ составляетъ выдѣлка изъ мѣстнаго каменнаго угля, называемаго гиперомъ („гипергезъ-ва“), четовъ, мундштуковъ, браслетовъ, крестиковъ и другихъ подобныхъ вещей. Особенно много расходуется четовъ. Онѣ дѣлаются изъ зеренъ различной величины, начиная отъ

самыхъ крупныхъ до самыхъ мельчайшихъ. Имеретинны—больше любители четокъ; особенно онѣ нравятся женщинамъ и пожилымъ людямъ; первыя носятъ ихъ для украшенія, а вторыя—для забавы. Въ послѣднее время четки въ большомъ количествѣ раскупаются проѣзжими на нѣкоторыхъ станціяхъ желѣзной дороги.

Вмѣстѣ съ бѣдностью окрибцы отличаются и отсталостью въ умственномъ отношеніи. Ихъ скудоуміе осмѣивается во множествѣ анекдотовъ. Для примѣра приведемъ два такихъ анекдота.—

1) Окрибець поймалъ зайца, принесъ домой и пустилъ въ свою бахчу (фруктовый садъ у имеретинъ), сказавъ: „выростеть, тогда зарѣжу“. Спустя два года, онъ сталъ искать въ бахчѣ зайца, но, конечно, не нашелъ. Вдругъ онъ замѣтилъ за бахчою, на полянѣ, большого сѣраго осла; принявъ его за зайца, онъ со словами: „вотъ онъ, вотъ онъ, мой заяцъ! какой онъ выросъ большой!“ бросился на него и, не долго думая, тутъ же и зарѣзалъ.

2) Окрибцу захотѣлось купить катера. Но какъ быть: въ карманѣ всего только 2 рубля; кто дастъ за 2 рубля катера? Думалъ онъ, думалъ... и, наконецъ, попалъ на такую мысль: купить не катера, а его яйцо, изъ котораго, все-равно, катеръ выйдетъ. Съ этою мыслью онъ отправился въ Кутансъ. Здѣсь онъ приходитъ въ духанцигу и спрашиваетъ: „Нѣтъ-ли у тебя, такого яйца, изъ котораго катеръ выходитъ?“ Сообразительный духанцигъ сразу смѣкнулъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло и отвѣтилъ: „есть, есть, братецъ, только дорого стоитъ“. Окрибець проситъ показать, и духанцигъ уназываетъ ему на арбузъ. Торгуются, и, заломивши сперва пять рублей за штуку, духанцигъ соглашается, въ видѣ снисхожденія, уступить яйцо за два рубля. Окрибець обвязалъ платкомъ арбузъ и несетъ. По дорогѣ пришлось ему взбираться на гору. Вдругъ арбузъ выпалъ у него изъ рукъ, повалился подъ го-

ру и ударился о кустъ, въ которомъ, оказывается, спалъ заяцъ. Заяцъ, конечно, выбѣжалъ изъ куста и пустился бѣжать. Окрибецъ, увидѣвъ его, вообразилъ, что онъ и есть тотъ катеръ, который долженъ былъ выйти изъ арбуза, и во весь духъ погнался за зайцемъ, махая руками и крича: „держите, держите!.. это мой катеръ!“.

Со станціи Тибулъ начинается подъемъ на Наверальскій перевалъ, за которымъ начинается уже Рача. Подъемъ этотъ покрытъ превосходнымъ, густымъ, повидимому, еще не тронутымъ руками человека, лѣсомъ. Дубъ, букъ, каштанъ, грабъ и другія деревья чередуются здѣсь между собою, а на самой высотѣ, со стороны Рачи, видны уже хвойныя деревья: ель, сосна, пихта; съ пониженіемъ мѣстности лѣсъ постепенно рѣдѣетъ и хвойныя деревья опять уступаютъ мѣсто лиственнымъ. Переночевавъ въ духанѣ, гдѣ за все брали съ насъ тройную цѣну, мы на другой день, чуть-свѣтъ, стали подыматься на вершину горы. Подъемъ оказался чрезвычайно труднымъ: ежеминутно намъ угрожала опасность сорваться внизъ вмѣстѣ со своими лошадьми. Но мѣстныя лошади привычны къ такому подъемамъ, и несчастія при подобныхъ переѣздахъ рѣдко случаются. Достигнувъ вершины, мы какъ-то невольно обернулись назадъ. Чудесная панорама представилась нашимъ глазамъ: все пространство, пройденное нами отъ Кутайса, развернулось передъ нами въ видѣ огромной изумрудной чаши, сплошь покрытой курчавою зеленью; утренніе лучи солнца, разлившіеся по этой зелени, придавали картинѣ особенную прелесть.

Существуетъ слѣдующее преданіе о происхожденіи слова Рача: рассказываютъ, что одинъ изъ имеретинскихъ царевичей или князей, взобравшись на Навераль, съ цѣлью поохотиться, увидѣлъ предъ собою громадную впадину, т. е. Рачу, и воскликнулъ будто-бы: „ра-ча?“ т. е. какой володецъ?!..

Скоро мы проѣхали густые лѣса сѣвернаго склона Накерала и къ 11 часамъ уже были въ Никорь-Цминдѣ. Это ближайшая къ Кутансу рачинская деревня (50 верстъ) и первая не только по мѣсту нахождения, но и во всѣхъ отношеніяхъ. Она лежитъ почти на одномъ уровнѣ съ Накеральскими горами и представляетъ превосходную возвышенную равнину, весьма богатую пастбищными и сѣновосными лугами и дающую вполне достаточные урожаи не только пшеницы и ячменя, но даже и кукурузы. Высокое положеніе, открытая, ровная мѣстность, близость хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ дѣлаютъ воздухъ Никорь-Цминды необыкновенно чистымъ, прохладнымъ и здоровымъ. Къ этому нужно прибавить еще дешезизну сѣстныхъ припасовъ. Все это заставляетъ думать, что въ недалекомъ будущемъ, когда сообщеніе чрезъ Накераль улучшится, Никорь-Цминда сдѣлается прекрасною лѣтнею дачею не только для кутансцевъ, но и для болѣе отдаленныхъ жителей Кутанской губерніи. Къ удобствамъ жизни въ Никорь-Цминдѣ надо отнести и небольшое прѣсноводное озеро—Шаорк; въ необыкновенно чистыхъ водахъ его во множествѣ водится вкусная шаорская форель. Озеро это, даетъ начало рѣкѣ того же имени, также богатой форелями. Форель эта здѣсь такъ дешева, что мы купили 40 штукъ ея за 40 коп. Вообще, надо замѣтить, что Рача богата форелью,—ее во множествѣ ловятъ въ каждой рѣченкѣ.

Далѣе Никорь-Цминды мѣстность уже теряетъ характеръ равнины: то и дѣло предъ путникомъ появляются отдѣльныя горы, между которыми находятся глубокія ущелья и пропасти. Въ этихъ-то ущельяхъ и пріютилось, главнымъ образомъ, населеніе. На самыхъ же горахъ и ихъ склонахъ рѣдко кто живетъ. Поселенія весьма часты, вслѣдствіе недостатка земли. Вообще, по скученности населенія рачинская деревня похожа на городъ. Дворы, составляющіе обыкновенную принадлежность деревенской усадьбы, здѣсь почти отсутствуютъ. Всѣ

земли, какія только имѣются у рачинца, идутъ подъ постройку, пашни и виноградники. Каждый годный клочекъ земли чѣмъ-нибудь да занятъ. Вообще, видно, что тутъ земля цѣнится очень дорого. Говорятъ, что кцева (900 кв. с.) земли въ Рачѣ, сплошь и рядомъ, продается за 1000 рублей и больше. Между тѣмъ-какъ таже самая кцева въ самой лучшей части Рюнской низменности стоитъ не болѣе 200—250 р. Дороговизна эта объясняется, конечно, большою свученностью населенія, съ годами все болѣе и болѣе увеличивающагося. Въ чужой край рачинцы не любятъ выселяться.

При всей недостаточности и маломъ плодородіи земли, рачинецъ не только не бѣдствуетъ, но даже, напротивъ, живетъ положительно лучше своихъ сосѣдей, имеретинъ и мингрельцевъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ лучшія условія. Происходитъ это потому, что рачинцы замѣчательно трудолюбивы и энергичны и работаютъ, можно сказать, безъ отдыха. Въ то время, когда въ Имеретіи, послѣ сбора урожая, вездѣ отдыхаютъ, предаются веселью и пирушкамъ, рачинецъ уже ищетъ для себя новой работы въ отходномъ промыслѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что все крестьянское населеніе Рачи занимается этимъ промысломъ. Дома остаются только дѣти да старики, а все что есть среди мужского населенія страны здороваго, сильнаго, могущаго работать, все это уходитъ на заработки. Одни идутъ въ Кутаисъ, гдѣ они занимаютъ, по преимуществу, плотничествомъ и столярнымъ дѣломъ, другіе направляются въ Тифлисъ и Владикавказъ, который отстоитъ отъ Рачи, по горной дорогѣ, верстъ на 80—90. Изъ этихъ мѣстъ рачинцы возвращаются домой къ веснѣ, во времени полевыхъ работъ, и послѣ сбора урожая снова уходятъ на заработки. Этими заработками рачинецъ не только покрываетъ всѣ свои домашніе расходы, но не рѣдко сколачиваетъ и порядочный капиталецъ. Изъ всѣхъ видовъ рабочихъ, высылаемыхъ Рачою въ разные уголки Грузіи, осо-

бенно интересными являются „муши“, т. е. рабочіе, специальное назначеніе которыхъ состоитъ въ перетаскиваніи на спинахъ разнаго рода тяжестей. Въ Кутаисѣ муши—исключительно рачинцы; ни мингралець, ни гуріецъ, ни имеретинъ этимъ промысломъ не занимается. Даже въ Тифлисѣ до послѣдняго времени муши, по большей части, рачинцы; только въ недавнее время къ нимъ прибавились другія національности. Казалось-бы, что, при современномъ развитіи перевозочныхъ средствъ въ городахъ (огромное количество, напримѣръ, дрогъ, дрожекъ и другого рода экипажей), муши должны были бы исчезнуть, на дѣлѣ же число ихъ, въ Кутаисѣ, по крайней мѣрѣ, изъ года въ годъ растетъ. Это объясняется тѣмъ, что муша довольствуется самою маленькою платою и отличается добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. Несмотря на мизерную плату, въ концѣ концовъ, муши, говорятъ, своплаютъ порядочное количество денегъ, такъ какъ у нихъ всегда есть работа. Между ними есть атлеты по сложенію и силѣ, поднимающіе громадныя тяжести. Такіе силачи составляютъ гордость не только той деревни, откуда вышли, но и всѣхъ мушей. Чувство товарищества у мушей замѣчательно развито. Они не только не мѣшаютъ другъ другу въ заработкахъ, но во многихъ случаяхъ помогаютъ нуждающимся изъ своей среды. Если, напримѣръ, заболѣетъ кто либо изъ нихъ, муши всей артелью ухаживаютъ за нимъ и, если у заболѣвшаго нѣтъ денегъ, гвчатъ его на общій счетъ. Живутъ они также артелью, по нѣскольку человекъ вмѣстѣ. Въ часы отдыха они собираются вмѣстѣ: поютъ, пляшутъ и веселятся.

Рачинскія женщины являются вполне достойными помощницами своихъ мужей, отцовъ и братьевъ. Оставаясь дома большую часть года, иной разъ, совершенно одиѣ, онѣ не только справляются съ сложнымъ хозяйскимъ дѣломъ, но не рѣдко, за отсутствіемъ мужчинъ, исполняютъ и чисто-мужскія полевыя работы: папуть, сѣютъ и т. д.

Рачинцевъ-крестьянинъ въ высшей степени правдивъ и любезенъ: когда онъ видитъ у себя гостя, онъ насъ, можно сказать, превращается въ радушіе и веселіе. Преславенное грузинское гостепріимство сохранилось здѣсь во всей своей первобытной чистотѣ.

Рачинскія блюда отличаются простотою. Самыя любимыя и распространенныя кушанья въ Рачѣ считаются „лори“, т. е. копченое свиное мясо; его встрѣтишь и въ домѣ перваго богача, и въ саклѣ послѣдняго бѣдняка; и можно удивляться тому количеству копченаго свиного жиру, какое съѣдаетъ рачинецъ. Къ числу характерныхъ особенностей стола у рачинцевъ, нужно отнести отсутствіе горячаго, супа, безъ котораго не можетъ обойтись столъ образованнаго человѣка.

Вина въ Рачѣ получается столько, сколько нужно для мѣстнаго потребленія. Оно не особенно высокаго достоинства, но пріятно на вкусъ. Исключеніе составляетъ такъ называемое *килиановское* вино въ деревняхъ Толѣ и Хванчарѣ. Оно по своему достоинству не только не стоитъ ниже прославленнаго кахетинскаго, но, по словамъ знатоковъ, во многомъ даже превосходитъ его; только районъ распространенія этого вина весьма узокъ: онъ ограничивается всего двумя-тремя деревнями.

Путь нашъ мѣнялся поминутно: то мы спускались въ глубокія ущелья, и надъ нами громоздились горы, склоны которыхъ были засѣяны пшеницею и ячменемъ, то поднимались на горы, чтобы потомъ снова затеряться среди пропастей. Жителю равнины трудно повѣрять, чтобы на такой высотѣ можно было сѣять хлѣбъ, какъ это встрѣчается здѣсь. Хлѣбъ во многихъ мѣстахъ былъ уже вполне зрѣлъ и кое-гдѣ уже проходила жатва. До насъ долетали пѣсни рабочихъ, которые копошились гдѣ-то далеко надъ нами. Замѣчательна пѣсня, которую рачинцы поютъ во время жатвы: она начинается медленно, но постепенно темпъ ея учащается,

и, сообразно съ этимъ, ускоряется и работа, и, наконецъ, темпъ доходитъ до такой быстроты, что вся пѣсня обращается въ отдѣльныя быстрыя выкрикиванія, вродѣ: „эпъ, эпъ, опъ, опъ!“ А жнецы при этомъ до того ускоряютъ работу, что хлѣбъ валится на землю съ удвительною быстротою.

Вообще, рачинскія пѣсни, поются-ли онѣ во время работы, или на пирахъ, очень пріятны для слуха, стройны и всѣ-почти—хоровыя и поются на двѣ партіи. Партіи поютъ по очереди: чтб пропоетъ первая партія, то повторяетъ другая. Изъ такихъ пѣсень мнѣ особенно понравилась пѣсня подъ названіемъ „Кведрула“. Кведрула—названіе одной небольшой рачинской рѣченки, которая, во время половодья или сильныхъ дождей, разлившись, дѣлается страшно бѣшеной и уноситъ съ собою все, что попадаетъ на пути. Своими разливами она наноситъ сильный ущербъ жителямъ, унося съ собою ихъ добро, портя ихъ нивы и разрушая мельницы и другія постройки, попадающіяся по ея берегамъ. Вотъ объ этихъ-то разрушительныхъ дѣйствіяхъ Кведрулы и повѣствуется въ данной пѣснѣ. Вотъ текстъ ея и подстрочный переводъ къ нему на русскій языкъ.

ქვედრულა მოდიდებულა, თან მოსქეს შა და ბარო.

Кведрула разлилась, съ собою несетъ и горы и доли.

ლალაშვილს დაუქადა: «მე მომდის ბერი ქერო».

Лалашвили *) похвастался: «у меня много ячменя».

«შენი ქვედრულა მოგიკვდეს, თუ ვერ გაცვალოს ფერო!»

«Пусть твоя Кведрула погибнетъ, если она не заставитъ тебя поблѣднѣть!»

კალო-სამბელი მოსცადა, სამახი კოდი ქერო,

Гумно и саманникъ, и 300 кодъ **) ячменя унесла,

წოსქელოს უკან გაქადა: წადი და იქა უქეკო!

И мельницу туда-же отослала: ступай и тамъ мели!

საცერიც უკან გაქადა: წადი და იქა სცერო!

И сито туда-же отправила: ступай и тамъ сѣй (муку)!

*) Лалашвили—фамилія.

**) Кодა—мѣра ошнучихъ тѣлъ; рачинская кода=3 п. и 13 ф.

და სახლასი სტანას: «გაო, რას მოგესწარას!

Хозяйка плачетъ: «о, горе мнѣ!

გულთ სტუმარი მომივა, ჭადვზე ვარ მასმინებულა!

Дорогой гость придетъ, только чурекъ и могу подать!

ჩემსათ სახლთ დავგებუ, ცოცხლ ვარ მომიტანას.

Чиклою *) домъ водмела, не вспомнила даже о метлѣ.

ცხინვლით წუგლი მოვტანებ, კუპაც ვარ მომიტანას.

Рѣшетомъ воду принесла, не вспомнила даже о кувшинѣ».

По дорогѣ намъ на каждомъ шагу попадались крошечныя мельницы, весьма оригинально устроенныя съ помощью ручейковъ: къ источнику приставленъ жолобъ, къ этому жолобу другой и т. д., пова не доходятъ до мѣста, удобнаго для сооруженія маленькаго мельничнаго домика; по жолобамъ, подпертымъ снизу, идетъ вода источника и приводитъ въ движеніе маленькій жерновъ мельницы. Такія мельницы, благодаря замѣчательному изобилію источниковъ, имѣются здѣсь чуть не въ каждомъ дворѣ. Большія же мельницы въ Рачѣ очень рѣдки, потому что она, вообще, бѣдна рѣками.

На другой день, въ 6 часовъ вечера, мы были въ Схаввѣ. Деревня эта занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе и пользуется весьма здоровымъ климатомъ. Между прочимъ, и самое названіе ея происходитъ (?) отъ სხვა и ჰუა, т. е. другой воздухъ, въ смыслѣ—лучшій воздухъ. По преданію, она служила лѣтнею резиденціею имеретинскихъ царей. Указываютъ даже мѣсто, гдѣ будто бы стоялъ дворецъ царей. Мѣсто это представляетъ открытую плоскость, верстъ въ 7—8 кругомъ. Въ настоящее время оно занято канцеляріею схавскаго сельскаго общества. Отъ дворца, если онъ былъ, теперь не осталось и слѣда, кромѣ полуразрушеннаго камня. Зато прекрасно сохранились крѣпости, служившія, согласно тому же преданію, защитою дворцу. Одна изъ этихъ крѣпостей представляетъ грозную твердыню. Она совершенно дѣла и стоитъ на скалѣ, взлѣзть на которую чрезвычайно трудно. Эта мало-

*) Чикла или лечаль—годовалое покрывало у туземцевъ на Кавказѣ.

доступность, должно быть, породила у схавцевъ легенду о богатомъ кладѣ, который будто бы зарытъ въ этой вѣрности.

Насупротивъ Схавы, въ деревнѣ Земо-Крихи, помѣщающейся на вершинѣ горы, находится маленькая старинная церковь, основаніе которой, какъ и другихъ памятниковъ старины въ Грузіи, народъ настойчиво приписываетъ царицѣ Тамарѣ. Въ доказательство того, что церковь дѣйствительно построена Тамарою, мнѣ рассказывали, что въ ней по сіе время сохранилось старинной работы большое изображеніе царицы. Церковь—небольшая, четырехугольной формы, какъ и многія другія наши старинныя церкви, и построена изъ мѣстнаго камня. Надъ дверями храма съ внѣшней стороны красуются, художественно выполненныя на камнѣ, рѣзные работы, представляющія разнообразныя сочетанія линий. Такія украшенія видны и вокругъ оконъ Никорцминдской церкви, тоже очень старой; но тамъ рисунки менѣе богаты, чѣмъ здѣсь. Внутренность храма состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Первое отдѣленіе, параллельное собственно храму, представляетъ небольшую продолговатую комнату, уставленную почернѣвшими отъ времени образами съ ячейками для драгоценныхъ камней, въ большинствѣ случаевъ уже пустыми. Второе отдѣленіе, или собственно храмъ, гдѣ и теперь собираются молящіеся, представляетъ наиболѣе интереса. Здѣсь, помимо множества изображеній святыхъ на потолкѣ, на стѣнахъ и на столбахъ и вромѣ большого количества почернѣвшихъ образовъ въ иконостасѣ, есть 4 изображенія царицы Тамары такого же письма, какъ и все другое. Два изъ нихъ находятся на правой сторонѣ иконостаса и представляютъ царицу (трудно сказать,—въ сидячемъ или въ стоячемъ положеніи, такъ какъ нижнія части изображеній уже стерлись), съ короною на головѣ и съ извѣстнымъ характернымъ положеніемъ рукъ, какъ бы для молитвы. Царица имѣетъ почти нормальный ростъ и выглядит нѣсколько старѣе, чѣмъ

на фотографическихъ карточкахъ ея, существующихъ въ продажѣ. Ни въ чемъ другомъ разницы между изображеніями, имѣющимися здѣсь, и фотографіями царицы Тамары нѣтъ никакой. Два другихъ изображенія ея находятся на лѣвой сторонѣ иконостаса и представляютъ царицу въ меньшемъ видѣ и безъ короны, съ гладко расчесанными черными волосами.

Съ внѣшней стороны храма обращаютъ на себя вниманіе вставленные въ стѣны тамъ и сямъ, гладко полированные, цвѣтные квадратные камни, на которыхъ имѣются надписи церковно-грузинскими буквами. На двухъ изъ нихъ, находящихся рядомъ, крупными красными буквами написано слѣдующее: на 1-мъ— „უფალე განუსკენე სულს მონისა ჴენისა ჴკელისსა“ т. е. Господи, упокой душу рабыни твоей Швелы; на 2-мъ— „უფალე განუსკენე სულს მონისა ჴენისა ფუთოსისსა“, т. е. Господи, упокой душу рабыни твоей Путы. Пута и Швела, говорятъ, были служанки царицы Тамары, похороненныя въ этой церкви. Вообще, надписей тутъ на вставленныхъ и иныхъ камняхъ весьма много. Жаль только, что эти камни, выпавшіе изъ главнаго корпуса храма, вслѣдствіе его ветхости, или уносятся мѣстными жителями для своихъ домашнихъ надобностей, или же шлифуются и вдѣлываются въ новыя стѣны, возводимыя вокругъ пришедшей въ полную ветхость старой церкви.

Подъ конецъ нашего путешествія мы посѣтили маленькую деревню Мравалдзали. Она расположена у Шмерскихъ высотъ и составляетъ крайній пунктъ Рачи: за Шмерскими горами уже начинается Тифлисская губернія. Деревня эта замѣчательна, между прочимъ, по своему высокому положенію: она лежитъ выше всѣхъ рачинскихъ деревень; облака здѣсь несутся, кажется, въ нѣсколькихъ саженьяхъ надъ головою; въ серединѣ іюля въ ней такъ свѣжо, что приходится надѣвать пальто; ячмень едва успѣваетъ созрѣвать до конца лѣта,

о пшеницѣ же и рѣчи не можетъ быть. Населеніе, какъ и вездѣ въ Рачѣ, скученное, живетъ замѣчательно грязно: домá такъ и кажутся выросшими изъ навоза, который тутъ цѣнится очень дорого, такъ что многіе держатъ на зиму лишнюю скотину, чтобы къ веснѣ имѣть навозъ. Жители Мравалдзаль оказались вовсе не бѣдняками, какъ этого можно было ожидать, судя по ихъ суровой родинѣ; наоборотъ, многіе весьма зажиточны. Объясняется это тѣмъ, что они цѣлыми партіями направляются въ Тифлисъ на заработки. Последний отстоитъ отъ Мравалдзаль всего только на 60—70 верстъ (черезъ горы). Эта-то близость къ богатому городу и благопріятствуетъ матеріальнымъ выгодамъ мравалдзальцевъ.

Учитель Кутаисскаго городского училища *III. Ломинадзе.*

РАЧИНСКІЯ СКАЗКИ.

1. Старикъ-нищій и три брата.

Жили были на свѣтѣ три брата; всѣ трое—крайніе бѣд-
няки. Сговорились они однажды разойтись по разнымъ сторо-
намъ, чтобы искать пропитанія. Пошли... Побродивши вдоль
и поперекъ по горамъ и доламъ, братья вернулись домой
съ пустыми руками. Погоревали братья и рѣшили снова
разойтись: „авось что-нибудь да добудемъ“, говорили они.
Пошли вторично...

Вотъ на встрѣчу старшему изъ нихъ идетъ старикъ. За-
мѣтивъ печальный видъ странника, старикъ спрашиваетъ о
причинѣ его горя.

— „Велико наше горе“, отвѣчаетъ старику старшій
братъ, „ѣсть нечего—приходится съ голоду умирать!“

„Пожелай, чего хочешь, и дано будетъ“, говоритъ на это
старикъ. Старшій братъ пожелалъ себѣ *большое* поле, огоро-
женное заборомъ; посреди поля—домъ, *стадо* овецъ, свиней,
коровъ и т. д. Все это ему было дано, и зажилъ онъ счаст-
ливо.

Черезъ нѣсколько времени старикъ встрѣчаетъ средняго
брата: сидитъ онъ на полянѣ и понику головою.

— „Что съ тобою?“ говоритъ ему старикъ.

— „Да ѣсть нечего“, отвѣчаетъ онъ.

— „Пожелай, чего хочешь, и дано будетъ.“

Онъ пожелалъ себѣ, какъ и старшій братъ, *большой*
дворъ, среди двора *хорошій* домъ, *много* лошадей, быковъ и
красивую жену. Все это дано было и ему.

Наконецъ, старикъ встрѣчаетъ младшаго брата, идущаго съ печальнымъ видомъ.

— „Что съ тобою случилось?“ говоритъ ему старикъ.

„Я человекъ бѣдный“, отвѣчаетъ тотъ, „просилъ-было моихъ богатыхъ братьевъ принять меня въ домъ, дать мнѣ пріютъ, но оба гонять и не даютъ даже куса хлѣба“.

— „Пожелай, чего хочешь, и получишь“, говоритъ старикъ.

Младшій братъ былъ умѣреннѣе своихъ братьевъ, онъ пожелалъ себѣ домъ съ дворомъ, *двухъ* лошадей, *одного* катера и жену. Сейчасъ же предъ его глазами явился прекрасный дворъ съ большими, помѣстительнымъ домомъ, двѣ лошади, одинъ катеръ, но жены не оказалось. Пригорюнился молодой человекъ и повѣсилъ голову. А старикъ ему и говоритъ:

— „Не безповайся,—будетъ и жена; только въ настоящую минуту она вѣнчается съ другимъ; пойдемъ, я отниму ее и отдамъ тебѣ.“

Пошли... Старикъ принявъ видъ нищаго и сталъ проситься на ночлегъ въ тотъ домъ, гдѣ происходила свадьба. Нищаго вмѣстѣ съ проводникомъ впусти въ домъ. Среди пира мужу понадобилось зачѣмъ-то выйти на дворъ. По совѣту старика, младшій братъ воспользовался этимъ моментомъ и усѣлся около новобрачной. Заходитъ мужъ и, видя около своей жены незваннаго гостя, обращается къ нему съ вопросомъ:

— „Ты кто такой и какое право имѣешь садиться на принадлежащее мнѣ мѣсто?“

— „Я сижу на своемъ мѣстѣ“, отвѣчаетъ непрощенный гость, какъ настоящій мужъ, „удивляюсь твоей смѣлости оспаривать чужое мѣсто.“

Начинается споръ. Кто-то изъ гостей сказалъ:

— „Пускай разсудитъ это дѣло старикъ-нищій!“

Всѣ обратились къ нему съ просьбою разрѣшить споръ.

Старикъ и говоритъ:

— „Пускай оба спорящие принесутъ изъ ближайшаго виноградника по виноградной лозѣ и бросятъ въ огонь; чья лоза расцвѣтетъ въ огнѣ, тотъ и есть настоящій мужъ.“

Такъ и сдѣлали: принесли лозы. Сначала бросилъ въ огонь свою лозу мужъ. Она немедленно сгорѣла. Затѣмъ бросилъ въ огонь свою лозу проводникъ старика, и она пышно расцвѣла. Новобрачная присуждена была ему.

Спустя много времени послѣ этого, къ старшему брату является этотъ самый старикъ, въ видѣ нищаго, и проситъ милостыни. Но онъ прогоняетъ нищаго со словами:

— „Вотъ еще! каждому нищему дарить!...“

Приходитъ старикъ, затѣмъ, къ среднему брату; но и тотъ отпускаетъ его съ пустыми руками. Наконецъ, приходитъ старикъ къ младшему брату. Мужа въ это время дома не было. Жена немедленно высылаетъ къ воротамъ для старика лошадь, чтобы онъ не вошелъ, а въѣхалъ на дворъ, съ честью, какъ это привыкли они дѣлать для каждаго нищаго. Но только что нищій усѣлся на лошадь, какъ она упала подъ нимъ и издохла. Жена высылаетъ ему другую лошадь. Но и эта падаетъ мертвою, лишь только нищій занесъ ногу въ стремя. Наконецъ жена высылаетъ нищему катера, но и его постигла таже участь. Узнавъ объ этомъ, женщина уже сама бѣжитъ къ воротамъ, сажаетъ нищаго на плечи къ себѣ и въ такомъ видѣ доставляетъ въ свой домъ. Нищій проситъ поѣсть. Жена подаетъ пищу, а за виномъ посылаетъ своего старшаго сына. Но лишь только сынъ открылъ погребъ, какъ поскользнулся, упалъ въ него и утонулъ въ кувшинѣ вина. Жена видя, что старшій сынъ долго не возвращается, посылаетъ средняго; но и этотъ утонулъ въ винѣ. Наконецъ, она посылаетъ младшаго сына, сказать братьямъ, чтобы они послѣшли; но и послѣдняго постигла участь братьевъ. Крайне удивленная тѣмъ, что сыновья не несутъ вина, жена уже сама бѣжитъ къ погребу и видитъ, что всѣ три сына ея потонули

въ вѣнѣ! Но, изъ уваженія къ гостю, она не проронила ни единаго слова упрека. Тогда нищій говоритъ ей:

— „Да дастся тебѣ всякаго добра въ десять разъ больше того, чѣмъ было!“

Немедленно ожили дѣти, ожили лошади, ожилъ катеръ, и появилось въ домѣ доброй женщины несмѣтное количество всякаго добра.

Старшіе же братья обратились въ такихъ же голямовъ, какими были прежде.

Оказалось, что нищій этотъ былъ Самъ Иисусъ Христосъ.

2. Царь и чѣрти.

Жилъ на свѣтѣ одинъ престарѣлый царь, который при всякомъ произнесеніи вѣмъ-либо слова „чортъ“, всегда отплеывался.

Черти терпѣли-терпѣли обиду царя, да потомъ и порѣшили отомстить ему. Съ этою цѣлью двое изъ нихъ превратились въ молодыхъ людей, а третій—въ мальчика. Молодые люди, въ сопровожденіи мальчика, пошли въ тотъ городъ, въ которомъ проживалъ престарѣлый царь. Прошлись они по кузнечному ряду и спрашиваютъ, не нужно-ли кому подмастерья. Долго никто не откликнулся на ихъ спросъ; наконецъ, одинъ кузнецъ согласился взять мальчика въ себѣ съ условіемъ, чтобы тотъ оставался у него три года. Молодые люди согласились и ушли назадъ. Черезъ два года по тому же кузнечному ряду проходятъ два дряхлыхъ старика и спрашиваютъ кузнецовъ, не можетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ передѣлать ихъ въ молодыхъ людей. Кузнецы только плечами пожимаютъ и, конечно, отказываются отъ такой работы. Но вотъ старики эти дошли и до той кузницы, въ которой жилъ чортъ въ подмастерьяхъ. Спрашиваютъ они хозяина кузницы, не можетъ-ли онъ посредствомъ огня и молота превратить

тѣхъ въ молодыхъ людей. Хозяинъ удивился и отказался; но тутъ выскочилъ мальчишъ-подмастерье и говорить:

— „Я это могу сдѣлать; этому дѣлу учился я у прежняго своего хозяина“.

Кузнецъ снова подвинулся, но развѣшилъ своему подмастерью помолодить стариковъ. Подмастерье бросилъ ихъ въ огонь и, когда старики достаточно изжарились, вынулъ изъ горна, положилъ на наковальню и сталъ бить молотомъ. Черезъ минуту съ наковальни соскочили два прекрасныхъ молодыхъ человѣка, у которыхъ даже и усы еще не успѣли вырасти.

Слухъ объ этомъ чудѣ разнесся по всему царству и дошелъ до царя. Царь обрадовался и, позвавъ къ себѣ чудодѣи-кузнеца, приказалъ ему передѣлать его въ молодого человѣка. Кузнецъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы царь пожаловалъ въ его кузницу. Царь пошелъ. Подмастерье схватилъ его, бросилъ въ огонь, и черезъ полчаса отъ царя остались только однѣ обгорѣлыя кости.

3. Нацаркекія *).

Жилъ на свѣтѣ человѣкъ, который назывался Нацаркекія. Все время онъ сидѣлъ у огня и копался въ золѣ. Родные долго терпѣли его, но, наконецъ, выгнали изъ дому. Нацаркекія досталъ горькую тыкву **), отрѣзалъ головку, всыпалъ туда зола и пошелъ, куда глаза глядятъ. Ходилъ-ходилъ Нацаркекія и подошелъ къ глубокой рѣкѣ. „Что тутъ дѣлать?— какъ переправиться“, думаетъ Нацаркекія, „черезъ нее?“ Когда онъ находился въ раздумьи, съ противоположнаго берега подошелъ къ рѣкѣ дѣвъ, моментально переплылъ ее, подошелъ къ Нацаркекію и спрашиваетъ:

*) Буквальный переводъ слова „Нацаркекія“—разребатель зола.

***) Особая порода тыквы, которая, по содрѣваніи, дѣлается внутри пустою: ее употребляютъ въ Имеретіи, какъ посуду.

— „Куда ты направляешься?“

— „Я узналъ“, говоритъ ему въ отвѣтъ Нацаркекія, „что за этою рѣкою живутъ девять братьевъ дедовъ; иду ихъ пересечь!“

Девъ былъ изъ числа этихъ девяти братьевъ и, сильно испугавшись, предложилъ ему побраться. Нацаркекія согласился и попросилъ своего названнаго брата перенести его чрезъ рѣку. Девъ посадилъ его къ себѣ на спину и вошелъ въ воду.

— „Какой же ты, братъ, легкий!“ говоритъ онъ Нацаркекію.

— „Если бы я не опирался одною рукою на небо“, спокойно отвѣчаетъ Нацаркекія, „то почувствовалъ бы ты мою тяжесть!“

— „А, ну-ка, сними руку съ неба, посмотримъ, насколько ты тяжелъ“, говоритъ великанъ.

Нацаркекія досталъ изъ кармана шило и воткнулъ въ спину дева. Девъ вскрикнулъ отъ боли и попросилъ его лучше снова опереться на небо.

Перебрались чрезъ рѣку. Девъ взялъ камень въ руки и такъ сильно сжалъ его, что изъ него потѣкъ сокъ (҃аѣбѣ ѡдѣаѣрѣѣ).

— „Это что!..“ говоритъ Нацаркекія, „я могу въ пыль обратить всякій камень“!

Съ этими словами онъ досталъ изъ-подъ пояса горькую тыкву съ золою и, ударивъ ее о камень, разбилъ въ дребезги, а зола, разлетѣвшись по воздуху, заѣлила глаза дева. Девъ струсилъ сильнѣе прежняго, и повелъ Нацаркекію въ свой домъ. Они стали жить вдвоемъ.

Къ ужину девъ испекъ громадныхъ размѣровъ хлѣбъ и самъ остался смотрѣть за нимъ, а Нацаркекію послалъ въ погребеъ за виномъ. Но надъ погребомъ лежалъ такой огромный камень, что онъ даже сдвинуть его съ мѣста не могъ. Девъ ждалъ-ждалъ да, наконецъ, и закричалъ Нацаркекію:

„Что же ты, братъ мой, не несешь вина? ужъ не погребъ ли ты выкапываешь?“

„А то какъ же иначе?“ отвѣчаетъ ему Нацаркекiя.

Девъ приближалъ и увидѣлъ, что Нацаркекiя роетъ землю вокругъ камня и, неожиданно, хочетъ притащить въ домъ весь его запасъ вина. Испугавшись этого, девъ вскрикнулъ:

— „Да зачѣмъ, зачѣмъ погребъ выкапывать?.. можно и такъ достать вина!“ и самъ принялся за дѣло, а Нацаркекiю попросилъ вынуть хлѣбъ изъ печи. Но такъ какъ хлѣбъ былъ очень великъ и тяжелъ, то Нацаркекiя, напрутая всѣ свои силы, неосторожно двинулъ его и уронилъ на себя. Хлѣбъ придавилъ его къ полу. Заходитъ девъ съ виномъ и, видя Нацаркекiю подъ хлѣбомъ, спрашиваетъ:

— „Что это съ тобою?“

— „Видишь-ли“, отвѣчаетъ ему Нацаркекiя, „у меня животъ заболѣлъ; такъ я положилъ себѣ на животъ горячiй хлѣбъ: это помогаетъ противъ болей; да вотъ уже мнѣ и легче стало“, прибавилъ онъ, „сними-ка, пожалуйста, его!“

Девъ поднялъ хлѣбъ и вмѣстѣ съ Нацаркекiею сѣлъ ужинать. Девъ одинъ сѣлъ почти весь хлѣбъ, между тѣмъ-какъ Нацаркекiя едва успѣлъ сѣсть только одинъ кусочекъ.

Послѣ ужина девъ вдругъ ...нулъ, и Нацаркекiю подбросило подъ самую крышу дома; онъ едва уцѣпился за перекладину и на ней удержался.

— „Куда это полѣзъ ты?“ спрашиваетъ его удивленный девъ.

— „Молчи!... вотъ какъ двину тебя этимъ бревномъ, такъ и духу твоего не останется!“ грозно крикнулъ ему Нацаркекiя, „развѣ можно жить съ тобою послѣ такого невѣжества?“

Девъ испугался и убѣжалъ въ своимъ братьямъ.

Нацаркекiя сталъ жить одинъ въ цѣломъ домѣ. Но девять братьевъ-великановъ все-таки жили по близости, и На-

царекія этого сосѣдства очень боялся. Чтобы избавитсья отъ своихъ сосѣдей, онъ придумалъ такое средство: привязалъ къ ногамъ два громадныхъ сѣта, и давалъ на нихъ ходить по глубокому снѣгу вокругъ жилища деревѣ... Проснулись дѣвы и увидѣвъ громадные сѣты какого-то чудовища, испугались и убѣжали безъ оглядки, оставивъ все свое добро на произволъ судьбы. Нацарекія сдѣлался обладателемъ всего этого добра.

Учитель Кутаисскаго городского училища *III. Ломинадзе.*

ИЗЪ АБХАЗСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ И ПОВѢРІЙ.

1. Озеро Паланциуръ *).

паланциуру.

Нѣкогда въ Абхазіи жилъ священникъ, который отличался какъ своею порочностью, такъ и скупостью. Порочность его доходила до того, что онъ позволялъ прихожанамъ брать въ жены своихъ родственницъ и самъ также вступилъ въ бракъ съ двоюродною сестрою. Скупость священника была такъ велика, что семья его вставала изъ-за стола голодною, несмотря на его громадное состояніе.

За всѣ поступки, несогласные съ христіанскою религіею, Богъ послалъ ему тяжкое наказаніе.

Разъ священникъ пригласилъ своихъ прихожанъ полотъ кукурузу, которая была посѣяна въ его усадьбѣ. Не желая заколотъ для приглашенныхъ козла, священникъ зарѣзалъ для нихъ жирную дворовую собаку, призвавъ предъ этимъ своею прислугѣ заставить козла кричать, дергая за уши. Этимъ онъ хотѣлъ обмануть рабочихъ и заставить думать, что за обѣдомъ у нихъ будетъ козье мясо. Для полноты обмана, конечности собаки были спрятаны, и только остальные части ея были сварены и поданы на обѣдъ рабочимъ.

Въ это время въ домъ священника гостила его дочь съ мужемъ. Мужъ ея работалъ вмѣстѣ съ приглашенными рабочими. Дочь же священника помогала готовить обѣдъ и потому знала, чѣмъ намѣренъ былъ угостить священникъ своихъ

*) Находится въ 22 верстахъ отъ м. Очамчиръ.

рабочихъ; она сказала отцу, что не желаетъ, чтобы мужа ея кормили собачьимъ мясомъ. Но священникъ, подѣ страхомъ наказанія, запретилъ своей дочери говорить мужу объ этомъ. Дочь, однако, не вытерпѣла и рѣшилась открыть тайну своему мужу, чтобы ему не пришлось ѣсть мяса собаки.

Позвали рабочихъ на обѣдъ. Пришли они и расположились подѣ тѣнью большого вѣтвистаго дерева. Предѣ ними разостлали орѣховые листья и на нихъ положили кушанье. Подали, по абхазскому обычаю, воду—мыть руки и, послѣ омовенія, всѣ ожидали благословенія пици священникомъ. Когда священникъ благословилъ пицу, и работники принялись-было обѣдать, дочь его подбѣжала къ своему мужу и сказала, какимъ обѣдомъ хотять ихъ угостить. Возмущенный словами жены, зять его встаетъ и просить всѣхъ подождать нѣкоторое время и дать ему сказать нѣчто.

— „Да поглотить земля, со всѣми его дѣтьми и женою“, сказалъ онъ, „того человѣка, который закололъ собаку для насъ на обѣдъ!... А васъ, товарищи,“ обратился онъ къ рабочимъ, „прошу произнести *аминь*, если только мои слова достойны одобренія“.

Всѣ сотрапезники его единогласно произнесли: „аминь“. И вотъ, вдругъ, во дворѣ священника, отъ воротъ, постепенно начала опускаться земля. Всѣ въ ужасѣ пустились бѣжать въ противоположную сторону двора. Зять священника схватилъ свою жену за руку и побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, но земля лопнула между мужемъ и женою, и дочь священника полетѣла въ бездну, вмѣстѣ со всѣмъ домомъ его.

Долго горевалъ несчастный зять, упрекая себя за то, что, проклиная своего тестя, проклялъ ненарочно и свою жену. Говорятъ, что со дна озера Папанцуръ и теперь слышны, по временамъ, лай собакъ и крикъ пѣтуховъ провалившася туда священника.

Выраженіе: папанѣдурѣ ащѣ уѣабѣатѣ (провались, какъ

Папанцуръ),—абхазцы употребляютъ въ смыслѣ сильнаго проклятiя.

2. Абрскиль.

(Абхазскiй Прометей).

Въ древнѣйшiя времена въ Абхазiи жила одна прекрасная дѣвица знатнаго происхожденiя. Съ самаго дѣтства она дала Богу обѣтъ остаться дѣвою на всю жизнь; родители не только не противились ея желанiю, а, напротивъ, помогали ей вести избранный ею образъ жизни. Но, по прошествiи нѣкотораго времени, эта красавица сдѣлалась беременною. Родители знали невинность своей дочери и потому спокойно ожидали рожденiя ребенка.

Родился мальчикъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ онъ казался двадцатилѣтнимъ и скоро сдѣлался прекраснѣйшимъ изъ молодыхъ людей. Съ самаго дѣтства Абрскиль, такъ звали его, отличался храбростью и удалствомъ между своими сверстниками, онъ не щадилъ себя въ опасностяхъ, во время нападений сосѣднихъ народовъ на Абхазiю, и страшно мстилъ за оскорбленiе родины. Богъ покровительствовалъ ему, какъ защитнику отечества. Въ короткое время молва о его подвигахъ разнеслась по всей Абхазiи и между сосѣдами абхазцевъ; соотечественники любили его, враги боялись; каждый изъ абхазцевъ и многiе изъ иностранцевъ желали находиться подъ его покровительствомъ. Все это внушило Абрскилу такую гордость, что онъ сталъ считать себя равнымъ Богу и тѣмъ навелъ на себя гнѣвъ Божiй.

Абрскиль беспощадно истреблялъ рыжихъ людей съ голубыми глазами, какъ изъ плѣнныхъ, такъ и изъ своихъ соотечественниковъ, ссылаясь на то, что они могутъ глядеть, какъ людей, такъ и животныхъ. Кромѣ того, истреблялъ роды Асуба и Кацуба *).

*) По-абхазски: Ащба и Кацба.

перекинутую гирляндю черезъ дорогу, если она мѣшала верховому ѣхать по ней, не нагнувъ голову; когда спрашивали его, почему онъ такъ поступаетъ, то онъ говорилъ, что, если пройдетъ, не повредивъ лозу, тогда ему приходится наклонять голову впередъ, а это похоже на поклоненіе Богу. Богъ потребовалъ, чтобы Абрскиль оставилъ напрасное истребленіе людей и полезныхъ растений и совершилъ сорокъ поклоновъ, для искупленія своей души отъ тяжкаго наказанія. Но герой не повиновался Богу и не сдѣлалъ ни одного поклона, ссылаясь на то, что всѣ люди воздаютъ честь ему, стало-быть онъ выше смертныхъ и, значить, равенъ Богу. Долго Богъ шадилъ Абрскиля и надѣялся на то, что онъ исправится. Но Абрскиль продолжалъ свое. Разгнѣванный Богъ приказалъ тогда своимъ ангеламъ поймать его, чтобы предать страшному наказанію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ разгнѣвался на Абрскиля, послѣдній выбралъ два мѣста, для безопаснаго пребыванія: одно находилось на вершинѣ горы *Уарцаху*, а другое—на необитаемомъ берегу Чернаго моря. Бывало, когда ангелы появлялись на вершинѣ горы, арапъ *) Абрскиля съ этого мѣста однимъ прыжкомъ достигалъ берега Чернаго моря: здѣсь Абрскиль отдыхалъ, до появленія ангеловъ, ѣлъ пищу, приготовленную имъ самимъ въ дичи, а арапъ его пасся на тучной травѣ и пилъ морскую воду. Когда арапъ чувствовалъ приближеніе ангеловъ, то говорилъ своему хозяину, что необходимо садиться поскорѣе, послѣ чего однимъ прыжкомъ достигалъ вершины горы *Уарцаху*. Здѣсь опять арапъ и его хозяинъ отдыхали, пока не появлялся ангелъ. Долго продолжалось это безуспѣшное преслѣдованіе Абрскиля **) ангела-

*) Означеніи коня, съ необыкновенными качествами.

**) Въ сел. Гуль, на берегу рѣчки *Дѣа рузв*, показываютъ слѣды Абрскиля и его арапа на скалѣ, гдѣ они отпечатались, словно на рыхлой землѣ; отпечатокъ ступни Абрскиля имѣетъ длину, приблизительно, трехъ четвертей аршина, а глубину—большую вершка.

ми. Не имѣя силъ поймать врага, ангелы обратились къ одной хитрой старухѣ-волшебницѣ съ просьбою помочь имъ. Тогда волшебница посовѣтовала растянуть бычачью кожу на вершинѣ Уарцаху и намазать ее скользкимъ веществомъ. По выполненіи этого, ангелы раздѣлились, по совѣту старухи, на двѣ партіи: одна спряталась близъ кожи, а другая появилась на берегу моря; тогда арашъ прыгнулъ оттуда и наскочилъ на растянутую кожу; на скользкой кожѣ онъ не могъ удержаться и упалъ, Абрскилъ же свалился съ него и больно ушибся. Спрятанная партія ангеловъ явилась тогда и связала героя.

Разнеслась по Абхазіи молва о поимкѣ Абрскила. Велика была радость рыжихъ людей съ голубыми глазами, и, наоборотъ, невозможно описать печаль его друзей! Послѣдніе всѣми силами старались освободить своего незамѣнимаго предводителя изъ плѣна; но имъ не удалось это, такъ какъ Богъ распорядился тотчасъ же помѣстить его въ такой пещерѣ, гдѣ прекратился бы всякій доступъ къ нему.

Ангелы долго думали и не могли найти такого мѣста; наконецъ, они вспомнили свою союзницу-волшебницу и явились къ ней съ просьбою, чтобы она указала имъ мѣсто для узника. Она указала пещеру близъ селенія Чилоу, у подошвы отроговъ Панавскаго хребта. Пещера эта, по словамъ волшебницы, служила раньше мѣстомъ заточенія одного богатыря, который томился въ ней триста лѣтъ и, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ убѣжать, благодаря бдительности хозяйки этой пещеры, старухи, пока милостивый Богъ не простилъ ему и не позволилъ выбраться изъ страшной темницы. Въ эту-то пещеру ввели ангелы Абрскила съ его арашемъ и поручили владѣльницѣ ея. Послѣдняя приказала своимъ слугамъ заковать его въ цѣпь и стеречь. Съ этого времени вѣрный арашъ принялся лизать цѣпь, чтобы, когда она станетъ тоньше, было можно порвать ее. Ангелы съ радостью донесли Богу, что нашли мѣсто для Абрскила. Богъ велѣлъ ска-

зять старухѣ, чтобы, ни подь какимъ видомъ, она не допускала къ нему никого и не давала ему пищи, до его полнаго покаянія.

Долго старуха томилась унизка безъ пищи, но потомъ сжалилась надъ нимъ и приказала тайно подносить ему пищу. Объ этомъ донесли Богу, и Онъ превратилъ непослушную старуху въ щенка. Этотъ щенокъ могъ раскрывать ротъ и принимать пищу только тогда, когда арапъ своимъ лизаніемъ доводитъ цѣпь, въ которую былъ закованъ его хозяинъ, до толщины шелковой нити. Но какъ только, мучимый голодомъ, раскроетъ щенокъ ротъ и утолитъ свой голодь, цѣпь принимаетъ свою первоначальную толщину, и Абрскилъ лишается надежды на скорое освобожденіе.

Долго томился Абрскилъ въ этой пещерѣ, но не забывалъ своей родины: постоянно мечталъ объ ней и сильно желалъ видѣть хоть одного изъ своихъ соотечественниковъ, который сказалъ бы ему о состояніи родины, послѣ его разлуки съ нею. Такимъ вѣстникомъ явился къ нему первый его поклонникъ, Джомлатъ (по другимъ сказаніямъ — „Сасруква“ Анчабадзе). Онъ взялъ нѣсколько долекъ проводниковъ и двѣнадцать ословъ, навьюченныхъ восковыми свѣчами, и вошелъ внутрь пещеры. Въ пещерѣ было темно, но когда зажгли свѣчи, дорога стала видна, и путники могли двигаться впередъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пещера настолько суживалась, что людямъ приходилось двигаться на четверенькахъ; по мѣстамъ встрѣчались имъ обширныя поля и сады со всевозможными фруктовыми деревьями. Они все двигались дальше и дальше, между тѣмъ Абрскила и слѣда не было. Когда освѣтительный матеріалъ кончался, они начали думать, какъ имъ возвратиться. Къ радости путешественниковъ, вдали отъ нихъ послышался голосъ Абрскила и объявилъ имъ, что напрасно они стараются увидѣть его, такъ какъ — тѣмъ ближе они подвигаются, тѣмъ дальше его уводятъ отъ нихъ. Во вре-

мя бесѣды, Абрскиль спросилъ, живутъ ли и теперь въ Абхазіи Асуба и Кацуба, и есть ли рыжіе люди съ голубыми глазами. Джомлатъ отвѣтилъ, что Абхазія находится въ такомъ же состояніи, въ какомъ Абрскиль оставилъ ее, и что она горько оплакиваетъ судьбу своего покровителя. Герой произнесъ, горько рыдая:

— „Погибла несчастная Абхазія!“

Путешественники спросили, какъ имъ выбраться безъ свѣчей; на это Абрскиль сказалъ имъ:

— „Поверните своихъ ословъ назадъ и возьмитесь за ихъ хвосты, и ослы выведутъ васъ.“

Послѣ продолжительнаго молчанія, раздались съ обѣихъ сторонъ прощальныя привѣтствія, и Джомлатъ съ своими спутниками возвратился назадъ, Абрскиль же остался въ глубокой скорби, что ему не удалось видѣть своихъ земляковъ. Выйдя изъ пещеры, Джомлатъ узналъ, что находился въ ней три дня.

Теперь абхазцы говорятъ, что Абрскиль живъ и освобождается лишь во время второго пришествія, но арапа его считаютъ уже издохшимъ. Какъ мой рассказчикъ, Хумпрія Тузба, такъ и многіе старики увѣрили меня, что рѣчка, вытекающая изъ этой пещеры, до прихода въ Абхазію войска Омера-паши, выносила навозъ арапа Абрскила, и до того времени былъ, слѣдовательно, живъ послѣдній.

3. Ач-ны тызго.

(Ач-ѳј тызго)

Пещера Ач-ны тызго *), въ которой, по преданію, заключенъ Абрскиль, лежитъ въ 36 верстахъ отъ мѣстечка Очемчиръ, у подошвы отроговъ Панавскаго хребта, отдѣляющаго

*) Это названіе значитъ: выносящая лошадиннй навозъ. Ачч—кошала ѳј—навозъ и тызго—выносящая. Въ „Трудахъ V археолог. съѣзда“ (стр. 245—248) она называется „Челюской“ пещерою.

Дальское ущелье отъ южной Абхазіи. Дорога въ ней, по которой ѣхалъ я въ іюнѣ 1888 г., отъ м. Очечиръ до селенія Тхина аробная, а дальше, до самой пещеры, верховая. Приходится ѣхать по берегамъ рѣки Мѡва-му, и такъ какъ она течетъ зигзагами, то нужно переправляться черезъ нее нѣсколько разъ. Послѣ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ р. Мокву правый притокъ ея, р. Улкъс, дорога поворачиваетъ на сѣверо-западъ, по правому берегу притока, и поднимается по живописному холму, гдѣ расположены, тамъ и сямъ, сакли селенія Тхина. За этимъ холмомъ дорога поворачиваетъ направо и идетъ у подошвы горъ до пещеры. Недалеко отъ пещеры, встрѣчается старинная каменная стѣна, спускающаяся съ горъ въ долину полуругомъ и заключающая въ себя жилища и хозяйственные постройки и поля нѣсколькихъ дымовъ селенія Чилоу. Въ составъ стѣны входятъ также старинныя четырехугольныя башни изъ дикаго камня; онѣ находятся на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Когда мѣстные жители узнали о томъ, что я пріѣхалъ въ селеніе Чилоу для того, чтобы войти въ пещеру, то стали смотрѣть на меня излюдобья и выражали при этомъ свое неудовольствіе: какъ я, природный абхазецъ, хочу сдѣлать имъ зло, входя въ это „дьявольское помѣщеніе“. Мѣстные жители вѣрують, что входъ людей въ пещеру всегда сопровождается сильнымъ громомъ и проливнымъ дождемъ. На это я сказалъ имъ, что для нихъ же лучше, если пойдетъ дождь, потому что давно уже стоитъ засуха.

— „Да, спасибо вамъ за такое одолженіе“, ворчали они, „мы сами можемъ добыть себѣ дождь: сдѣлавъ *dziuau* (чучелу) и выкунавъ ее у входа въ пещеру, получимъ дождь, при которомъ не будетъ ни грома, ни молніи.“

Несмотря на эти возраженія, мы поѣхали дальше и черезъ нѣсколько времени достигли рѣчки Ач-кы тызго *), ко-

*) Рѣчка и пещера имѣютъ одно названіе

торая, по выходѣ изъ пещеры, течетъ сперва по слабой покатости и терается потомъ въ лощинѣ. Можно было бы по правому берегу рѣчки доѣхать до пещеры, но тамъ была посѣяна кукуруза, и потому, поручивъ одному изъ жителей присмотрѣть за лошадьми, мы подошли къ пещерѣ пѣшкомъ. Отрогъ хребта, въ которомъ находится пещера, приближается къ самому селенію. На склонахъ его растутъ деревья различныхъ породъ, преимущественно—каштанъ, дубъ и грабъ.

Входъ въ пещеру представляетъ почти правильнѣй полукруглый сводъ; выше свода находится глубокая впадина, надъ которою опускается верхняя арка. Въ самой же пещерѣ устроена плотина для регулированія воды, необходимой двумъ мельницамъ, выстроеннымъ у рѣчки, близъко одна отъ другой. Образовавшійся здѣсь, такимъ образомъ, водоемъ имѣетъ порядочную глубину, такъ что, по первому взгляду, подумаешь, что нужно пуститься вплавъ. Кислый сѣрнистый запахъ, выходящій изъ пещеры, низкая температура воды, малое число проводниковъ,—все это привело меня въ колебаніе: я не зналъ, войти или нѣтъ; но, собравшись съ духомъ, мы вошли въ пещеру. У входа глубина воды доходила до пояса; дальше она то уменьшалась, то увеличивалась, смотря по тому, свободно ли текла вода, или же въ руслѣ рѣчки встрѣчались препятствія. Черезъ нѣсколько саженъ отъ входа было уже темно, и мы были вынуждены зажечь стеариновые свѣчи, которыя помогли намъ видѣть всю нерукотворную прелесть внутренности пещеры. Проводники съ крикомъ и съ шумомъ пустились впередъ, имѣя въ виду напугать предполагаемыхъ въ пещерѣ звѣрей; но, противъ ожиданія, въ ней не было никакой жизни. Сколько ни искали, мы не могли найти и слѣдующихъ рыбъ въ водѣ рѣчки. Пропедши нѣкоторое разстояніе, мы увидѣли сталактиты различныхъ величинъ и формъ; большая часть ихъ висѣла на горизонтальныхъ плитахъ. Во многихъ мѣстахъ встрѣчались намъ недлинные боковые ходы; всѣ они были осмотрѣны

нами съ большими затрудненіями, такъ какъ приходилось взбираться по обрывистымъ скаламъ. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ рѣже попадались боковые ходы. Въ одномъ мѣстѣ одинъ изъ проводниковъ, указывая пальцемъ на югъ, воскликнулъ: „азулан! азулан *)!“ Я посмотрѣлъ въ указываемую сторону и увидѣлъ верхушку бѣлой фигуры. Оставивъ русло рѣчки, мы взобрались наверхъ: предъ нами открылось довольно ровное пространство, по срединѣ котораго стояли три сталактитовыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, колонны; западная колонна—высотой въ 5 арш. 3 верш., съ подобающею высотѣ толщиною; вторая—ниже ея, въ 3 арш. 7 верш.; третья колонна, по первому взгляду, представляетъ голую человѣческую фигуру, и за плечами у нея, кажется, лежитъ, облокотившись грудью на спину ея, другая фигура, наподобіе того, какъ цыганки носятъ своихъ дѣтей на спинѣ. Южнѣ этихъ колоннъ поднимается довольно высокая и широкая скала, сверху загнутая къ фигурамъ и какъ бы защищающая ихъ отъ грозящей сверху опасности. Съ верхней части скалы опускаются сталактитовыя пластинки, прирѣщенные близко другъ къ другу; поверхность ихъ пероховатая; нѣкоторыя изъ нихъ шириною въ аршинъ и издають, при легкомъ ударѣ, тонкій звенящій звукъ.

Налюбовавшись красотой этого мѣста, предѣсть котораго я не въ силахъ описать, мы двинулись впередъ. Опять пошли тѣ же купольные своды и арки съ висящими сталактитами, тѣ же обрывистыя скалы, у подножья которыхъ, тамъ и сямъ, лежали большія кучи обломковъ известняковыхъ камней, и тѣ же струи воды, просачивающіяся съ высоты. Такъ мы дошли до одного мѣста, дальше котораго, намъ показалось, нельзя идти **). Здѣсь пещера на протяженіи 18 аршинъ такъ

*) Русалка! русалка!

***) Должно быть, этотъ проходъ ввелъ въ заблужденіе абхазца, говорившаго покойному Лихачеву, что онъ дошелъ до конца пещеры (Груды V арх. съѣзда, стр. 247).

суживается, что высота прохода составляет всего только аршинъ и два вершка, а ширина—безъ малаго пять аршинъ. Верхней гранью этого прохода служить довольно значительной толщины плита, которая во всю длину вооружена сталактитами. Верхушки послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ касаются поверхности протекающей по дну ихъ воды. Рѣчка здѣсь расплылась во всю ширину прохода и глубиною въ 12 вершковъ, такъ что пустое пространство остается только *съ шесть вершковъ*.

Послѣ нѣкотораго замедленія, мы пустились впередъ на четверенькахъ, очищая себѣ руками дорогу отъ мѣшавшихъ сталактитовъ; при этомъ, по временамъ, мы ложились отдыхать, погружаясь по горло въ воду. Выбравшись изъ этого труднаго прохода, мы сѣли отдыхать, любуясь высокими купольными сводами съ висящими, какъ изъ вершины, такъ изъ боковыхъ нишъ, сталактитами. Послѣ отдыха, мы опять пустились впередъ и, пройдя нѣкоторое разстояніе, съ южной стороны услышали журчаніе ручейка, который впадаетъ здѣсь, подъ прямымъ угломъ, въ рѣчку; температура его выше, чѣмъ рѣчки. Дальше этого родника мы пошли быстрее и безъ остановки шли часъ, съ цѣлью поскорѣе дойти до конца пещеры. Миѣ хотѣлось наглядно показать неосновательность существующаго здѣсь убѣжденія, что эта пещера имѣетъ сообщеніе съ сѣвернымъ Кавказомъ.

Но намъ пришлось отказаться отъ своего намѣренія: оказывается, что для этого нужно было взять гораздо большее количество свѣчь... Мы двигались впередъ уже въ продолженіе четырехъ съ половиною часовъ. Страшное утомленіе, голодь, холодъ и, главное, недостатокъ свѣчь заставили насъ вернуться. Это было въ четыре съ половиною часа по полудни. Въ томъ мѣстѣ, откуда мы вернулись, мы воткнули въ трещину скалы взятую съ собою палку съ надписью.

Спутники мои были очень печальны, сожалѣя, что имѣ

не удалось видѣть въ пещерѣ созданнаго народною фантазією героя-узника. Но я ихъ успокоилъ тѣмъ, что во второй разъ можно запастись большимъ количествомъ свѣчъ и дойти до того пункта, гдѣ находится легендарный герой. На обратномъ пути въ одномъ мѣстѣ я поскользнулся и упалъ съ единственною, оставшеюся у насъ, свѣчею въ довольно глубокую воду, гдѣ и выкупался съ головою. Я сталъ на ноги, но не могъ тронуться съ мѣста въ страшной темнотѣ. Проводники мои подняли шумъ и крикъ, думая, что я потерялъ свѣчу, безъ которой мы, быть можетъ, остались бы въ пещерѣ навсегда, но я вѣрнѣе держалъ въ рукѣ нашу спасительницу и съ помощью зажженныхъ спичекъ вышелъ изъ воды.

Черезъ нѣсколько времени до насъ начало долетать пѣніе собравшихся у входа въ пещеру земляковъ, которые встрѣтили насъ ружейными выстрѣлами и восклицаніями „афуха-ѣва (молодцы)!“, въ честь продолжительнаго пребыванія въ пещерѣ и благополучнаго изъ нея выхода.

Учитель Очемчирскаго училища *В. Гармаія.*

ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

1. Продаіе о царицѣ Тамарѣ.

Говорятъ, что на одной изъ вершинъ Кавказскаго хребта, на „Бруть-сабдзели“ *), находится дворецъ царицы Тамары, гдѣ она часто жила. Многіе пытались добраться до дворца, но никто не могъ, потому что имъ мѣшали нечистые духи, которые бросали камни въ пытавшихся пробраться туда. Вотъ, наконецъ, одинъ священникъ съ крестомъ и молитвою достигаетъ вершины. Около дворца была построена церковь. Осмотрѣвъ дворецъ, священникъ входитъ въ церковь и приноситъ благодарственную молитву Богу. Удивляясь могуществу Тамары, дарованному ей Богомъ, онъ выходитъ изъ церкви и вдругъ у дверей слышитъ жалобный голосъ. Подойдя ближе, онъ видитъ серебряный шарикъ, висящій у дверей, и слышитъ, выходящій изъ него, голосъ, говорящій слѣдующее:

— „Я была воспитательницею царицы Тамары. Разъ она поймала утреннюю звѣзду и посадила ее въ девять ящичковъ, вложенныхъ одинъ въ другой; отъ этой звѣзды зависѣли снѣгъ и хорошая погода. Послѣ этого перемена погоды зависѣла уже отъ Тамары. Такимъ образомъ Тамара избавила свою страну отъ сильныхъ морозовъ, которые производила утренняя звѣзда. Она не показывала этой звѣзды мнѣ. Разъ, отправляясь осматривать свое царство, царица Тамара поручила ящикъ, въ которомъ находилась утренняя звѣзда, мнѣ и сказала, что, если я раскрою ящикъ, она жестоко накажетъ меня. Не совладѣвъ съ своимъ любопытствомъ, я рас-

*) „Бруть-сабдзели“ (Овнѣ слѣшого)—извѣстная Гудъ-гора.

крыла ящикъ и увидѣла, что въ немъ находится другой ящикъ, во второмъ—третій и т. д.; такъ дошла я до девятаго ящика; отырываю его, и вдругъ изъ него вылетаетъ звѣзда. Сейчасъ же утренняя звѣзда посылаетъ на землю небывалый снѣгъ. Увидя это, я впала въ отчаянiе, такъ какъ знала, что ожидаетъ меня суровое наказанiе; но бѣдѣ не могла помочь.

При видѣ снѣга, Тамара огорчилась, зная, что это произошло отъ утренней звѣзды. Она догадалась, что я выпустила эту звѣзду, и немедленно отправилась домой. Много мученiй перенесла она, чтобы добраться до своего дворца, такъ какъ ей мѣшалъ глубокий снѣгъ. Увидя меня, она съ гнѣвомъ спросила: „почему ты не исполнила моего приказанiя?“ Я начала просить прещенiя, но Тамара прокляла меня, сказавъ: „да будешь ты проклята Богомъ! да обратятся ты въ духа на вѣчныя мученiя!“ По пронанесенiи этихъ словъ, я сейчасъ же обратилась въ духа и вотъ нахожусь, въ вѣчной мукъ, въ этомъ шарикѣ“.

Занисалъ въ сел. Цхинвалъ, Горійскаго уѣзда, воспитанникъ Закавказской учительской семинарiи *Д. Хахановъ*.

2. Бѣднякъ.

(Сказка).

Жилъ бѣднякъ съ женою и сыномъ. Богъ ежедневно посылалъ имъ по сухому хлѣбу. Бѣднякъ сталъ роптать на Бога, что Онъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ не дастъ имъ, хоть по одной головкѣ, чесноку, и рѣшилъ пойти къ нему, чтобы испросить у Него что-либо. Дорогою онъ встрѣтился съ ангеломъ, который спросилъ его, откуда и куда онъ идетъ. Бѣднякъ изложилъ все, въ чемъ состояло его горе. Ангелъ сказалъ ему, что вмѣсто него онъ самъ пойдетъ къ Богу и до-

жить Ему обо всемъ. Когда ангелъ рассказалъ Богу о бѣдникахъ, то Богъ велѣлъ сказать бѣдняку слѣдующее:

— „Что разъ написано Мною, того вычеркнуть нельзя.“

Ангелъ сообщилъ слова Бога бѣдняку. Бѣднякъ попросилъ тогда ангела, чтобы онъ сказалъ Богу отъ его лица:

— „Какъ написать была твоя воля, такъ и вычеркнуть твоя же воля.“

Ангелъ донесъ слова бѣдняка Богу. Тогда Богъ позволилъ, чтобы каждый членъ семьи бѣдняка просилъ *отдельно*, чего пожелаетъ, и ангелъ сообщилъ волю Бога дому бѣдняка...

Жена бѣдняка первая стала просить Бога: она пожелала, чтобы Онъ сдѣлалъ ее такою красавицею, которая годилась бы въ невѣсты царевичу. Такъ и случилось: ее взялъ царевичъ... Опечалился бѣднякъ; думалъ-думалъ онъ... и, наконецъ, спросилъ Бога, чтобы Онъ возвратилъ ему жену, хотя бы въ видѣ ослицы. И это желаніе сбылось: жена бѣдняка, превращенная въ ослицу, воротилась домой... Оставалось просить сыну; онъ подумалъ: какая польза, если онъ получитъ отъ Бога счастье и добро, а мать его будетъ ослицею, и его будутъ называть сыномъ ослицы. Сынъ порѣшилъ попросить Бога, чтобы онъ возвратилъ его мать опять въ женщину. И эта просьба тоже была исполнена, и бѣднякъ съ его семьею остались до древнему на сухомъ хлѣбѣ.

Записалъ въ сел. Хонара, Тіонетскаго уѣзда, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Гр. Анниншвили*.

3. Сказка объ юношѣ и дѣвицѣ.

Былъ одинъ человекъ, — владѣлецъ цѣлаго города и несметнаго богатства. Онъ былъ женатъ. Мужъ и жена были въ преклонныхъ лѣтахъ, а дѣтей у нихъ не было: и днемъ и ночью они молили Бога, чтобы Онъ даровалъ имъ сына.

Богъ слышалъ ихъ молитву и далъ имъ сына. Они принесли Богу благодарственную жертву за то, что Онъ слышалъ ихъ мольбу. Когда ребенокъ подростъ, родители отдали его въ философскую школу. Все свое состояніе родители употребили на воспитаніе своего единственного сына и, наконецъ, такъ обдѣли, что остались безъ куска хлѣба и стали даже нищенствовать. Заботы родителей о сынѣ, однако, не пропали даромъ: сынъ, въ послѣдствіи, вышелъ изъ философской школы ученымъ человекомъ.

Разъ сынъ сказалъ про себя: „мои родители все свое состояніе издержали на меня, и не безсовѣстно ли будетъ съ моей стороны, если я своимъ образованіемъ не окажу помощи родителямъ и не выведу ихъ изъ затруднительнаго положенія.“ Долго думалъ онъ, какъ это сдѣлать. Родители подмѣтили, что сынъ ихъ день-о-то-дня дѣлается все задумчивѣе, и спросили его о причинѣ задумчивости. Сынъ отвѣчалъ:

— „Меня безновонитъ одо: я не могу жить въ этой странѣ.“

— „Поступай, дорогой сынъ, какъ для тебя лучше“, отвѣтили на это родители.

Сынъ продалъ все, что у него было, купилъ приличное платье для себя и родителей и вмѣстѣ съ ними отправился въ дорогу. Они пришли въ одинъ городъ; здѣсь сынъ говорить родителямъ:

— „Я кое-что хочу сказать вамъ, но не могу осмѣлиться.“

Родители предоставили сыну право говорить обо всемъ, что только ему желательно. Сынъ тогда съ большимъ приговорбіемъ сказалъ родителямъ:

— „Я хочу заложить васъ на нѣкоторое время царю этого города.“

Родители выслушали сына, зарыдали и долго сморбѣли, но, въ концѣ-концовъ, согласились на предложеніе сына. Юно-

ша отправился во дворецъ къ царю и сказалъ придворнымъ, что у него есть плѣнные, и что онъ желалъ бы предложить царю купить ихъ. Царь, узнавъ о плѣнныхъ чрезъ своихъ придворныхъ, велѣлъ спросить у юноши, что возьметъ онъ за нихъ. Юноша на это отвѣтилъ:

— „Я желалъ бы получить за нихъ хорошаго осѣдланнаго коня, пышное царское платье и дорогое оружіе.“

Царь исполнилъ желаніе юноши. Но, при этомъ, юноша условился съ царемъ, чтобы онъ не продавалъ плѣнныхъ, обѣщая, впоследствии, уплатить за нихъ вчетверо больше полученнаго.

Царь долго думалъ, зачѣмъ юноша такъ заботится о плѣнныхъ, но не могъ ни до чего додуматься. Юноша вышелъ изъ царскаго дворца, а родители его остались тамъ въ качествѣ плѣнныхъ. На другой день юноша явился къ царю и просилъ у него позволенія видѣться съ плѣнными, для полученія отъ нихъ благословенія. Тогда царь догадался, что эти люди были родители его. Юношѣ позволено было видѣться съ родителями. Во время свиданія, обнявши ихъ, сынъ началъ сильно плакать и умолялъ, чтобы они не проклинали его, а благословили въ дорогу, и что онъ скоро выкупитъ ихъ. Родители плакали и жалѣли сына, а сынъ—родителей. Юноша призвалъ на помощь Бога, сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Послѣ долгаго пути, онъ встрѣтилъ одного человѣка, съ которымъ вступилъ въ бесѣду; они начали спрашивать другъ друга о происхожденіи и приключеніяхъ, съ ними случившихся. Когда встрѣтившійся съ юношей узналъ, что онъ продалъ царю своихъ родителей, то сказалъ ему:

— „Я служу придворнымъ у одного царя, теперь несусь отъ него письмо къ тому царю, которому ты продалъ своихъ родителей; по всей вѣроятности, онъ наградитъ меня большими деньгами: возьми ты это письмо, отнеси царю, и онъ тебѣ наградитъ вмѣсто меня.“

Юноша взявъ письмо, поблагодарилъ незнакомца и поѣхалъ далѣе. Въ дорогѣ вспомнилъ онъ о своихъ родителяхъ, поплакалъ о нихъ и въ слезахъ задремалъ. Конь, не управляемый всадникомъ, сбился съ дороги. Черезъ нѣсколько времени юноша проснулся и видитъ, что онъ пріѣхалъ въ пустынное мѣсто; ему сильно захотѣлось пить, но воды не было. Долго искалъ онъ воды и, наконецъ, нашелъ; но у него не было посуды, чтобы достать воды. Тутъ онъ вспомнилъ про письмо, завернутое въ клеенку; онъ распоролъ клеенку и, съ помощью ея, досталъ воды, напился самъ и напоилъ коня. Послѣ отдыха, ему захотѣлось узнать, что написано въ этомъ письмѣ. Онъ распечаталъ письмо и прочелъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Хотя непристойно сообщать Вашему Величеству подобнаго рода происшествія, но я вынужденъ это сдѣлать. Человѣкъ, который доставить это письмо, слѣдовало бы казнить, потому что онъ обезчестилъ мою жену; но если бы я убилъ его, то по городу распространились бы обидные слухи обо мнѣ; прошу, поэтому, умертвить его, чтобы никто не зналъ объ его нахальномъ поступкѣ.“

Юноша, узнавши содержаніе письма, принесъ благодарность Богу и помолился за родителей, что они отдали его въ шею, гдѣ онъ выучился грамотѣ. Разорвавши и бросивши письмо въ воду, онъ призвалъ Бога на помощь, сѣлъ на коня и отправился далѣе.

Черезъ нѣкоторое время онъ пріѣхалъ въ одинъ городъ. Городъ съ виду былъ прекрасенъ и юношѣ очень понравился. Этимъ городомъ владѣлъ могущественный царь. Юноша остановился у одной бѣдной старушки и выспрашивалъ у нея о порядкахъ, какіе водятся въ этомъ городѣ и, однимъ словомъ, обо всемъ. Старуха подробно рассказала о своемъ городѣ, что только она знала, а, въ заключеніе, добавила слѣдующее:

— „У царя этого города есть дочь удивительно красивая и ученая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жестокая: ей будетъ не болѣе тринадцати лѣтъ, а она лишила жизни уже 89 царевичей.“

Юноша спросилъ старушку о причинѣ смерти этихъ царевичей, и старушка отвѣчала:

— „Милый сынокъ мой! царевна дала обѣтъ, если кто ее превзойдетъ умомъ и мудростью, выйти за того замужъ; если же сама превзойдетъ жениха, то отрѣзываетъ голову побѣжденному; пока еще никто не могъ превзойти ее.“

Узнавши объ этомъ, юноша обрадовался и отъ радости всю ночь не спалъ. Рано утромъ всталъ онъ и отправился во дворецъ къ царю. Придворные предупреждали юношу, что его можетъ постигнуть та же участь, какъ и другихъ жениховъ; но юноша не измѣнилъ своего намѣренія искать руки царевны.

Дали знать царской дочери, что ее желаетъ видѣть одинъ молодой человѣкъ. Царевна велѣла сказать ему, что напрасно онъ ищетъ невозможнаго, что и онъ послѣдуетъ за 89 царевичами. Юноша отвѣтилъ:

— „Да будетъ воля Бога!“

Тогда царевна позвала своихъ родителей, министровъ и другихъ сановниковъ, для заключенія условія. Оно состояло въ слѣдующемъ: если царская дочь превзойдетъ юношу умомъ и мудростью, то отрубить ему голову, а если юноша превзойдетъ ее, то она выйдетъ за него замужъ. По обыкновенію, поставили для юноши золотое кресло и предложили ему сѣсть. Царевна вопросами стала испытывать его.

— „Кто твой отецъ?“ спросила она.

— „Воздухъ и огонь“, отвѣчалъ юноша.

— „Кто твоя мать?“

— „Земля и вода.“

— „Кто твоя бабушка?“

— „Моя бабушка та, которая меня видитъ, но которой я не вижу; она слышитъ меня, а я не слышу ея“.

Чтобы уронить въ глазахъ присутствующихъ значеніе отвѣтовъ своего противника, царевна сказала:

— „Это дѣтскіе вопросы. Теперь я предложу тебѣ вопросы болѣе серьезные и отвѣты на нихъ должны быть тоже серьезнѣе. Какія-это три существа, которыя отъ матери не рождались?“

— „Двое изъ нихъ—Адамъ и Ева, а третье—ягненокъ, который былъ посланъ съ неба Аврааму, для принесенія въ жертву, вмѣсто Исаака.“

— „На землѣ были два существа: они пили, ѣли, а не умерли. Кто они?“

— „Это Энохъ и Илья пророкъ: они не умрутъ, пока не придетъ антихристъ.“

— „Какія-это птицы, которыя ѣдятъ ячмень и траву?“

— „Это саранча.“

— „Кто, пока живъ былъ,—ѣлъ ячмень, умеръ,—началъ пить человѣческую кровь и ѣсть человѣческую плоть?“

— „Это ослиная челюсть, которою Самсонъ убилъ десять тысячъ человѣкъ.“

— „Что имѣло стебель и листья и послѣ воплотилось въ плоть и кровь?“

— „Это посохъ пророка Моисея: прежде онъ имѣлъ стебель и листья, а потомъ, превратившись въ змѣю, воплотился въ плоть и кровь.“

● — „Кто-это царствовалъ 14 лѣтъ, на пятнадцатомъ году заболѣлъ, когда минуло 30 лѣтъ,—скончался, а потомъ вновь ожилъ?“

— „Это луна: въ четырнадцать дней она дѣлается полною, потомъ исчезаетъ и нѣсколько дней не видна и, затѣмъ, опять появляется.“

— „Была могила, которая двигалась и ходила; что-это за могила?“

— „Это вѣтъ, который, поглотивъ Іону, плавалъ въ морѣ.“

— „Кому-то поднесли пищу, онъ же, вмѣсто пищи, съѣлъ того, кто поднесъ ему пищу... Кто онъ?“

— „Это былъ пророкъ Даниилъ, котораго поднесли орлу, но орелъ, вмѣсто него, съѣлъ того, кто поднесъ ему Даниила.“

— „Чьей души, послѣ смерти, не принялъ Богъ, а трупъ—не приняла земля?“

— „Душу жены Лота не принялъ Богъ, а трупъ ея не приняла земля, такъ какъ жена Лота превратилась въ соляной столбъ!“

— „Кто былъ тотъ, котораго Богъ послалъ на землю, но посланный былъ не изъ ангеловъ, не изъ людей и не изъ дьяволовъ?“

— „Это ворона, прилетѣвшая къ Адаму, когда Каинъ убилъ Авеля: Адамъ не зналъ, что сдѣлать съ трупомъ Авеля; тогда прилетѣли двѣ вороны; одна изъ нихъ заклевала другую и закопала ее въ землю; Адамъ увидѣлъ это и поступилъ по примѣру вороны,—выкопалъ яму и похоронилъ Авеля.“

Наконецъ, царевна сказала юношѣ:

— „Теперь ступай, сегодня ты спасся отъ смерти, но завтра погибнешь!..“

— „Если сегодня Богъ спасъ меня“, отвѣтилъ юноша, „то и завтра спасетъ“, и ушелъ обрадованный.

Придворные удивились, увидѣвши юношу живымъ. Пошелъ онъ къ своей старушкѣ и видитъ, что она плачетъ. Когда же увидѣла она юношу,—обрадовалась и сказала:

— „Сынъ, неужели ты благополучно пришелъ оттуда?! Ты только теперь родился на свѣтъ Божій!... Я не думала, что ты вернешься оттуда живымъ.“

— „Богъ спасъ меня“, отвѣтилъ юноша.

На другой день юноша одѣлся попрежнему, призвалъ Бога на помощь и отправился къ царевнѣ, поклонился ей и сѣлъ въ золотое кресло. Спрашиваетъ царевна:

— „Одинъ убилъ другого: убитый отправился въ адъ а убійца—въ рай,—кто это?“

— „Богъ убилъ Каина“; отвѣтилъ юноша: Каинъ пошелъ въ адъ, а Богъ находится въ раю.“

— „Есть одно мѣсто, которое съ сотворенія мира не освѣщалось солнцемъ, и разъ только его освѣтило солнце,— гдѣ это мѣсто?“

— „Это дно Чермнаго моря: когда пророкъ Моисей переходилъ черезъ море, тогда солнце освѣщало дно его.“

— „Самка родилась отъ самца. Что это значить?“

— „Это Ева, сотворенная изъ ребра Адамова.“

— „Два существа другъ-друга ненавидятъ, но одно безъ другого не можетъ жить,—кто они?“

— „Это тѣло и душа.“

— „Кто-такой и не ѣлъ, и не пилъ, а когда умеръ, воду пилъ и землю ѣлъ?“

— „Это посохъ пророка Моисея: пока былъ посохомъ, не нуждался ни въ питьѣ, ни въ ѣдѣ; когда-же превратился въ змѣю, тогда и воду пилъ, и землю ѣлъ.“

— „Ступай“, говоритъ послѣ этого царевна юношѣ, „довольно насегодня, а завтра, таеъ ты и знай, рѣшится твоя судьба.“

— „Богъ милостивъ“, скромно отвѣтилъ юноша и пошелъ домой.

На третій день является онъ во дворецъ, садится, по обыкновенію, въ золотое кресло. Спрашиваетъ царевна:

— „Двухъ вѣстниковъ послали; они не были ни ангелы, ни дьяволы,—кто они?“

— „Это воронъ и голубь“, отвѣчаетъ юноша, „которыхъ Ной выпустилъ изъ ковчега, чтобы узнать, осушилась ли земля.“

— „Въ одну страну отправились 600 человекъ, а обратно вышли оттуда 6 тысячъ. Что-это-за люди были?“

— „Это потомки Иакова: когда они отправились въ Египеть, ихъ было 600 человекъ, а Моисей вывелъ изъ Египта 6000 человекъ.“

Царевна, наконецъ, въ испугѣ сказала:

— „Довольно!.. ступай и завтра опять приходи, тогда я отправлю тебя на тотъ свѣтъ.“

Юноша пошелъ домой.

Насталъ четвертый день,—отправился юноша къ царевнѣ, поклонился ей и сѣлъ въ золотое кресло. Царевна съ ласковымъ видомъ сказала юношѣ:

— „Теперь твоя очередь задавать мнѣ вопросы.“

Спрашиваетъ юноша:

— „Одинъ человекъ былъ богатъ, но, впоследствии, обдѣнѣлъ и сталъ нищимъ; онъ сѣлъ на своихъ родителей и поѣхалъ съ цѣлью нажить богатство; но на дорогѣ его встрѣтила смерть; онъ взялъ въ руки смерть, наполнилъ ею и коня и самого себя; теперь и конь и онъ живы... Кто былъ этотъ нищій?—разгадай-ка!“

Царевна не могла разрѣшить этого вопроса и, послѣ долгаго старанія придумать отвѣтъ, наконецъ, сказала юношѣ:

— „Завтра приходи и получишь отвѣтъ на этотъ вопросъ.“

Юноша ушелъ, а царевна велѣла служителямъ двора зарѣзать двухъ курицъ, приготовить ихъ хорошенько, запастись и другими съѣстными припасами, а также купить двѣ тунги *) крѣпкаго вина. Когда все это было готово, ночью, когда ни единой души не было на ногахъ, а всѣ спали, она велѣла зажечь фонарь и съ двумя придворными женщинами, которыя несли все приготовленное для ужина, пошла къ дому, гдѣ жилъ юноша. Онѣ пришли и постучались у дверей; навстрѣчу имъ вышелъ юноша.

*) Тунга—мѣра жидкостей на Кавказѣ, вмѣстимостью отъ 4 до 5 бутылокъ.

— „Мы—придворныя женщины“, сказали ему, „пришли къ тебѣ за дѣломъ.“

— „Это лживыя слова“, отвѣтилъ юноша.

Женщины поклялись всѣмъ, что онѣ не лгутъ, и прибавили, что, пока не познакомятся съ нимъ, не уйдутъ. Юноша впустилъ ихъ въ домъ. Царевна сняла съ лица вуаль и сказала юношѣ:

— „Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь поѣсть, выпить, повеселиться?“

— „Божусь Богомъ,—ничего нѣтъ у меня: не зналъ, что пожалуютъ ко мнѣ такія высокія гости, иначе заранѣе приготовилъ бы все нужное.“

Царевна приказала служанкамъ подать все, что онѣ принесли, и начали пить, ѣсть и веселиться. Царевна вслѣдствіи заставляла юношу пить вино, чтобы, какъ можно больше, напоить его. Юноша, дѣйствительно, сильно опьянѣлъ. Царевна, видя, что онъ уже пьянъ, начала умолять его говоря:

— „Если меня любишь, то объясни вопросъ, который ты задалъ мнѣ разрѣшить.“

Юноша отказывался, но царевна не отставала отъ него и, наконецъ, добила-таки своего: онъ подробно разсказалъ о своихъ приключеніяхъ и объяснилъ, что заданный имъ вопросъ касается его самого. Во время бесѣды юноша уснулъ. Царевна встала и съ своими служанками, обрадованная, пошла домой, такъ какъ выманила отвѣтъ на заданный ей вопросъ. Но, уходя, царевна забыла у юноши вуаль.

Утромъ, проснувшись, юноша увидѣлъ, что никого нѣтъ въ домѣ, и сильно опечалился, что царевна обманула его; но, вставъ съ постели, замѣтилъ вуаль, забытую царевною. Юноша обрадовался такому случаю и сказалъ про-себя:

— „Слава тебѣ, Господи, что ты спасъ меня отъ предстоящей смерти!“

Юноша всталъ и пошелъ къ царевнѣ. По обыкновенію,

онъ поклонился ей и сѣлъ въ золотое кресло. Царевна пригласила своихъ родителей, министровъ и другихъ вельможъ и, въ ихъ присутствіи, сказала юношѣ:

— „Я разрѣшила заданный тобою вопросъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ, царевна, рассказала все, что случилось, съ юношей, такъ какъ вопросъ касался его. Всѣ присутствовавшіе дивились, какъ она могла знать исторію жизни юноши. Юноша всталъ, поклонился царю и смиренно началъ говорить:

— „Царевна три дня испытывала меня, и я на всѣ вопросы отвѣчалъ. Я предложилъ ей только одинъ вопросъ, и она едва могла разрѣшить его. Позволь мнѣ, государь, задать ей еще одинъ вопросъ, и, если она разрѣшитъ его, тогда пусть убьетъ меня. Въ случаѣ же, если она не дастъ отвѣта на заданный вопросъ, то пусть будетъ моею женою.“

Всѣ согласились на предложеніе юноши, но только съ тѣмъ, чтобы этотъ вопросъ былъ послѣдній. Юноша предложилъ такую загадку:

— „Прилетѣли ко мнѣ три птицы, я поймалъ ихъ, зарѣзалъ изжарилъ, хотѣлъ съѣсть, но вдругъ куда-то онѣ исчезли; если вы не вѣрите этому, то, въ доказательство, я могу показать перья ихъ... Что-это-за птицы были?“

Царевна догадалась, что это касается ея; она припомнила, что у юноши ночью она забыла вуаль; ей стыдно стало говорить объ этомъ и она отказалась разрѣшить вопросъ.

— „Черезчуръ трудный вопросъ!.. я не могу разрѣшить его“, сказала она, „такъ и быть: я буду твоею женою.“

Царь благословилъ юношу и далъ ему въ управленіе свое царство. Юноша, сдѣлавшись царемъ, отправилъ пословъ къ родителямъ, чтобы выкупить ихъ. Родители были выкуплены; они съ радостью пріѣхали въ любимому сыну и начали жить съ нимъ попрежнему. Юноша не забылъ и

старушки, у которой онъ жилъ прежде: онъ перевелъ ее въ себѣ и оказывалъ ей такое же уваженіе, какъ и родителѣмъ.

Записалъ въ Карталиннѣ ученикъ Закавказской учительской семинаріи *Д. Думбадзе*.

4. Походженія царевича Георгія.

Жилъ нѣкогда одинъ богатый и могущественный царь, у котораго было трое сыновей. Младшаго изъ нихъ звали Георгіемъ. Однажды царь призывалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— „Дѣти мои! я старъ уже, и уже недалека кончина моя; мнѣ хочется оставить послѣ себя такой памятникъ, по которому всегда вспоминали бы меня вы и мой народъ; я желаю поставить въ моей столицѣ великолѣпный храмъ, подобнаго которому не было бы нигдѣ на свѣтѣ,—такой, чтобы никто изъ людей не могъ найти въ немъ никакого недостатка. А потому, передавая въ ваше распоряженіе мою казну, я обязываю васъ употребить всевозможныя старанія, чтобы воздвигнуть этотъ храмъ.“

Царевичи немедленно принялись исполнять повелѣніе своего родителя, и въ непродолжительное время воздвигнуть былъ рѣдкой архитектуры пышный храмъ на самомъ видномъ мѣстѣ города. По окончаніи работъ, царевичи доложили отцу о томъ, что исполнили его волю, и просили взглянуть на возведенное ими зданіе. Царь приказалъ, чтобы собрались всѣ: и старъ, и малъ, со всего царства, чтобы видѣть и наслаждаться великолѣпіемъ новаго зданія.

Собралось несмѣтное множество народа; явился и царь со свитой. Всѣ удивлялись красотѣ и изысканности архитектуры храма и не допускали, чтобы могло быть на свѣтѣ другое подобное зданіе. Но вдругъ изъ толпы народа слышалъ-

ся чей-то голосъ: „ахъ, какъ жаль, что у этой постройки одинъ важный недостатокъ!“ Сказавши это, незнакомецъ исчезъ въ толпѣ, такъ-что никто не могъ замѣтить его. Полагая, что указанный незнакомцемъ недостатокъ заключается въ самой архитектурѣ храма, царь приказалъ сыновьямъ разрушить храмъ и построить еще лучше прежняго. Желаніе старика-отца исполнено было сыновьями, и второй храмъ вышелъ еще великолѣпнѣе перваго.

По вторичному приказу царя, народъ собрался, чтобы любоваться красивымъ храмомъ; но тотъ же голосъ незнакомца нашель опять какой-то недостатокъ въ храмѣ, не опредѣляя въ точности, какой именно. Храмъ опять былъ разрушенъ и воздвигнутъ въ третій разъ.

Тогда младшій царевичъ, Георгій, рѣшился какъ-нибудь захватить въ руки виновника ихъ напрасныхъ расходовъ и заставить его указать, какой именно недостатокъ онъ находитъ въ воздвигнутомъ ими, царевичами, храмѣ. Для этого онъ переодѣлся простымъ поселяниномъ и замѣшался въ толпу народа, который опять собрался, по приказанію царя, видѣть храмъ. И вотъ, когда въ толпѣ одинъ низенькій, плохо одѣтый, старикашка опять заговорилъ роковыя для царевичей слова и хотѣлъ-было бѣжать, Георгій, какъ вихрь, подлетѣлъ къ нему, схватилъ за руку и потребовалъ, чтобы онъ разъяснилъ, въ чемъ недостатокъ храма. Старикъ сказалъ тогда:

— „Самъ по себѣ храмъ великолѣпенъ, но нѣтъ на колокольнѣ его той чудной птички, которая находится у царицы „пери“; если вы достанете эту плѣнительной красоты птицу, и будетъ она распѣвать свои очаровательныя пѣсни на колокольнѣ этого храма, то тогда ничто на свѣтѣ не сравнится съ нимъ.“

Царь опять хотѣлъ разрушить храмъ; но Георгій передалъ ему слова незнакомаго старика, и тогда онъ приказалъ сыновьямъ своимъ непременно добыть чудную птичку и объ-

щаль благословить на царство того изъ нихъ, кто исполнить его желаніе. Царевичи, давъ обѣщаніе непременно отыскать эту птицу, всѣ-трое пустились въ путь.

Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, братья остановились на одной полянѣ, гдѣ дорога раздѣлялась на три вѣтви. Въ началѣ каждаго развѣтвленія стояло по камню съ надписью. На камнѣ правой дороги была такая надпись: „дорога, по которой можно идти безопасно и вернуться назадъ благополучно“. На камнѣ средней дороги были начертаны слова: „отправляющійся по этой дорогѣ можетъ быть—вернется обратно, а можетъ быть—и нѣтъ“. На камнѣ лѣвой дороги написано было: „отправившійся по этой дорогѣ не возвратится никогда обратно“. Тутъ братья призадумались и не знали, кому по какой дорогѣ итти. Тогда Георгій сказалъ братьямъ:

— „Идите вы по правой и по прямой дорогѣ, а я пойду по лѣвой; авось, Богъ поможетъ мнѣ, птицу найду и возвращусь благополучно.“

Братья послушались и, простившись другъ съ другомъ, поѣхали, каждый по своей дорогѣ.

Старшій изъ братьевъ, державшій путь въ правую сторону, послѣ долгаго путешествія, пріѣхалъ въ одинъ дальній городъ, израсходовалъ всѣ свои деньги, обѣднѣлъ и нанялся работникомъ къ одному трактирщику. Подобная же участь постигла и средняго брата: послѣ долгаго скитанія по свѣту, онъ попалъ на службу въ пурщику *).

Не такова была судьба царевича Георгія. Сначала, въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ не встрѣтилъ никого. Но вотъ, миновалъ одно плоскогоріе, онъ направилъ лошадь въ дремучему лѣсу, который былъ впереди; изъ лѣса до его слуха стали долетать не то человѣческіе вопли, не то ревъ звѣря. Направивъ свои глаза въ ту сторону, откуда слышались эти

*) Пурщикъ—хлѣбникъ.

звуки, онъ замѣтилъ вдали, у опушки лѣса, громадную фигуру, похожую на человѣка. Это былъ „девъ“. Георгій не испугался подъѣхать близко, держа, при этомъ, себя наготовѣ въ борьбѣ съ этимъ чудовищемъ. Девъ тотчасъ узналъ въ подъѣхавшемъ Адамово племя (Адаміанисъ швили) и обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

— „Адамовъ сынъ! Меня безпокоитъ нарывъ, появившійся въ ухѣ моемъ; я кричу отъ боли. Освободи меня отъ этого недуга, и я готовъ исполнить твое желаніе, о чемъ бы ни попросилъ ты меня.“

Георгій былъ мѣткій стрѣлокъ изъ лука: не думая долго, онъ натанулъ тетиву и пустилъ стрѣлу въ ухо дева, и оттуда полилась кровь съ гноемъ. Девъ скоро успокоился и умолялъ Георгія сказать, чѣмъ онъ можетъ служить ему, чтобы отплатить за его услугу. Георгій просилъ дева помочь ему отыскать и достать птичку царицы-пери, если онъ знаетъ ея мѣстожителство. Девъ затруднился и искренно сожалѣлъ, что Георгій стремится достигнуть невозможнаго, и что такой прекрасный юноша долженъ погибнуть безвозвратно среди многообразныхъ бѣдствій, съ которыми сопряжено доставаніе этой птички. Девъ умолялъ Георгія вернуться назадъ. Но Георгій настаивалъ на своемъ. Тогда девъ сказалъ ему:

— „На три дня ѣзды отсюда, въ одной пещерѣ, живетъ трехглавый девъ, который, при твоёмъ приближеніи, почуветъ тебя по запаху и выйдетъ проглотить тебя, если ты не постарайся задобрить его въ свою пользу: онъ имѣетъ привычку, вмѣсто обыкновенной „кевы“ *), жевать свинецъ; ты долженъ постараться бросить въ обѣ стороны его громадной пасти по 10 „литръ“ **) свинца; послѣ такой услуги девъ согласится помочь тебѣ.“

*) Жвачка, приготовляемая изъ смолы древесной; ее жуютъ въ Закавказьи, преимущественно, женщины.

**) Лигра, смотря по мѣстности, вѣситъ отъ 9 до 12½ фунтовъ.

Георгій скоро нашелъ второго дева; ловко бросилъ ему за каждую щеку по куску свинца и получилъ отъ него слѣдующія указанія:

— „Далеко отсюда, въ неприступныхъ скалахъ, жило одно семейство девовъ, состоявшее изъ матери-старухи, семи сыновей-девовъ и одной дочери-красавицы. Недавно другіе 12 братьевъ-девовъ похитили у нихъ эту красавицу, и съ того дня ведется между этими семействами ожесточенная война изъ за нея. Братья не въ силахъ отнять свою сестру, а мать убивается отъ постигшаго ее горя. Если ты въ состояніи помочь имъ,—вырвать изъ рукъ враговъ сестру и доставить ее матери, тогда послѣдняя окажетъ всякую помощь тебѣ въ достиженіи твоей цѣли.“

Георгій обѣщавъ все исполнить, отправился къ старухѣ-чудовищу и разыскалъ ее скоро. Получивъ отъ нея нужныя свѣдѣнія, онъ явился на то мѣсто, гдѣ происходила борьба между девами. Обѣ стороны устали отъ продолжительной борьбы и отдыхали. Красавица, закованная въ цѣпи, лежала недалеко отъ своихъ похитителей и горько плакала. Завидѣвъ человѣка, всѣ девы вскочили и, разинувъ пасти, бросились, чтобы проглотить его. Но Георгій успѣлъ объяснить сыновьямъ старухи, что пріѣхалъ на помощь къ нимъ. Тогда семь братьевъ девовъ примкнули къ нему, и возобновилась страшная война чудовищъ. Георгій мѣтко поражалъ чудовищъ стрѣлами, но стрѣлы, вонзаясь въ бока неприятелей, смертельныхъ ранъ не причиняли имъ. Тогда онъ остановилъ воюющихъ девовъ и обратился къ нимъ съ такимъ предложеніемъ:

— „Вы давно уже ведете войну и никакъ не можете кончить ее: не лучше-ли вамъ выйти попарно на борьбу, и побѣжденный пусть будетъ зарѣзанъ побѣдителемъ.“

Девы согласились, и первый выступилъ впередъ Георгій. Съ противной стороны направился къ нему одинъ изъ двѣнадцати братьевъ-девовъ и началась борьба: девъ схватилъ

Георгія и до колѣнъ погрузилъ его въ землю; Георгій привсталъ, оправился и, схвативъ дева, вбилъ его въ землю до пояса; девъ не замедлилъ встать и погрузилъ Георгія въ землю по самую грудь, но Георгій, какъ вѣтеръ, вылетѣлъ опять изъ земли и, поднявъ дева высоко-высоко надъ своей головой, всадилъ его въ землю по самое горло; тогда девъ не могъ уже встать и Георгій, ударомъ шашки, покончилъ съ нимъ. Остальные девы удивлялись небывалой силѣ молодого царевича и противъ него выпелъ другой девъ, гораздо представительнѣе на видъ и сильнѣе перваго. Но его постигла таже участь, какъ и перваго. И началъ Георгій послѣ этого убивать по одиночкѣ и истребилъ всѣхъ двѣнадцать девовъ: цѣлые потоки крови лились изъ труповъ ихъ; самъ царевичъ Георгій совершенно выбился изъ силъ. Сестра опять досталась братьямъ, которые не знали, какъ и чѣмъ отблагодарить ея спасителя и побѣдителя ихъ враговъ. Пришедши домой, братья стали просить свою мать, которая была въ восторгѣ, увидѣвъ свою любимицу-дочь, чтобы она достойнымъ образомъ отблагодарила ихъ благодѣтеля. Старуха сама отъ души желала этого и предложила Георгію просить у нея, чего онъ желаетъ, обѣщая исполнить его просьбу. Георгій объяснилъ причину и цѣль своего путешествія. Тогда она сказала ему:

— „Ты задумалъ достигнуть, поистинѣ, очень труднаго. Я знаю, что ты много невзгодъ перенесъ, пока доѣхалъ до меня, но немало почти неодолимыхъ препятствій предстоитъ тебѣ впереди, пока достигнешь желаемаго; ты долженъ въ точности исполнить все то, что я тебѣ скажу сейчасъ; малѣйшее отступленіе твое отъ моихъ совѣтовъ повлечетъ тебя къ гибели.“

Георгій обѣщался исполнить все, что она посовѣтуетъ.

— „Послѣ долгаго путешествія по этой дорогѣ“, сказала старуха, указавъ, при этомъ, дорогу, „ты придеши къ двумъ, рядомъ текущимъ, родникамъ; изъ одного выходитъ

бѣлая жидкость, похожая на молоко, а изъ другого—красная, похожая на кровь. Обѣ эти жидкости въ высшей степени отвратительны на вкусъ; но ты непременно долженъ напиться изъ этихъ источниковъ, и, напившись, отнюдь не смѣй порицать ихъ, а, напротивъ, похвали, говоря: „о, какіе прелестныя родники, какая вкусная въ нихъ вода!“ Миновавъ родники, тебѣ придется, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, пробираться чрезъ колючій кустарникъ. Ты долженъ раздѣться догола и, въ такомъ видѣ, пройти весь этотъ колючій лѣсъ. Колючки будутъ терзать твое тѣло, изранять его до крови, но ты не смѣй жаловаться на боль, а хвали этотъ колючій путь, называя прекраснѣйшею изъ дорогъ. Послѣ кустарника тебѣ придется, голымъ же, проходить чрезъ огромное, страшно соленое озеро. До смерти заболитъ у тебя израненное колючками тѣло отъ соленой воды, но ты постарайся сдержать свои вдохи и хвали также побольше воду эту, называя ее вѣрнѣйшимъ изъ цѣлебныхъ средствъ. Исполнивъ все это, ты достигнешь своей цѣли: соленая вода, дѣйствительно, уврачуеетъ твои раны, какъ лѣкарство, и, по выходѣ изъ озера, у тебя сразу исчезнутъ онѣ. Далѣе, продолжая итти по той же дорогѣ, ты скоро дойдешь до великолѣпнаго дворца царицы-пери. Дворецъ ея окружаетъ многочисленное войско, расположенное вокругъ въ нѣсколько рядовъ. Это—ея подданныя-пери; онѣ, на видъ, покажутся тебѣ странными, ибо стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, не проявляя никакихъ признаковъ жизни, какъ простыя деревянные столбы. Но ты прими ихъ за людей и, подойдя къ дверямъ, ведущимъ въ покои царицы, почтительно поклонись каждому изъ стоящихъ тамъ мнимыхъ столбовъ. Когда ты сдѣлаешь это, тебѣ откроется входъ, черезъ который ты проникнешь внутрь дворца и, миновавъ нѣсколько комнатъ, войдешь, наконецъ, въ спальню царицы, гдѣ въ это время она будетъ спать, а дорогая птичка будетъ висѣть на

стѣнѣ, надъ ея головой, въ золотой вѣтѣѣ. Не оглядываясь кругомъ, ты смѣло подойди къ вѣтѣѣ, сними ее, вмѣстѣ съ пѣвуней, со стѣны и убѣгай безъ оглядки, какъ можно, скорѣе, по тому же пути, по которому пришелъ. Если все это исполнишь ты, какъ я сказала, то добудешь ту птичку; въ противномъ же случаѣ погибнешь безвозвратно.“

Не думая долго и простившись съ услужливыми хозяевами, Георгій пустился по указанному пути. Встрѣтивъ вскорѣ родники, онъ принялся пить изъ нихъ и, хотя почувствовалъ тошноту и головокруженіе, твердилъ спасительныя слова старухи: „о, какъ хороши родники, какая вкусная въ нихъ вода!“ Съ подобными же похвалами пробирался онъ черезъ чащу колючаго кустарника. Преодолѣвъ онъ и мученія, которыя причиняла соленая озерная вода, прикасаясь къ ранамъ его: претерпѣвая ужасную боль, онъ лепеталъ лишь похвалы цѣлебной водѣ. Какъ только вылѣзъ онъ изъ озера, раны его моментально зажили, и онъ бодрѣе прежняго двинулся дальше по указанному пути. Скоро дошелъ онъ до дворца царицы и, отдавъ по поклону каждому изъ стоявшихъ у входа воину, направился во дворецъ, прошелъ нѣсколько комнатъ и вошелъ въ спальню царицы. Подойдя смѣлыми шагами съ стѣнѣ, гдѣ висѣла вѣтѣа съ птичкой, Георгій снялъ еѣ и пустился бѣжать обратно. Царица скоро узнала о случившемся и бросилась въ погоню за бѣглецомъ. Подойдя къ выходнымъ дверямъ, она крикнула воинамъ, чтобы не пускали похитителя, но, къ удивленію Георгія, столбы эти вдругъ заговорили и съ неудовольствіемъ отвѣтили царицѣ своей:

— „Мы служимъ тебѣ столько времени и ни разу не удостоивала ты насъ своего привѣтствія, а этотъ человѣкъ, съ перваго же свиданія съ нами, почтилъ насъ своимъ поклономъ: не хотимъ мы слушаться тебя и губить этого благороднаго юношу!“

Царица дагѣ продолжаетъ погоню и видитъ, что озеро разступилось надвое и даетъ свободный проходъ Георгію. Она стала кричать озеру:

— „Любезное мое озеро, вѣрный мой слуга! не пускай, держи этого разбойника!“

Но озеро сердито отвѣтило:

— „Я вѣкъ тебѣ служу и никогда не удостоивалось отъ тебя лестнаго отзыва; ты всегда плевала, проходя мимо меня, а этотъ человѣкъ, пробираясь, раненый, чрезъ мою воду, все восхвалялъ ее, называя самымъ прекраснымъ цѣлебнымъ средствомъ: не погублю этого хорошаго человѣка изъ-за твоихъ капризовъ!“

Такой же отвѣтъ получила царица и отъ колючаго кустарника, и отъ родниковъ, которые также дали безпрепятственный проходъ Георгію.

Такъ добрался онъ съ птицей до жилища знакомаго ему семейства девокъ. Погостивъ и отдохнувъ у нихъ нѣсколько дней, царевичъ, собравшись съ новыми силами, отправился въ обратный путь къ родинѣ, довольный своимъ успѣхомъ. Дорѣгою птичка напѣвала ему свои сладкія пѣсенки.

Послѣ долгаго путешествія, доѣхавъ онъ до того мѣста, гдѣ разошелся съ братьями и, направившись по правой дорогѣ, пріѣхавъ въ городъ и отыскавъ тамъ старшаго брата. Потомъ онъ отыскавъ, такимъ же образомъ, и средняго брата, и всѣ трое, веселые и довольные, отправились на родину. Чрезъ нѣсколько дней путешествія, имъ пришлось остановиться на одномъ мѣстѣ, чтобы отдохнуть и закусить. Послѣ ѣды захотѣлось имъ пить: пошли искать воду и натенулись на одну глубокую яму, на днѣ которой виднѣлась вода. Старшій братъ изъявилъ желаніе опуститься въ колодезь и достать оттуда воды. Но, когда его на веревкѣ начали спускать внизъ, онъ сталъ кричать и жаловаться, что его что-то душитъ въ ямѣ. Его вытащили. Средній братъ, смѣясь надъ старшимъ,

захотѣлъ опуститься къ водѣ; но чуть спустили его до половины, также началъ кричать и умолять братьевъ, чтобы подняли его вверхъ. Тогда привязали веревку Георгію и опустили его внизъ. Въ ямѣ, дѣйствительно, тяжело было дышать, но богатырская грудь отважнаго царевича способна была вынести это. Достигнувъ дна, онъ оглянулся кругомъ и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что предъ нимъ отърывается во всѣ стороны широкое, ровное, немного темное пространство, а вдали виднѣется красивый домъ, откуда до его слуха долетаютъ звуки, похожіе, казалось ему, на плачь женщины. Подавъ братьямъ воды, онъ попросилъ ихъ, чтобы пождали его, а самъ направился къ виднѣвшемуся дому.

Царевичъ не ошибся въ своемъ предположеніи: въ великолѣпно убранной комнатѣ, куда онъ вошелъ, сидѣла на тахтѣ *) плѣнительной красоты дѣвушка и проливала горючія слезы, оплакивая свою долю. Увидѣвъ вошедшаго молодого человѣка, красавица немедленно прыгнула съ тахты, припала къ ногамъ его и стала умолять, чтобы онъ поскорѣе вышелъ отсюда; иначе, по словамъ красавицы, скоро могъ явиться семиглавый дѣвъ, который уничтожилъ бы его. Но Георгій сталъ увѣрять ее, что за него не слѣдуетъ бояться, и просилъ ее, чтобы она сказала, кто она такая, что это-за мѣсто, и какииъ образомъ она попала въ это подземное царство. Тогда она объяснила, что этотъ роскошный домъ— жилище семиглаваго дева, который часто ходитъ охотиться на людей и теперь въ отлучкѣ по этому поводу; что она дочь извѣстнаго могучаго царя и похищена этимъ девомъ.

— „Хотя ты увѣряешь меня, что дѣвъ ничего не можетъ сдѣлать тебѣ“, добавила царевна, „однако онъ настолько лютъ и силенъ, что я боюсь за тебя, а потому я научу тебя вѣрному способу, которымъ ты, если ловеиъ и силенъ,

*) Тахта— туземный диванъ безъ спинки. Ср. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, Вып. IX, отд. II, стр. 222.

легко покончишь съ нимъ. А если Богъ поможетъ и сдѣлаешь ты это, тогда я—навсегда твоя.“

Сказавъ это, она вынесла изъ другой комнаты двѣ пашки; потомъ показала въ одной изъ комнатъ два большихъ, закрытыхъ въ землю, кувшина, которые были наполнены какими-то жидкостями, заставила царевича окунуть сабли въ эти кувшины и сказала:

— „Держи всегда сабли эти при себѣ; вотъ эта“, она указала на саблю, окунутую въ кувшинъ съ черной жидкостью, „способна убить семиглаваго дева, а другая, опущенная въ бѣлую жидкость, годится въ борьбѣ съ „пери“; можетъ быть и она пригодится тебѣ въ жизни. Какъ только войдетъ девъ, ты замахнись сильно на него первой саблей, чтобы съ одного удара отрубить ему всѣ семь головъ; но когда, получивъ смертельный ударъ, девъ свалится и, похваливъ тебя за твою силу и ловкость, будетъ просить тебя ударить и въ другой разъ,—ты не повторяй удара: иначе онъ оживетъ и тогда ни мнѣ, ни тебѣ не быть живыми!“

Вскорѣ, послѣ этого разговора, явился девъ и направляясь къ дому, заревѣлъ своимъ страшнымъ голосомъ:

— „Фу! Здѣсь пахнетъ человѣкомъ; поскорѣе убраться надо!...“

Георгій скрылся за дверями и, какъ только вошелъ девъ, широкимъ размахомъ богатырской руки, со всего плеча, нанесъ ему пашкой ударъ. Девъ, лишившись всѣхъ семи головъ сразу, какъ подкошенный, упалъ на землю и воскликнулъ:

— О, какой ты молодецъ, Адамовъ сынъ! Повтори еще разъ свой ударъ и дай мнѣ полюбоваться твоей силой!“

Но царевичъ отвѣтилъ:

— „Я рожденъ матерью своею одинъ разъ, а потому и ударъ мой не повторяется.“

Девъ скоро разстался съ жизнью. Радости царевны не было конца. Въ знакъ своей любви къ Георгію, она сняла

съ пальца перстень, собственноручно надѣла на палець Георгію, горячо распѣловала его и дала слово соединиться съ нимъ навѣки.

Счастливые и довольные судьбою, направились они къ выходу изъ ямы. Братья опустили веревку. Георгій предложилъ своей невѣстѣ первой подняться, но она отказалась, говоря, что братья его, увидѣвъ ея красоту, оставятъ его въ ямѣ. Георгій не соглашался съ нею и даже обидѣлся за братьевъ. Видя упорство своего жениха, царевна приготовилась къ выходу, но, напередъ, сказала царевичу:

— „Я убѣждена, что братья оставятъ тебя здѣсь, а потому запомни мой совѣтъ, какъ выйти тебѣ отсюда: каждое воскресенье приходятъ сюда два барана: бѣлый и черный, и борются съ утра до вечера; ты постарайся какъ-нибудь сѣсть на бѣлаго: онъ вывезетъ тебя на бѣлый свѣтъ. Но остерегайся сѣсть на чернаго барана, который, при всякой попыткѣ твоей влѣзть на спину бѣлому барану, будетъ подставлять свой хребетъ: онъ навсегда унесетъ тебя въ темное, подземное царство.“

Поднявъ царевну и плѣнившись ея красотой, братья, дѣйствительно, оставили Георгію въ подземельѣ, не внимая даже мольбамъ его: захлопнувъ отверстіе ямы большимъ плоскимъ камнемъ, они, съ красавицей и птицей, направились къ родинѣ. Дорогой они уговорились, что одинъ изъ нихъ получитъ отцовскій престолъ за доставленіе пѣвчей птицы, а другой женится на царевнѣ. Царевну они рѣшили не показывать отцу и запереть, до поры-до-времени, въ одной башнѣ, чтобы она не рассказала царю о вѣроломномъ поступкѣ ихъ съ младшимъ братомъ. Впослѣдствіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ, они рассчитывали силой заставить ее выйти за одного изъ нихъ, убѣдивъ ее, что женихъ ея, Георгій, могъ за это время умереть въ ямѣ.

Братья поступили, какъ условились, но престола отъ отца не получили; потому что доставленная ими птица не толь-

ко не пѣла на колокольнѣ храма, но даже и ѣсть перестала, нахохлилась, опустила въ беспорядкѣ перья, подобно воронѣ послѣ дождя, и, очевидно, горевала о чемъ-то. Царь ежедневно плакалъ и съ горестью вспоминалъ своего младшаго сына, потеряннаго для него, какъ ему казалось, навѣки изъ-за какой-то, повидимому, плохонькой, ни къ чему негодной, птицы, которую доставили ему сыновья.

Георгію долго пришлось оставаться въ подземномъ царствѣ: онъ каждое воскресенье смотрѣлъ на борьбу туда приходившихъ барановъ, но ему никакъ не удавалось сѣсть на бѣлаго. Наконецъ, послѣ двухлѣтняго терпѣнія, ему удалось сѣсть на спину бѣлому барану, который въ нѣсколько мгновений и вывезъ его на бѣлый свѣтъ. Пройдя нѣсколько верстъ пѣшкомъ и осматриваясь вокругъ, онъ скоро убѣдился, что родной городъ находится близко.

Птичка-пѣвунья способна была, оказалось, заранѣе предугадывать все, что могло ее постигнуть, а потому, съ того момента, какъ царевичъ былъ вывезенъ на свѣтъ Божій бараномъ, она развеселилась и стала напѣвать своимъ чуднымъ голосомъ сладкія пѣсни. Съ приближеніемъ Георгія, пѣніе птички становилось все восхитительнѣе, и народъ былъ въ недоумѣніи, не зная, чему приписать неожиданную веселость птички. Когда недалеко отъ города показалась стройная фигура царевича,—восхищенію птички не было границъ... Запертая въ башнѣ царевна, невѣста Георгія, при своей очаровательной красотѣ, была надѣлена отъ природы и прекрасными душевными способностями: она скоро догадалась, что, вѣроятно, Георгій уже приближается къ городу, и птичка эта способна угадывать его близкое присутствіе. Присмотрѣвшись хорошенько къ показавшейся по дорогѣ человѣческой фигурѣ, она узнала въ ней своего жениха. Чтобы предупредить новыя возни со стороны старшихъ царевичей, она подкупила караульнаго, приставленнаго къ ней тайно царевичами, чтобы тотъ,

отъ имени ея, передалъ царю, что перемѣна въ птицѣ объясняется появленіемъ Георгія въ предѣлахъ его царства, что онъ уже недалекъ отъ города.

Царь немедленно, со свитой, выѣхалъ навстрѣчу любезному сыну. Не узнавъ въ лицѣ запыленного и усталого путника своего желаннаго сына, царь, со слезами на глазахъ, поворотилъ назадъ свою лошадь и хотѣлъ-было ѣхать обратно, но Георгій подбѣжалъ къ нему и, назвавши себя, сталъ умолять отца пощадить измѣнившихъ ему старшихъ братьевъ. Царь безконечно обрадовался, увидавъ, наконецъ, своего сына, котораго считалъ навсегда потеряннымъ. Но и радость не могла заглушить въ немъ гнѣва на вѣроломныхъ старшихъ сыновей своихъ: они были приговорены отцомъ къ смертной казни и, только по неотступной просьбѣ Георгія, были помилованы. Но больше всѣхъ радовалась появленію Георгія невинно осужденная на заточеніе царевна - красавица; для нея настала, наконецъ, часъ вторичнаго освобожденія и свиданія съ женихомъ.

Скоро состоялась свадьба Георгія. На свадьбѣ были и родные ея. Послѣ этого царь передалъ свою власть Георгію, и сталъ царевичъ могучимъ государемъ, грозою сосѣдей. Никто не осмѣливался вступать съ нимъ въ борьбу. Только обиженная Георгіемъ царица-„пери“ нѣсколько разъ нападала на его царство, но терпѣла всегда пораженія; потому что Георгій владѣлъ пашкой, взятой, по указанію его жены, изъ дома подземнаго „дева“ и омытой въ бѣлой волшебной жидкости, въ одномъ изъ кувшиновъ его.

Записалъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, учитель Баралетскаго училища *А. Микеладзе*.

ГУРИЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. О Палеостомѣ.

Относительно происхожденія озера Палеостома *) у жителей Озургетскаго уѣзда сохранилось слѣдующее преданіе.

На мѣстѣ этого озера былъ нѣкогда городъ Палеостомъ. Въ этомъ городѣ была церковь, въ которой находилась икона Божіей Матери, принесенная Андреемъ Первозваннымъ.

Жители города до того развратились, что, несмотря на святость храма, начали вѣзжать въ него на коняхъ. Чтобы воспрепятствовать этому нечестію, Богъ настолько понизилъ двери церкви, что уже нельзя было вѣхать въ нее на лошади. Тогда жители города стали, при входѣ въ церковь, слѣзая съ лошадей, но все-таки вводили ихъ за поводъ въ церковь. Богъ, желая, чтобы они входили въ церковь безъ лошадей и нагнувшись, какъ бы кланяясь Ему, еще болѣе понизилъ двери. Жители города, дѣйствительно, стали оставлять лошадей на дворѣ, но не нагибались, при входѣ въ церковь, а просовывали туда сначала ноги, а потомъ и все тѣло. Тогда, видя несправимость жителей, Богъ рѣшилъ потопить Палеостомъ.

Только одинъ человѣкъ, по имени Кико, хранилъ благочестіе. Господь явился ему во снѣ и сказалъ:

— „Возьми икону Божіей Матери и отнеси ее въ селеніе Шемокмеды **), потому что городъ Палеостомъ долженъ погибнуть.“

*) О происхожденіи Палеостома см. статью Н. И. Шафранова во II выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ отд. I, стр. 45—58.

**) Въ семи верстахъ отъ Озургетъ.

Киво немедленно сѣлъ на катера, святую икону поставилъ передъ собою, а сзади себя посадилъ уважаемую имъ женщину, которой онъ не желалъ гибели, и поѣхалъ въ назначенное мѣсто. Какъ только Киво выѣхалъ изъ Палеостома, Богъ ударилъ сверху огнемъ и потопилъ городъ. Ёдетъ Киво, а потопъ настагаетъ его: заднія ноги катера уже были въ водѣ. Тогда является ему Господь и говоритъ:

— „Брось женщину и спасешься, а не бросишь, такъ погибнешь!“

Киво бросилъ женщину, и потопъ остановился.

Когда пріѣхалъ Киво въ Шемокмеды, черезъ три мѣсяца явился ему во снѣ Богъ и сказалъ:

— „Возьми икону въ Бахви *)“.

Тогда Киво переселился въ Бахви и перенесъ туда святую икону.

2. 0 монахѣ.

Былъ одинъ монахъ, который часто читалъ въ Священномъ Писаніи слѣдующія слова: „чего попросишь съ вѣрою у Бога,— дано будетъ“. Монахъ думалъ-думалъ и, наконецъ, желая узнать, насколько это правда, сталъ съ вѣрою просить Бога сдѣлать его зятемъ царя. Послѣ горячихъ молитвъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ пошелъ, переодѣвшись, къ царю и сталъ просить руки его дочери. Сначала царь отказалъ ему; но, когда увидѣлъ, что никакъ не можетъ отдѣлаться отъ просьбы монаха, сказалъ ему:

— „На моей дочери женится тотъ, кто достанетъ мнѣ золотой кубокъ, который мой отецъ уронилъ въ море.“

Монахъ простился съ царемъ и отправился искать кубокъ. Опять онъ началъ горячо молиться и просить Бога, чтобы онъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Однажды, проходя мимо

*) Селеніе, находящееся въ восьми верстахъ отъ Озургеть.

одной церкви, онъ услышалъ шумъ и страшныя ругательства, которыя, казалось, выходили изъ нея. Вошедши въ церковь, онъ, къ великому удивленію, никого не встрѣтилъ, а брань все-таки продолжала слышаться. Потомъ онъ вошелъ въ алтарь и увидѣлъ лежащую на престолѣ митру. Прислушавшись, онъ замѣтилъ, что шумъ и брань выходили изъ нея. Еще разъ прислушавшись, онъ спросилъ, наконецъ:

— „Кто ты такой, и что съ тобой случилось?“

— „Я злой духъ“, отвѣчалъ изъ митры голосъ, „меня заперъ въ этой митрѣ проклятый монахъ, но, если мнѣ удастся освободиться какъ-нибудь, тогда я отплачу ему!...“

— „Если я тебя освобожу, что ты мнѣ дашь тогда?“ спросилъ монахъ.

— „Клянусь всѣми злыми духами, чего попросишь, то и исполню!“ отвѣчалъ злой духъ.

— „Достанешь мнѣ кубокъ, который *такой-то* царь уронилъ въ море?“ сказалъ монахъ.

Злой духъ согласился исполнить желаніе монаха; послѣдній поднялъ митру, и злой духъ вылетѣлъ изъ церкви, какъ птичка. Монахъ испугался, думая, что злой духъ всецѣмъ пропалъ, и принялся горячо молиться Богу. Черезъ четверть часа онъ увидѣлъ, что въ двери вошелъ великанъ, держа въ рукѣ кубокъ. Приблизившись къ монаху, онъ палъ на колѣна, подалъ кубокъ и горячо благодарилъ его за освобожденіе.

— „Кто ты такой, что меня удовлетворишь за освобожденіе?“ спросилъ монахъ.

— „Я тотъ злой духъ, котораго ты освободилъ,“ отвѣчалъ великанъ.

— „Да какъ-же ты могъ помѣститься въ этой митрѣ?“ притворно удивился монахъ. „Если ты тотъ-же самый духъ, то помѣстись и теперь въ ней, и тогда я удостовѣрюсь, что ты тотъ самый, котораго я освободилъ!“

Злой духъ, ничего не подозрѣвая, залѣзъ въ митру, а монахъ положилъ тогда на митру крестъ и сказалъ:

— „Я не имѣю права тебя выпустить! Кто заперъ тебя, пусть тотъ и освободить тебя!“

Потомъ онъ взялъ кубокъ и отправился къ царю. Царь, вѣрный своему слову, не могъ не исполнить обѣщанія, но монахъ сказалъ:

— „Я бѣдный монахъ и не желаю вступить въ бракъ, а только хотѣлъ удостовѣриться, насколько вѣрны слова Св. Писанія!“

Сказавъ это, инокъ простился съ царемъ.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Ф. Меладзе*.

АРМЯНСКІЯ СКАЗКИ, ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

І. Преданіе о Дивъ-архѣ.

Рѣка Тертеръ, протекая между высокими горами, покрытыми листовнымъ лѣсомъ, недалеко отъ селенія Мадагисъ, Джеванширскаго уѣзда, выступаетъ съ шумомъ на равнину. Гора, которая тянется съ лѣвой стороны рѣки, отлога, такъ что легко можно было бы взобраться на нее, если бы не мѣшали непроходимые лѣса; гора, идущая по правую сторону рѣки, напротивъ, возвышается почти отвѣсно. Множество канавъ, берущихъ свое начало отъ Тертера, пересекають примыкающую къ этимъ горамъ равнину. Отъ иныхъ канавъ остались только едва замѣтные слѣды. Но одна изъ нихъ, идущая по правую сторону рѣки, и въ настоящее время поражаетъ своею шириною и длиною. Если смотрѣть съ лѣваго берега Тертера, то ясно можно видѣть ея русло вдоль скалистаго, обрывистаго берега рѣки. Она называется „Дивъ-архъ“, т. е. канава великана.

Относительно происхожденія этой канавы сложилось слѣдующее преданіе.

Нѣкогда на томъ мѣстѣ Карабаха, гдѣ нынѣ Джеванширскій уѣздъ, властвовалъ какой то ханъ. У него была дочь, которая превосходила всѣхъ красавицъ своею красотою. Въ нее влюбились два юноши. Одинъ изъ нихъ отличался богатствомъ, а другой славился силою и храбростію во всемъ царствѣ: всѣ люди дрожали передъ нимъ, и народъ, поэтому, далъ ему прозвище— „Дивъ“ (великанъ). Оба юноши предлагали царевнѣ руку, но она не знала, чье предложеніе принять.

— „Я выйду замужъ,“ наконецъ она сказала имъ, „за

того, кто раньше выроет канаву и проведетъ воду по ней изъ рѣки Тертера на равнину; но пусть одинъ начнетъ рыть ее съ одной стороны, а другой—съ другой стороны рѣки, и оба должны начать работу съ одного мѣста.“

Вотъ идутъ они и горячо принимаются за работу. Богатый юноша приѣхалъ къ рѣкѣ и выбралъ себѣ хорошее, легкое мѣсто на лѣвомъ ея берегу, а Диву оставилъ правый берегъ,—скалистый, обрывистый. Но Дивъ не обратилъ на это вниманія: онъ, изъ горячей любви къ ханской дочери, съ надеждою на Бога, смѣло принялся за работу. Богатый юноша, зная, что самому ему не въ силу трудъ, нанялъ нѣсколько десятковъ работниковъ, и тѣ, по его указанію, стали рыть канаву. Дивъ дѣйствовалъ своею собственною силою, а богатый юноша—деньгами. Дивъ работалъ съ такимъ усердіемъ, что не чувствовалъ цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, ни усталости, ни голода. У него работа такъ и вилѣла; камни, словно сами, такъ и катились; цѣлыя деревья съ корнями, словно невидимой силой, вырывались изъ земли. Съ другой стороны, подстреваемые хорошею платой, съ большимъ усердіемъ трудились и работники богатаго юноши. Но Дивъ, изъ любви къ ханской дочери, съ каждымъ днемъ усиливалъ свое усердіе и, чѣмъ далѣе, тѣмъ энергичнѣе шла у него работа. Каждый день, утромъ и вечеромъ, онъ смотрѣлъ на работы своего соперника. Въ это время дочь хана каждый день посылала людей къ женихамъ узнавать о ходѣ ихъ работъ. Когда она услышала объ изумительныхъ работахъ Дива, то заочно крѣпко полюбила его и рѣшилась непременно быть его женою.

Работа у Дива уже подходила къ концу, у богатаго же юноши оставалось работы еще на нѣсколько дней. Видя это, богатъ сильно огорчился; онъ явно видѣлъ, что Дивъ одержитъ побѣду. Но богатаго юношу выручила изъ бѣды одна старуха: она пришла къ богачу и говоритъ:

— „Что ты дашь мнѣ, если я заставлю Дива убить самого себя, такъ что твоя возлюбленная достанется тебѣ?“

— „Дамъ все, что захочешь, если ты исполнишь это“, отвѣтилъ богатый юноша.

— „Иди, купи мнѣ нѣсколько сотъ аршинъ холста,“ сказала старуха.

Немедленно онъ исполнилъ ея требованіе: купилъ холста и принесъ ей въ то время, когда Дивъ уже окончилъ работу и готовился на слѣдующее утро пустить по канавѣ воду на равнину. Старуха приказала положить холстъ на ночь въ воду, а на разсвѣтѣ разостлатъ его по канавѣ богатаго юноши. Все было исполнено. Дивъ рано утромъ всталъ и хотѣлъ-было направить воду по своей канавѣ, но, посмотрѣвъ на канаву своего соперника, увидѣлъ, что въ ней что-то блеститъ при яркихъ лучахъ восходящаго солнца; мигомъ мельнула въ головѣ его мысль, что его соперникъ уже окончилъ свою работу, и, блестя на солнцѣ, идетъ по его канавѣ вода; не желая пережить своего пораженія, юноша въ отчаяніи пронзилъ себя мечомъ.

Въ тотъ же день ханская дочь узнала чрезъ своихъ людей о самоубійствѣ Дива и о коварствѣ богатаго юноши. Дива похоронили на берегу рѣки, на томъ мѣстѣ, гдѣ вырывается она изъ горъ на равнину. Канавы Дива стала называться по его имени: „Дивъ-архъ“. Ханская же дочь, послѣ смерти Дива, еще больше стала любить его; она нигдѣ не находила утѣшенія и отъ горя, наконецъ, заболѣла; передъ смертью она умоляла своихъ родителей, чтобы ее похоронили около Дива. Родители исполнили просьбу своей любимой дочери и похоронили ее рядомъ съ Дивомъ.

Обо всемъ этомъ зналъ богатый юноша: пылая ненавистью къ своему сопернику и отвергнутой его любовью ханской дочери, онъ и въ могилѣ продолжалъ мстить имъ. Чтобы разъединить ихъ, онъ похоронилъ между ихъ могилами трущ

старухи, которая своимъ совѣтомъ погубила Дива, а вмѣстѣ съ нимъ и его невѣсту: „какъ при жизни она не дала имъ соединиться“, думалъ онъ, „такъ не дастъ соединиться и послѣ смерти“. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время изъ могилъ Дива и его невѣсты выросли два розовые куста, но между ними, изъ могилы старухи, выросъ терновый кустъ; расцвѣли, потомъ, розы на обоихъ кустахъ и потянулись отъ одного куста къ другому, но терновникъ не пускалъ ихъ другъ къ другу.

Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, были три эти могилы, построены черезъ рѣку каменный мостъ. Говорятъ, что онъ построенъ богатымъ юношею въ честь старухи,—за то, что она исполнила его желаніе. Онъ назвалъ этотъ мостъ *Гарры-Корфи* *), что значитъ *мостъ старухи*.

Записаль, со словъ Г. Мирзоева, въ селѣ Енгидажѣ, Джебаширскаго уѣзда, Елисаветоп. губ., воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *А. Мирзоевъ*.

2. Царь-пастухъ.

Два односельца занимались торговлею въ одномъ городѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ изъ нихъ возвратился домой. Оставшійся крестьянинъ отдалъ своему земляку, при его отправленіи на родину, три драгоценныхъ камня равной величины и просилъ передать своей женѣ. Приѣхавъ въ селеніе, крестьянинъ не передалъ камней женѣ товарища. Спустя два года возвратился домой и другой крестьянинъ. Дома онъ встрѣтилъ свою семью въ самомъ жалкомъ состояніи. Жена начала упрекать его, что онъ оставилъ семейство свое безъ куска хлѣба и до сихъ поръ ни копейки не прислалъ. Мужъ удивился и сказалъ, что онъ съ своимъ товарищемъ послалъ

*) Въ картѣ, изданной Кавказскимъ военнымъ округомъ, онъ называется „Кары-Керпи“.

ей три драгоцѣнныхъ камня. Жена объяснила, что она не получила этой посылки. На другой день мужъ призываетъ своего бывшего товарища и спрашиваетъ, почему онъ не передалъ женѣ данныхъ ему драгоцѣнныхъ камней. Товарищъ отвѣчаетъ, что эти три камня онъ отдалъ женѣ его въ присутствіи трехъ крестьянъ. Позвали этихъ крестьянъ, и они подтвердили это. Но жена крестьянина, съ божбой, продолжала утверждать, что она не получила драгоцѣнныхъ камней отъ его товарища. Обѣ стороны согласились, наконецъ, обратиться къ царю. На другой день, утромъ, они отправились къ царю и рассказали ему свое дѣло. Царь, выслушавъ жалобу, сталъ спрашивать свидѣтелей. Свидѣтели говорили, что они видѣли, когда отвѣтчикъ передалъ камни женѣ жалобщика. Послѣ этого царь оправдалъ крестьянина, который не отдалъ драгоцѣнныхъ камней женѣ своего товарища. Такимъ образомъ виновный былъ оправданъ съ помощью ложныхъ свидѣтелей. Крестьяне отправились домой.

На возвратномъ пути они увидѣли нѣсколькихъ пастуховъ, которые, для забавы, выбрали одного изъ своихъ товарищей въ цари и обращались къ нему съ разными жалобами; тотъ судилъ ихъ и назначалъ виновнымъ наказанію. Крестьяне, проходя мимо нихъ, засмотрѣлись на ихъ игру. Пастухи, въ свою очередь, обратили на нихъ вниманіе и спросили, откуда они идутъ и зачѣмъ ходили. Крестьяне рассказали, въ чемъ было дѣло. Услышавъ рассказъ крестьянъ, одинъ изъ пастуховъ, болѣе бойкій и веселый, замѣтилъ:

— „Зачѣмъ же вы напрасно такъ далеко ходили, — вотъ обратились бы, лучше, къ нашему царю и увидѣли бы, какъ хорошо онъ рѣшилъ бы ваше дѣло.“

Крестьяне, ради смѣха, обратились къ царю-пастуху и стали просить, чтобы онъ разобралъ ихъ дѣло. Царь-пастухъ, выслушавъ жалобу крестьянина, сталъ спрашивать свидѣтелей поодиночкѣ; при этомъ, каждому изъ нихъ онъ приказалъ

взять простые камни, по величинѣ видѣннымъ ими драгоценныхъ, ссылаясь на то, что онъ самъ никогда не видывалъ драгоценныхъ камней. Свидѣтели, ничего не подозрѣвая, показали камни совершенно разныхъ величинъ. Царь-пастухъ замѣтилъ это и ясно понялъ, что свидѣтели вовсе не видѣли драгоценныхъ камней и, слѣдовательно, они—ложные свидѣтели. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, царь-пастухъ вторично позвалъ свидѣтелей и приказалъ имъ опять взять простые камни такой величины, каковой были спорные драгоценные камни. Свидѣтели исполнили приказаніе его и взяли на этотъ разъ камни даже и не той величины, каковой взяты были ими въ первый разъ.

Послѣ этого царь-пастухъ по секрету объяснилъ жалобщику свои догадки и совѣтовалъ ему вторично итти на судъ къ царю; вторично итти къ царю крестьяне согласились, а съ ними пошелъ и царь-пастухъ. Когда всѣ они явились къ царю, царь-пастухъ снялъ шапку, поклонился ему до земли и сказалъ:

— „Царь! я убѣдился, что крестьянинъ, которому ты отказалъ въ искѣ, правъ, оправданный же—виноватъ, ибо свидѣтели его—ложные: если бы они, дѣйствительно, видѣли драгоценные камни, при передачѣ ихъ женѣ жалобщика, то они могли бы показать простые камни такой величины, каковой были тѣ, драгоценные, которые они видѣли.“

Царь предложилъ тогда, чтобы свидѣтели показали камни такой величины, каковой были драгоценные, и свидѣтели показали ему камни совершенно разныхъ величинъ. Увидѣвъ это, царь пастухъ сказалъ:

— „Ты видишь, государь, что свидѣтели опредѣляютъ величину камней совсѣмъ разнo; ясно, что они—ложные свидѣтели и вовсе не видѣли тѣхъ драгоценныхъ камней.“

Царь убѣдился въ справедливости словъ царя-пастуха и приказалъ заключить лжесвидѣтелей въ тюрьму и взять у

крестьянина, вмѣсто трехъ шесть драгоцѣнныхъ камней, и передать жалобщику.

Послѣ этого царь сказалъ пастуху:

— „Я не могу спокойно царствовать, когда въ моемъ царствѣ есть такой мудрый человѣкъ: мой царскій престолъ я передаю тебѣ.“

Царь-пастухъ отказывался отъ царской власти и согласился, наконецъ, царствовать лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему выкололи глаза. Какъ ни жалко было царю лишить зрѣнія умнаго пастуха, онъ вынужденъ былъ исполнить желаніе послѣдняго: онъ позвалъ палача, который и выкололъ ему глаза.

Сдѣлавшись царемъ, пастухъ такъ мудро управлялъ государствомъ, что въ скоромъ времени о его мудрости узналъ весь міръ.

Однажды Иисусъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ слѣпой царь-пастухъ управляетъ своимъ государствомъ, и почему весь міръ доволенъ его управленіемъ. Онъ досталъ катера, принялъ видъ старика и, сидя на катерѣ верхомъ, отправился къ слѣпому царю. На дорогѣ, проходя мимо одного села, онъ увидѣлъ старуху, которая гнала телятъ на водопой. Одинъ изъ телятъ вдругъ отдѣлился отъ стада и съ мычаніемъ побѣжалъ за старцемъ. Старуха догло гналась за теленкомъ, догнала, наконецъ, и хотѣла взять его; но старикъ не давалъ его, говоря, что этотъ теленокъ—сынъ его катера и, слѣдовательно, принадлежитъ ему. Долго они спорили и, наконецъ, рѣшили итти на судъ къ слѣпому царю.

Когда они явились къ царю, то старикъ поклонился и сказалъ:

— „Царь! этотъ теленокъ—мой, его родилъ мой катеръ, и потому-то онъ на шагъ не отходитъ отъ моего катера, а эта старуха утверждаетъ, что теленокъ—ея; прошу тебя: рѣши наше дѣло!“

Царь, выслушавъ жалобу старика, сказалъ:

— „Я сегодня не могу рѣшить ваше дѣло, ибо долженъ немедленно уѣхать: я посѣялъ на берегу моря пшеницу и выросла славная пшеница; но, въ несчастью, ночью, по словамъ моихъ людей, рыбы вышли изъ моря и поѣли еѣ; поэтому я долженъ ѣхать туда, чтобы изслѣдовать это дѣло.“

Выслушавъ рѣчь царя, старикъ возразилъ:

— „Царь! развѣ рыбы ѣдятъ пшеницу?!“

— „А развѣ катеръ рождается?!“ отвѣтилъ царь.

Видя, что правдолюбивый царь сразу понялъ его дѣло, Иисусъ отдалъ теленка старухѣ, а самъ вынулъ изъ кармана платокъ и прикоснулся имъ къ глазамъ царя: и царь тотчасъ прозрѣлъ. Видя это чудо, царь понялъ, что предъ нимъ стоитъ не простой смертный. Иисусъ спросилъ его:

— „Почему ты не хотѣлъ царствовать, оставаясь зрячимъ?“

— „Если бы я не былъ слѣпымъ“, отвѣтилъ царь-пастухъ, „то увидѣлъ бы Тебя и тогда обвинилъ бы старуху.“

Иисусъ благословилъ его за правдолюбіе и скрылся изъ виду.

3. Неблагодарность.

Одинъ богатый купецъ, уроженецъ города Багдада, пошелъ однажды на охоту. Проходя по лѣсной тропинкѣ, онъ упалъ въ глубокую яму, которая была вырыта для ловли дикихъ звѣрей. Яма была очень просторная. Сидя въ ней, купецъ слышалъ близъ себя голоса звѣрей и отъ страха прижался къ одной сторонѣ ямы. Онъ оставался въ ней двое сутокъ. На третье утро онъ услышалъ какой-то шумъ внѣ ямы; но сперва боялся и пивнуть, не зная, какое существо идетъ мимо; когда же разслышалъ пѣніе человѣка, то началъ жалобнымъ голосомъ умолять проходящаго о помощи. Крестьянинъ, пѣвшій пѣсню, подошелъ къ ямѣ и сталъ спрашивать: кто такой находится въ ямѣ и какъ очутился въ ней. Купецъ рассказалъ о случившемся съ нимъ и, со слезами,

просил вытащить его из ямы. Крестьянинъ выслушавъ купца, срубилъ толстый, длинный шестъ и спустилъ въ яму. Но изъ нея, вмѣсто купца, вылезла обезьяна и убѣжала въ лѣсъ. Крестьянинъ удивился: „неужели“, думалъ онъ, „и обезьяны говорить человѣческимъ языкомъ.“ Онъ хотѣлъ уже удалиться, но опять услышалъ голосъ человѣка, который всё также умолялъ о помощи и говорилъ, что онъ богатый купецъ Ибрагимъ и за услугу дастъ ему большую сумму денегъ, какъ-только освободится изъ ямы. Крестьянинъ, услышавъ имя богатаго купца, пришелъ въ восхищеніе и вторично спустилъ шестъ. Но, на этотъ разъ, изъ ямы, съ ревомъ, вылезъ страшный тигръ. Испуганный крестьянинъ хотѣлъ-было оставить яму, но голосъ человѣка снова сталъ умолять о помощи. Крестьянинъ опять спустилъ шестъ въ яму: на этотъ разъ выползла, съ шипѣніемъ, огромная змѣя. Крестьянинъ, по просьбѣ купца, въ четвертый разъ спустилъ шестъ въ яму и вынулъ, наконецъ, его.

Выйдя на Божій свѣтъ, купецъ ласково просить крестьянина, чтобы онъ на другой день пришелъ къ нему, получить въ награду много золота, серебра и хорошаго коня. Крестьянинъ отвѣчаетъ, что ему не нужно ни золота, ни серебра, ни коня, а пусть купецъ дастъ ему столько денегъ, сколько нужно для свадьбы бѣднаго крестьянина. Ибрагимъ согласился и пошелъ домой.

На другой день крестьянинъ отправился къ Ибрагиму получить обѣщанныя деньги. Но когда слуга доложилъ о приходѣ крестьянина, то купецъ приказалъ прогнать его со двора. Слуги тотчасъ исполнили приказъ хозяина.

Крестьянинъ, ошеломленный неблагодарностью Ибрагима, печально возвращался домой. Подходя къ своему дому, онъ увидѣлъ, къ своему великому удивленію, въ гостяхъ у себя обезьяну, тигра и змѣю. Завидя крестьянина, обезьяна поднялась съ мѣста, поклонилась ему и стала тянуть его за полу.

Крестьянинъ, молча, слѣдовалъ за ней. Около хижины обезьяна показала ему огромную кучу дровъ, которую принесла ему, поклонилась опять крестьянину до земли и ушла. За обезьяной тоже самое сдѣлалъ тигръ: онъ принесъ своему освободителю нѣсколько оленей, кабановъ и джейрановъ. Послѣ этого змѣя вышла изъ хижины и принесла крестьянину драгоценный камень (змѣи знаютъ, гдѣ хранятся драгоценные камни).

Крестьянинъ, видя столько дичи, дровъ и драгоценный камень, очень обрадовался и думалъ про-себя: „эти дикіе звѣри благодарнѣе, чѣмъ человѣкъ; вотъ, слава Богу, есть дрова и мясо, а драгоценный камень продамъ и получу за него деньги,—будетъ, чѣмъ сыграть свадьбу!“ Спустя нѣсколько дней, крестьянинъ взялъ драгоценный камень и понесъ въ городъ продавать. Пришелъ онъ къ одному серебряку; этотъ осмотрѣлъ камень и спросилъ о цѣнѣ; крестьянинъ за камень просилъ триста рублей. Тогда серебрякъ, посмотрѣвъ хорошенько на камень, сказалъ:

— „Ты, братъ, укралъ этотъ камень; иначе ты зналъ бы, что онъ во сто разъ дороже стоитъ!“

Крестьянинъ божился, что камень за свою услугу получилъ отъ змѣи.

— „Нѣтъ, любезный, змѣи не дѣлаютъ людямъ добра, а скорѣе вредятъ!“ возразилъ серебрякъ.

Къ несчастію на шумъ явился „базарь-даргаси“ (базарный смотритель), который немедленно и представилъ крестьянина въ судъ. Судья сталъ спрашивать, откуда онъ получилъ драгоценный камень. Крестьянинъ рассказалъ все, что съ нимъ случилось: какъ онъ, между прочимъ, вытащилъ богатаго купца Ибрагима изъ ямы, и какъ тотъ обѣщалъ ему воня и несмѣтное богатство въ награду, но ничего не далъ. Позвали тогда, въ качествѣ свидѣтеля, Ибрагима. На вопросъ судьи, вынулъ ли его изъ ямы крестьянинъ, Ибрагимъ отвѣтилъ, что вовсе не знаетъ и никогда не видывалъ этого человѣ-

ка. Крестьянинъ сталъ умолять Ибрагима, чтобы онъ освободилъ его отъ угрожающаго ему несправедливаго наказанія, но Ибрагимъ не хотѣлъ даже и слушать его. Крестьянинъ палъ, наконецъ, на колѣни передъ Ибрагимомъ и умолялъ:

— „Ради Аллаха, ради Великаго пророка, освободи меня, какъ я освободилъ тебя отъ вѣрной смерти!“

Но жестокосердый Ибрагимъ вмѣсто того, чтобы спасти своего освободителя, потребовалъ отъ крестьянина, чтобы онъ доказалъ, при помощи свидѣтелей, что вынулъ его изъ ямы, и просилъ судью, въ противномъ случаѣ, наказать его по законамъ правовѣрныхъ. Отъ крестьянина потребовали свидѣтелей и такъ какъ онъ не могъ выставить ихъ, то приходилось заключить его въ тюрьму. Но, къ всеобщему удивленію, въ это время вошли къ судѣ тигръ, обезьяна и змѣя. Видя ихъ, крестьянинъ воскликнулъ отъ радости:

— „Вотъ мои свидѣтели!“

Судья, видя такое чудо, приказалъ все имущество Ибрагима передать крестьянину, а его заключить въ тюрьму и держать въ ней до смерти.

4. Бюрапатинъ или за одну—тысяча.

Въ одномъ селѣ жилъ крестьянинъ съ женой. Онъ былъ весьма религіозный человѣкъ: каждый день онъ ходилъ въ церковь и каждый разъ, поцѣловавъ руку священника, давалъ ему *одну* копейку, а священникъ, благословивъ его, говорилъ:

— „Пусть Бюрапатикъ дастъ тебѣ за это *тысячу*.“

Спустя нѣкоторое время, крестьянинъ, дававшій священнику ежедневно по одной копейкѣ, совершенно обѣднѣлъ. Жена его тогда говоритъ мужу:

— „Иди къ священнику и попроси у него, для покупки хлѣба, хоть за одну копейку, а за остальные послѣ пусть заплатитъ мало-по-малу.“

Крестьянинъ послушался жены и пошелъ къ священнику:

— „Батюшка“, сказалъ онъ ему, „когда я давалъ тебѣ по копейкѣ, ты обѣщаль мнѣ, взаимнѣ, за каждую по тысячѣ; теперь мнѣ ѣсть нечего: дай хоть одну тысячу на хлѣбъ, а остальные тысячи отдашь послѣ.“

— „Ты“, отвѣтилъ ему священникъ, „давалъ мнѣ, чтобы получить отъ Бюрапатива, а не отъ меня.“

— „Кто такой Бюрапативъ“? спросилъ крестьянинъ, „я его не знаю.“

— „Ты пойди вотъ по этой дорогѣ“, сказалъ ему въ отвѣтъ священникъ, показавъ на дорогу, „и тебѣ встрѣтится *большой человекъ*, сидящій на золотомъ креслѣ: онъ и есть Бюрапативъ. Ты скажи ему, что тебя прислалъ священникъ, за котораго Бюрапативъ долженъ заплатить тебѣ за каждую копейку тысячу.“

Поблагодаривъ священника, крестьянинъ пошелъ по указанной дорогѣ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ пещеру, зашелъ туда и увидѣлъ тамъ сорокъ вооруженныхъ воровъ. Воры приняли его очень ласково, дали ему мѣсто въ своей пещерѣ и начали его распрашивать, кто онъ таковой, куда идетъ и по какой причинѣ.

— „Вотъ уже много времени прошло“, говорили они, „какъ мы живемъ здѣсь: отъ страха къ намъ, никто не осмѣливается проходить здѣсь!“

— „Я иду къ Бюрапативу: одну даль, тысячу долженъ получить отъ него“, отвѣтилъ крестьянинъ.

— „Ты, братъ, глупецъ! оставь такія мысли! лучше мы дадимъ тебѣ горсть золота, и ты возвратись себѣ домой!..“

— „Нѣтъ, братья“,—сказалъ на это благочестивый человекъ, „эти деньги нажиты нечестнымъ трудомъ,—я не возьму ихъ“.

— „Если ты такой праведный, то, когда найдешь Бюрапатива, спроси: на томъ свѣтѣ будетъ ли намъ мѣсто или нѣтъ.“

— „Хорошо!“ отвѣтилъ крестьянинъ и пошелъ.

Идетъ онъ... и видитъ одного старца, который, сидя на камнѣ, говоритъ: „Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ!“ И сколько разъ ни скажетъ старецъ эту молитву, столько разъ изъ камня посыплется золото. Увидя крестьянина, старецъ спросилъ:

— „Куда идешь, братъ?“

— „Я иду къ Бюрапативу: долженъ получить съ него за *одну—тысячу*,“ отвѣчаетъ крестьянинъ.

— „Зачѣмъ тебѣ идти такъ далеко? возьми золота, сколько хочешь, и ступай себѣ домой!“

— „Нѣтъ, я не возьму у тебя золота, ибо это золото не я нашлъ, слѣдовательно, я и получать его не долженъ.“

— „Если такъ“, говоритъ старецъ, „то, пришедши къ Бюрапативу, спроси: когда золото перестанетъ сыпаться изъ этого камня.“

— „Хорошо!“ отвѣчаетъ крестьянинъ и идетъ дальше.

На дорогѣ, спустя нѣкоторое время, онъ встрѣтилъ одного садовника. Садовникъ спросилъ:

— „Куда ты идешь?“

— „Я иду къ Бюрапативу, — отвѣчаетъ онъ, — *одну даль, тысячу*, взаменъ, получить долженъ.“

— „Когда будешь у Бюрапатива“, попросилъ его садовникъ, „то спроси, отчего-это случается, что, когда свой садъ я загораживаю заборомъ, деревья засыхаютъ, а когда разрушаю заборъ, то садъ зеленѣетъ.“

— „Хорошо!“ отвѣтилъ садовнику крестьянинъ и пошелъ дальше.

Идетъ по дорогѣ... и видитъ одного священника, который мучается подъ тяжестью большихъ камней. Священникъ, увидѣвъ крестьянина, спрашиваетъ:

— „Куда идешь, братъ мой?“

Крестьянинъ отвѣчаетъ ему, какъ и другимъ, что идетъ къ Бюрапативу, получать за *одну—тысячу*.

— „Когда ты будешь у Бюрапатика, то спроси, буду ли я освобожденъ отъ этихъ камней когда-нибудь“, попросилъ его священникъ.

Крестьянинъ, отвѣтивъ ему „хорошо“, идетъ дальше... и видитъ, наконецъ, *большого человека*, сидящаго на золотомъ креслѣ. Увидѣвъ его, крестьянинъ поклонился и спросилъ:

— „Бюрапатикъ—ты?“

— „Да, Бюрапатикъ—я; чего ты хочешь?“

— „Меня прислалъ къ тебѣ священникъ: я далъ ему *одну*, ты долженъ отдать мнѣ за *одну—тысячу*.“

— „Хорошо“, отвѣтилъ ему Бюрапатикъ, „иди себѣ домой; у тебя на дворѣ есть тутовое дерево, подъ нимъ зарыть кувшинъ съ золотомъ,—вырой и возьми за *одну—тысячу*!“

Крестьянинъ спросилъ Бюрапатика и о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ обѣщался спросить его. Бюрапатикъ отвѣтилъ на всѣ вопросы крестьянина. На обратномъ пути, крестьянинъ сказалъ священнику, который мучился подъ тяжелыми камнями:

— „Ты освободишься отъ этихъ камней тогда, когда раскаяешься въ своихъ грѣхахъ.“

— „Какъ я могу раскаяться“?! возразилъ-было священникъ, но, при этихъ словахъ, онъ, вмѣстѣ съ камнями, опустился въ землю.

Садовнику крестьянинъ сказалъ:

— „Твой садъ засыхаетъ, когда ты загораживаешь его, отъ того, что проходящіе не могутъ пользоваться его плодами.“

Услышавъ эти слова, садовникъ разрушилъ заборъ своего сада, и садъ зазеленѣлъ.

Старцу крестьянинъ сказалъ:

— „Золото тогда перестанетъ сыпаться, когда перестанешь произносить имя Бога.“

— „Какъ я могу не произносить имя Бога?!“ сказалъ старецъ, и, при этихъ словахъ, золото начало еще болѣе сыпаться.

Ворамъ крестьянинъ, по порученію Бюрапатива, сказалъ:

— „На томъ свѣтѣ вамъ будетъ мѣсто, если вы оставите ваши занятія, раскаетесь въ своихъ грѣхахъ и будете творить добрыя дѣла.“

Воры послѣдовали словамъ его и освободились отъ своихъ грѣховъ.

Затѣмъ, крестьянинъ пришелъ къ себѣ домой, позвалъ жену и радостнымъ голосомъ приказалъ ей подать заступъ и лопату. Жена принесла, и они начали рыть подъ деревомъ, гдѣ и нашли кувшинъ, полный золотомъ. Такъ какъ уже настала вечеръ, то они оставили кувшинъ въ саду, а сами вернулись домой, рассчитывая взять золото на другое утро. Сосѣди узнали, что они нашли кладъ, и пришли ночью украсть кувшинъ, но, увидѣвъ въ немъ одну глину, разбили его, а глину рассыпали вокругъ дерева. Проснувшись на другое утро, мужъ и жена увидѣли, что кувшинъ разбитъ, а вокругъ дерева разбросано золото. Они собрали золото и получили не въ тысячу разъ больше того, что дали священнику, а, можетъ быть, во много сотенъ тысячъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ снова разбогатѣлъ и, благословляя Бога, зажилъ счастливо.

5. Кешишъ-оглы *).

Нѣкогда въ селеніи Шулаверъ жилъ ашикъ, по имени Кешишъ-оглы. Онъ родился слѣпымъ, но былъ человекъ весьма даровитый и зналъ всю Библию наизусть. Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ сдѣлался ашикомъ. Каждый воскресный день къ нему собиралась толпа народа, чтобы слушать изъ устъ его *священныя пѣсни*.

*) Сынъ священника.

Въ это же самое время въ городѣ Нахичевани жилъ замѣчательный ашикъ, по имени Танжи. Никто не могъ войти съ нимъ въ споръ: въ состязаніяхъ съ другими ашиками, приходившими случайно въ Нахичевань, онъ всегда являлся побѣдителемъ. Разъ онъ распространилъ слухъ, что, если кто побѣдитъ его, онъ заплатитъ побѣдителю столько золота, сколько тотъ самъ имѣетъ вѣсу, а если онъ самъ побѣдитъ, то отрѣжетъ побѣжденному голову. Къ нему, одинъ за другимъ, пришли тридцать-девять ашиковъ; всѣхъ ихъ побѣдилъ ашикъ Танжи и держалъ въ тюрьмѣ: онъ желалъ собрать побольше ашиковъ, чтобы торжественно, передъ всѣмъ народомъ, отрѣзать имъ головы.

Кешишъ-оглы однажды случайно попалъ въ Нахичевань. Здѣсь ему сообщили, что ашикъ Танжи силою принудитъ его вступить съ нимъ въ состязаніе; что уже тридцать-девять ашиковъ побѣждены имъ и томятся въ тюрьмѣ, и что онъ ждетъ сорокового, чтобы, затѣмъ, отрѣзать всѣмъ головы. Поэтому Кешишу-оглы совѣтовали купить для ашика Танжи подарки и тѣмъ откупиться отъ состязанія. Кешишъ-оглы такъ и сдѣлалъ. Но когда онъ принесъ подарки къ ашику Танжи, то послѣдній не принялъ ихъ и объявилъ, что вызываетъ его завтра на состязаніе передъ народомъ на городской площади. Кешишъ-оглы сильно испугался, но не за себя: онъ думалъ о томъ, что дополнить число сорока, и ашикъ Танжи отрѣжетъ заключеннымъ въ тюрьмѣ ашикамъ головы. Всю ночь онъ не спалъ и молился. На другой день оба ашика вышли на городскую площадь, гдѣ было множество народу. Кешишъ-оглы, съ помощію Бога, побѣдилъ ашика Танжи и потребовалъ отъ него столько золота, сколько имѣли вѣсу сорокъ ашиковъ, которыхъ онъ хотѣлъ зарѣзать. Ашикъ Танжи не могъ уплатить такой суммы, а потому Кешишъ-оглы принесъ жалобу на него нахичеванскому хану, и ханъ приказалъ казнить ашика Танжи.

Послѣ этого вездѣ начали говорить объ ашикѣ Кешишъ-оглы. Изъ города Арзерума пріѣхалъ къ нему ашикѣ Аллахверды, чтобы видѣть его. Они познакомились другъ съ другомъ и даже побратались и дали одинъ другому клятву больше не пѣть по-татарски. Однажды названные братья вышли на городскую площадь, чтобы показать народу свое искусство. На площади собралось много армянъ и татаръ. Во время жаркаго состязанія ашикѣ Аллахверды, видя, что его противникъ беретъ верхъ надъ нимъ, нарушилъ данную клятву и началъ пѣть по-татарски. Онъ сталъ передъ татарами хвалить ихъ вѣру и хулить *армянскую*, чтобы тѣмъ привлечь на свою сторону сочувствіе татаръ. Кешишъ-оглы, видя этотъ недостойный поступокъ товарища своего, проклялъ его и удалялся. Не прошло и трехъ дней, какъ Кешишъ-оглы получилъ вѣсть, что, по дорогѣ къ Арзеруму, ашикѣ Аллахверды упалъ съ лошади и умеръ.

6. О томъ, какъ сатана вошелъ въ человѣка.

Когда въ первый разъ пророкъ Давидъ построилъ мельницу, то она не могла хорошо молоть. Давидъ долго думалъ о томъ, какъ бы улучшить мельницу, но не могъ найти средства къ тому. Объ его намѣреніи узналъ сатана. Разъ онъ, въ образѣ человѣка, пришелъ къ Давиду и сказалъ:

— „Мельникъ, что ты дашь мнѣ, если я улучшу мельницу такъ, чтобы она могла молоть въ три раза больше прежняго?“

— „Я дамъ тебѣ треть всей той муки, которую мы получимъ за помолъ“, отвѣтилъ Давидъ.

Сатана согласился. Онъ исправилъ мельницу такъ, что она, дѣйствительно, начала молоть втрое больше прежняго. Прошла недѣля, и они раздѣлили муку по условію; но у сатаны оказалось больше муки, чѣмъ у Давида. Давидъ удивился, но ничего не сказалъ, ибо муку раздѣлили по усло-

вію. Сатана, засыпавъ свою муку въ мѣшокъ и поручивъ Давиду, пошелъ съ мельницы домой, чтобы послать сына за мукой. Когда сатана ушелъ, то Давидъ пересыпалъ немного муки изъ мѣшка сатаны въ свой. Пришелъ сынъ сатаны и, видя, что мѣшокъ не полный, сталъ плакать и говорить, что кто-то укралъ ихъ муку, ибо отецъ говорилъ ему, что оставилъ мѣшокъ, полный мукой. Какъ ни старался Давидъ успокоить мальчика ласковыми словами, не могъ ничего сдѣлать. Тогда, видя, что отъ него ласкою не можетъ освободиться, сталъ угрожать ему и, наконецъ, ударилъ его по головѣ. Мальчикъ упалъ, изъ носу пошла кровь ручьемъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался. Давидъ сильно испугался. Чтобы скрыть трупъ мальчика, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: разрѣзалъ трупъ его на куски, положилъ на огонь и началъ варить; онъ рассчитывалъ, что если спросить, что варится и что-за кровь на мельницѣ, то онъ скажетъ, что варится мясо барашка, котораго онъ зарѣзалъ, а если отецъ мальчика спроситъ о сынѣ, то онъ скажетъ, что сына его не видѣлъ. Черезъ нѣсколько времени къ Давиду пришли два странника; они были очень голодны и просили у Давида хлѣба. Давидъ далъ имъ хлѣба и мяса и просилъ ѣсть. Но странники говорили, что если онъ самъ не будетъ ѣсть, то и они не будутъ. Сколько ни старался Давидъ, не могъ отдѣлаться отъ ѣды и принужденъ былъ обѣдать вмѣстѣ съ своими гостями. Во время обѣда пришелъ сатана, отецъ мальчика, и потребовалъ отъ Давида сына своего. Давидъ сталъ божиться, что сынъ его не приходилъ на мельницу, а сатана твердилъ, что сына онъ послалъ сюда и увѣренъ, что онъ непременно приходилъ сюда. Но, къ удивленію присутствовавшихъ, въ пылу спора, мальчикъ началъ говорить отцу изъ животовъ обѣдавшихъ людей:

— „Отецъ, я здѣсь! мельникъ жетъ... онъ убилъ меня!“

Учитель Касапетскаго училища *Гр. Осиповъ.*

7. Цвѣтокъ Адама.

Когда-то въ столицѣ Арменіи жилъ одинъ богатый купецъ, а у него было трое дочерей: Марія Варвара и Цагигъ *). Однажды купецъ, отправляясь по своимъ дѣламъ въ Грецію, позвалъ къ себѣ своихъ дочерей и спросилъ, какіе привезти имъ подарки. Первая дочь пожелала имѣть зеркало въ человѣческой ростъ, вторая дочь—серебряный сундукъ, а третья дочь, Цагигъ, пожелала получить въ подарокъ „цвѣтокъ Адама“, растущій въ раю. Купецъ обѣщалъ исполнить желанія дочерей, хотя и сомнѣвался въ исполнимости просьбы младшей дочери. На другой день купецъ, попрощавшись съ своими домочадцами, уѣхалъ.

Покончивъ свои торговые дѣла въ Греціи, купецъ не забылъ о подаркахъ: онъ легко приобрѣлъ зеркало и серебряный сундукъ, но цвѣтка Адама не могъ найти; купецъ долго ѣздилъ по разнымъ городамъ, вездѣ спрашивалъ, но все безуспѣшно. Измученный послѣ долгихъ поисковъ, купецъ сидѣлъ разъ у себя въ комнатѣ и думалъ объ исполненіи просьбы своей дочери, какъ вдругъ послышались шаги,—шаги не человѣческіе. Купецъ сильно испугался, взялъ свою саблю и отворилъ двери. Въ передней онъ увидалъ страшное чудовище съ семью головами. Отъ ужаса купецъ отступилъ назадъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ, не имѣя силъ выговорить ни одного слова. Чудовище вошло въ комнату и, видя трепещущаго купца, заговорило:

— „Не бойся меня, я тебѣ никакого вреда не сдѣлаю. Я принесъ тебѣ то, что ты ищешь: сейчасъ же получишь ты цвѣтокъ Адама, если согласишься черезъ три года выдать свою младшую дочь замужъ за меня. Отвѣчай,—согласенъ ли ты...“

Какъ ни жалко было купцу своей дочери, онъ изъявилъ свое согласіе и получилъ прекрасный вустъ, на которомъ бы-

*) Въ переводѣ—цвѣтокъ.

ло два цвѣтка: одинъ цвѣлъ прекрасно и имѣлъ необыкновенный аромат, а другой завялъ и не имѣлъ аромата. Передавъ кустъ, само чудовище, въ изумленію купца, вдругъ исчезло.

На другой день, помѣстивъ кустъ въ серебряный горшокъ, купецъ отправился на родину. Приближаясь къ воротамъ своего дома, онъ замѣтилъ, что его младшая дочь бѣжитъ къ нему навстрѣчу: онъ слѣзъ съ коня, обнялъ свою дочь и передалъ ей горшокъ съ цвѣткомъ, который всю дорогу везъ въ рукахъ. Получивъ подарокъ, Цагикъ вбѣжала въ комнаты и сообщила сестрамъ о приѣздѣ отца. Всѣ обрадовались и вышли къ отцу, который уже вѣхалъ во дворъ.

Когда розданы были подарки дочерямъ, Цагикъ поставила цвѣтокъ на столъ и усердно полила его. По окончаніи поливки, она замѣтила на листьѣ завядшаго цвѣтка изображеніе гроба, въ которомъ лежалъ юноша, а возлѣ гроба—фигуру спящей женщины. Объ этомъ она никому не сказала, но внутренно беспокоилась въ теченіе цѣлаго года. Черезъ годъ изображеніе это исчезло, и листья завядшаго цвѣтка оправились. Чтобы подѣлиться своею радостью, Цагикъ передала объ этомъ своему отцу, который, хотя и обрадовался, повидимому, но въ душѣ былъ встревоженъ этимъ. И безъ того мысль, что чудовище черезъ нѣсколько времени лишитъ его дочери, не давала ему ни минуты покоя.

Когда срокъ, назначенный чудовищемъ, сталъ приближаться къ концу, купецъ сдѣлался совсѣмъ мраченъ, смотрѣлъ сердито и ни съ кѣмъ почти не говорилъ. Домашніе, объясняя себѣ мрачность купца его неудачами въ торговлѣ, не рѣшались его объ этомъ спросить. Наконецъ, исполнилось три года, но чудовище не являлось: купецъ немного успокоился и пересталъ думать о немъ, полагая, что оно не явится.

Однажды, на рождественскихъ праздникахъ, жена купца отправилась съ дочерями въ баню. Когда онѣ возвращались, уже недалеко отъ дома купца, вдругъ появилось чудовище,

схватило Цагигъ и унесло. Мать и дочери подняли крикъ, на который сбѣжался народъ и прибѣжалъ самъ купецъ. Но помочь горю никто не могъ, хотя во всѣ стороны были посланы въ догонку самые отборные храбрые наѣзники. Купецъ былъ въ отчаяніи, а жена его заболѣла и чуть не умерла съ горя.

Между тѣмъ чудовище принесло Цагигъ въ свой замокъ, построенный на высокой, неприступной скалѣ, и поручило ухаживать за нею своей матери. Мать чудовища, „Занга“, была старушка добрая и крайне возмущалась тѣмъ, что сынъ ея ежедневно ѣлъ человѣческое мясо. Цагигъ, очутившись въ домѣ чудовища, въ удивленію старухи, была весела и нисколько не горевала, хотя хорошо знала, что она, рано или поздно, будетъ съѣдена чудовищемъ.

Прошло, такимъ образомъ, мѣсяца два; чудовище шадило Цагигъ, и мать его подумала, что сынъ ея не тронетъ бѣдной дѣвушки. Но она ошиблась: 9-го марта, въ первый день весны, чудовище потребовало въ себѣ дѣвушку, осмотрѣло ее и, оставшись весьма довольно уходомъ матери за ней, приказало зарѣзать Цагигъ и приготовить изъ мяса ея кушанье. Воспользовавшись уходомъ чудовища и суетой въ домѣ, Цагигъ высочила на улицу и пустилась бѣжать, куда глаза глядятъ. Долго бѣжала бѣдная дѣвушка и какъ разъ у подошвы Малаго Арарата остановилась. Между тѣмъ Занга, узнавъ о бѣгствѣ Цагигъ и боясь своего сына, осѣдлала коня и поѣхала отыскивать Цагигъ. Долго она искала ее, но все безуспѣшно. Чтобы не показаться на глаза своему сыну, она бросилась въ рѣчку и утонула. И рѣчка эта стала послѣ того называться ея именемъ,—Зангою. *)

По возвращеніи домой, чудовище узнало о бѣгствѣ Цагигъ и пустилось въ погоню. Оно уже настигало бѣдную Ца-

*) Лѣвый притокъ Аракса, вытекающій изъ оз. Гокчи и впадающій въ Араксъ верстахъ въ 10 отъ сѣверныхъ предгорій Арарата.

гикъ, когда она отдыхала у подошвы Малаго Арарата. Дѣвушка, увидѣвъ чудовище, стала призывать Бога на помощь, и Богъ услышалъ ея молитву: вдругъ въ горѣ показались ворота, Цагикъ вошла въ нихъ, а, затѣмъ, ворота исчезли. Вслѣдъ за исчезновеніемъ воротъ, передъ чудовищемъ появился архангелъ *Гавриилъ* и ударомъ меча убилъ его.

Цагикъ очутилась въ роскошномъ саду, гдѣ росло много фруктовыхъ деревьевъ. Посреди сада былъ золотой бассейнъ, въ которомъ плавало множество рыбъ. Кругомъ бассейна росли цвѣты, имѣвшіе необыкновенный аромать. Въ концѣ сада былъ устроенъ изъ бѣлаго мрамора обширный дворецъ, и предъ дворцомъ лежали два громадныхъ льва, которые весьма ласково смотрѣли на дѣвушку. Дѣвушка подошла ко львамъ и стала ихъ ласкать, и они не тронули ея. Затѣмъ она подошла къ бассейну и любовалась рыбками. Одна изъ рыбокъ держала во рту маленькую дощечку, на которой Цагикъ прочитала надпись: „войди во дворецъ,—тамъ ждетъ тебя и горе и счастье.“ Прочитавъ надпись, Цагикъ вошла во дворецъ и въ одной комнатѣ увидѣла большой столъ, сдѣланный изъ слоновой кости, а на столѣ—гробъ, въ которомъ лежалъ юноша, одѣтый въ царскую одежду. Цагикъ вспомнила о томъ изображеніи, которое было замѣчено ею на листѣ цвѣтка, привезеннаго ей отцомъ, и смѣло подошла ко гробу. Юноша былъ мертвъ. Цагикъ обошла всѣ комнаты, но нигдѣ никого не нашла и, изнуренная долгимъ путешествіемъ и голодомъ, легла на одну тахту и заснула.

Ночью Цагикъ проснулась и удивилась, увидѣвъ сильное освѣщеніе дворца. Подошедши ко гробу, она не нашла въ немъ юноши и этому еще больше удивилась. Она вышла въ садъ, гдѣ горѣло множество фонарей, и около бассейна замѣтила юношу: онъ кормилъ рыбъ. Дѣвушка пошла къ нему. Юноша, увидѣвъ дѣвушку, также направился къ ней и спросилъ:

— „Кто ты, милая красавица, и какииъ образомъ ты очутилась здѣсь? Я засталъ тебя спящею и не хотѣлъ потревожить твой сладкій сонъ.“

Цагигъ разсказала юношѣ все, что случилось съ нею, и стала горько плакать. Юноша успокоилъ ее и пригласилъ въ комнату, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, и они пообѣдали вмѣстѣ. Послѣ обѣда, юноша сказалъ:

— „Дорогая Цагигъ, мнѣ пора лечь въ гробъ, проснусь я завтра ночью. Ты можешь отдыхать. Завтра мы поговоримъ побольше.“

Сказавъ это, юноша отправился въ ту комнату, гдѣ стоялъ гробъ, и легъ въ него.

На другой день, въ одиннадцать часовъ вечера, юноша всталъ изъ гроба, подошелъ къ Цагигъ и вмѣстѣ съ нею отправился въ садъ. Въ саду они долго гуляли, потомъ отправились обѣдать, и, за обѣдомъ, юноша разсказалъ про себя дѣвушкѣ слѣдующее:

— „Я восемь лѣтъ живу въ этомъ дворцѣ, и родители мои въ отчаяніи: они не знаютъ до сего времени, гдѣ я, и, вѣроятно, считаютъ меня погибшимъ. Я заколдованъ, и той, которая заводдовала меня, уже нѣтъ на свѣтѣ; я получу свободу, только съ приходомъ въ нашу страну апостола Павла. Ты уже знаешь: я на день умираю, а ночью воскресаю, и такъ мнѣ придется мучиться еще долго“.

Сказавъ это, юноша предложилъ Цагигъ быть его женою.

— „Ты“, прибавилъ онъ въ заключеніе, „христіянина и я христіянинъ: Богъ благословитъ нашъ бракъ.“

Цагигъ согласилась на предложеніе царевича. Юноша и Цагигъ стали жить, послѣ этого, какъ мужъ съ женою. Спустя годъ, Цагигъ должна была родить. Во дворцѣ оставаться, безъ надлежащаго ухода, ей было неудобно; поэтому Адамъ, такъ звали юношу, отправилъ ее къ своему отцу.

— „Ступай къ моему отцу“, сказалъ онъ ей, „и объ-

яви ему, что ты христианка, и что твой мужъ убитъ язычниками, а ты осталась беременною и должна скоро родить. Проси у него помощи. Отецъ мой—человѣкъ добрый и дастъ тебѣ приютъ. Обо мнѣ же ты не говори ни слова.“

Цагигъ, дѣйствительно, была принята царемъ во дворецъ и черезъ нѣсколько дней родила сына. Служанки царицы были поражены красотою мальчика и сходствомъ его съ пропавшимъ безъ вѣсти царевичемъ Адамомъ; объ этомъ онѣ сообщили своей госпожѣ. Царица явилась въ комнату Цагигъ, взяла мальчика на руки, внимательно осмотрѣла его; затѣмъ, положивъ ребенка въ люльку, она удалилась въ свои комнаты и долго плакала, вспоминая своего сына и удивляясь сходству новорожденного съ нимъ.

Ночью, когда служанки спали, вдругъ онѣ были пробуждены какими-то голосами. Онѣ вышли на дворъ и стали прислушиваться: въ комнатахъ Цагигъ кто-то говорилъ, и голосъ говорившаго показался имъ голосомъ царевича Адама. Служанки бросились къ комнатамъ царицы и стали стучать. Царица открыла двери и, въ испугѣ, спросила о причинѣ тревоги. Служанки сообщили царицѣ, что царевичъ Адамъ находится въ комнатахъ, которую занимаетъ Цагигъ. Царица, накинувъ на себя шаль, быстро очутилась въ комнатахъ у Цагигъ и тамъ, дѣйствительно, нашла своего сына.

— „Сынъ мой, гдѣ ты былъ? для чего было тебѣ бросать родительскій домъ? пойдемъ, — обрадуемъ твоего, убитаго горемъ отца!“ сказала бѣдная мать, рыдая отъ радости.

— „Мать моя, я заколдована на 8 лѣтъ, до прихода апостола Павла; я не могу жить съ вами во дворцѣ; мнѣ только разрѣшено повидаться съ женой своей и сыномъ, — отпусти меня!“ сказалъ растроганный сынъ.

Мать и слышать не хотѣла объ удаленіи сына: взяла его за руку и повела во дворецъ. Но, пока пришелъ самъ царь, Адамъ уже лежалъ мертвымъ. Поднялся плачъ во двор-

дѣ, родители рвали на себѣ волосы, но помочь горю нельзя было. Не плакала одна только Цагигъ, и это сильно удивило всѣхъ.

Утромъ мимо дворца проходилъ апостолъ Павелъ и, услышавъ плачь, подозвалъ къ себѣ ворона и сказалъ:

— „Полети во дворець, узнай, что случилось въ немъ, и сообщи мнѣ!“

Воронъ прилетѣлъ обратно и сообщилъ, что во дворцѣ *ничего не случилось*. Апостолъ проклялъ ворона, подозвалъ голубя и ему поручилъ узнать, что случилось во дворцѣ. Голубь прилетѣлъ и сообщилъ о смерти царевича Адама.

— „Возьми мой платокъ, благословенная птица“, сказала голубю апостолъ, „полети во дворець и этимъ платкомъ наврой лицо царевича, и онъ воскреснетъ.“

Голубь исполнилъ въ точности приказаніе апостола и царевичъ воскресъ. Всѣ во дворцѣ обрадовались его воскресенію, и царь, по поводу этого событія, устроилъ великій пиръ, на который были приглашены родители и сестры Цагигъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ умерла Цагигъ. Сестры ея вышли замужъ за знатныхъ лицъ, а царевичъ Адамъ, не желая царствовать послѣ отца, постригся въ монахи.

Смотритель Ольгинскаго училища *И. Новрузовъ*.

8. Царевичъ, отданный дервишу.

Жилъ-былъ царь, у котораго не было сыновей. Царь очень горевалъ объ этомъ и, наконецъ, отчаявшись, рѣшилъ пожертвовать все: и тронъ, и государство, и свѣтъ, и, уединившись въ одной пещерѣ, *каяться въ своихъ грѣхахъ*. Ни визиры, ни везиры не могли отклонить его отъ этого рѣшенія.

— „Къ чему мнѣ тронъ и богатство“, говорилъ царь, „когда Богъ прогнѣвался на меня за грѣхи мои и не даруетъ мнѣ дѣтей-наслѣдниковъ престола, на которыхъ я радовался бы?“

Однажды, на пути, съ царемъ встрѣтился сѣдовласый дервишъ.

— „Саламъ алейкумъ, царь-повелитель!“ сказалъ дервишъ, глубоко кланаясь.

— Алейкумъ азъ саламъ!“ отвѣтилъ царь.

— „Куда ты идешь, одинъ-одинѣшенекъ?“

Царь, въ отвѣтъ, разсказалъ дервишу свое горе.

— „Иди,—управляй своимъ народомъ!“ сказалъ дервишъ, „черезъ годъ у тебя будетъ два сына, если ты обѣщаешься дать мнѣ черезъ десять лѣтъ одного изъ нихъ; въ противномъ случаѣ не исполнится сказанное мною.“

Царь не вѣрилъ его словамъ, однако обѣщался дать черезъ десять лѣтъ дервишу одного изъ будущихъ сыновей и весело возвратился въ свой дворецъ. Черезъ годъ родилось у царя, дѣйствительно, двое мальчиковъ, одинъ красивѣе другого. Царь былъ въ восторгѣ; онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что обѣщалъ дервишу. Дѣти росли и, со временемъ, стали ходить въ школу. Мулла не могъ нахвалиться ихъ способностями. Отецъ и дѣти взаимно очень любили другъ друга.

Прошло десять лѣтъ... И вотъ однажды доложили царю, что какой-то дервишъ хочетъ видѣться съ нимъ. Царь ужаснулся: онъ вспомнилъ про свое обѣщаніе... Но было уже поздно: вошелъ дервишъ, низко поклонился царю и напомнилъ, что пора ему исполнить обѣщаніе, которое далъ онъ десять лѣтъ тому назадъ. Царь не зналъ, что отвѣтить дервишу. Въ то время дѣти находились въ школѣ; царь придумалъ послать въ школу человека и приказать, чтобы ихъ задержалъ тамъ мулла, а дервишу сказать, что пророчество его не сбылось. Но при дервишѣ нельзя было отдать такого приказанія. Тѣмъ не менѣе, для спасенія своего сына, царь попробовалъ солгать.

— „Любезный дервишъ,“ сказалъ онъ, „твое пророчество не исполнилось, и ты напрасно пришелъ сюда!“

— „Этого не можетъ быть, царь милосердный! ты говоришь неправду: десять лѣтъ тому назадъ, какъ разъ въ этотъ день и въ этотъ часъ, у тебя родилось двое дѣтей. Что я говорю, то неправдой быть не можетъ!“

Въ это время отворились двери, и въ комнату, съ шумомъ, ворвались дѣти царя; они бросили книги въ сторону, кинулись въ объятія отца и стали цѣловать его. Царь не могъ удержать слезъ и началъ плавать, какъ ребенокъ. Онъ бросился къ ногамъ дервиша и просилъ пощадить несчастнаго отца и не отнимать у него сына. Но дервишь былъ неумолимъ.

— „Царь въ своихъ обѣщаніяхъ долженъ быть твердъ!“ говорилъ онъ.

Несчастный царь не зналъ теперь, котораго изъ сыновей отдать дервишу, потому что обоихъ любилъ одинаково сильно: онъ предложилъ, поэтому, самому дервишу взять любого. Дервишь взялъ младшаго сына и, не обращая вниманія на мольбы и слезы царя и царицы, отправился въ свои владѣнія.

Долго шли дервишь и царевичъ и, наконецъ, дошли до широкаго моря, черезъ которое перейти казалось дѣломъ невозможнымъ. Дервишь тогда посадилъ царевича къ себѣ на плечи, строго-настрого приказалъ не отерывать глазъ и держаться крѣпко и сталъ шагать впередъ. Царевичъ не могъ вытерпѣть: открылъ глаза—и видитъ, что дервишь обратился въ огромное чудовище, голова его упирается въ облака, одна нога стоитъ на одномъ берегу моря, другая—на другомъ, противоположномъ, а самъ онъ, царевичъ, находится въ небесахъ, какъ-разъ, по срединѣ моря. Ужаснулся бѣдный царевичъ и тотчасъ закрылъ глаза. Перешагнувъ море, дервишь поставилъ царевича на землю, и они продолжали свой путь. Долго шли они или вѣтъ,—Богъ вѣстъ; но дошли, наконецъ, до большаго, красиваго дворца.

— „Этотъ дворецъ принадлежитъ мнѣ“, объяснилъ дер-

вишь, „мы здѣсь будемъ вмѣстѣ жить и веселиться: но пока ты побудь одинъ, я же пойду, принесу изъ лѣса дровъ, — сваримъ себѣ кушанье и закусимъ.“

Сказавъ это, дервишь взялъ огромную веревку и отправился въ лѣсъ; мальчикъ же, оставшись одинъ, сталъ ходить по дворцу и осматривать его. Вдругъ онъ увидѣлъ двухъ привязанныхъ тигровъ, которые пристально смотрѣли на него. Мальчикъ испугался и хотѣлъ-было убѣжать, но тигры остановили его, говоря:

— „Бѣдный мальчикъ! кто бы ты ни былъ, мы жальдемъ тебя! Этотъ дервишь, который привелъ тебя сюда, лододѣ; онъ теперь принесетъ много дровъ, затопитъ „тониръ“ (*Tunir* *)), сядетъ близъ него и позоветъ тебя грѣться у огня вмѣстѣ съ нимъ; но какъ-только ты подойдешь, онъ тотчасъ толкнетъ тебя въ тониръ, зажаритъ и съѣстъ цѣликомъ. Но слушайся насъ, и ты не погибнешь. Когда онъ позоветъ тебя, ты спокойно, чтобы онъ не догадался о твоёмъ планѣ, скажи ему, что ты не привыкъ къ такой большой печи и боишься подойти къ ней и грѣться; попроси его, чтобы онъ посидѣлъ тамъ одинъ, пока ты привыкнешь къ большому огню; тѣмъ временемъ ты найди удобную минуту и разомъ, изо всѣхъ силъ толкни его въ печь; оттуда онъ освободиться не можетъ и сгоритъ тамъ. Такимъ образомъ ты избавишь отъ этого чудовища и себя, и насъ, страдающихъ у него ровно семь лѣтъ. А теперь иди на свое мѣсто: сейчасъ придетъ дервишь.“

Мальчикъ отправился на свое мѣсто. Пришелъ дервишь и принесъ столько дровъ, что на нихъ можно было бы зажарить десять быковъ и сотню барановъ. Онъ затопилъ огромный тониръ, сѣлъ на его край и позвалъ мальчика къ себѣ; но мальчикъ не пошелъ къ нему, сказавъ, что боится такого

*) Ср. II вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. II, стр. 70: „тондиръ.“

большого огня и, воспользовавшись первым случаемъ, когда дервишъ отвернулся отъ него, бросился свади на него, столкнулъ его въ огонь и побѣждалъ къ тиграмъ рассказать о случившемся. Тигры не вѣрили его словамъ; они говорили, что если онъ, дѣйствительно, столкнулъ дервиша въ огонь, то, съ трескомъ, должна была бы лопнуть его голова. Но не успѣли они сказать послѣдняго слова, какъ раздался громъ: лопнулъ черепъ дервиша.

— „Теперь мы вѣримъ тебѣ,“ сказали, ласкаясь, тигры, „чудовище издохло. Освободи же скорѣе насъ отъ этихъ цѣпей, и мы покажемъ тебѣ всѣ сокровища дервиша и будемъ служить тебѣ, какъ нашему спасителю и господину этого дворца.“

Мальчикъ раскопалъ цѣпи и пустилъ тигровъ на волю, а тигры показали ему все имѣніе дервиша. Въ кладовыхъ его были деньги, драгоценные камни, заколдованное оружіе и разныя дорогія вещи; въ конюшнѣ, находились три лошади: бѣлая, черная и красная.

— „Возьми ключи отъ конюшни,“ сказали ему тигры, „и, когда тебѣ понадобятся лошади, ударь ключъ о ключъ и назови масть лошади, которую хочешь позвать: гдѣ бы ты ни былъ, онѣ тотчасъ явятся къ тебѣ.“

Затѣмъ, тигры показали мальчику три источника: изъ одного текла золотая вода, изъ другого—серебряная, изъ третьяго — жемчужная. Царевичъ погрузилъ палецъ въ серебряный источникъ, и палецъ сдѣлался серебрянымъ. Намочилъ онъ свои волосы въ золотомъ источникѣ, и они сдѣлались золотыми. Чтобы не убили его изъ-за волосъ, царевичъ надѣлъ на голову пузырь, такъ-что казался плѣшивымъ. Мальчикъ захотѣлъ попробовать своихъ лошадей. Онъ вынулъ изъ кармана ключи, ударилъ ихъ другъ о друга и позвалъ бѣлую лошадь. Черезъ минуту примчалась къ нему бѣлая лошадь, совсѣмъ осѣдланная. Мальчикъ сѣлъ на нее и, накатавшись, отпустилъ ее въ конюшню. Такимъ образомъ

онъ испробовалъ всѣхъ трехъ лошадей и нашелъ ихъ превосходными; особенно же хороша оказалась черная лошадь.

Прошло послѣ того много лѣтъ, и мальчикъ выросъ и сдѣлался прекраснымъ юношей. Разъ онъ узналъ, что отецъ его воюетъ съ сосѣднимъ царемъ, что онъ потерялъ много воиновъ и находится въ отчаяніи, и что на дняхъ будетъ рѣшительное сраженіе. Узнавъ все это, юноша одѣлся въ превосходное платье, взялъ самое лучшее заколдованное оружіе дервиша, сѣлъ на своего черного коня и поѣхалъ на поле битвы. Она была въ полномъ разгарѣ. Юноша попалъ на неприятелей отца. Вездѣ, гдѣ онъ появлялся, они падали мертвыми... Наконецъ, враги не устояли и обратились въ бѣгство. Царь-отецъ издали видѣлъ своего спасителя и не могъ придумать, кто-бы это могъ быть. Онъ приказалъ своимъ воинамъ, по окончаніи сраженія, привести этого бойца къ нему; но, какъ-только сраженіе кончилось, юноша исчезъ, и никто не зналъ даже, въ какую сторону онъ уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней было новое сраженіе. Царь приказалъ своимъ воинамъ поймать и привести къ нему чуднаго юношу, если онъ появится на полѣ битвы. Во время боя, юноша опять появился, только теперь—на красной лошади, и началъ уничтожать, одинъ за другимъ, неприятельскіе отряды. И на этотъ разъ враги обращены были юношей въ бѣгство, и, какъ ни старались царскіе воины, не могли поймать виновника побѣды: онъ исчезъ, точно земля поглотила его.

Неприятели, пристыженные тѣмъ, что были побѣждены однимъ человѣкомъ, собрали свои послѣднія силы и въ третій разъ напали на царя-отца. Началась битва, какой еще не было на свѣтѣ. Юноша появился на полѣ сраженія на бѣлой лошади, но, когда эта лошадь устала, смѣнилъ ее и сѣлъ на черную. Царь-отецъ былъ въ восхищеніи отъ подвиговъ дивнаго юноши и боялся, какъ бы не убили его. Вдругъ храбрый юноша получилъ рану въ лѣвую руку. Царь вынулъ

тогда свой красный шелковый платокъ и перевязалъ ему руку. Сраженіе кончилось въ пользу царя-отца. Непріатели, потерявъ храбрѣйшихъ воиновъ, обратились въ бѣгство.

Юноша, передъ окончаніемъ битвы, опять исчезъ. Царь, думая, что онъ скрывается между другими воинами его, далъ приказъ отыскать того человѣка, у котораго находится его красный платокъ, и, кто бы онъ ни былъ, привести его къ нему. Но, какъ ни старательны были розыски, не нашли этого человѣка. Царь потерялъ надежду найти своего благодѣтеля и сталъ думать, что это былъ ангелъ Божій, а народъ въ этомъ и не сомнѣвался.

Однажды, послѣ этого, царь заболѣлъ, и мудрецы сказали, что онъ не выздоровѣетъ, если не выпьетъ молока царицы тигровъ, живущихъ за моремъ. Царскіе люди отправились доставать молоко. Гонимые тигры собрались во дворецъ дервина: жаловались царскому сыну на жестокости неизвѣстныхъ имъ людей и просили его, чтобы онъ защитилъ ихъ. Сворошили во дворецъ и царскіе охотники.

— „Какое вы имѣете право“, вскричалъ гнѣвно царскій сынъ, „безпокоить моихъ тигровъ и, притомъ, въ моемъ домѣ?!“

Царскіе охотники тотчасъ пали предъ нимъ на колѣни и, рассказавъ объ отчаянномъ положеніи здоровья ихъ царя, просили простить ихъ.

— „Хорошо“, сказалъ юноша, „я васъ прощаю и дамъ вамъ тигроваго молока, но только прежде приложу къ вашимъ тѣламъ мою печать.“

Дѣлать было нечего,—охотники согласились и, получивъ молоко *простыхъ тигровъ*, отнесли къ царю. Царь похвалилъ ихъ за храбрость и далъ имъ хорошіе подарки. Цѣною какаго поворота было приобрѣтено молоко,—охотники скрыли отъ царя.

Между тѣмъ царскій сынъ, жившій во дворцѣ дервина, отпустивъ охотниковъ, приказалъ своимъ двумъ тиграмъ идти

къ ихъ царицѣ и попросить у нея молока. Царица тигровъ съ удовольствіемъ исполнила просьбу царскаго сына, помня, что онъ освободилъ тигровъ отъ опасности. Переодѣвшись надлежащимъ образомъ, юноша сѣлъ на свою черную лошадь, взялъ молоко и отправился къ своему отцу; онъ не забылъ взять съ собою и красный царскій платокъ, которымъ была перевязана его рана. Царевичъ подоспѣлъ въ то время, когда отецъ его готовился пить принесенное охотниками молоко.

— „Царь-всемогуцій!“ сказалъ царевичъ, „оставь это молоко: оно не то, которое можетъ спасти твою жизнь; я принесъ тебѣ *настоящее* молоко *царицы тигровъ*, находящих-ся въ моей власти. Твои люди тебя обманули: они получили молоко отъ меня, согласившись на то, чтобы я положилъ на нихъ свою печать. Прикажи имъ, государь, снять платье, и ты увидишь, что я говорю правду.“

Царь немедленно приказалъ охотникамъ снять платье и увидѣлъ у каждаго на тѣлѣ огромную печать. Онъ приказалъ подвергнуть всѣхъ ихъ жестокимъ наказаніямъ, несмотря на то, что они были вельможами двора. Но царевичъ просилъ простить ихъ, и царь далъ имъ пощадку. Потомъ онъ выпилъ молоко, принесенное царевичемъ, и выздоровѣлъ.

— „Скажи мнѣ теперь,“ обратился царь къ юношѣ, „кто ты такой.“

Юноша вынулъ изъ кармана царскій платокъ и подаль ему. Царь тотчасъ бросился обнимать и цѣловать юношу, который спасъ его царство отъ жестокаго врага. Устроили пиръ и начали веселиться съ дорогимъ гостемъ.

— „Открой же намъ, наконецъ, кто твои родители, гдѣ они находятся,“ спросилъ царь, во время пира, у юноши.

Тогда юноша, въ видѣ сказки, рассказалъ всю исторію своей жизни. Царь узналъ въ немъ своего сына, и радости его не было предѣла: онъ осыпалъ сына поцѣлуями, устроилъ пиръ на весь городъ, и всѣ жители семь дней и

семь ночей пировали и веселились. Когда, вскорѣ послѣ этого, царь умеръ, то весь народъ единогласно избралъ юношу его преемникомъ.

9. Хыръ-хыръ-Кёса *)

Жилъ-былъ царь, у котораго было три сына. Въ саду у него росла яблоня, которая черезъ каждые три года давала по три яблока, да такихъ, что поѣвшій этихъ яблокъ дѣлался безсмертнымъ. Но царю никакъ не удавалось отвѣдать этихъ чудныхъ яблокъ: какъ только поспѣвали они, кто-то бралъ ихъ каждый разъ. Наконецъ, однажды царь говоритъ своимъ сыновьямъ:

— „Милыя дѣти! вотъ ужъ сколько времени, какъ эта яблоня растетъ въ нашемъ саду, и мы всё не можемъ попробовать ея плодовъ: покарауйте вы, по очереди, яблоню и поймайте вора!“

Сыновья согласились, и въ первую ночь пошелъ сторожить старшій братъ. Съ приближеніемъ полночи, онъ не могъ побѣдить сна, легъ и заснулъ. Утромъ, проснувшись, онъ увидѣлъ, что одного яблока не доставало на деревѣ. Въ слѣдующую ночь пошелъ сторожить средній братъ, но и съ нимъ случилось тоже самое. Наконецъ, въ третью ночь пошелъ сторожить младшій сынъ царя; ему также въ полночь сильно захотѣлось спать, но онъ нарочно порѣзалъ себѣ палецъ, посыпалъ на рану соли и, такимъ образомъ, прогналъ сонъ. Ровно въ полночь появился Хыръ-хыръ-Кёса и, сорвавъ съ дерева послѣднее яблоко, хотѣлъ удалиться, но стрѣла молодца вонзилась въ него. Истекая кровью, Хыръ-хыръ-Кёса, тѣмъ не менѣе, скрылся.

Придя домой, царевичъ разсказалъ все отцу и братьямъ. На слѣдующій день трое братьевъ отправились искать вора. Долго шли они по кровавому слѣду, оставленному раненымъ-

*) Хыръ-хыръ Кёса — хрипящій-скудеволосый.

Хыр-хыр-Кёсой, и, наконецъ, дошли до колодца, гдѣ слѣдъ вончился. Братья рѣшились спуститься въ колодець и тамъ искать вора. Сначала стали опускать въ колодець старшаго брата; но не опустили его и до половины колодца, какъ онъ сталъ кричать: „горю, горю, горю!“ Его вытащили. Опустили, затѣмъ, средняго брата, но и онъ также сталъ кричать, что его что-то жжетъ, такъ-что вытащили и его.

— „Сколько-бы ни кричалъ и ни умолялъ я вытащить меня,“ сказалъ тогда младшій братъ, „вы не слушайтесь и опускайте до дна.“

Его опустили въ колодець; и онъ также сталъ кричать и умолять, чтобы его вытащили, но братья, слѣдуя словамъ его, не обращали на его крики вниманія и опустили его до самаго дна колодца. Со дна колодца, оказалось, шла въ сторону лѣстница. Поднявшись по ней, царевичъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату: тамъ сидѣла молодая красавица и любовалась золотою легавою собакою, гнавшеюся за золотымъ зайцемъ. Поцѣловавши красавицу, онъ отворилъ смежную дверь и вошелъ въ другую комнату, гдѣ была другая дѣвушка, моложе и красивѣе первой: предъ ней стояла маленькая золотая мельница и работала, а она любовалась ею. Поцѣловавши и ее, царевичъ отворилъ смежную дверь и вошелъ въ третью комнату: въ ней сидѣла такая красавица, какой еще нигдѣ на свѣтѣ не бывало; она была еще моложе второй красавицы; положивъ голову на ея колѣни, спалъ Хыр-хыр-Кёса. Увидѣвъ царевича, красавица сказала ему:

— „Что ты дѣлаешь, юноша?! Или ты не знаешь, кто живетъ здѣсь? Мнѣ жаль тебя! Вотъ скоро проснется это чудовище и съестъ тебя цѣликомъ. Удались отсюда, если тебѣ не надоѣла жизнь!“

— „Не безпокойся, моя красавица!“ отвѣтилъ царевичъ, „я пришелъ сюда убить его и спасти тебя. А ты лучше скажи мнѣ, *гдѣ* находится его сила, чтобы легко было его убить.“

Красавица показала бутылку въ шкапу и сказала:

— „Его сила находится въ этой бутылкѣ: ты возьми ее и спрячь въ карманъ; когда ты это сдѣлаешь, чудовище тотчасъ проснется и ласковыми словами будетъ стараться выманить у тебя бутылку, а если получить ее, съѣсть тебя.“

Юноша подошелъ въ шкапу, взялъ бутылку и спряталъ ее въ карманъ; въ это время проснулся ослабленный Хыр-хыр-Кёса; увидѣвъ царевича, онъ обратился къ нему съ ласковыми словами и просилъ отдать бутылку, утверждая, что она ни къ чему не годится и т. д. Но царевичъ не соглашался уступить бутылку. Когда же Кёса сталъ протягивать руки, чтобы насильно вытащить её у царевича изъ кармана; то онъ самъ вынулъ бутылку и, ударивъ о камень, разбилъ на куски. Чудовище заревѣло и пало мертвымъ на землю.

Тогда царевичъ отрѣзалъ у него губы, носъ и уши, завернулъ ихъ въ платокъ и положилъ туда, гдѣ стояла бутылка, самъ же взялъ трехъ красавицъ и удалился къ колодецу. Отправивъ на верхъ старшую изъ красавицъ, онъ сказалъ, что дарить её старшему брату. Среднюю онъ отдалъ среднему брату. Остались, послѣ этого, въ колодецѣ младшая красавица и царевичъ и стали спорить, кому прежде подниматься. Юноша хотѣлъ, чтобъ первой поднялась красавица, она же, наоборотъ, хотѣла, чтобы первымъ поднялся царевичъ, и говорила:

— „Если я первой поднимусь, то братья твои, увидѣвъ мою красоту, не захотятъ тебя вытаскивать отсюда; а если ты поднимешься прежде, то ты вытащишь потомъ изъ ямы и меня.“

Но юноша никакъ не хотѣлъ согласиться на это, говоря, что онъ скорѣе умретъ, нежели поднимется первымъ, оставивъ ее одну тамъ. Дѣлать было нечего: красавица рѣшилась подняться раньше царевича.

— „Замѣть“, говорила она ему, „если братья твои оста-

вать тебя здѣсь, то тебя спасетъ отсюда только лошадь Хырть-хырть-Кёсы. Она находится въ конюшнѣ, дверь въ которую устроена въ томъ шкапѣ, откуда ты взялъ бутылку; если эта лошадь поможетъ тебѣ, то выйдешь отсюда; если же нѣтъ, — то останешься здѣсь на вѣки.“

Предсказаніе ея исполнилось: когда она поднялась по веревкѣ, братья, увидѣвъ плѣнительную красоту дѣвушки, оставили своего младшаго брата въ колодцѣ, чтобы самимъ завладѣть ею, и возвратились домой. На вопросъ отца, — гдѣ ихъ младшій братъ, они отвѣтили, что на пути онъ отдѣлился отъ нихъ, и не извѣстно, куда дѣлся; при этомъ они хвастали, что своими руками убили Хырть-хырть-Кёсу и взяли трехъ красавицъ.

Ждалъ-ждалъ царевичъ, когда опустятъ ему веревку, и, не дождавшись, понялъ, что братья измѣнили ему. Тогда онъ отправился къ лошади Кёсы просить, чтобы она освободила его изъ колодца.

— „Пока не привесешь ты губы, носъ и уши Кёсы, чтобы я удостовѣрилась, что онъ жертва, я не могу вынести тебя отсюда!“ отвѣтилъ конь на просьбу юноши.

Царевичъ тотчасъ побѣжалъ, взявъ платокъ, въ которомъ были губы, носъ и уши Кёсы, принесъ и показалъ ихъ лошади; та немало изумилась, увидѣвъ, что Кёса, въ самомъ дѣлѣ, убитъ. Убѣдившись совершенно, что жестокаго хозяина уже не существуетъ, она сказала юношѣ:

— „Ну, возьми сѣдло, осѣдай меня, садь на меня и ударь кнутомъ такъ, чтобы вырвался кусокъ кожи; но сѣдай крѣпко, чтобы не было съ тобою бѣды.“

Царевичъ поступилъ такъ, какъ говорила лошадь. Когда онъ сѣлъ на коня и ударилъ его кнутомъ изо всей силы, то онъ помчался быстрѣе вѣтра, мигомъ вылетѣлъ изъ колодца и помчалъ его къ родному городу. Приблизившись къ столицѣ, лошадь сказала юношѣ:

— „Теперь, царевичъ, отправляйся въ городъ пѣшкомъ: если меня увидятъ, то, убивъ тебя, захватятъ меня. Возьми ты воясъ изъ моей гривы, и когда тебѣ я нужна буду, положи его подъ камень и три раза позови меня: я немедленно явлюсь на твой зовъ.“

Сказавъ это, лошадь оставила царевича и возвратилась въ колодезь, а юноша отправился въ городъ и поступилъ, въ качествѣ ученика, къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру.

Въ это время царь захотѣлъ женить своего старшаго сына на старшей красавицѣ. Тогда былъ такой обычай, что женихъ, по вкусу своей невѣсты, дѣлалъ ей подарокъ. Когда старшій сынъ спросилъ невѣсту, что ей подарить, — та отвѣтила, что ей хочется имѣть свои прежнія игрушки, т. е. золотую легавую собаку и зайца, и что безъ этого подарка она не выйдетъ ни за кого. Женихъ взялъ изъ царской казны золота и отправился заказать требуемыя вещи; но всѣ золотыхъ дѣлъ мастера отказывались отъ этой работы, говоря, что они не въ силахъ сдѣлать такихъ вещей. Пришелъ, наконецъ, женихъ къ мастеру, у котораго жилъ въ подмастерьяхъ царевичъ; но и тотъ сталъ отказываться. Новый же ученикъ его попросилъ хозяина, чтобы онъ принялъ заказъ. Мастеръ взялъ золото и согласился черезъ недѣлю приготовить игрушки. Когда заказчикъ, уходя, сталъ грозить, что, въ случаѣ неисполненія заказа, казнить мастера; то послѣдній сталъ ругать и бить ученика своего, говоря:

— „Вчера только пришелъ, не умѣешь въ рукахъ молотокъ держать, а берется за царскіе заказы!.. Приготовь же, смотри!.. иначе прежде ты будешь мертвъ, а тогда ужъ меня казнятъ.“

— „Не безпокойся, хозяинъ“, отвѣчалъ царевичъ, „черезъ семь дней я представлю тебѣ, что нужно, а теперь ты отправься на базаръ и купи для меня семь мѣшковъ мелкихъ орѣховъ и изюму, а не то, — я ничего не сдѣлаю!“

Мастеръ купилъ орѣховъ и изюму и отдалъ ихъ уче-

нику, а этотъ сѣлъ въ углу и началъ ихъ ѣсть. Прошло шесть дней, а ученикъ все только ѣлъ орѣхи да изюмъ, а работы и не трогалъ; лавка полна была сворлупою отъ мелкихъ орѣховъ, другой же работы не видно было. Мастеръ уже давно потерялъ надежду на выполнение заказа и готовился на слѣдующій день, въ присутствіи заказчиковъ, зарѣзать обманувшаго его ученика. Наканунѣ срока заказа, ночью, когда мастеръ ушелъ въ свою комнату, царевичъ положилъ подъ камень волосъ своей лошади и три раза позвалъ ее. Лошадь мгновенно явилась предъ нимъ.

— „Иди“, говоритъ ей царевичъ, „сейчасъ же принеси мнѣ золотую легавую собаку и зайца! они мнѣ очень нужны.“

Лошадь исчезла и тотчасъ же вернулась съ вещами. Утромъ пришелъ мастеръ и увидѣлъ на столѣ легавую собаку и зайца. Хитрый мастеръ и радъ былъ, и вмѣстѣ удивленъ; но и виду не показавъ, что онъ обрадовался.

— „Ну, что?.. хорошо сдѣланы?“ спросилъ его царевичъ-ученикъ.

— „Хоть и не совсѣмъ, но все-таки удовлетворительно“, отвѣтилъ мастеръ, постукавъ, для виду, молоткомъ кой-гдѣ о вещи, будто поправляя ихъ.

— „Хорошо! я покажу тебѣ „удовлетворительно“, подожди!“ сказалъ про себя царевичъ-ученикъ.

Наконецъ, пришелъ царевичъ-женихъ, взялъ вещи и подарилъ своей невѣстѣ. Три красавицы, вторыми раньше тревожились за жизнь своего спасителя, увидѣвъ свои вещи, сильно обрадовались, понявъ, что спаситель ихъ живъ, выбрался изъ колодца и находится въ столицѣ; болѣе же всѣхъ обрадовалась младшая красавица.

Передъ свадьбою, по обычаю страны, назначена была джигитовка. Весь городъ собрался на мѣсто ея; отправился туда и мастеръ царевича-ученика, строго запретивъ послѣднему выходить изъ лавки. Но какъ-только открылся мастеръ,

царевичъ, переодѣвшись, заперъ лавку, позвалъ свою лошадь и помчался на мѣсто джигитовки. Сдѣлавъ тамъ два-три конца, которыми удивилъ весь народъ, онъ вдругъ остановился, пустилъ стрѣлу въ грудь старшаго своего брата и, промчавшись мимо своего мастера, далъ ему такую пощечину, что тотъ пошатнулся и безъ чувствъ упалъ на землю.

Царевичъ возвратился въ лавку, отпустилъ лошадь, и принялся за дѣло, какъ будто и не отлучался изъ мастерской. Черезъ нѣсколько времени пришелъ и мастеръ, блѣдный, какъ трупъ.

— „Ну, что тамъ было, мастеръ?“ спросилъ, будто ничего не зная царевичъ-ученикъ.

— „Что было?“ отвѣтилъ ему гнѣвно мастеръ, „а было то, что, въ самомъ разгарѣ игры, появился какой-то неизвестный человѣкъ на быстромъ, какъ вѣтеръ, конѣ, сдѣлалъ нѣсколько концовъ, выстрѣлилъ изъ лука въ царевича-жениха и убилъ его. Весь народъ теперь въ смущеніи. Все бы это еще ничего, но не знаю, что я ему сдѣлалъ: промчавшись мимо меня, онъ далъ мнѣ такую затрещину, что и теперь у меня голова болить.“

Ученикъ въ душѣ смѣялся надъ мастеромъ: „пусть это для тебя будетъ урокомъ“, думалъ онъ, „чтобы впередъ ты не смѣлъ поправлять того, чего дѣлать не умѣешь.“

Прошло нѣкоторое время, и царь захотѣлъ женить средняго сына на средней красавицѣ. Пришелъ женихъ къ невѣстѣ и спрашиваетъ, что ей подарить. Та отвѣтила, что желаетъ имѣть золотую мельницу, которая сама работала бы и забавляла ее, и что безъ этого она не пойдетъ за него замужъ.

Взялъ средній царевичъ золото и пошелъ въ мастерамъ, но никто изъ нихъ не брался сдѣлать такую мельницу. Пришелъ онъ, наконецъ, къ тому мастеру, которому была завязана легавая собака; но и тотъ, въ свою очередь, хотѣлъ

было отказаться и, только подстрекаемый своимъ ученикомъ, принялъ заказъ и обѣщался приготовить мельницу черезъ недѣлю. Когда ушли заказчики, ученикъ потребовалъ у мастера семь мѣшковъ мелкихъ орѣховъ и семь мѣшковъ изюму и, по прежнему, ѣлъ орѣхи и изюмъ семь дней и ночей, а при наступленіи послѣдней ночи, онъ позвалъ свою лошадь, которая немедленно и принесла ему мельницу красавицы.

— „Ну, что?“ спрашиваетъ царевичъ-ученикъ своего хозяина „хорошо-ли сдѣлана мельница?“

— „Ничего себѣ!“ отвѣчаетъ мастеръ, постукивая по ней молоткомъ, будто поправляя ее.

— „Ну, такъ и я тебя опять поправлю!“ сказалъ про себя ученикъ.

Пришелъ царевичъ-женихъ, взялъ мельницу и подарилъ своей невѣстѣ, которая вмѣстѣ съ сестрами очень обрадовалась, еще разъ получивши доказательство того, что спаситель ихъ живъ.

Опять устроена была джигитовка. Ученикъ-царевичъ, послѣ ухода мастера, переодѣвшись, сѣлъ на лошадь и отправился на джигитовку. Сдѣлавъ, какъ и въ первый разъ, тамъ два-три конца, онъ застрѣлил средняго брата и, промчавшись мимо мастера, хлопнулъ его хорошенько по головѣ. Возвратившись въ мастерскую, онъ отпустилъ лошадь и занялся опять своимъ дѣломъ, будто ничего не случилось. Пришелъ мастеръ, совсѣмъ одурѣлый отъ удара.

— „Ну, что, хозяинъ, какъ провелъ время? Кто на джигитовкѣ отличился?“ спросилъ ученикъ-царевичъ.

— „Кто отличился!“ сердито отвѣтилъ мастеръ. „Появился, въ разгарѣ игры, все-тотъ же юноша, убилъ второго царевича, ударилъ меня (не знаю, что я этому негодю сдѣлалъ!) и скрылся. Народъ въ сильномъ смущеніи: царь лишился двухъ взрослыхъ сыновей, о третьемъ же нѣтъ ни слуху, ни духу, и всѣ считаютъ его погибшимъ. Завтра бу-

деть совѣщаніе о томъ, какъ найти этого разбойника, который, я думаю, или шайтанъ, или азраилъ.“

— „Ты, мастеръ, тоже пойдешь туда?“ спросилъ его ученикъ-царевичъ.

— „Конечно пойду! Меня, какъ старшаго въ столицѣ мастера, тоже пригласили.“

— „Возьми и меня туда, мастеръ! Я хочу посмотрѣть, какъ держать совѣтъ важныя лица, а можетъ быть и я могу сказать тамъ что-нибудь!“

— „Молчи, щенокъ! Вотъ еще кому захотѣлось явиться между придворными! Пожалуй ты еще осрамишь тамъ меня!..“

Но ученикъ-царевичъ такъ присталъ къ нему со своими просьбами, что мастеръ, наконецъ, согласился взять его. На слѣдующій день они пришли во дворецъ. Здѣсь знатныя лица двигались взадъ и впередъ; всѣ были печальны. Когда началось засѣданіе, всѣ заняли свои мѣста на пышныхъ подушкахъ. Мастеръ же и ученикъ его стали у дверей, въ углу. Начали рассуждать о дѣлѣ: одинъ говорилъ одно, другой—другое... Трудно было на чемъ-нибудь остановиться...

— „Великій государь!“ воскликнулъ вдругъ ученикъ-царевичъ, „позволь мнѣ слово сказать!“

— „Молчи, молчи, негодяй!“ останавливалъ своего ученика испуганный мастеръ, „молчи, сумасшедшій!..“

Но царевичъ не обратилъ на него вниманія. Между тѣмъ всѣ члены совѣта удивились, что простой юноша осмѣлился войти и, въ добавокъ, просить позволенія говорить. Царь сказалъ юношѣ:

— „Говори, милый мой, послушаемъ, что ты намъ скажешь!“

Получивъ позволеніе, ученикъ-царевичъ началъ рассказывать, въ видѣ сказки, все, что случилось съ нимъ со дня выхода его изъ дома... Окончивъ свою сказку, ученикъ-царевичъ спросилъ своего отца:

— „Какъ ты, милосердный государь, принялъ бы этого царевича, если-бы онъ былъ твой сынъ? и если бы ты былъ на мѣстѣ этого царевича, то какъ ты поступилъ бы?“

— „Будь я на мѣстѣ юноши,“ сказалъ царь, „я поступилъ бы такъ, какъ поступилъ царевичъ; а будь я отцомъ его,—простилъ и расцѣловалъ бы его.“

Тогда ученикъ-царевичъ приблизился къ отцу, и сказалъ:

— „Прости же меня и поцѣлуй, потому что я—сынъ твой и убійца измѣнниковъ-братьевъ!“

Царь обнялъ сына. Всѣ присутствовавшіе были удивлены и обрадованы. Что же касается мастера, то онъ не зналъ, во снѣ ли, или наяву все это случилось.

На слѣдующій день сыграли свадьбу: царевичъ женился на младшей красавицѣ. Изъ старшихъ же красавицъ—одна вышла за сына незира, другая—за сына везира. Всѣ они жили весело и счастливо и дожили до глубокой старости.

10. Отцовское завѣщаніе.

Жилъ-былъ царь, а у него было три сына и три дочери. Царь былъ уже старъ. Разъ онъ позвалъ къ себѣ своихъ сыновей и говорить имъ:

— „Милыя мои дѣти! я чувствую, что смерть моя близка, и потому прошу васъ: первое—послѣ смерти моей, по очереди стерегите мою могилу три ночи; второе—кто ни попроситъ руки моихъ дочерей, не отказывайте; третье—постройте, въ память о мнѣ, въ этомъ городѣ такую мечеть, какой не нашлось бы нигдѣ, и если кто-нибудь укажетъ недостатокъ ея, то вы исправьте его.“

Сыновья обѣщались непременно исполнить завѣщаніе своего отца.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого умеръ царь. Старшіе сыновья даже и слышать не хотѣли объ имени отца. Младшій

изъ нихъ напомнилъ старшему брату, что, по завѣщанію, онъ въ эту ночь долженъ стеречь могилу царя; но старшій братъ и не подумалъ итти. Младшій братъ взялъ тогда свой лукъ и мечъ и отправился стеречь могилу. Въ самую полночь явился къ могилѣ всадникъ, сидѣвшій на красномъ конѣ, и бросился къ могилѣ, произнося проклятія и угрожая изрѣзать трупъ въ куски и отдать на сѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Въ это время царевичъ выхватилъ мечъ и разрубилъ всадника и коня пополамъ. Потомъ, взявъ съ собою носъ, губы, глаза и уши всадника и его коня, пришелъ къ братьямъ, рассказалъ имъ, что съ нимъ случилось, и показалъ, въ доказательство справедливости своихъ словъ, части лица всадника и морды его коня. На слѣдующую ночь средній братъ также не хотѣлъ итти стеречь могилу, и за него пошелъ опять младшій братъ. Въ эту ночь явился другой всадникъ на черномъ конѣ, и также, произнося проклятія и угрозы, бросился къ могилѣ. Царевичъ убилъ и его и принесъ братьямъ носъ, губы, глаза и уши всадника и коня. Въ третью ночь онъ убилъ на отцовской могилѣ всадника, пріѣхавшаго на бѣломъ конѣ.

Исполнивъ, такимъ образомъ, первый завѣтъ отца, младшій царевичъ требовалъ, чтобы братья начали постройку мечети. Между тѣмъ въ одну ночь, когда братья, собравшись вмѣстѣ, совѣтовались о дѣлахъ, кто-то сталъ сильно стучать въ двери. Старшіе братья послали младшаго узнать, кто стучится. Царевичъ пошелъ и узналъ, что это Лейлекъ-падишахъ *) просить руки старшей сестры. Царевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрамъ и черезъ нѣсколько минутъ привелъ старшую сестру, держа ее за ухо. Лейлекъ-падишахъ взялъ свою прекрасную невѣсту и скрылся въ темнотѣ. Придя къ братьямъ, царевичъ рассказалъ о случившемся, и братья очень разсердились на него.

*) لیلک پادشاه — царь-цапля.

Въ слѣдующую ночь опять стали стучаться въ двери. Это оказался Гёгерчинъ-падишахъ *), который просилъ руки средней сестры. Младшій царевичъ исполнилъ просьбу Гёгерчинъ-падишаха, который также тотчасъ исчезъ съ царевной. Узнавъ объ этомъ, братья пуще прежняго разсердились на царевича.

Въ третью ночь пришелъ просить руки младшей царевны Каракушъ-падишахъ **), и младшій царевичъ отдалъ ему младшую сестру. Злости братьевъ, послѣ этого, не было предѣловъ; но дѣлать было нечего, — вернуть сестеръ нельзя было.

Скоро окончена была и мечеть: вышла она такая красивая, что всякій, кто видѣлъ ее, приходилъ въ изумленіе... И, повидимому, кто бы могъ найти въ ней недостатковъ?! Но вотъ однажды, когда три царевича молились въ той мечети, влетѣли въ нее два голубя и человѣческимъ языкомъ произнесли:

— „Жаль, что такая великолѣпная мечеть имѣетъ одинъ недостатокъ!...“

Сказавъ это, голуби тотчасъ вылетѣли и скрылись. Всѣ стали осматривать мечеть, чтобы узнать, въ чемъ состоитъ недостатокъ; но мечеть казалась строеніемъ, не имѣющимъ никакого недостатка. На другой день голуби опять явились въ мечеть и, выразивши тоже сожалѣніе, улетѣли. Такъ повторилось нѣсколько дней сряду. Наконецъ, братья рѣшились, по очереди, караулить, чтобы поймать голубей и узнать, въ чемъ именно состоитъ недостатокъ мечети. Въ первую ночь пошелъ караулить старшій братъ; но онъ скоро заснулъ, а на другой день сказалъ братьямъ, что ничего не видѣлъ. Средній братъ пошелъ стеречь въ слѣдующую ночь и поступилъ, какъ его старшій братъ. Наконецъ, пришла очередь младшаго брата. Онъ взялъ балалайку, сѣлъ въ мечети и, до появленія голубей, игралъ на балалайкѣ и пѣлъ суры изъ Корана. Ровно въ пол-

*) كوكريچين پادشاه — царь-голубь.

***) فراقيش پادشاه — царь-орелъ.

ночь влетѣли голуби въ мечеть и высказали свое сожалѣніе. Въ это время царевичъ притворилъ двери и спросилъ ихъ:

— „Скажите мнѣ, кто вы такіе, и какой недостатокъ у мечети этой? А если не скажете,—не выпущу васъ отсюда!“

Голуби, видя, что иначе имъ не выбраться изъ мечети, сказали:

— „Кто мы такіе, этого знать ты не долженъ, а недостатокъ мечети состоитъ въ томъ, что надъ такой прекрасной мечетью не поетъ соловей *Едди-токли* *), принадлежащій Кёсѣ.“

Выслушавъ это, царевичъ отпустилъ голубей, пришелъ домой и передалъ братьямъ сказанное голубями. Братья порѣшили искать соловья Кёсы: взяли много запасовъ и денегъ и отправились. Долго шли они: сперва—всѣ вмѣстѣ, потомъ рѣшили каждому итти отдѣльно, своею дорогою. Два старшихъ брата, съ полдороги, не надѣясь на успѣхъ, воротились домой, младшій же братъ, послѣ долгаго пути, достигъ до маленькаго замка. За первую дверью его, онъ увидѣлъ другую стѣну и, обойдя ее, встрѣтилъ вторыя двери, вошелъ въ нихъ и увидѣлъ третью стѣну; обойдя и ее, онъ нашелъ третью дверь, которая вела въ великолѣпную комнату, какой не имѣлъ ни одинъ царь на землѣ. Въ этой комнатѣ на дорогой софѣ сидѣла его старшая сестра. Увидѣвъ брата, она тотчасъ бросилась въ нему и стала цѣловать его и плакать отъ радости. Потомъ она стала высказывать сожалѣніе, что братъ пришелъ къ нимъ, говоря, что Лейлекъ-падишахъ, если увидитъ, непременно убьетъ его.

— „Но иди, а спрячу тебя и спрошу мужа, какъ онъ приметъ тебя: если скажетъ, что убьетъ, то ты останься тамъ, пока онъ опять не уйдетъ на охоту, а если нѣтъ, то выйди.“

Сказавъ это, сестра спрятала брата. Скоро пришелъ Лейлекъ-падишахъ, и жена спросила его:

*) يدى توكلى — семипѣрый или семиволосый.

— „Какъ ты примешь, если кто-нибудь изъ моихъ братьевъ придетъ къ намъ?“

— „Какъ я приму?... Если придетъ твой старшій братъ, то самымъ большимъ кускомъ отъ его тѣла о́станется ухо его; если средній—тоже самое, а если младшій придетъ, то на головѣ моей будетъ имѣть мѣсто.“

Тогда красавица привела брата къ мужу, который принялъ его очень радушно. Царевичъ разсказалъ Лейлекъ-падишаху о цѣли своего путешествія; послѣдній совѣтовалъ ему воротиться назадъ, говоря, что онъ самъ боится переходить границы владѣній страшнаго Кёсы. Но царевичъ былъ твердъ въ своемъ намѣреніи. Тогда Лейлекъ-падишахъ посовѣтовалъ ему поговорить съ Гёгерчинъ-падишахомъ, мужемъ средней сестры царевича, говоря, что онъ гораздо опытнѣе и дастъ ему нужные совѣты.

Царевичъ оставилъ Лейлекъ-падишаха и старшую сестру и пустился въ путь. Долго шелъ по направленію къ жилищу средней сестры и, наконецъ, достигъ до него. Замокъ Гёгерчинъ-падишаха былъ таковаго же устройства, каковаго и Лейлекъ-падишаха, но красивѣе его. Средняя сестра приняла брата такъ же, какъ и старшая. Гёгерчинъ-падишахъ также совѣтовалъ шурину оставить безумное намѣреніе, но царевича и смерть не воротила бы назадъ. Гёгерчинъ-падишахъ отправилъ его къ Каракушъ-падишаху, мужу младшей сестры, говоря, что тотъ болѣе опытенъ и, если что можно сдѣлать, то онъ одинъ это знаетъ.

Царевичъ отправился къ Каракушъ-падишаху. Каракушъ-падишахъ принялъ его еще любеснѣе, чѣмъ Лейлекъ и Гёгерчинъ-падишахи, но, узнавъ о намѣреніи царевича, и онъ совѣтовалъ ему воротиться домой. Но царевичъ ни за что не хотѣлъ оставить своего предпріятія. Видя это, Каракушъ-падишахъ говоритъ ему:

— „Если ужъ ты непремѣнно рѣшился идти, то выполни

въ точности слѣдующія мои указанія. Когда войдешь въ комнату Кёсы, то увидишь въ клеткѣ его соловья; тамъ же занавѣсомъ спитъ красавица, черныя волосы которой виднѣются изъ-за него. Ты подойдешь къ ней, ея же волосами свяжешь ей два большихъ пальца на рукахъ, потомъ поцѣлуешь ее въ щеки; въ то время проснется она и начнетъ просить, чтобы ты освободилъ ее; но ты этого не дѣлай, пока она не поклонится молокомъ своей матери послѣдовать вмѣстѣ съ птицею Кёсы за тобою. Если удастся тебѣ похитить ее, то женись на ней, а соловей пусть себѣ поетъ надъ мечетью. "

Царевичъ немедленно отправился въ путь и достигъ жилища Кёсы, когда его не было дома. Красавица спала за занавѣсомъ, а длинныя волосы ея лежали на дорогихъ коврахъ. Царевичъ подошелъ къ ней и поступилъ такъ, какъ совѣтовалъ ему Каравушъ-падишахъ. Какъ только онъ прикоснулся губами къ бархатнымъ щекамъ красавицы, она тотчасъ раскрыла глаза и стала умолять царевича, чтобы онъ освободилъ ее, но царевичъ былъ неумолимъ. Тогда только, когда красавица поклялась молокомъ своей матери послѣдовать за нимъ, царевичъ, наконецъ, освободилъ ее, и они стали готовиться къ бѣгству. Красавица посовѣтовала царевичу осѣдлать изъ трехъ лошадей Кёсы самую худую, говоря, что она самая быстрая изъ коней его. Царевичъ осѣдлалъ эту лошадь, сѣлъ на нее, посадилъ къ себѣ на колѣни красавицу, взялъ птичку и помчался къ своему городу.

Когда Кёса пришелъ домой и увидѣлъ, что нѣтъ дома ни жены, ни соловья, то улыбнулся, думая, что воръ сѣлъ на жирную лошадь, и что онъ на своей худой лошади скоро ихъ догонитъ. Онъ вошелъ въ конюшню и очень удивился, что его невзрачной на видъ, худенькой лошади нѣтъ. Но жеребенокъ этой лошади былъ въ конюшнѣ, и Кёса на немъ поѣхалъ въ погоню: „мать услышитъ голосъ жеребенка и остановится“, думалъ онъ, при этомъ. Расчетъ Кёсы

оправдался: лошадь, бывшая подъ царевичемъ, услышавъ, жалостное ржаніе своего жеребенка, остановилась и не хотѣла итти впередъ. Кёса пустилъ стрѣлу въ царевича и, взявъ свою красавицу и соловья, воротился домой, оставивъ мертвого царевича на съѣденіе звѣрямъ.

Въ это время случайно Каракушъ-падишахъ вышелъ на охоту и, увидѣвъ мертваго шуріна, вынулъ изъ кармана жидкость, намазалъ ею рану царевича, и онъ тотчасъ ожилъ.

— „О, какъ долго я спалъ!“ сказалъ царевичъ.

— „Какое спалъ!“ отвѣтилъ Каракушъ-падишахъ, „ты, просто, лежалъ мертвымъ. Пойдемъ же теперь къ намъ, и оставь это дѣло, изъ-за котораго ты чуть не погибъ.“

— „Нѣтъ, отвѣтилъ царевичъ, ни за что я не пойду назадъ безъ красавицы и соловья. Скорѣе умру, нежели сдѣлаю это.“

Царевичъ вернулся въ жилище Кёсы, который, будучи увѣренъ, что убилъ врага, спокойно ушелъ на охоту. Красавица же все думала о царевичѣ и проливала слезы по немъ. Какъ только вошелъ къ ней царевичъ, она бросилась въ его объятія и просила скорѣе увезти ее, посоветовавъ ему сѣсть на лошадь, а ее посадить на жеребенка. Царевичъ поступилъ такъ, какъ совѣтовала красавица, и скоро они были уже далеко отъ жилища Кёсы, и тотъ не могъ бы догнать ихъ, если бы это захотѣлось ему.

Между тѣмъ старшіе братья царевича, пріѣхавши домой, женились и жили себѣ весело. Однажды они задумали итти искать своего брата, боясь, что онъ пристыдитъ ихъ, если ему удастся достать соловья: они задумали убить его въ такомъ случаѣ и завладѣть соловьемъ. Приготовивъ все, что нужно было для дороги, они пустились въ путь. Долго они шли и во многихъ городахъ перебивали прежде, чѣмъ достигли города, въ которомъ остановился младшій ихъ братъ съ красавицей и соловьемъ. Въ городѣ всѣ говорили

о немъ, и братья завидовали ему. Нѣсколько дней они придумывали, какъ имъ убить брата и похитить красавицу и соловья; наконецъ, они рѣшили переодѣться простыми людьми и поступить лакеями въ харчевню, откуда младшій ихъ братъ получалъ пищу.

— „Когда хозяинъ пошлетъ кого изъ насъ отнести для младшаго нашего брата пищу“, сказалъ одинъ изъ нихъ, „то пусть тотъ въ дверяхъ комнаты, занимаемой братомъ, поставитъ кинжалы,—такъ, чтобы ночью онъ упалъ на нихъ и изрѣзался до смерти.“

Порѣшивъ на этомъ, братья на слѣдующій день пришли въ харчевнику, который охотно нанялъ ихъ. Харчевникъ поручалъ имъ относить для младшаго ихъ брата обѣдъ. Раза два они принесли брату пищу и, хорошенько изучивъ устройство дома, поставили въ дверяхъ кинжалы. Поздно вечеромъ, возвращаясь домой, царевичъ отворилъ двери, споткнулся о кинжалы, упалъ на нихъ и тяжело ранилъ себя. Старшіе братья, увидѣвъ его въ обморокѣ, подумали, что онъ уже умеръ: взяли красавицу и соловья и немедленно воротились домой.

Утромъ собрались люди у раненаго; привели докторовъ и всячески старались спасти жизнь молодого красиваго царевича, который чуть не умеръ отъ потери крови. Царевичъ скоро поправился и приѣхалъ въ свой родной городъ. Увидѣвъ надъ мечетью соловья, онъ спросилъ прокожихъ, кто досталъ его. Ему отвѣтили, что искали соловья всѣ три царевича, но младшій изъ нихъ, отправившись исцѣлить его, не воротился еще, старшіе же его братья недавно ѣздили куда-то и привезли не только этого соловья, но и одну дивную красавицу. Услышавъ это, царевичъ догадался, въ чемъ дѣло. „Такъ это братья мои,“ подумалъ онъ, „хотѣли лишить меня жизни!.. Когда такъ, я отплачу имъ!“

Онъ пошелъ и поступилъ ученикомъ въ одному портному. Скоро разнесся слухъ, что красавица вступить въ бракъ съ

тѣмъ изъ царевичей, который достанетъ для нея *нерукотворное* брачное *платье*. Царевичи тотчасъ отправились ко всѣмъ портнымъ заказывать такое платье; но всѣ портные отказались, говоря, что никто не можетъ шить *нерукотворное* платье. Наконецъ царевичи пришли къ тому портному, у котораго былъ ихъ братъ. И этотъ портной отказывался шить *нерукотворное* платье. Но ученикъ-царевичъ умолялъ его тайкомъ, чтобы онъ принялъ заказъ. Портной сперва разсердился на своего ученика.

— „Гдѣ тебѣ, глупецъ,“ говорилъ онъ, „приготовить такое платье, когда иглы не можешь еще держать въ рукахъ!..“

Но царевичъ такъ наскучилъ ему своими просьбами, что онъ, наконецъ, принялъ заказъ. Когда заказчики ушли, царевичъ обратился къ портному и говоритъ:

— „Если хочешь, чтобы къ сроку платье было готово, такъ купи для меня десять фунтовъ мелкихъ орѣховъ и десять фунтовъ изюму.“

Портной исполнилъ требованіе царевича, и послѣдній, сидя въ отдѣльной комнатѣ, въ продолженіе трехъ срочныхъ дней, ѣлъ орѣхи да изюмъ. Наканунѣ срока, ночью онъ отправился въ лѣсъ, гдѣ спряталъ всѣ свои пожитки, которыхъ его братья, второпяхъ, не взяли. Царевичъ досталъ *нерукотворное* платье красавицы и принесъ въ свою комнату. Платье распространило такой свѣтъ, что утромъ сосѣди окружили домъ, крича: „пожаръ, пожаръ!“ Царевичъ успокоилъ народъ, показавъ *нерукотворное* платье, которое, казалось, горѣло, какъ жаръ. Пришли заказчики-царевичи, взяли платье и отдали красавицѣ, а та поняла, что возлюбленный ея царевичъ живъ и не оставить ея въ рукахъ братьевъ своихъ. Она нарочно требовала *нерукотворнаго* платья, зная, что его можетъ достать одинъ младшій царевичъ, если только онъ живъ.

Назначенъ былъ день свадьбы. На свадьбу былъ пригла-

шенъ и портной, какъ придворный мастеръ. Царевичъ просилъ, чтобы хозяинъ и его взялъ во дворецъ.

— „Гдѣ тебѣ, щенокъ, стоять съ людьми царскаго происхожденія? Ты, лучше, свиней паси!“ сказалъ въ насмѣшку портной и отправился на свадьбу.

Царевичъ пошелъ тогда въ лѣсъ и вынулъ изъ кармана своего, оставленнаго здѣсь, платья, одинъ изъ трехъ *каштановъ*, которые дала ему красавица: въ каждомъ изъ этихъ каштановъ находилось по парѣ *летучаго платья*. Вынувъ изъ одного каштана платье, царевичъ надѣлъ его на себя и отправился во дворецъ. Въ самомъ разгарѣ свадьбы онъ кинулся на братьевъ, повалилъ ихъ на землю, билъ и топталъ ихъ ногами; не забылъ онъ также угостить и своего мастера-хозяина. Послѣ этого царевичъ вылетѣлъ черезъ окно и скрылся въ темнотѣ. Придя въ лѣсъ, онъ снялъ летучее платье, сложилъ въ каштанъ, надѣлъ свой обыкновенный нарядъ и явился въ лавку. Мастеръ возвратился, совсѣмъ избитый и злой. Когда царевичъ, въ душѣ издѣваясь надъ нимъ, спрашивалъ о царской свадьбѣ, мастеръ сердито выбранилъ только его.

На другой день приглашенные опять пошли на свадьбу. Царевичъ надѣлъ летучее платье изъ второго каштана, отправился во дворецъ, произвелъ такое же, какъ раньше, смятеніе и, несмотря на то, что всѣ старались поймать его, вылетѣлъ изъ окна и исчезъ.

Въ третью ночь онъ надѣлъ летучее платье изъ третьего каштана, опять прилетѣлъ на свадьбу, пуще прежняго избилъ своихъ братьевъ, а потомъ сталъ по серединѣ комнаты и громогласно изобличилъ ихъ въ томъ, что они солгали, утверждая, что сами добыли соловья и красавицу, и рассказалъ все дѣло, какъ было, съ начала и до конца. Народъ былъ удивленъ. Окончивъ свой рассказъ, царевичъ спросилъ:

— „Чѣмъ же вы хотите наказать моихъ недостойныхъ братьевъ?“

Тогда, по рѣшенію народа, двухъ старшихъ братьевъ привязали къ хвостамъ коней, и кони размыкали ихъ по полю. Младшій же царевичъ женился на молодой красавицѣ, и народъ посадилъ его на отцовскій престолъ.

Записаль въ г. Баку воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *А. Бабалянъ*.

11. Ашинъ Кярамъ.

Въ одно время въ городѣ ** жили въ сосѣдствѣ армянскій священникъ и мулла. Оба они были бездѣтны. Каждый изъ нихъ при мысли, кому долженъ оставить свое имущество, сильно печалился и считалъ себя несчастнѣйшимъ человекомъ во всемъ городѣ. Послѣ неоднократнаго обращенія къ знахарямъ и девришамъ, по совѣту жены священника, они обратились съ горячею молитвою къ Богу и дали другъ другу слово соединить своихъ дѣтей бракомъ, если Богъ сжадется надъ ними и даруетъ одному сына, другому—дочь. Богъ внялъ усерднымъ молитвамъ ихъ: черезъ годъ священнику Онъ даровалъ дочь, а мullah—сына. Не было предѣловъ радости родителей! На седьмой день сыну мullah нарекли имя „Кярамъ“, а дочери священника—„Асли“.

Шли года: священникъ и мулла продолжали жить въ дружбѣ; выросли Кярамъ и Асли и достигли, наконецъ, брачнаго возраста. Мулла, при встрѣчѣ со священникомъ, дѣлалъ намѣки относительно женитьбы Кярама на Асли, а послѣдній, уклоняясь отъ прямого отвѣта, говорилъ, что еще рано думать о бракѣ ихъ дѣтей. Между тѣмъ священникъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, ему казалось большимъ грѣхомъ выдать христіанку за татарина; съ другой, тяжело было не исполнить даннаго мullah слова,—тѣмъ болѣе, что они влялись другъ другу именемъ Бога. Долго думалъ священникъ, какъ ему быть, и, наконецъ,

спросилъ объ этомъ мнѣніи своей жены. Она сказала, что выдать дочь за *татарина* невозможно; если же ему, священнику, трудно отказать мѹллѣ въ сватовствѣ, то лучше всего тайно переселиться куда-нибудь. Совѣтъ жены очень понравился священнику: онъ рѣшился покинуть родной городъ.

Кярамъ, проводя свое дѣтство въ играхъ съ Асли, которая своею красотою превосходила всѣхъ другихъ дѣвицъ, влюбился въ нее. Когда священникъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ скрылся изъ города, Кяраму стало ясно, что онъ не хочетъ выдать своей дочери за него. Любовь къ Асли не давала Кяраму покоя ни на минуту; онъ далъ себѣ обѣтъ найти свою возлюбленную, гдѣ бы она ни находилась. Кярамъ приобрѣлъ балалайку и, подъ видомъ ашика, пустился въ путь. Въ короткое время онъ научился превосходно играть на балалайкѣ, а пѣсни въ честь Асли ему подсказывала любовь къ ней. Странствуя изъ города въ городъ, Кярамъ, въ своихъ пѣсняхъ, спрашивалъ вѣждаго встрѣчнаго о томъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ его Асли, и описывалъ семейство священника.

Послѣ долгаго странствованія, въ одномъ городѣ отъ встрѣтившейся ему старушки Кярамъ узналъ, что недавно пріѣхалъ туда какой-то священникъ съ женой и единственной дочерью, и что жена этого священника занимается выдергиваніемъ больныхъ зубовъ. Кярамъ, ходя изъ дома въ домъ по всему городу, нашель, наконецъ, семейство священника.

Онъ притворился больнымъ и вошедши въ домъ священника, попросилъ жену его выдернуть ему больные зубы. Она приказала Кяраму лечь, Асли же—держать свѣчу и, по указанію его, стала выдергивать ему зубы, одинъ за другимъ, пока ни одного не осталось на мѣстѣ. У Кярама ни одного зуба не болѣло; онъ выдергивалъ ихъ всѣ лишь для того, чтобы можно было ему болѣе продолжительное время смотрѣть на свою

возлюбленную; вмѣсто боли, онъ чувствовалъ даже наслажденіе. Когда всѣ зубы были выдернуты, Кярамъ поставилъ ихъ по своимъ мѣстамъ, и, какъ-только заигралъ на балалайкѣ, зубы тотчасъ укрѣпились въ челюстяхъ.

Чтобы объяснить семейству священника, кто онъ, Кярамъ сталъ пѣть: „я сынъ муллы, Кярамъ, я житель города **“. Семь лѣтъ, какъ я ищу свою возлюбленную Асли“ и т. д. Грудь его, при этомъ, такъ сильно пылала любовью къ Асли, что изъ устъ его падали искры... И, вотъ, одна искра упала на большой палецъ его ноги и воспламенила ее. Пламя поднималось все выше и выше, а Кярамъ продолжалъ пѣть про свою судьбу и про свои приключенія. Видя, что пламя доходить уже до груди несчастнаго ашика, и начинаетъ горѣть балалайка, служившая утѣхою для несчастнаго Кярама, Асли схватила недалеко стоявшій кувшинъ съ нефтью и, думая, что въ немъ вода, облила ею ашика. Вспыхнуло такое громадное пламя, что Кярамъ и Асли сгорѣли... Но пепель ихъ зато соединился вмѣстѣ...

12. Гемать *).

Въ одномъ селѣ жилъ зажиточный крестьянинъ, у котораго былъ единственный сынъ. Однажды сынъ его попросилъ денегъ, чтобы купить себѣ на базарѣ игрушку. Желая исполнить просьбу баловня-сына, отецъ отперъ сундукъ, въ которомъ хранились его деньги, и увидѣлъ въ немъ змѣю, которая не позволила ему и воспутъ до денегъ, нажитыхъ его трудомъ; она сказала:

— „Эти деньги—не твои, а плотника Ивана!“

Крестьянинъ съ ужасомъ отошелъ отъ сундука. Не вѣря глазамъ своимъ, онъ во второй и въ третій разъ отрывалъ свой сундукъ, но каждый разъ видѣлъ одно и то же и полу-

*) Доля, которою никто другой не можетъ пользоваться, кромѣ того, кому она Богомъ назначена.

чалъ все тотъ же отвѣтъ отъ страшнаго сторожа сундука. Послѣ долгаго колебанія и душевной борьбы, крестьянинъ заперъ сундукъ на ключъ, вставилъ его въ дупло толстаго чурбана, отверстія сверху и снизу задѣлалъ вѣрѣшко-накрѣшко и бросилъ чурбанъ въ рѣку, чтобы его деньгами не могъ никто воспользоваться.

Плотникъ Иванъ, о которомъ говорила змѣя, жилъ въ сосѣднемъ селѣ; онъ имѣлъ обычай посылать своихъ учениковъ въ рѣбѣ, чтобы они вытаскивали изъ нея куски дерева, которыя несла она въ своемъ теченіи. Однажды ученики плотника вытащили и тотъ чурбанъ, въ которомъ находился сундучекъ съ деньгами, и, ничего не подозрѣвая принесли его домой. Таинственный чурбанъ долго валялся на дворѣ плотника, пока не привалялъ онъ своимъ ученикамъ расколоть его. Ученики, исполняя приказъ своего мастера, съ удивленіемъ открыли внутри чурбана сундучекъ, побѣждали въ плотнику и объявили ему о находкѣ. Плотникъ Иванъ велѣлъ внести сундучекъ въ комнату и открылъ его, и не было предѣловъ его радости, когда увидѣлъ, что онъ наполненъ деньгами. Плотникъ сталъ понемногу расходовать эти деньги на разные покупки для своего дома.

Прошло нѣкоторое время. Крестьянинъ, прежній владѣлецъ найденнаго плотникомъ богатства, пришелъ къ нему, чтобы узнать не напелъ ли онъ, на самомъ дѣлѣ, его денегъ, и былъ пораженъ, когда увидѣлъ у него въ комнатѣ, свой сундукъ. Крестьянинъ спросилъ плотника, какъ и откуда онъ досталъ сундукъ. Въ отвѣтъ ему рассказали, какъ былъ онъ найденъ. Когда плотникъ и его жена узнали, что сундукъ съ деньгами принадлежитъ крестьянину, то просили своего гостя взять его съ оставшимися деньгами, но крестьянинъ отвѣтилъ имъ:

— „Если бы эти деньги *мнѣ* принадлежали, то я самъ и воспользовался бы ими, а не бросилъ бы ихъ въ рѣку.“

Жена плотника въ это время пекла хлѣбы; чтобы крестьянинъ изъ своихъ денегъ взялъ хоть нѣсколько рублей, она въ десять хлѣбовъ запекала по нѣскольку монетъ и положила эти хлѣбы въ его дорожную суму. Но крестьянинъ дорогою встрѣтился съ однимъ сапожникомъ, купилъ у него пару сапогъ и, не имѣя денегъ для расплаты, отдалъ въ уплату за нихъ эти десять хлѣбовъ. Сапожникъ былъ сынъ сосѣдки плотника; мать его раньше заняла у жены плотника десять хлѣбовъ и, когда сынъ вернулся домой съ десятию хлѣбами, то сейчасъ-же уплатила ими свой долгъ. Получивъ назадъ десять хлѣбовъ съ запеченными въ нихъ деньгами и узнавъ обстоятельства этого дѣла, плотникъ и жена его убѣдились, что, дѣйствительно, эти деньги нажиты крестьяниномъ *для нихъ* и стали спокойно пользоваться ими.

Смотритель Касапетскаго училища *Г. Израеловъ.*

13. Лисица.

Жилъ-былъ царь. У него былъ единственный сынъ. Однажды пришелъ въ царю богатый человекъ и пожаловался на одного бѣднаго крестьянина, желая у него отнять его послѣдній участокъ земли. Царь рѣшилъ дѣло въ пользу богатаго, хотя онъ и не былъ правъ. При разборѣ дѣла присутствовалъ царевичъ и, видя несправедливость отца, воспротивился ему и сталъ защищать крестьянина. Царь такъ разгнѣвался за это противорѣчiе, что приказалъ повѣсить сына, несмотря на то, что онъ былъ у него единственный сынъ. Услышавъ о такомъ ужасномъ приказанiи, царица пришла къ царю и умоляла его, чтобы онъ смягчилъ свой гнѣвъ и пощадилъ жизнь ихъ единственнаго сына; но царь былъ неумолимъ и твердилъ, что его сынъ не долженъ остаться въ живыхъ. Только послѣ слезной мольбы ей удалось добиться отъ мужа нѣкоторой уступки: онъ согласился выслать сына изъ

своего государства. Царевичу дали лошадь, ружье, бурку, немного денег и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей, отправили вонъ изъ царства. Эти люди должны были проводить царевича до границы, а потомъ вернуться.

Оставшись одинъ, царевичъ поѣхалъ, куда глаза глядятъ, и пріѣхалъ, наконецъ, къ морю. У моря стояла башня, и царевичъ направился къ ней. Въ башнѣ не было обитателей; онъ увидѣлъ тамъ маленькую комнату и, найдя, что въ ней можно ночевать, остался тамъ. Рано утромъ онъ поѣхалъ на охоту, убилъ двухъ птицъ и вечеромъ вернулся къ башнѣ. На обратномъ пути онъ увидѣлъ вдаль по дорогѣ пыль, которая постепенно приближалась къ нему, и вдругъ передъ нимъ явилась лисица, которая начала плясать, визжать, становиться на голову, на заднія ноги. Царевичъ хотѣлъ сначала застрѣлить ее и уже направилъ-было дуло ружья на нее, но что-то словно толкнуло его сзади: онъ удержался отъ выстрѣла и поѣхалъ за лисицею, глядя на ея движенія. Лисица шла передъ нимъ, какъ-бы указывая ему дорогу, и привела его къ башнѣ. Царевичъ подумалъ, что она послана Богомъ, чтобы въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ быть ему товарищемъ. Онъ подѣлился съ нею пищею. Утромъ, оставивъ лисицу и свою бурку въ башнѣ, царевичъ, уѣхалъ на охоту и на этотъ разъ убилъ вдвое больше дичи, чѣмъ въ первый день. Вечеромъ, когда онъ возвращался домой, опять онъ увидѣлъ пыль на дорогѣ: лисица опять вышла на встрѣчу ему, поровнявшись съ нимъ, весело повернулась назадъ и пошла за нимъ домой. То же повторилось и въ слѣдующіе дни.

Однажды, когда царевичъ уѣхалъ на охоту, лисица отправилась бродить по окрестностямъ. Вдругъ она видитъ волка, который былъ такъ худъ, что еле-еле стоялъ на ногахъ. Лиса обращается къ нему:

— „Что съ тобою, кумъ? боленъ ты, что-ли? я никакъ не предполагала видѣть тебя такимъ.“

— „Я здоровъ“, отвѣтилъ волкъ, „но мнѣ ѣсть нечего, и вотъ съ голоднымъ желудкомъ тащусь, куда глаза глядятъ.“

— „Я тебѣ помогу: пойдѣмъ, кумъ, у меня есть хояинъ, который каждый день приносить мнѣ мяса; изъ своей доли я удѣлю тебѣ часть.“

Пришли они домой. Когда приближался вечеръ, лисица сказала волку:

— „Скоро приѣдетъ господинъ: ты останься здѣсь, а я пойду встрѣтить его и доложу о тебѣ. Какъ только увидишь, что онъ ѣдетъ, то стань на заднія лапы и сдѣлай ему три земныхъ поклона, а потомъ возьми лошадь его за узду.“

Царевичъ издалека увидѣлъ лисицу, но на этотъ разъ она вдвое больше поднимала пыли, чѣмъ въ прошлые дни. Въ ея движеніяхъ и во взглядѣ царевичъ видѣлъ что-то особенно радостное. Когда царевичъ приѣхалъ домой, онъ увидѣлъ, чему радовалась лисица: на порогѣ у дверей стоялъ на заднихъ лапахъ волкъ, на заднихъ же лапахъ онъ подошелъ къ царевичу, сдѣлалъ ему три земныхъ поклона, а потомъ взялъ лошадь за узду. Царевичъ изъ своей добычи отдѣлилъ долю и для волка.

Прошло нѣкоторое время. Лисица опять бродила по окрестностямъ и на этотъ разъ встрѣтила медвѣдя, который также, какъ и волкъ, голодалъ и былъ жалокъ. Лисица и его пригласила жить въ башнѣ. Царевичъ и медвѣдя принялъ. Онъ теперь убивалъ очень много дичи. Черезъ нѣкоторое время лисица пригласила въ башню еще коршуна: царевичъ и его принялъ въ сожителство.

Текли дни за днями. Однажды лисица обратилась къ своимъ товарищамъ съ такою рѣчью:

— „Неужли вамъ не жалко нашего господина? онъ столько трудится для насъ, а когда, утомившись, приходитъ по вечерамъ домой, ему не съ кѣмъ бываетъ даже и побесѣдовать. Нельзя ли намъ достать ему подругу?“

— „Скажи, что намъ дѣлать: мы готовы положить свои головы за своего господина, лишь-бы достать для него подру-гу. Ты, сестрица, опытниѣ насъ: придумай-ка, а мы исполнимъ все, что прикажешь,“ сказали единогласно волкъ, медвѣдь и коршунъ.

Лисица объяснила тогда, что она знаетъ жилище одной царевны, которая каждый день выходитъ гулять въ садъ одна; она предложила оставить медвѣдя дома, чтобы онъ служилъ господину, а прочимъ итти добывать царевну. Такъ какъ путь былъ далекий, то лисица и волкъ сѣли на крылья коршуна и къ вечеру долетѣли до дворца царевны и спустились на землю около сада. Лисица сказала тогда коршуну:

— „Я съ волкомъ пойду въ садъ, а ты оставайся здѣсь и подожди нашего возвращенія. А ты,“ обратилась она къ волку, „въ саду сядешь подъ заборомъ и будешь ждать меня; я обойду садъ: если царевна тамъ будетъ, то я обманомъ приведу ее къ тебѣ, а ты будь наготовѣ и, какъ только я приведу ее къ тебѣ, сейчасъ же бери ее на спину и прыгай черезъ заборъ; потомъ мы сядемъ на крылья коршуна и отправимся домой.“

Лисица съ волкомъ обошла весь садъ, но до самой ночи никого не встрѣтила. Пришлось дожидаться слѣдующаго утра. Утромъ лисица пошла въ тѣ мѣста сада, гдѣ, обыкновенно, гуляла царевна. Увидѣвъ прогуливающуюся царевну, лисица подкралась къ ней и начала передъ ней плясать. Царевна хотѣла схватить ее, но лиса не поддавалась ей и, заманивая ее, приближалась постепенно къ забору, гдѣ спрятался волкъ. Когда царевна близко подошла къ волку, онъ выскочилъ изъ-подъ забора, схватилъ ее и мгновенно перепрыгнулъ черезъ заборъ. Царевна не успѣла даже опомниться, какъ была уже на крыльяхъ коршуна, а по бокамъ ее сѣдѣли волкъ и лисица. Коршунъ поднялся въ воздухъ, понесся по направленію къ морю и прилетѣлъ въ башню,

какъ разъ, въ то время, когда лисица ходила встрѣчать господина.

Лисица оставила царевну дома, съ волкомъ, медвѣдемъ и коршунемъ, а сама пошла встрѣтить господина. Царевна думала, что сейчасъ съѣдятъ ее звѣри, и очень удивилась, что они обращаются съ ней дружественно. Осматривая всѣ уголки комнаты, она увидѣла бурку и обрадовалась, потому что убѣдилась, что здѣсь есть человѣкъ, и что звѣри ее увезли не съ тѣмъ, чтобы съѣсть. Встрѣченный лисицею, царевичъ пріѣхалъ домой и увидѣлъ волка, медвѣдя и коршуна и между ними дѣвицу. Царевна, обрадовавшись приходу человѣка, обняла царевича и рассказала все, что съ нею случилось; царевичъ, въ свою очередь, рассказалъ свои приключенія и потомъ предложилъ ей свою руку. Царевна согласилась быть его женою, и съ тѣхъ поръ они стали жить въ любви и довольствѣ.

Царевна эта была единственная дочь у отца и постоянно обѣдала вмѣстѣ съ нимъ. Когда звѣри похитили её, царь, по обычаю, ждалъ дочь обѣдать: сидѣлъ за столомъ долго, а дочери всё нѣтъ. Онъ послалъ позвать дочь, но ея нигдѣ не оказалось. Стали искать царскую дочь, но всѣ поиски были напрасны: царевны нигдѣ не могли найти. Царь обѣщалъ большія награды тому, кто найдетъ царевну. Тогда, наконецъ, приходитъ къ царю одна старуха и говоритъ ему:

— „Я достану твою дочь, если ты прикажешь дать мнѣ портретъ ея.“

Царь съ радостью далъ ей портретъ своей дочери. Старуха взяла его и ушла домой. У нея былъ волшебный „карасъ“ (жуванъ), который, когда она, сидя на немъ, провозносила особую *молитву*, поднимался на воздухъ, къ облакамъ, и направлялся туда, куда хотѣла старуха. Она положила за пазуху портретъ царевны, сѣла на свой волшебный карасъ, провнесла молитву и, въ заключеніе, сказала:

— „Иди, мой карась, по тому пути, по которому шла царевна!“

Карась поднялся под облака и понесся по направлению къ морю. Старуха все смотрѣла на землю и, когда на землѣ видѣла какую-нибудь дѣвушку, вынимала портретъ и сравнивала черты ея лица съ портретомъ; но ни одна изъ встрѣченныхъ ею дѣвицъ не имѣла сходства съ портретомъ. Наконецъ, карась достигъ моря и надъ берегомъ началъ дѣлать круги подъ облаками. Старуха, догадавшись, что царевна находится здѣсь, стала внимательно смотрѣть кругомъ и вдругъ увидѣла царевну, которая гуляла на берегу моря. Увѣрившись въ полномъ сходствѣ ея съ портретомъ, она прочла молитву, и волшебный карась началъ медленно спускаться на землю. Старуха спрятала свой карась и подошла къ царевнѣ. Лиса, увидя ее, съ негодованіемъ бросилась на нее и хотѣла растерзать. Старуха закричала и просила у царевны помощи. Царевна поспѣшила вырвать старуху изъ пасти лисицы. Но и послѣ этого лиса не давала старухѣ покоя: она пользовалась каждой удобной минутой, чтобы напасть на нее, и только царевна мѣшала ей изорвать старуху въ куски. Лиса поняла, для чего эта старуха такъ неожиданно явилась здѣсь, и потому принимала всякія мѣры, чтобы царевна не вела съ ней никакихъ сношеній. Видя, что госпожа не позволяетъ ей выжить старуху, лисица, какъ бы съ досады, перестала преслѣдовать её.

Царевна привела старуху въ башню. Наступило время, когда лиса ходила, обыкновенно, встрѣчать царевича. На этотъ разъ лиса нехоти, не такъ, какъ прежде, пошла къ нему на встрѣчу. Царевичъ пріѣхалъ домой. Супруга его съ радостью объявила ему, что къ ихъ маленькому обществу прибавилась еще старуха; она упомянула, между прочимъ, и о враждебныхъ дѣйствіяхъ лисицы относительно этой старухи. Выслушавъ это, царевичъ, съ своей стороны, погрозилъ лисицѣ пальцемъ,

а старуху просилъ остаться у нихъ и замѣнить имъ мать. Старуха съ притворною радостью приняла его предложеніе.

Утромъ царевичъ уѣхалъ на охоту. Подъ вечеръ, въ то время, когда лиса ушла на встрѣчу своему господину, старуха предложила царевнѣ пойти гулять на берегъ моря,—подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Та согласилась; старуха вела царевну къ тому мѣсту, гдѣ былъ спрятанъ волшебный карась. Здѣсь она вдругъ остановилась и, показывая пальцемъ царевнѣ на карась, сказала:

— „Смотри, голубушка, что это такое?!”

Онѣ подошли къ кувшину. Старуха первая нагнулась и заглянула въ карась, а потомъ предложила и царевнѣ сдѣлать тоже самое, говоря:

— „Что за прелесть! какія прекрасныя вещи видѣются на днѣ его!” Царевна, изъ любопытства, нагнулась, но, ничего не замѣтивъ, сказала:

— „Да здѣсь ничего нѣтъ!”

— „Нагнись пониже, тогда увидишь” предложила хитрая старуха.

Царевна послушалась, а старуха быстро схватила ее за ноги и втолкнула въ карась, сама усѣлась на него и прочла молитву: карась поднялся и повесся по направленію къ родинѣ царевны. Старуха привезла царевну, доставила ее немедленно къ отцу и получила отъ него обѣщанную награду.

Царевичъ пріѣхалъ домой, не нашелъ ни супруги, ни старухи и, видя, что это все дѣло старухи, началъ горевать, но уже было поздно. Онъ теперь понималъ, что лиса была права, не давая старухѣ покою, и что она знала о косяхъ старухи; но, въ сожалѣнію, не могла объяснить своихъ мыслей. На слѣдующее утро царевичъ, отправившись на охоту, привазами лисѣ достать, гдѣ бы то ни было, царевну. Лисица обратилась къ своимъ товарищамъ, и тѣ, какъ и прежде, выразили готовность даже погибнуть для своего господина и слушаться

во всемъ лисицы. Оставивъ медвѣдя дома караульщикомъ, лиса, коршунъ и волкъ отправились за царевною. Боршунъ быстро доставилъ своихъ товарищей въ царскому саду. Лиса и волкъ обошли садъ, но царевны тамъ не было. На утро царевна, будто зная, что лиса придетъ за нею, вышла въ садъ очень рано. Лисица, увидѣвъ ее, подошла къ ней; царевна, пошла вслѣдъ за лисой, а изъ-подъ забора вышелъ волкъ, вялъ ее на спину и перепрыгнувъ черезъ заборъ; затѣмъ, всѣ трое, усѣвшись на крылья коршуна, помчались навадъ. Прибывъ въ башню, лиса оставила царевну дома, а сама пошла на встрѣчу къ царевичу. Узнавъ по веселому виду лисы, что супруга его дома, царевичъ обрадовался, слѣзъ съ лошади и обнялъ доброе животное, какъ человѣка.

Царь долго ждалъ свою дочь въ обѣду и, не дождавшись, послалъ позвать ее; но ея нигдѣ не оказалось. Царь позвалъ старуху и спросилъ ее:

— „Что это значить?—вчера ты привела мнѣ дочь, а сегодня ея опять ужъ нѣтъ!“

Старуха разсказала ему все, что она знала: какъ нашла его дочь, гдѣ, съ кѣмъ, и въ заключеніе сказала:

— „Твою дочь опять лисица унесла.“

— „Иди и приведи ее! я знаю, какъ тогда поступлю!..“ приказалъ ей царь.

— „Государь!“ отвѣтила ему старуха, „убей меня, но не посылай во второй разъ къ лисѣ: теперь ужъ не пощадить меня, и тогда твоя дочь не возвратится во вѣки. Лучше отправь туда войско!“

— „Я отправлю войско, но во главѣ его должна находиться ты.“

— „Твоя воля, государь: пойду.“

Царь поручилъ ей отрядъ войска. Старуха теперь не взяла съ собой своего волшебнаго караса. Войско прибыло къ морю ночью и еще до восхода солнца недалеко отъ башни

раскинуло свой лагерь. На разсвѣтѣ царевичъ вышелъ на дворъ, посмотрѣлъ на море и вдругъ увидѣлъ палатки, разбитыя на берегу его. Отъ удивленія онъ не могъ сдѣлать шагу и стоялъ, какъ вкопанный. Придя въ себя, онъ быстро вбѣжалъ къ женѣ и съ ужасомъ сказалъ:

— „Мы теперь погибли, милая! многочисленное войско расположилось лагеремъ на берегу; оно, безъ сомнѣнія, пришло за тобой и прислано твоимъ отцомъ.“

На царевну, въ свою очередь, напалъ страхъ, и она стала плавать. Лисица, видя ихъ безпокойство, вышла на дворъ, чтобы узнать, что случилось. За ней вышли и товарищи ея. Лиса осмотрѣла окрестности и, увидѣвъ на берегу моря лагерь, сказала своимъ товарищамъ:

— „Вы останьтесь здѣсь, а я потихоньку пойду туда и разузнаю, кто тамъ.“

Вернувшись она сказала:

— „Тамъ расположилось лагеремъ войско, которое пришло, чтобы взять нашу царевну. Теперь, братцы, мы должны придумать мѣры для защиты. Вотъ что я предлагаю: пусть каждый изъ васъ соберетъ, какіе только есть, своихъ собратьевъ, то же сдѣлаю и я. Ты со своими станешь вотъ на томъ холмѣ“, обратилась она къ волку, показывая ему тотъ холмъ, на которомъ онъ долженъ будетъ расположиться съ другими волками. Затѣмъ, она показала мѣста прочимъ своимъ друзьямъ и то, которое намѣревалась занять сама. „Когда соберетесь“, добавила она, „то приходите,—посоветуемся, что дальше дѣлать.“

Всѣ разошлись. Царевичъ, желая узнать, куда дѣвались звѣри, вышелъ на дворъ и никого не нашелъ. Онъ вернулся къ женѣ и сообщилъ ей, что звѣри перепугались и убѣжали. Оставленные своими друзьями, царевичъ и его жена плакали безутѣшно. Уже наступалъ вечеръ. Царевичъ вышелъ посмотреть лагерь и вдругъ увидѣлъ на одномъ холмѣ безчисленное

множество волковъ, на другомъ—лисицъ, на третьемъ—медвѣдей, а не четвертомъ—воршунуновъ. Онъ радостно вбѣгаетъ въ комнату и говоритъ женѣ:

— „Мы спасены! Выходи на дворъ и посмотри, что кругомъ насъ совершается.“

Царевна съ трепетомъ сердца выбѣжала на дворъ и стала смотрѣть на указанные царевичемъ холмы. Между тѣмъ волкъ, медвѣдь и воршунъ собрались на совѣщаніе, и лисица приказала имъ немедленно нападать на войско: медвѣди, по ея плану, должны были давить всѣхъ, кто имъ пошатнется, волки—рвать встрѣчныхъ на мелкіе куски, воршунъ—расклевывать головы и вытаскивать мозгъ, а лиса съ ея сестрами—подрѣзывать веревки у шатровъ и выгонять оттуда людей. Относительно старухи лиса дала приказъ—схватить и доставить ее къ ней живою, чтобы наказать, какъ захочетъ царевичъ.

Произошла борьба между звѣрами и людьми. Въ войскѣ произошло смятеніе: воины бросались во всѣ стороны, но все было напрасно; черезъ часъ изъ всего лагеря не было никого въ живыхъ, кромѣ старухи, которой пока пощадили жизнь. Распустивъ всѣхъ звѣрей, лиса, волкъ, медвѣдь и воршунъ привели старуху въ башню. Увидѣвъ царевича, она стала просить о пощадѣ; но царевичъ, отдавъ ее въ полное распоряженіе лисицъ, и лиса съ ея товарищами медленно замучили ее.

Царь, отецъ царевича, недолго жилъ послѣ того, какъ выслалъ изъ государства своего сына. По смерти мужа, мать разослала гонцовъ во всѣ стороны искать сына, и, послѣ долгихъ поисковъ, они нашли его и пригласили на родину. Царевичъ поѣхалъ въ свое царство съ супругой и лисицей и вступилъ на отцовскій престолъ.

Однажды, будучи уже царемъ, онъ поѣхалъ на охоту. Въ это время лисица, чтобы испытать, помнятъ-ли царь и царица ея услуги, притворилась издохшей. Царица, видя лису

издохшею, сильно огорчилась и заплакала. Царь, возвратясь съ охоты и видя супругу печальной, спросилъ о причинѣ печали; та отвѣчала съ сердечною горестью, что лиса издохла.

— „Зачѣмъ-же такъ горевать о ней?“ сказалъ ей царь, „гдѣ она? покажи!“

Взявъ онъ лису за хвостъ и бросилъ ею всей силы на дворъ.

Черезъ нѣкоторое время лисица, дѣйствительно, издохла; но тогда уже боялись трогать ее, думая, что она, можетъ-быть, опять притворяется; удостовѣрившись же въ томъ, что она надохла, царь съ царичей похоронили её съ большимъ почетомъ.

Записалъ въ селѣ Енгиджѣ, Джеванширскаго уѣзда, Елисаветопольской губерніи, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *А. Мирзоевъ*.

СКУПОЙ БОГАЧЪ.

(Осетинская сказка).

У одного человѣка были большія стада овецъ. Съ году на годъ стада эти все увеличивались и увеличивались, такъ какъ хозяинъ не трогалъ изъ нихъ и ушка козленка. Скоро они размножились до того, что пришлось нанять цѣлую ватагу пастуховъ, но и тѣ съ большимъ трудомъ управлялись съ ними. Богачъ же, отправляясь почти каждый день на охоту, строго приказывалъ пастухамъ имѣть за стадомъ бдительный надзоръ, чтобы не унесъ чего-нибудь звѣрь или не укралъ злые люди. Съ охоты, продолжавшейся иногда нѣсколько дней, онъ, большею частью, возвращался съ пустыми руками; но бывали случаи, когда онъ приносилъ и убитую дичь. Пастухи этому, обыкновенно, бывали очень рады, такъ какъ имъ удавалось тогда отвѣдать мяса и удовлетворить свой аппетитъ къ нему, разжигаемый видомъ большого стада, изъ котораго хозяинъ ни для себя, ни для другихъ не позволялъ зарѣзать даже и козленка. Случалось,—вотъ-вотъ издохнетъ баранъ: нужно бы его зарѣзать; но богачъ, все надѣясь, что онъ встанетъ на ноги, не позволялъ рѣзать до тѣхъ поръ, пока его, какъ падаль, выбрасывали собакамъ.

Однажды богачъ всталъ въ полночь и отправился на охоту. Это было зимой; вездѣ лежалъ снѣгъ. Проходя по одному мѣсту, богачъ прислушался: кто-то недалеко отъ него за скалой стонетъ. Онъ сейчасъ же догадался, что это стонетъ сатана отъ родовыхъ болей, и оторвалъ лоскутокъ отъ своей черески съ словами: „да будутъ такъ легки твои ро-

ды* *). Стояъ смоль. Богачъ пошелъ дальше. Вдругъ раздался пронзительный крикъ. Богачъ остановился, смотреть въ ту сторону, откуда слышенъ былъ крикъ, и видитъ: въ сторонѣ отъ него по снѣгу бѣжитъ сатана, крича изо всей мочи, а за ней, догоняя ее,—волки. Пробѣжавъ недалеко отъ него, она выронила изъ рукъ своего сатанѣнка. Волки бросились къ нему. Богачъ выхватилъ тогда ружье и выстрѣлилъ въ нихъ: они разбѣжались. Тогда сатана вернулась, подняла своего сатанѣнка, подошла къ незнакомцу и пригласила его къ себѣ домой. Когда они приблизились къ дому сатаны, она сказала ему:

— „Когда мои братья узнаютъ, какъ ты спасъ жизнь моему ребенку, то будутъ предлагать тебѣ разные подарки, но ты ничего не принимай и говори: „оставьте мнѣ мое“.

Богачъ, хоть и не понялъ значенія этихъ словъ, но обѣщался исполнить.

Пришли они въ домъ чертей. Братья, увидѣвъ на рукахъ пришедшей сестры сатанѣнка, схватили его и отъ радости проглатывали и выплевывали, проглатывали и выплевывали поочередно. Наконецъ, нарядовавшись, они замѣтили богача и спросили сестру, кто это такой.

— „Благодарите за меня этого охотника“, сказала имъ сатана, „если бы не онъ,—сейчасъ у меня не было бы сына, а у васъ племянника: *длиннохвостые* ***) вонъ тамъ потнались за мной, и я печально, со страху, выронила изъ рукъ

*) По народному суевѣрiю, крикъ какой-то ночной птицы принимается за стоны сатаны при родахъ. Въ этомъ случаѣ тотъ, кто его слышитъ, продѣлываетъ, какъ сказано выше. Иные же, сердитые на сатану, слыша такой крикъ, схватываютъ что-нибудь крѣпкое, чего нельзя было бы разорвать, между тѣмъ напрягаютъ къ тому всѣ силы и этикъ, какъ полагаютъ, доводятъ ее до страшныхъ мученiй.

**) Осетинки, въ особенности же старухи, считаютъ неприличнымъ для себя называть предметы, употребленные въ смыслѣ ругательства; такъ, напр., вмѣсто слова „чортъ“, онѣ говорятъ *зæнæзæдæнæг* — „незнаваемый“; вмѣсто „оселъ“, — *тæссæн* — „на которомъ носить“, вмѣсто „свинья“ — *кахæг*, т. е. „роющая“, „волкъ“ — *дæрдæм*, т. е. „длиннохвостый“ и т. п.

ребенка; они бросились на него, но охотникъ выстрѣломъ разогналъ ихъ.“

Братья сатаны очень обрадовались гостю, посадили его, накормили, напоили и подъ конецъ спрашиваютъ, какой онъ хочетъ получить отъ нихъ подарокъ.

— „Отдайте мнѣ мое“, отвѣчаетъ богачъ.

Услыхавъ эти слова, старуха-мать чертей, находившаяся тутъ же, вздохнула и, повидному, чѣмъ-то встревожилась. Черти поговорили между собою на своемъ языкѣ и предложили гостю мѣшокъ серебра. Гость молчитъ. Тогда они поставили передъ нимъ полный мѣшокъ золота. Богачъ широко раскрылъ глаза при видѣ блестящаго золота и не зналъ уже, что дѣлать; въ это время взоръ его упалъ на сатану, стоявшую противъ него; та показывается ему и головой и глазами не брать ничего. Богачъ тихо, какъ бы нехотя, произнесъ:

— „Отдайте мнѣ мое.“

Черти посмотрѣли другъ на друга.

— „Имѣй для себя и вполне пользуйся всѣмъ своимъ богатствомъ!“ сказали они тогда, махнувъ рукой.

Старуха задрожала и заплакала.

— „Что вы надѣлали, дѣти! отняли у меня и это послѣднее утѣшеніе на старости лѣтъ. Изъ чего же будутъ теперь справлены поминки по мнѣ, послѣ смерти моей?“

— „Не безпокойся, мать“, утѣшили ее сыновья, „неужели ты думаешь, что имѣющагося еще у насъ не хватитъ на это!“

Богачъ возвратился домой веселый. Въ немъ не было и тѣни прежней подозрительности и придирчивости въ пастухамъ. Какъ только пришелъ онъ, велѣлъ „зарѣзать что-нибудь и приготовить обѣдъ.“ Пастухи переглянулись между собою, какъ бы не понявъ, что онъ говоритъ, и спрашивая другъ друга. Богачъ повторилъ. Одинъ пастухъ пошелъ и принесъ худого хромого козленка.

— „Что это такое?!“ кричить на него хозяинъ, „лучшаго ты не нашелъ что-ли во всемъ стадѣ?“

Пастухи, удивленные еще больше, принесли одного барашка.

— „Этого намъ мало,—не хватитъ!“ забравовалъ его хозяинъ.

Пастухи снова побѣжали и привели большого, жирнаго барана.

— „Вотъ этотъ хорошъ! рѣжьте его сейчасъ же и приготовьте намъ хорошій обѣдъ!“ сказалъ хозяинъ.

Съ этого дня богатъ сталъ наслаждаться своимъ богатствомъ: пересталъ ходить на охоту, принималъ много гостей, ѣздилъ самъ въ гости. Въ особенности же благословляли его бѣдные люди: не было въ окружности такого нуждающагося человѣка, который не былъ бы имъ облагоустроенъ. Настало и для пастуховъ счастливое время: каждый день, въ свое удовольствіе, они ѣли свѣжую, жирную баранину и только иногда отъ удивленія качали головой, недоумѣвая, что такое случилось съ ихъ хозяиномъ.

Учитель Тверской станичной школы *А. Кайтмазовъ.*

ИЗЪ ДАГЕСТАНСКИХЪ ПРАВОВЪ.

1. Алпабъ.

(Лезгинское повѣрье).

„Алпабъ“ (красная женщина), по мнѣнiю лезгинъ, происходитъ изъ рода чертей; она ростомъ съ трехлѣтнюю дѣвочку; на головѣ у нея красные волосы, покрывающiе все ея тѣло, до пятковъ. Алпабъ живетъ въ тѣнистыхъ лѣсахъ и зеленыхъ лугахъ, у береговъ прохладныхъ родниковъ, гдѣ она по временамъ моетъ свою красную голову хрустальною водою. Хотя Алпабъ въ высшей степени красива и, по виду, кажется доброю и совершенно безвредною, но, на самомъ дѣлѣ, она очень зла и безжалостна: она всѣми силами старается уничтожить родъ человѣческiй. Такъ, она проникаетъ внутрь женщины во время родовъ, вытаскиваетъ изъ нея легкiя, печень и селезенку ея и бросаетъ ихъ въ воду; женщина вслѣдствiе этого умираетъ. Если кто-либо изъ лезгинъ замѣтитъ Алпабъ въ то время, когда она готовится бросить легкiя, печень и селезенку въ воду, то обязанъ (это его священнiй долгъ) съ угрозою приказать злодѣйкѣ отнести поскорѣе эти внутренности той, у кого она ихъ похитила. Для того, чтобы Алпабъ не являлась къ родильницамъ, лезгинъ, поймавшiй Алпабъ, отрѣзываетъ ей одну изъ ея безчисленныхъ косъ или одинъ изъ пальцевъ руки. Она плачетъ и умоляетъ, чтобы онъ не отрѣзывалъ ей ни нѣжнаго пальца, ни красной косы. Но лезгинъ не обращаетъ никакого вниманiя на моленiя рыдающей злодѣйки. Косу или палецъ Алпабъ хранятъ, какъ драгоценность, вмѣстѣ съ молитвою изъ Корана. Когда наступаютъ у кого-нибудь въ домѣ роды, у владѣющаго пальцемъ или косою Алпабъ выпрашиваютъ эту дра-

гоцѣнность и владутъ подъ голову родильницы. Тогда Алпабъ не осмѣливается явиться. Въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни косы, ни пальца Алпабъ, она, по мнѣнію лезгинъ, часто является къ родильницамъ. Тогда полъ комнаты, гдѣ находится послѣдняя, посыпаютъ просомъ, становятся у дверей и у трубы, на крышѣ, и стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ въ мѣдныя чашки, тащатъ родильницу за языкъ и за уши. Суевѣрные лезгины думаютъ, что такимъ образомъ имъ удастся освободить бѣдную женщину отъ злодѣйки Алпабъ.

Записаль въ Касумъ-Кентѣ (селеніе Кюринскаго округа, Дагестанской области) воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *А. Мамедовъ*.

2. Отемишскіе пѣры.

У магометанъ въ Дагестанѣ сохранилось преданіе, что исламъ распространенъ былъ здѣсь въ началѣ IX вѣка потомками двухъ дядей Магомета, Гамвата и Аббаса, явившихся въ Дагестанъ изъ Аравіи. Такъ какъ племя пророка свято почитается мусульманами, то во всѣ тѣ мѣста, гдѣ есть могилы сродниковъ его, народъ приходитъ на поклоненіе праху ихъ. Несомнѣнно, что могилъ такихъ въ Дагестанѣ найдется не мало, но не всѣ онѣ сохранились въ памяти народа. Пользуются всеобщимъ почтеніемъ, какъ „пѣры“ (святыя), могилы сродниковъ пророка, находящіяся въ селеніи Отемишѣ *) (Дагестанской области, Кайтаго-Табасаранскаго округа). Онѣ передавались изъ рода въ родъ у своего племени, и теперь владѣтелемъ отемишскихъ пѣровъ является „шихъ“ (родичъ пророка) Абдуль-Ваабъ, такъ какъ жена его ведетъ свое происхожденіе отъ пророка.

Ауль Отемишъ, „волибель дагестанскихъ шиховъ“, какъ называютъ его усердные поклонники ислама, лежитъ подъ 42° 24' с. ш. и 17° 22' в. д. (отъ С.-Петербургскаго меридіана);

*) Въ „Пятиверстной картѣ Кавказа“ — Утемишъ.

онъ расположенъ по сѣверному склону холма Гала-Бай (около 1200 футовъ надъ уровнемъ моря); его болѣе чѣмъ трехтысячное населеніе состоитъ изъ татаръ-суннитовъ, исключая душъ десяти евреевъ. Жители Отемиша, сравнительно съ другими татарами Дагестана, отличаются лѣнью и неподвижностью, и у своихъ сосѣдей носятъ нелестный эпитетъ „кгагъ“, т. е. глупый.

Вокругъ Отемиша разбросано нѣсколько кургановъ различной высоты и фигуры; основанія этихъ кургановъ совсѣмъ несходны между собой: у одного холма основаніе представляетъ окружность, у другого—оваль, у третьяго—неправильную фигуру, такъ-что курганы эти, по фигурѣ ихъ, нельзя принять за искусственныя насыпи. Въ верстѣ отъ Отемиша, по дорогѣ, ведущей въ Дешлагаръ, есть одинъ курганъ овальной формы, стоящій вдоль дороги и прорытый въ этомъ направленіи (продольно), для удобнаго проѣзда; сѣченіе это обнаруживаетъ наклонные пласты желтой сланцеватой глины, не содержащія никакихъ признаковъ органическихъ остатковъ или могильника. Однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ ничего такого, что давало бы право предположить внутри этихъ кургановъ останки людей. Тѣмъ не менѣе на всѣхъ этихъ холмахъ, надъ мнимыми могилами шиховъ, красуются высокіе шести, увѣшанные различнаго рода тряпочками, отрѣзанными отъ платья суевѣрныхъ мусульманъ и мусульманокъ, молившихся здѣсь объ исцѣленіи отъ разныхъ недуговъ. На восточномъ концѣ аула, надъ однимъ изъ холмовъ, гдѣ, по преданію, покоятся останки нѣсколькихъ шиховъ, построена молельня, носящая названіе *Халватъ*, т. е. уединеніе; сюда-то со всего Дагестана и нѣкоторыхъ селеній Терской области въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ (съ 10 января по 5 февраля) стекаются на поклоненіе всѣ магометане, болѣе точно выполняющіе требованія шаріата; посѣщеніе Халвата считается „зубомъ“, т. е. душеспасительнымъ дѣломъ; но

больше всего въ Халватъ собирается такъ-называемыхъ *мухлисозъ*.

Этимъ именемъ называются въ настоящее время въ Дагестанѣ немногочисленные послѣдователи *тариката*. Тарикатъ выражается въ добродѣтели, въ точномъ выполненіи требованій богопочитанія, въ восторженныхъ молитвахъ, въ благочестивомъ созерцаніи, въ полнѣйшемъ отрицаніи всѣхъ земныхъ благъ, словомъ,—въ отрѣшеніи отъ всего земного. Арабское названіе „мухлисъ“ значитъ чистый, непорочный. Мухлисозъ въ Дагестанѣ немного: едва можно въ двухъ-трехъ аулахъ найти одного мухлиса, и народъ на нихъ смотритъ, какъ на юродивыхъ.

Въ январѣ 1888 года мнѣ пришла мысль побывать въ Халватѣ: погода благопріятствовала путешествію и мимо моихъ оконъ въ этотъ день прошло много богомольцевъ, направлявшихся въ Халватъ; единственное, что удерживало, это—опасеніе, что меня, какъ гура, не допустятъ въ Халватъ. Но я надѣялся уладить это дѣло съ помощью знакомыхъ и отправился.

На пятой верстѣ отъ Дешлагара я свернулъ съ почтовой дороги на юго-западъ, въ гору, гдѣ было слышно протяжное пѣніе: „ла Иллаһа, иль Аллахъ.“ Поющіе были мухлисы, идущіе въ Халватъ. Не успѣлъ я поровняться съ пилигримами, какъ на встрѣчу показались нѣсколько верховыхъ, возвращающихся изъ Халвата. Завидя послѣднихъ, мои спутники съ громкими и учащенными восклицаніями—„ла Иллаһа, иль Аллахъ! иль Аллахъ! иль Аллахъ!“—бросились въ объятія возвращающихся. Идущіе въ Халватъ, подбѣжавъ къ возвращающимся, остановились передъ послѣдними, какъ боепаннне, подняли обѣ руки вровень съ лицомъ, обративъ ихъ къ себѣ ладонями, и стали, не спуская глазъ съ ладоней, произносить шопотомъ молитву, которую заключили громкимъ возгласомъ: „цаѣіһа“ (т. е. да будутъ помилованы); за-

тѣмъ, держа обѣими руками правыя руки возвращающихся, обратились къ нимъ съ хоровымъ привѣтствіемъ: „ва саламу алейкумъ!“ послѣ этого начались между мухлисими восторженные поцѣлуи, и, наконецъ, обѣ стороны пустились въ плясъ съ раздирающими душу криками: „иль Аллах! иль Аллах!..“ Эта картина поразила меня; казалось, что я вижу различнаго рода сумасшедшихъ: одинъ плясалъ лезгинку напѣвая: „ла Иллаа, иль Аллах“; другой, произнося эти священныя слова, кувыврался; третій подпрыгивалъ, и т. п.; словомъ, трудно передать весь этотъ хаосъ восторговъ. Далѣе, по дорогѣ, мнѣ встрѣчались татары, совершающіе „намазъ“ (молитву) на курганахъ, на которыхъ стояли шесты съ лоскутками разноцвѣтныхъ матерій.

Въ Отемишѣ я остановился у своего ученика Абдуль-Маджида. Тотчасъ, какъ я пріѣхалъ, онъ отправилъ къ шиху Абдуль-Ваабу свою жену, просить для меня разрѣшенія войти вечеромъ въ Халватъ. Разрѣшеніе было дано, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы я нарядился въ татарскій костюмъ. Въ восемь часовъ съ Абдуль-Маджидомъ мы были въ Халватѣ.

Зданіе Халвата обращено на юго-западъ и имѣетъ два входа: одинъ съ сѣверо-западной стороны, ведущій прямо въ Халватъ; онъ служитъ лишь для выхода, но не для входа, потому что здѣсь нѣтъ приспособленій для омовенія; другой— съ сѣверо-восточной стороны; онъ ведетъ въ переднюю Халвата; здѣсь у правой стѣны отъ входа стоятъ два „челека“ (вадки) съ ключевой водой и болѣе десятка кувшиновъ, служащихъ для омовенія. Мы вошли въ переднюю, въ западной стѣнѣ которой было отверстіе въ самый Халватъ.

Это довольно большая комната; длина ея около сорока шаговъ, ширина—не болѣе пятнадцати, высота—сажени въ двѣ. Но помѣщеніе это было очень тѣсно для собравшихся

сюда богомольцевъ, которыхъ было отъ 300 до 400 человекъ. Залъ этотъ былъ освѣщенъ тремя простыми висячими лампами съ закопченными стеклами. По всей длинѣ боковыхъ стѣнъ, на высотѣ сажени, придѣланы полки, для складыванія верхняго платья; подъ полками, довольно близко другъ отъ друга, вбиты въ стѣны деревянные колья, увѣшанные „чаригами“ (обувь), такъ какъ въ мусульманскихъ храмахъ нельзя быть въ обуви. У правой стѣны, на высотѣ аршина отъ земли, устроены широкіе нары во всю длину Халвата; подъ этими нарами, говорятъ, похоронены пики, на поклоненіе которымъ и пришла толпа богомольцевъ. Вдоль передней стѣны сдѣлана заваленка, на которой занимаютъ мѣста кади, муллы и почетные старцы.

Повидимому, молящіеся только-что собрались, ибо нѣкоторые искали еще мѣста для обуви и шубъ. Другіе тихо сидѣли,—кто на колыньяхъ, кто (большинство) поджавши подъ себя ноги, какъ говорится, по-турецки; изрѣдка тишина прерывалась зѣвотой, сопровождаемой возгласомъ: „я, Аллахъ“ (о, Боже!). Но вотъ всталъ на заваленку пикъ Абдуль-Ваабъ, обратившись лицомъ къ народу, и громко сталъ призывать его по-арабски къ молитвѣ. Какъ только первые слова „зена“ (призыва къ молитвѣ) долетѣли до присутствующихъ, всѣ они, проведши обѣими руками по лицу, подняли глаза вверхъ со словами: „я, Аллахъ акпаръ“ (о, Боже милостивый!); начался намазъ, продолжавшійся не болѣе получаса. Послѣ намаза ревностные мухлисы устроили „зьеръ“: на коврѣ, постланномъ посреди Халвата, составили кружокъ, который скоро разросся въ громадную толпу. Въ углу Халвата, на нарахъ, устроился отдѣльный кружокъ изъ молодыхъ горцевъ Даргинскаго округа, человекъ въ восемь; между ними находился чернородый, съ обнаженной головой, среднихъ лѣтъ татаринъ, послѣдній „уастазъ“ или „муршидъ“ (учитель въ дѣ-

гѣ вѣры) со своими „мюридами“ (учениками). Свѣтъ лампъ уменьшили. Одинъ изъ сѣдовласыхъ мухлисоевъ, стоявшій по-средиѣ толпы, громко и медленно пропѣлъ: „ла Иллаһа, иль Аллахъ...“ толпа хоромъ стройно повторила то же самое; черезъ минуты три голосъ солиста слился съ хоромъ, и пѣніе, хотя стройное, подъ тактъ, зачастилось до того, что слышно было лишь выкрикиванье словъ: иль Аллахъ. Пѣніе продолжалось часа полтора непрерывно и подъ конецъ превратилось въ беспорядочный крикъ съ подпрыгиваніями, раскачиваніями изъ стороны въ сторону, впередъ, назадъ; нѣкоторые отдѣльно кружились... Наконецъ, упалъ одинъ мухлисъ безчувственно-блѣдный на коверъ, за нимъ упали еще человѣкъ пять-шесть и „зикръ“ прекратился... Еще цѣлые четверть часа послѣ этого не могли отдышаться богомольцы; всѣ старались спереть дыханіе, дабы услышать бредъ упавшихъ мухлисоевъ, которые въ состояніи бреда разговариваютъ, какъ полагаютъ мухлисы, или съ пророкомъ, или съ покойными шихами, здѣсь похороненными. Но никто не бредилъ въ эту ночь. Спустя нѣкоторое время, появилось человѣкъ пять молодцовъ съ большими кувшинами (захчалыгѣ) въ одной рукѣ и деревянной чашкой въ другой: они разносили воду для питья, и къ нимъ жадно протягивались руки мухлисоевъ. Когда всѣ отдохнули, одинъ изъ богомольцевъ обратился къ джунгутайскому (Джунгутай—аулъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа) муллѣ съ шутивнымъ предложеніемъ „покачать бородой“. Мулла согласился: всталъ съ заваленки, усѣлся на коврѣ посреди Халвата и пропѣлъ вмѣстѣ съ народомъ нѣсколько разъ: „ла Иллаһа, иль Аллахъ...“ на нѣсколько ладовъ; затѣмъ сталъ на искаженномъ азербейджанскомъ нарѣчій пѣть стихи, которыми и завершился вечеръ. Стихи эти были элегическаго характера: въ нихъ высказывалось полное разочарованіе въ благахъ видимаго *суетнаго* мира и надежда на еди-наго вѣчнаго Бога и Его пророка.

3. Нѣкоторыя повѣрья мюрагинцевъ *).

Луна, по мнѣнію мюрагинцевъ, — мальчикъ, солнце — дѣвushка. Существуетъ повѣрье, что эти свѣтила суть родные братъ и сестра. Будучи маленькими, солнце и луна не выходили на небо. Когда они подросли, стали спорить, кому ходить ночью и кому днемъ. Вотъ, наконецъ, они догадались конаться, и солнцу, къ его неудовольствію, пришлось ходить днемъ. Такъ какъ стали очень многіе любоваться его красотой и задумали даже похитить его, то оно достало пучевъ длинныхъ иглъ и стало колоть глаза каждому, кто посмотритъ на него.

О затменіи солнца и луны мюрагинцы говорятъ слѣдующее. — „До появленія Магомета, когда Аллахъ сердился за грѣхи на людей, то уничтожалъ весь тотъ городъ, въ которомъ жилъ извѣстный грѣшникъ. Пророкъ Магометъ однажды, говоря съ Богомъ, просилъ Его, чтобы онъ на этомъ свѣтѣ не наказывалъ грѣшниковъ и не уничтожалъ этимъ невинныхъ, а наказывалъ-бы въ „ахратѣ“ (загробная жизнь). Богъ внялъ молитвѣ пророка и теперь, когда грѣхи людей очень увеличиваются, Онъ, схватывая солнце и луну раскаленными щипцами, прекращаетъ ихъ свѣтъ, чтобы возбудить въ чловѣкѣ чувство раскаянія.“

„Землетрясеніе“, по мнѣнію мюрагинцевъ, „есть Божіе наказаніе и явное доказательство грѣховности всѣхъ людей. Ученые по книгамъ поповоду землетрясеній предсказываютъ, что будетъ либо война, либо эпидемія. Отъ чего происходитъ землетрясеніе, чловѣкъ не можетъ знать“. Другіе объясняютъ то же явленіе такъ: „Земля держится на спинѣ (или на рогѣ) краснаго быка, который испугавшись необычайно великаго муравья (комара), стоитъ неподвижно на одномъ мѣ-

*) Селеніе Мюраго находится въ семи верстахъ на югъ отъ Дешлагага.

стѣ; при движеніи муравья бьѣтъ отскакиваетъ назадъ, отъ чего и происходитъ землетрясеніе“.

Происхожденіе грома.—Когда собираются тучи, Богъ посылаетъ ангела (малайкія) съ кнутомъ, разогнать ихъ: отъ ударовъ его кнута и происходятъ громъ и молнія.

Къ востоку отъ Дешлагара (въ 18 верстахъ) есть поле, которое принадлежитъ жителямъ ауловъ Мюраго и Отеминъ; здѣсь стоятъ три горы: Цохъ-бекъ, Айсала-кзакъъ и Чалауръ. Относительно этихъ горъ существуетъ слѣдующее преданіе: „жилъ нѣкогда преогромный человекъ Айса; онъ съѣлъ однажды на гору Цохъ-бекъ, лицомъ къ востоку, отдохнуть; такъ какъ онъ цѣлый день бродилъ по горамъ и доламъ, то чувяки его были полны землей; поэтому Айса, разставивъ ноги, сталъ вытряхивать чувяки; говорятъ, что горы Айсала и Чалауръ образовались изъ земли, выброшенной имъ изъ его чувяковъ.

Есть гдѣ-то на свѣтѣ страна, гдѣ мужчины по ночамъ обращаются въ собакъ. Говорятъ, однажды нѣкоторый человекъ случайно попалъ вечеромъ въ этихъ людямъ въ гости, —такъ послѣ ужина хозяйка дома положила гостя спать на крышу, опасаясь, какъ-бы мужъ не съѣлъ гостя.

Птицы, по понятію мюрагинскихъ татаръ, перелетаютъ на зиму только въ Мекку и Багдадъ.

Когда метутъ комнату или дворъ, берегись, чтобы метла не дотронулась до тебя: если дотронется, то спиши наступить на неё,—не-то заразишься скверными болѣзнями. Если, отправляясь куда нибудь, найдешь гвоздь или подкову, то должно поднять, беречь и постоянно брать съ собой въ дорогу такую находку: гвоздь и подкова—спутники счастья.

Если въ домѣ есть больной, и кто-либо чужой въ это время вечеромъ попроситъ луку или чесноку, то не слѣдуетъ отказывать, ибо лукъ и чеснокъ ночью имѣютъ свойство уносить съ собой болѣзни.

Не слѣдуетъ никогда надѣвать мужскую шапку на голову дѣвочекъ, — повьпадутъ волоса.

Кости животного, принесеннаго въ жертву, не слѣдуетъ давать собакамъ, иначе жертва не будетъ принята Богомъ.

Если въ домъ, гдѣ есть больной, принести въ рукѣ „бозминджазъ“ *) и сдavitъ въ рукѣ, то больной умретъ. Какъ противодѣйствіе бозминджазу, слѣдуетъ держать повѣшеннымъ при входѣ въ домъ бабазуль **).

Не слѣдуетъ цѣловать спящаго ребенка, ибо недолго будетъ жить.

Если перейти черезъ ноги спящей женщины, то родитъ хромого ребенка.

Послѣ похоронъ не слѣдуетъ прямо возвращаться съ кладбища домой, — не долго будешь жить: должно куда-нибудь зайти, посидѣть, поговорить, потомъ уже и возвратиться.

Вечеромъ или ночью не слѣдуетъ обрѣзывать ногтей; не то заболѣешь бѣсовскою болѣзнию, — сойдешь съ ума.

Обрѣзавъ ногти, слѣдуетъ завернуть въ тряпку и спрятать въ трещину земли, камня, стѣны или дерева и помнить хорошо, куда спряталъ, такъ какъ придется отвѣчать въ ахратѣ (страшный судъ) за трату тѣла.

Если чрезъ дорогу, по которой идешь, переползетъ змѣя, то лучше возвратись: иначе натънешься на драку.

Не слѣдуетъ ради шутки обнажать кинжалъ, ибо будешь зарѣзанъ.

Если хочешь поугаать ребенка, то лучше побей его, но не замахивайся на него, съ цѣлю испугать: иначе останется ребенокъ сиротой.

Если, во время веселья или ожиданія любимаго гостя, упадетъ изъ рукъ посуда и не разобьется, то слѣдуетъ ее, во избѣжаніе несчастія, разбить.

*) Это названіе составилось изъ словъ: бозмазъ — дунить и минджазъ — буси.

**) Бабазуль — чортъ палецъ въ нѣлу, т. е. сталактитъ или сталагмитъ.

Если въ постели окажется мышь, то это или указываетъ на невѣрность жены, или предвѣщаетъ, что заберется воръ.

Если ребенокъ копаетъ руками землю или стѣну, то это знакъ, что онъ переживетъ своихъ родныхъ.

Ребенокъ, у котораго живы родные, не долженъ ѣсть головы какого бы то ни было животного, ибо въ противномъ случаѣ умрутъ родные у него.

Если кто заболѣетъ желтухой, слѣдуетъ узнать, кто первый замѣтилъ болѣзнь: замѣтившій впервые пусть наколетъ мизинецъ лѣвой руки и помажетъ кровью обѣ щеки больного; тогда больной выздоровѣетъ.

Учитель Дешлагарскаго училища *Д. Ханаговъ*.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ,

записанныя въ городѣ Баку *).

I. О праотцѣ Авраамѣ.

Послѣ построения Каабы Авраамомъ, когда арабы, уклоняясь мало-по-малу отъ почитанія единого Бога, стали поклоняться идоламъ, Богъ приказалъ Аврааму вывести ихъ изъ заблужденія.

Въ Каабѣ идолы ставились по величинѣ: впереди стояли самые маленькіе, а назади самые большіе; во главѣ же всѣхъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, стоялъ самый большой и самый важный идолъ. Какъ ни уговаривалъ Авраамъ народъ оставить идоловъ, доказывая, что идолы—не боги, народъ и слушать его не хотѣлъ. Однажды, когда всѣ жрецы отправились веселиться за городъ, и никого не осталось въ Каабѣ, Авраамъ взялъ топоръ, изрубилъ всѣхъ идоловъ въ ней, кромѣ старшаго, которому положилъ топоръ на плечо, и ушелъ. Пришли жрецы, увидѣли положеніе идоловъ и догадались, что это—дѣло Авраама, Авраамъ же увѣрялъ ихъ, что если топоръ держитъ первый идолъ, то, слѣдовательно, онъ и совершилъ все это. Не обращая вниманія на этотъ отвѣтъ, жрецы стали сзывать народъ, приказывая нести съ собою связки дровъ, для публичнаго сожженія Авраама.

Собрался народъ и принесъ множество дровъ. „Какъ же распорядиться этими дровами?“—думали жрецы—„если разложить дрова по краямъ, Авраама же бросить въ средину ихъ, то огонь долго не дойдетъ до него“. Рѣшено было

*) Первые шесть рассказовъ записаны со словъ Бахши Баграмова, а послѣдній—со словъ Седрака Саруханова.

сложить дрова въ видѣ башни, Авраамъ же поднять на самый верхъ ея и тамъ сжечь. Начались приготовления къ казни. Кругомъ стоялъ народъ. Царь сидѣлъ съ дочерью и вельможами на высокомъ мѣстѣ и смотрѣлъ на приготовления къ казни.

Зажгли костеръ: пламя со всѣхъ сторонъ, подобно сотнямъ змѣй, лѣзло вверхъ; Авраамъ же на самомъ верху на колѣняхъ молился Богу. И—о чудо!—царю, смотрѣвшему пристально на это зрѣлище, показалось, что среди пламени находится красивый садъ съ высокими плодовыми деревьями и множествомъ кустовъ; источники такъ и серебрятся въ немъ среди бархатныхъ травъ; всякаго рода птицы порхаютъ по кустамъ и деревьямъ, оглашая садъ своими пѣснями, и Авраамъ среди сада весело гуляетъ взадъ и впередъ, наслаждаясь окружающими его прелестями природы. Изумленный царь не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ: онъ спросилъ у своей дочери и вельможь, не видятъ ли они того же, что видѣлъ въ пламени костра онъ-самъ; оказалось, однако, что они видѣли то же, что и царь. Народъ также былъ въ удивленіи. Башня, между тѣмъ, все опускалась къ землѣ. Наконецъ, царица говорить отцу, что она хочетъ итти къ Аврааму.

— „Какъ-же ты пройдешь чрезъ это пламя?—вѣдь ты сгоришь,“ говорить ей царь.

Но царица хотѣлось итти къ Аврааму, хотя бы пришлось и умереть въ огнѣ. Какъ только она подошла къ костру, тотчасъ среди пламени открылась дорога, по которой царица безъ всякаго вреда для себя дошла до Авраама; затѣмъ дорога опять исчезла, и видно было только пламя и среди него садъ, въ которомъ прохаживались Авраамъ и царица, весело разговаривая другъ съ другомъ. Тутъ царица (это была Сара, впоследствии жена Авраама) объявила Аврааму, что хочетъ сдѣлаться его женою, хотя отецъ ея и не согласенъ на это. Авраамъ послалъ ее къ царю, приглашая его

оставить бездушныхъ идоловъ и вѣровать въ единого всемогущаго Бога, но царь, по совѣту жрецовъ, отвергъ это предложеніе, хотя и освободилъ его отъ казни.

II. О Соломонѣ Мудромъ.

Когда Соломонъ Мудрый вступилъ на царскій престолъ, собрались всѣ существа земныя: четвероногія животныя, птицы, рыбы, насѣкомыя и всѣ другія, говоръ которыхъ понималъ Соломонъ, чтобы съ подарками поздравить своего царя съ восшествіемъ на престолъ. Соломонъ, заранѣе узнавъ объ этомъ, сѣлъ на престолъ и ожидалъ дорогихъ гостей, которыхъ въ скоромъ времени собралось такое множество, что съ одного конца собравшейся толпы нельзя было замѣтить другого конца ея. Всѣ поздравители по порядку подходили къ царю, кланялись, ставили на назначенное мѣсто подарки и удалялись. Въ это время муравей, весь въ поту, съ огромной ногой стрекозы во рту, поднялся на тронъ, оттуда на руку Соломона и положилъ свой подарокъ на руку царя. Удивленный мудрецъ, смотря на трудолюбивое насѣкомое и на его ношу, шутя, спросилъ:

— „Кто изъ насъ болѣе великъ?

— „Конечно, я!“ отвѣтилъ муравей.

— „Какимъ образомъ?“

— „Прежде всего—потому, что ты—царь и мудрецъ, а сидишь на тронѣ, который не стоитъ тебѣ, а я—бѣдное насѣкомое, и сижу на тебѣ, царѣ и правителѣ огромнаго царства. Во вторыхъ, если кто-нибудь дѣйствуетъ противъ твоей воли или прогнѣвляеть тебя, то ты приказываешь наказать его немедленно, тогда какъ я, сколько меня ни тревожатъ, ни мучать, все терплю и переношу. Наконецъ, ты, подобно другимъ людямъ, поработавъ нѣсколько часовъ, отдыхаешь вдвое больше времени, чѣмъ трудился, между тѣмъ какъ я всю мою жизнь провожу въ работѣ безъ отдыха и усталости.“

III. О Петръ Великомъ.

1.

Кубинскій Султанъ-Ахмедъ-ханъ, принадлежавшій къ шитской сектѣ, былъ женатъ на прекрасной дочери Гаджи-Ганбъ-бега Алфанскаго *), которая принадлежала къ суннитской сектѣ. Султанъ Ахмедъ-ханъ нѣсколько разъ при женѣ оскорблялъ халифа Омара, считающагося у суннитовъ святымъ, выражаясь о немъ неуважительно. Жена его не вытерпѣла и, наконецъ, довела это до свѣдѣнія отца, который въ свою очередь передалъ казію. Послѣдній, услышавъ это, тотчасъ приказалъ собраться всѣмъ бекамъ суннитскимъ, чтобы отомстить дерзкому хану. Немедленно собрались отовсюду сунниты и пошли противъ Султанъ-Ахмедъ-хана. Послѣдній, видя, что противиться разъяреннымъ суннитамъ онъ не въ состояніи, переодѣлся въ женское платье и скрылся между женами. Сунниты, какъ ни старались, не могли его сыскать. Наконецъ, они замѣтили, что по полю идутъ нѣсколько женщинъ, между которыми одна отличается мужскою походкою. Догнавши ихъ, они увидѣли, что это самъ ханъ, и тамъ же его и жену его изрубили на мелкіе куски. Изъ всей семьи остался въ живыхъ одинъ малолѣтній сынъ Ахмедъ-хана: одинъ изъ вѣрныхъ слугъ спасъ его, спрятавъ подъ шубою.

Во время этой страшной рѣзни Петръ Великій былъ на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря. Услышавъ объ этихъ безпорядкахъ, онъ со своими храбрыми воинами послѣдшилъ прекратить смуту, примиривъ противниковъ. Подплывъ къ Таркамъ, онъ получалъ отъ шамхала Тарковскаго въ подарокъ 800 головъ крупнаго рогатаго скота для войска и четыре лошади прекрасной породы для себя. Самъ шамхаль, выйдя къ Петру на встрѣчу, попросилъ его пожаловать въ его домъ и принять хлѣбъ-соль. Петръ принялъ предложеніе шамхала и послалъ письмо къ матажникамъ, приглашая ихъ къ при-

*) Алианъ или Алфанъ—аулъ близъ Кубы.

мирению; письмо заключалось слѣдующими словами: „Насколько великій я государь, настолько велики и мои милости для тѣхъ, которые слушаютъ меня и принимаютъ мои совѣты; зато, насколько я великъ, велики и мои наказанія для тѣхъ, которые не примутъ моего предложенія“. Благодаря письму и энергii Петра, враги примирились. Петръ вызвалъ сына Султанъ-Ахмедъ-хана и назначилъ его ханомъ въ Кубѣ, а за малолѣтствомъ послѣдняго поставилъ опекуна надъ нимъ, котораго всѣ должны были слушаться до совершеннолѣтiя юнаго хана. Такимъ образомъ, разсѣявъ всюду свои благодѣянiя, Петръ возвратился въ свое государство, приказавъ кубинцамъ жить мирно.

2.

Персидскiй шахъ Надиръ былъ сыномъ пастуха. Онъ отличался умомъ и храбростью и, благодаря имъ, достигъ высшихъ должностей въ Персiи. Современный же ему шахъ, Тахмазъ, былъ слабъ въ управленiи народомъ. Персидскiй народъ, негодуя на него, единогласно просилъ Надира свергнуть съ престола Тахмаза и принять на себя правленiе Персiей. Надиръ долго отказывался, говоря:

— „Какъ я дерзну, будучи сыномъ простаго пастуха и однимъ изъ слугъ своего государя, отнять у него престолъ?“

Но народъ настаивалъ на своей просьбѣ, да и самъ шахъ, чувствуя свою слабость, сталъ просить Надира принять на себя его званiе, говоря:

— „Стократно лучше для меня лишиться престола и увидѣть свой народъ въ благоденствii, нежели оставаться на престолѣ и видѣть, какъ изъ-за меня народъ страдаетъ.“

Надиръ принужденъ былъ принять престолъ. Въ это время, пользуясь внутренними смутами и слабостью Персiи, хороссанскiй царь Меликъ-Махмудъ объявилъ ей войну. Персiя, не будучи въ состоянiи одна справиться съ непріателемъ, обратилась къ Петру Великому, царю русскому, и про-

сила у него помощи, обѣщавъ ему за это земли до Аракса. Петръ Великій обѣщавъ ей защиту и вскорѣ со своими войсками явился въ Персію. Меликъ-Махмудъ, убоявшись могучаго союзника Персіи, покинулъ ее и возвратился въ Хороссанъ. Надиръ тогда предложилъ Петру оставить Персію, говоря, что помощь его не нужна. Петръ Великій, пораженный такимъ предложеніемъ своего союзника, отвѣтилъ гнѣвно:

— „Какъ это такъ!? Я съ дальняго сѣвера пришелъ къ вамъ на помощь и, наведя на вашего непріятеля страхъ, удалилъ его изъ вашего отечества, а вы теперь забываете свое обѣщаніе! Нѣтъ, этого я вамъ не позволю!“

Тогда Надиръ предложилъ Петру взять Кавказъ, на что Петръ отвѣтилъ, что Кавказъ не принадлежитъ Персіи, а самостоятеленъ. Послѣ многихъ пререканій Петръ Великій получилъ съ шаха огромную сумму денегъ, множество рогатаго скота и лошадей и возвратился въ Россію. На возвратномъ пути его радостно встрѣтили жители Кубы, восклицая: „Царь лица земли взошелъ, царь лица неба зашелъ! (?)“ Петръ благодарилъ ихъ и, сопровождаемый ихъ благожеланіями, направился далѣе, въ Россію.

IV. О Шахъ-Аббасѣ.

1.

Покоривъ Тифлисъ, Шахъ-Аббасъ устроилъ тамъ, другъ противъ друга, мечеть для магометанъ и церкви для христіанъ, а для обезпеченія этихъ храмовъ приписалъ къ нимъ по сороку лавокъ. Надъ мечетью шахъ сдѣлалъ надпись: „Прошу тѣхъ царей-магометанъ, которые послѣ меня будутъ въ этомъ городѣ властвовать, чтобы они защищали права сосѣдней церкви“. Надъ церковью же онъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Прошу царей-христіанъ, которые здѣсь будутъ

владичествовать, защищать изъ уваженія ко мнѣ права сосѣдней мечети“. Впослѣдствіи, когда Тифлисъ освободился изъ-подъ власти Персін, церковь, построенная Шахъ-Аббасомъ, стала все болѣе и болѣе богатѣть, мечеть же обдѣла, такъ какъ христіане отняли у нея принадлежавшія ей лавки. Когда Петръ Великій былъ въ Тифлисъ, то, узнавъ исторію этой мечети, немедленно возвратилъ ей данныя Шахъ-Аббасомъ лавки, а право завѣдыванія ими предоставилъ тогдашнему муштенду. Съ тѣхъ поръ и мечеть уже ни въ чемъ не нуждалась, благодаря милости Петра Великаго.

2.

Шахъ-Аббасъ далъ приказаніе устроить въ разныхъ мѣстахъ своего государства *тысячу* каравансараевъ. Но подрядчикъ, которому поручено было это дѣло, построилъ только девятьсотъ - девяносто - девять каравансараевъ. Шахъ, узнавъ о неисправности подрядчика, потребовалъ его къ себѣ и сказалъ гнѣвно:

— „Какъ смѣлъ ты не исполнить моего повелѣнія и обманывать своего шаха!? Я прикажу сейчасъ же казнить тебя!“

— „Могучій шахъ!“ — отвѣтилъ спокойно подрядчикъ — „позволь мнѣ молвить два слова въ свою защиту и, затѣмъ, дѣлай со мною что хочешь.“

И когда шахъ позволилъ ему говорить, подрядчикъ продолжалъ:

— „Я не построилъ тысячи каравансараевъ потому, что *тысяча* слово короткое, легко-произносимое, а потому немногіе обратятъ на него должное вниманіе, между тѣмъ какъ слова: *девятьсотъ - девяносто - девять* не такъ легко и скоро произносятся и вызовутъ вниманіе каждаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленіе твоему могуществу и уму.“

Шахъ-Аббасъ похвалилъ умнаго подрядчика за его образъ дѣйствій и, наградивъ, отпустилъ съ благодарностью.

3.

Однажды Шахъ-Аббасъ, гуляя, какъ это было у него въ обычаѣ, по городу, увидѣлъ, какъ въ одной кузницѣ какой-то юноша съ поразительною энергіей работалъ молотомъ. Удивленный энергіей юноши, Шахъ-Аббасъ подумалъ про себя: „должно быть, у него есть или большія деньги, или красивая любовница, или же красивая жена, что и возбуждаетъ въ немъ энергію“, и рѣшилъ, во что-бы то ни стало, узнать сущность дѣла.

На другой день пришелъ онъ въ кузницѣ и сталъ ждать, пока работа окончится. Когда работа окончилась, юноша вымылъ лицо, набросилъ на плечи свою старую абу и вышелъ изъ мастерской. Шахъ пошелъ за юношей. Спустя нѣкоторое время, послѣдній остановился у одной низкой двери и сталъ стучать въ нее; на стукъ вышла молодая женщина, до такой степени красивая, что шахъ едва могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: „я—шахъ, и ни одна изъ моихъ семидесяти женъ не имѣетъ такой красоты, а этотъ бѣднякъ обладаетъ такой красавицей, которая стоитъ всѣхъ моихъ женъ.“

На слѣдующій день, переодѣвшись въ платье дервиша, онъ отправился въ дому юноши и сталъ пѣть у дверей его. Красавица въ это время была дома одна; она вынесла и подала дервишу кусокъ хлѣба.

— „Мнѣ не надо хлѣба, красавица!“—отвѣтилъ дервишъ— „я иду изъ далекихъ странъ и нуждаюсь болѣе въ отдыхѣ. Будь добра, дай мнѣ уголокъ въ домѣ твоемъ, гдѣ я могъ-бы отдохнуть.“

Красавица провела мнимаго дервиша въ хорошо-убранную комнату, приготовила ему постель и подала закусить.

— „Я желалъ бы, чтобы ангелоподобная красавица закусила со мною вмѣстѣ,“ сказалъ ей шахъ.

— „Я удивляюсь, баба-дервишъ, какъ ты можешь это говорить. Отдохни себѣ и ступай своей дорогой!“ отвѣтила, покраснѣвъ, красавица.

Тогда шахъ сбросилъ съ себя платье дервиша и явился во всемъ блескѣ государя.

— „Какъ видишь, — не дервишъ, а шахъ я,“ сказалъ онъ ей, „меня привлекла сюда твоя красота. Мнѣ досадно, что ни одна изъ моихъ семидесяти женъ не обладаетъ хоть малѣйшею частицею твоей красоты, и потому я пришелъ сюда провести съ тобою время, и ты должна удовлетворить мое желаніе!“

Красавица пала предъ нимъ на колѣни и стала просить, умолять его, чтобы онъ оставилъ ее и ушелъ; но шахъ, ослѣпленный страстью, ничего не хотѣлъ слушать, говоря:

— „Или я долженъ здѣсь же умереть, или ты должна исполнить мое желаніе!“

— „Но если такъ, то позволь мнѣ, великій шахъ, приготовить лучшую закуску, чтобы сперва повеселиться, какъ слѣдуетъ“, сказала красавица.

Затѣмъ, она пошла въ кухню, сварила двѣнадцать яицъ, окрасила каждое изъ нихъ отдѣльною краскою, принесла, положила на столъ и говоритъ своему гостю:

— „Такъ какъ шахъ меня очень любитъ, то пусть позволить онъ мнѣ своими руками очистить яйцо и поднести ему!“

Шахъ позволилъ. Она взяла сперва красное яйцо, очистила его и подала шаху. Когда тотъ съѣлъ поданное яйцо, она спросила его:

— „Какой вкусъ имѣло это яйцо, государь?“

— „Обыкновенный,“ — отвѣтилъ шахъ — „оно имѣло вкусъ яйца!“

Красавица дала ему другое очищенное яйцо, окрашенное въ другую краску, и спросила, когда и его съѣлъ шахъ:

— „Какой вкусъ имѣло это яйцо?“

— „Точно такой же, какой и первое яйцо“—сказалъ онъ въ недоумѣніи.

Затѣмъ она подала третье яйцо, четвертое, пятое и т. д. и каждый разъ задавала шаху всё тотъ же вопросъ, а шахъ давалъ всё тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, раздраженный этими вопросами шахъ говорить:

— „Что ты все спрашиваешь меня объ одномъ и томъ же? Конечно, яйцо должно имѣть вкусъ яйца, а не другой.“

— „Я радуюсь, что великій шахъ знаетъ это!“—отвѣтила молодая женщина—„какъ вкусъ двѣнадцати разноцвѣтныхъ яицъ совершенно одинаковъ, такъ и женщины различаются другъ отъ друга лишь по вѣшности, удовольствіе же, которое доставляютъ онѣ мужчинамъ, одинаково.“

Шахъ, пораженный этимъ сравненіемъ, быстро всталъ съ мѣста, надѣлъ на себя платье дервиша, далъ красавицѣ кошелекъ золота и поспѣшно вышелъ вонъ изъ дома честной хозяйки. Онъ такъ спѣшилъ при этомъ, что забылъ у нея свою шубу.

Вечеромъ пришелъ ея мужъ и, увидѣвъ чужую шубу, спросилъ жену, кому она принадлежитъ. Жена рассказала все, что случилось съ нею въ отсутствіе мужа; но тотъ не повѣрилъ ей и, сильно опечалившись, не хотѣлъ и смотрѣть на жену. Молодая женщина тогда попросила свою мать, чтобы она сходила къ шаху и позвала его къ нимъ. Мать удивилась, не понимая, какое дѣло шаху до бѣдной женщины. Но красавица такъ настаивала, что мать ея по неволѣ отправилась ко дворцу и попросила доложить шаху, что *такая-то* женщина проситъ его на минуту къ себѣ. Слуги пошли и передали шаху, что какая-то женщина, которая жи-

веть *въ такомъ-то мѣстѣ*, просить его пожаловать къ ней по одному важному дѣлу. Шахъ тотчасъ же отправился къ красавицѣ, и она рассказала ему о поступкѣ своего мужа. Тогда Шахъ-Аббасъ подошелъ въ грустному мужу красавицы и, рассказавъ ему все, просилъ его не обвинять ни въ чемъ честную, благородную жену. Успокоивъ его такимъ образомъ, шахъ далъ ему денегъ и возвратился домой, довольный урокомъ, даннымъ ему женой кузнеца.

Воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи
А. Бабалянцъ.

ШАХЪ-АББАСЪ И ФАРАДЖЪ.

Разсказываютъ, что Шахъ-Аббасъ (Миръ праху его!), желая узнать пороки своихъ подданныхъ, по ночамъ, переодевшись дервишомъ, ходилъ по городу. Въ одну изъ такихъ прогулокъ дошелъ онъ до одного участка, находившагося на самомъ краю города, и здѣсь въ одномъ домѣ услышалъ веселые звуки музыки и звучные голоса пѣвцовъ. Шахъ подошелъ къ окну и увидѣлъ, что домъ, изъ котораго слышатся пріятные звуки музыки и воодушевляющія душу пѣсни, весьма бѣденъ: на полу, вмѣсто ковра, разостлана рогожа, на ней сидитъ одинъ человѣкъ, а музыканты и пѣвцы сидятъ на голой, сырой землѣ и играютъ и поютъ для увеселенія хозяина, сидѣвшаго на рогожѣ. Шахъ-Аббасъ, увидѣвши это, вошелъ въ домъ и, поклонившись хозяину, попросилъ его, чтобы тотъ его принялъ на ночь. Хозяинъ согласился, видя въ немъ бѣднаго дервиша-странника. Около полуночи музыканты и пѣвцы, получивши отъ хозяина одинъ кранъ *), простились съ нимъ и ушли. Шахъ, оставшись вдвоемъ съ хозяиномъ, спросилъ его, почему онъ, будучи столь бѣднымъ, приглашаетъ музыкантовъ и пѣвцовъ и тратитъ на это деньги. Хозяинъ отвѣтилъ: — „Эхъ, баба дервишъ! я человѣкъ, дѣйствительно, бѣдный; единственное занятіе мое состоитъ въ починкѣ башмаковъ; этимъ я зарабатываю въ день два крана; одинъ изъ нихъ я употребляю на пищу, а другой даю музыкантамъ и пѣвцамъ, которые каждую ночь и развлекаютъ меня.“

Мнимый дервишъ не могъ повѣрить этому, но хозяинъ,

*) Кранъ—персидская монета въ 28 $\frac{1}{2}$ коп.; она составляетъ десятую часть тумана.

котораго звали Фараджемъ, убѣдилъ его клятвами. Тогда шахъ сказалъ Фараджу:

— „А если шаху вздумается запретить тебѣ заниматься этимъ ремесломъ,—что же ты сдѣлаешь?“

На вопросъ дервиша хозяинъ отвѣтилъ:

— „Какой ты глупецъ! неужели шахъ станетъ думать о такихъ ничтожныхъ ремеслахъ?!“

Къ утру шахъ простился съ хозяиномъ и вышелъ. На другое утро шахъ издалъ приказъ, запрещающій заниматься починкою башмаковъ, почему по городу ходили шахскіе бирючи, объявляя народу распоряженіе шаха. Бѣдный Фараджъ не успѣлъ еще заработать и одного крана, какъ вѣсть о запрещеніи его профессіи молніей поразила его. Онъ тотчасъ вспомнилъ слова своего ночного гостя; но всё-таки онъ не переставалъ чинить башмаки, пока къ нему не подошелъ бирючь и не вырвалъ изъ рукъ его шило.

Чтобы не остаться голоднымъ, Фараджъ нашелъ себѣ какой-то старый бурдюкъ, починилъ его, и сталъ таскать въ немъ воду и продавать; такимъ образомъ и въ этотъ день онъ успѣлъ заработать два крана; на одинъ изъ нихъ онъ купилъ себѣ пицци, а другой заплатилъ, по обыкновенію, музыкантамъ и пѣвцамъ, веселившимъ ему душу ночью. Шахъ-Аббасъ, желая узнать, какъ проведетъ эту ночь Фараджъ, переодѣвшись опять дервишомъ, отправился къ нему. Приблизившись къ его дому, шахъ опять услышалъ звуки музыки и голоса пѣвцовъ, раздававшіеся еще веселѣе вчерашняго. Царь вошелъ въ домъ и былъ принятъ гостеприимнымъ хозяиномъ. Въ полночь, когда музыканты и пѣвцы, получивши одинъ кранъ, разошлись, хозяинъ обратился къ своему гостю съ слѣдующими словами:

— „Знаешь, что случилось сегодня? Шахъ запретилъ заниматься починкою башмаковъ.“

— „Неужели?“ — притворно удивился дервишъ — „откуда же ты заработалъ деньги на пѣвцовъ и музыкантовъ?“

Фараджъ разсказалъ, что онъ нашелъ старый бурдюкъ, сталъ таскать имъ воду и продавать, и такимъ образомъ заработалъ два крана.

— „А если и этимъ заниматься запретить шахъ, то что же ты сдѣлаешь?“ спросилъ мнимый дервишъ.

Фараджъ испугался, что шахъ, пожалуй, и это занятіе, дававшее ему кусокъ хлѣба, запретить, и потому попросилъ гостя, чтобы онъ впередъ не говорилъ такихъ страшныхъ рѣчей.

По-утру дервишъ простился съ хозяиномъ и ушелъ, а Фараджъ принялся за свое дѣло. Не успѣлъ бѣдный заработать и поль-крана, какъ шахскіе бирючи пришли и разорвали его бурдюкъ на куски, говоря, что шахомъ запрещено продавать воду. Бѣдняга остался въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать. Но нужда всему научить. Онъ побѣжалъ на кладбище и, увидѣвъ, что несутъ покойника хоронить, загородилъ народу путь къ кладбищу, говоря:

— „Я взялъ кладбище въ аренду и хоронить не позволю, пока не получу одинъ кранъ съ покойника.“

Народъ, чтобы освободиться отъ него, далъ ему два крана, вмѣсто одного. Фараджъ возвратился домой, и когда вечеръ насталъ, опять пригласилъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Шахъ-Аббасъ, переодѣвшись дервишомъ, пошелъ и въ этотъ вечеръ къ Фараджу, чтобы видѣть, какъ онъ проведетъ эту ночь. Пришедши къ нему, онъ опять встрѣтилъ то же, что и раньше: пѣвцы пѣли, а хозяинъ слушалъ ихъ съ наслажденіемъ. Шахъ вошелъ въ комнату, но хозяинъ въ этотъ разъ не хотѣлъ принять его и, сердясь на него, грубо сказалъ:

— „Развѣ, кромѣ моей избушки, на свѣтѣ нѣтъ другого дома, что ты повадился ходить ко мнѣ каждый день?“ ...

Дервишъ отвѣтилъ, что онъ, кромѣ него, никого не зна-

еть и ни отъ кого не ожидаетъ помощи. Фараджъ сжался надъ нимъ и принялъ его, но съ тѣмъ, чтобы тотъ ничего, подобнаго прежнему, не говорилъ. Дервишъ согласился. Послѣ того, какъ музыканты и пѣвцы ушли, получивши одинъ кранъ отъ хозяина, дервишъ спросилъ Фараджа, почему онъ сердится на него; Фараджъ отвѣтилъ:

— „Ты—несчастіе для моего дома: что ты вчера и позавчера вечеромъ сказалъ, то и сбылось; думая, что ты опять скажешь что-нибудь дурное, и со мною случится несчастіе, я не хотѣлъ тебя принять,“ и Фараджъ началъ рассказывать, какимъ образомъ онъ досталъ деньги. Тогда Шахъ-Аббасъ замѣтилъ ему:

— „Ты достоинъ быть министромъ.“

Фараджъ очень обрадовался замѣчанію дервиша, думая, что и эти слова дервиша сбудутся.

Поутру дервишъ простился съ хозяиномъ и ушелъ, а Фараджъ побѣжалъ на кладбище. Не успѣлъ бѣдный дойти до него, какъ люди шаха взяли его ко двору. Когда его представили шаху, то послѣдній обратился къ нему съ грознымъ вопросомъ:

— „Какъ ты осмѣливаешься не пускать хоронить умершихъ, когда на то нѣтъ никакого позволенія съ моей стороны?“

Дрожь пробѣжала по тѣлу Фараджа; онъ стоялъ, какъ окаменѣлый и, наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— „Повелитель мой, прости меня, пожалѣй моихъ дѣтей! я прибѣгъ къ этой хитрости потому, что нужда заставила: въ чему я былъ способенъ, ты все запретилъ; пришлось съ голоду умирать, и нужда научила меня этому.“

— „Такъ какъ ты не имѣешь никакихъ средствъ къ жизни“, отвѣтилъ ему шахъ, „то назначаю тебя своимъ придворнымъ“, и съ этими словами шахъ снялъ съ себя собственную саблю и надѣлъ на него.

До вечера Фараджъ оставался при дворѣ, и къ вечеру

возвратился къ себѣ домой съ пустымъ карманомъ. Не находя другого пути достать денегъ на пѣвцовъ и музыкантовъ, онъ продалъ золотой клинокъ своей сабли за два врана, а, вмѣсто него, купилъ деревянный. Шахъ-Аббасъ и въ эту ночь, переодѣвшись дервишомъ, отправился къ Фараджу, и опять засталъ у него пѣвцовъ и музыкантовъ. Послѣ того, какъ разошлись музыканты, Фараджъ поблагодарилъ дервиша за то, что слова его и въ этотъ разъ сбылись, но въ пользу ему, а не во вредъ, и сообщилъ, что шахъ назначилъ его придворнымъ. Тогда дервишъ спросилъ его:

— „Много ли денегъ подарилъ тебѣ шахъ?“

— „Ни копѣйки“, отвѣтилъ Фараджъ.

— „Откуда же ты досталъ денегъ, чтобы нанять музыкантовъ и пѣвцовъ?“—съ удивленіемъ спросилъ дервишъ— „Вѣдь ты до вечера былъ при дворѣ?“

Фараджъ отвѣтилъ, что онъ продалъ золотой клинокъ царской сабли и, вмѣсто золотого, купилъ деревянный, и показалъ своему гостю саблю съ деревяннымъ клинкомъ. Тогда дервишъ сказалъ:

— „Что же ты сдѣлаешь, если завтра шахъ прикажетъ, чтобы ты отрубилъ голову кому-либо изъ виноватыхъ?“

Фараджъ разсердился на дервиша, поволотилъ его и выгналъ изъ дому; онъ всю ночь не могъ спать, думая, что слова дервиша опять сбудутся. Дѣйствительно, на другой день шахъ приказалъ, чтобы онъ отрубилъ голову одному преступнику. Тогда Фараджъ сказалъ:

— „Повелитель мой! такъ какъ я ни разу не отсѣкалъ ничьей головы, то прошу тебя: прикажи, чтобы на этотъ разъ отрубилъ голову кто-нибудь другой, у кого и я могъ бы научиться.“

Но шахъ, съ угрозою, что въ противномъ случаѣ самому Фараджу будетъ отрублена голова, требовалъ, чтобы онъ исполнилъ его приказъ. Фараджъ, однако, и здѣсь нашелся и, поднявъ руки къ небу, сказалъ:

— „Господи! если этотъ человекъ виновенъ, то дай мнѣ силу отрубить ему голову однимъ ударомъ сабли, а если нѣтъ, то преврати клинокъ моей сабли въ простое дерево!“ и съ этими словами онъ выхватилъ свою саблю.

И, конечно, оказалось, что клинокъ былъ деревянный. Всѣ присутствовавшіе были въ величайшемъ удивленіи; только шахъ, знавшій все дѣло, не могъ удержаться отъ смѣха, и разсказалъ всю исторію. Съ тѣхъ поръ шахъ назначилъ Фараджу пенсію на всю жизнь, и онъ зажилъ еще веселѣе, чѣмъ прежде.

Записалъ въ Казахскомъ уѣздѣ, Елисаветопольской губерніи, со словъ Алія Салимъ-оглы, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Н. Кіасбековъ*.

АШИКЪ КЕРИБЪ *).

(Сказка).

Жилъ въ Тавризѣ богатый купецъ Ахмедъ. Онъ имѣлъ жену, по имени Хани, и двухъ дѣтей: сына Расула, 16 лѣтъ, и дочь Шахрабану, 14 лѣтъ. Разъ заболѣлъ Ахмедъ; какъ ни старались доктора, не могли его вылѣчить, и онъ скончался. Похоронивъ его и выполнивъ трехдневный трауръ, всѣ друзья и знакомые разошлись.

И вотъ Расулъ остался наслѣдникомъ и распорядителемъ огромнаго богатства Ахмеда. Провѣдали объ этомъ лутіи **) Тавриза и порѣшили воспользоваться случаемъ. Однажды ночью, одѣвшись въ купеческій костюмъ, пришли они къ Расулу, рекомендовались, какъ истинные друзья покойнаго, и стали извиняться, что, по торговымъ дѣламъ, въ свое время не могли присутствовать на траурѣ. Такъ они посѣщали Расула нѣсколько ночей сряду и каждый разъ развлекали его пріятными бесѣдами. Когда же убѣдились, что достаточно овладѣли его сердцемъ, то приступили къ выполненію своего плана: однажды утромъ приходятъ они къ Расулу и приглашаютъ его посѣтить вмѣстѣ съ ними могилу отца. Тотъ соглашается. На обратномъ пути съ кладбища они заводятъ его въ одно увеселительное мѣсто и начинаютъ его угощать шербетомъ. Расулъ отказался—было отъ первой чашки шербета. Но товарищи его уговорили, и онъ, выпивъ ее, тотчасъ развеселился. Подали ему другую чашку, а потомъ и третью.

*) Сказка „Ашикъ Керибъ“ записана со словъ ашика Оруджа, жителя селенія Тирджанъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинск. губерніи.

**) Лутій—плутъ, дебоширъ. Тавризскіе и испаганскіе лутіи пользуются извѣстностью.

Шербеть, приготовленный изъ разныхъ сладобій, до того отуманилъ его голову, что онъ попросилъ своихъ товарищей пригласить пѣвцовъ и баядерокъ; въ ту же минуту явились тѣ и другія, и началось такое веселье, что Расулъ, позабывъ о смерти отца, пустился въ пляску и сталъ раздавать направо и налѣво золотыя монеты, и въ четверть часа раздалъ всѣ деньги, какія были при немъ. Лутіи, видя, что у него наличныхъ денегъ больше нѣтъ, прекратили пирушку. Расулъ попросилъ мнимыхъ друзей устроить такое же развлечение и на завтрашній день.

Цѣлыхъ сорокъ дней водили лутіи Расула по кофейнямъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ. И такимъ образомъ онъ истратилъ все свое состояніе до послѣдней копейки. Лутіи, видя, что больше нѣтъмъ воспользоваться отъ Расула, оставили его въ повоѣ. Только тогда понялъ юноша, кто были его мнимые друзья.

Горько было ему сидѣть дома безъ куска хлѣба, и онъ, по совѣту матери, поступилъ въ ученики къ мѣднику. Но разъ мѣдникъ потребовалъ, чтобы Расулъ подалъ ему воды для питья, но тотъ, за стучомъ молотка, не слышалъ; мѣдникъ повторилъ свой приказъ, а онъ опять не слышалъ; когда же и послѣ третьяго приказанія Расулъ, по разсѣянности, не подалъ воды, хозяинъ разсердился на него и прогналъ его.

Прогнанный мѣдникомъ, Расулъ поступилъ къ портному. Видя, какъ новый хозяинъ его все мѣряетъ да кроитъ разныя матеріи, онъ подумалъ: что портняжество дѣло самое простое, и что онъ не хуже самого хозяина сдѣлаетъ то же; разъ, воспользовавшись случаемъ, когда мастера не было въ лавкѣ, Расулъ взялъ кусокъ сукна, развернулъ его и принялся мѣрять и кроить, думая про себя: „вотъ придетъ хозяинъ и похвалитъ меня, что такъ скоро выучился ремеслу“. Пришелъ хозяинъ и, увидѣвъ, что натворилъ его ученикъ, пришелъ въ такое бѣшенство, что чуть не убилъ его.

Расулъ поступилъ-было послѣ этого въ ученики къ башмачнику, но и тамъ ему не посчастливилось.

Однажды, шлясь безъ дѣла, проходилъ онъ мимо одной кофейни и увидѣлъ, что тамъ ашики играютъ на саазѣ *) и поютъ. Это такъ понравилось ему, что онъ рѣшился поступить къ нимъ въ ученики. Ашики съ удовольствіемъ приняли его. Скоро разнесся по городу слухъ, что въ такую-то кофейню поступилъ юноша невиданной красоты, и всѣ стали посѣщать ее. Но прошло много времени, а Расулъ все никакъ не могъ выучиться пѣть и играть на саазѣ. Посѣтители, приписывая это нежеланію ашиковъ научить молодого ученика своему искусству, изъ опасенія имѣть въ немъ сильнаго конкурента, объявили имъ, что если въ короткое время ашики не выучатъ Расула играть на саазѣ и пѣть, то они перестанутъ посѣщать кофейню. Ашики начали съ усердіемъ заниматься Расуломъ; но онъ не имѣлъ никакихъ музыкальных способностей и ничему не могъ выучиться. Въ одну ночь, послѣ труднаго урока музыки, когда ашики побранили Расула и пригрозили утромъ прогнать его за неспособность въ музыкѣ, онъ тайкомъ вышелъ изъ кофейни, упалъ на колѣни и сталъ молиться Богу и пророку, чтобы они помогли ему выучиться ремеслу ашиковъ. Ночь эта была ночь „Кадыра“ **), и потому молитва его была услышана. Молясь на колѣняхъ, Расулъ тутъ же задремалъ и увидѣлъ во снѣ, что Хидиръ-

*) Саазъ — янтструнный, съ металлическими струнами, музыкальный инструментъ, необходимая принадлежность ашиковъ-пѣвцовъ. Играютъ на немъ съ помощью деревянной пластинки (тезене), которую держатъ кончиками указательнаго и большого пальца правой руки.

**) Ночь Кадыра (قدر کچدیسی) бываетъ въ мѣсяцъ Рамазана. По народному повѣрью, въ эту ночь всякое желаніе человѣка исполнится, нужно лишь дожидаться той минуты, когда отворяются двери рая и небесъ. Въ точности не извѣстно, въ какую ночь Рамазана бываетъ Кадыръ. Сравни въ IV вым. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, отд. II, стр. 26-я: „Свѣтлая ночь“.

Ильясь *) предлагаетъ ему выпить чашу шербета, и онъ, повинувась, пьетъ ее.

— „Отнынѣ ты—ашикъ и долженъ называться Керибомъ (чужеземецъ)“, говоритъ ему Хидръ, „смотри черезъ мои пальцы: это образъ Шахъ-Санамы, дочери Бахрамъ-бека Тифлискаго. Она—твоя возлюбленная, назначенная тебѣ предопредѣленіемъ.“

Пораженный красотою будущей своей возлюбленной, Расулъ потерялъ чувство... Утренняя прохлада привела его въ себя, и онъ направился въ кофейню, гдѣ еще спали ашики.

Когда собрались въ тотъ день всегдашніе посѣтители кофейни, то ашики, по обыкновенію, начали играть и пѣть. Расуду на этотъ разъ также захотѣлось пѣть и играть. Онъ подошелъ къ одному изъ посѣтителей и попросилъ его достать ему у ашиковъ саазъ. Тотъ охотно исполнилъ его просьбу. Расулъ взялъ саазъ и началъ играть. Всѣ насторожили слухъ, въ особенности ашики. Вотъ о чемъ пѣлъ онъ, играя на саазѣ:

Письма 1.

„Въ ночь Кадыра я обратился къ Богу съ одной просьбою, и Онъ, единый, принялъ ее. Я просилъ, Богъ принялъ мою просьбу, а аранлары **) начертали мнѣ цѣль.“

Блуждалъ я, блуждалъ... О, достигъ (наконецъ), достигъ я до лунолицей! Написалъ я прошеніе и подалъ шаху, и прекрасный шахъ подписалъ мое прошеніе...

Аранлары одарили Кериба даромъ: наполнивъ чашу двукратно, напоили его, а Шахъ-Санамъ дали ему въ возлюбленную. Тифлисъ сталъ для него истинною цѣлью пути.“

*) Хидиръ-Ильясь—пророкъ Хидръ, который выпилъ воду жизни и сталъ безсмертнымъ. Онъ является на помощь всякому путнику, потерявшему дорогу, если онъ призоветъ его на помощь. По преданію, его душа переселилась въ пр. Илію. Вотъ почему мусульмане въ этихъ двухъ пророкахъ видятъ одно лицо.—Хидиръ-Ильясъ. Послѣдній считается покровителемъ пѣвцовъ. Ашики—шиты, вмѣсто него, воспѣваютъ Алія, четвертаго халифа, какъ покровителя пѣвцовъ.

**) Аранлары—святые мужи.

Эта пѣсня была спѣта съ такимъ чувствомъ, что всѣ воскликнули отъ удовольствія. Деньги посыпались на него, какъ дождь. Переглянулись между собою ашики и прошептали: „Это не отъ насъ, а святые арапчары научили его такъ сладко пѣть и играть на саазѣ. Если, при такой красотѣ, онъ будетъ продолжать пѣть здѣсь, то отобьетъ у насъ хлѣбъ; надо какъ-нибудь выпроводить его отсюда“.

Разъ, когда никого изъ посѣтителей не было въ кофейнѣ, ашики объявили Керибу, что они завтра отправляются въ Тифлисъ, такъ какъ тамъ за одинъ спѣтый куплетъ платятъ пѣвцу по одному туману *). Керибъ несказанно обрадовался этому и попросилъ ихъ и его взять съ собою. Тѣ согласились, и порѣшили утромъ всѣмъ собраться въ городскимъ воротамъ и оттуда отправиться въ путь. Керибъ пришелъ домой взять у матери благословеніе и такъ началъ пѣть:

Пѣсня 2.

„О розолицая мать, которой въ жертву обрекъ я себя **)! я долженъ отправиться въ Тифлисъ. Огнемъ охвачено и горить тѣло мое. О мать! я долженъ отправиться въ Тифлисъ.

Съ тобою веду я бесѣду любви: прошу,—не забудь меня въ своихъ молитвахъ. Въ Тифлисѣ увидѣлъ я одну голубо-глазую. О мать! Я долженъ отправиться въ Тифлисъ.“

Видя, что сынъ не шути задумалъ ѣхать въ Тифлисъ, мать стала умолять его, чтобы онъ взялъ съ собою ее и сестру. Такъ пѣла она:

Пѣсня 3.

„О ты, въ жертву которому обрела я себя, жертвою котораго стала я, о сынъ! если не возьмешь меня съ собою,

*) Туманъ персидскій—8 р., Тифлисскій—10 р., шемахинскій (ширванскій)—6 р.

**) Буквально: „вокругъ головы которой кружился я“,—выраженіе, образно указывающее на обрядъ посвященія жертвы.

то прокляну тебя. О ты, для котораго въ огнѣ сгорѣла и изжарилась я, о сынъ! если не возьмешь меня съ собою, то прокляну тебя.”

На это сынъ отвѣтилъ:

Пѣсня 4.

„Меня окружають враги... Возлюбленная съ нетерпѣніемъ ожидаетъ меня... Какъ я возьму тебя въ такой холодъ?!.. О мать! Я долженъ отправиться въ Тифлисъ.”

Мать отвѣтила на это слѣдующими словами:

Пѣсня 5.

„Не убивай бѣдную Хани, которая пожертвовала для тебя жизнью и головой. Возьмемъ съ собою и Шахрабану. Сынъ, если не возьмешь меня, то прокляну тебя.”

Керибъ отвѣтилъ ей новою пѣсней:

Пѣсня 6.

„Керибомъ называютъ меня. Не достигъ я до своей цѣли. Но Шахъ-Санамъ предстала мнѣ въ воображеніи, и я долженъ, о мать моя, отправиться въ Тифлисъ.”

Насилу уговорила мать, чтобы Керибъ взялъ съ собою ее и Шахрабану. Распродали они свою домашнюю рухлядь и утромъ пришли къ городскимъ воротамъ. Но тамъ никого изъ ашиковъ не было. Оставивъ тутъ родныхъ, Керибъ пришелъ въ кофейню,—узнать, по какой причинѣ товарищи его не собираются въ путь. Но тѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, объявили ему, что теперь зима, и они пуститься въ путь раздумали, а онъ, такъ какъ уже собрался, пусть отправляется съ Богомъ, и указали ему на каравансарай, гдѣ можно было застать караванъ, отправляющійся въ Тифлисъ. Керибъ пришелъ въ указанный каравансарай и, увидѣвъ, что большой караванъ, подъ предводительствомъ тифлисца Манафъ-бека, отпра-

вляется въ Тифлисъ, подошелъ къ возжаку и сталъ умолять его, чтобы тотъ принялъ ихъ въ караванъ. Такъ пѣлъ Керибъ:

Пѣсня 7.

„О ты, въ жертву которому обрекъ я себя и жертвою котораго сталъ я, о бекъ! я долженъ предпринять путешествіе въ Тифлисъ. О ты, для котораго въ огнѣ сгорѣлъ и изжарился я, о бекъ! я долженъ предпринять путешествіе въ Тифлисъ.“

Посмотри на игру и бесѣду сердца (собств. груди) моего и на нѣгу и на украдчивый взглядъ красавиць... Я полюбилъ дочь Бахрамъ-бека. О бекъ! я долженъ предпринять путешествіе въ Тифлисъ.

Аранлары дали Керибу Шахъ-Санамъ въ возлюбленныя; наполнивъ чашу двукратно, они напоили его, а горя дали (ему) еще больше. О бекъ! я долженъ предпринять путешествіе въ Тифлисъ.“

Сладкій голосъ и пріятная наружность Керива произвели на Манафъ-бека хорошее впечатлѣніе; онъ сказалъ:

— „Да знаешь ли ты, кто такой Бахрамъ-бекъ? Онъ мой братъ. Дочь его, Шахъ-Санамъ, обручена съ Шахъ-Веледомъ. Но я вижу, ты не простой человѣкъ, а *хаккъ-ашикъ* *). Если ты такъ поешь про Шахъ-Санамъ, такъ отправимся въ Тифлисъ; я берусь устроить твою судьбу.“

— „Со мною отправляются еще мать и сестра; онѣ ждутъ меня у городскихъ воротъ“, сказалъ тогда Керибъ.

— „Не безпокойся: будетъ и имъ на чемъ ѣхать“, отвѣ-

*) Такъ называются пѣвцы, получившіе свой поэтический даръ свыше; они отличаются отъ ашиковъ по ремеслу; *хаккъ-ашикъ*—особа священная; обидѣть его значитъ совершить великій грѣхъ; такой ашикъ можетъ своимъ пѣніемъ останавливать быстротекущій потокъ, укрощать звѣрей, переноситься въ самое малое время чрезъ громадные пространства, и т. п. Священною особою считается не только самъ ашикъ, но и его возлюбленная, она также *хаккъ-ашикъ*.

чалъ Манафъ-бекъ, „вотъ тебѣ и лошадь: садись и отправимся въ путь. Дорогою ты будешь пѣть намъ пѣсни“.

Караванъ выступилъ въ путь. У городскихъ воротъ Манафъ-бекъ уступилъ другую свободную лошадь матери и сестрѣ Кероба. Выѣзжая изъ города, Керобъ такъ запѣлъ:

Пѣсня 8.

„Нѣтъ у меня сокола поохотиться. Нѣтъ чистокровной арабской лошади погарцовать. Нѣтъ юной (собственно—свѣжей) возлюбленной, чтобы успокоить сердце. О родина! оставляю тебя на время...“

Керобъ говорить: посмотри на пеликана (?). Да буду жертвою тѣхъ, которые достигли до своей возлюбленной! Да будетъ мнѣ удѣломъ еще разъ пріѣхать на родину! О родина! оставляю тебя на время“.

Караванъ остановился на ночлегъ. Манафъ-бекъ былъ такъ любезенъ, что въ распоряженіе Кероба съ его родными отдалъ особую палатку. Далеко за полночь когда въ караванѣ всѣ спали, проснулась мать Кероба и видитъ, что сынъ потихоньку проливаетъ слезы. Между ними завязывается разговоръ.

Мать (Пѣсня 9):

„О ты, въ жертву которому обрекла я себя и жертвою котораго стала я, о смѣющаяся моя роза! о чемъ ты плачешь?“

Сынъ (Пѣсня 10):

„Я спалъ: приснилась мнѣ возлюбленная; она была въ моихъ объятіяхъ. Вдругъ я проснулся и разстался съ нею. Сожалѣя о своей разлукѣ, плачу я.“

Мать (Пѣсня 11):

„Высоко вверхъ поднятый дворецъ мой! Съ обѣтомъ и молитвою найденный мой! Изъ чаши аранларовъ сваченная

добыча моя! Улыбающаяся роза моя! О чемъ ты плачешь?”

Сынъ (*Письма 12*):

„Я птица, которая кружилась въ воздухѣ... Умеръ родитель, и я остался сиротою въ гнѣздѣ. Душа оставитъ тѣло, пока я достигну цѣли... Какую горькою, плачевною птицею сталъ я!“

Мать (*Письма 13*):

„Ты убилъ бѣдную Хани, которая для тебя пожертвовала головою и жизнью. Не разбуди сестру Шахрабану! Смѣющаяся роза моя, зачѣмъ ты плачешь?“

Сынъ (*Письма 14*):

„Аранлары одарили Керибѣ даромъ,—наполнивъ чашу двукратно, напоили его, а горя дали ему еще больше: горе стало самъ-десять, а я—самъ-пять, потому и плачу я!“

Утромъ караванъ отправился далѣе. Не доѣзжая до Тифлиса, на однодневномъ отъ него разстояніи, вдругъ Манафъ-бекъ получаетъ отъ брата письмо, съ увѣдомленіемъ, что товаръ, который онъ везетъ, упалъ въ цѣнѣ. Ему оставалось только повернуть караванъ назадъ и сбыть товаръ въ другихъ городахъ Персіи.

— „Ну, Керибъ“, говоритъ Манафъ-бекъ, „приходится намъ разстаться. До Тифлиса остается немного. Эта дорога ведетъ прямо туда. Отправляйтесь вы въ Тифлисъ! Богъ дастъ, скоро и я приѣду. Никому не открывай своего сердца, а не то Шахъ-Веледъ убьетъ тебя.“

Караванъ повернулъ назадъ, а Керибъ, взявъ мать и сестру за руки, пустился въ дорогу, и къ вечеру они остановились въ одномъ каравансараѣ, близъ Тифлиса. Керибъ, устроивъ ночлегъ для родныхъ, взобрался на ближайшую гору,—посмотрѣть на Тифлисъ. Увидѣвъ тифлисскую крѣпость, онъ запылъ:

Шьня 15.

„Виднѣются ли тифлисскія горы или нѣтъ? Виднѣются ли терема Шахъ-Санамы или нѣтъ? Отъ чистаго сердца призываю тебя, чистѣйшій изъ царей, да очистится ржавчина сердца моего! Гробница шейхъ-Санаана *) и набережная Кумы виднѣются или нѣтъ? Вѣрная возлюбленная Кероба! очисти пыль отъ сердца моего! Страна возлюбленной, назначенной (миѣ) господиномъ моимъ, виднѣется или нѣтъ?“

Рано утромъ они пустились въ дорогу и къ полудню прибыли къ воротамъ Тифлиса, гдѣ встрѣтились имъ всадникъ и толпа пѣшиходовъ. Керобъ подошелъ къ всаднику и заплѣгъ:

Шьня 16.

„По разспросамъ я дошелъ... Это ли городъ Тифлисъ? Разспрашивалъ я прохожихъ и проѣзжихъ, это ли городъ Тифлисъ.“

Тутъ есть сады, айвы и гранаты. Тутъ есть честь, амбиція и совѣсть. Тутъ же и мой родственникъ Бахрамъ. Не это ли городъ Тифлисъ?

Меня называютъ Керобомъ,—не достигъ я своей цѣли. Вспомнилъ я Шахъ-Санамъ... Это ли городъ Тифлисъ?“

— „Ахъ ты бездомный бродяга!“—крикнуть на него всадникъ (это былъ Шахъ-Веледъ, женихъ Шахъ-Санамъ)—„Какъ осмѣлился ты произнести имя Шахъ-Санамъ?!“ и бросился на Кероба, чтобы убить его.

*) Гробницею шейхъ-Санаана магометане считаютъ монастырь св. Давида въ Тифлисѣ. Между мусульманами есть преданіе, что шейхъ-Санаанъ, одинъ изъ шейховъ, имѣвшихъ много мюридовъ, прибылъ въ Тифлисъ и влюбился въ одну грузинку, которая вышла за него только тогда, когда онъ принялъ крещеніе. Узнавъ объ этомъ, ученики шейха пришли въ Тифлисъ удостовѣриться, принялъ ли ихъ шейхъ, дѣйствительно, христіанство. Не входя въ городъ, они слышали колокольный звонъ, который какъ бы провозносилъ: „нѣтъ божества, кромѣ одного Бога, а Магометъ его пророкъ“. Увѣрившись изъ этого, что ихъ шейхъ не только остался истиннымъ мусульманномъ, но даже передалъ это ученіе окружающимъ, такъ-что и колокола провозносятъ: „нѣтъ божества“ и т. д., ученики отправились назадъ. Восточные поэты въ своихъ любовныхъ одахъ вспоминаютъ объ этомъ шейхѣ.

Но пѣшеходы удержали Шахъ-Веледа, говоря:

— „Зачѣмъ ты сердился на него? Онъ — ашикъ, ашикамъ же вольно высказывать все, что придетъ имъ на мысль.“

Пѣшеходы дали ему нѣсколько мѣдной монеты, и каждый продолжалъ свой путь. Керибъ съ родными остановился на дворѣ одной мечети. Но скоро пошелъ дождь, и стало холодно. Оставивъ тамъ родныхъ, Керибъ пошелъ поискать въ городѣ удобнаго ночлега.

Пришелъ онъ къ дверямъ высокаго дома, хозяинъ котораго, богато-одѣтый купецъ, стоялъ подъ защитою навѣса и смотрѣлъ на прохожихъ. Подошелъ къ нему Керибъ и такъ заплѣлъ:

Пѣсня 17.

„О розолицый господинъ, которому я обрекъ себя въ жертву! О господинъ-душа моя! мать моя осталась въ мечети. Ни день мнѣ день, ни ночь мнѣ ночь. О господинъ-душа моя! мать моя осталась въ мечети.“

Я пришелъ къ твоимъ дверямъ просить ночлега. Войди въ положеніе несчастныхъ! Если мать моя умретъ, то грѣхъ падетъ на тебя. О господинъ-душа моя! мать моя осталась въ мечети.

Идетъ дождь и снѣгъ... Мать и сестра состоятъ на моемъ попеченіи... Столько времени терпѣвшая бремя мое мать моя осталась въ мечети.“

Купецъ не обратилъ никакого вниманія на пѣніе Кероба. Стояло въ сторонѣ нѣсколько молодыхъ людей. Видя такое равнодушіе купца къ просящему пѣвцу, они пришли въ такую ярость, что чуть было не избивали купца, говоря:

— „Цѣлый часъ Божій пѣвецъ стоитъ передъ тобою и проситъ ночлега, а ты будто и не слышишь.“

Едва сосѣди выручили купца изъ рукъ разъярившихся молодыхъ людей. Между тѣмъ нашелся добрый человѣкъ, который

согласился принять подъ свой кровъ на ночь Кероба и его родныхъ. Это былъ Бахрамъ-бекъ, отецъ Шахъ-Санамъ. Онъ привелъ своихъ гостей въ кунацкую и приказалъ домашнимъ приготовить для нихъ пловъ. Когда же пловъ былъ готовъ, то служанка, Агджа-Кязъ, поставила его на подносъ и принесла въ гостямъ. Любопытствуя узнать, что-за гости у отца, Шахъ-Санамъ также пошла съ Агджа-Кязъ въ кунацкую: служанка вошла въ комнату, а та осталась у дверей. Мать и сестра Кероба, когда былъ поданъ пловъ, хотѣли-было приступить къ ужину, но Керобъ удержалъ ихъ, говоря:

— „Повремените немного,—пусть уйдетъ служанка: мы голодны и будемъ жадно ѣсть, и она расскажетъ это Бахрамъ-беку.“

Служанка вышла изъ комнаты и хотѣла совсѣмъ уйти, но за дверями ее остановила Шахъ-Санамъ, говоря:

— „Обождемъ немного; сердце мое такъ и бьется; этотъ молодой человекъ—тотъ самый, котораго указалъ мнѣ во снѣ Хидиръ-Ильясъ.“

Мать и сестра опять принялись-было за ужинъ, но Керобъ снова удержалъ ихъ:

— „Постойте немного; подайте мнѣ мой саазъ: сердце кипитъ, я хочу его успокоить.“

Дѣло было въ томъ, что Керобъ увидѣлъ сквозь дверную щель часть лица Шахъ-Санамъ, обрамленнаго локонами, и былъ пораженъ его бѣлизною. Керобъ запѣлъ:

Пѣсня 18.

„Изъ за двери томно, любовно-глядящая красавица моя! ты лишила голову мою разсудка. О красавица, сладко душу мою въ огнѣ любви сожигавшая! ты воспламенила меня, обративъ тѣло мое въ горящій огонь.“

На шею ты надѣла мнѣ шнурокъ талисмана. Пусть буду я сосать твои уста и языкъ! Какъ облако, затмили локоны твое

луноподобное чело. Ты сдѣлала себѣ покрывало изъ локоновъ.

Розы Кероба собрали букетами и рассыпали на груди! Въ какое чудное (?) время пришла ты бесѣдовать! Ты лишила насъ ужина.“

— „Уйдемъ отсюда“, сказала Шахъ-Санамъ служангѣ, „они голодны,—пусть ужинаютъ.“

Утромъ Керобъ взялъ саазъ и отправился въ ближайшую кофейню,—добывать пропитаніе пѣніемъ. Въ кофейнѣ попросили его воспѣть свою родину, и онъ пропѣлъ слѣдующее:

Пѣсня 19.

„Слушайте, господа,—воспою вамъ! Весною расцвѣтаютъ розы Тавриза. На свадьбахъ и праздникахъ одѣваются въ атласъ. Неистощимы (не изнаются) синія и алыя матеріи въ Тавризѣ *).

Вокругъ Тавриза лѣса и сады; живутъ тамъ и беки и шахи; 800 улицъ, 400 переулковъ, 100 рынковъ и базаровъ есть въ Тавризѣ.

Тамъ снаряжаются богатыри для состязанія. Всѣ купцы живутъ тамъ. Въ одинъ разъ вывозятъ оттуда по 360 вьюковъ. Товары Тавриза ходятъ по рукамъ.

Шелкъ доставляется туда изъ Индіи. Пшеница и рисъ сѣются тамъ же (?). Овцы доставляются изъ Муганской степи. Изъ Грузіи привозятъ въ Тавризъ медъ.

Выпивъ чашу аранларовъ, прибылъ я сюда, переправившись черезъ море любви. Я, Керобъ, воспѣлъ свою родину, я, Рустамъ-Залъ тавризскій“ **).

Посѣтители кофейни единогласно одобрили пѣніе Кероба. Но этимъ обидѣлись мѣстные ашики, которые были тамъ, и потребовали его на состязаніе.

*) Синій и алыя цвѣта—излюбленные на Востоцѣ.

***) Рустамъ сынъ Зала—древнеперсидскій богатырь, участвовавшій, по преданію, въ борьбѣ иранцевъ съ туранцами.

— „Я бѣдный чужеземецъ и новичокъ между ашиками. Дерзну ли я состязаться съ вами, опытными ашиками, имѣющими такъ много друзей!“ отвѣчалъ Керибъ.

Но въ это время вошелъ въ кофейню Бахрамъ-бекъ, который, слышавъ незнакомый голосъ въ кофейнѣ, пришелъ туда узнать, кто такъ сладко поетъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ Керибу:

— „Ну, любезный кунакъ, не бойся, приступи къ состязанію; я стою за тебя.“

Нечего было дѣлать Керибу, и онъ согласился. Ашики предложили Керибу начать. Взялъ онъ саазъ и началъ пѣть:

Пѣсня 20.

„Слушайте, господа,—я спрашиваю васъ: безъ рукъ какъ играютъ на саазѣ? На небѣ звѣзды—мое стадо: безъ пастуха какъ будете вы пасти ихъ? Изъ чего положено основаніе міру? Вопросы Кериба слушайте вы всѣ: что это имѣетъ 12 воротъ?—вы всѣ пройдете черезъ нихъ.“

Ашики переглянулись между собою, и никто изъ нихъ не рѣшился отвѣчать Керибу. Посѣтители попросили тогда Кериба разрѣшить свои вопросы, и Керибъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

Пѣсня 21.

„Если вы просвѣщенные, то вѣдайте: саазъ, на которомъ играютъ безъ рукъ, это кеманча *). Луна есть пастухъ звѣздъ, вамъ не-зачѣмъ пасти ихъ. Міру основаніе положено изъ кяфа и нуна **). Вы всѣ слушайте вопросы Кери-

*) Кеманча—музыкальный инструментъ, заостренный конецъ котораго упираютъ въ землю и на которомъ играютъ смычкомъ, тогда какъ на саазѣ играютъ, какъ уже сказано выше, посредствомъ тезене изъ коры персиковаго дерева.

**) Кяфъ и нуна— буквы к и н, изъ которыхъ составляется слово „кунъ“—будь. „Когда Богъ захочетъ создать что-нибудь, скажетъ „будь“, и будетъ“,—говорится въ Коранѣ.

ба. Это годъ имѣеть двѣнадцать воротъ. Наша жизнь проходитъ черезъ нихъ.“

Униженные ашики поодиночѣ вышли изъ кофейни, а Бахрамъ-бекъ, гордый побѣдою своего кунака, взялъ его за руку и отправился домой.

Хорошо устроился Керибъ въ Тифлисъ. Собравъ въ короткое время пѣніемъ въ кофейнѣ порядочную сумму, онъ купилъ маленький домикъ близъ дома Бахрамъ-бека и жилъ съ матерью и сестрою независимо. Бахрамъ-бекъ всячески помогалъ имъ. Нерѣдко онъ устраивалъ у себя вечера, на которыхъ Керибъ улаждалъ слухъ его гостей своимъ пѣніемъ. Тогда Шахъ-Санамъ, сидя за занавѣскою, слушала Кероба. Да и въ другое время Бахрамъ-бекъ не стѣснялъ свою дочь. За домомъ у него былъ садъ, куда часто ходила Шахъ-Санамъ съ служанкою Агджа-Кизъ и куда приглашала она Кероба. Сидя гдѣ нибудь, въ скрытомъ мѣстѣ, Керибъ пѣлъ ей любовныя пѣсни, а служанка сторожила, чтобы никто ихъ не увидалъ.

Бахрамъ-бекъ зналъ объ этихъ свиданіяхъ, но ему и въ голову не приходило, чтобы дочь его, невѣста богатаго и знатнаго Шахъ-Веледа, могла полюбить безпріютнаго скитальца-пѣвца, и что Керибъ, который всецѣло обязанъ ему своимъ благосостояніемъ, можетъ имѣть въ мысли что-нибудь подобное.

Но онъ не зналъ, что въ книгѣ судебъ написано, что его дочь и пѣвецъ изъ Тавриза полюбятъ другъ друга, и что способствовать этому будетъ онъ самъ. Такъ и исполнилось предопредѣленіе судьбы: Шахъ-Санамъ и Керибъ до того предали другъ другу, что позабыли все остальное на свѣтѣ. Она вѣчно думала о немъ, и если случалось день не увидѣть его, то считала себя несчастною. А онъ вездѣ воспѣвалъ только ее одну подъ разными вымышленными именами. Она этимъ не довольствовалась и стала уговаривать Кероба, чтобы

онъ просилъ ея руки у отца, иначе, говорила она, её скоро, можетъ быть, выдадутъ за другого.

Керибъ сталъ просить свою мать, чтобы она отправилась къ Бахрамъ-беу и засватала его дочь за него. Мать сначала ужаснулась этого.

— „Какъ это я могу сказать Бахрамъ-беу, чтобы онъ выдалъ свою дочь за моего сына?“ возразила она Керибу, „за такія слова онъ прикажетъ слугамъ вытолкать меня въ шею изъ комнаты. А онъ такъ милостивъ былъ до сихъ поръ къ намъ... Намъ нужно дорожить его расположеніемъ.“

Сынъ сталъ убѣждать мать, что Бахрамъ-бекъ давно знаетъ объ ихъ взаимной любви, и что онъ сватовствомъ этимъ нисколько не обидится. Матери ничего не оставалось, какъ уступить просьбѣ сына, и на другой день она отправилась къ Бахрамъ-беу. Тотъ, не желая огорчать Кериба своимъ отказомъ, согласился выдать за него дочь, но съ условіемъ, чтобы онъ далъ 1000 тумановъ калыму. Онъ былъ убѣжденъ, что Керибъ не въ состояніи будетъ дать требуемую сумму и откажется отъ своего намѣренія. Узнавъ о такомъ отвѣтѣ Бахрамъ-бека, Керибъ рѣшился отправиться на чужбину и заработать требуемую сумму. Сталъ онъ собираться въ дорогу и такъ пѣлъ на прощанье:

Пѣсня 22.

„О розолицая мать, которой въ жертву обрекъ я себя! Отправляюсь я на чужбину и проведу тамъ нѣкоторое время. Любовь въ одной красавицѣ у меня въ головѣ. Отправляюсь я на чужбину и проведу тамъ нѣкоторое время.“

Мать:

Пѣсня 23.

„Сынъ, ты пронзилъ мое сердце. Отправляясь на чужбину, не заставляй меня плакать! Ты лишилъ голову мою ума. Отправляясь на чужбину, не заставляй меня плакать!“

Сынъ:

Пѣсня 24.

„Будь милостива, мать, отпусти меня! Я поручаю тебя Господу. А гдѣ же сестра Шахрабана? Отправлюсь я на чужбину и проведу тамъ нѣкоторое время.“

Мать:

Пѣсня 25.

„Сынъ, да помилуетъ тебя Господь! Горе отъ разлуки съ тобою поразить (проколетъ) мое сердце. Обожди немного, пусть придетъ сестра. Отправляясь на чужбину, не заставляй меня плавать!“

Пришла сестра и заплѣла:

Пѣсня 26.

„Да буду твоею жертвою, розолицый братъ! Отправляясь на чужбину, не заставляй насъ плавать! Если ты отправишься, то упадетъ на мою голову камень. Отправляясь на чужбину, не заставляй насъ плавать.“

Керибъ—сестрѣ:

Пѣсня 27.

„Не горюй, сестра, свѣтъ очей моихъ! Да здравствуетъ теремъ Шахъ-Санамъ! Ты наполнила сердце мое горечью. Я отправлюсь на чужбину и проведу тамъ нѣкоторое время“.

Керибъ простился съ ними и, отдавая имъ свой саазъ, сказалъ: „Берегите это мое сокровище: если хоть одна его струна порвется, то вѣдайте, что меня нѣтъ въ живыхъ“.

Пришелъ онъ оттуда прямо въ садъ Бахрамъ-бега проститься съ Шахъ-Санамъ. Долго онъ ждалъ ея тамъ и въ ожиданіи ея задремалъ. Въ это время проходила мимо Агджа-Кизъ; она тайно любила Кериба и, увидѣвъ его спящимъ, подошла къ нему и тихо стала пѣть:

Пѣсня 28.

„Съ вершины высокихъ горъ пришелъ олень. Охотникъ,

охотникъ, проснись! Пришелъ олень четырнадцати лѣтъ. Охотникъ, проснись!

Обходи, о кшарись, обходи!(?) Нѣтъ неправды въ словахъ, моихъ. О голубоглазый, отнимающій мою жизнь! Проснись, охотникъ,—пришелъ олень.

Агджа-Кизъ знаетъ секретъ. Разстегни пуговицы груди моей и соси сахаръ моихъ губъ. Проснись, охотникъ,—пришелъ олень “.

Керибъ въ просоньяхъ, думая, что это такъ сладко по его возлюбленной, бросился въ объятія Агджа-Кизъ. Та была рада этому и крѣпко обняла его. Но въ тотъ же моментъ вышла изъ-за вуста Шахъ-Санамъ и, видя ихъ въ такомъ положеніи, чуть не потеряла чувства; она присѣла на травицу и стала проливать горькія слезы. Какъ ни оправдывался Керибъ, она не могла разубѣдиться въ его измѣнѣ. Началъ Керибъ пѣть:

Пѣсня 29.

„Обернись ко мнѣ, чтобы я увидѣлъ твое лицо, возлюбленная! Иду... Можетъ быть, больше не вернусь... Полюбуйся въ Румъ (въ Турціи) красавицу красивѣе тебя,—остану тамъ... Можетъ быть, больше не приду...

Мила родина каждому молодцу. Не осуждаютъ продающаго у воротъ своей возлюбленной. Въмѣсто розы, обнимаю я колючій кустарникъ. Можетъ быть, больше не приду...

Далеко бросила судьба жребій (камень) Кериба и пролила горькія слезы изъ его глазъ. Можетъ быть, на смертный одр положу голову... Можетъ быть, умру и больше не вернусь!

Не вытерпѣла Шахъ-Санамъ и бросилась въ объятія Кериба, говоря: „На кого же ты оставляешь меня?!“

— „Что дѣлать? отецъ твой требуетъ 1000 тумановъ калыма; гдѣ найти мнѣ такую сумму?“—отвѣчалъ Керибъ: „я долженъ ее заработать въ далекихъ странахъ“.

— „Я уговорю отца сыграть нашу свадьбу“, сказала Шахъ-Санамъ.

— „Нѣтъ, не могу согласиться на это!“—отвѣчалъ Керибъ— „Кто знаетъ?! Можетъ быть, ты послѣ будешь упрекать меня въ томъ, что я вступилъ въ твой домъ, какъ нищій. Я далъ себѣ обѣтъ семь лѣтъ странствовать по свѣту и заработать требуемый калымъ. Если ты согласна на это, дай клятву, что семь лѣтъ будешь ждать меня. Если къ назначенному сроку я вернусь, тогда ты будешь моею, а если нѣтъ, то ты свободна.“

Они оба поклонились въ вѣрности и стали прощаться. Такъ запѣла она на прощанье:

Пѣсня 30.

„О мой Керибъ, которому въ жертву обрекла я себя и жертвою котораго стала я, отправляйся и возвратись благополучно! О мой Керибъ, въ огнѣ котораго сгорѣла и изжарилась я, отправляйся и возвратись благополучно!“

Керибъ:

Пѣсня 31.

„Если Господь продлитъ мою жизнь,—не плачь, возлюбленная!—я приду. Если предназначенный мнѣ смертный часъ повременить,—не плачь, возлюбленная!—я приду.“

Шахъ Санамъ:

Пѣсня 32.

„Чужеземецъ *) проживаетъ на чужбинѣ. Дикій олень остается на поляхъ. Ты уходишь, а я буду нетерпѣливо ждать тебя. Отправляйся, мой Керибъ, и возвратись благополучно!“

Керибъ:

Пѣсня 33.

„Керибъ говоритъ: плохо мое положеніе! Вершины вы-

*) Значеніе имени Керибъ.

сокихъ горъ туманны. Но эта разлука назначена Господомъ. Не плачь, возлюбленная, я опять приду!”

Шахъ Санамъ:

Письма 34.

„Я, Шахъ Санамъ, такъ проведу весну: посилю, какъ шашлыкъ, свою печень. До смерти буду ждать тебя. Отправляйся, мой Керибъ, и возвратись благополучно!”

Обмѣнявшись кольцами, они обнялись и разстались. Керибъ пустился въ дорогу и, послѣ долгихъ странствованій, прибылъ въ Эрзерумъ. Зашелъ онъ тамъ въ одну кофейню и такъ воспѣлъ Эрзерумъ:

Письма 35.

„Слушайте, господа! По свѣту говорится про достоинства Эрзерума. Между семью частями свѣта *) онъ не имѣетъ себѣ равнаго. По всему свѣту рассказывается про его достоинства. Очень пріятенъ его климатъ. Вокругъ него раздается пѣніе соловьевъ; охраняютъ его молитвы аранларовъ. Окрестности Эрзерума похожи на рай.

Я, чужеземецъ, прибылъ въ эту страну... Плохо чужеземцу, когда заболѣетъ онъ! Хорошо, когда поетъ залетный соловей! Вокругъ Эрзерума есть цвѣтники”.

Мало вознаградили негостепріимные эрзерумцы залетнаго соловья, и онъ отправился далѣе. Прибылъ Керибъ въ Алеппо. Зашелъ тутъ онъ въ одну кофейню, но уже не какъ пѣвецъ, а какъ простой посѣтитель, и потребовалъ себѣ кофе. Выпивъ свою чашку, онъ опустилъ туда золотую монету. Содержатель кофейни, Деде-оглы, такъ обрадовался этому, что предложилъ

*) Мусульманскіе географы старій свѣтъ раздѣляютъ на семь населенныхъ частей. Къ первой части относятъ земли отъ экватора до Судана, ко 2-ой—отъ Судана до Египта, къ 3-ей—отъ Египта до Сиріи, къ 4-ей—отъ Сиріи до южныхъ береговъ Чернаго моря, къ 5-ой—отъ южныхъ береговъ Чернаго моря до сѣверныхъ его береговъ, къ 6-ой—Россію, а къ 7-ой—сѣверный полюсъ.

ему вступить съ нимъ въ товарищество. Керибъ согласился и далъ ему денегъ для приобрѣтенія кофе и сахару. Когда вечеромъ Деде-оглы отправился домой *), а онъ остался въ кофейнѣ ночевать, то принялся, съ помощью прислуги, приводить кофейню въ порядокъ. Пришелъ утромъ Деде-оглы и не повѣрилъ своимъ глазамъ: кофейня была такъ убрана, что не уступала первостепеннымъ кофейнямъ города. Собрались и обыкновенные посѣтители ея, разные ремесленники, выпить свой утренній кофе. Керибъ взялъ тогда саазъ и запѣлъ:

Письма 36.

„Вскипѣло бурное сердце мое, и я пришелъ къ тебѣ, городъ Алеппо! Оставилъ я родину и пришелъ къ тебѣ, городъ Алеппо!

Я разстался съ своею не распустившеюся розою, съ сладкорѣзчивою, голубоглазую, сердце-похищающею возлюбленною и пришелъ къ тебѣ, городъ Алеппо!

Керибъ рассказываетъ свое горе сначала. Онъ проситъ васъ пособить горю его... Потерплю все, что предопредѣлитъ Господь... Я пришелъ къ тебѣ, городъ Алеппо.“

Пока онъ пѣлъ, проходившіе мимо, слыша чудный голосъ его, заходили въ кофейню,—многимъ изъ посѣтителей даже не хватило мѣста.

Дѣла кофейни Деде-оглы пошли прекрасно: всякій спѣшилъ туда напиться кофе и послушать пріѣзжаго пѣвца, такъ что въ скоромъ времени она затмила первостепенныя кофейни города.

Зашли однажды туда собиратели „хараджа“ (подать), посланные мѣстнымъ пашою. Имъ очень понравилось гѣвнѣ Кероба, и, будучи у паши, они сообщили его ашикамъ, что въ кофейню Деде-оглы прибылъ таковой ашикъ, который всѣхъ ихъ

*) По всему Востоку съ наступленіемъ вечера запираются всѣ лавки и увеселительныя мѣста.

затенеть за пояс. Тѣ обидѣлись этими словами и пришли въ кофейню Деде-оглы на состязаніе. Одинъ изъ нихъ взялъ саазъ и началъ слѣдующую пѣсню:

Пѣсня 37.

„Какъ вступилъ ты на эту арену?! На этой аренѣ надо имѣть и свое убѣжденіе, и свое направленіе (путь). Я такой соволь, что схвачу тебя въ когти. Провоидеть между нами насиліе и драка.“

Керибъ на это отвѣтилъ такъ:

Пѣсня 38.

„Учитель мой! имѣя эгоистическія побужденія, не вступай въ состязаніе: кто эгоистиченъ, тотъ, напоследокъ, погибнетъ. Искусство ашика тоньше волоска; кто высвободится изъ него, тотъ есть (истинный) мужъ.“

Ашикъ:

Пѣсня 39.

„Какъ море, пришелъ ты въ кипѣніе. Какія у тебя думы и убѣжденія? Въ этомъ огнѣ сгорятъ ноги твои, многоболтающій языкъ, наконецъ, замолчить.“

Керибъ:

Пѣсня 40.

„О мой учитель! если ты совершенный, то сядь на свое мѣсто. Если ты огорчишься этимъ, то огнемъ набью твою кожу. Если ты ашикъ, то не презирай своего шейха. Ашикъ, презирающій своего шейха, наконецъ, погибнетъ.“

Ашикъ:

Пѣсня 41.

„Изъ рукъ аранларовъ выпилъ я чашу и переправился черезъ мутныя рѣки. Выступая на поприще ашика, я отрекъся отъ жизни. У ашиковъ иное призваніе.“

Керибъ:

Пѣсня 42.

„Я, Керибъ, не сойду съ истиннаго пути. Недостойныхъ словъ не произношу я изъ усть. Если бы вы были птицами, и тогда вы не ушли бы изъ моихъ рукъ. Кто высвободится изъ моихъ рукъ, тотъ—ашикъ истинный.“

Ашикъ положилъ свой саазъ на землю въ знакъ того, что онъ больше не намѣренъ состязаться. Но Керибъ сказалъ:

— „Теперь очередь за мною: до сихъ поръ вы начинали, а я отвѣчалъ, теперь же начну я, а вы отвѣчайте.“

Керибъ взялъ саазъ и началъ:

Пѣсня 43.

„Слушайте господа!—спрашиваю васъ: кто былъ первымъ ашикомъ? Небывалыя дѣла сотворю надъ вашими головами. Кто-такой былъ свободенъ отъ горя? Знаете ли вы, что составляетъ начало знанія? Чѣмъ осушаютъ слезы? Кто-такой отрѣзываетъ свою голову? Кто знаетъ все это, тотъ—ашикъ. Керибъ предложилъ вамъ свои вопросы. Онъ получилъ свое совершенство отъ Бога. Богъ создалъ міръ, а отъ чего міръ сталъ благоустроеннымъ?“

Никто изъ ашиковъ не рѣшился отвѣчать Керибу. Тогда онъ самъ далъ слѣдующій отвѣтъ на свои вопросы:

Пѣсня 44.

„Слушайте вы, учителя! Вотъ отвѣты на мои вопросы: первымъ ашикомъ была Зулейха *). Слушайте меня,—не стыдитесь! Это Адамъ въ раю былъ свободенъ отъ горя. Начало знанія есть терпѣніе. Слезы осушаютъ вѣрою въ предопредѣленіе.

*) Зулейха—жена казначейскаго того фараона, которому былъ проданъ Иосифъ. Она была влюблена въ Иосифа и добивалась его взаимности. Объ этомъ подробно разсказано въ Коранѣ (глава XII).

Свою голову отрѣзываетъ облаво (оно само собою уничтожается). Кто знаетъ все это, тотъ ашикъ-учитель. Ашикъ Керибъ разрѣшилъ свои вопросы. Переправившись чрезъ море любви, онъ достигъ своего совершенства. Богъ создалъ міръ, а благоустроеннымъ міръ сталъ отъ знанія и скромности.“

Униженные ашики, по наущенію сосѣднихъ содержателей кофеенъ, пожаловались на Керибъ пашѣ. Папа потребовалъ его къ отвѣту.

— „Великій папа!“—сказалъ ему Керибъ— „я не виновать, что побѣдилъ твоихъ ашиковъ: они сами вызвали меня на состязаніе.“

Папа спросилъ о его родинѣ и, узнавъ, что онъ изъ Тавриза, приказалъ ему воспѣть свою родину. Керибъ началъ:

Пѣсня 45.

„Слушайте господа! расскажу вамъ... Несчастно-запутаннымъ стало дѣло Тавриза. Видѣлъ я, какъ съ неба падали огни, горѣли горы и камни Тавриза.

Вокругъ Тавриза есть сильныя укрѣпленія. Собрано туда войско для сраженія. Однихъ плѣнили, а другихъ обратили въ рабство. Видѣнъ былъ черный сонъ для Тавриза!

Ашикъ-Керибъ охаетъ да горюетъ. Свѣтъ не видалъ еще такого сраженія. Ванскій бекъ и гиланскій шахъ повончили съ Тавризомъ.“

Пѣніе Керибъ понравилось пашѣ; онъ спросилъ, есть ли у него возлюбленная. На это Керибъ отвѣтилъ пѣсней:

Пѣсня 46.

„Съ надеждою пошелъ я на чужбину. Плачу я и горюю и нѣтъ у меня никого. Жалко скитался я изъ страны въ страну. Плачу я и горюю, и нѣтъ у меня никого.

Въ молодые годы оставилъ я родину. Физически сдѣлалъ-

ся я очень слабъ. Мѣстомъ жительства мнѣ теперь стало Алеппо. Плачу я и горюю, и нѣтъ у меня никого.

Ашикъ Керибъ пусть жалостно поетъ. Пусть онъ обмѣряетъ море любви. Пусть сдѣлаетъ Господь твою власть вѣчною. Плачу я и горюю, и нѣтъ у меня никого.“

Паша предложилъ Керибу вступить въ число его ашиковъ. Но онъ отказался отъ такой чести, говоря:

— „Великій паша! я вступилъ въ товарищество съ Дедеоглы; если угодно будетъ твоей милости, я могу услаждать твой слухъ своимъ пѣніемъ по ночамъ, а днемъ буду пѣть въ кофейнѣ.“

Паша согласился на это. Счастливо сталъ жить Керибъ въ городѣ Алеппо; много денегъ получалъ онъ за свое пѣніе; много доходу приносила ему кофейня; хорошо дарили Кериба паша и его приближенные, когда ему случалось пѣть у паши.

Случилось и Шахъ-Веледу въ это время, по торговымъ дѣламъ, побывать въ Алеппо. Зашелъ онъ въ кофейню Дедеоглы и Керибъ попросилъ его взять отъ него письмо къ его роднымъ. Онъ согласился; но дорогою полюбопытствовалъ узнать, что пишетъ Керибъ своимъ роднымъ, и, распечатавъ письмо, прочиталъ. Въ письмѣ своемъ Керибъ посылалъ свои привѣтствія Шахъ-Санамъ и общалъ въ скоромъ времени возвратиться и сыграть, съ Божіею помощію, свою свадьбу съ ней. Шахъ-Веледъ пришелъ въ ярость, узнавъ все это; онъ разорвалъ письмо и поклялся разрушить планы Кериба. Вотъ-что онъ выдумалъ: былъ у него слуга Кель-огланъ; Шахъ-Веледъ поручилъ ему убить зайца и въ крови послѣдняго омочить одну рубаху, а, пріѣхавъ въ Тифлисъ, рассказать матери Кериба, что сына ея убили дорогою разбойники, и въ доказательство показать окровавленную рубаху. Преданный слуга въ точности исполнилъ приказаніе своего господина. Получивъ извѣстіе о смерти сына, бѣдная Хани горько заплакала, взя-

ла дочь и пошла сообщить это Шахъ-Санамъ. Такъ заплѣла она, придя къ ней:

Пѣсня 47.

„О розолицая Санамъ, въ жертву которой обрекла я себя! Плачь, Санамъ!—Умеръ Керибъ, больше не придетъ... Керибъ, надъ горемъ котораго дни и ночи горѣла я, умеръ, больше не придетъ...“

Въ отвѣтъ на это Шахъ-Санамъ заплѣла:

Пѣсня 48.

„Да буду твоею жертвою, старуха-мать! Какъ не плакать мнѣ?—не придетъ мой Керибъ! Камни упали на мою голову. Какъ не плакать мнѣ?—не придетъ Керибъ!“

Шахъ-Санамъ позвала къ себѣ Кель-оглана, чтобы разспросить подробно о смерти Керива. Тотъ разсказалъ ей, что велѣлъ ему Шахъ-Веледъ.

— „Нѣтъ не вѣрю“, сказала она, „это все выдумки враговъ; Керибъ не умеръ; я буду ждать его до истеченія назначеннаго срока. Если же ты лжешь,“ обратилась она къ Кель-оглану, „то молю Господа,—пусть Онъ поразить тебя.“ Проклятый ею Кель-огланъ упалъ на землю мертвымъ, и она увѣрилась, что Керибъ живъ и придетъ въ назначенный срокъ. Но Хани не успокоилась этимъ и продолжала безутѣшно горевать и плавать по сынѣ, такъ что скоро лишилась зрѣнiя.

Тѣмъ временемъ Бахрамъ-бекъ принуждалъ дочь выйти за Шахъ-Веледа. И свадьба назначена была черезъ три мѣсяца. Однажды пришла Шахъ-Санамъ къ Хани и взяла ее и Шахрабану съ собою: онѣ отправились къ городскимъ воротамъ разспрашивать проѣзжихъ о Керибѣ. Проходить въ это время караванъ. Хани подошла къ вожаку каравана, чтобы спросить о сынѣ. Тотъ, принявъ ее за нищую, подаль-было милостыню. Но она отказалась и заплѣла:

Пѣсня 49.

„Есть у меня одно слово къ господамъ. Я лишилась зрѣнія, плача о сынѣ. Пусть я буду жертвою тѣхъ, которые дадутъ мнѣ извѣстіе о немъ. Я лишилась зрѣнія, плача о сынѣ.

Одинъ богъ мой прилипъ къ камню. Воротники рубахъ не выносятъ моихъ слезъ. Глаза не видятъ, чтобы я отправилась на дорогу (разспрашивать о сынѣ). Я лишилась зрѣнія, оплакивая сына.

Я, горестная Хани, плачу день и ночь. Спрашиваю, — нѣтъ ли у васъ вѣсти о сынѣ. На что мнѣ послѣ него свѣтъ? Я лишилась зрѣнія, оплакивая сына.“

Въ отвѣтъ ей вожакъ пропѣлъ:

Пѣсня 50.

„Мать! имя мое ходжа-Ахмедъ. При видѣ тебя, до неба дошло воззваніе мое. Я ошибся, принявъ тебя за нищую. Скажи примѣты, — отыщу твоего сына и отправлю къ тебѣ.“

Хани:

Пѣсня 51.

„Что мнѣ сказать?! Много у меня горя! Девять мѣсяцевъ я хранила его въ утробѣ... Мнѣ жаль, что теперь потеряла его. Я лишилась зрѣнія, оплакивая сына.“

Купецъ:

Пѣсня 52.

„Если нужно будетъ, я выкуплю его. Подарю ему чистокровную лошадь. Назови мнѣ его имя, — я найду его и отправлю къ тебѣ.“

Хани:

Пѣсня 53.

„Судьба ударила въ мою голову камнемъ. Не видишь ли ты льющихся изъ глазъ моихъ слезъ? Пала на мою голову разлука съ Керибомъ. Я лишилась зрѣнія, оплакивая сына.“

Купецъ:

Пѣсня 54.

„Навьючивъ караванъ, отправлюсь я отсюда. Вокругъ свѣта обойду. О мать-душа моя! даю обѣщаніе, что отыщу твоего сына и отправлю къ тебѣ.“

Подошла къ вупцу Шахрабана и запѣла:

Пѣсня 55.

„О господинъ! вотъ просьба моя: давно жду я брата-свѣта очей моихъ. Онъ скиталець. Скажи брату,— пусть придетъ.“

Купецъ:

Пѣсня 56.

„Никто не знаетъ (размѣровъ) состоянія моего. Истрачу я все, что есть въ кошелькѣ моемъ; если не хватитъ,— продамъ и свои товары. Отыщу и отправлю Керибу.“

Подошла Шахъ-Санамъ и запѣла:

Пѣсня 57.

„Откуда прибылъ ты, глава купцовъ! Какими товарами торгуешь? Пропликала я горькія слезы изъ глазъ. Скажи Керибу, пусть придетъ.“

Купецъ:

Пѣсня 58.

„Если спрашиваешь о моемъ прибытіи, то я прибылъ изъ Тавризской провинціи. Занимаюсь я продажей свѣтскихъ (?) товаровъ. Не проливай горькихъ слезъ изъ глазъ,— скажу Керибу, чтобы онъ пришелъ.“

Купецъ спросилъ ее, чѣмъ приходится ей Керибъ, и, узнавъ, что онъ ея возлюбленный, запѣлъ:

Пѣсня 59.

„Есть у меня сынъ: позволь,— жени его на тебѣ. Для

чего тебѣ разспрашивать о пропавшемъ безъ вѣсти?! Сыграю для тебя прекрасную свадьбу. Для чего тебѣ разспрашивать о пропавшемъ безъ вѣсти?!

Шахъ-Санамъ:

Пѣсня 60.

„Ты не понимаешь словъ своихъ, глава купцовъ! Изъ-за него проливала я горькія слезы. На мою голову упалъ камень разлуки. Скажи моему Керibu, — пусть придетъ.“

Купецъ:

Пѣсня 61.

„Сяду я на лошадь и отправлюсь въ дорогу. Послѣ того, какъ я услышалъ слова твои, до неба дошелъ вопль мой. Я пошутилъ, — нѣтъ у меня вовсе дѣтей. Скажу Керibu, — пусть придетъ.“

Шахъ-Санамъ:

Пѣсня 62.

„Сядь на лошадь и отправляйся въ дорогу! Ради Бога успокой разбитое мое сердце! Въ Алеппо ли, въ Египтѣ ли найдешь ты его: скажи моему Керibu, — пусть придетъ.“

Купецъ:

Пѣсня 63.

„Дочь моя! Имя мое ходжа-Ахмедъ. Все, что имѣю, продамъ ради него. Дамъ ему свою чистокровную лошадь. Скажу Керibu, чтобы онъ пришелъ.“

Шахъ-Санамъ:

Пѣсня 64.

„Скажи Керibu, что его розу рвутъ, рвутъ и разсыпаютъ на груди: Шахъ-Санамъ выдаютъ за Шахъ-Веледа. Скажи Керibu моему, — пусть придетъ.“

— „Повѣрь мнѣ,“ сказалъ, напоследокъ, купецъ, „во чтобы ни стало, я отыщу Керibu.“

— „Вотъ тебѣ кольцо“, сказала Шахъ-Санамъ, „куда

ни прїѣдешь, опусти его въ чашу и раздавай въ ней шербетъ: кто назоветъ себя хозяиномъ кольца, тотъ—Керибъ”.

И Шахъ-Санамъ подала ему прощальное кольцо Кериба. Купецъ, навьючивъ свой караванъ, отправился далѣе. Побывалъ онъ во многихъ городахъ Персїи и Турціи и вездѣ угощалъ народъ шербетомъ; но нигдѣ никто не называлъ себя хозяиномъ кольца. Прибылъ онъ, наконецъ, въ Алеппо. И здѣсь ему не посчастливилось найти Кериба. Распродалъ онъ весь свой товаръ и готовъ былъ оставить этотъ городъ. Но разъ проходилъ онъ по одной улицѣ и увидѣлъ, что играютъ нѣсколько мальчиковъ, и одинъ, помоложе всѣхъ, выбранъ въ предводители. Купецъ удивился этому. Маленькій предводитель замѣтилъ ему:

— „Умъ не въ лѣтахъ, а въ головѣ. Вотъ и ашикъ Керибъ молодой еще человекъ, а побѣдилъ многихъ старыхъ ашиковъ.”

— „Вотъ тебѣ деньги!” сказалъ ему Ахмедъ—„укажи мнѣ ашикъ-Кериба”.

Мальчикъ привелъ его въ кофейню Деде-оглы и указалъ Кериба. Чтобы убѣдиться, что это тотъ самый Керибъ, котораго онъ ищетъ, Ахмедъ и здѣсь сталъ угощать всѣхъ шербетомъ. Когда онъ поднесъ чашку Керибу, послѣдній тотчасъ узналъ свое кольцо, подаренное имъ на прощанье Шахъ-Санамъ, и понялъ, что возлюбленная разыскиваетъ его. Взялъ онъ изъ чаши кольцо и такъ запѣлъ купцу:

Пѣсня 65.

„О розолицый ходжа (купецъ), которому въ жертву обрекъ я себя! О ходжа-душа моя, гдѣ видѣлъ ты Санамъ? Ни день мнѣ день, ни ночь мнѣ ночь. О ходжа, гдѣ ты видѣлъ Санамъ?”

Купецъ:

Пѣсня 66.

„По разпросамъ я нашелъ тебя. Встань и отправляйся

на родину. Я успокоилъ сердце,—строилъ каабу *). Встань и отправляйся на родину!

Керибъ:

Письма 67.

„Въ груди моей есть разные раны. Если докторъ не поможетъ, то болѣзни нельзя излѣчить. Возлюбленная моя одѣта была въ красное или въ черное? О ходжа, гдѣ ты видѣлъ Санамъ?

Купецъ:

Письма 68.

„Тебя разыскиваютъ, какъ безъ вѣсти пропавшаго. Считая умершимъ, спрашиваютъ о тебѣ всякаго проѣзжаго. Мать и сестра твои и Санамъ одѣты были въ черное. Встань и отправляйся на родину!“

Керибъ:

Письма 69.

„Въ нашей сторонѣ весна или лѣто? Въ небѣ летаютъ журавли или гуси? Дѣвицею или невѣстою была Шахъ-Санамъ? О ходжа, гдѣ ты видѣлъ Санамъ?

Купецъ:

Письма 70.

„Когда ѣхалъ я, въ вашей сторонѣ было лѣто. Въ небѣ летали не журавли, а гуси. Не невѣстою, а дѣвицею была Санамъ. Встань и отправляйся на родину!“

Купецъ:

Письма 71.

„Какъ вступилъ ты въ тифлисскіе сады?—посмотрѣлъ-ли ты тамъ направо и налево? Теперь Керибъ отправится въ дорогу, къ возлюбленной. О ходжа, гдѣ ты видѣлъ Санамъ?“

*) Успокоить чье-либо сердце между мусульманами считается такимъ же священнымъ дѣломъ, какъ строить каабу.

Купецъ:

Пѣсня 72.

„Я ходжа-Ахмедъ не вступалъ въ тифлисскіе сады, не смотрѣлъ направо и налѣво. Мать твоя лишилась зрѣнія, плача о сынѣ. Встань и отправляйся на родину!“

— „Когда ѣхалъ я, только три мѣсяца оставалось до свадьбы“, сказалъ, напоследокъ, купецъ, „а теперь остается нѣсколько дней.“

Керибъ сталъ собираться въ дорогу. Много имѣлъ онъ разныхъ дорогихъ матерій, много было имъ собрано подарковъ для невѣсты и родныхъ ея. Всё это передалъ Керибъ Ахмеду, чтобы онъ доставилъ въ Тифлисъ, а самъ наполнилъ хурджинъ золотыми монетами и пошелъ проститься съ пашою. Такъ запѣлъ онъ, стоя предъ нимъ:

Пѣсня 73.

„Смилуйся, паша! Возлюбленная моя требуетъ, чтобы я пріѣхалъ. Будь милостивъ и сострадателенъ къ моему горю! Возлюбленная моя требуетъ, чтобы я пріѣхалъ.“

Опять настала весна и прилетѣли журавли. Подъ тяжестью горя разорвалась моя печень. Я получилъ отъ Шахъ-Санамъ увѣдомленіе. Возлюбленная моя наказала мнѣ пріѣхать.

Керибъ рассказываетъ свое горе отъ сердца. Проситъ онъ отъ васъ помощи въ его горѣ. Я лишаюсь своей возлюбленной. Возлюбленная моя наказала мнѣ пріѣхать.“

— „А ты увѣрялъ меня, что у тебя никого нѣтъ. Теперь оказывается, что есть и возлюбленная!..“ закричалъ на него паша: „За такой обманъ я посажу тебя въ темницу.“

— „Твоя на то воля, великій паша!“ отвѣтилъ Керибъ, „но благоволи еще разъ послушать меня.“

— „Хорошо: спой!“ сказалъ паша.

Началь Керибъ:

Письма 74.

„Я приношу (имѣю) жалобу на невѣдчивую судьбу. Судьба стала моимъ врагомъ, и потому плачу я. Боюсь, что не увижу возлюбленной. Затерялся я по свѣту, потому и плачу я.

Страна наша гористая, разрушенная (?). Всякое жеманіе даетъ намъ всемогущій Господь. Теперь на дорогахъ зима и бурань. Я жажду видѣть родину, потому и плачу я!

Кто истинный мужъ, тотъ скроетъ свою тайну, посолить печень свою, какъ шашлыкъ, рѣчь любви сохранить въ сердцѣ. Раскаиваясь въ приходѣ своемъ (сюда), я плачу.“

Смягчился паша, вознаградилъ его деньгами и подарилъ чистокровную лошадь. Керибъ поцѣловалъ руку паша, пришелъ въ кофейню, простился со всѣми и пустился въ дорогу. Выйдя изъ города, ударилъ онъ коня по бедрамъ. Рванулся конь, какъ бѣшеный. Но ему показалось этого мало, — онъ ударилъ коня еще разъ. Конь напрягъ всю свою силу и скакалъ, какъ вѣтеръ. Ударилъ Керибъ коня въ третій разъ. Наконецъ, у коня не стало силы, и онъ упалъ на землю бездыханнымъ. Керибъ остался пѣшъ, взял хурджинъ на плечи и пошелъ своей дорогой. Пришелъ онъ на берегъ рѣки и видитъ, что не можетъ переправиться; онъ взялъ саазъ и запѣлъ:

Письма 75.

„Отъ чистаго сердца призываю тебя, о чистѣйшій изъ царей! Яви меня Ты на родину! О печать пророковъ, господнигъ своихъ послѣдователей! Я скиталець въ чужой землѣ, — яви меня Ты на родину!

Обступили меня съ одной стороны гора, а съ другой туманъ. Я остался нѣмъ, въ самомъ дурномъ положеніи. Приди мнѣ на помощь, о хранящій Хидиръ-Ильясъ! Я, Керибъ, говорю и о бѣломъ, и о черномъ. Да выручить меня изъ этой

бѣды Господь, Создатель 18000 мировъ. Я скиталець въ чужой землѣ,—яви меня ты на родину!^а

Стоялъ онъ нѣкоторое время въ ожиданіи помощи, но, не видя ея, готовился броситься въ рѣку, какъ вдругъ увидѣлъ онъ человѣка, который ѣхалъ на бѣломъ конѣ и сказалъ ему:

— «Огланъ (юноша), что ты хочешь дѣлать?» *)—«Хочу умереть», отвѣчалъ ашикъ.—«Слѣзай же сюда, если такъ; я тебя убью.» Ашикъ спустился кое-какъ съ утѣса.—«Ступай за мною», сказалъ грозно всадникъ.—«Какъ я могу за тобою слѣдовать», отвѣчалъ ашикъ: «твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою».—«Правда; повѣсь же свою суму на сѣдло мое и слѣдуй».—«Отсталъ ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать. «Чтожь ты отстаешь?» спросилъ всадникъ.—«Какъ же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣ мысли, а я ужъ измученъ.»—«Правда; садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?»—«Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче», отвѣчалъ ашикъ.—«Закрой же глаза.» Онъ закрылъ.—«Теперь открой». Смотритъ ашикъ: передъ нимъ бѣгаютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума.—«Виновать, ага», сказалъ ашикъ: «я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо въ Карсъ.»—«То-то же!»—отвѣчалъ всадникъ, «я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ: «Виновать ага, трижды виновать твой слуга ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по настоящему надо въ Тифлисъ.»—«Экой ты невѣрный!» сказалъ сердито всадникъ: «но нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза... Теперь открой», прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: «Ага, конечно, благодареніе твое велико; но сдѣлай еще больше: если я теперь буду рассказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ *Аленто* въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ,—дай мнѣ какое-нибудь доказательство.»—«Наклонись»,—сказалъ тотъ, улыбувшись:—«возьми изъ-подъ копыта коня домокъ земли и положи себѣ за пазуху; и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза—и она увидитъ.» Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но толь-

*) Это мѣсто разсказа заимствовано дословно изъ Лермонтовской редакціи этой сказки, такъ послѣдняя вполне тождественна въ этомъ мѣстѣ съ версіею ашика Оруджа.

во онъ поднялъ голову—всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель быть не кто иной какъ Хадер-Ильязъ (Св. Георгій *)).

Только поздно вечеромъ ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучить онъ въ двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори! Я Божій гость, и холоденъ и голоденъ: прошу, ради странствующаго твоего сына,пусти меня.» Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: «Для ночлега есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы; ступай туда! тамъ можешь провести ночь въ удовольствіи.»—«Ана», отвѣчалъ онъ: «я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго своего сына,пусти меня!» Тогда сестра его говоритъ матери:—«Мать, я встану и отворю ему двери.»—«Негодная!» отвѣчала старуха: «ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе.» Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила дверь и впустила ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: «Что виситъ у тебя на стѣнѣ?»—«Любопытный ты гость!» отвѣчала она: «будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустить тебя съ Богомъ.»—«Я ужъ сказалъ тебѣ», возразилъ онъ, «что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что виситъ на стѣнѣ». «Это саазъ, саазъ», отвѣчала сердито старуха, не вѣря ему.—«А что значить саазъ?»—«Саазъ то значить, что на ней играютъ и поютъ пѣсни.» И проситъ ашикъ-Керибъ, чтобы она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему.—«Нельзя», отвѣчаетъ старуха, «это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ ужъ семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ, и ничья живая рука до нея не дотронулась.» Но сестра его встала и сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву: «О всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ такъ же стройна, какъ въ тотъ день, когда въ послѣдній разъ игралъ я на ней!» И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ, и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть:

Пѣсня 76.

„Семь лѣтъ провелъ я весну въ Алеппо. Я Керибъ (чужеземецъ), Керибъ, Керибъ.... Я играю на саазѣ твоего сына. Я Керибъ, и т. д.“

*) Св. Георгій у мусульманъ не Хадиръ-Ильязъ, а Джарджизъ (جرجیس).

Запѣла тогда мать:

Письма 77.

„Много разъ провела я весну этихъ странъ въ ожиданіи Керибѣ. Я дала тебѣ саазъ сына. Придетъ ли и мой Керибъ (чужеземецъ“) *)? ”

Керибъ:

Письма 78.

„О мать! на дорогахъ переправлялся я черезъ многія воды. Въ чужихъ странахъ приобрѣлъ отличную опытность. Слава Богу! теперь я пью родную воду. Я Керибъ,“ и т. д.

Мать:

Письма 79.

„Воды рѣкъ безостановочно текутъ. Печень же моя горитъ въ огнѣ. Бѣдная Шахъ-Санамъ глядитъ все на дорогу... Придетъ ли и мой Керибъ?“

Керибъ:

Письма 80.

„Кто ходитъ въ чужихъ странахъ, тотъ—чужеземецъ. Да поможетъ твоему горю докторъ. Да будетъ удѣломъ для Шахъ-Санамъ увидѣть возлюбленнаго. Я Керибъ,“ и т. д.

Мать:

Письма 81.

„Изъ Тавриза привезла я двухъ дѣтей, привезла и выростила. Одного я потеряла въ этомъ разрушенномъ Тифлисѣ. Придетъ ли и мой Керибъ?“

Керибъ.

Письма 82.

„Имя матери моей Хани (она изъ ханскаго рода), а имя

*) Здѣсь не переводимая игра словъ: Керибъ, называя себя чужеземцемъ, называетъ и свое имя, а мать его въ отношеніи къ играющему гостю даетъ слову смыслъ нарицательнаго имени, а въ отношеніи къ своему сыну—значеніе имени собственнаго.

сестры Шахрабана. Я твой сынъ-Керибъ, узнай меня! Я Керибъ, и т. д.

Мать:

Письма 83.

„Если спросишь имя мое, — я Хани, изъ ханскаго рода. Нѣтъ у меня зрѣнія, чтобы узнать тебя. Какая же я слѣпоудѣльная и злосчастная мать! О, придетъ ли и мой Керибъ?“

Мать все-таки не хотѣла вѣрить, что это ея сынъ; но сестра вполне увѣрилась, что это ея братъ, и принялась-было угощать его всѣмъ, что онѣ имѣли. Но слышались чьи-то шаги на дворѣ. Старуха стала умолять Кериба спрятаться за занавѣскою, чтобы его, играющаго на саазѣ, не увидали и не стали рассказывать въ городѣ про нихъ небывицъ. Керибъ нехотя спрятался за занавѣскою. Въ ту же минуту вошла въ комнату Шахъ-Санамъ въ сопровожденіи Агджа-Кызъ, которая несла на подносѣ пловъ.

— „Матушка! вотъ я принесла тебѣ свадебный пловъ“, обратилась Шахъ-Санамъ къ старухѣ.

— „Да! ты, видно, дала обѣтъ, что выйдешь замужъ и накормишь пловомъ слѣпую мать Кериба!“ сказала съ горькою ироніею старуха.

— „Нѣтъ, милая мать! Клянусь твоимъ Керибомъ, что я не буду ничьею женою; я рѣшилась въ эту ночь покончить съ собою. У меня въ карманѣ хранится ядъ, а подъ платьемъ — бинжалъ. Я пришла въ послѣдній разъ побесѣдовать съ вами,“ отвѣтила Шахъ-Санамъ и сѣла у дверей. Горько вздохнула она и тихо зашѣла:

Письма 84.

„О розолицая мать, въ жертву которой обрекла я себя! Не умирать бы мнѣ, пока придетъ твое дитя! О розолицая мать, въ огнѣ которой изжарилась я! Не умирать бы мнѣ, пока придетъ твое дитя. Я выпью ядъ, свернутый въ тру-

бочку, кинжаломъ распорю свою печень. Скоро я переселюсь съ этого свѣта. О, если бы прибылъ Керибъ, пока я не зарыта въ землю! Я, Шахъ-Санамъ, пероподобны брови мои! Пускай врагъ оттираетъ мои слезы! О если бы прибылъ Керибъ и въ гробу положилъ мою голову на свои колѣни, пока не поставили надгробнаго камня надъ моею могилею“ *)).

Выплававъ свое горе, она вышла изъ комнаты. Тотчасъ, вышедши изъ-за занавѣски, послѣдовалъ за ней Керибъ. Но она уходила такъ быстро, что Керибъ не могъ догнать ее. Чтобы остановить Шахъ-Санамъ, Керибъ заплѣлъ:

Пѣсня 85.

„Уходящая, уходящая, оглянись сюда! Красавица моя Санамъ, зажигающая душу мою огнемъ, оглянись сюда! О, моя красавица Санамъ!

Леталъ по небу селезень... въ какую страму присѣлъ онъ? Когда я уходилъ, глаза ея были мокры. Плачетъ красавица моя Санамъ...

Окутаютъ ли горы туманы? Будутъ ли отерты слезы моихъ глазъ? Знаетъ ли цѣну Керива моя красавица Санамъ?“

Заслышавъ пѣніе и думая, что какой-нибудь несомненный мужчина поетъ для нея, Шахъ-Санамъ еще больше прибавила шагу и скрылась за домами. Керибъ вошелъ въ комнату и преспокойно сѣлъ за пловъ; наѣвшисъ досыта, онъ всталъ и сказалъ:

— „Ну, любезная мать! Я возьму саазъ и отправлюсь на свадьбу, и все, что заработаю, подарю вамъ.“

— „Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не соглашусь отдать тебѣ саазъ моего сына: это единственное сокровище, оставленное мнѣ имъ на память. Если ты убѣдишь съ саазомъ, то кто тебя найдетъ?!“

*) Ср. V вып. „Сборника“ отд. II, стр. 86: пѣсня Санамъ, сообщ. К. Шульгинимъ. Тема таже, какая здѣсь, въ послѣднемъ куплетѣ. Ред.

— „Вотъ тебѣ порукою мой хурджуль: онъ полонъ золотыми монетами“, отвѣтилъ Керибъ.

Старуха оцупала хурджуль и, убѣдившись, что, дѣйствительно, онъ наполненъ монетами, согласилась дать Керибу связь.

— „Теперь, милая сестра, укажи мнѣ домъ, гдѣ играютъ свадьбу,“ обратился онъ къ Шахрабанъ.

И Шахрабана привела его въ домъ Шахъ-Веледа.

Предчувствуя, что Керибъ непременно придетъ въ Тифлисъ въ назначенный срокъ, Шахъ-Веледъ разставилъ у дверей множество сторожей, чтобы они не пропускали никакого чужеземца. Но Керибъ изловчился пробраться въ домъ: выбралъ мѣсто, гдѣ сторожемъ былъ старикъ, ударомъ кулака свалилъ его съ ногъ и прошелъ въ магаръ *).

— „Саламъ алейкумъ!“ оказалъ Керибъ, войдя туда.

— „Алейкумъ азъ-саламъ!“ отвѣчали ему ближайшіе.

Какъ ужаленный вскочилъ Шахъ-Веледъ съ мѣста, увидѣвъ въ магарѣ чужеземца-ашика. Онъ кинулся къ сторожамъ узнать, кто смѣлъ, вопреки его приказанію, пропустить чужеземца. Но дѣлать было нечего: нельзя было выгнать ашика. Шахъ-Веледъ грустный сѣлъ на свое мѣсто. Гости между тѣмъ пристали къ ашику съ требованіемъ, чтобы онъ что-нибудь спѣлъ.

— „Какъ твое имя?“ спросилъ его Шахъ-Веледъ, желая узнать, не Керибъ ли это.

— „Инди-гѣрарсенъ (теперь увидишь),“ отвѣчалъ Керибъ.

— „Какое странное имя,“ сказалъ Шахъ-Веледъ, „въ первый разъ слышу я такое имя.“

— „Когда мать моя была беременна мною и мучилась родами, а сосѣди спрашивали бабу, сына или дочь Богъ ей

*) Магаръ—свадебная палата.

даль,—она отвѣчала: инди гѣрарсэнь. И съ тѣхъ поръ меня зовутъ этимъ именемъ,” разъяснилъ Керибъ.

Но гости требовали его пѣнія, и Керибъ пропѣлъ слѣдующее:

Пѣсня 86.

„Въ прошлую ночь въ Алеппо я пилъ мисирское вино, теперь пріѣхалъ сюда. Дошелъ я до царственнаго всадника и по слѣдамъ его пріѣхалъ сюда.“

— „Какой ты наглый лжець!“ перебилъ его Шахъ-Веледь, „изъ Алеппо сюда трехмѣсячный путь, а ты проѣхалъ его въ день!...“

— „Пусть продолжаетъ“, успокоилъ его Манафъ-бежъ, „дальше увидимъ, что будетъ.“ Ашикъ продолжалъ:

„Оперся я спиною о каменную крѣпость. Всемогущій Богъ такъ хорошо помогъ мнѣ. Рѣка Ефратъ пересѣкала мою дорогу. Переправившись чрезъ нее на бѣломъ конѣ, пріѣхалъ я сюда.“

„Въ Арзерумѣ совершилъ я полуденный намазъ, а въ Карсѣ—намазъ предъ заходомъ солнца; въ вечернему намазу прибылъ я въ Тифлисъ: на конѣ Хидирь-Ильгаса пріѣхалъ я сюда.“

„Вечеромъ пришелъ я въ свой домъ. Не открылъ себя сестрѣ и матери. Кинжаломъ любви ударилъ въ свою грудь. Открывъ разныя раны свои, пріѣхалъ я сюда.“

„Руки аранларовъ поддерживаютъ меня. Знакомые и друзья позабыли меня. Узналъ я, что Санамъ дѣлаетъ невѣстою. Услышавъ въ Алеппо объ ея свадьбѣ, пріѣхалъ я сюда.“

„Бейте въ ладоши, чтобы ашикъ плясалъ... Да буду я жертвою стана и роста (возлюбленной)! Я, Керибъ, пріѣхалъ на свадьбу Шахъ-Санамъ. Отрекся я отъ жизни и пріѣхалъ сюда.“

Шахъ-Санамъ, которая съ подругами сидѣла за занавѣскою, позабывъ стыдъ и скромность, бросилась въ объятія Кероба и упала безъ чувствъ на его колѣни. Разсвирѣпѣвшій

при видѣ этого Шахъ-Веледъ обнажилъ княжалъ и хотѣлъ обоихъ проколоть на мѣстѣ. Но Манафъ-бегъ удержалъ его, говоря:

— „Успокойся! каждый долженъ искать *своей* судьбы. Не тебѣ въ удѣлъ предназначена Шахъ-Санамъ, и ты не долженъ былъ ее принуждать. Поворись своей судьбѣ! Пусть Шахъ-Санамъ выйдетъ за Кероба, а ты найдешь себѣ богатую, красивую невѣсту.“

Шахъ-Веледъ успокоился и сѣлъ на свое мѣсто, а Шахъ-Санамъ, придя въ чувство, скрылась за занавѣскою. Тогда всѣ потребовали отъ Кероба доказательства того, что онъ, дѣйствительно, въ одинъ день на лошади Хидиръ-Ильясъ прибылъ изъ Алеппо въ Тифлисъ.

— „Приведите мнѣ слѣпую, которая семь лѣтъ не видитъ, я ее вылѣчу“, отвѣчалъ имъ Керобъ.

Привели мать Кероба. Онъ досталъ изъ-за пазухи комъ земли, вятый изъ-подъ копыта лошади Хидра, развелъ его водою и помазалъ имъ глаза матери, говоря:

— „Знайте, какъ милостивъ Хидиръ-Ильясъ въ ашикамъ.“

Въ ту же минуту старуха прозрѣла. Всѣ повѣрили Керобу, и, на радостяхъ, онъ сказалъ Шахъ-Веледу:

— „Сестра моя не хуже Шахъ-Санамъ, а приданого за нею будетъ еще больше. Если хочешь, сыграемъ въ эту же ночь твою свадьбу съ нею.“

Шахъ-Веледъ согласился. Сыграли ихъ свадьбу и приступили къ свадьбѣ Кероба, которая продолжалась сорокъ дней и сорокъ ночей. Къ концу свадьбы прибылъ въ Тифлисъ и ходжа-Ахмедъ со своимъ караваномъ. Керобъ, раздавая друзьямъ и невѣстѣ подарки, такъ воспѣлъ ихъ:

Пѣсня 87.

„Да буду твоею жертвою, о Санамъ моя возлюбленная!
Иди, стань граціозно предо мною. По одиночкѣ я восхваляю

твой костюмъ. А ты облачись въ него, чтобы глаза мои освѣтились.“

„О Санамъ! О тебѣ я молилъ Бога... За три тумана купилъ я тебѣ парчевую рубаху. Сто тумановъ стоить золотой браслетъ, обнизанный жемчугами. О Санамъ, надѣнь его!“
Пятьдесятъ тумановъ стоить нимтене (полупубоеъ) изъ золотой парчи *). Одѣнь его, оно достойно твоего, какъ ешпарисъ, статнаго тѣла. За сто тумановъ купилъ тебѣ кашемировую шаль. Все это подобаеъ тебѣ, Санамъ, ты надѣнь все это!“

„За десять тумановъ купилъ тебѣ золотозначный кушакъ. Одинъ туманъ стоить покрывало для устъ. Пять тумановъ стоить башмаки для твоихъ ногъ; я подковалъ ихъ золотыми подковами. Санамъ, надѣнь ихъ!“

„Какъ приятно яблово Тифлиса! Одинъ туманъ стоить сурьма для твоихъ глазъ, возлюбленная! Я привесъ тебѣ алеппскую ѣну **). Она достойна, Санамъ, бѣлыхъ твоихъ рукъ.“

„Мнѣ, Керибу, помогали аранлары. Богъ довелъ меня до предмета желанія. Не вспомню больше перенесенныхъ мною бѣдствій. Иди, Санамъ, повеселимся, попляшемъ и обниземся.“

*) Ср. у Дубровина, „Ист. войны и владыч. русскихъ на Кавказѣ“, т. I, кн. II, стр. 407: *нимтене*. Ред.

**) ѣна (حناء) оранжевая краска, которою красать пальцы рукъ и бороду на Востокѣ. Ср. вып. II „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, отд. II, стр. 11. Ред.

Пѣсни ашикѣ-Бурба.

Пѣсня 1.

ویردی مقصدیمو بر اللہ منیم	قدیر کیجمنده بُر دیلک دیلیم
آزئر ویردیلر مرادیم منیم	من دیلک دیلیم حق قبولد یتوردی
اوزیمو بر اوزی ماہد یتوردیم	قطره‌دیم قطره‌دیم آہد یتشدیم
عریصمه قول چکدی کوزل شاه منیم	بر عریصه یازدیم شاهد کتوردیم
دولی دولدروب دوتا ویردیلر	آزئر غریبه عطا ویردیلر
تقلیس اولدی دوغری راه منیم	شاه صنوی اوکا بوتا ویردیلر

Пѣсня 2.

ایندی من تقلیسه وارمالی اولدیم	باشینه دوندیکم کل بوزلی آنا
آنا من تقلیسه وارمالی اولدیم	اود دوتوب سراسر جسم آکشر
دیلم دعادن اونتمه بزی	سنکله من ایدرم محبت سازی
آنا من تقلیسه وارمالی اولدیم	تقلیسمده کورهشم بر آلا کوزی

Пѣсня 3.

اوغل آپارمסק بزی قارقارام سنی	باشینه دوندیکم قربان اولدیتم
اوغل آپارمסק بزی قارقارام سنی	اودینه یاندیتم بریان اولدیتم

Пѣсня 4.

سودیکمک کوزی قالوبدر یولده	رقیبیلر وار ساغ و صولده
آنا من تقلیسه وارمالی اولدیم	نیجه آپام سنی بو سوروقده

Пѣсня 5.

یولکده قویوب در باش و جاننی	اولدرمه سن یازیق خاننی
اوغل آپارمסק بزی قارقارام سنی	آپاراق اوزیمزله شهره بانونی

Пѣсня 6.

یتیمشم اصلا من مرادیمه	غریب دیرلر منم آدیبه
آنا من تقلیسه وارمالی اولدیم	شاه صنم دوشوبدر ایندی یادیمه

Письма 7.

باشینه دوندیکم قربان اولدیقم
اودینه یاندیقم بریان اولدیقم
کور سینمک صحبتی سازینی
من سومش بهرام بکک قزینی
آرنلر شاه صنی غریبه بوتقا ویردیلم
دردی اوندانده زیاده ویردیلم
بک تقلیسه بر سفریم وار منیم
بک تقلیسه بر سفریم وار منیم
کوزلریک غمزه سنی نازینی
بک تقلیسه بر سفریم وار منیم
دولو دولدوروب دوتا ویردیلم
بک تقلیسه بر سفریم وار منیم

Письма 8.

ترلان قوشم یوخدر ایندی آولدام
ترمکسوم یوخدر کولم آلدادم
غرب دیر قوطانه باخ قوطانه
قسمت اولسه بر ده کلم وطنه
کهن آتیم ییخدر منیم اوینادم
ترک ایلهم وطن سنی بر زمان
جانم قربان دوستینه یتنه
ترک ایلهم وطن سنی بر زمان

Письма 9.

باشینه دوندیکم قربان اولدیقم
اودینه یاندیقم بریان اولدیقم
ای کل خندان نادن آغلارسان
ای کل خندان نادن آغلارسان

Письма 10.

یا ایله اوینار اولدیم آغلارام
آبرلق پشیمان اولدیم آغلارام
یا تمشدیم کلدی کروی یوخیه
اویاندیم غلتا یاردن آبرلدیم

Письма 11.

آلچاقدن هندره سرای یاپدوقم
ارنلر جامندن بر آو قاپدوقم
نظر ایله مصحف ایله تاپدوقم
ای کل خندان نادن آغلارسان

Письма 12.

بر قوشیدیم دور ایلردیم هواده
جانم چکار من یتنه مراده
آقام اولدی یتیم قالدیم یوواده
نه سزلاز قوش اولدیم آغلارام

Письма 13.

اولدیردیک بو یازیق هانسی
اویانه باجک شهه بانونی
یولکده قویوب باش و جانسی
ای کل خندان نادن آغلارسان

Письня 14.

دولای دولدلوب دوتا ویردیله	ارنار غریبه عطا ویردیله
ابن درد اولوب بش مین آغلارام	دردی اولدنده زیاده ویردیله

Письня 15.

کورنرمی کورنرمی	کورکن تفلیس داغلاری
کورنرمی کورنرمی	شاهصنکک اولماتلازی
سلنسک کولمکک قالمسکک پلسی	صدق ایله چاغرام شاهلارکک محاصی
کورنرمی کورنرمی	شیخ صعان قبری کورنچمسی
کتور کولمدهکوی خباری	غریبکک وفالی یاری
کورنرمی کورنرمی	آغام دیین یار دیاری

Письня 16.

شهر تفلیس دیدیجهکم بو درمی	آعتارا اعتارا کلوب تاپیم
شهر تفلیس دیدیجهکم بو درمی	کلندن کیدندن خبر بیلیم
ناموس بونده غیرت بونده عار بونده	بغچه بونده هیوا بونده نار بونانده
شهر تفلیس دیدیجهکم بو درمی	بهرام دیین بر قوهیم وار بونده
یتیمشم من مرادیم	غریب دیولر آدییم
شهر تفلیس دیدیجهکم بو درمی	شاهصنم دوشوب یادیم

Письня 17.

جانم آغا آنام مسجدهه قالدی	باشیمه دوندیکم کل اوزلی آغا
جانم آغا آنام مسجدهه قالدی	نه کوندزم کوندز نه کیجهم کیچه
دوشملریکک حالنه بتدن	کلشم قاییکا بر یر ویرهسن
جانم آغا آنام مسجدهه قالدی	آنাম اولسه کنهاند باتاسن
آنাম هشیروم بگا باخار	یاغار بر یاندن یغور ایله قار
جانم آغا آنام مسجدهه قالدی	نیچه ایلدر قهرمی چکر

Письня 18.

آپاردیکک عقلوی باشدن ایلدیکک	پنجهردن آیل مائل باخان یار
آلشدرکک منو جسمی ایشدن ایلدیکک	شرین جانوی عشق اودینه یاخان یار
من ام دیلنی هم دردلتنی	بوینده تاعمش هیکل باغنی
سردیکک اورمچککوی ساچدن ایلدیکک	بولود کوی کسش آی قباتنی

دریمن سیند اوسته سرمشلر
آیردیک چورکدن آشدن ایلدیک

غریب کلنی دسته دسته درمشلر
هعب وقتده اختلاط کلمشلر

Письня 19.

آچلور بهارده کلنی تبریزک
اوزلمز آل یاشلی تبریزک
ایچنده لوتیران بکدر پاشلور
چارشوسی بازاری یوزدر تبریزیک
جمله بازرکان لورده اکلنور
الذن ال کز مالی تبریزک
بوغداسی دوکیسی اکیلور کلور
کویجسغاندن کلور بالی تبریزک
عشق دریاسنی کیچوب کلمشم
منم ایندی رستم زالی تبریزک

دکلدیک آغالار سیزه تعریف ایلم
توریده بیرامده آطلس کیهرلر
تبریزک اطرافی باغدر میشدر
سکز یوز مهلا نورت یوز کوچدر
پهلوانلر اورده قورشانور
اوچ یوز آلتش یوکی برسن باغلانور
ایکی هنددن بوکیلور کلور
قویونی مغاندن چکیلور کلور
ارنلر دولتی ایچوب کلمشم
من غریب وطن مدھین ایتمشم

Письня 20.

السز سازی سزلر نیچه چالارسز
سیزی چوبان ایتمس اونوی نیچه کوردیسکز
غریبک سوالنی دکلر هاموسی
سیزلر البت بر کون اوندن کچرسیز

دکلدیک استادلر خبر صوره
کوکده یلدزلار منیم طواریم
قدن قورلوب دینانک بغلسی
او نه وار اون ایکی قاپوسی

Письня 21.

السز ساز چالماقد کمان دیرلر
آیدر چوبان ارنلر ییلا دیرلر
غریبک سوالنی دیکلر هاموسی
عمرمز اولارن کچر دیرلر

اکر عارفسکز استادلر خبر بلکز
کوکک یوزنده کی یلدزلار اوسته
کافی نوندن قورلوب دنیا بغلسی
او ایلدر وار اون ایکی قاپوسی

Письня 22.

کیدم غربت ایلی کز بر زمان
کیدم غربت ایلی کز بر زمان

باشینه دوندیکم کل یوزلی آنا
بر کوزلک سوداسی وار باشیده

Письня 23.

غربته کیتکل آغلاتمه منی
غربته کیتکل آغلاتمه منی

اوجل یورکی دیشدیک منیم
عقلی باشدن ایلدیک

Пісня 24.

ایلمد حقد لمانت سنی
ایلمد ایلد آنا قوی کیدیم من
کیدم غربت ایلی کوزم بر زمان
باجم شهره بانو بس هانی

Пісня 25.

آیرلکک غمی یورکم دله
اوغل مرحمت سکا خدان کله
غربتد کیتیکله آغلتمه منی
بر آز کوزله همشیرهک کله

Пісня 26.

غربتد کیتیکله آغلتمه بزی
قربان اولم کل یوزلو قرداش
کیدوب غربتد آغلتمه بزی
سن کیدرسن دوشر باشیمه داش

Пісня 27.

ساغ اولسون صنمک سرای تاجی
غم ایلمد کوزم باجی
غربت ایلی کیدم کوزم بر زمان
یورکم قویدک سن آجی

Пісня 28.

آدچی آدچی مرال کلدی دور
اون دورت یا اون بش یاشنده
آدچی آدچی مرال کلدی دور
فولان سرو آغاجی دولان
یوخدر سوزمه یالن
آلا کوزلو جانمی آلان
آدچی آدچی مرال کلدی دور
آچ سینمک بندنی
آدچی آدچی مرال کلدی دور
آغجه قز بیلمر فندنی
امه صنم دوداقلوریم قندنی

Пісня 29.

کیدم یار اکلنم بلگه کلیم
بر بهری باخ یوزیک کورهیم
سیم یار اکلنم بلگه کلیم
رم دیارنده سندن کوزلی
قینهزولر دست کویندن اوتدنی
یاخشو اولور هر ایکدک وطنی
قوجام یار اکلنم بلگه کلیم
قزل کل یرینه قراتکانی
کوزلریم آقتدی قانلی یاشنی
قصا آتدی من غریبک داشنی
اولم یار اکلنم بلگه کلیم
اجل یاسدوقته قوم باشمی

Письма 30.

باشيند دونديكم قربان اولديقم	کیت غريميم ساغلق ايله کلسن
اويدينه يانديقم برين اولديقم	کیت غريميم ساغلق ايله کلسن

Письма 31.

اگر مولام بکا عمر ويرسد	آغلام سويديکم کند کلم
اجل بکا امان ويرسد	آغلام سويديکم کند کلم

Письма 32.

غربت اولان ايللرده قالار	مرال سرخوش اولسا چوللرده قالار
سن کيدرمن کوزيم يوللرده قالار	کیت غريميم ساغلق ايله کلسن

Письма 33.

غريب ديمر حالم يماندر	اوجہ داغلار باشی دوماندر
آيرتقي بزه ويرن مولامدر	آغلام سويديکم کند کلم

Письма 34.

شاهصنيم بيلا يازلارم	کباب کسي بافریم باشين دوللارم
اولنادک يولکي کوزلرم	کیت غريميم ساغلق ايله کلسن

Письма 35.

دکليک آغالر تعريف ايليم	سويلنور جهانده شانی ارضرومک
یدی اقليم آراسنده قای قاپولماز	سويلنور جهانده شانی ارضرومک
خوشدر غايغده آب و هواسی	دورت ياننده کلور بلبل صداسی
واردر ازلنرک اونده دعاسی	بکزر جتته هر يانی ارضرومک
من غريميم کلشم بو وطنده	غريبلک يمان اولور باش ياسدوقه يتنده
ياخشی اولور غريب بلبل اوتنده	کل کلزار در هر يانی ارضرومک

Письма 36.

جوش ایلدی دلو کولم	کلديم سکا حلب شهری
آبیری دوشديم وطندن	کلديم سکا حلب شهری

دیلیو شیرین دلبرمدن	آبرشم من غنچه کلدن
کلدیم سکا حلب شهری	آلا کوزلی یارمدن
چاره دیلر دردینه سیزدن	فریب سویلم دردینو دلدن
کلدیم سکا حلب شهری	صبر ایلم هر نه کلمه حقدن

Письма 37.

بو میدانده ارکان اولور یول اولور	ندر بونده سن کلدیگی بو میدان
بو خصوصه خوفا اولور سوز اولور	منم بر شام سالام سنی قیغافه

Письма 38.

بتلک ایدن آخمره مُرد اولور	استام بتلک ایله کرمة میدان
اوزین لوندن قورتاران مُرد اولور	حاشق دیدیگی قیلدن اینجه در

Письма 39.

نه درسنده کی احکام اندیشه	دکز کی کلیمسن چوشه
چوخ آجله سویلم دیل لال اولور	بو آتشدن آياقلویک دوتشه

Письма 40.

دارالمرسان اود تپرم دریکا	استام کامل ایسک اوتور یریکا
پرینه خور باخان عاشق مُرد اولور	اگر عاشق سن خور باخه یریکا (خلو باقما)

Письма 41.

بولانق چایلاری کروب کیچشم	اونلر لندن دولی ایچشم
بو عاشقلنده باشقه حال اولور	بو میدانده کروب جانمن کیچشم

Письма 42.

کم کلام چقاوام اصلا دیلمدن	من غریب چقام دوشری یولمدن
ایمدن قورتاران عاشق مُرد اولور	قوش اولسکوز قورتارمازیمز ایمدن

Письма 43.

اول عاشقلق کیمدن ایهاد اولمشدر	دکلدیگ استادلر خبر سوریم
او کیمدر که خمدن آزاد اولمشدر	باشکزه اولماز ایشلر تیلایم

نه ایله کسرلر کوز یاشنی
بونو ییلن عاشق استاد اولمشدر
قدرت یزداندن بولوب کمالنی
دنیا نه ایله آباب اولمشدر

استادلر بیلر سیز علمک باشنی
او ندر کسر اوز باشنی
بو غریب سویلدی سیزه سوالنی
اولدن ایجاد ایدوب خدا دنیانی

Письня 44.

اول عاشق زلیحانن ایجاد اولمشدر
جتنده آدم غدن آزاد اولمشدر
توکل ایله کسرلر کوز یاشنی
بولاری ییلن عاشق استاد اولمشدر
عشق در یاسنی کیچوب بولدی کمالنی
علم حلم ایله دنیا آباب اولمشدر

دکلیدک استادلر بودر سوالمک جوابی
دکلیدک سوزیمی ایتدیگک حجابی
صبر دیرلر علمک باشنی
بولوددر کسن اوز باشنی
عاشق غریب سویلدی سوالنی
اولدن ایجاد ایدوب خدا دنیانی

Письня 45.

یمان مشکل اولدی ایشی تبریزک
یانار داهو عاشق تبریزک
یغلمشدی لشکر اورده جنک اول
کوردی قرا دوشی تبریزک
بیله جنکو دنیا کوردهمش داهو
بولار ایله کوردی ایشی تبریزک

دکلیدک آغلار سیزه سویلیم
ایله کوردیم کوکدن اولدلر یغار
تبریزک چورمسی در برک قالا (قلعه)
کیسی اسیر اولدی کیسی قولا
عاشق غریب چکر زار ایله آهو
وانک بکیله کیلان شاهی

Письня 46.

آغلارام سزلارام کیسم یوخ منیم
آغلارام سزلارام کیسم یوخ منیم
چوق صعیف اولوب منم بو تنم
آغلارام سزلارام کیسم یوخ منیم
ایتوب هشکن در یاسنی بویلاسون
آغلارام سزلارام کیسم یوخ منیم

آرزو ایله چتمشم دیار غریبه
یازق دوشدم من ایلدن ایلره
جوان یاشنده ترک ایلدم وطنیم
ایندی حلب اولوب مسکن
عاشق غریب یانق یانق سویلسون
حق سنی دولله دائم ایلسون

Письня 47.

آخلا صنم اولدی غریب کلدی
اولدی صنم غریب کلدی

باشینه نوندیکم کل یوزلی صنم
کیچه کوندز سوداسنده یاندیقم

Письма 48.

قربان اولم ای قوجه آنام
داشلار دوشدی منم باشیمه
نیجه آغلامیم غریب کلمدی
نیجه آغلامیم غریب کلمدی

Письма 49.

بر سوزیم واردر آخالاره
قربان اولوم خبر ویرن جانلاره
قوزن اولدیم اوغل اوغل دیده من
قوزن اولدیم اوغل اوغل دیده من
یقلم دایانمیور قوزم یاشنه
قوزم کورمز کیدم یولار باشینه
قوزن اولدیم اوغل اوغل دیده من
غریبک خبرین سنندن سورام
قوزن اولدم اوغل اوغل دیده من
من درتلو خاینیم کیچه کوندز آغلارام
اوندن صکره بو دنیانی نیلرم

Письма 50.

آنا احمد خواجهدر منیم آفیم
اؤل سائل ساندیم خطا ایلدم
سنی کوردم هرشه چیقدی فریادم
نشانی سویله تاپوم اوغلک کلسون

Письма 51.

ند سویلیم چوخدر منیم دردیم
حیف که اونوی ایندی ایتیردم
دوقوز آی بطمنده اونوی کوزدردیم
قوزن اولدم اوغل اوغل دیده من

Письма 52.

لازم اولسه مال ایله ساتون آلالرام
آدنوی سویله هر یردسه تاپارام
کهلمن آتمی آلتنه چکرم
خبر ویر اوغلکی تاپوم کلسون

Письма 53.

فلک اوردی بر داش منیم باشیمه
غریبک فرقهی دوشوب بلشیمه
باقه از موسن قوزن آغان یاشیمه
قوزن اولدیم اوغل اوغل دیده من

Письма 54.

یوکلدوب کروانم بورن کیدیم
قوزم آنا عهد و لمان ایدیدم
اطراف عالمی جولان ایدیدم
تاپارام غریبک کونددم کلسون

Пѣсня 55.

چو خدای بولده در کوزیم
سویله قرداشیمه دورمسون کلسون

آی آغا بودر سکا سوزیم
غریبدر قرداشم هم ایکی کوزیم

Пѣсня 56.

خرچ ایدیم کیسدمکی وارهی
قاپارام یولارام غریبک کلسون

هیچ کیسه بلمز منم هالی
یتمزسه ساتارام اولان مللی

Пѣсня 57.

آلوب ساتارسان نه درلو قوماشی
سویله غریبه دورمسون کلسون

کلشک هارونددر آیی بزرگان باشی
آقتدیم کوزیمدن قانلی یاشی

Пѣсня 58.

آلوب ساتارام دنیا مالندن
سویلم غریبه دورمسون کلسون

کلیشم سورارسن تبریز ایلندن
آختمه قانلی یاشی کوزلرکدن

Пѣсня 59.

نیلیوب آختارارسان او خبرسزی
نیلیوب آختارارسان او خبرسزی

بر اوغلم وار سنی اوکا آلام
سکا کوزل توپلم آیلرم

Пѣсня 60.

اوغرینده توکمشم قانلی یاشی
سویله غریبه دورمسون کلسون

حوزیکی بیلمدیک بزرگان باشی
باشیمه دوشوب آبرلق داشی

Пѣсня 61.

سوزلریکی ایشدوب هرشه چالدی فریتدیم
سویلم غریبکا دورمسون کلسون

آتمی منوب یولا کیدیم
هنرله ایلدیم هیچ یوخ منم اولادیم

Пѣсня 62.

حق یولنه سنغ کوکل نیکدیررسن
سویله غریبه دورمسون کلسون

آتکی منوب یولا کیدرسن
یا حلبده یا مصرده تاپارسان

Пѣсня 63.

هر نیم وار ایصه یولنده ساتم
سویلم غریبکا دورمسون کلسون

قم احمد خوجدر منم آدیم
آلیننه چکم کهلان آتیم

Пѣсня 64.

غریبه سویله کلنوی دریرلر
دربن سینده اوسته سریرلر
شاهصنوی شاهولده ویریرلر
سویله غریبه دورمسون کلسون

Пѣсня 65.

باشینه دوندیکم کل یوزلوی خواجه
نه کوندزم کوندز نه کیچم کیچه
جانم خواجه هارده کوردیک صنوی
امان خواجه هارده کوردیک صنوی

Пѣсня 66.

آختارا آختارا کلوب تایشم
کوکل تیکشم کعبه یاپشام
دور آیاغده وطن ساری سن یری
دور آیاغده وطن ساری سن یری

Пѣсня 67.

بو سینمده درلو درلو یارهلر
سودیکم قهریزی کیمیش بوخسه قارهلر
طیبب ال ورمسد درده نه چارهلر
امان خواجه هارده کوردیک صنوی

Пѣсня 68.

غایب ایتمش سنی آزارلار
آنک باجک صنم کیمیش قرالر
اولمش سانوب هر کلندن سوزارلار
دور ایاغده وطن ساری سن یری

Пѣсня 69.

بریم ایلر بهار میدر یاز میدر
شاهصنم کلینمدر قهیدر
کوکده اوچان دورنامیدر قازمیدر
امان خواجه هارده کوردیک صنوی

Пѣсня 70.

من کلنده سپرک ایلر یاز ایدی
شاهصنم کلین دکل قتر ایدی
کوکده اوچان دورنا دکل قازیدی
دور آیاغده وطن ساری سن یری

Пѣсня 71.

نیچه کردیک تغلیس باغتیبه
ایندی غریب کیدر دوستک یولنه
باحدیکمو هیچ ساغ و سولینه
امان خواجه هارده کوردیک صنوی

Письня 72.

باخمشم اورده ساغ و سولنه
دور آياغه وطن ساری سن یري

خولجه احمدم کرهمشم تفلنض باغنه
کور اولمش آناک آظلامادن اولغنی

Письня 73.

کلسون دیوب اسمارلامش یار منی
کلسون دیوب اسمارلامش یار منی
ایشتمشم صنک باغری اولدی
کلسون دیوب اسمارلامش یار منی
چاره دیلر دردینه سندن
کلسون دیوب اسمارلامش یار منی

پنشلم مرحمت ایله حالیمه
ایله اهلن مروت حالیمه
کینه بهار اولدی دورنا نوزلدی
شاهمنمدن بزه مکتوب یازلدی
غریب دیر دردینی دیلدن
من آلدوشم یاریمی الدن

Письня 74.

فلک ایله دوشمن اولدیم آغلارام
دنیاده شاشقین اولدیم آغلارام
هر مرادی ویرن قادر مولامدر
آزوکش وطن اولدیم آغلارام
جکرجکین کباب ایدوب دوزلیر
کلدیکه پشیمان اولدیم آغلارام

کلایم واردر چرخ فلکدن
قورخرامک حسرت قالام یاریمه
بوریم ایلمر داغستاندر ویراندر
ایندی یوللمر قشدر بوراندر
یکیت اولان سرینی کزلیر
عشق سوزینی قلبنده بسلیر

Письня 75.

غریب وطنه سن یتور منی
غریب وطنه سن یتور منی
قالمش پیاده هالم چوخ یملن
غریب وطنه سن یتور منی
منی حق قورتاره بو بلادن
غریب وطنه سن یتور منی

صدقناً چاغرلم شاهلاریک خاصنی
یاخاتم انبی امت آغلسی
بر یانم داغ آلمش بر یانم دولان
یتش امدلدیمه خمر الامان
غریب سرلرم آغدن قرادن
اون سکر مین عالمی یرادن

Письня 76.

من غریب من غریب من غریب
من غریب من غریب من غریب

یدی ایل کیچرمشم حلب یازینی
من چالارام اولکف سازینی

Пѣсня 77.

چوخ کوزلدیم بو بیرلرک یازینی
من ویرمشم سکا اوغلمک سازینی
عجب کلورمی غریم منیم
عجب کلورمی غریم منیم

Пѣсня 78.

آنا یولرده چوخ سولر کیچدیم
شکر کلدیم وطن سوزلرین ایچدیم
غریب ایلرده یکشوجده پشدیم
من غریم من غریم من غریب

Пѣсня 79.

چای سولری دورمیوب آقار
بیچاره شاهمنن یولاره باقار
منیم جکرچیکم اولدларه یاقار
عجب کلورمی غریم منیم

Пѣсня 80.

غریت ایلیری کوزندر غریب
شاهمننه یارینی کورمک اولسون نصیب
چاره ایتمنن دردیمه طیب
من غریم من غریم من غریب

Пѣсня 81.

تبریزدن بر جفت بالا کتوردیم
برینی ویران اولمش تغلیسده ایتوردیم
کتورو بن بوریده باشه یتوردیم
عجب کلورمی غریم منیم

Пѣсня 82.

آنلمک آدی خانلار خانی
اوغلمک غریم سن منو تانی
باجمک آدی شهره بانو
من غریم من غریم من غریب

Пѣсня 83.

آدیمی سورساک خانلار خانیم
نه کور طالع نه بد اقبال آنایم
کوزلریم یوغدر آچام سنی تانیلم
عجب کلورمی غریم منیم

Пѣсня 84.

باشینه دوندیکم کل یوزلی آنا
اودینه یانددیم کل یوزلی آنا
اولمیدی برده بالاک کلیدی
اولمیدی برده بالاک کلیدی

خنجر آلوب قارا باغرم بیچرم
 اوستم تپراق لانمش برجه غریب کلیدی
 آی راغب کلوب سلسک یاشمی
 مزار داشم قویلمش غریب کلیدی

لولا زهرلری ایچرم
 تیزلک ایله بو دنیلدن کوچرم
 شامسن قلم دوتا قاشمی
 قیر ایچنده دزینده قوریدی باشمی

Письма 85.

آی منیم کوزل منیم منیم
 آی منیم کوزل منیم منیم
 کورمسن نه دیاره دوشدی
 آغلار آغلار آی من منیم منیم
 کوزلیرم یاشمی سیلرمی اولا
 من کوزل منیم منیم

کیدن کیدن بر بری باخ بری باخ
 جاقمی اولدله یاغمن بری باخ
 کوکدن اوچدی یاشل باشدی (باشلی)
 من کیدنده کوزی یاشیدی
 دولمن داغلاری بُورومی اولا
 غریبک قدرینی بیلموی اولا

Письма 86.

مصر بیالمین ایچدیمده کلدیم
 اولک پیشوازند دوشدیمده کلدیم
 قدیر الله عجب یتدی هر اید
 قر آتک ترکینده مندیدمه کلدیم
 ادا ایلدیم قارصده ایکندینوی
 خصم آتینده مندیدمه کلدیم
 دورومدهدیم سریم آنام باجیمده
 دورلو یاره لریم آچدیمده کلدیم
 آشنالر دوستلر معنی اولدمشله
 توین حلبده دویدیدمه کلدیم
 من قربانم قامنده بوینده
 جانیمدن باشمدن کیچدیمده کلدیم

دون کیجه حلب شهرنده
 بریدیم یتشدیم بر شهنساره
 دالمی وریدیم بر داش قلایده (قلعه)
 فرات چایی دوشدی آراییده
 اورصده قلدیم کون اورتانی
 ققلیسده قلدیم آخشام نمازینی
 آخشام قرالمش کلدیم خانمه
 عشق خنجرینی اوردیم سینمه
 اولرلرک الو منی دوتمشله
 ایشتدیم منوی کلین ایتمشله
 بر ال بروک عاشق کیرمک اوینده
 من قربیم کلمش شاه صنمک توینده

Письма 87.

نازلو نازلو کل قارشده دور منم
 کیین سالن تاپسون کوزیم نور منم
 اوچ تمند آلمشم دارای کوملگی
 انجو ایله دزدرمشم کیی منم

قربان اولیم امان یار منم
 بر بر لبلرلرک تعریف ایلیم
 من سندن اوتری حقندن ایعتدیم دلگی
 یوز تمندر قولک بلرلرکی

الهی تو منده آلمشم دیبانمتنه
یوز ٹھنہ بر ترمہ شال آلمشم کنہ
اون توماند آلمشم زرنشان قورشافی
بش تمندر آیاغلاریک باشماقی
نہ خوش اولور تفلیسک آلباسی
یار سکا کتورشم حلب حناسی
من غریم ازنلر یتشوب دادیمہ
چکدیکم مصیبتلر درشمز نخوی یادیمہ

لایقدر کیمن سرر بویلی تنہ
بونلار یاراشار سکا کیو صنم
بر تمندر آغز یاشماقی
قزلدن نال (نعل) وردورشم کیو صنم
بر تمہ کوزلریک سورومسی
آق اللہ یاماشور یاق صنم
حق واصل ایلدی منی مرادیمہ
کولشم اویناشم کل صنم

Записалъ учитель Кельвинскаго земскаго училища
Махмудбековъ.

ТАТАРСКІЯ ПѢСНИ *).

I. Споръ ейлаха съ ивменностью **).

۵) داغ

من داغ ايديم خوردميشدلو داغلار
آرانك لتديسو صوديوب آغلار
اوستي كوزل اوتلو آسا بولاتلار
سكا كيدن بوز بولانلق صرلر مندمدر

۶) آران

من آرانم ساغ منده صل منده
زريفت منده ياشيل منده آل منده
شيدا بلبل چه اوران باغ منده
يانق آلا خارلو فزل كللر مندمدر

۷) داغ

من ييلاق ايديم هندان مندان
سينمه بتدى بر كل خندان
اولوبدر منله نيچه نيچه لقمان
طورلو طورلو حاقر مندمدر

۸) آران

سنده وار يانق يارلو. قيالر
سندن انب كلن مكاواي ايلر
باش باش چاتلو ساري تايدلر
خرمنده چورولن وللر مندمدر

۱) داغ

نه قرالورسن اي قرال آران
سندن كلن آخر ايللر مندمدر
آخير سوري كلاه مائلر مندمدر

۲) آران

نه لوقه لورسن اي لوقه داغلار
ايسق هوا هوار چوللر مندمدر
سكا كيدن حيوان درناقندن اولور
استاد استاد نالوكرالار مندمدر

۳) داغ

يازك اولندن صويك قزار
تترمه قزدرمه اوشاتك يوركين اوزد
كوزلر محبوبلر منلن كوز
خورد. خورد آشان يوللر مندمدر

۴) آران

صولو سنبلو گلوي باغلاريم
شمع ايچنده شعله چكر ياغلاريم
بوستانده كي آلا چچك تاغلاريم
قارپوز خيار تورلو تيللر مندمدر

*) Записаны въ селени Мамурлы, Джаванширскаго уѣзда, Елисаветопольской губернии. Пойтса онъ ашками Джаванширскаго и отчасти Шуминскаго уѣздовъ, Елисаветопольской губернии.

**) Ейлахъ—гористое мѣсто, гѣтнее кочевье, дача.

(۱) آران

من ایسترم کوتاه ایدم سنله بختمو
سکا باخوب اوتورم کوکسمی
ایکیمزدنده یاخشیدر یازک موسوی
یانوی یارسز یمان حالتر مندهدر

1. Ейлахъ.

Что ты чернѣешься, о чернѣющаясь низменность?
Перекочевавшій съ тебя безчисленный народъ—у меня,
Большія стада барановъ и множество скота—у меня.

2. Низменность.

Что ты гордишься, о гордый ейлахъ?
Теплый климатъ и ровныя пространства—у меня.
У скота, идущаго къ тебѣ, портятся копыта,
А опытные кузнецы и хорошія подковы—у меня.

3. Ейлахъ.

Съ начала весны вода твоя становится теплою;
Лихорадка и ея дрожь губять дѣтей;
Красавицы и возлюбленные юноши гуляютъ у меня;
Маленькія и красивенькія дорожки—у меня.

4. Низменность.

У меня есть сады съ зелеными деревьями и розами;
Въ свѣтильникахъ моихъ воспламеняется масло мое;
Въ баштанахъ моихъ росли стебли овощей;
Арбузы, огурцы и разныхъ сортовъ дыни—у меня.

5. Ейлахъ.

Я—ейлахъ, (обладающій) тѣнистою рощицей.
Твои больные, говоря: „вода“, плачутъ *).

*) Лѣтомъ и осенью на низменности вода бываетъ теплою; болѣющіе не многи могутъ утолять жажду этою водою; потому ейлахъ и гордится своими холодными водами.

У меня есть студеные ключи, окруженные зеленою травой,
И текущая къ тебѣ мутная вода—у меня.

6. *Низменность.*

Я—низменность просторная;
Одѣта я въ зеленые, алыя, золотыя ткани.
Сады, въ которыхъ щелкаютъ соловьи,
И великолѣпныя розы, окруженные пестрыми жуками,—у меня.

7. *Ейлахъ.*

Я—ейлахъ, ни съ чѣмъ несравненный...
На груди моей росли душистые цвѣты и травы.
Многіе локманы *) жили со мной.
Различныя явленія природы—у меня.

8. *Низменность.*

У тебя есть дружба со скалами;
Спустившійся съ тебя народъ жалуется мнѣ;
Стоящая вездѣ на гумнахъ высокая скирды,
Происходящая осенью молотба—у меня.

9. *Ейлахъ.*

Я хочу прекратить споръ съ тобою;
Никогда не стану завидовать тебѣ;
Весенняя пора лучше насъ обоихъ.
Безъ подруги жизни страдающіе въ одиночествѣ—у меня.

II. Споръ земли съ небомъ.

(1) یر

اوستده آهان دریای عتاق
الوان الوان چچکلریم آرتقدر

یر ایله کونک کیدر بعشد
یر دیر یر حکمت وار من

*) „Локманъ“—имя философа, которому арабы приписываютъ сочиненіе басень, мудрыхъ изреченій и поговорокъ, распространенныхъ на Востокаѣ.

۴) کوک

کوک دیر من ایستیرم کولکوی
 کعبهکه دیرم نولدن دیرکوی
 چنته کوندیرم یوز مین ملکی
 یدی فاپو بر جنتم آرتقدر

۲) کوک

کوک دیر کل ایلمه بو بلله
 یوز مین نیم چاغیرم آلله
 بولدلاریم دریالرک تنقاهی
 چهچکلریکن یولدزلاریم آرتقدر

۵) شکسته عباس

شکسته عباس دیر زاری زاری آغلام
 سینوی عشق اودیله داغلام
 هر ایکیکزک همیتین ساخلارام
 ایکیکزدنده بر آللهم آرتقدر

۳) یر

یر دیر نیچه نیچه پادشاهر دوتشم دستمه
 نیچه سنکده لورشم قصدینده
 نیچه یوز مین نبوی یاتوبدر اوستمه
 یولدزلارکندن کعبه بیت آللهم آرتقدر

1. Земля.

Земля вступает съ небомъ въ споръ
 И говорить: „я умѣю повелѣвать;
 На мнѣ находятся большія моря,
 И разнообразныхъ цвѣтовъ болѣе у меня.“

2. Небо.

Небо говоритъ: „не горячись такъ напрасно;
 Мои сто тысячъ пророковъ зываютъ къ Богу;
 Мои облака не хуже твоихъ морей,
 А звѣзды мои лучше твоихъ цвѣтовъ.“

3. Земля.

„Держу въ своихъ рукахъ многихъ и многихъ царей,
 И намѣрена производить ихъ еще больше.
 На груди моей покоятся сотни тысячъ пророковъ;
 Моя священная Бааба выше твоихъ звѣздъ.“

4. Небо.

„Я заставляю дуть вѣтры;
Я освѣщаю лучезарнымъ свѣтомъ Каабу твою;
Въ рай отправлю сто тысячъ ангеловъ;
Семивратный Джэннэтъ мой выше всего твоего ¹⁾.“

5. Шикеста Аббасъ ²⁾.

Шикеста Аббасъ говоритъ: „горько, горько я заплачу,
Грудь свою сожгу огнемъ любви;
Я васъ обонхъ глубоко уважаю,
Но только Одинъ Аллахъ выше всего.“

Записалъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *М. Кулиевъ*.

III. Пѣсня о пчелѣ ³⁾.

آفتی مین لشکر آفتی سوایده هر بریسی کیدر اونک سرکاره
سرینو بیلمک اولماز علم غایبدر هر بریسی کیدر اونک سرکاره

Шесть тысячъ воиновъ моихъ—въ шести сараяхъ;
Каждый изъ нихъ ходитъ въ Сарнаръ ⁴⁾.
Тайны ихъ нельзя узнать,—это Божья мудрость. . .
Каждый изъ нихъ ходитъ въ Сарнаръ.

کوزبان کللری دوتوبدر دسته چکیبدر شانلرین بری بیرن اوسته
آهک حیوانی سن شیره ایسته سود ایلمز هر بریسی کیدر اونک سرکاره

¹⁾ Джэннэтъ—рай; мусульмане вѣрятъ, что у рая—семь воротъ.

²⁾ Шикеста Аббасъ—народный поэтъ у татаръ.

³⁾ Записана въ г. Шемахъ, Бакинской губерніи.

⁴⁾ Сарнаръ—название мѣстности въ Шемахнскомъ уѣздѣ, Бакинской губ.

Цвѣты гіѣзабана *) образовали свои букеты.
Пчелы сдѣлали свои соты одинъ надъ другимъ.
Божье животное (насъѣемое), ты теперь проси у Бога цвѣ-
точного сока,
А то безъ пользы каждое изъ васъ будетъ летать въ Саркаръ.

یتورسد شاه چووه ایدر حق سای	چکیبدر شانلرین تمام لای بالای
هر برسی کیدر اونکت سرکاره

Пчела уже сдѣлала свои соты одинъ надъ другимъ,
Какъ доведетъ ихъ до шачу **), станеть энергичнѣе и усерднѣе.
Каждая изъ нихъ летаетъ въ Саркаръ.

ياسول دوزيلوب مرد مردانه	اخلاص ايلن قوللق ايدلر خانه
هر برسی کیدر اونکت سرکاره	چکیبدر شانلرین تمام چارخانه

Съ искреннею преданностью онѣ служатъ хану;
Геройски вытанулись въ ряды и стоятъ,
Задержувъ улей своими сотами. . .
Каждая изъ нихъ летаетъ въ Саркаръ.

مولم شيره ويروب چون دماقلاندروب	آری کنه قاش فبافین الدروب
افندی آرینی من یاخشو کوردیم	سوسیندن ییلوم یاخشو دولانوب

Пчела опять повеселѣла: должно быть,
Господь мой, давъ ей цвѣточного сока, развеселилъ ее.
По жуужанію знаю, что ей хорошо.
Эфенди, я пчелъ въ хорошемъ состояніи увидѣлъ.

مؤمن تانور اوز سبحاننی	هرسه کیدن مدام تاپار خاننی
افندی آرینی من یاخشو کوردیم	آخار دوبان ییخشو چکور شاننی

*) Гіѣзабанъ—медоносный цвѣтокъ, сныкъ.

**) Шачу—крестообразныя палочки въ ульѣ, вставляемыя въ горизонталь-
номъ направленіи; въ ульѣ ихъ бываетъ нѣсколько.

Идущій жаловаться всегда найдеть своего хана,
Какъ набожный правовѣрный своего Бога.
Запечатавъ соты, онѣ глѣпять другіе.
Эфенди, я пчель въ хорошемъ состояніи увидѣлъ.

خوراسانده چون ويرورلم نيازی
افندی آرينو من ياخشو کورديم

خبر آما قوتاردی آرينک يازی
تمام ارميلر کوتدی دريازی

Не спрашивай меня, кончилась ли весна пчель,
Ибо въ Хорасанѣ даютъ милостыню ¹⁾,
И всѣ армяне уже взяли косы.
Эфенди, я пчель въ хорошемъ состояніи увидѣлъ.

دولانوردی هم سافنده سولند
افندی آرينو من ياخشو کورديم

بر چم کلوب آليوتک داغند
آری کيدر يدی کونبز داغند

Вершину Алпоута ²⁾ покрылъ туманъ;
Онъ клубится по всѣмъ ея сторонамъ.
Пчелы теперь летаютъ на гору Едди-гунбезъ ³⁾.
Эфенди, я пчель въ хорошемъ состояніи увидѣлъ.

بارکئورير چون اونک بو داغلاری
افندی من آرينو ياخشو کورديم

ياخشو اولور مدرسدنک باغلاری
اتليوب قزوين چکور شانلاری

Хороши бываютъ матрасинскіе ⁴⁾ сады,
Когда ихъ вѣтви покрыты плодами,

¹⁾ Во время молотбы, по закону Магомета, каждый хозяинъ отдѣляетъ 0,1 часть полученнаго хлѣба и даетъ бѣднымъ, вдовамъ и т. п., а въ Персіи все это собираютъ, отправляютъ въ Хорасанъ и тамъ (?) раздаютъ. Въ это время работа у пчель почти кончается, настаетъ осень.

²⁾ Алпоутъ—гора въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи; она получила это названіе отъ селенія, лежащаго у подошвы ея.

³⁾ Едди-гунбезъ—гора въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, называется такъ потому, что на ней семь куполовъ. Едди—семь, гунбезъ—куполъ.

⁴⁾ Матраса—армянское селеніе въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, гдѣ много виноградныхъ садовъ, и развито винодѣліе.

Тогда работа у пчелъ въ самомъ разгарѣ.
Эфенди, я пчелъ въ хорошемъ состояніи увидѣлъ.

آچلبیدی قزل کلک نکباری
هر بورینی کیدر اونک سرکاره

من بابایم چاغدرلم یاتکی
ناخشکار اوطاقی معبر سالی

Я, Баба *), зываю: „О Боже!
Раскрылся первый цвѣтокъ розы;
Расписана гостиная пчель, и надеженъ годъ.
Каждый сотъ пчелы отправляется хану.“

Записалъ воспитанникъ Закавказской учительской се-
минаріи *А. Исмаиловъ*.

*) Баба — авторъ этой пісни.

СЕЛЕНІЕ ИВАНОВКА,

Лагичскаго участка, Геодчайскаго уѣзда, Бакинскоѣ губерніи.

Историческія свѣдѣнія.

Селеніе Ивановка основано въ 1847 году нѣкоторыми изъ поселянъ упраздненнаго въ томъ году русскаго селенія Топчи. Последнее было расположено у подошвы горы, въ сѣверу отъ теперешняго селенія Ивановки, верстахъ, приблизительно, въ 12—13-ти. Объ упраздненномъ селеніи Топчи старожилы Ивановки разсказываютъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ установленія владычества русскихъ въ Ширванской провинціи, русскими переселенцами было основано сказанное селеніе. Мѣсторасположенія селенія Топчи представляло собою болотистое пространство, крайне нездоровое, такъ что смертность тамъ была весьма значительна. Это обстоятельство заставило топчинцевъ разбрестись по разнымъ губерніямъ: одни исходатайствовали себѣ позволеніе переселиться на Лорійскую степь, въ Тифлисской губерніи, другіе—въ Александропольскій уѣздъ той же губерніи (нынѣ Эриванской), а незначительная часть—въ русскія сѣла Шемахинскаго и Ленкоранскаго уѣздовъ Бакинскоѣ губерніи. Изъ официальныхъ источниковъ *) видно, что въ теченіе 1846—1847 г. г. многіе топчинцы получили разрѣшеніе переселиться въ сказанныя мѣстности; изъ оставшихся, затѣмъ, 13 семействъ два приписались къ селенію Карамарьянъ, а одиннадцать, которымъ тоже было разрѣшено переселиться на Лорійскую степь, съ недавно при-

*) Дѣло 2-го отдѣленія Шемахинскаго уѣзднаго управленія № 109, 1847 г., „О поселеніи на урочищѣ Гафтаранъ русскихъ переселенцевъ“.

бывшимъ тогда изъ Воронежской губерніи Филиппомъ Скоковымъ и съ топчинцемъ Иваномъ Перпинымъ во главѣ, изъявили желаніе основать въ Шемахинскомъ (нынѣ Геокчайскомъ) уѣздѣ, на землѣ Гафтارانъ, новое селеніе. „Такъ какъ земля Гафтارانъ была казенною и входила въ составъ земли, примезеванной къ селенію Топчамъ, и, какъ оказалось, на этомъ мѣстѣ, по удостовѣренію исправлявшаго должность Шемахинскаго губернскаго лѣсничаго, капитана Лессера, можно было весьма удобно поселить сто семействъ, то поэтому бывшая Шемахинская Палата государственныхъ имуществъ 24 мая 1847 г. дозволила просителямъ „остановиться“ на землѣ Гафтارانъ и заниматься „хозяйственными предметами“ *). Эти 12 семействъ за 1847 годъ, по овладному листу должны были внести въ казну податей по 6 рублей съ дыма, или всего—72 рубля **). Къ 1 января слѣдующаго, 1848, года въ этомъ селеніи считалось уже 36 дымовъ: къ нему приписалось еще 24 семейства ***) , изъ коихъ 19 семействъ были топчинцы, получившіе уже разрѣшеніе переселиться на Лорійскую степь, остальные же—прибывшія, по собственному желанію, изъ внутренней Россіи (4 семейства изъ Саратовской и одно изъ Тамбовской губерніи). Затѣмъ, мало по малу, стали присоединяться и нѣкоторые изъ жителей деревни Пришибъ (Ленкоранскаго уѣзда) и Джабаны (Шемахинскаго уѣзда).

Селеніе Ивановка стало расти очень быстро и года черезъ два въ немъ насчитывалось уже 111 дворовъ съ 287 душами мужскаго пола ****).

Въ 1850 году были присланы въ Ивановку для жи-

*) Тамъ же, предписаніе Палаты Шемахинскому уѣздному начальнику, 28 августа 1847 г., № 4442.

***) То же, отъ 6 октября 1847 г., № 5249.

****) То же, отъ 18 сентября, 24 октября, 14 ноября, 18 и 31 декабря 1847 г., за №№ 4885, 5563, 5895, 6482, 6770 и 6899.

*****) Камеральное описаніе 1849 г.

тельства до 30 семействъ казаковъ изъ земли Войска Донского; они высланы по Высочайшему повелѣнiю, состоявшемуся 28 апрѣля 1850 года, какъ отвергающіе присягу, церковь, таинства и верховную власть. Ивановцы были недовольны присылкою къ нимъ этихъ переселенцевъ и просили выслать означенныхъ казаковъ изъ Ивановки въ другое какое-либо *) мѣсто. Свое ходатайство они мотивировали тѣмъ, что въ Ивановкѣ было въ декабрѣ 1850 года уже 110 дворовъ, и такъ какъ занятіе жителей составляло хлѣбопашество и скотоводство; то отъ увеличенія числа переселенцевъ народъ могъ встрѣтить стѣсненіе въ землѣ; указывали при этомъ и на то, что присланные казаки, принадлежавшіе къ безповской сектѣ и въ толку противящихся распоряженіямъ Правительства, уклонялись отъ общественныхъ повинностей и вели развратную жизнь, а это могло очень дурно повліять на нравственность ивановцевъ. Вслѣдствіе этого ходатайства ивановцевъ, за казаками учредили надзоръ, и, въ случаѣ неисправленія, ихъ рѣшено было выселить изъ этого селенія, какъ это и случилось. Но куда они выселены и когда, — изъ мѣстныхъ официальныхъ бумагъ ничего не извѣстно, да и старожилы въ Ивановкѣ объ этомъ ничего не помнятъ. Переселенцы пожелали назвать вновь образовавшееся селеніе Ивановкой, что и уважено было начальствомъ **). По рассказамъ старожилонъ, подтверждаемымъ и архивными документами, инициаторомъ ходатайства объ основаніи Ивановки явился крестьянинъ Иванъ Першинъ, въ честь котораго селеніе и получило свое названіе. Туземцы называютъ Ивановку Гафтараномъ, по прежнему названію мѣстности, на которой расположено это селеніе. Последнее названіе производятъ отъ

*) Въ дѣлѣ № 109, 1849 г., смотр. предписаніе управляющаго Шемахинскою губерніею, отъ 23 декабря 1850 г., № 18751.

**) Тамъ же, рапортъ Лагичскаго засѣдателя, отъ 16 ноября 1847 г., за № 1837, и предписаніе Шемахинской Палаты государственныхъ имуществъ, отъ 16 января 1848 г., № 121.

персидскихъ словъ „haftъ“—семь и „aranzъ“—степь, ущелье. Такое наименованіе получила она, нужно полагать, отъ того, что въ окрестности селенія много ущелій. Мѣстность, гдѣ было прежде селеніе Топчи, нынѣ обращена мѣстными жителями подъ пашню *).

Внѣшній видъ селенія. Жилища съ хозяйственными принадлежностями. Правительственныя и общественныя учрежденія.

Селеніе Ивановка расположено на совершенно плоской, покатой къ сѣверо-западу, высокой равнинѣ Гафтаранъ, растилающейся въ разстояніи 15—18 верстъ отъ подошвы южнаго склона главнаго Кавказскаго хребта. Равнина эта бѣдно орошена и окаймлена съ сѣвера и юга невысокими кряжами Воздагскихъ горъ. Съ запада селеніе открыто. Съ сѣвера и сѣверо-востока оно загорожено кряжемъ Лагичскихъ горъ, а съ востока Кушениджинскими горами, сливающимися къ плоскогорью, на которомъ расположено селеніе Ивановка. Здѣсь, къ востоку отъ Ивановки, мѣстность изрѣзывается множествомъ овраговъ, раздѣленныхъ хребтами, покрытыми кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Овраги и эти хребты съ поперечными долинами служатъ Ивановкѣ путемъ сообщенія съ Карамарьяномъ-русскимъ и далѣе съ м. Геокчай, желѣзно-дорожной станціей Мюсисли и гор. Шемахой. Здѣсь же въ долинѣ лежитъ родникъ „Балыкъ-булакъ“, откуда ивановцы берутъ воду для питья, и откуда течетъ рѣчка, орошающая сосѣднія селенія: Ашигъ-Байрамлы, Кюртъ-Маши, Карамарьянъ и др. Къ западу плоскогорье понижается и оканчивается у р. Геокчай уступами.

Переселенцы скоро обстроились, и теперь Ивановка пред-

*) На картахъ, издаваемыхъ топографич. отдѣломъ Кавк. военнаго округа, селеніе Топчи обозначается до послѣдняго времени, какъ существующее. *Ред.*

ставляетъ собою зажиточное селеніе. Дома въ немъ, за немногими исключеніями, одноэтажные, бревенчатые, съ покатыми соломенными, досчатыми и черепичными крышами. По срединѣ селенія Ивановки имѣется громадная площадь, на которой устроены: молитвенный домъ, кузницы, пруды и пр. Отъ этой площади идутъ улицы; онѣ широкія и прямыя; ширина каждой изъ нихъ равняется 15 саженимъ. Дома фасадомъ обращены на улицу. Въ комнатахъ имѣются печи, въ которыхъ пекутъ хлѣбъ, а зимою варятъ пищу. Дома, или жилия помѣщенія, состоятъ, преимущественно, изъ одной комнаты, рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ (когда семейство большое, зажиточное, и въ немъ нѣсколько женатыхъ мужчинъ) изъ двухъ и трехъ комнатъ. Комнаты располагаются одна возлѣ другой и соединяются между собою сѣнцами (коридоромъ) и внутренними дверями. Полы во всѣхъ домахъ досчатые. Отхожихъ мѣстъ нѣтъ; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ дома, въ которыхъ помѣщаются чиновники и правительственныя учрежденія.

Жилия комнаты содержатся, большею частью, нечисто и неопрятно; дворы и улицы завалены всякимъ мусоромъ, выбрасываемымъ изъ комнатъ; для соблюденія чистоты особенныхъ мѣръ не принимается. Мусоръ и нечистоты вывозятся изъ селенія только 2—3 раза въ годъ, отчего зимою, весною и осенью, во время продолжительныхъ дождей, бываетъ здѣсь невылазная грязь.

Кухонь при домахъ, обыкновенно, нѣтъ, пища же варится, какъ выше сказано, въ жилой комнатѣ, въ печи, а дѣломъ—на дворѣ, въ печкахъ, устраиваемыхъ подъ навѣсомъ. Комнатная мебель отличается простотою: въ переднемъ углу стоитъ, обыкновенно, большой, простой, грубой работы столъ, у стѣнъ приставлены длинныя скамейки на виллообразныхъ ножкахъ, вдѣланныхъ въ доску (сидѣнье); къ этой мебели надо еще прибавить табуретки и нары (койки), вдѣланныя въ

стѣны и полъ. Постель состоитъ изъ подушекъ, тюфяковъ, перинъ, одѣялъ и лантуховъ. Принадлежности постели днемъ складываются на койку. На ночь постели приготовляются, смотря по обстоятельствамъ, на печи (зимою), на кровати, на полу и лавкахъ, безъ всякаго порядка. Въ домахъ болѣе зажиточныхъ крестьянннхъ есть болѣе приличная мебель: столы и стулья, а также зеркала.

Другія домашнія и хозяйственныя принадлежности встрѣчаются въ домахъ ивановцевъ слѣдующія: самоваръ съ чайнымъ приборомъ, вѣдра, котлы, чугуны, сковороды, горшки, корыта, кадуски, кувшины, тарелки, лампы, квашни, сундуки, станъ, мялки для льна, скалки, люлька, прылка, цѣдилка, гребень, гребенекъ, рѣшето, сито и нѣк. др.

У 5—6 человекъ передъ домами, со двора, имѣются неширокіе балкончики, которые служатъ защитой какъ отъ солнца, такъ и отъ дождя и снѣга; при нѣкоторыхъ же домахъ есть балкончики и съ улицы. Лучшіе балконы устроены передъ двухъ-этажными домами. Семейства, въ которыхъ по нѣскольку женатыхъ, лѣтніе мѣсяцы, большею частью, проводятъ на дворѣ, а зиму въ комнатахъ, а въ крайнемъ случаѣ—въ сѣнцахъ и амбарахъ. Всѣ безъ исключенія,—молодые и старые, спятъ въ одной комнатѣ. Дѣти чаще спятъ на „палаткахъ“, устраиваемыхъ въ комнатахъ у входа, надъ дверями; всходятъ на нихъ по приступкамъ, которые ведутъ и на печь, такъ какъ „палатки“ приближаются къ печи одною своею стороною.

Въ селеніи Ивановѣхъ находятся слѣдующія правительственныя учрежденія:

1) Ивановскій мировой участокъ, состоящій въ завѣдываніи помощника геокчайскаго мирового судьи; при немъ находится помощникъ секретаря и судебный приставъ.

2) Камера слѣдователя Лагичскаго участка, состоящая изъ помощника геокчайскаго мирового судьи и переводчика при немъ.

3) Геокчайское лѣсничество 3-го класса. Оно состоитъ изъ одного лѣсничаго, заведывающаго казенными лѣсами Геокчайскаго уѣзда. При немъ находятся объѣзчики и полѣсовщики.

4) Резиденція лагичскаго полицейскаго участковаго пристава.

5) Медицинско-санитарный пунктъ, съ однимъ фельдшеромъ.

Къ общественнымъ учрежденіямъ относятся:

1) ивановское сельское управленіе, состоящее изъ одного старшины или старосты, кандидата по немъ и сельскаго писаря,

и 2) ивановскій сельскій судъ, который состоитъ изъ 3-хъ судей и стольнихъ же кандидатовъ по нимъ.

Мѣстоположеніе, границы и величина.

Селеніе Ивановка лежитъ при трехъ прудахъ и родникѣ „Балыкъ-булакъ“, подъ $40^{\circ}44'48''$ сѣверной широты и $65^{\circ}42'$ восточной долготы по меридіану острова Ферро, возвышаясь надъ уровнемъ Чернаго моря на 2770 футовъ *).

Площадь, занимаемая селеніемъ со всѣми его землями, составляющими часть Гафтаранской лѣсной дачи, заключается въ слѣдующихъ границахъ: съ сѣвера—участокъ казенной земли Сурховъ и лѣсъ; съ востока—ущелье Дава-Батанъ, съ юга—межа земель селеній Ушталь и Солтанъ-Кендъ и съ запада—межа земель селеній Калаге и того же селенія Солтанъ-Кендъ. Весь этотъ надѣлъ, вмѣстѣ съ участкомъ земли въ 100 десятинъ подъ названіемъ Ивановскаго кншлаха, входящагося въ вѣчномъ бесплатномъ пользованіи общества и

*) „Описаніе населенныхъ мѣстъ Бакинскій губерніи“ Н. Зейдлица, стр. 10 и 82, Тифлисъ, 1870 г. Изданіе Кавказскаго статистическаго комитета.

расположеннаго въ дачѣ селенія Карамарьянъ-русскій, включаетъ 3573 десятины; изъ этого количества около 60 десятинъ занято лѣсомъ. Кромѣ этого основного надѣла, у ивановцевъ вмѣстѣ съ кюлюлинцами и карамарьянцами въ безсрочномъ пользованіи имѣются за добавочную плату (подать), въ годъ по 144 руб. сер., ейлахи: Тюльки-Тапа, Новчали, Норуиъ-Кошунъ, Узунъ-Кошунъ и Кизиль-булакъ. За пользование частью этихъ ейлаховъ ивановцы платятъ въ годъ 75 р. Земли здѣсь на долю ивановцевъ приходится около 780 десятинъ. Ейлахи эти служатъ только для пастбы скота. Сверхъ того, обществомъ арендуется оброчная статья Сурховъ, странствомъ въ 55 десятинъ, за ежегодную плату 160 р. 40 коп. Земля, находящаяся въ пользованіи ивановцевъ, черноземная, но покрытая кустарникомъ и лѣсомъ. Надѣлъ ивановцевъ не обмежеванъ и на планъ хозяйственной сѣмки не снятъ.

Селеніе это дѣлится на три части: одна называется Пришибинской, другая—Джабанской и третья—Топчинской; часть послѣдней называется и Смыгалской. Части эти получили свои названія отъ деревень, изъ которыхъ переселились ихъ обитатели. Селеніе Пришибинское находится въ Ленкоранскомъ, Джабаны—въ Шемахинскомъ уѣздѣ, а с. Топчи упразднено въ 1847 году. Ивановцы надѣлены въ достаточномъ количествѣ усадебной землей, которой на каждый дымъ въ Пришибинской части приходится, приблизительно, 450 кв. саж. (15 саж. въ ширину и 30 въ длину), а въ прочихъ—отъ 750 до 900 кв. саж. (15 саж. въ ширину и 50—60 въ длину).

Въ заключеніе, для характеристики селенія, ниже приводится число зданій, улицъ и т. п.

площадь	1
улицъ	5
переулковъ	3
кладбище	1

кварталовъ или частей селенія	3
молитвенный домъ, гдѣ помѣщается и училище . . .	1
одно-этажныхъ деревянныхъ домовъ	120
двухъ-этажныхъ	9
лавобъ	3
кузницъ	8
маслобойня	1
бань домашнихъ	50

Климатъ.

За отсутствіемъ точныхъ метеорологическихъ наблюдений, приходится судить о климатѣ селенія по отзывамъ жителей и на основаніи числа смертныхъ случаевъ въ населеніи.

Климатъ въ селеніи Ивановѣ, какъ и во всей южной части Лагичскаго участка, умѣренный. Зима бываетъ снѣжная и морозная, весна и осень, особенно весна, обильны дождями, лѣто же умѣренное. Атмосферной влаги вполне достаточно для поддержанія растительной жизни, почему здѣшняя земля и не нуждается въ поливѣ.

Температура въ лѣтніе мѣсяцы въ полдень на солнцѣ доходитъ до 35° по Реомюру. Вечеромъ и утромъ въ лѣтнее время бываетъ сыро. Воздухъ умѣряется вѣтрами, которые лѣтомъ дуютъ, преимущественно, съ юга, съ Муганской степи, а изрѣдка—съ сѣвера, со стороны главнаго Кавкасскаго хребта, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. Зимой морозы доходятъ до 5—13°. Снѣгъ выпадаетъ, по большей части, въ первыхъ числахъ ноября и держится очень долго, иногда до конца марта, почему кормъ для скота заготавливается съ такимъ расчетомъ, чтобы его хватило до 15-го марта. Пасмурныхъ дней бываетъ немало. Громъ бываетъ рѣдко и въ первый разъ онъ замѣчается въ первыхъ числахъ апрѣля. Градъ выпадаетъ рѣдко, и если бываетъ, то не приноситъ особаго

вреда. Изъ деревьевъ прежде всего цвѣтеть кизиль, — въ концѣ февраля, а распускается прежде другихъ ива. Цвѣтеніе ивы бываетъ около двадцатыхъ чиселъ марта. Послѣ ивы, въ концѣ апрѣля распускается тѣтовникъ. Виноградъ расцвѣтаетъ въ половинѣ мая, поспѣваетъ же въ послѣднихъ числахъ августа. Клубника поспѣваетъ въ началѣ іюня, а вишня въ іюлѣ мѣсяцѣ. Дубъ распускается въ началѣ мая. Листопадъ начинается съ 20 октября и продолжается до 5 ноября, въ болѣе низкихъ мѣстахъ — позже.

Утренники прекращаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и появляются въ концѣ октября и въ началѣ ноября, но нерѣдки случаи, когда начинаются лишь въ среднихъ числахъ ноября мѣсяца.

Что касается вліянія климата на здоровье жителей, то нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого сообщаются ниже, въ главѣ, касающейся народнаго здравія.

Вода.

Несмотря на обиліе атмосферныхъ осадковъ, водою Ивановка весьма небогата. Вблизи ея нѣтъ ни рѣвки, ни ручья, ни озера. Для поила домашняго скота устроены въ селеніи три пруда, которые наполняются дождевой водой. Для людей питьевая вода доставляется изъ колодца, устроеннаго на родникѣ Балыкъ-булакъ, находящемся въ ущельѣ Дава-Батанъ, которое отстоитъ отъ селенія на 3 версты. Доставка воды сопряжена съ большими затрудненіями, въ особенности зимою. Все время приходится тащить повозку по крутому подъему. Для этого впрягаютъ одну, двѣ, а иногда и три пары быковъ, смотря по погодѣ и величинѣ бочки. За водой, обыкновенно, отправляются бабы и мальчуганы чуть-свѣтъ, потому что весною и лѣтомъ въ это время бываетъ прохладно, а зимою утренній морозъ дѣлаетъ дорогу болѣе удобною для ѣзды.

Во время бездождя и засухи, когда пруды высыхают, скотъ для пойда пригоняется къ канавѣ, проведенной мимо родника изъ рѣчки Агри-чай, впадающей въ Геогчайку. Канавка эта проложена по ущелью Дава-Батанъ нѣсколькими обществами, а именно: ашигбайрамлинскимъ, кюртмашинскимъ и караязинскимъ; вода изъ этой канавы служитъ послѣднимъ какъ для питья, такъ и для поливки полей.

Повойный генераль Д. С. Старосельскій, въ бытность свою бакинскимъ губернаторомъ, обратилъ вниманіе на затруднительное положеніе населенія Гафтаранской возвышенности (ивановцевъ, калагинцевъ, ушталцевъ, ванкцевъ, солтанъ-кендцевъ и др.): видя, что населеніе страдаетъ отъ недостатка воды, которой здѣсь лѣтомъ едва хватаетъ на первыя жизненныя потребности населенія, онъ командировалъ инженеръ-гидравлика Шабанова, для изысканія удобныхъ способовъ снабженія этой мѣстности водою. Изысканія эти дали благопріятный результатъ: оказалось, что въ селеніе Ивановку можно провести воду изъ рѣчки Ахохъ-чай, при чѣмъ водопроводъ имѣлъ бы до 25 верстъ длины. Д. С. Старосельскій тогда же предложилъ ивановцамъ войти съ ходатайствомъ объ отпускѣ имъ ссуды отъ правительства на это предпріятіе съ разсрочкою уплаты; но ивановцы, находя, что этотъ расходъ былъ-бы для одного ихъ общества обременителенъ, отказались отъ ходатайства о ссудѣ.

Народное здравіе.

Чтобы яснѣе представить точныя данныя о состояніи народнаго здравія и естественнаго прироста населенія Ивановки, сопоставимъ число рожденій, случаевъ смерти и браковъ за десятилѣтіе съ 1879 по 1888 г. Въ селеніи Ивановѣ точныя записи о числѣ родившихся, умершихъ и браковъ ведутся въ сельскомъ управленіи только съ 1879 года.

а) Число рождений по мѣсяцамъ за десять лѣтъ, съ 1879 по 1888 г.

Годъ	Полъ	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	За весь годъ.	
														По поламъ.	Обоего пола
1879	м.	2	2	5	3	1	2	—	5	6	—	2	1	29	46
	ж.	1	1	4	1	1	2	—	2	1	1	1	2	17	
1880	м.	1	2	1	1	1	1	1	1	2	1	2	1	15	40
	ж.	2	2	3	3	—	3	1	1	3	—	6	1	25	
1881	м.	1	2	—	—	2	1	—	3	—	2	3	1	15	38
	ж.	1	4	—	—	6	1	—	1	2	2	6	—	28	
1882	м.	2	1	—	1	2	—	—	2	2	1	2	—	18	38
	ж.	4	2	2	2	6	—	—	1	1	—	1	1	20	
1883	м.	2	2	1	4	2	—	—	3	3	—	1	—	18	37
	ж.	2	—	—	1	2	1	1	3	2	2	3	2	19	
1884	м.	3	5	2	1	2	1	—	2	1	3	6	—	26	46
	ж.	2	4	—	2	—	2	—	1	2	2	3	2	20	
1885	м.	2	2	4	2	1	1	1	2	3	1	5	1	25	46
	ж.	1	2	4	2	1	—	2	1	3	—	4	1	21	
1886	м.	5	2	—	2	3	3	—	4	3	3	—	—	25	55
	ж.	3	2	3	2	4	2	3	3	4	4	—	—	30	
1887	м.	5	6	2	4	2	2	1	2	2	4	—	5	35	62
	ж.	3	4	1	5	2	2	5	1	—	1	1	2	27	
1888	м.	2	3	3	1	1	1	3	4	—	2	1	3	24	46
	ж.	6	1	3	—	1	2	—	1	2	2	1	3	22	
Всего	м.	25	27	18	19	17	12	6	28	22	17	22	12	225	449
	ж.	25	22	20	18	23	15	12	14	19	14	22	20	224	
	Обоего пола	50	49	38	37	40	27	18	42	41	31	44	32	449 *)	

*) Въ томъ числѣ родилось: а) *иудействующимъ*: въ 1879 г.—2 м., въ 1881—2 ж., въ 1882—1 ж., въ 1883—1 м., въ 1884—2 ж., въ 1885—2 м. и 1 ж., въ 1888—1 ж.,—всего 5 м. и 7 ж. или 12 дѣт., и б) *баптистовъ* въ 1888 г.—1 м.

б) Число случаевъ смерти по мѣсяцамъ за десять лѣтъ, съ 1879 по 1888 г.

Годы.	Полюс.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	За весь годъ.	
														По половамъ.	Обоего пола.
1879	м.	1	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—	—	5	7
	ж.	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
1880	м.	1	3	—	—	—	—	—	—	3	—	1	1	9	18
	ж.	1	—	—	—	—	—	1	—	2	2	2	1	9	
1881	м.	2	2	—	—	—	2	1	3	4	5	—	2	21	35
	ж.	—	1	2	—	—	—	—	2	5	3	1	—	14	
1882	м.	7	4	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	14	24
	ж.	4	2	1	—	2	—	—	—	—	1	—	—	10	
1883	м.	2	—	—	1	—	1	—	—	—	1	1	1	7	11
	ж.	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1	4	
1884	м.	2	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	4	7
	ж.	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	3	
1885	м.	1	1	—	—	1	1	—	—	1	1	—	—	6	8
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2	
1886	м.	—	—	2	—	—	1	—	—	3	—	1	—	7	11
	ж.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	—	—	4	
1887	м.	1	1	1	—	1	—	—	1	1	1	2	3	12	22
	ж.	3	1	—	—	—	—	—	1	—	—	4	1	10	
1888	м.	1	—	—	1	—	2	—	1	1	—	3	—	9	16
	ж.	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	2	1	7	
Всего	м.	18	11	3	2	2	8	3	8	18	10	8	8	94	159
	ж.	9	8	4	2	3	1	3	8	9	9	10	4	65	
Обоего пола		27	19	7	4	5	9	6	11	22	19	18	12	159 *)	

*) Въ томъ числѣ умерло *иудействующихъ* въ 1881 и 1884 гг. по одному мальчику.

и в) число браковъ за десятилѣтіе, съ 1879 по 1888 годъ.

Г о д ы .	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	Всего.
Число браковъ . .	5	13	7	16	8	4	5	12	11	5	86

Разсматривая таблицу смертности, можно видѣть, что за 10 лѣтъ умерло всего 159 человекъ, въ томъ числѣ 94 мужчины и 65 женщинъ. Слѣдовательно, среднимъ числомъ, въ селеніи умирало каждый годъ отъ 15-ти до 16-ти человекъ.

Въ разные годы смертность колеблется между 7 и 35 случаями. Наибольшая смертность была въ 1881, 1882 и въ 1887 гг., а наименьшая—въ 1879 и 1884 гг. Значительная смертность въ 1881 и 1882 гг. объясняется тѣмъ, что въ эти годы была оспенная эпидемія на дѣтяхъ, а въ 1887 г.—корь, которая приняла также эпидемическій характеръ.

Разсматривая ту же таблицу по мѣсяцамъ, мы замѣчаемъ, что за десятилѣтній періодъ, съ 1879 по 1888 годъ, наибольшая смертность была въ январѣ и февралѣ и, затѣмъ, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ; менѣе же всего умирало въ апрѣлѣ, маѣ и іюлѣ. По временамъ года смертность распределяется такъ: осенью за 10 лѣтъ умерло—59 чел., или, среднимъ числомъ, въ годъ—около 6 чел. (5,9); зимою 58 чел., т. е. въ годъ около 6 чел. (5,8); лѣтомъ—26 чел., или въ годъ—2,6 чел.; весною—16 чел., или—1,6 чел. въ годъ. Значить, осень и зима въ Ивановкѣ представляютъ болѣе неблагоприятное для здоровья время, а лѣто и, особенно, весна—самое здоровое время въ году. Если считать среднее число населенія Ивановки за 10 лѣтъ въ 970 душъ, то одинъ умершій приходится на 61 человекъ. Стало быть смертность въ Ивановкѣ болѣе-чѣмъ въ 2 раза ниже средней смертности

въ Россіи, гдѣ на 28,6 человѣка приходится 1 умершій, т. е. около 3,5⁰/₀.

Для опредѣленія естественнаго прироста населенія въ теченіе 10 лѣтъ, сопоставимъ число рожденій и смертности въ Ивановкѣ за это время.

Разсматривая таблицу о числѣ родившихся, мы видимъ, что за 10 лѣтъ родилось дѣтей обоюго пола 449 чел. (225 мальчиковъ и 224 дѣвочки), или, среднимъ числомъ, въ годъ — около 45 чел. (44,9), въ томъ числѣ 22,5 м. и 22,4 ж. п., т. е. на 21,6 чел. былъ 1 родившійся; а такъ какъ, за тотъ же періодъ, среднимъ числомъ, умирало въ годъ 15,9 человѣка, то перевѣсъ родившихся надъ умершими будетъ равенъ въ 10 лѣтъ — 290 чел., а въ одинъ годъ — 29 чел., или почти 3⁰/₀ общаго числа жителей.

Рождаемость по мѣсяцамъ распредѣлялась почти также, какъ и смертность: наибольшее число рожденій совпадаетъ съ тѣми мѣсяцами, въ которые больше умирало народу.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія было заключено 86 браковъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ, приходится на каждый годъ отъ 8 до 9 браковъ, что составитъ 1 бракъ почти на 113 человѣкъ; менѣе чѣмъ среднее число браковъ въ Россіи, гдѣ 1 бракъ приходится на 96 душъ.

Кстати замѣтимъ, что женщины вступаютъ въ бракъ 14 лѣтъ, а замѣтно старѣютъ съ 45 лѣтъ; случаи выхода замужъ въ 14 лѣтъ рѣдки; большинство выходитъ въ 18 лѣтъ; парни женились прежде 15—16 лѣтъ; но теперь воинская повинность принуждаетъ ждать минованія призывнаго возраста.

По ходатайству бывшаго геочайскаго сельскаго врача Веселовзорова, на средства, отпускаемыя изъ земскихъ сборовъ на содержаніе Геочайскаго приѣмнаго покоя, съ 19 марта 1885 года въ селеніи Ивановкѣ открытъ фельдшерскій санитарный пунктъ, главною обязанностью котораго считается безвозмездная подача проходящимъ больнымъ первоначальной по-

мощи и медицинских средств. Медикаменты, перевязочные материалы, посуда и другие принадлежности для пункта получают из Геовчайскаго приемнаго покоя. Приемъ приходящихъ больныхъ производится ежедневно, отъ 8 до 2 часовъ дня, въ случаяхъ-же, не терпящихъ отлагательства, — во всякое время дня и ночи, конечно, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда завѣдывающій пунктомъ фельдшеръ, по дѣламъ службы, отлучается въ Лагичскій участокъ. Пунктъ помѣщается въ одной комнатѣ, за которую платится изъ тѣхъ-же (земскихъ) источниковъ по 4 рубля въ мѣсяцъ. Завѣдуетъ пунктомъ младшій медицинскій фельдшеръ Геовчайскаго приемнаго покоя; онъ подчиняется непосредственно геовчайскому сельскому врачу.

Устройство здѣсь санитарнаго пункта оказалось вполне цѣлесообразной мѣрой для оздоровленія крестьянскаго населенія и уменьшенія среди него знахарства; раньше, по той причинѣ, что въ уѣздѣ отсутствовала правильная медицинская помощь, знахарство принимало все болѣшіе и болѣшіе размѣры. Въ Ивановкѣ имѣютъ свое пребываніе судебныя и административныя власти участка: завѣдующій мировымъ участкомъ, слѣдователь, лѣсничій и участковый приставъ, къ которымъ простой народъ принужденъ часто являться. Это даетъ возможность населенію широко пользоваться даровою медицинскою помощью: являясь въ Ивановку къ правительственнымъ властямъ, по разнымъ дѣламъ, крестьяне пользуются случаемъ и обращаются за лѣченіемъ въ санитарный пунктъ.

Какъ велико было число больныхъ, обращавшихся за лѣченіемъ въ этотъ пунктъ за первое трехлѣтіе (1886, 1887 и 1888 годы), можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ трехъ таблицъ: I) о числѣ больныхъ (по родамъ болѣзней, II) по вѣроисповѣданіямъ и III) по національностямъ.

I. Число больных по родамъ болѣзней.

Болезни.		1886 г.	1887 г.	1888 г.	Всего.
1	Оспа	20	—	28	48
2	Крупъ	2	—	—	2
3	Корь	—	66	—	66
4	Коклюшъ	2	—	—	2
5	Сыпной тифъ	—	—	18	18
6	Тифъ и тифозная горячка	14	—	—	14
7	Форма тифа, оставшаяся безъ точнаго распознаванія	—	5	—	5
8	Слизистый и желчный поносъ	87	—	—	87
9	Кровяной поносъ	—	1	—	1
10	Легкое холерное заболѣваніе	1	—	—	1
11	Заушница	2	3	5	10
12	Рожа	5	7	1	13
13	Сифилисъ	—	7	4	11
14	Зараженіе отъ животныхъ: водобоязнь, саль и сибирская язва	8	—	—	8
15	Венерическія болѣзни	6	11	7	24
16	Бугорчатка	10	13	15	38
17	Острая сыпь другихъ наименованій	23	—	—	23
18	Маларія	322	454	426	1202
19	Чесотка	18	64	95	112
20	Глисты	21	42	87	100
21	Острый катаръ дыхательныхъ органовъ	81	185	65	281
22	Воспаленіе плевры	—	23	6	29
23	Воспаленіе легкихъ и плевры	19	13	12	44
24	Прочія болѣзни дыхательныхъ органовъ (носа, гѣла)	52	65	96	213
25	Нервное сердцебіеніе	—	—	4	4
26	Органическія болѣзни брюшныхъ внутренностей	82	—	—	82
27	Желудочно-кишечный катаръ	10	69	20	99
28	Болезни желудка	—	258	228	486
29	„ кишекъ	—	98	98	196
30	„ печени	—	9	—	9
31	„ селезенки	—	2	—	2
32	„ брюшины	—	8	—	8
33	Грыжа	2	—	—	2
34	Водянка	18	—	11	24
35	Каменная болѣзнь	—	—	9	9
36	Воспаленіе мочевыхъ органовъ	4	—	2	6
37	Болезни мужскихъ половыхъ органовъ	—	5	1	6
38	Невралгія, анестезія и судорожныя болѣзни	47	95	41	183
39	Мышечный ревматизмъ	—	15	23	38
40	Хроническія сыпи	4	41	—	45
41	Язвы	—	—	57	57
42	Болезнь кожи	—	—	43	43
43	Воспаленіе подкожной клетчатки	117	214	69	400
44	Карбункулъ	—	5	3	8
45	Паразиты	—	—	4	4
46	Глазныя болѣзни	42	182	91	265
47	Ушныя болѣзни	6	11	15	32

Болезни.		1886 г.	1887 г.	1888 г.	Всего.
48	Переломы	—	5	—	5
49	Костюда	48	67	67	182
50	Сочленовный ревматизм	35	47	25	107
51	Болезни больших суставовъ	26	6	3	35
52	Вывихи	1	2	—	3
53	Сведения	4	1	—	5
54	Послѣродовныя болѣзни	9	3	6	18
55	Цынга	19	18	21	58
56	Желтуха	—	—	3	3
57	Золотуха	16	15	20	51
58	Растяженіе связокъ	—	—	1	1
59	Худосочныя язвы	—	16	—	16
60	Анемія и хлоровъ	17	55	46	118
61	Ушибы	11	14	6	31
62	Раны	34	114	32	180
63	Отравленія минеральными ядами	—	—	1	1
64	„ органическими ядами	—	1	—	1
65	„ алкоголемъ	—	1	—	1
66	„ животными	—	4	7	11
67	Ожоги	7	12	10	29
Итого больныхъ		1187	2247	1711	5145
Число болѣзней повторныхъ		157	274	178	604

II. Число больныхъ по вѣроисповѣданіямъ.

	Православныхъ.		Католиковъ.		Ариано-Григоріанъ.		Молоканъ.		Магомет. суннитовъ.		Магомет. шиитовъ.		Моисеева закона.		Всѣхъ исповѣданій.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	общего колич.
Въ 1886 году.	27	10	—	—	181	62	294	217	236	94	16	5	30	15	784	403	1187
„ 1887 „	55	24	—	—	405	182	554	418	364	133	52	14	27	19	1457	790	2247
„ 1888 „	33	9	4	—	395	109	407	263	281	78	66	8	47	11	1283	478	1711
Итого.	115	43	4	—	981	353	1255	898	881	306	134	27	104	45	3474	1671	5145
	158	4	—	—	1334	2153	1186	161	149	—	—	—	—	—	5145	—	—

III. Число больныхъ по національностямъ.

	Русскихъ.		Армянъ.		Поляковъ.		Татаръ.		Евреевъ.		Всѣхъ національностей.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	всего во вс.
Въ 1886 году.	321	227	181	62	—	—	252	99	30	15	784	403	1187
„ 1887 „	609	442	405	182	—	—	416	147	27	19	1457	790	2247
„ 1888 „	440	272	395	109	4	—	347	86	47	11	1283	478	1711
Итого.	1370	941	981	353	4	—	1015	332	104	45	3474	1671	5145
	2311		1334		4		1347		149		5145		

Флора и фауна.

1. Въ лесахъ и на поляхъ въ дикомъ состояннн растутъ: тополь, карагачъ, ясень, дубъ, кленъ, буекъ, осина, ольха, груша, мушмула (по-мѣстному—шишка), тутовникъ, тернъ, яблоня, вязиль, верба, ежевика, алыча, вишня, крыжовникъ, клубника, грибы, мхи и др.

2. Въ садахъ культивируются: тутовникъ, орѣшникъ, яблони, вишни, груши, сливы, айвы, мушмула (шишки), алыча и виноградъ.

3. Хлебныя растенія: озимая пшеница („сарибугда“) и яровая (кубанка), полба, просо, розь и ячмень, изрѣдка картофель.

4. Кормовыя луговыя травы: бѣлоусъ, повелица, трилистникъ, лисій хвостъ, ржанецъ, мятлица, солодовникъ.

6. Лекарственныя и красильныя растенія: шалфей, донникъ, шмакъ (по туземному „вельга“), полынь, белладонна, дурманъ, золототысячникъ, подорожникъ, тысячелистникъ, дикій макъ, ромашка и перечная мята.

Кромѣ исчисленныхъ выше растеній, на поляхъ изванов-

цевъ въ днѣомъ состояніи растутъ конопли, которой они, однако, не пользуютя. Въ прежнее время въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ населеніе собирало въ большомъ количествѣ „вельгу“, которая, какъ дубильное вещество, находила себѣ хорошей сбытъ на російскихъ рынкахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ спросъ на нее упалъ, жители болѣе не собираютъ ея.

Капуста разводится издавна. Въ послѣдніе годы ивановцы стали заниматься разведеніемъ капусты въ сосѣднихъ селеніяхъ Лагичскаго участка: Казылы, Калынчахъ и др., за что хозяевамъ земель платятъ извѣстную часть урожая, смотря по условію.

Въ селеніи Ивановѣ и его окрестностяхъ чаще другихъ встрѣчаются слѣдующія животныя: изъ *птицъ домашнихъ* — курица индейка, утка, гусь и голубь, а изъ *дикихъ* — голубь, горлица, фазанъ, курочка, куропатка, скворецъ, воробей, орелъ, коршунъ, ворона, солова, перепелъ, бекасъ, грачъ, куликъ, ястребъ, сова, филинъ, журавль, угодъ, чайка, малиновка, соловей, дровѣдъ, кукушка, щуръ, стрижъ, сойка, иволга, кобчикъ, галка, жаворонокъ, ласточка, дудаекъ, стрепетъ, дятель, витюжень и нѣк. др. Изъ *пресмыкающихся* въ этой мѣстности водятся: гадюга, мѣдянка, ужъ, ящерица, жаба, лягушка и черепаха. Изъ *млекопитающихъ*, какъ *домашнія*, здѣсь встрѣчаются лошадь, корова, буйволъ, коза, овца, кошка и собака, изъ *дикихъ* же — волкъ, медвѣдь, куница, шакалъ, лисица, ласка, вротъ, барсукъ, кабанъ, врыса, мышъ, заяцъ, олень, котъ, козы разныхъ видовъ, туръ, серна, рысь, рѣдко — барсъ.

Земельное довольствіе и хлѣбопашество.

Здѣсь существуетъ и раньше существовало общинное землевладѣніе. Но усадьбныя и садовыя мѣста составляютъ наследственную собственность отдѣльныхъ дымовъ общины. Пахотныя земли хотя принадлежатъ всей общинѣ, но на-

ходятся въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ ея (дымовъ сельскаго общества). Для этого вся общинная земля обществомъ раздѣлена на надѣлы, или отдѣльные участки, которые, по жеребью, отведены отдѣльнымъ дымамъ общины, по числу душъ обоого пола, равномерно. Владѣльцы участковъ обрабатываютъ ихъ и продукты урожая обращаютъ въ свою пользу. Отведенные отдѣльнымъ дымамъ участки подвергаются періодическимъ передѣламъ, и черезъ извѣстное число лѣтъ надѣлы, находившіеся въ однѣхъ рукахъ, переходятъ въ другія. Передѣлы бывають черезъ каждыя 5—7 лѣтъ, по приговору общества, при чѣмъ за основаніе передѣла принимается количество душъ обоого пола въ семьѣ. Послѣдній передѣлъ былъ въ 1888 году, а новый будетъ въ 1893 году. Выгоны, пастбища и всякая неудобная земля, покрытая кустарникомъ и пнемъ, а также залежныя поля находятся въ нераздѣльномъ пользованіи всей общины. Послѣ уборки хлѣба и травы, общинники пасутъ свой скотъ на всѣхъ земляхъ до начала апрѣля, а съ этого времени стерегутъ поля сторожа. Часть имѣющагося вышлага оставляется подъ покось, который дѣлится между домохозяевами селенія.

Какъ выше было сказано, ивановцы имѣють основной надѣлъ земли, который распределяется такъ:

Подъ усадьбами и фруктовыми садами	25,12 дес.
„ пашней	1425 „
„ пастбищами и неудобной . . .	2062,88 „
„ лѣсомъ около	60 „
Сверхъ того: а) ейлаховъ—для покоса	781,25 „
б) участковъ „Сырховъ“	
— для пахоты	55 „

Всего. . . 4409,25 дес.

Отсюда выходятъ, что, при наличномъ податномъ населеніи Ивановки (148 дымовъ съ 1134 душ. обоого пола), надѣлъ этотъ распределяется такъ:

Земли усадебно-садовой, пахотной и покосной

на дымъ причитается	15,45 дес.
А на душу обоого пола	2,62 „
Всей земли приходится на дымъ	29,79 „
На душу обоого пола	3,89 „

Отдѣльно, пахотной земли на дымъ приходится по 10 дес., а на душу обоого пола—нѣсколько болѣе 1,3 десятины. Каждый надѣлъ состоитъ изъ нѣсколькихъ участковъ, лежащихъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого.

Соха у ивановцевъ не въ употребленіи; они, исключительно, пахутъ плугами, въ которые впрягается отъ 4 до 6 паръ быковъ или лошадей, при 5—7 погонщикахъ. Здѣшній плугъ— великороссійскій, стариннаго устройства; онъ неуклюжъ и отличается особенною тяжестью на ходу. Пашетъ онъ не глубоко, вершковъ отъ 3 до 5, и, по причинѣ пологого отвала, не вполне удовлетворительно переворачиваетъ пластъ. Здѣшній плугъ, при 5 парахъ быковъ, въ недѣлю вспахиваетъ 4000 кв. сажень. Произведенныя осенью 1885 года въ Кюрдамирѣ испытанія молотканскаго плуга дали слѣдующій результатъ: ширина борозды=12 верш., глубина борозды=3,06 верш., усиліе въ пудахъ =0,7 на кв. вершковъ *).

Кромѣ плуга, при пахотѣ употребляется борона; къ ней прибѣгаютъ послѣ распашки поля: сперва разбрасываютъ зерна, а потомъ боронятъ. Въ борону впрягается одна пара быковъ или одна лошадь.

Молотба производится на гумнѣ, расположенномъ при усадьбѣ и представляющемъ собою небольшую круглую гладкую площадку. Молотятъ, предпочтительно, особыми досками, которыя называются „вѣли“ (татарское названіе). Онѣ состоятъ

*) См. въ VI т. „Матер. для изученія экон. быта государств. крестьянъ Закавказскаго края“, Тифлисъ, 1887 г., статью Н. А. Абелова: „Исслѣдованія Шемахинскаго и Геокчайскаго уѣздовъ“, стр. 127.—При составленіи этого и нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ, авторъ отчасти пользовался вышесказаннымъ сочиненіемъ.

изъ двухъ вмѣстѣ-смоточенныхъ толстыхъ досокъ, длиною, приблизительно, аршина $2\frac{1}{2}$, а шириною въ $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ арш. Доски эти, съ нижней стороны утыканныя небольшими кремневыми камнями, постепенно суживаются въ передней части, такъ что передніе концы ихъ заостряются и изгибаются нѣсколько кверху. На одной четверти аршина отъ узкаго конца (передняя часть) имѣются отверстія, черезъ которыя пропущены веревки, связывающія доски между собою. Въ эти „яли“ впрягается пара быковъ, которые и таскаютъ ихъ по разостланнымъ на гумнѣ снопамъ. На доскахъ сидитъ погонщикъ,—это, обыкновенно, кто-либо изъ дѣтей; иногда, чтобы увеличить тяжесть молотильныхъ досокъ, подъ погонщика кладутъ камень. Иные быковъ замѣняютъ лошадьми. Вмѣсто молотильныхъ досокъ ивановцы употребляютъ также молотильные камни, т. е. цилиндрическіе катки съ 6—8 продольными бороздками, выдѣлываемые изъ мѣстнаго мягкаго камня.

При такомъ способѣ молотбы, зерна отдѣляются, а солома отъ растиранія превращается въ саманъ, идущій зимою на кормъ домашней скотинѣ. Вѣяніе зерна производится на току же: при небольшомъ вѣтрѣ, растертая смѣсь подбрасывается вверхъ орудіемъ, которое называется „шана“. При повторительномъ вѣяніи зерна, послѣднее подбрасывается уже деревянными лопатами. Теперь въ употребленіи и вѣялки, частью привезенныя изъ Россіи, а частью заготовляемыя въ самой Ивановкѣ, по образцу послѣднихъ.

Выше сказано, что на каждый податной дымъ ивановецъ приходится удобной пахотной (не поливной) земли по 10 дес. Такое количество земли съ перваго раза можетъ казаться больше-чѣмъ достаточнымъ, но на самомъ дѣлѣ выходитъ совсѣмъ противное, какъ это можно видѣть изъ нижеприводимаго расчета.

Распахива поле производится весною, а затѣмъ поле засѣвается три года сряду и при этомъ, предъ посѣвомъ, ка-

ждый раз снова распахивается плугом же. После этого поле отдыхает два года. Во второй год залежное поле оставляется под повою; на 6-й год земля, уже отдохнувшая, вспахивается весной плугом, и часть ее отдѣляется под повою яровыхъ растений, а осенью вся обновленная земля засѣвается озимью. Вообще, при подобномъ сѣвооборотѣ, под культурой остается $\frac{3}{8}$ пахотнаго надѣла, или по 6 десятинъ удобной пахотной земли на дымъ.

Для болѣе яснаго представленія хозяйства ивановца, приведемъ расчетъ высѣва 15 пудовъ пшеницы на принятой здѣсь десятинѣ, равняющейся 4000 кв. саж., или $1\frac{2}{3}$ казенной десятины. Мѣстность—лѣсистая, почему приходится расчищать поля отъ кустовъ и пней.

№ по порядку работъ.	Порядокъ работъ.	Число дней.	Число паръ рабочаго скота.	Число рабочихъ.	Стоимость въ рубляхъ.
1	Очистка и распашка поля	7	6	4	12
2	Засѣваніе и боронованіе	1	6	4	4
3	Свозка сноповъ	2	3	3	6
4	Молотьба и вѣяніе	2	3	3	6
Итого . . .		12	18	14	28

Наивысшій урожай—въ самѣ-6, а средній—въ самѣ-4—5. При урожаѣ въ самѣ-5, валовой доходъ равняется 75 пуд., а за вычетомъ сѣмянъ (15 пуд.), платы жнецу $\frac{3}{20}$ урожая ($11\frac{1}{4}$ пуд.) и расхода на его прокормленіе ($1\frac{1}{2}$ п. *),— $47\frac{1}{4}$ пуд. Къ этому надо прибавить 40 „чуваловъ“ (мѣшковъ) саману (приблизительно, пудъ въ каждомъ). Средняя цѣна за пудъ пшеницы—80 коп., чувалъ саману стоитъ 10 коп.

*) Жнецы получаютъ, кромѣ 3 сноповъ изъ 20-ти, еще харчи, въ день по 4 фунта муки и по 5 копеекъ деньгами на человѣка. На уборку десятины требуется, приблизительно, 9 чел.

Слѣдовательно, валовой доходъ мѣстной дѣятины равняется 41 руб. 80 коп., а за вычетомъ издержекъ (28 руб.) получится чистый доходъ—13 руб. 80 коп.

Въ 5 лѣтъ производится 3 посѣва на одной и той же землѣ; при двухъ изъ нихъ поле только разрыхляется; это обходится на 2 рубля дешевле первоначальной распашки; такимъ образомъ, общій расходъ на 3 посѣва опредѣляется въ 80 руб., а валовой денежный доходъ, при среднемъ урожаѣ въ самъ-5, будетъ составлять за 5 лѣтъ 125 руб. 40 коп.

Чистый доходъ за 5 лѣтъ *)	45 руб. 40 коп.
„ „ „ 1 годъ	9 „ 8 коп.
„ „ съ 1 десятины нормальной.	5 „	44,8 к.

Для посѣва ивановцы, большею частью, употребляютъ изъ озимыхъ растений пшеницу „сарибугда“, рожь и ячмень, а изъ яровыхъ—пшеницу „кубанку“, ленъ, просо и полбу. Сѣютъ также горохъ. Яровыя растенія воздѣлываются въ очень маломъ количествѣ,—только для домашняго обихода. Просо воздѣлывается бѣлое, которое цѣнится вдвое дороже туземнаго, желтаго. Полба и просо обращаются въ крупу для каши. Воздѣлываніе льна даетъ двоякую пользу: изъ сѣмянъ его добывается масло, а изъ стебельковъ—волокну. Раньше ивановцы сѣяли гречиху, но потомъ бросили это дѣло, по причинѣ плохихъ урожаевъ. Весною 1884 года, по настоянію бывшаго геокчайскаго уѣзднаго начальника, снабдившаго общество даровыми сѣменами, они возобновили-было посѣвы гречихи, но неудачно: хотя всходы получились отличные, но зеренъ не дали. Поэтому ивановцы опять бросили воздѣлываніе гречихи.

*) Весь этотъ расчетъ находится въ зависимости отъ принятой авторомъ средней цифры урожая (самъ-пять); но есть основанія полагать, что она гораздо ниже дѣйствительной.

Для восстановления производительности истощенной почвы, ивановцы не прибѣгаютъ къ удобренію полей.

Уборка травъ производится косою, въ разное время: на низменности (надѣлъ въ Карамарьянской дачѣ)—съ 5-го по 10-е мая, а въ самой Ивановѣ—въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Жатва производится, исключительно, серпомъ. Время жатвы ячменя—начало второй половины іюня; пшеницу убираютъ послѣ Петрова дня, въ первыхъ числахъ іюля.

Въ полевыхъ работахъ принимаютъ участіе женщины: жнутъ хлѣбъ и гребутъ сѣно, косятъ же его только мужчины.

Бичемъ посѣвовъ являются градъ, засуха, мыши и саранча, но эти бѣдствія рѣдко постигаютъ ивановцевъ.

Вообще, жители селенія Ивановки не бѣдны. Довольство ихъ является результатомъ хорошихъ урожаевъ хлѣба и, вообще, успѣшнаго хлѣбопашества, которое въ ряду сельско-хозяйственныхъ занятій населенія занимаетъ первое мѣсто; хлѣба родится столько, что, за удовлетвореніемъ потребности населенія, получается избытокъ, который идетъ на продажу и служить для пополненія остальныхъ нуждъ домашняго обихода. Только 1 дымъ (мужъ съ женою) не имѣютъ земли, прочіе же всѣ владѣютъ землею; въ этомъ числѣ 10 дымовъ, съ 20 душами обоого пола (12 м. и 8 ж.), не имѣя своего хозяйства, живутъ заработками, а земли своего надѣла отдаютъ другимъ лицамъ, которыя отбываютъ ихъ повинности.

Хлѣбомъ ивановцевъ продовольствуются жители селеній Лагичъ, Химранъ и Джульянъ: они закупаютъ для себя хлѣбъ въ Ивановѣ.

Мельницы въ Ивановѣ нѣтъ; поэтому для размолы пшеницу отправляютъ на водяныя мельницы, устроенныя сосѣдними жителями на канавѣ, проведенной по ущелью „Дава-Батанъ“.

При обработкѣ земли, ивановцами употребляются слѣдующія земледѣльческія орудія:

1) Плугъ, который со всѣми принадлежностями стоитъ около	50 р. — „
2) Борона	3—4 р.
3) Молотильныя доски („вѣли“).	3 р. — к.
4) „ „ камень (катоуъ).	5 „ — „
5) Коса	1 „ — „
6) Серпъ	— „ 30 к.
7) Вилы	10—15 к.
8) Грабли	— „ 25 к.
9) Деревянная лопатка	— „ 30 к.
10) Желѣзный заступъ	1 р. — „
11) Мотыгъ	— „ 40 к.
12) Ядро	1 р. 50 к.
13) Повозка	30 и болѣе руб.
14) „Шана“—для вѣянія саману съ верномъ	— „ 60 к.
15) Россійскія вѣялки, частью заготовляемыя на мѣстѣ	40 р. — „

Въ трехлѣтіе съ 1886 по 1888 г. средняя цѣна предметовъ первой необходимости здѣсь колебалась такъ:

1 ф. хлѣба	отъ 3 до 4 к.
1 „ баранины (на базарахъ)	„ 7 „ 10 „
1 „ говядины	„ 5 „ 6 „
1 „ масла	„ 20 „ 40 „
1 пудъ проса	„ 45 „ 60 „
1 тагаръ (25 пудовъ) пшеницы	„ 20—25 р.
1 „ „ „ ячменя	„ 8—10 „
1 пудъ полбы	— „ 60 к.
1 „ льна	1 р. 20 „
10 шт. вуринныхъ яицъ	отъ 10 до 12 „
1 вурница	„ 25 „ 40 „

1 июль	отъ 90 к. до 1 р.	20 к.
„ гусь	„ — „ 1 „ — „	„
„ утка	„ — „ — „	30 „
1 боченокъ воды въ 20 ведеръ	„ — „ — „	35 „

Цѣна квартиръ въ мѣсяць:

1 комната	5 р.
2 „	8 „
3 „	12 „

Пользованіе лѣсомъ.

По смежности селенія Ивановки расположены Гафтаранская и Пирамешинская казенныя лѣсныя дачи; изъ нихъ первая имѣетъ площадь 8700,41 дес., въ томъ числѣ подъ лѣсомъ 6679 дес.; площадь второй составляетъ 13662,41 дес., при чемъ подъ лѣсомъ 7503 дес. Сверхъ сего, ивановцы имѣютъ на своихъ надѣльныхъ земляхъ около 60 дес. лѣса.

Въ обѣихъ этихъ казенныхъ дачахъ, равно какъ и въ прочихъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ Геомчайскаго уѣзда, а также въ собственныхъ лѣсахъ ивановцевъ преобладающія породы—грабъ, дубъ и букъ; встрѣчается ясень, карагачъ, чинаръ, ольха, кленъ, тополь и нѣкоторыя другія деревья. Дачи эти даютъ какъ строевой и подѣлочный матеріалъ, такъ и дрова, хворостъ и колья. Для охраненія вышеозначенныхъ казенныхъ лѣсовъ общество поставляетъ двухъ полѣсовщиковъ. За что бесплатно ему производится отпускъ изъ валежнаго лѣса по $\frac{1}{2}$ куб. саж. дровъ на дымъ. Но въ прежніе годы за это отпускалось лѣсного матеріала изъ сухоподстойнаго лѣса по одному бревну, по одной жерди и по одной кубической сажени дровъ изъ валежнаго лѣса на каждый дымъ. При бесплатномъ отпускѣ лѣсныхъ матеріаловъ взывается только 10% со стоимости отпущеннаго матеріала.

Хотя, по закону, и не предоставляется крестьянскимъ об-

ществамъ права бесплатно пасти скотъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, однако же ивановцы фактически пользуются этимъ правомъ, чему, отчасти, способствуетъ нахождение въ смежности ихъ собственныхъ лѣсовъ, на ихъ надѣльныхъ земляхъ.

Податное обложение и общественныя повинности.

Всѣхъ платящихъ налоги въ селеніи Ивановѣхъ числится 148 дымовъ, въ которыхъ 1134 души обоего пола (575 м. и 559 ж. п.), не платящихъ же, освобожденныхъ Бакинскою казенной палатой, какъ неспособныхъ къ труду, за старостью лѣтъ, и требующихъ за собой особаго ухода, — 1 дымъ, съ двумя душами обоего пола.

А. Подати:

1. Государственныя: подымная	1832 р. — к.
поземельная	75 „ — „
2. Земскія: общая по краю	719 „ 67 „
мѣстная губернская	159 „ 43 „
3. Арендная плата за участокъ Сырховъ	160 „ 40 „
	<hr/>
	Итого 2446 „ 50 к.

Б. Повинности общественныя:

Жалованье старшинѣ	40 р. — „
„ его помощнику	10 „ — „
„ писцу	120 „ — „
Наемъ квартиры для учителя	84 „ — „
Содержаніе сельской тройки	210 „ — „
Случайные расходы: издержки на приемъ и угощеніе начальствующихъ лицъ, на чапаровъ *), на служебныя повѣзды старшины и представителей общества	200 „ — „
	<hr/>
	Итого 664 „ — „
	<hr/>
	А всего 3110 р. 50 к.

*) Всадники земской стражи.

Слѣдовательно, податей и другихъ повинностей причитается: на дымъ 21 р. 2 к.
 „ на душу обоого поля 2 „ 74 „
 „ на десятину усадебно-садовой, пахотной и покосной земли 1 р. 36 „
 причитается на десятину всего надѣла съ ейла-
 хами — „ 70 „

Раскладка податей—подушная, и единицей обложенія является душа обоого поля. Раскладка добавочной подати за лѣтнія и зимнія пастбища, а также за арендуемый участокъ „Сырховъ“ производится отдѣльно отъ остальныхъ податей, по числу головъ пасомага здѣсь скота.

Общество имѣетъ сельскую тройку, за которую одному изъ членовъ общины платить въ годъ 150—210 руб., смотря по урожаю хлѣба. За это содержатель тройки обязанъ развозить чиновниковъ, отправляющихся по дѣламъ службы въ ближайшія села, и, вообще, всѣхъ тѣхъ, кому общество обязано поставить лошадь или подводу. Получаемыя за проѣздъ прогонныя деньги, если таковыя полагается взимать съ разъѣзжающаго, поступаютъ въ пользу содержателя тройки. Лошадей, повозку и прочую сбрую онъ приобретаетъ на свой счетъ.

Натуральная повинность ивановцевъ состоитъ въ отбываніи воинской повинности и общественныхъ службъ, какъ-то: въ ночныхъ караульщикахъ по селенію, полевыхъ сторожахъ, подѣсовщикахъ, десятникахъ при старшинѣ, ходокахъ (повѣренныхъ по селенію); сюда же относится отбываніе сельскихъ должностей: старшины, судей (трехъ) и кандидатовъ по нимъ.

Всѣ эти лица служатъ по выбору общества, безъ всякаго вознагражденія. Только старшинѣ и его помощнику полагается, какъ сказано выше, жалованье, и хотя они, а также и сельскіе судьи, освобождаются отъ общественныхъ натуральныхъ повинностей, но подати и всякія денежныя повинности отбываютъ наравнѣ съ прочими жителями.

Для сельскаго управленія и пріема начальствующих лицъ не имѣется особаго помѣщенія, поэтому послѣднимъ отводятся поочередно дома отдѣльныхъ хозяевъ.

„Ходаки“, или новѣренныя общества, выбираются, по надобности, на каждый отдѣльный случай, и за свои труды жалованья не получаютъ. На обязанности ихъ лежить охраненіе цѣлости и неприкосновенности „общественнаго земельного надѣла“ отъ захватовъ сосѣдей, подача жалобъ отъ имени всего общества начальству и т. п.

Полѣсовщики, въ количествѣ 2 человѣкъ каждый разъ, выбираются на три года; разсылный или, какъ здѣсь называютъ, десятникъ при старшинѣ выбирается одинъ на 6 мѣсяцевъ, а полевыхъ сторожей 2 чел., каждый—на 7 мѣсяцевъ, при чемъ въ пользу послѣднихъ поступаетъ за каждую войманную скотину по 5 коп. штрафа, взимаемаго съ хозяина скотины.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 26-й день мая 1886 года, въ числѣ прочихъ христіанскихъ народностей Закавказья, ивановцы привлечены въ отбыванію воинской повинности съ призыва 1887 года. Срокъ дѣйствительной службы въ войскахъ для поступающихъ по жребию опредѣленъ въ 3 года, а время состоянія въ запасѣ— въ 12 лѣтъ. Первый наборъ новобранцевъ былъ въ ноябрѣ 1887 года.

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Должны были вынуть жребій.	9 чел.	4 чел.
Изъ нихъ: оказались физически совершенно неспособными къ службѣ и были освобождены отъ воинской повинности	— „	2 „
Вынули билеты ополченскіе 1 разряда	6 „	1 „
2 разряда		1 „
„ „ служивые	1 „	— „

Дана отсрочка, по невозможности для поступления на службу 2 чел. — чел.
 Изъ числа ополченцевъ, по семейному положенію, пользуются льготами:
 1-го разряда } 1 "
 2-го " } 3 " — "

Скотоводство, птицеводство и некоторые другіе второстепенные промысла ивановцевъ.

Количество домашняго скота въ селеніи Ивановѣ за десятилѣтіе съ 1879 по 1889 г. выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Г о д ы .	Лошадѣй.	Быковъ.	Коровъ.	Телятъ.	Буivolовъ.	Буivolницъ.	Буivolзвѣ.	Овецъ.	Козъ.
1879	77	836	800	120	8	10	7	130	15
1880	72	806	280	95	4	18	9	135	14
1881	78	800	240	105	8	15	10	180	15
1882	65	800	150	99	8	30	15	140	12
1883	78	370	260	150	8	17	14	300	12
1884	85	755	384	245	7	26	24	280	15
1885	120	397	287	137	8	15	13	720	15
1886	200	1000	800	150	10	20	15	580	20
1887	198	889	750	141	10	20	16	540	21
1888	144	682	514	170	8	48	18	270	10
Всего за 10 лѣтъ.	1107	5335	3975	1412	59	214	141	8125	149
Среднимъ счетомъ въ 1 годъ.	110,7	533,5	397,5	141,2	5,9	21,4	14,1	812,5	14,9

Послѣ хлѣбопашества у ивановцевъ второе мѣсто занимаетъ *скотоводство*. Оно служитъ вспомогательнымъ сред-

ствомъ для веденія земледѣльческихъ и прочихъ сельско-хозяйственныхъ работъ: быкъ и лошадь въ хозяйствѣ составляютъ земледѣльческую рабочую силу. При полевыхъ и упряжныхъ работахъ ивановцами употребляются лошади и быки безразлично, при чемъ рабочая сила первыхъ считается вдвое больше силы послѣднихъ (быковъ).

Ивановцы содержатъ жеребцовъ и кобылицъ, дающихъ приплодъ; въ свободное отъ работы время лошади эти пускаются на подножный кормъ, въ стадо рогатаго скота.

Коровъ заводятъ, преимущественно, для приплода и молока, а буйволицъ для молочныхъ продуктовъ (молоко, сливки, кислое молоко, масло, сметана и творогъ). Молоко ивановскихъ коровъ и буйволицъ содержитъ большое количество жировыхъ шариковъ, при чемъ молоко послѣднихъ (буйволицъ) отличается густотою и ароматомъ. Молочные продукты, главнымъ образомъ, потребляются самими жителями, а частью сбываются мѣстнымъ чиновникамъ. Коровъ и буйволицъ доятъ по 2 раза въ день: утромъ и вечеромъ; при доеніи предварительно обмываютъ вымя. Передъ доеніемъ и послѣ телятамъ и буйволятамъ даютъ сосать молоко. Если послѣдніе околѣютъ, то изъ шкуры ихъ набиваютъ чучела, которыя, во время доенія, выносятъ къ коровамъ или буйволицамъ. Устарѣвшій рогатый скотъ даетъ хозяину деньги, если поступаетъ въ продажу гуртовщикамъ, въ противномъ случаѣ идетъ на убой и даетъ хозяину мясо, сало и шкуру.

Съ ранней весны до поздней осени крупный рогатый скотъ и лошади ивановцевъ находятся на подножномъ кормѣ. Пастбища ивановцевъ, обыкновенно, настолько обильны травой, что свободно прокармливаютъ скотъ. Для пастбы стада нанимаются обществомъ на весь періодъ пастбы отъ 7 до 13 пастуховъ, которые получаютъ въ день по 13 к. и по 2 ф. соли; на ейлахъ нанимаютъ 6 пастуховъ за 280 р.; послѣднимъ выдаютъ въ день по цѣлому хлѣбу въ 6 ф. на каждого; вече-

ромъ домохозяева по очереди даютъ пастухамъ ужины. Въ пастухи идутъ, обыкновенно, люди немущіе, не занимающіеся хлѣбонашествомъ и скотоводствомъ.

Уходъ за домашними животными довольно хорошъ: зимою держать ихъ въ конюшняхъ; для нихъ заготавливаютъ кормъ въ достаточномъ количествѣ; онъ состоитъ изъ сѣна и самана, а лошадямъ, сверхъ того, даютъ и ячмень.

Овцеводство не составляетъ спеціального промысла; имъ занимаются только три человѣка, да и тѣ въ незначительныхъ размѣрахъ.

Коневодствомъ занимается только почтосодержатель Т. Фефеловъ, у котораго въ 1883 году насчитывалось лошадей табунныхъ—матокъ 27, жеребцовъ производителей—3, малолѣтокъ 30 и сосунковъ—19. Размѣры его завода мало измѣнились и выражаются почти такими же цифрами и теперь.

Птицеводство. Изъ домашнихъ птицъ въ Ивановѣ немало куръ и индѣекъ; но зато, за недостаткомъ воды, весьма незначительно количество утокъ и гусей. Хотя разведеніемъ домашней птицы занимаются всѣ хозяева безъ исключенія, но птицеводство не составляетъ самостоятельного промысла въ быту ивановцевъ. Яйца домашней птицы составляютъ существенную часть пищи населенія, а мясо считается лакомымъ блюдомъ у жителей *).

Извозъ. Пять человѣкъ изъ ивановцевъ зимою занимаются извозомъ. Перевозка производится на повозкахъ, похожихъ на нѣмецкіе фургоны. Главный заработокъ ихъ получается отъ перевозки краснаго и др. товаровъ изъ г. Шемахи въ Геокчай и Агдашъ и обратно. Кромѣ этого, ивановцы занимаются доставкой зернового хлѣба на желѣзно-дорожную станцію Мюсюсли. За перевозку одного „тагара“ или, какъ иначе назы-

*) Свѣдѣнія о пчеловодствѣ и о кустарной промышленности въ Ивановѣ, сообщаемыя данною статьею, были уже напечатаны въ XI вып. „Сборн. мат. для описанія мѣст. и плем. Кавказа“; см. Отд. I, стр. 160—161. Ред.

ваютъ, „халвара“ (25 пуд.) груза на ст. Мюсюсли берутъ по 2 рубля.

Маслобойня. Какъ единственная представительница заводской промышленности, въ сел. Ивановкѣ существуетъ маслобойня, которая принадлежитъ сельскому старшинѣ. Она дѣйствуетъ только зимою и отчасти весной, — всего мѣсяца четыре въ году, съ декабря до второй половины или и до конца марта. За выдѣлку масла хозяинъ маслобойни получаетъ, приблизительно, 10% обработаннаго продукта. Топливо и рабочія руки поставляются хозяиномъ сѣмянъ. На маслобойнѣ обрабатывается только льняное сѣмя, хотя станокъ пригоденъ и для обработки другихъ сѣмянъ. Вырабатываемое масло потребляется на мѣстѣ.

Пути сообщенія.

Съ мѣстечкомъ Геокчай, которое представляетъ главный торговый, административный и судебный пунктъ для уѣзда, селеніе Ивановка сообщается по проселочнымъ дорогамъ: а) черезъ селенія Калаге и Гапутлы-молла-Исаглы и б) черезъ русское селеніе Карамарьянъ.

По первой дорогѣ до Геокчая считается всего 27 верстъ; но она изрѣзана множествомъ рукавовъ и канавъ, идущихъ изъ р. Геокчай и не имѣющихъ почти нигдѣ мостовъ; во время половодья переправа въ бродъ черезъ эту рѣчку опасна и сопряжена съ большими неудобствами: довольно часто въ этой рѣчкѣ погибаютъ лошади и опрокидываются фургоны, повозки и арбы. Вторая дорога длиннѣе первой на 11 верстъ, но для колесной ѣзды удобнѣе первой.

Ивановка съ городами Баку и Тифлисъ соединяется черезъ посредство желѣзно-дорожныхъ станцій Мюсюслинской и Уджаринской: до первой ѣдутъ проселкомъ, на Карамарьянъ,

а до второй — через Геокчай, на половину проселкомъ, на половину почтовымъ трактомъ.

Съ уѣзднымъ городомъ Шемахой Ивановка сообщается черезъ селеніе Карамарьянъ, по бывшей почтовой дорогѣ. Дорога эта, удобная и ровная до станціи Ахсу, перерѣзывается потомъ рѣчками Агри-чай (у мѣстныхъ жителей — Карамарьянъ-чай), Гирдиманъ и Ахсу. Эти рѣчки и многочисленныя глубокіе рукава ихъ мостовъ нигдѣ не имѣютъ; во время паводка переправа въ бродъ представляетъ неудобства и опасности, въ особенности черезъ рѣчку Гирдиманъ, которая разливается въ ширину на три версты, представляя тогда какъ бы сплошное озеро. Отъ Ахсу на Шемаху идетъ почтовая дорога изъ Кюрдамира; она шоссирована и держится въ примѣрномъ порядкѣ. По этой дорогѣ отъ Ивановки до Шемахи 91 верста.

Народонаселеніе.

Характеръ. Большинство кореннаго населенія Ивановки составили крестьяне, сосланные на Кавказъ, по приговорамъ суда и административнымъ порядкомъ, изъ юго-восточныхъ губерній европейской Россіи за оставленіе православія и принятіе сектантства. Поселившись на Кавказѣ, сектанты эти, пользуясь полною религіозною свободою, составили трудолюбивую, хорошо сплоченную общину. Вотъ что говоритъ о русскихъ сектантахъ Н. А. Абеловъ *): „У русскихъ сектантовъ сильно развитъ духъ общественности; но въ однообразіи сектантской общины, какъ религіознаго собранія, умственно-нравственная фвізіономія личности совершенно ступшевывается, а надъ общественною мыслью царитъ авторитетъ стариковъ. Патриархальное единство церкви, вѣрованій, обрядовъ, преданій и

*) См. „Матер. для изученія экомом. быта госуд. крестьянъ Закавказскаго края“, стр. 12.

миѣній сдерживаетъ свободное развитіе индивидуальнаго духа и предупреждаетъ возможность уклоненія отъ установленныхъ правилъ и формъ общежитія; строгая дисциплина, подчиняющаяся личности обществу, даетъ ему силу и исполнѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ хозяйственнымъ порядкамъ, которыхъ придерживаются русскіе сектанты. Сектанты мало расположены къ просвѣщенію; ихъ собственныя школы не идутъ дальше изученія книгъ духовнаго содержанія; заунывное однообразное пѣніе псалмовъ замѣняетъ полныя прелести и веселья русскія народныя пѣсни; пляски, музыка и хоры вытѣснены и замѣнены тѣмъ же заунывнымъ псалмопѣніемъ. Сектанты, вообще, отличаются твердою жизнью; въ послѣднее только время стали проникать въ ихъ среду губельные пороки: страсть къ водкѣ, куреніе табаку и даже развратъ. Эта характеристика русскихъ сектантовъ исполнѣе примѣнима и къ ивановцамъ. Ивановцы отличаются трезвою жизнью; спиртныхъ напитковъ не употребляютъ, почему въ ихъ селеніи не существуетъ и духана; и только очень немногіе изъ нихъ въ послѣднее время стали отступать отъ своихъ хорошихъ обычаевъ и пріучились секретно пить водку, и при случаѣ, особенно на свадьбахъ, напиваются изрядно.

Языкъ. Ивановцы говорятъ, главнымъ образомъ, на русскомъ языкѣ, но, благодаря тому, что они окружены татарами и армянами, и ведутъ съ ними постоянныя сношенія, а у послѣднихъ господствующій языкъ—татарскій, ивановцы, кромя своего роднаго, русскаго, языка, знаютъ и татарскій; послѣднимъ они пользуются нерѣдко даже въ разговорѣ между собою.

Занятія женщинъ. Домашнее хозяйство и огородныя работы всецѣло лежатъ на женщинахъ; сверхъ того, онѣ принимаютъ участіе и въ полевыхъ работахъ: жнутъ хлѣбъ, гребутъ сѣно, свозятъ и то, и другое на гумна, привозятъ воду, доятъ коровъ и т. п.

Одежда. Одежда мѣстныхъ жителей такая же, какую носятъ великорусскіе крестьяне фабричныхъ деревень: мужчины носятъ ситцевыя и шерстяныя рубашки, холщевыя и плисовые штаны, безрукавки, пиджаки, жилеты, длинныя сюртуки, кушаки, поддѣвки, суконныя шубы, мѣховыя шапки, фуражки, шарфы, носки, башмаки и сапоги; одежда женщинъ состоитъ изъ пальто, накидокъ, безрукавокъ, платковъ, шалей, шубъ, юбокъ, сарафановъ, фартуковъ, рубашекъ, чулокъ и башмаковъ. Туземное вліаніе отразилось лишь на одеждѣ мужчинъ, и то—въ слабой степени: рядомъ съ указанными принадлежностями великорусскаго костюма у нихъ находятся въ употребленіи архаики изъ атласнаго ластика и бурки.

Свадьба. Женятъ въ Ивановѣ парней, обыкновенно, на 15—16 году, рѣдко—на 19—20 году; но въ послѣднее время отбываніе воинской повинности принуждаетъ ждать минованія призывнаго возраста. Невѣсты бывають иногда на 2, на 3 года старше своихъ жениховъ. Дѣвушки выходятъ замужъ, по большей части, не ранѣе восемнадцатилѣтняго возраста, но многія выдаютъ замужъ и моложе, даже въ 14 лѣтъ. Подобныхъ случаевъ впрочемъ весьма мало. Выборъ невѣсты для парня, а равно и выборъ жениха для дѣвушки, зависятъ отъ самихъ молодыхъ людей, и рѣдко браки устраиваются по настоянію родителей.

Замѣтивъ у своего сына влеченіе въ женскому полу, родители даютъ волю его увлеченіямъ: не стѣсняютъ его домашней работой даже и въ будни, а въ праздники сами посылають его на улицу играть съ товарищами. Парни въ такіе дни собираются группами и выходятъ за селеніе. Тамъ дѣлають и дѣвушки. Компанія эти зимою, въ холодныя и ненастные дни, собираются въ домахъ, а въ теплыя и сухіе дни—въ паркѣ. Парни и дѣвушки дѣлятся здѣсь по возрастамъ и поламъ на группы. Въ группѣ старшаго возраста нерѣдко принимаютъ участіе и бородачи, недавно-женившіе-

ся мужчины, замужнія молодыя женщины и вдовушки. Въ селеніи и за селеніемъ, преимущественно, играютъ въ лапту, въ „круги“ и въ горбляки. Во время игръ парни ухаживаютъ за дѣвушками и выбираютъ себѣ невѣсту.

Не смотря на большую свободу, предоставляемую молодымъ людямъ, между ними не бываетъ случаевъ порочнаго увлеченія*). Къ вечеру всѣ возвращаются домой и дѣлятся свѣжими впечатлѣніями: старики и старухи строятъ планы на счетъ свадебъ и дѣлаютъ выборъ паръ для браковъ, засмываютъ „свашекъ“, для предварительныхъ переговоровъ; роль свахи чаще выпадаетъ на недавно-повѣнчанныхъ. Свашка, заручившись словомъ у родственниковъ невѣсты, сообщаетъ о согласіи роднымъ жениха; тогда отецъ и мать послѣдняго, а когда ихъ нѣтъ, — ближніе родные или друзья берутъ хлѣбъ-соль и вечеромъ отправляются въ домъ невѣсты сватать. Родители дѣвушки даютъ пришедшимъ прямой отвѣтъ о своемъ согласіи или несогласіи. Въ случаѣ благоприятнаго отвѣта, женихъ долженъ внести „владку“, т. е. выкупъ невѣсты, который, смотря по красотѣ послѣдней, бываетъ отъ 15 до 100 рублей. Деньги эти получаетъ отецъ или мать невѣсты и передаетъ послѣдней, а невѣста, по полученіи денегъ, даритъ жениху шелковый платокъ въ знакъ своего согласія выйти за него замужъ. Платокъ этотъ женихъ обязанъ носить на шеѣ, какъ знакъ того, что онъ уже имѣетъ невѣсту (обрученъ). Полученныя невѣстою деньги считаются ея собственностью и составляютъ обезпеченіе на случай развода; онѣ хранятся у ея матери. Послѣ этого начинается угощеніе будущаго тестя и тещи и сватовъ. Въ это время отецъ жениха выговариваетъ у отца невѣсты приданое: поддевки — плетеновую и „кожевую“, полта, шелковыя и прѣстныя платья; рубахи, головные платки, сундуки для бѣлья, пуховый тѣпяхъ, подушки, одѣяло, чул-

*) Съ 1877 года незаконнорожденныхъ (рождены послѣ смерти мужа любов) было всего 5 думъ: 3 м. и 2 ж. п.

ки, нитки, иглы и другія мелочи. Тутъ же назначаютъ время свадьбы и предсвадебныхъ „гуляній“, при чемъ принимается въ расчетъ шитье бѣлья и пр. одежды. Тутъ же опредѣляется, что именно долженъ справить женихъ для невесты.

Во время свадьбы женихъ даетъ три обѣда („пирь“): первый называется „закуска“, второй—„заной“ и третій—„свадьба“. Во время первыхъ двухъ обѣдовъ онъ приглашаетъ все свое и невестино родство, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ. Во время же третьяго обѣда, т. е. „свадьбы“, къ жениху собирается его родство, а къ невестѣ—ея. Когда всѣ соберутся, отъ жениха является къ невестѣ „десятскій“ узнать, все-ли готово, и когда получается утвердительный отвѣтъ, то всѣ молодые мужчины берутъ подъ мышку по цѣлому хлѣбу и отправляются къ жениху. Идутъ также и женщины, но только безъ хлѣбовъ. Тутъ, въ домѣ жениха, его благословляютъ мать, отецъ и другіе родные: женихъ стоитъ при этомъ на колѣняхъ, отецъ владетъ ему на голову правую руку, мать владетъ свою руку надъ рукою отца, бабушка—еще выше, и молятся. Попъ, или, какъ ивановцы его называютъ, „пресвитеръ“, читаетъ молитву, женихъ низко кланяется роднымъ и со своей свитой направляется въ домъ невесты. Дома остаются только отецъ и мать, для встрѣчи молодой четы.

Когда всѣ явились уже въ домъ невесты, послѣднюю съ женихомъ и со всѣми прочими молодыми людьми берутъ въ амбаръ, гдѣ мать къ тому времени должна приготовить закуску: гуся, индюка и т. п.; до прихода въ амбаръ матери невесты, всѣхъ, находящихся здѣсь, угощаютъ чаемъ и закуской; потомъ, когда приходятъ сюда отецъ и мать невесты, всѣ вмѣстѣ отправляются молиться Богу. За совершеніемъ обряда слѣдуетъ ужинъ, который съ вечера тянется за-полночь. Сперва подаютъ гостямъ чай, затѣмъ—щи и лапшу съ мясомъ, въ которыя нивакихъ приправъ не кладутъ: ни лу-

ку, ни картофеля, ни перцу, и даже солят очень мало; подают также кашу съ масломъ и изюмомъ (виннишемъ), а иногда и жаркое. Десертъ состоитъ изъ яблокъ и конфетъ; но онъ бываетъ только у людей богатыхъ. Въмѣсто воды на столъ подаютъ сыченый квасъ. Обѣдъ заканчивается заунывно-однообразнымъ пѣніемъ псалмовъ или стиховъ св. Евангелія.

Молодые во время обѣда находятся въ особой комнатѣ, гдѣ подружки молодой пьютъ и ѣдятъ; молодымъ же, чтобы ихъ не околдовали, ничего не даютъ ѣсть. По окончаніи пира, сваха и дружка съ матерью жениха берутъ молодыхъ въ амбаръ, гдѣ сваха рассказываетъ молодой, а дружка — молодому, какъ нужно имъ поступать. Послѣ этихъ наставленій, мать молодого запираетъ молодыхъ въ амбаръ на замокъ, и здѣсь послѣдніе остаются до утра.

Свадьбы у молоканъ совершаются преимущественно осенью и зимою, рѣдко весною. При чемъ свадьбу можно совершать во всякій день, даже и въ постъ.

Въ заключеніе приводимъ статью о бракѣ изъ рукописнаго молитвенника ивановскихъ молоканъ *).

О бракѣ. „О бракѣ сочетавшихся зримъ на праждерченныхъ дѣрокъ и аѣтъ. Когда Товія женился, и рече Рагуль въ Товіа: „яждь и пій и благодумествуй, тебѣ бо достонитъ дѣтаще мое ваяти“; и рече: „помми отныиѣ, по обычаю, и приври“. Привва Сару, дщерь свою, и, емъ за руку ея, предаде ю Товіа въ жену и рече: „по закону Моисееву, помми ю и отведи въ отцу твоему“. По свидѣтельству апостола Павла (1 Кор. гл. 7, ст. 27): „Прививался еси женѣ, не ница разрѣшенія“, и такъ же отъ мужа. Такъ у насъ разсуждается по (про?) сочетаніе: къ довекупленію законнаго брака должны предстать въ церкви, въ собраніи людей, женихъ и невѣста, по любви; между ихъ полагаемо должно быть вятренное обѣ-

*) Она списана ивановскимъ учителемъ Н. Д. Славовичъ-Казбековъ.

щаніе мужу не брать жену и женѣ не идти за другаго мужа. И засвидѣтельствуется всей братіи, что познаются мужъ и жена.

Бракосочетаніе. „Имѣемъ мы положеніе Богомъ вышнимъ: Когда женихъ будетъ убираться къ невѣстѣ, то, во первыхъ, читать: „Во имя Отца“ и т. д., „Отче нашъ, иже еси“ и т. д. „Се нынѣ благословите Господа вси рабы Господни, во дворехъ дому Бога, нашего, въ ношехъ воздѣжите руки ваша во святая и благословите Господа, благословить тя Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю“. Послѣ этой молитвы женихъ долженъ поклониться отцу своему и матери въ ноги и просить у нихъ благословить, а имъ его благословить тако: „Буди, чада наша, благословенъ Богомъ вышнимъ, да благословить тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Іерусалима вся дни живота твоего, и узриши сыны сыновъ твоихъ, миръ на Израиля, да почиетъ миръ на главѣ твоей во вѣки. Аминь“.

„Когда женихъ и невѣста будутъ присовокуплены, то поставитъ ихъ противолічно предъ соборомъ и дать общаніе, волею ли они посягають. Послѣ этого читается: „Во имя Отца и Сына“ и т. д. „Мы, ниже именованы (е) рабы Бога живаго, общаемся передъ всемогущимъ Богомъ, и передъ святымъ его Евангеліемъ, и передъ святою его церковью съ тѣмъ, что, по повелѣнію Закона Божія, желдемъ совокупиться законнымъ бракомъ, по благословенію и согласію нашихъ родителей и по собственному нашему желанію, съ тѣмъ, чтобъ безъ нарушенія Божьихъ заповѣдей между нами наблюдаена была вѣрность и ложе нескверно: удалят(ь)ся отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни“. Женихъ да речетъ: „не поиму жены инья, кромѣ сея, юже поемлю“. Невѣста да речетъ: „не буду имѣть иного мужа, кромѣ сего, за него же посягаю“. Реченія обохъ: „въ заключеніе нашего общанія полагаемъ вѣрность и истину во вѣки. Аминь“. А потомъ при

всей церкви ихъ общанія засвидѣтельствовать: „слышите, мужіе“, трижды.—А потомъ взять отцу отроковицу за руку, предать въ руки жениху и сказать: „се вдаю дщерь мою тебѣ въ жену; се, по повелѣнію Закона Божія понми ю и отведи къ отцу твоему“. А потомъ вычитать въ наставленіе громогласно: „Богомъ благословлены мужъ и супруга! Слышите сія и разумѣйте Божественное писаніе. Домъ и имѣнія раздѣляютъ отцы чадомъ; отъ Господа сочѣтавается жена мужу (Притч. гл. 19, ст. 14). Или не разумѣете, братіе, вѣдущимъ бо законъ глаголю: яко законъ обладаетъ надъ чловѣкомъ, во елико время живетъ, ибо мужатая жена, живу мужу, привязана есть закономъ, аще ли же умретъ мужъ ея, разрѣшится отъ закона мужескаго. Тѣмъ же убо, живу сущу мужу, прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному; аще-ли умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быть ей прелюбодѣйцѣ, бывши мужу иному (Римл. гл. 7, ст. 1—3).

„Отъ начала же созданія мужа и жену сотворилъ есть Богъ. Сего ради оставитъ чловѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два (въ) плоть едину; тѣмъ же уже нѣсть два, но плоть едина; еже убо Богъ сочета, чловѣкъ да не разлучаетъ (Еванг. отъ Марка, глава 10, ст. 6—9).

Далѣе слѣдуетъ выписка изъ посланія апостола Павла къ Ефесемъ (гл. V. ст. 5—33), при чемъ текстъ значительно искаженъ *).

*) Въ рукописномъ молитвенникѣ мококанъ тифлисскихъ (П. И. Лезина), сообщенномъ редакціи И. Г. Водопьяновымъ, обрядъ бракосочетанія этимъ не описывается, и далѣе слѣдуетъ сначала выписка изъ 1-го посланія апостола Петра (гл. III, 5—7), потомъ молитвы: „Во имя Отца и Сына“, „Отче нашъ“, выдержки изъ 105 псалма (ст. 4, 5, 45—48)... весь псаломъ 50-й; далѣе—„молитва избранная: Господи Боже небесный“, и молитвы Товіи и Рагула. „А потомъ“, говорится въ молитвенникѣ: „женихъ и невеста поклонятся суругину отцу и матери въ ноги и должны просить у нихъ благословенія, а имъ ихъ благословить тако: „Буди, чада наши, благословенны Богомъ ишними, да благословятъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима вся дни живота вашего, и узрите сныи

Численность и состав населения. Коренное население Ивановки состоитъ изъ сектантовъ-молоканъ. Только 6 семействъ, съ 40 душами обоего пола (18 м. и 22 ж. п.)— иудейскаго исповѣданія и 1 семейство, съ 10 душами обоего пола (5 м. и 5 ж. п.), относится къ сектѣ баптистовъ. Всѣ жители принадлежать къ податному сословію.

Число коренныхъ жителей въ селеніи Ивановкѣ, распределеніе ихъ по исповѣданіямъ, поламъ и возрастамъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ таблицъ, свѣдѣнія которыхъ относятся къ 1 января 1889 года.

а) *Распределеніе коренного населения Ивановки по сектамъ.*

С Е К Т Ы.	Число дѣтвей.	Число душъ.		
		Муж. п.	Жен. п.	Обоего пола.
Молоканской.	142	553	533	1086
Иудейской.	6	18	22	40
Баптистовъ	1	5	5	10
Итого. . .	149	576	560	1136

сыновъ вашихъ, миръ на Израиля; да почиетъ миръ на главахъ вашихъ во вѣки вѣковъ. Аминь". А потомъ взять отровницу, повязать женою, а собору пѣть пѣсню сію: „И познается во языцѣхъ сімя ихъ и внуцы ихъ посредеъ людей... Всякъ видѣль ихъ познаетъ ихъ, яко сіи суть сімя благословенное отъ Бога и радостію возрадуется о Господѣ. Да возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя, яко на жениха возложи на мя вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою и яко земля, растящая цвѣтъ свой, и яко вертоградъ сімена своя провладеетъ, тако возрастити Господь правду и веселіе предъ всѣми языки" (Исайя, гл. 61, ст. 9 и д.). Этимиъ обрядъ бракосочетанія и оканчивается. Въ молитвенникѣ, изъ котораго заимствуется вышеприведенная выдержка, помѣщается еще второй обрядъ бракосочетанія, „основанъ", какъ гласитъ рукопись, „въ 1802 г. Семеновъ Матвѣевичемъ Угленнымъ". Онъ горькое проосраищеніе, благодаря множеству молитвъ, изъ которыхъ нынѣ читаются съ колѣнопреклоненіемъ. Пе-

б) *Распределение коренного населения Ивановки по возрастамъ.*

	До 1-го года.	Отъ 1 до 5 л.	6—10 л.	11—15 л.	16—20 л.	21—25 л.	26—30 л.	31—40 л.	41—50 л.	51—60 л.	61—70 л.	71—80 л.	81—90 л.	91—100 л.	Всего.
Мужскаго пола.	19	185	82	69	47	58	38	73	30	14	9	1	—	1	576
Женскаго "	20	123	94	61	50	46	41	60	23	20	11	7	2	2	560
Обоего "	39	258	176	130	97	104	79	133	53	34	20	8	2	3	1136

в) *Распределение числа душъ обоего пола по дымамъ.*

Число душъ обоего п.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Всего.
Число дымовъ.	8	8	4	14	22	20	21	16	10	4	9	7	3	4	4	1	3	—	1	149

Во всемъ селеніи вдовъ—42, вдовцовъ—15 и состоящихъ въ бракѣ—198 паръ. Мужчинъ холостыхъ въ брачномъ возрастѣ—24, а дѣвицъ въ таковомъ же—21; по лѣтамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

а) *Число взрослыхъ мужчинъ холостыхъ.*

Возрасть.	18 л.	19 л.	20 л.	21 г.	22 л.	23 л.	24 л.	33 л.	Всего.
Число мужч.	1	3	6	8	7	1	2	1	24

б) *Число взрослыхъ дѣвицъ.*

Возрасть.	15 л.	16 л.	17 л.	18 л.	19 л.	29 л.	Всего.
Число дѣвушекъ.	4	7	5	3	1	1	21

чашенный обрядъ, очевидно, есть поддѣльная переделка обряда, составленнаго Успенскимъ.

Къ молитвеннику Лесина приложены: 1) Прошеніе моголанъ на имя Государя Александра Павловича, поданное пошренными ихъ: Журавцовымъ, Лесвинымъ и Мотилевскимъ, въ 1805 году 12 июля; 2) О томъ, какъ происходило заведеніе Государственнаго Совета по поводу этого прошенія и состоялось благопріятное для моголанъ Высочайшее повелѣніе 23 июля 1805 г.; 3) „Догматы основанія истинныхъ духовныхъ христіанъ“ и 4) Молитва за царя. Рукопись написана четкимъ полууставомъ, съ заставками, исполненными разнообразными чернилами.

Ред.

Въ отдѣльныхъ семьяхъ среднее число дѣтей—4, а наибольшее—9. Въ большинствѣ семействъ оно колеблется между 1 и 5-ю, какъ это можно видѣть изъ прилагаемой таблицы:

Число дѣтей.	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число семей.	48	54	31	35	30	20	19	5	5

Увѣчныхъ въ Ивановкѣ только два лица: одинъ мужчина съ искалѣченными руками, а другой съ сведенными въ колѣнныхъ ногахъ. За старостью лѣтъ требуютъ особаго ухода за собою также два лица: мужчина 97 и женщина 90 л.

Изъ двухъ, приложенныхъ ниже, таблицъ можно видѣть, какъ измѣнялся составъ коренного населенія въ Ивановкѣ: первая представляетъ нѣкоторые данныя за 40 лѣтъ, съ основанія Ивановки до 1889 года, извлеченныя изъ трехъ камеральныхъ описаній и посемейныхъ списковъ, составленныхъ лѣтомъ 1886 года и пробѣренныхъ 1-го января 1889 года; вторая же—измѣненія въ составѣ населенія съ 1879 по 1889 годъ.

1) Таблица числа жителей, съ распредѣленіемъ ихъ по числу дѣтвей и по поламъ за 40 лѣтъ.

	Число де- твей	Д у ш ь		
		Муж. п.	Жен. п.	Обоего п.
Въ 1849 году	111	287	Не изв.	--
„ 1868 „	110	380	368	748
„ 1873 „	112	395	355	750
„ 1886 „	145	498	505	1003
„ 1888 „ (въ концѣ)	149	576	560	1136

2) Измѣненія въ составѣ населенія Ивановки за десятилѣтїе, съ 1879 по 1889 г.

Г о д ы .	Р О Д И Л О С ь						У М Е Р Л О . ¹⁾						П Р И Ч У Д Л Е Н О .						П О К Л И - Ч Е Н О . ²⁾						О С Т А Т О К О К Ъ К О Н Ц У Г О Д А .														
	Молоканы.			Лукѣевцы.			Валти.			Лукѣевцы.			Молоканы.			Лукѣевцы.			Молоканы.			Лукѣевцы.			Молоканы.			Лукѣевцы.			Валти.			Всѣхъ сосѣд.					
	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.			
	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.
1879	27	17	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1880	15	25	—	5	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1881	15	21	—	9	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1882	18	19	—	20	14	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1883	17	18	1	14	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1884	26	18	—	7	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1885	25	20	2	8	8	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1886	25	80	—	7	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1887	85	27	—	12	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1888	23	21	—	9	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . . .	219	217	5	7	1	—	92	65	2	—	44	55	—	1	4	5	73	71	4822	4408	155	204	5	54782	4618	9400	5	54782	4618	9400	5	54782	4618	9400					
Обоего пола.	496	21	—	157	2	—	109	1	9	144	9091	899	10	9400	10	—	9400	10	—	9400	10	—	9400	10	—	9400	10	—	9400	10	—	9400	10	—	9400	10	—		
Итого . . .	449	—	—	159	—	—	109	—	—	144	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечанїя: ¹⁾ Разница на 21 душу обоего пола (17 м. и 4 ж. п.) произошла потому, что о числѣ родившихся на чужбинѣ явановцевъ, гдѣ жили ихъ родители, въ селеніи ничего официально не было извѣстно, почему и не показывались въ спискахъ, а теперь исправилъ послѣдніе, такъ какъ уже получили выписи носебейныхъ списковъ.
²⁾ Въ началѣ 1879 г. было по два челобѣца (по 1 мужъ м. и ж. пола) лухоборовъ и прагуновъ; за присоединеніемъ ихъ къ молчанской общинѣ, они отдѣльно не показаны.
³⁾ Валтисковъ въ числѣ умершихъ не было.
⁴⁾ Ни лухоборцевъ, ни балезиновъ изъ состава общества не было исключено.
 За 10 лѣтъ всего 9400 душъ обоего пола, или, средн. лѣтн. числоты, въ 1 годъ 940.

Если въ общему числу (9400) населенія за 10 лѣтъ причислить умершихъ (159) и разновременно выбывшихъ изъ селенія (144), то получимъ 9703 души обоого пола; значить, среднимъ числомъ, въ Ивановкѣ проживало въ годъ 970 человекъ.

Кромѣ коренныхъ жителей, въ Ивановкѣ проживаютъ еще пришлые люди. Ихъ, сравнительно, очень мало. Въ настоящее время они распредѣлятся такъ:

а) По національностямъ.

	м. п.	ж. п.	об. п.
Русскихъ	34	31	65
Армянъ	2	1	3
Поляковъ	1	—	1
Татарь	8	5	13
<hr/>			
Всего	45	37	82

б) По вѣроисповѣданіямъ.

	м. п.	ж. п.	об. п.
Православныхъ	4	3	7
Армяно-григоріанъ	2	1	3
Католиковъ	1	—	1
Магометанъ	8	5	13
Моложанской секты	27	24	51
Субботниковъ	3	4	7
<hr/>			
Всего	45	37	82

в) По сословіямъ.

	м. п.	ж. п.	об. п.
Привилегированныхъ	5	6	11
Податныхъ	40	31	71
<hr/>			
Всего	45	37	82

Народное образованіе.

Ивановцы мало расположены къ просвѣщенію. До 1887 года въ сел. Ивановѣ существовала общественная школа. Обученіе въ ней производилось только въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ: съ 15-го ноября по 15-е марта. Школа эта была смѣшанная: учились грамотѣ мальчики и дѣвочки. Въ первые годы учительствовалъ въ ней сельскій писарь, а въ послѣдній, предъ преобразованіемъ ея въ земское училище, — одинъ крестьянинъ Астраханской губерніи; жалованье учителя колебалось между 10—12 рублями за каждый учебный мѣсяць.

Въ этой школѣ обученіе начиналось со славянской азбуки, а затѣмъ, когда дѣти начинали читать по складамъ, переходили къ обыкновенной русской (гражданской) азбукѣ. Изученіе письма шло параллельно съ обученіемъ чтенію. Вся программа школы исчерпывалась обученіемъ читать и писать. Дѣвочки обучались отдѣльно отъ мальчиковъ; обученіе было не одиночное, а по отдѣленіямъ, которыхъ было два.

Школа эта съ 1885 года помѣщалась въ молитвенномъ домѣ, гдѣ теперь находится земское училище, а до того — въ наемныхъ квартирахъ. Классная мебель состояла изъ обыкновенныхъ крестьянскихъ столовъ и такихъ же длинныхъ скамеекъ.

Число учащихся въ ней за послѣднее пятилѣтіе было слѣдующее:

Въ концѣ 1882 г. было:	30 мальч. и	6 дѣвоч.,	всего	36 уч.
" 1883 " "	47 " "	6 " "	" "	53 "
" 1884 " "	35 " "	7 " "	" "	42 "
" 1885 " "	31 " "	5 " "	" "	36 "
" 1886 " "	53 " "	9 " "	" "	62 "

А за 5 лѣтъ " 196 мальч. и 33 дѣвоч., всего 229 уч., или, среднимъ числомъ, въ годѣ 39 мальч. и 7 дѣв., или 46 лицъ обоого пола.

Эта школа съ 1 сентября 1887 года преобразована въ земское нормальное одноклассное сельское училище, которое содержится на счетъ земскихъ суммъ Бакинской губерніи. Много трудовъ и хлопотъ стоило его открытіе, потому что ивановцы должны были принять на себя отводъ удобнаго помѣщенія подь училище. Только благодаря вмѣшательству и настояніямъ бывшаго бакинскаго губернатора, барона Ю. К. Гюбша-фонъ-Гростала, потребовавшаго по этому дѣлу къ себѣ въ Геокчай вліятельныхъ лицъ общества, удалось убѣдить ивановцевъ принять на себя отводъ помѣщенія, какъ подь училище, такъ и для учителя. Въ настоящее время училище помѣщается въ молитвенномъ домѣ, состоящемъ изъ одной комнаты съ передней. Онъ построенъ изъ дерева, подь тесовую крышею, имѣетъ въ длину 12, въ ширину—10 и въ вышину—4 аршина. Учитель помѣщается на частной наемной квартирѣ, за которую общество платитъ въ мѣсяць по 7 руб. То обстоятельство, что училище помѣщается въ молитвенномъ домѣ, дѣлу обученія вовсе не вредитъ, такъ какъ для молитвы мольбаме собираются только по воскреснымъ днямъ, да и то богослуженіе бываетъ съ 8¹/₂ до 10 часовъ утра и только въ пасхальную недѣлю—ежедневно, но тогда ученья не бываетъ.

Учебныя пособія училище имѣетъ въ незначительномъ количествѣ: въ фундаментальной библіотекѣ къ 1 января 1889 года находилось книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій 70 названій, 120 экземпляровъ, въ 120 том., цѣною въ 145 руб. 38 коп.; въ ученической библіотекѣ считалось книгъ 24 назв., 24 том., цѣною въ 6 р. 75 коп.

Число учащихъ въ послѣдніе два года было слѣдующее:

въ концѣ 1887 года	38 мальч.	и 14 дѣвоч.,	а всего	52
„ „ 1888 „	40 „	11 „	„	51

За время съ открытія училища по 1-е января 1889 г. (за 1¹/₂ учебныхъ года) въ училище было принято 72 учащихъ,

въ томъ числѣ 58 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ; изъ нихъ были до окончанія курса 21 чел. (3 дѣв. и 18 мальч.; въ числѣ ихъ 3 мальчика исключены за неаккуратное посѣщеніе школы). Изъ остающихся учениковъ молоканъ—46, иудействующій—1, баптистовъ—3 и армяно-григоріанинъ—1.

Въ училищѣ проходятъ русскій языкъ, арифметику, черченіе, рисованіе, чистописаніе и церковно-славянское чтеніе, но послѣднее не обязательно. Обыкновенно, ученіе начинается въ училищѣ съ первыхъ дней сентября и прекращается въ концѣ мая. Но большинство учащихся, за весьма незначительными исключениями, прекращаетъ посѣщеніе школы весной, съ наступленіемъ полевыхъ работъ, т. е. въ апрѣлѣ. Штатъ училища состоитъ изъ одного учителя. На содержаніе училища отпускается изъ земскихъ сборовъ Бавинской губерніи 600 руб., которые распределяются такъ: на жалованье учителю—400 р., на бібліотеку и учебныя пособія—80 руб. и на хозяйственные расходы—120 р.

Грамотность въ Ивановкѣ распространена мало: на 100 человѣкъ населенія (1888 г.) приходится около 4,5 учащихся; изъ 144 душъ мужскаго пола учится грамотъ—1, а изъ среды женскаго населенія учится одна изъ 50. Всѣхъ грамотныхъ въ сел. Ивановкѣ 116 чел. мужскаго пола, вмѣстѣ съ учащимися, что составитъ болѣе 20% мужскаго населенія, а изъ женщинъ—20 человѣкъ, или немного болѣе 3,5%.

Журналы, газеты и книги выписываются болѣе училищемъ и чиновниками, а изъ мѣстныхъ жителей только 2—3 получаютъ газету.

Смотритель Геокчайскаго училища *Н. Калашевъ*.

РУССКАЯ СКАЗКА И ЛЕГЕНДА,

записанныя въ урочищѣ Манглись, Тифлисскаго уѣзда.

1. Чортъ и баба.

Одна баба шла домой съ базара. Ей приходилось переправиться черезъ рѣку, а рѣка была очень широка и глубока: баба не могла перейти черезъ нее сама, безъ посторонней помощи. Долго она стояла у берега и смотрѣла по сторонамъ, не покажется ли кто ей на помощь; но нигдѣ ни души не было видно. Сѣла баба на камень и давай плавать. Вдругъ она видитъ, что къ ней бѣжитъ чортъ, весь обросшій волосами.

— „Здравствуй, баба!“ заговорилъ чортъ.

— „Здравствуй, чортъ!“ отвѣчаетъ ему баба.

— „О чемъ, баба, такъ горько плачешь?“ спрашиваетъ ее чортъ.

— „Да о томъ я плачу и горюю, что не могу перейти эту рѣку; вотъ я сижу больше двухъ часовъ, но никто не идетъ и не ѣдетъ,—некому помочь мнѣ, а я вся продрогла до костей.“

— „Не плачь, баба! я тебѣ помогу переправиться чрезъ рѣку: ты садись ко мнѣ на голову, и я тебя перенесу.“

Баба обрадовалась этому, взлѣзла чорту на голову и вся скрылась въ его шерсти. Когда баба усѣлась, чортъ отъ удовольствія скривилъ свою рожу и пустился съ нею черезъ рѣчку, какъ съ кулюю. Пока чортъ шель къ другому берегу, баба такъ обогрѣлась въ его шерсти, что ей уже не хотѣлось слѣзать съ него.

Вышедши на другой берегъ, чортъ и говорить бабѣ:

— „Ну, теперь, баба, слѣзай.“

— „Нѣтъ, чортъ, не слѣзу,“ говоритъ ему баба въ отвѣтъ, „мнѣ и здѣсь хорошо.“

Видя, что баба не слѣзаетъ, чортъ сталъ ее просить; но никакія просьбы не дѣйствовали на нее. Чортъ попробовалъ было ей угрожать, но и угрозы были напрасны. Тогда онъ пустился изо всей мочи бѣжать, думая, что, при быстромъ движеніи, баба свалится съ его головы. Но баба еще крѣпче ухватилась за рога чорта и, въ придачу ко всему, стала смѣяться надъ нимъ. Какъ ни бѣгалъ бѣдный чортъ, какъ ни прыгалъ со скаль, баба не упала съ его головы. Наконецъ, видя, что всё бесполезно, чортъ сильно опечалился и пошелъ, куда глаза глядятъ. Брелъ, брелъ онъ, да и набрелъ на одну кузницу, а въ ней въ то время кузнецъ ковалъ для мужика желѣзныя вилы.

— „Здравствуй, кузнецъ!“ обратился къ нему чортъ.

Кузнецъ поздоровался и спрашиваетъ чорта, что ему надобно. Чортъ сталъ просить кузнеца о помощи и жаловаться, что проклятая баба измучила его совершенно; со своимъ собственнымъ ему притворствомъ, онъ самымъ плачевнымъ голосомъ разсказалъ кузнецу, какъ онъ помогъ бабѣ перейти черезъ рѣку, и какъ она, вмѣсто благодарности, усѣвшись ему на голову, не хочетъ съ него слѣзать. Кузнецъ сжалился надъ чортомъ, да и говоритъ ему:

— „А что ты мнѣ заплатишь, если я сгоню бабу?“

— „Что хочешь, бери,“ говоритъ чортъ, „только избавь меня отъ мухи.“

Кузнецъ согласился согнать съ чорта бабу за сто рублей. Взялъ кузнецъ раскаленные до красна вилы, да какъ пырнетъ ими бабу, такъ она и соскочила съ чорта. Видя, что баба спрыгнула съ головы, чортъ бросилъ кузнецу сто рублей, а самъ давай удирать во всѣ лопатки, не помня себя отъ радости.

Прибѣжалъ чортъ въ одну столицу, гдѣ жилъ царь, да и поселился въ царскомъ дворцѣ, а у царя была дочка-красавица. Какъ провѣдалъ объ этомъ чортъ, сталъ по ночамъ мучить дѣвицу, такъ-что бѣдная скоро всю красу потеряла и высохла, какъ щепка. Что царь ни дѣлалъ для своей дочери, ничто не помогало: ни врачи, ни бабки не могли помочь его горю. Царь, наконецъ, объявилъ по всему царству, не возьмется ли кто излѣчить отъ злого духа его дочку. Слухъ объ этомъ дошелъ до кузнеца, и онъ отправился къ царю. Царь обѣщался наградить кузнеца деньгами и женить его на самой лучшей дѣвицѣ во всемъ его царствѣ, если только кузнецъ излѣчитъ его дочь. Кузнецъ обѣщалъ царю излѣчить его дочь, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему было позволено жить во дворцѣ. Настала ночь; ровно въ полночь съ царевной стало дурно. Объ этомъ сказали кузнецу. Кузнецъ осторожно вошелъ въ покой царевны, да какъ крикнетъ изо всей силы:

— „Баба, сюда!“

Чортъ съ испугу такъ шарахнулся отъ царевны въ окно, что и раму выбилъ, а кузнецъ еще въ слѣдъ ему кричить:

— „Держи его, баба, держи!“

Перепуганный чортъ забѣжалъ послѣ того въ одну пропасть и съ той поры ужъ не показывался во дворецъ. Царевна же поправилась и стала такою-же красавицею, какъ и раньше. Царь наградилъ кузнеца червонцами, нашелъ ему красавицу-невесту и на ихъ свадьбѣ устроилъ богатый пиръ на весь Божій міръ.

2. Исусъ Христосъ съ апостоломъ Павломъ въ гостяхъ у мужика.

Однажды бѣдный мужикъ ѣхалъ на повозкѣ съ поля. Уже смеркалось. Торопясь домой, мужикъ сталъ понузать свою измученную влячу, которая едва тащилась. Вдругъ ви-

дить онъ, что его догоняють какіе-то два странника, весьма худо одѣтые. Онъ счелъ-было ихъ за разбойниковъ и сталъ сильнѣе погонять лошадей, чтобы отъ нихъ спастись; но, подумавъ, что имъ 'нечего взять у него, мужикъ поѣхалъ по-прежнему. Странники догнали его и, поздоровавшись съ нимъ, стали просить, чтобы онъ подвезъ ихъ. Крестьянинъ сначала отказывался исполнить ихъ просьбу, ссылаясь на то, что лошадь сама едва тащится, но видя, что они не отстають отъ него, посадилъ ихъ на повозку, а самъ пошелъ сбоку ея. Когда странники сѣли, то мужикъ замѣтилъ, что его вляча запагала какъ-то бодрѣе; это его немало удивило, и онъ, призадумавшись, сѣлъ на передокъ повозки и поѣхалъ. Во время пути спутники его о чемъ-то говорили между собою, но для мужика этотъ разговоръ былъ непонятенъ. Наконецъ, они стали подъѣзжать къ селу. На краю села путники замѣтили небольшую пошатнувшуюся на сторону избушку, къ которой и сталъ направлять свою лошадь мужикъ. Мужикъ думалъ, что его спутники слѣзутъ съ повозки и пойдутъ своею дорогою, и даже напомнилъ имъ объ этомъ, но они стали проситься къ нему ночевать. Сколько мужикъ ни говорилъ имъ о своей бѣдности и тѣснотѣ въ избѣ, они все-таки настояли на своемъ, и мужикъ повезъ ихъ къ себѣ на ночлегъ.

Подъѣхавъ къ избѣ, они услышали за воротами лай дворняжки, и въ это время изъ избы выбѣжали навстрѣчу два мальчугана въ изодранныхъ рубашкахъ и съ нечесанными головами. Вошедши въ избу, странники увидѣли въ ней однѣ голыя стѣны: ничѣмъ не покрытыя нарѣ, дубовый столъ, и деревянныя скамьи составляли все убранство комнаты. Усѣвшись на лавкѣ, одинъ изъ странниковъ снялъ съ себя сумку и положилъ ее подъ лавку. Хозяйка очень обрадовалась гостямъ и стала суетиться за приготовленіемъ ужина. Но ужинъ, черезъ нѣсколько минутъ появившійся на столѣ, былъ очень скуденъ: вареный картофель, квасъ и хлѣбъ, вотъ все, что

она могла предложить гостямъ. Убравшись съ лошадыю, мужикъ вошелъ въ избу, перекрестился на образа, и вся его семья и странники усѣлись за скудный ужинъ. Недолго пришлось сидѣть имъ за столомъ: скоро все было съѣдено, хотя ни семья, ни гости не были сыты. На завтракъ же для слѣдующаго дня у бѣдной хозяйки и совсѣмъ ничего не осталось, такъ что она не знала, что дѣлать, чѣмъ угостить завтра утромъ своихъ гостей, наормить мужа и дѣтей.

Послѣ ужина, поговоривъ кое-о-чемъ, бѣдная семья мужика и странники размѣстились по нарамъ и лавкамъ спать. На другое утро, когда всѣ встали, странники обратились къ хозяйкѣ съ просьбою, чтобы она приготовила имъ что-нибудь позавтракать. Но бѣдная хозяйка не могла и придумать, что имъ подать: ничего съѣстного въ домѣ не было, не было никакой и живности, чтобы зарѣзать для гостей. Кромѣ клячи, у мужика была только небольшая телушка, которую вся бѣдная семья мужика берегла, какъ зѣницу ока, и отъ которой она ждала себѣ подспорья въ будущемъ. Странники, узнавши, что хозяйкѣ не-изъ-чего готовить завтракъ, стали просить ее, чтобы она зарѣзала телку. Хозяйка съ мужемъ стали отказываться исполнить ихъ просьбу, но странники, какъ нарочно, еще больше стали просить ихъ объ этомъ. Наконецъ, мужикъ взялъ ножъ и, со скорбью на душѣ, пошелъ въ сарай, гдѣ была телка. При видѣ ея у мужика невольно руки опустились и ножъ изъ рукъ выпалъ. Думалъ-думалъ мужикъ, но дѣлать нечего: совѣсть ему говорить, что надо наормить странниковъ и отпустить въ путь. Связалъ мужикъ телкѣ ноги, повалилъ ее на землю и зарѣзалъ.

Хозяйка приготовила завтракъ. Сытно позавтракали странники, поблагодарили хозяина и хозяйку и, пожелавъ имъ счастья и здоровья, вышли изъ избы. Мужикъ пошелъ проводить ихъ. Когда странники и мужикъ выбрались за село, одинъ изъ нихъ обратился къ мужику и спросилъ:

— „А знаешь-ли, человекѣ, кто у тебя былъ?“

Мужика такой вопросъ смутилъ, и онъ, растерявшись, не зналъ, что отвѣчать. Тогда странникъ сказалъ:

— „Я—Господь, а это—мой апостоль Павелъ“. Мужикъ испугался, услышавъ это, снялъ шапку и бросился въ ноги Господу. Благословивъ его, Господь вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ сталъ невидимъ. Мужикъ всталъ на ноги и долго осматривался кругомъ, но никого не было видно, и онъ вернулся къ себѣ домой. Подошедши къ избѣ, онъ видитъ, что его жена бѣжитъ къ нему на встрѣчу и говоритъ, что странники забыли у нихъ свою сумку. Мужикъ понялъ, что сумка оставлена съ цѣлью, взялъ ее, развязалъ, и каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что она была набита червонцами!

Мужикъ, завладѣвши этими червонцами, сталъ первымъ богачомъ во всемъ селѣ: онъ накупилъ себѣ скотины, выстроилъ хорошій каменный домъ и устроилъ богатый пиръ на все село. Хозяинъ и хозяйка угощали своихъ односельцевъ всѣмъ, что было, и рассказали имъ о случившемся чудѣ.

Записалъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *А. Валеничъ*.

ТАТАРСКІЯ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЕ,

записанныя въ Елисаветопольской губерніи.

1. Трусъ.

Въ древности жилъ одинъ трусъ. Онъ былъ женатъ. Однажды, подъ вечеръ, мужъ и жена сидѣли у окна; вдругъ жена сказала мужу:

— „Посмотри, на улицѣ лежитъ кусокъ золота; пойдн и возьми его.“

Трусъ вышелъ на улицу и ничего не нашелъ, такъ какъ жена его обманывала: она заперла дверь и не впускала мужа въ домъ, несмотря ни на какія его просьбы. Трусъ, видя, что ничѣмъ не можетъ сломить упорства жены и проклиная свою трусость, доведшую его до такого положенія, отправился въ путь-дорогу, куда глаза глядятъ.

Пройдя немного, онъ встрѣтилъ нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ, но безъ хозяина; по трусости, онъ не тронулъ ихъ и прошелъ мимо. Вдругъ встрѣчается съ нимъ одинъ человѣкъ и спрашиваетъ его:

— „Не видалъ ли ты каравана верблюдовъ?“

Нашъ трусъ отвѣтилъ:

— „Не видалъ, но я найду ихъ, потому что я колдунъ.“

Хозяинъ верблюдовъ сказалъ, что если онъ найдетъ его верблюдовъ, то получить сто червонцевъ. Трусъ объявилъ тогда, что верблюды находятся въ *такомъ-то* лѣсу. Хозяинъ верблюдовъ пошелъ въ указанный лѣсъ и нашелъ тамъ своихъ животныхъ. Возвратившись въ колдуну, онъ отдалъ ему обѣщанныя деньги.

Однажды у царя того государства, гдѣ жилъ нашъ трусъ, украли золотое кольцо, подарокъ отца. Царь собралъ всѣхъ колдуновъ своего государства, чтобы узнать, кѣмъ украдено его любимое кольцо. Но никто изъ нихъ не могъ угадать этого. Въ это время хозяинъ верблюдовъ, приблизившись къ государю, палъ ему въ ноги и сказалъ:

— „О великій государь! Разъ я потерялъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ, и одинъ колдунъ, котораго, если ты прикажешь, я приведу къ тебѣ, нашелъ ихъ.“

Царь приказалъ привести этого колдуна; хозяинъ верблюдовъ отправился къ нашему трусу и привелъ его въ царю. Царь показалъ трусу-колдуну коробочку, въ которую раньше положилъ бабочку, и сказалъ:

— „Если узнаешь, что находится въ этой коробкѣ, то несомнѣнно угадаешь, кто укралъ мое любимое кольцо.“

Какъ только царь вручилъ коробочку трусу, послѣдній началъ ругать жену на своемъ языкѣ, говоря:

— „Эхъ, „Пипиль!“ *) уронила ты меня въ глазахъ сосѣдей и заставила вотъ-чѣмъ заниматься!

Слово „пипиль“ на языкѣ царя значило „бабочка“. Услышавъ это слово, царь отъ радости воскликнулъ:

— „О, ты, дѣйствительно,—великій колдунъ! видно, ты найдешь и кольцо!“

Трусъ, взявъ у царя отсрочку, ушелъ. Кольцо царя украдено было однимъ изъ его визирей. Визирь, услышавъ слова царя и боясь, что истина откроется, пришелъ къ мнимому колдуну и сказалъ ему на уху:

— „О великій колдунъ! избавь меня отъ бѣды: возьми кольцо и дай любимому слѣпому гусю государя проглотить его.“

Трусъ обрадовался, когда услышалъ слова визиря, такъ какъ это давало возможность ему найти кольцо царя, и согласился ничего не говорить царю о визирѣ. Колдунъ поймалъ слѣпо-

*) „Пепела“ (ჰეპელა) по-грузински значитъ бабочка. Ред.

го гуся царя и далъ ему проглотить кольцо. Въ назначенный день царь позвалъ труса-колдуна и сказалъ:

— „Ну, братецъ, найди теперь мое любимое кольцо.“

Трусъ-колдунъ приказалъ, чтобы принесли къ нему слѣпого гуся государева, и когда, по приказу государя принесли его къ трусу, онъ зарѣзалъ гуся и вынулъ изъ его зоба царское кольцо. Царь устроилъ по этому случаю пиръ, на которомъ былъ и нашъ трусъ. Послѣ пира царь наградилъ колдуна, чѣмъ только онъ пожелалъ.

Черезъ нѣсколько дней царь отправился въ баню. Въ это время нашъ трусъ на своей лошади, подаренной ему государемъ, ѣхалъ къ рѣкѣ. Проѣзжая мимо бани, онъ сильно закричалъ, такъ какъ лошадь сбросила его, и онъ ушибся. Царь вышелъ на крикъ труса, но лишь только онъ перешагнулъ черезъ порогъ, какъ баня рухнула. На вопросъ государя, зачѣмъ онъ такъ сильно закричалъ, трусъ отвѣтилъ:

— „О великій государь! баня рушилась, и я, зная, что ты находишься внутри ея, соскочилъ съ лошади и закричалъ, чтобы ты скорѣе выходилъ изъ бани.“

Царь, видя, что трусъ-колдунъ спасъ ему жизнь, наградилъ его вторично золотомъ и, одѣвъ въ дорогія одежды, отпустилъ.

Нашъ трусъ, сдѣлавшись богачемъ, воротился къ женѣ. Долгіе годы послѣ этого они жили богато, мирно и счастливо, и жена уже не роптала на трусость мужа.

Съ неба упало три яблова: одно мнѣ — рассказчику, другое слушателямъ, а третье — Богу.

Записалъ въ г. Нухѣ воспитанникъ татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи *Исм. Эфендиевъ*.

2. О богачѣ Азизѣ и его рабѣ-Мирзѣ.

Давно, очень давно, въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ бога-

тый и знаменитый купецъ, по имени Азизъ. У него была одна прекрасная дочь; она была стройна и, какъ утро майское, мила. Азизъ болѣе всего гордился красотою своей любимой и единственной дочери. Разъ онъ купилъ одного чернаго раба, которому далъ имя Мирза. Азизъ нашель въ своемъ рабѣ человѣка честнаго и свято исполняющаго свою должность и очень полюбилъ его.

Между тѣмъ дочь купца росла-росла и стала невѣстой. Однажды Азизу пришелъ на умъ вопросъ, за кого его дочь выйдетъ замужъ. Долго онъ объ этомъ думалъ, но, наконецъ, рѣшился отправиться къ „мелайке“ (ангелу), который зналъ будущее всѣхъ живущихъ на землѣ. Пришедши къ нему, Азизъ палъ къ его ногамъ и началъ умолять его, чтобы онъ открылъ ему будущность его дочери. Мелайке исполнилъ его просьбу и сказалъ, что его дочь выйдетъ замужъ за его любимца-раба. Азизъ отъ этихъ словъ такъ и обмеръ. Бракъ своей дочери съ рабомъ купецъ считалъ позоромъ. Печально возвратился онъ въ свой гаремъ и сталъ думать, какъ погубить несчастнаго раба. Онъ написалъ письмо своему брату, Зорабу, жившему далеко-далеко на востокѣ, прося его какъ-нибудь погубить Мирзу, если онъ дойдетъ живымъ къ нему. Въ душѣ Азизъ рассчитывалъ, что на дорогѣ Мирза, можетъ быть, лишится жизни. Братъ Азиза, Зорабъ, былъ знаменитый мудрецъ; его знали всѣ на свѣтѣ, и мудрость его не разъ удивляла людей. Мирзѣ тяжело было разстаться съ любезнымъ хозяиномъ. Дочь Азиза очень любила раба и въ знакъ своей любви отдала ему свой золотой перстень.

На другой день, взявъ небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, Мирза съ письмомъ отправился на дальнй Востокъ. Много лишений пришлось вытерпѣть вѣрному рабу на пути; но онъ не обращалъ на это вниманія и старался скорѣе доставить письмо Зорабу. Въ одинъ день, проходя черезъ лѣсъ, Мирза съль отдохнуть въ тѣни огромнаго дерева: лѣсъ

вкругомъ былъ зеленъ, и воздухъ былъ полонъ запаха ароматныхъ цвѣтовъ. Среди окружающей его прелести взоры Мирзы остановились на голомъ деревѣ: оно стояло печально, лишенное листьевъ. И вдругъ оно молвило человѣчьимъ голосомъ:

— „О путникъ! открой мнѣ свою тайну и скажи, куда идешь.“

— „Къ мудрому Зорабу,“ отвѣтилъ Мирза.

— „Сжался надо мною,“ опять сказало дерево, „повѣдай мое горе мудрецу Востока: смотри,—вокругъ меня всѣ деревья покрыты зелеными листьями, только я одно стою голое.“

Мирза обѣщался ему исполнить его просьбу и продолжалъ свой путь. Шелъ онъ долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ; черезъ нѣкоторое время онъ дошелъ до берега одного ручья; начало свое ручей бралъ изъ скалы, которая стояла недалеко отъ этого мѣста. Ручей несся такъ быстро, что Мирза не осмѣлился переправиться черезъ него и крѣпко призадумался. Вдругъ со стороны скалы послышался голосъ:

— „Эй, путникъ, куда идешь?“

— „Къ знаменитому мудрецу Востока, Зорабу, съ письмомъ отъ его брата,“ отвѣтилъ Мирза.

— „Сжался надо мною, о путникъ молодой,“ завопила скала: „исполни мою просьбу! спроси его, когда осушатся мои слезы; вотъ этотъ ручей, который ты видишь, образовался изъ моихъ слезъ...“

Мирза обѣщался исполнить ея желаніе. Переправившись черезъ ручей, онъ не шелъ, а будто, летѣлъ и наконецъ достигъ своей цѣли: пришелъ во дворецъ Зораба. Мудрецъ, узнавъ о прибытіи посла отъ Азиза, потребовалъ его къ себѣ. Мирза явился и, почтительно поклонившись, подалъ письмо, въ которомъ заключалась его гибель. Зорабъ, прочитавъ письмо, взглянулъ на раба, и въ немъ пробудились жалость и желаніе пощадить невиннаго юношу. Въ своемъ дворцѣ Зорабъ приказалъ приготовить Мирзѣ, отдѣльную, пышно

убранную, комнату. Придя въ приготовленную для него комнату, бѣдный рабъ, измученный продолжительнымъ путешествіемъ, бросился въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ ни въ чемъ не бывало...

На другой день, послѣ завтрака, Зорабъ съ Мирзою отправился гулять. Мирза вспомнилъ свое обѣщаніе дереву и скалѣ и передалъ мудрецу ихъ просьбу; въ это время они остановились у фонтана. Мудрый Зорабъ, знавшій цѣлебное свойство фонтана, приказалъ Мирзѣ выкупаться въ немъ; онъ исполнилъ приказаніе мудреца. И что же? Мирза теперь былъ не черныи рабъ, а бѣлокожій, черноглазый и стройный, какъ тополь, юноша. Зорабъ былъ пораженъ неописанною красотою его и пожелалъ вернуться во дворецъ. На обратномъ пути Мирза опять сказалъ о деревѣ и скалѣ. Зорабъ отвѣтилъ:

— „Подъ деревомъ и въ скалѣ находятся клады; когда, на обратномъ пути въ Азизу, ты выкопаешь эти клады, тогда слезы скалы осушатся, и дерево будетъ цвѣсти еще лучше другихъ.“

Возвратившись домой, Зорабъ написалъ своему брату письмо и благословилъ Мирзу въ обратный путь въ Азизу.

Долго ли, коротко ли шелъ Мирза—Аллахъ вѣдаетъ,— дошелъ онъ, наконецъ, до скалы, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его возвращенія. Мирза началъ копать землю на скалѣ, и вдругъ заступъ его ударился о кучу золота, серебра и драгоценныхъ камней; Мирза побѣжалъ въ ближнее село, нанялъ помощниковъ, навьючилъ нѣсколькихъ муловъ найденными драгоценностями и отправился далѣе. Долго ли, коротко ли пріѣхалъ онъ и къ дереву. Здѣсь Мирза нашелъ кладъ еще больше перваго.

Спустя нѣкоторое время, онъ прибылъ въ маленькій городокъ, находившійся недалеко отъ города, гдѣ жилъ Азизъ. Мирза написалъ ему письмо отъ имени одного царевича, и

самъ, переодѣвшись въ пышное платье, окруженный свитою, отправился къ городу. Азизъ, получивъ письмо, немедленно вышелъ навстрѣчу и принялъ мнимаго царевича очень ласково. Богача удивило невиданное богатство гостя. Послѣ сорокодневнаго пира Азизъ попросилъ мнимаго царевича вступить въ бракъ съ его дочерью. Онъ согласился. Свадьба, продолжалась сорокъ дней и сорокъ ночей.

Послѣ свадьбы Мирза отдалъ тестю письмо, написанное Зорабомъ, а въ письмѣ говорилось:

„Любезный братъ! отъ судьбы не уйдешь... Зорабъ“.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ-рассказчику, другое слушателю, а третье дервишу, просящему милостыню.

Записалъ въ селеніи Мамурлы, Джеванширскаго уѣзда, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи
Муса Кулиевъ.

3. Клеветникъ.

Давно, давнымъ давно, въ Аравіи какой-то купецъ торговавшій рабами, привелъ на невольничій рынокъ одного раба, красиваго и очень добраго съ виду человѣка. Одинъ господинъ увидѣлъ этого раба, подошелъ къ его хозяину и спросилъ, сколько онъ проситъ за него.

— „Девяносто копеекъ“, отвѣтилъ купецъ.

Господинъ удивился такому отвѣту и подумалъ, что владѣтель раба человѣкъ глупый, ибо онъ продаетъ такого представительнаго раба за какія-нибудь девяносто копеекъ, тогда какъ самый послѣдній рабъ продается за нѣсколько десятковъ рублей. Господинъ, радуясь этому случаю, заплатилъ хозяину больше, чѣмъ онъ просилъ, взялъ раба и отправился съ нимъ домой. Онъ отъ радости забылъ даже спросить о характерѣ купленнаго раба.

У новаго хозяина была жена, которая очень любила свое-

го мужа, а равно и онъ любилъ ее. Однажды рабъ говорить своей госпожѣ:

— „Знаешь, что желаетъ сдѣлать мой господинъ?“

— „Не знаю“, отвѣчаетъ госпожа.

— „Господинъ“, продолжалъ рабъ, „нашелъ себѣ невѣсту и въ скоромъ времени женится на ней“.

Вѣсть эта, какъ громомъ, поразила бѣдную женщину. Ей въ мигъ представилась ожидающая ее горькая жизнь, когда любимый ею мужъ, съ которымъ она такъ счастливо жила, будетъ любить другую, молодую, жену, а ее, несчастную, покинетъ. Горько заплакала госпожа.

— „Не плачь“, говоритъ рабъ, „хоть я невольникъ и стою ниже всѣхъ васъ, но всё-таки я человекъ: я помогу твоему горю, если только будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ.“

Госпожа обѣщалась исполнить всѣ его указанія и даже обязалась дать рабу много денегъ и освободить его, если только онъ поможетъ ей. Рабъ сказалъ госпожѣ, чтобы она достала изъ бороды своего мужа нѣсколько волосковъ, изъ которыхъ онъ, при помощи чудотворной молитвы, приготовить амулетъ, и этотъ амулетъ заставитъ господина любить только ее одну и во всемъ ей слушаться, такъ-что, кромѣ того, мужъ безъ ея позволенія не въ состояніи будетъ ничего дѣлать.

— „А какимъ образомъ мнѣ достать изъ бороды моего мужа нѣсколько волосковъ?“ спрашиваетъ госпожа у раба.

— „Очень просто“, отвѣчаетъ рабъ, „приготовь острый ножикъ и, когда господинъ ляжетъ спать послѣ обѣда, подойди и отрѣжь нѣсколько волосковъ.“

Госпожа поблагодарила раба за добрый совѣтъ. Между тѣмъ злодѣй-рабъ на другой день, въ отсутствіе госпожи, говоритъ своему господину:

— „Повелитель мой! госпожа намѣрена зарѣзать тебя; она ищетъ удобнаго случая, чтобы совершить злодѣяніе; если не вѣришь этому, то завтра послѣ обѣда, когда ляжешь спать,

притворись спящимъ, и тогда увидишь, насколько вѣрны мои слова.“

На другой день господинъ, по обыкновенію, легъ послѣ обѣда спать, а жена, пользуясь этимъ, входитъ съ ножомъ въ рукѣ въ спальню мужа, подходитъ къ нему и направляетъ ножъ къ его подбородку. Мужъ въ ярости вскочилъ и въ мигъ изрубилъ свою жену. Рабъ тотчасъ побѣжалъ къ братьямъ и родственникамъ убитой и сталъ кричать, что его господинъ убилъ свою невинную жену, имѣющую столько братьевъ и другихъ родственниковъ. Братья и родственники убитой сбѣжались и убили господина. А злодѣй, который былъ виновникомъ всѣхъ этихъ несчастій, во время смятенія забралъ деньги и драгоценности господина и удалился.

Записаль въ г. Шушѣ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Азадъ Асламовъ*.

4. Скрыга.

Въ Казахскомъ уѣздѣ, близъ урочища Делижанъ, находится одна небольшая гора, подножіе которой омываетъ маленькая горная рѣчка. Народъ говоритъ, что въ этой горѣ въ незапамятныя времена было высѣчено огромное зданіе со множествомъ комнатъ, наполненныхъ золотомъ. Зданіе это съ окружающими его необозримыми лугами и полями принадлежало одной старухѣ. Разъ одинъ святой странникъ, застигнутый около этого зданія темною ночью, пришелъ къ богатой хозяйкѣ и обратился къ ней съ слѣдующею просьбою:

— „Окажи мнѣ-страннику милость, добрая бабушка: дай пріютъ на ночь божьему гостю.“

— „Да буду я жертвою Богу и Его гостю-страннику!“ отвѣчала старуха и впустила его.

Странникъ былъ очень голоденъ и ожидалъ, что такая

богатая хозяйка хорошо накормить его. Однако ожиданіе странника оказалось тщетнымъ: хотя старуха была богаче всѣхъ царей на землѣ, но зато она была въ и высшей степени скупа; она не принимала пищи иногда по цѣлымъ суткамъ, боясь, что ея богатство, казавшееся ей ничтожнымъ, истощится, и ей нечего будетъ даже ѣсть. Въ полночь голодному, ожидавшему пищи, страннику хозяйка подноситъ какого-то свареннаго звѣрка. Гость долго думалъ, что-это-за звѣрь, но никакъ не могъ узнать. Наконецъ, голодь взялъ свое, и странникъ принялся-было за ѣду. Вдругъ отъ Бога послышался голосъ, говорящій, что кушанье, поданное страннику, приготовлено изъ кошачьяго мяса. Услышавъ голосъ, святой вознесъ руки къ небу и сказалъ:

— „Господи, прошу у Тебя одного,—чтобы все богатство жадной старухи, не пожертвовавшей и миллионной доли его для странника, превратилось въ камень.“

На томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка оmyваетъ подножіе горы, и до сихъ поръ виднѣются круглые, плоскіе, величиною въ гривенникъ или въ серебряный пятакъ, камешки: одна сторона ихъ представляетъ какъ-бы изображеніе солнца, а на другой сторонѣ—что-то, похожее на льва съ мечемъ въ правой лапѣ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ виднѣются эти камешки, находится на ровной площадкѣ, которую считаютъ дворомъ зданія, какъ будто окаменѣлый верблюдъ. Народъ говоритъ, что это тотъ верблюдъ, который возилъ ключи отъ многочисленныхъ комнатъ старухи; онъ также, по молитвѣ святого, былъ превращенъ въ камень.

Записалъ въ селеніи Салахлу, Казахскаго уѣзда, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Османъ Гамбовъ*.

5. Хархали.

Жила была одна старуха, у которой былъ сынъ, по имени Хархали. Таеъ-какъ старуха не имѣла никакихъ средствъ къ жизни, то она попросила жителей деревни, чтобы они наняли ее сына въ пастухи. Крестьяне охотно исполнили просьбу бѣдной старухи. Но лѣнивый сынъ вмѣсто того, чтобы пасти стадо, какъ слѣдуетъ, спалъ съ утра до вечера, а скотъ часто пропадалъ. Наконецъ, жители деревни вышли изъ терпѣнія и рѣшили убить лѣниваго пастуха. Но, сколько они ни искали Хархали, никакъ не могли найти его. Тогда крестьяне сожгли домишко бѣднаго пастуха.

Хархали, возвратившись, вмѣсто дома, нашелъ только дымящіяся развалины. Горько заплакалъ пастухъ, но дѣлать было нечего. Онъ спросилъ свою старуху-мать, нѣтъ ли у нея какого-нибудь кусочка золота. Мать отыскала въ старомъ сундучкѣ два маленькіе кусочка золота и дала ихъ сыну. Хархали положилъ золото на дно мѣшка и, затѣмъ, наполнивъ мѣшокъ углемъ отъ сгорѣвшаго дома, взвалилъ на спину и ушелъ изъ родного села. Къ полудню онъ пришелъ къ одной рѣчкѣ, на другой сторонѣ которой стояли двѣ дѣвушки. Хархали попросилъ ихъ, чтобы онѣ помогли ему переправиться черезъ рѣку. И тѣ пришли ему на помощь. Когда они втроемъ переправлялись черезъ рѣку, Хархали нарочно рассыпалъ угли, которые и попадали въ воду. Переправившись черезъ рѣку, Хархали сталъ плакать и кричать, будто дѣвушки рассыпали его золото. Тѣ стали говорить ему, что у него были угли, а не золото. Хархали продолжалъ кричать и плакать и послѣдовалъ за дѣвушками въ ихъ село. Здѣсь онъ встрѣтилъ кружокъ стариковъ и муллъ, которые сидѣли на одной кровлѣ. Хархали обратился къ нимъ съ жалобою. Тѣ сказали, чтобы онъ вытряхнулъ свой мѣшокъ, и если оттуда упадетъ хоть одна крушинка золота, то онъ говорить правду, и дѣвушки должны возвратить ему полный мѣшокъ золота. Хархали вы-

тряхнул мѣшокъ, и изъ него упали тѣ два кусочка золота, которые онъ взялъ у своей матери. Тогда родители дѣвухеѣ поневолѣ дали ему мѣшокъ золота.

Хархали взялъ приобѣтенное богатство, пришелъ на родину и объявилъ землякамъ, что въ *такомъ-то* аулѣ за каждый мѣшокъ угля даютъ мѣшокъ золота, и, въ доказательство, показалъ принесенный имъ мѣшокъ. Жители деревни повѣрили, пожгли свои дома и на слѣдующій день, наполнивши мѣшки углемъ, отправились за золотомъ. Но въ великому ихъ удивленію, имъ не только не дали за угли золота, но даже сильно поволотили и прогнали, какъ людей сумасшедшихъ.

Огорченные этимъ до глубины души, земляки Хархали поклялись убить обманщика и, пришедши домой, бросились искать его. Разсвирѣпѣвшіе крестьяне, не нашедши обманщика, убили бѣдную старуху, мать его. Когда черезъ нѣсколько дней Хархали возвратился домой, онъ былъ пораженъ случившимся съ нимъ несчастіемъ. Но прошлаго не возвратишь. Погоревавъ, осиротѣвшій Хархали пустился на новыя хитрости: онъ положилъ трупъ матери на осла и отправился въ одно сосѣднее село. Остановившись у одного дома, хозяинъ котораго былъ очень богатъ, онъ взялъ трупъ матери, поставилъ его у стѣны, а самъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ домъ къ хозяину, въ качествѣ странника-гостя. Спустя нѣкоторое время, онъ попросилъ дочь хозяина дома, чтобы та сошла внизъ и позвала со двора его мать, которая стояла тамъ у стѣны. Дѣвушка отправилась за матерью гостя. Она взяла старуху за руку и стала привѣтливо тащить къ себѣ, но старуха упала. Дочь хозяина испугалась и закричала. На ея крикъ вышли родители ея и гость. Видя лежащій трупъ своей матери, гость началъ плакать и кричать, что дѣвушка убила его мать. Хозяева, боясь, что крикъ гостя услышитъ полиція, стали умолять его, чтобы онъ не кричалъ, и обѣщали дать ему много денегъ.

Хархали снова получалъ цѣлый мѣшокъ золота и отправился на родину, гдѣ и увѣрилъ своихъ земляковъ, что тамъ-то трупы покупаютъ и за одинъ трупъ даютъ мѣшокъ золота. Тѣ, покѣривши, умертвили своихъ старыхъ отцовъ и матерей и отправились съ ихъ трупами въ указанное Хархали село. Но жители этого селенія поколотили ихъ и прогнали.

Возвратившись домой, земляки Хархали, въ ярости, кинулись отмомивать виновника ихъ несчастій и, наконецъ, нашли его. Хархали, преслѣдуемый ими, бѣжалъ безъ оглядки. На дорогѣ онъ встрѣтилъ одного пастуха, который пасъ большое стадо овецъ. Бѣглецъ кричалъ къ пастуху и, указавъ на своихъ преслѣдователей, сказалъ:

— „Тѣ люди бѣгутъ за тобой и хотятъ убить тебя: раздѣнься поскорѣе, дай свою одежду мнѣ, а мою возьми себѣ, чтобы тебя не узнали, и уходи.“

Пастухъ посмотрѣлъ, увидѣлъ бѣжавшую въ направленіи къ нему толпу, испугался и, послѣшно одѣвшись въ платье Хархали, пустился безъ оглядки бѣжать. Толпа приблизилась къ Хархали и, принявъ его за пастуха, спросила, не видалъ ли онъ презрѣннаго бѣгльца. Хархали указалъ на бѣгущаго пастуха, за которымъ толпа и послѣдовала. Пастухъ добѣжалъ до моря и, видя, что толпа приближается, въ отчаяніи бросился въ воду. Крестьяне, довольные тѣмъ, что имъ, повидимому, удалось погубить своего врага, возвратились домой.

Черезъ нѣсколько дней Хархали, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился на родину, да еще, въ добавокъ, и съ большимъ стадомъ овецъ. Земляки его удивлялись, зная, что Хархали на ихъ глазахъ бросился въ море, и не понимали, какъ могъ онъ явиться снова въ селеніе. Хархали рассказалъ имъ, что въ морѣ находятся безчисленныя стада овецъ, и оттуда-то онъ и привезъ такое большое стадо. Жители повѣрили ему и побросались одинъ за другимъ въ море.

Такимъ образомъ всѣ утонули, кромѣ двухъ мулъ, ко-

торые не повѣрили словамъ Хархали и остались въ селеніи. Но обманщикъ нашель средство погубить и послѣднихъ враговъ своихъ: Хархали попросилъ этихъ муллъ, чтобы они убили его, какъ виновника смерти столькихъ людей. Муллы согласились. Хархали вырылъ себѣ неглубокую могилу, спустился въ нее и сталъ въ ней, а мулламъ далъ по револьверу, чтобы они одновременно выстрѣлили въ него. Муллы, по совету Хархали, стали на противоположныхъ краяхъ могилы и, по его сигналу, спустили курки. Въ тотъ моментъ, когда долженъ былъ послѣдовать выстрѣлъ, Хархали быстро присѣлъ, и муллы убили другъ друга. Такимъ образомъ Хархали сдѣлался хозяиномъ цѣлаго селенія со всеми его богатствами.

Записалъ въ селеніи Бумѣ, Нухинскаго уѣзда, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Б. Насиръ-Султановъ*.

6. Меликъ-Мамедъ.

У одного царя было сорокъ сыновей; самого младшаго звали Меликъ-Мамедомъ. Когда они возмужали, то просили отца выдать въ своемъ государствѣ для нихъ сорокъ сестеръ, на которыхъ они могли бы жениться. Царь долго думалъ объ этомъ и, наконецъ, разрѣшилъ имъ самимъ отправиться разыскивать себѣ невестъ. Царевичи приготовились къ дорогѣ. Царь благословилъ ихъ и сказалъ:

— „Милыя дѣти! не останавливайтесь никогда на ночлегъ въ ветхомъ, разрушенномъ зданіи и въ степи, на пастбищномъ мѣстѣ.“

Царевичи дали вѣтву свято исполнить наставленіе отца, поклонились, поцѣловали ему руку и поѣхали.

Долго скакали они по горамъ, по полямъ. Наступила ночь. Недалеко отъ дороги стоялъ одинокій ветхій минаретъ,

принадлежавшій *бѣлому* диву. Братья, уставши отъ продолжительнаго пути, рѣшили, вопреки отцовскому наказу, здѣсь и ночевать. Они разбили тутъ свои шатры и заснули преспокойнымъ сномъ. Не спалъ только одинъ Меликъ-Мамедъ: онъ предугадывалъ угрожающую имъ опасность, вѣдалъ мечъ и сталъ сторожить. Въ полночь вдругъ послышался великій шумъ: пришелъ бѣлый дивъ. Онъ, держалъ въ рукахъ палицу, на которую надѣто было семь жерновыхъ камней, и, увидѣвъ издали царевича, гнѣвно крикнулъ:

— „Эй, инсанъ *)! меня зовутъ бѣлымъ дивомъ; я тебя днемъ искалъ, а ты мнѣ ночью попался... Берегись!“

При окончаніи этой фразы завизжалъ, подобно пулѣ, надъ головою царевича камень и вошелъ въ землю на большую глубину. Какъ только дивъ далъ промахъ, Меликъ-Мамедъ въ свою очередь замахнулся и, что было мочи, нанесъ диву ударъ по головѣ своимъ громаднымъ мечемъ. Дивъ упалъ, восклицая:

— „Еще разъ, еще разъ!“ **)

— „Я однажды родился, однажды и ударю“, былъ отвѣтъ Меликъ-Мамеда.

Дивъ издохъ. Царевичъ спряталъ его тѣло и уснулъ. Проснувшись утромъ, братья застали царевича спящимъ: отъ непомерныхъ трудовъ онъ былъ объятъ глубокимъ сномъ. Съ досадою на его безпечность въ дорогѣ они разбудили его. Меликъ-Мамедъ о случившемся ночью имъ не сказалъ ни слова, и они продолжали путь.

На вторую ночь братья, ничего не зная о ночномъ происшествіи, остановились на ночлегъ опять въ разрушенномъ зданіи, принадлежащемъ *черному* диву; онъ тоже незамедлилъ явиться въ полночь съ такими же угрозами, какъ

*) „Инсанъ“ — человѣкъ.

***) По народному повѣрью, дивы, при вторичномъ ударѣ, оживаютъ.

бѣлый, и Меликъ-Мамедъ поступилъ съ нимъ такъ же, какъ и съ его братомъ.

На третью ночь Меликъ-Мамедъ, убивъ красную дива, оставилъ братьевъ спящими, а самъ пошелъ посмотрѣть окрестности ночлега. Недалеко онъ замѣтилъ, какъ во временахъ вспыхиваетъ громадное пламя; это поразило царевича, и онъ направилъ свой путь прямо туда. Не прошелъ онъ и одной версты, какъ вдругъ примѣтилъ старика-колдуна: онъ сидѣлъ у дороги и имѣлъ при себѣ два клубка: бѣлый и черный. Царевичъ привѣтствовалъ его и сталъ смотрѣть на его работу: старикъ безъ остановки перематывалъ нитку съ черного клубка на новый клубочекъ; работа эта заинтересовала царевича, и онъ спросилъ старика о причинѣ этого занятія. Старикъ-колдунъ объяснилъ ему, что черный клубочекъ, съ котораго онъ мотаетъ, означаетъ ночь, а бѣлый—день: когда кончается бѣлая нитка, настаетъ ночь, а когда оканчивается черная нить, начинается день. Меликъ-Мамедъ, видя, что мало остается черной нити, и, слѣдовательно, скоро день настанетъ, и онъ не успѣетъ вовремя возвратиться, предложилъ старику пока перестать мотать и, получивъ отказъ, связалъ ему руки и ноги, а самъ продолжалъ свою дорогу. Подойдя къ тому мѣсту, откуда видѣнъ былъ свѣтъ, онъ услышалъ шумъ, крикъ, веселіе и поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло. Близъ главнаго зданія, гдѣ происходило шумное собраніе, находился маленькій домикъ; царевичъ вошелъ туда и засталъ тамъ старуху, отъ которой узналъ, что совершается свадьба сорока великановъ съ сорока похищенными сестрами, дочерьми тамошняго царя. М.-Мамедъ рѣшился отнять у великановъ ихъ невѣсты для себя и своихъ братьевъ. Во дворѣ главнаго зданія висѣлъ большой колоколъ, имѣвшій чудное свойство—звонить при появленіи всякаго посторонняго человѣка и тѣмъ предупреждать великановъ; но, царевичъ подкупилъ деньгами старуху, и она дала ему ваты

и научила, чтобы онъ, какъ можно осторожнѣе, подошелъ къ колоколу и вложилъ проворно вату въ пустоту его, не давъ времени языку произвести звонъ. Царевичъ благополучно исполнилъ это, потомъ обнажилъ мечъ и сталъ у дверей большой залы, гдѣ находились женихи съ невѣстами, и ловкими ударами убилъ поодиночкѣ всѣхъ великановъ, когда они выходили изъ залы. Освободивъ плѣнныхъ царевенъ, онъ оставилъ ихъ въ томъ зданіи, гдѣ напелъ ихъ, а самъ отправился во дворецъ царя и, воткнувъ свой мечъ въ мраморный камень, находящійся во дворцѣ, воротился къ мѣсту ночлега своихъ братьевъ. Дорогою Меликъ-Мамедъ развязалъ руки и ноги старика-болдуна, который тотчасъ же опять принялся за прерванную работу. Едва успѣлъ прійти на мѣсто Меликъ-Мамедъ, какъ уже разсвѣло. Братья просыпались одинъ за другимъ, протирая застанные глаза, лѣниво потягиваясь и жалуюсь на продолжительность ночи (эта ночь продолжалась трое сутокъ).

Дня черезъ три царь, отецъ сорока царевенъ, издавъ фирманъ *), въ которомъ призывалъ въ свой дворецъ сильныхъ людей, для исполненія весьма труднаго подвига. Въ назначенный срокъ собрались во дворецъ царя молодцы-удальцы, и царь обѣщалъ дать большіе подарки тому, кто вытаскаетъ мечъ изъ мраморнаго камня. Много силачей тщетно пытались исполнить это дѣло: мечъ неподвижно оставался въ камнѣ. Наконецъ, царю донесли, что въ домѣ одной старухи живетъ чужеземецъ, обладающій необыкновенной силой. По требованію царя, Меликъ-Мамедъ явился къ нему и безъ особеннаго труда вытаскалъ свой мечъ изъ мраморнаго камня. Народъ удивился; государь поцѣловалъ его въ лобъ и предложилъ ему просить въ награду, что угодно. Царевичъ вѣжливо поклонился и доложилъ ему о цѣли своихъ странствованій и о томъ, что онъ уже убилъ всѣхъ великановъ и освободилъ царевенъ, и, въ

*) Приказъ.

завлюченіе, просилъ царя, чтобы онъ позволилъ своимъ дочерямъ видти замужъ за Меликъ-Мамеда и братьевъ его. Радость царя не имѣла предѣловъ: онъ тотчасъ же послалъ за дочерьми, созвалъ дорогихъ гостей, и въ скоромъ времени сыграли свадьбу. Отпраздновавъ ее, царевичи отпросились у тещи домой. Царь отпустилъ ихъ и съ большимъ торжествомъ проводилъ до границъ своего царства.

Но судьба измѣнила царевичу: на возвратномъ пути, когда царевичи остановились однажды на ночлегъ въ степи, на пастбищномъ мѣстѣ, Меликъ-Мамедъ былъ взятъ крылатой змѣей и представленъ къ царю-змѣю, остальные же братья пріѣхали домой. Въ наказаніе за то, что Меликъ-Мамедъ съ братьями отважился ночевать на землѣ, которая принадлежала змѣиному царству, царь-змѣй поручилъ ему исполнить весьма трудное предпріятіе: представить ему, царю-змѣю, дочь подземнаго царя, красавицу „Кѣркъ-сачлу-Санамъ.“ *) Едва ли кто-нибудь добровольно рѣшился бы на такое предпріятіе, но царевичъ, по необходимости, поклонился царю-змѣю въ знакъ согласія выполнить его порученіе, и царь-змѣй предложилъ ему просить на дорогу, что угодно. Меликъ-Мамедъ, по совѣту крылатой змѣи, просилъ у него только царскую скатерть и пруть: при ударѣ прута о скатерть, послѣдняя наполнялась всевозможными кушаньями. Нечего было дѣлать: царь-змѣй исполнялъ свое обѣщаніе. Давая скатерть, онъ предупредилъ Меликъ-Мамеда, что онъ долженъ непременно исполнить приказаніе, въ противномъ случаѣ ничто не спасетъ его отъ смерти: сотни тысячъ змѣй, которыми повелѣваетъ змѣиный царь, гдѣ бы то ни было, нашли бы его и лишили жизни. Получивши необходимыя на дорогу вещи, Меликъ-Мамедъ поклонился Богу на всѣ четыре стороны и пошелъ, куда глаза глядятъ.

*) „Санамъ“ — женское имя, „кѣркъ“ — сорокъ и „сачлу“ — коса: Санамъ, дочь подземнаго царя, имѣла сорокъ косъ.

Долго ли брелъ онъ, неизвѣстно. Но, наконецъ, у перваго попавшагося ему родника сѣлъ отдохнуть и утолить свой голодъ и жажду. Отвернулъ онъ скатерть и ударилъ по ней прутомъ: на скатерти передъ нимъ появились всевозможныя кушанья, какія пригодны къ царскому столу. Меликъ-Мамедъ ѣлъ-пилъ, поблагодарилъ Бога, а остатки отдалъ *шиму* *), который въ это время, невѣдомо—откуда, явился къ нему. Когда Меликъ-Мамедъ котѣлъ-было уже пуститься въ дальнѣйшій путь, ширъ провѣщалъ ему человѣчьимъ голосомъ:

— „Подожди, царевичъ, возьми съ себя пучокъ волосъ: будешь нуждаться во мнѣ,—спали ихъ на огнѣ, и я явлюсь къ тебѣ.“

Царевичъ послушался, вытащилъ у шира пучокъ волосъ и пошелъ дальше. На другой день Меликъ-Мамедъ опять открылъ скатерть, ударилъ по ней прутомъ и сѣлъ обѣдать: ѣлъ-пилъ, поблагодарилъ Бога, а остатки выискивалъ бчутва-шимися тутъ муравьями. При уходѣ царевича муравьи сказали ему:

— „Постой, царевичъ, отерви у кого-нибудь изъ насъ мураввиную ножку: будешь въ нуждѣ,—спали ее на огнѣ, и мы придемъ къ тебѣ.“

На третій день, во время обѣда, къ нему прилетѣла птица *Зумрутъ-чуйи*. Меликъ-Мамедъ ѣлъ-пилъ, поблагодарилъ Бога, а остатки отдалъ ей. Удалился-было царевичъ, какъ вдругъ она провѣщала ему голосомъ человѣчицы:

— „Остановись, царевичъ, возьми изъ моихъ перьевъ одно: будешь въ нуждѣ,—спали на огнѣ, и я явлюсь къ тебѣ.“

Послушался царевичъ, взялъ перо и пошелъ дальше.

Долго-долго шелъ Меликъ-Мамедъ и, наконецъ, прибылъ въ столицу подземнаго царства. Приходить онъ въ домъ одной старухи. Оказалось,—это была нянька Керкъ-сачлу-Санамъ: Царевичъ распросилъ ее обо всемъ и, между прочимъ, от-

*) Лыу.

вринъ ей цѣль своего путешествія. Собравъ, такимъ образомъ, все-какія свѣдѣнія, на слѣдующій день Меликъ-Мамедъ пошелъ къ царю и сталъ просить руки прекрасной царевны.

— „Видно тебѣ жизнь надоѣла“, вымолвилъ грозный царь и повелъ его въ вѣрность, гдѣ царевичъ, въ удивленію своему, увидѣлъ подписанныя къ вринѣ челоуѣвскія головы, числомъ девяносто-девятисто-девятъ; показывая ихъ, царь прибавилъ: „все это врснтели руки моей дочери, и если только ты, подобно имъ, не исполнишь моихъ порученій, то съ твоею головою будетъ тамъ ровно тысяча!“

Но царевичу было все равно, — онъ не дорожилъ головою. Царь предложилъ ему исполнить три самыхъ трудныхъ порученій, а не то, грозилъ ему отрубить голову. Царевичъ согласился. Царь, для перваго раза, велѣлъ ему приготовиться на слѣдующій день къ борьбѣ съ царскимъ львомъ. Возвратился Меликъ-Мамедъ домой весьма невеселъ; но, подумавши, онъ вспоминалъ своего шира, вынулъ тотчасъ же его волоса и спалилъ на огнѣ, и черезъ часъ явился къ нему ширъ:

— „Что угодно, что надобно?“

— „Приготовься завтра къ борьбѣ съ царскимъ львомъ!“ сказалъ царевичъ.

На слѣдующій день на площади игралъ царскій левъ, ожидая своего противника. Явился Меликъ-Мамедъ и вынулъ своего шира, который тотчасъ растерзалъ на куски царскаго льва. Царь разгнѣвался и отдалъ новый приказъ: чтобы царевичъ на слѣдующій день, съ утра до полудня, собралъ со вспаханной шивы двадцать пять халваровъ послѣдняго яруса *). Онъ велѣлъ тотчасъ же носить царскую шиву и пробронить землю. Возвратившись домой, Меликъ-Мамедъ вспомнилъ про муравьевъ; вынулъ тотчасъ муравьиною ножку, спалилъ на огнѣ, и въ утро поля, луга, — всею окрестности до самаго дома старуки покрывлись муравьями. Царевичъ приказалъ му-

*) Халваръ вѣситъ 25 или 30 пудовъ.

равьямъ собрать до полуля съ царской нивы двадцать пять халбаровъ проса, до единого зерна. И стали муравьи доставать изъ-под земли просо, по зернышку каждый, и таскать въ царскій дворецъ; въ срезу все было собрано; вѣдьмаи, — недоставало одного лишь верха, да и то было доставлено нѣсколько повдѣе хромамъ муравьей, у котораго ножку вытанили царицы.

Царь разгнѣвался пуще прежняго и отдалъ послѣдній приказъ царевичу: чтобы въ слѣдующему днѣ на воздухѣ, во дворѣ царскомъ, были повѣшены вѣсы. Это порученіе весьма опечалило царицы. Мамы-Мамедъ, вернувшись домой, обо всемъ разсказала старухѣ; она сказала царевичу, что это можно сдѣлать, только нужно достать изъ волосъ Бэрхъ-сачлу-Санамъ одну косу. Она побѣдила царицу помолить въ этомъ. Царица вспомнила тогда про Зумрутъ-гуни, достала повнась ей норо и свалила на огнѣ, и черезъ часъ прилетѣла къ нему Зумрутъ-гуни:

— „Что угодно, что надобно?“

— „Приготовься завтра,“ сказала ей Мамы-Мамедъ, „увести изъ царскаго сада изъ волосъ Бэрхъ-сачлу-Санамъ одну косу, которую дастъ тебѣ старуха!“

На другой день старуха, на обыкновеніе, пошла мыть голову царской дочкѣ; въ это время въ садъ прилетѣла птица, опустилась и снова поднялась вверхъ, унеши съ собою косу, которую тотчасъ же проворно отрубала старуха и дала ей въ яловъ. Ослѣпленная блескомъ перьевъ и оглушенная шумомъ большихъ крыльевъ Зумрутъ-гуни жарена упала въ обморокъ. Видя то, старуха притворилась и сама также лишешной чувствъ, такъ-что, когда царскую дочь привели въ память, то съ трудомъ могла привести въ сознаніе и старуху. Осмотрѣвъ царицу, замѣтили, что нѣтъ одной изъ ея косъ; царь тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и дѣйствительно, къ вечеру онъ видѣлъ во дворѣ вѣсы, повѣшенные на воздухѣ. Нечего

было дѣлать: грозный царь сдержалъ свое слово, — предложилъ Меликъ-Мамеду приготовиться къ свадьбѣ, а самъ созвалъ гостей на пирь. Перебѣдившись, молодые задали пирь на весь мѣръ.

Послѣ женитьбы, Меликъ-Мамедъ ввѣлъ свою невѣсту и поѣхалъ въ обратный путь. Долго ѣхалъ онъ. Вотъ однажды царевичу пришлось прѣзжать черезъ одну нощь, къ которому, съ противоположной стороны, былъ привязанъ Джансызъ-Бѣса *); онъ стоналъ, что было мочи, и умолялъ царевича отвязать его. Меликъ-Мамедъ имѣлъ доброе сердце: ему стало жалко Бѣсы, и, несмотря на то, что Керхъ-сачлу-Санамъ, зная всѣ его злодѣянія, настоячиво отговаривала своего мужа, онъ слѣвъ съ женою, отвязалъ Джансызъ-Бѣсу и поѣхалъ дальше. Царевна предвидѣла, что бѣда скоро постигнетъ ихъ, и совѣтовала убѣжать поскорѣе. И, дѣйствительно, ожиданіе царевны исполнилось: Джансызъ-Бѣса не замедлилъ пуститься за ними въ погоню. И вотъ царевна обращается назадъ и замѣчаетъ пыль, а въ пыли что-то черное. Она тотчасъ же узнала, что это Джансызъ-Бѣса. Меликъ-Мамедъ и Керхъ-сачлу-Санамъ скачутъ во весь духъ, но погоня все ближе да ближе. Нагнавъ, наконецъ, царевича, Джансызъ-Бѣса ударомъ дубины свалилъ его съ лошади и, оставивъ его полумертвымъ на произволъ судьбы, ввѣлъ царевну и уснался.

Прошло нѣсколько дней. Однажды Зумрутъ-гуши, летая подъ облаками, замѣтила на землѣ трупъ и, дѣлая круги, стала спускаться къ нему. Узнавъ своего благодѣтеля, Зумрутъ-гуши молочными взмахами широкихъ крыльевъ поднялась высоко и скрылась въ облакахъ. Черезъ нѣкоторое время птица явилась снова и принесла съ собою изъ небеснаго царства райскую воду. Побрызгавъ ею на полумертваго царевича, Зумрутъ-гуши пробудила его къ жизни: онъ открылъ глаза и взглянулъ вокругъ.

*) Слово „Джансызъ“ татарское, буквально значить: худощавый, тѣлесухій, слабый.

— О, какъ долго я спалъ! — промолвилъ онъ. —

Тутъ Зумрутъ-гуши рассказала, какъ нашла его и распросила обо всемъ подробно. Меликъ-Мамедъ вспомнилъ все и рассказалъ ей, что случилось съ нимъ. Зумрутъ-гуши, узнавъ объ этомъ, научила его, какимъ образомъ убить Джансызъ-Кёсу и освободить Бархъ-саялу-Саманъ. Она открыла ему, что смерть Кёсы — на коней надо, та игла въ воробья, тотъ воробей — въ вѣткѣ, та вѣтвь — въ слонѣ, а тотъ слонъ — въ лѣсу; Зумрутъ-гуши указала, въ какомъ именно лѣсу находится втотъ слонъ, и гдѣ живетъ Джансызъ-Кёса.

Меликъ-Мамедъ обрадовался узнавшему секрету, ибо ему не трудно было убить слона и достать вѣтвь. Онъ тотчасъ же взялъ свой мечъ и пошелъ въ лѣсъ, гдѣ жилъ мушкетеръ, у котораго онъ спрятался въ какомъ мѣстѣ, гдѣ, обыкновенно, проходилъ слонъ; какъ только появился онъ, Меликъ-Мамедъ вышелъ изъ засады и со всего плеча нанесъ ему ударъ по шеѣ: голова отпала, и слонъ подохъ. Меликъ-Мамедъ досталъ у слона шкуру живота вѣтви, отворилъ двѣрца и поймалъ воробья. Джансызъ-Кёса, по обыкновенію, и былъ тогда на охотѣ; въ ту минуту, какъ царевичъ поймалъ воробья, у Кёсы началась головная боль, и онъ досорбно воротился домой. Меликъ-Мамедъ убилъ воробья и досталъ яду, затѣмъ, пришедши къ Джансызъ-Кёсѣ, который лежалъ въ это время больной въ постели, на глазахъ у него отделилъ дощечку волшебной иглы, и, слегка къ ней биясь, Джансызъ-Кёса, словно ни маталя во всѣ стороны, пришлому ему помереть.

Меликъ-Мамедъ вошелъ въ домъ его, взялъ Бархъ-саялу-Саманъ и привѣзъ въ амьинское царство, гдѣ и представилъ ее царю-князю. Царь-князь, дивясь ея необыкновенной красотѣ, долго смотрѣлъ на нее и не могъ насмотреться; наконецъ, обратился онъ къ Меликъ-Мамеду и, дая ея удальство, добавилъ:

— „Возьми её себѣ. Она мнѣ не нужна, а вы оба достойны другъ друга.“

Мелекъ-Мамедъ обрадовался, поклонился царю-завѣдо до земли, взялъ свою невесту и воротился въ отечество.

Възвѣвъ въ государство своего отца, онъ видѣлъ всѣхъ встрѣчныхъ одѣтыми въ черное платье. Удаленный царевичъ началъ распространять о причинѣ этого: все говорили, что царь-государь велѣлъ носить трауръ о погибшемъ его любимомъ сынѣ. Узнавъ это, Мелекъ-Мамедъ, кого ни встрѣчалъ, отправлялъ во дворецъ, извѣщать царя о своемъ возвращеніи. Царь не вѣрилъ своимъ ушамъ и, наконецъ, поѣхалъ со своей ситой навстрѣчу ему: они увидѣлись и въ объятіяхъ другъ друга долго проливали слезы. Скоро былъ устроенъ пиръ; отпразднована послѣдняя свадьба: сорокъ дней и сорокъ ночей ѣли, пили, гуляли и потѣшались. И замки царевичи съ своими молодими женами въ любви и согласіи.

7. Гулчи-ханумъ.

Иванца жила на свѣтѣ братъ и сестра. Сестру звали Гулчи-ханумъ. Будучи холостымъ, братъ очень любилъ свою сестру, и жили они мирно и счастливо. Но вскорѣ братъ женился, и съ этого времени домъ ихъ обратился въ адъ: жена брата возненавидѣла свою золовку и всякій разъ говорила мужу:

„Удали её куда-нибудь, а то я не останусь съ нею жить!“
И долго мужъ не слушался своей жены, такъ какъ ему трудно было расстаться навсегда съ своей любимой сестрой. Чтобы добиться цѣли, жена рѣшилась на свой умыселъ: ночью, когда все спали, она взяла ножъ и отрѣзала своему, спавшему въ комнате, ребенку голову, а окровавленный ножъ положила въ карманъ спавшей дѣвушкѣ. Утромъ встали и видятъ убитаго ребенка. Все недоумѣваютъ, кто могъ совершить это гнусное дѣло.

— „Поищемъ, — у него найдется ножъ, тотъ и есть убійца“, говорить коварная женщина.

Все согласились. Произведень бытъ обиску, и вѣдую биво изумленіе брата, когда ножъ найденъ бытъ въ карманѣ его сестры. Гулчи-ханумъ со слезами на глазахъ старалась всевозможными объясненіями оправдать себя въ признанномъ ей злодѣяніи, но все было напрасно, — злодѣйка жени встawiла мужа на этотъ разъ выгнать Гулчи-ханумъ со двора.

Братъ запрягъ лошадей и повозъ свою сестру. Подѣхавъ къ царскому саду, онъ оставилъ ее тамъ, а самъ доисѣшно, чтобы его не замѣтили, воротился домой. Гулчи-ханумъ, оставшись одна, потихоньку пробралась въ царскій садъ и спряталась тамъ. Въ этомъ саду росла яблоня, и на ней были чудесныя яблоки. Когда никого не было въ саду, Гулчи-ханумъ выходила изъ своего убежища, срывала яблоки и ѣсть питалась. И вотъ царь сталъ замѣчать, что каждую ночь пропадаютъ яблоки. Прошло нѣсколько времени, и яблокъ уже очень много пропало. Онъ призвалъ своего сына и поручилъ ему подмаршудить и поймать вора. Царевичъ радуется случаю отличиться и рѣшается слѣдить внимательно за воровкой. Въ первые два дня царевичъ никого не видаеть, и только на третій день удалось ему поймать воровку. Два сына на вопросѣ царевича объяснили ему подробно, какъ она пошла въ царскій садъ. Надо замѣтить, что Гулчи-ханумъ была красавица: она очень понравилась царевичу и, довольный своей судьбою, онъ взялъ ее себѣ въ жены.

Спустя нѣкоторое время, Гулчи-ханумъ оказалась беременна. Мужу ея было необходимо отправиться въ дальнюю сторону. Увѣжая, онъ приказалъ дома дать ему сына, если у него родится сынъ. Въ отсутствіе царевича жена его, действительно, родила сына и, притомъ, съ золотыми волосами. Царь обрадовался и послалъ толпѣе же челядѣи съ подаркомъ къ царевичу, поздравляя его съ чудеснымъ сыномъ. По-

сланный въ первую ночь остановился ночевать, какъ нарочно, у брата Гулчи-ханумъ. Коварная жена его, узнавъ отъ гонца, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, затѣла новое злодѣяніе: ночью, когда всѣ заснули, она вынула изъ кармана у гонца написанное царемъ письмо и подмѣнила его другимъ, которое отъ имени царя сама написала. Въ ея письмѣ было сказано:

„Сынъ мой, жена твоя родила щенка. Поздравляю!“

Утромъ посланный, ничего не узнавши, продолжалъ свой путь. Прибывши на мѣсто назначенія, гонецъ представился царевичу, рассказавъ все словесно, потомъ, вынувъ письмо, передалъ ему. Царевичъ распечаталъ его и, къ великому удивленію своему, прочелъ совсѣмъ не то, что рассказавъ посылъ. Онъ сперва сильно рассердился и хотѣлъ написать отцу, чтобы онъ строго наказалъ жену, но передумавъ, написалъ, чтобы не трогали ни жены, ни щенка до его возвращенія. На обратномъ пути посланному пришлось опять ночевать на прежнемъ мѣстѣ. Новѣстка Гулчи-ханумъ и на этотъ разъ подмѣнила письмо, и написала отъ имени царевича:

„Что родила моя жена, привезите къ синѣй ей и немедленно выгоните её изъ дому!“

На другой день посланный вручилъ царю это письмо. Прочитавъ его, царь изумился, — какъ такая немилость въ новѣсткѣ?!. Чего было дѣлать: привезая дитя къ синѣй матери, онъ опустошилъ ее изъ волю.

Бѣдная Гулчи-ханумъ, всеми обиженная, помолилась Богу и пустилась въ путь, неся свою драгоцѣнную нону. Долго-долго шла она по разнымъ мѣстамъ, не зная сама куда; наконецъ, переправившись черезъ какую-то рѣку, она пришла къ одной полянѣ, цѣль передъ нею открылось великолѣпное зданіе. Гулчи-ханумъ направилась въ него; ворота отворились и она съ синемъ вошла туда. Она здѣсь и поселилась, проводя свою жизнь въ молитвахъ къ Богу и къ святымъ духамъ; матернеи шкѣ питала.

Прошло много времени, и многое изменилось. Царевичъ возвратился на родину и, удостоверившись въ томъ, что жена его, дѣйствительно, родила злокоудраго сына, много горевалъ о своей двойной утратѣ. Царевичъ на этомъ не успокоился: онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, достать свою жену и сына, надѣлъ *железные лапти*, переодѣлся дервишомъ и пошелъ странствовать по бѣлу свѣту. Шелъ онъ долго, наконецъ, встрѣтилъ одного человѣка, одѣтаго также дервишомъ. Это былъ братъ Гулчи-ханумъ. Поздоровавшись, царевичъ спросилъ, куда онъ идетъ.

— „Странствую по бѣлу свѣту, чтобы найти свою сестру,“ отвѣтилъ ему прохожій.

— „Въ такомъ случаѣ, пойдемъ вмѣстѣ“, предложилъ ему царевичъ, „я тоже ищу свою жену и сына.“

Подружившись, они стали странствовать вмѣстѣ: прошли поля, прошли степи, лѣса, и все напрасно. У царевича уже лапти изветшали отъ долгаго путешествія, когда, наконецъ, они пришли на ту поляну, гдѣ гордо возвышался великолѣпный дворецъ. Странники направились ко дворцу и одинъ изъ нихъ постучался. Имъ отворилъ двери весьма красивый мальчикъ съ золотыми волосами, сынъ царевича. Въ это время вышла Гулчи-ханумъ; узнавъ тотчасъ же въ странникахъ своего мужа и брата, она повела ихъ въ свой домъ. Нѣсколько времени всѣ молчали; первымъ прервалъ молчаніе царевичъ: онъ спросилъ у отшельницы, —откуда она и кто-такая. Гулчи-ханумъ только того и ожидала, чтобы открыть имъ себя поскорѣе. Она стала рассказывать имъ свою исторію во всѣхъ подробностяхъ. Скоро странники узнали въ рассказницѣ Гулчи-ханумъ и бросились обнимать ее, а затѣмъ царевичъ обнялъ и своего сына съ золотыми волосами и съ удивленіемъ узналъ, кто былъ его спутникъ. Спустя дня три, они собрались на-скоро и вернулись домой.

Царевичъ сталъ жить и поживать съ женою и сыномъ,

ѣ виновницу всѣхъ этихъ несчастій, невѣстку Гулчи-ханумъ, но приказанію царя, привязали къ хвостамъ динехъ коней, и пущенные на волю кони размыкали ее на клочки.

Учитель Герюсннскаго сельскаго училища *Мкртчъ Саркянцъ*.

АРМЯНСКАЯ СКАЗКА

о семи братьяхъ.

Жили-себѣ семь братьевъ; всѣ они были женаты. Жены у шести братьевъ были невѣрны своимъ мужьямъ, безнравственны, а жена седьмого брата была женщина скромная, цѣломудренная. Въ отсутствіе братьевъ постоянно приходили къ нимъ женамъ любовники, веселились и пировали съ ними, а жена седьмого брата удалялась отъ такихъ увеселеній. Безнравственныя жены, опасаясь, чтобы невѣстка не донесла на нихъ, всячески старались развратить и ее, но трудъ ихъ оказался тщетнымъ. Тогда онѣ стали сплетничать ей мужу, говоря, что жена его невѣрна ему. Деверь отвѣтилъ на это, что онъ, не узнавши истины, ничего не можетъ сдѣлать своей женѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая слышать такихъ неприятностей, онъ оставилъ жену свою и все имущество и ушелъ за границу.

За границей онъ нанялся у одного царя пасти лошадей. Нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ у этого царя. Разъ, когда онъ пасъ лошадей на берегу моря, изъ моря вышелъ прекрасный конь, три раза укусилъ одного жеребенка и снова скрылся въ морѣ. Табунщикъ былъ изумленъ этимъ явленіемъ и началъ думать о томъ, что это значить; но ни до чего не додумался и только сталъ тосковать отъ своей думы. Въ это время подходитъ къ нему жеребенокъ, укушенный морскимъ конемъ, и молвить ему человѣчьимъ голосомъ:

— „Зачѣмъ ты такъ много думаешь? я сейчасъ скажу тебѣ, что означаетъ видѣнное тобою явленіе: тотъ самый конь, который вышелъ изъ моря,—царь морской; кого онъ любитъ,

тому даетъ даръ слова и мудрость; вотъ и мнѣ онъ далъ этотъ даръ, и я сдѣлался мудрымъ, такъ-что могу знать все“.

Съ тѣхъ поръ прошло еще нѣсколько лѣтъ,—жеребенокъ выросъ и сдѣлался конемъ. Разъ табунщикъ нашелъ на полѣ одно *разноцветное* птичье перо, до того красивое, что всякій, увидѣвши его, пришелъ бы въ восхищеніе.

Табунщикъ понесъ это перо царю. Царь тотчасъ созвалъ всѣхъ подданныхъ и объявилъ имъ, что тому, кто достанетъ ему птицу съ такими перьями (при этомъ онъ указалъ имъ найденное перо), онъ дастъ цѣлую суму золота. Никто изъ его подданныхъ не отважился на это; одинъ лишь табунщикъ принялъ на себя исполненіе царскаго порученія, надѣясь на своего *мудраго коня*. Онъ пошелъ къ своему коню и передалъ все, что случилось. Конь сказалъ ему:

— „Достать такую птицу для меня не очень трудно, но только ты долженъ исполнять все, что я скажу тебѣ, и прежде всего ты купи для меня овса, чтобы я не испыталъ голоду въ дорогѣ.“

Табунщикъ исполнилъ сказанное мудрымъ конемъ и отправился по тому направленію, которое указывалъ тотъ ему.

На пути они встрѣтили большое препятствіе: дорога, ведшая въ то мѣсто, гдѣ жила птица, которую они искали, шла между двумя горами; эти горы находились *въ постоянномъ движеніи*,—то онѣ сходились одна съ другой, то отдѣлялись другъ отъ друга. Это явленіе повторялось чрезъ каждые два часа. Кромѣ того, эти горы разъ въ сутки прекращали свое движеніе на три часа. Это извѣстно было только мудрому коню. По совѣту его, табунщикъ ждалъ до тѣхъ поръ, пока настало время спокойствія горъ, и благополучно проѣхалъ мимо ихъ.

Но этимъ не кончились препятствія. Долго-ли ѣхалъ, мало-ли ѣхалъ, наконецъ, табунщикъ доѣхалъ до одного моря. Мудрый конь сказалъ тогда хозяину:

— „На этомъ морѣ есть островъ, на которомъ живетъ трехглавый великанъ, имѣющій по одному глазу на каждой головѣ. У него есть перстень; мы должны достать этотъ перстень, потому что безъ него мы не можемъ поймать птицу. Ты валяйся на меня и держись какъ можно крѣпче, а я войду въ море.“

Спустя нѣсколько часовъ, они были уже на островѣ. Здѣсь они увидѣли величолѣпный дворецъ великана и тихо-хотько подошли къ нему.

— „Ты спрячься за дверьми дома великана“, говоритъ конь, „а я буду ржать на дворѣ; какъ только великанъ выйдетъ на дворъ, ты немедленно войди въ его домъ, возьми мечъ, который виситъ на стѣнѣ, тотчасъ-же выходи на дворъ и валяйся на великану: „я пришелъ бороться съ тобой;“ послѣ этого вся опасность, грозящая тебѣ со стороны великана, минуетъ тебя.“

Табуницакъ такъ и сдѣлалъ. Великанъ, увидѣвъ человека съ мечомъ въ рукахъ, совершенно ослобенѣлъ отъ страха и сталъ просить о пощадѣ, ибо вся его сила находилась въ мечѣ, и безъ меча онъ былъ такимъ же слабымъ, какъ простой человекъ.

— „Дай мнѣ перстень“, сказалъ ему табуницакъ, „и я пощажу твою жизнь, а въ противномъ случаѣ ты погибнешь.“

Дѣлать было нечего; великанъ, боясь за свою жизнь, отдалъ табуницку перстень. Но меча великану табуницакъ не возвратилъ, и, какъ ни старался тотъ хитростью выманить у табуницака эту драгоценность, ничего не могъ добиться. Послѣ этого табуницакъ продолжалъ путь, взявъ съ собою и лошадь великана, которая, по словамъ мудраго коня, должна была въ будущемъ пригодиться имъ.

Спустя нѣкоторое время, они очутились въ одномъ прекрасномъ саду. Множество красиво-расположенныхъ деревьевъ этого сада, благоуханіе душистыхъ цвѣтовъ, прекрасные ключи

и ручки съ чистой, прѣсной водой привели табунища въ восхищеніе.

— „Здѣсь живутъ тѣ птицы, которыхъ мы ищемъ“, говоритъ мудрый конь своему хозяину, „ты зарѣжь лошадь великана, вынь всѣ внутренности, и самъ скройся внутри ея, а перо птицы и перстень держи въ рукѣ снаружи: птицы прилетятъ на эту приманку.“

Табунищъ такъ и сдѣлалъ. Прилетѣли птицы. Онъ поймалъ одну изъ нихъ, сѣлъ на коня и помчался. Остальныя птицы стали кричать:

— „Держите, держите! унесли нашу подругу.“

Но конь приказалъ табунищу не оглядываться назадъ, говоря: что въ противномъ случаѣ онъ тотчасъ-же окаменѣетъ.

Прихавши, табунищъ принесъ птицу своему царю. Царь поблагодарилъ за это табунища и далъ ему обѣщанное имъ золото. Спустя немного времени, табунищъ объявилъ царю, что онъ хочетъ вернуться въ свое отечество. Царь сказалъ ему:

— „Ты столько времени служилъ мнѣ честно и, кромѣ того, досталъ мнѣ эту необыкновенную птицу; теперь я готовъ дать тебѣ все, что твоей душѣ угодно.“

— „Царь“, говоритъ табунищъ, „я больше ничего не буду просить, если ты дашь мнѣ изъ табуна того коня, котораго я самъ выберу.“

— „Не только я отдамъ тебѣ этого коня,“ сказалъ въ удивленіи царь, „но дарю тебѣ и весь табунъ.“

— „Мнѣ ничего не нужно, кромѣ одного коня, на которомъ я могъ бы доѣхать до отечества“, отвѣтилъ табунищъ.

Царь далъ ему избраннаго имъ мудраго коня. Табунищъ простился съ царемъ и уѣхалъ. Много-ли ѣхалъ, мало-ли ѣхалъ, наконецъ, онъ остановился на дорогѣ у одного мельника ночевать. Вечеромъ, когда они хотѣли ужинать, мельникъ досталъ одну *скатерть* и, разостлавъ предъ собою и гостемъ, сказалъ;

— „Скатерть, тебѣ говорю: достань сейчасъ всё тѣ кушанья, какихъ я хочу!“

Тотчасъ на скатерти появились разныя кушанья. Эта скатерть очень понравилась гостю, и онъ сказалъ мельнику:

— „Продай мнѣ эту скатерть, я дамъ тебѣ, что хочешь.“

— „Я соглашусь на это лишь при слѣдующемъ условіи,“ отвѣтилъ на это мельникъ, „давай, мы будемъ играть *сб прятки*: если ты выиграешь, то я отдамъ тебѣ скатерть; если же я выиграю, то ты дашь мнѣ суму золота.“

Гость согласился, и они начали игру въ прятки. Мельникъ три раза прятался въ своей мельницѣ, но былъ найденъ, при пособіи мудраго воя. Наконецъ, очередь дошла до гостя. Табуницею не зная, куда спрятаться. Конь сказалъ ему:

— „Спрячься ты въ мою торбу, изъ которой я ѣмъ овесъ.“

Мельникъ искалъ-искалъ гостя, и не нашелъ. Въ другой разъ конь вынулъ одинъ изъ своихъ зубовъ и въ образовавшейся пустотѣ помѣстилъ своего хозяина. Мельникъ опять не нашелъ гостя. Въ третій разъ конь выдернулъ одинъ волосъ изъ своего хвоста и тамъ скрылъ хозяина. И на этотъ разъ мельникъ не могъ найти гостя. Получивъ отъ мельника скатерть, табуницею продолжалъ путь.

Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ доѣхалъ до отечества и засталъ всѣхъ домашнихъ живыми. Его особенно удивило то обстоятельство, что жена его, въ теченіе десяти лѣтъ оставаясь безъ мужа, вела жизнь честной вдовы. Братья хотѣли было хлопотать объ угощеніи, но пріѣхавшій сказалъ имъ:

— „Не трудитесь!— у меня есть скатерть, которая можетъ доставить все, чего вы хотите.“

По повелѣнію хозяина, скатерть доставила всё потребованна кушанья, и братья стали пировать. На другой день братья пошли на охоту, а къ женамъ ихъ пріѣхали любовники. Обыкновенно, любовницы приготавливали для нихъ хорошія ку-

паня, но въ этотъ разъ онѣ не сдѣлали никакихъ приготовленій, надѣясь на силу волшебной скатерти. Онѣ тотчасъ вынули скатерть и приказали ей доставить кушанья, но та не исполнила ихъ приказанія. Одна изъ нихъ разсердилась на скатерть и ударила ее палкою. Произошло совсѣмъ неожиданное явленіе: палка прилипла къ скатерти, а рука женщины пристала къ палкѣ; всталъ любовникъ и хотѣлъ помочь любовницѣ, но и самъ прилиплъ; другія жены и любовники ихъ также пытались оторвать ихъ отъ палки и скатерти, но и сами все прилипли другъ къ другу. Жена седьмого брата находилась тутъ же и спокойно продолжала заниматься своимъ дѣломъ, не обращая вниманія на то, что невѣстки и любовники ихъ просили ее о помощи. Пришель, между тѣмъ, нищій и попросилъ милостыни.

— „Оторви насъ отъ скатерти,“ говорятъ невидимой силой прикрѣпленные къ ней, „дадимъ тебѣ милостыню.“

Нищій сталъ-было оттаскивать ихъ, но, подобно имъ, также прилиплъ къ скатерти. Пришель, ватѣмъ, сосѣдъ по дѣлу, и съ нимъ последовало то же.

Въ вечеру братья вернулись съ охоты домой и въ недоумѣніи смотрѣли на толпу, находящуюся у нихъ въ домѣ. Видя случившееся, седьмой братъ догадался, въ чемъ дѣло, и говоритъ братьямъ:

— „Скатерть эта притягиваетъ къ себѣ людей, при чемъ негрѣшныхъ людей она можетъ отпустить, а грѣшныхъ никогда не отпускаетъ. Отпусти“, обратился онъ къ скатерти, „людей негрѣшныкъ!“ Скатерть освободила сосѣда.

— „Отпусти и другихъ, если они не грѣшны.“ Скатерть отпустила нищаго.

— „Отпусти и остальныхъ!“ приказываетъ хозяинъ скатерти. Скатерть не отпускаетъ. Четвертый разъ хозяинъ приказывалъ скатерти отпустить всѣхъ негрѣшныкъ людей, но скатерть больше никого не отпустила.

— „Смотрите,“ говорит тогда седьмой братъ другимъ, „ваши жены всё грѣшны,—онѣ имѣють любовниковъ. Когда-то, желая сложить свою вину на мою жену, онѣ обвинили её, но жена моя осталась чиста. Тедеръ скатерть указала грѣшныхъ.“

Братья умертвили своихъ женъ и любовниковъ ихъ, а сами женились снова и стали жить счастливо.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Тигранъ Юзбашевъ*.

ЛЕГЕНДЫ О СОЛОМОНѢ МУДРОМЪ.

1.

Когда Мудрый Соломонъ уже открылъ всё тайны міра, между прочимъ, пришелъ къ заключенію, что никому судьбы не миновать. Услышавъ это, *Жарь-птица* прилетѣла къ Соломону и говорить ему:

— „Я не вѣрю, что нельзя миновать судьбы. Дай мнѣ мальчика и дѣвочку, которымъ судьбою рѣшено вступить въ бракъ другъ съ другомъ, и я разстрою этотъ бракъ.“

Соломонъ былъ мудръ, и для него было нетрудно отыскать двухъ такихъ лицъ. Жарь-птица оставила мальчика, а дѣвочку посадила на свои крылья, улетѣла въ море и поселила на одномъ безлюдномъ, пустынномъ островѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ,—выросла дѣвочка, выросъ и юноша, назначенный для нея судьбою въ мужья. Юноша помышлялъ о женитьбѣ, но нигдѣ не находилъ себѣ невесты по нраву. Глубоко погруженный въ свои мысли, онъ дошелъ однажды до моря и, идучи по берегу, смотрѣлъ пристально на море, думая, не тамъ ли, вдали, таится его счастье. Такимъ образомъ онъ дошелъ до того мѣста, близъ котораго находился островъ, гдѣ жила дѣвушка. Погода была ясная, тихая. Въ это время дѣвушка вышла на берегъ. Расстояние между островомъ и материкомъ было довольно большое. Юноша остановился противъ острова и пристально смотрѣлъ на него. Дѣвушка, въ свою очередь, смотрѣла на материкъ. Ихъ взоры встрѣтились, и, несмотря на дальность разстоянія, они стали разговаривать другъ съ другомъ, и первый разговоръ у нихъ былъ о любви. Дѣвушка ночью спала въ корзинѣ. Жарь-птица разъ въ день прилетала на островъ, приносила

дѣвушка пицу и улетала. Дѣвушка бросила свою корзину въ море,—поднялся вѣтеръ, и корзина поплыла къ материку, Когда юноша сѣлъ въ корзину, подулъ обратный вѣтеръ, и юноша приплылъ къ острову. Союзъ, опредѣленный судьбою, состоялся.

Чтобы Жарь-птица не узнала о присутствіи юноши, онъ каждый разъ, когда приближался часъ, въ который прилетала она, прятался въ корзину и сидѣлъ тамъ, пока не улетала птица. Дѣвушка дѣлилась съ своимъ возлюбленнымъ пицею.

Прошло нѣкоторое время, и у нихъ родился сынъ, но его они уже не могли скрыть отъ Жарь-птицы: однажды, когда Жарь-птица принесла пицу, она услышала, что вблизи плачетъ ребенокъ, пошла на плачъ и увидѣла въ корзине ребенка и юношу, и поняла все. Она посадила тогда къ себѣ на крылья ихъ всѣхъ, принесла къ Мудрому Соломону и признала, что, дѣйствительно, нельзя миновать судьбы.

Записалъ въ селѣ Енгидажѣ, Джеванширскаго уѣзда, Елисаветопольской губерніи, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Андреасъ Мирзоевъ*.

2.

Израильтяне, царемъ которыхъ былъ Мудрый Соломонъ, отличались непослушаніемъ и невѣріемъ. Царь Соломонъ увѣщавалъ ихъ и старался словами направить на путь правды, но напрасно. Наконецъ, мудрый царь, рѣшился показать имъ все наглядно, примѣрами. Онъ приказалъ своимъ рабамъ запрячь десять паръ сильныхъ буйволовъ и заставить ихъ тащить тяжесть такъ, чтобы пять паръ тянули ее въ одну сторону, а пять—въ противоположную. Далѣе, онъ велѣлъ построить огромную мельницу и наполнить ящикъ, откуда сы-

илился зерна на жернова, но не приделывать ящичка для муки, чтобы смолотое зерно сыпалось прямо въ воду. Самъ же царь взялъ полный мѣшокъ гороха и началъ цѣлыми горстями бросать его въ отвѣсно-стоявшую гладкую каменную скалу, гдѣ ни одна горошинка не могла пристать. Народъ, видя поступки царя, счесть его сумасшедшимъ и долго смѣялся надъ тѣмъ, что онъ забавлялся горошинками. Но напелся между ними одинъ умный старикъ, который отнесся къ этому дѣлу серьезно и спросилъ царя о значеніи его странныхъ поступковъ. Царь Соломонъ объяснилъ тогда, что тяжесть, которую тащатъ десять царь сильныхъ буйволовъ, обозначаетъ судьбу огромнаго царства, а сами буйволы—членовъ его: какъ десять царь буйволовъ не могутъ стащить съ мѣста ту тяжесть, хотя они и сильны, такъ и царство, гдѣ нѣтъ согласія между членами его, не можетъ равниваться. Про мельницу онъ сказалъ, что она обозначаетъ большое и богатое семейство; какъ зерна изъ ящичка пропадаютъ безъ пользы въ водѣ, хотя и ящичъ былъ полонъ, и жернова дѣлали свое дѣло, такъ и царство, какъ бы оно ни было богато, если не имѣетъ хорошаго порядка, скоро потеряетъ все свое богатство. „Стѣна же эта, на которую я сыплю горошинки“, добавилъ онъ, „обозначаетъ человѣка непослушнаго и своевольнаго: какъ горошинки не пристають къ отвѣсной скалѣ, такъ и добрыя слова, и хорошія наставленія не дѣйствуютъ на человѣка непослушнаго и своевольнаго“.

3.

Однажды черти, завидовавшіе мудрости царя Соломона, рѣшились испитать его. Они сватали царя во время сна и перенесли въ глубокую яму, гдѣ сами жили,—думая, что онъ не сможетъ освободиться отъ нихъ и выйти изъ такой пропасти. Проснувшись, царь видитъ, что находится въ глубокой ямѣ; оглянувшись онъ кругомъ и никого около себя не на-

шелъ. Долго думалъ царь и, наконецъ, догадался, кто сдѣлалъ эту штуку съ нимъ. Тогда онъ собралъ всѣ камни, какіе нашлись въ ямѣ, и началъ строить что-то. Черти, видя, что Соломонъ не беспокоится и спокойно строить какое-то зданіе, собрались вокругъ него и спросили его о томъ, что онъ дѣлаетъ. Соломонъ отвѣтилъ имъ, что вверху, на землѣ, онъ воздвигнулъ множество храмовъ, и одной церкви только не доставало, чтобы спасти отъ ада и самихъ чертей, когда они утащили его въ яму, и что онъ желаетъ построить эту церковь на двѣ той пропасти, въ которой находился тогда. Услышавъ это, черти съ тревогою посмотрѣли другъ на друга: страшно имъ стало, что оболго нить будетъ находиться святцыя... И вотъ, поговоривши между собою, они рѣшили поднять Соломона изъ ямы. Такъ и спасся Мудрый Соломонъ отъ чертей.

Со словъ пастуха Е. Такашвили записалъ учитель
Норійской сельской школы *Георгій Парадовъ*.

КИЛИТЬ.

Подъ этимъ названіемъ существуетъ въ Эриванской губерніи самая ничтожная деревушка, съ 32 дворами и наибѣднѣйшимъ мусульманскимъ населеніемъ. Расположена она на самой окраинѣ губерніи, близъ версидской границы, на скалистой, трудно доступной мѣстности; крайняя изолированность и нищета какъ бы стирали ее съ лица земли, и существованіе ея мало кому извѣстно; развѣ чины мѣстной уѣздной администраціи заглянуть въ этотъ забытый уголокъ одинъ разъ въ годъ, по поводу сбора податей, да и то не всегда, такъ какъ килитцы отличаются среди своихъ сосѣдей честностью и аккуратностью въ исполненіи долга. У нихъ развита патриархальная простота и строгость нравовъ. По слѣдственнымъ дѣламъ они никуда не вызываются, такъ какъ *происшествій* въ Килитѣ никакихъ не бываетъ. Возникающія незначительныя недоразумѣнія рѣшаетъ голова (сельскій старшина) по справедливости, не требующей апелляціи, — или на основаніи существующаго у всѣхъ горцевъ-мусульманъ религіознаго кодекса — шариата, основаннаго на коранѣ, или по обычному праву, — адату. Деревни: Кѣтамъ, Карчеганъ и Килитъ входятъ въ составъ одного Килитскаго общества.

Килитцы составляютъ горсть неизвѣстнаго племени, которое говоритъ, кромѣ татарскаго языка, еще на особенномъ, никому непонятномъ нарѣчій. Именно-это во мнѣ возбудило интересъ и желаніе пробраться къ килитцамъ, для ознакомленія съ ихъ языкомъ. Путь мой лежалъ изъ Эривани чрезъ Нахичевань, Джульфу и Ордубадъ.

Не останавливаясь надолго въ городѣ Нахичевани, построенномъ, по преданію армянъ, праотцемъ Ноемъ, послѣ насажденія имъ виноградной лозы у предгорій Арарата *), я лишь взглянулъ на могильный курганъ, гдѣ, какъ говорятъ, похороненъ Ной, и направился къ Араксу, на берегу котораго, верстахъ въ 30 отъ Нахичевани, расположенъ пограничный постъ Джульфа. Въ этомъ мѣстѣ, славившемся въ началѣ XVII столѣтія своею промышленностью и торговлею и разгромленномъ, затѣмъ, Великимъ Шахъ-Аббасомъ, стоятъ нѣсколько каменныхъ казенныхъ зданій, представляющихъ карантинъ.

Изъ Джульфы до г. Ордубада полъ-дня ѣзды на почтовыхъ. Г. Ордубадъ расположенъ также на Араксѣ, около того мѣста, гдѣ рѣка, пройдя чрезъ ущелье Мигри, достигаетъ своей крайней южной точки и обходитъ съ южной стороны, въ видѣ дуги, Карабахскія горы. Ордубадъ по справедливости названъ (?) городомъ камней. Вся окрестность забросана камнями, принесенными сюда съ окрестныхъ горъ водою. Въ Ордубадѣ около 5000 жителей. Про этотъ городъ обитатели его, татары, въ шутку, рассказываютъ слѣдующее преданіе: „Тифлисъ, Эривань, Кутань и прочіе лучшіе города Кавказа начали однажды прославлять себя, ставя на видъ свою красоту, величину или богатства; вздумалось и бѣдному Ордубаду восхвалять себя; тогда прочіе города презрительно забросали его камнями.“ Несмотря на большое количество камней, почва здѣсь отличается плодородіемъ, стоитъ только освободить цѣлину отъ булыжника. Сады Ордубада роскошны. Семьдесятъ источниковъ, смѣшивая свои прозрачныя воды съ водою оросительныхъ каналовъ, поддерживаютъ богатую растительность окружающихъ городъ садовъ.

Отъ Ордубада деревня Килить находится, по направленію

*) Описание города Нахичевани см. во II выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа,“ отд. I, стр. 109—127.

къ юго-востоку, въ 18 верстахъ. Удостоверившись отъ орду-бадцевъ, что обитатели деревни Килить на самомъ дѣлѣ говорятъ, вромѣ татарскаго, языкомъ „никому неизвѣстнымъ“, я, въ сопровожденіи мѣстнаго учителя городскаго училища, Суворова, законоучителя того же училища, мұллы Самандарова, и городскаго пристава Ахмедъ-Султана, направился въ Килить. Ъхали мы на лошадяхъ верхомъ, пробираясь шагомъ и съ осторожностью, по пространству, усыпанному грудями безчисленныхъ камней. Былъ мартъ мѣсяць. Версты три-четыре тянулись окрестные зеленые сады съ распустившимися деревьями. Въ воздухѣ чувствовалась весенняя свѣжесть, и легкимъ было дышать пріятно и здорово. Свѣтлыя вершины величаво сіяли подъ вліяніемъ яркихъ солнечныхъ лучей. Горы Персіи справа, горы Россіи слѣва, впереди, какъ бы начали сходиться, и казалось, что вотъ-вотъ онѣ, соединясь, заградятъ нашъ дальнѣйшій путь: мы приближались къ самому узкому ущелью, носящему названіе „капъ“ (ворота). Этотъ единственный и самый узкій проходъ въ ущелье занимаютъ полѣсовщики, собирающіе пошлину за провозъ лѣса, хвороста и угольевъ. Черезъ „капъ“ мы выѣхали въ ущелье, которое, постепенно расширяясь, представило взорамъ прекрасную долину. Окружающія насъ скалистыя горы какъ бы начали расходиться, и мы ѣхали уже по самому краю гѣваго, каменистаго берега Аракса; на правомъ же его берегу высилась скалистая гора Персіи, на откосахъ и у самой подошвы которыхъ были разбросаны персидскія деревушки, и пастухи гнали стада. Араксъ тутъ бѣшено рвался и, съ ревомъ, несъ въ пѣнистыхъ волнахъ деревья съ корнями, камни и все, что понадалось ему на пути. Сила теченія — ужасающая. Клокочущія волны, сердито ударяющія то въ одну, то въ другую сторону, между черными, обрывистыми скалами спускаются по наклону въ 16 футовъ на версту, а въ вѣкоторой части ущелья, болѣе наклонной, даже въ 50 футовъ.

„Вотъ Аладжа-базаръ!“ — указали мои спутники на скалу, о которую при поворотѣ съ страшнымъ ревомъ ударялъ Араксъ, оставляя на утесѣ густую замѣчательной бѣлизны гѣбу; гѣба не вдругъ исчезала, но, разбивалась на части, бѣлыми брызгами разсыпалась по скалѣ, и безконечное повтореніе этого представляло собой дѣйствіе, похожее на чиству хлопка: точно тутъ били вату, и хлопья ея разлетались вокругъ по воздуху. Это сходство и послужило поводомъ назвать это мѣсто „Аладжа-базаромъ“, т. е. ватобойней *).

Мы проѣхали 12 версть. Дорога повернула влѣво, гдѣ высилась тысячи на три футовъ обрывистая скала. Намъ надлежало совершить самую трудную часть дороги: взбираться на этотъ крутой утесъ. Узкая тропа извиистой змѣйкой вела на скалу. Подыматься приходилось гуськомъ. Сопровождавшіе насъ всадники, надѣясь на своихъ горныхъ лошадей, поѣхали впередъ, ободряя насъ; но слѣдовать за ними не было возможности: начиналось головокруженіе, лошади частенько спотыкались, каждую минуту грозило паденіе въ необъятную пропасть, въ которой бушевалъ Араксъ. Я предпочелъ взойти на гору пѣшкомъ. Въ иныхъ мѣстахъ намъ пришлось просто карабкаться на четверенькахъ. На вершинѣ повѣяло прохладой, и сильный порывистый вѣтеръ сбивалъ съ ногъ. Вотъ мы уже на перевалѣ. „Вотъ и Килитъ!“ — объявили всадники. Дѣйствительно, верстахъ въ трехъ виднѣлись какія-то, казалось, груды камней. Это были хижины килитцевъ. Направо отъ насъ, за глубокимъ оврагомъ, красовался большой холмъ, и виднѣлся входъ въ сталактитовую пещеру; тамъ же вблизи минеральный источникъ окрашивалъ камни окисью желѣза.

По приказанію прстава, всадники помчались впередъ, чтобы собрать сельское общество. Сдѣлать это было не трудно: очень скоро, послѣ громкаго гиканья нашихъ всадниковъ,

*) „Аладжа“ по-татарски значитъ пестрый, „базаръ“ — площадь, рынокъ.

все килитское общество, въ количествѣ 80 человекъ, было уже въ сборѣ, когда мы слѣзали съ лошадей и расположились для отдыха на пригорѣхъ, у самой деревни. Все общество, съ старшинами во главѣ, окружило насъ и глазѣло на насъ съ такимъ же любопытствомъ, какъ и мы на нихъ: видѣть у себя такое большое количество гостей Килиту не часто приходится.

Килитъ стоитъ на высотѣ, приблизительно, отъ 4 до 5 тысячъ футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря. Онъ окруженъ горами, носящими мѣстныя названія: „Дюнабия, Аглесѣ, Кокель, Тюфюль.“ Значеніе первыхъ трехъ объяснить мнѣ не могли, а „Тюфюль“ по-персидски—младенецъ. Самое слово Килитъ по-татарски значить—ключъ. Легенды о происхожденіи такого названія мѣстности не существуетъ. Мой спутникъ, ученый мулла Самандаровъ, сообщилъ преданіе, будто предки килитцевъ были переселенцы и сосланы въ эту мѣстность въ заточеніе знаменитымъ НаDIRь-Шахомъ за возстаніе. Эта жалкая каменистая мѣстность, дѣйствительно, могла служить только мѣстомъ заточенія. Килитцы—магометанешіята. У нихъ есть небольшая мечеть и мулла. Всѣ они неграмотны. Считать умѣютъ только до 50; затѣмъ счетъ у нихъ начинается снова. Они очень религіозны и свои религіозные обряды исполняютъ строже прочихъ мусульманъ. Догматы религіи передаются въ потомствѣ устно. Народъ они очень честный, трудолюбивый; между ними царитъ миръ и согласіе; никакихъ ссоръ, дракъ или воровства у нихъ не бывало. Зурны и всякой музыки избѣгаютъ, считая это большимъ грѣхомъ; даже свадьбы происходятъ у нихъ безъ всякой музыки. Килитцы худошавы, скудволосы и малорослы. Куреніе табаку, столь обычное на Востоке; между килитцами не встрѣчается. Въ Килитѣ случаются болѣзни: глазная, головная, грудная, оспа и болѣзнь сердца; отъ болѣзней ничѣмъ не дѣчатся, и существуетъ у килитцевъ одно

только лѣкарство отъ поноса, это — трава „гяджафъ“ (мѣстное названіе). Килитцы говорятъ протяжно, разсуждаютъ, большею частью, разумно. Они очень бѣдны. Убогія жилища ихъ сложены изъ камня самымъ примитивнымъ образомъ; обмазка глиной внутренности хижины возможна только для болѣе зажиточныхъ. Войдя въ одну изъ хижинъ, мы встрѣтили самую жалкую обстановку: голыя стѣны, земляной полъ, посреди комнаты тондиръ; баранъ и нѣсколько куръ бродили въ жилищѣ, и тутъ же, вмѣстѣ съ ними, на землѣ валялся голый пятимѣсячный младенецъ, родители котораго были на работѣ. Нѣтъ ни постелей, ни одѣялъ; единственный большой паласъ замѣняетъ все это. Оружія килитцы никакого не имѣютъ и охотой не занимаются. Сѣютъ пшеницу, просо и ячмень, но такъ мало, что своего хлѣба не всегда бываетъ достаточно для пропитанія. Обработка каменистой почвы трудна. Изъ рабочей скотины имѣются только ослы, и то не у всѣхъ. Съ большими трудностями расчищены маленькіе участки земли для пашни. При усадьбахъ имѣются маленькіе фруктовые и виноградные садки, за которыми килитцы очень усердно ухаживаютъ. Сторожей въ садахъ у нихъ не водится, и ни одинъ килитецъ не позволитъ себѣ присвоить даже листъ отъ дерева своего сосѣда. Пища у килитцевъ самая скудная: хлѣбъ приготовляютъ изъ проса и ячменя и рѣдко изъ пшеницы; главная ихъ пища — *агъ-була-мачъ* (мука закипяченная въ водѣ), *курутъ* (сушеное молоко) и горная зелень. Когда издыхаетъ баранъ, то употребляютъ въ пищу голову и ноги; когда же падаетъ корова, то — одинъ только гусакъ.

Единственный промыселъ, доставляющій килитцамъ матеріальныя средства къ жизни и для уплаты податей, это — доставка въ г. Ордубадъ, для продажи, хвороста, бурьяну и угольевъ. По неимѣнію рабочаго скота, килитецъ промышленяетъ такимъ образомъ: онъ отправляется за горы въ лѣсъ, тушить

въ лѣсу уголь или собираетъ хворостъ и бурьянъ, беретъ вьюкъ на спину, несетъ за 18 верстъ въ г. Ордубадъ и сбываетъ за ничтожную плату: мѣшокъ угольевъ—за 30—40 к., вязанку хвороста—за 25 коп., вязанку бурьяну—за 15 коп. Ежедневно одинъ изъ членовъ каждой семьи непременно долженъ успѣть свести на продажу въ г. Ордубадъ вьюкъ какого-нибудь топлива и къ вечеру вернуться домой. Возвращаясь изъ города, онъ тайкомъ, въ разсѣлинахъ ему извѣстныхъ скалъ, прячетъ изъ добытыхъ денегъ малую-толику, съ расчетомъ, чтобы въ теченіе одного года собралась въ потайной копилкѣ сумма, необходимая для уплаты подати, каковую онъ самъ, безъ напоминаній, исправно сдаетъ въ требуемый срокъ для отсылки въ казначейство. Трудолюбіе очень развито у килитцевъ, и дочерей своихъ они выдаютъ предпочтительно за тѣхъ юношей, которые отличаются трудолюбіемъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій начались распросы килитцевъ объ ихъ языкѣ, составлявшіе цѣль нашего путешествія.

— „Привнесите намъ нѣсколько словъ“, обратился къ предстоящимъ килитцамъ приставъ, „на томъ языкѣ, которымъ вы владѣете.“

— „На какомъ языкѣ?“ спросили килитцы.

— „На томъ, на которомъ вы разговариваете между собою.“

— „У насъ нѣтъ другого языка, кромѣ татарскаго, и ни на какомъ другомъ языкѣ мы не говоримъ.“

Общее удивленіе.

— „Но это неправда“, возразилъ мулла-законоучитель Самандаровъ, „намъ извѣстно, что вы промежъ собой ведете разговоръ на своемъ языкѣ, на языкѣ вашихъ предковъ, и если вы передадите намъ нѣсколько словъ изъ того языка, отъ этого васъ не убудетъ, а намъ доставите большое удовольствіе.“

— „Валлахъ-биллахъ“, начали вклясться килитцы, „быть

можетъ, наши предки и говорили на какомъ-либо другомъ нарѣчїи, но мы, вѣрьте, не знаемъ другого, кромѣ того, на которомъ съ вами нынѣ говоримъ.“

— „Сговорились“, шепнулъ приставъ, „не хотятъ, болятся; наше посѣщеніе ихъ смутило. Не бойтесь,“ обратился онъ снова къ нимъ, „съ вами ничего не случится неприятнаго; скажите намъ хоть словъ десятокъ на вашемъ языкѣ.“

Въ отвѣтъ раздается опять божба и отрицаніе иного языка, кромѣ татарскаго. Мы испытывали полное разочарованіе. Я вспомнилъ этотъ ужасный путь, который мы совершили и который предстояло еще разъ совершить. Что же это?.. Неужели завѣренія ордубадцевъ о невѣдомомъ языкѣ, объ особомъ культѣ народа и проч.,—все это была лишь ошибка или мистификація? Если же, наоборотъ, существованіе особаго языка есть истина, то чѣмъ мотивируется всеобщій отказъ обитателей Килита не говорить намъ? Неужели причиной служить только страхъ?.. Время шло безуспѣшно. Подъ видомъ осмотра килитскихъ жилищъ я попросилъ нѣкоторыхъ стариковъ послѣдовать за мной и, отошедши съ ними всторону, попробовалъ убѣдить ихъ—не скрывать отъ насъ своего языка.

— „Я гость вашъ,“ началъ я, „прїѣхалъ надалека и только затѣмъ, чтобы услышать неизвѣстный для насъ вашъ языкъ; для васъ не будетъ ни ущерба, ни опасности, если откроете намъ вашъ языкъ. Я готовъ заплатить вамъ за каждое сказанное слово на вашемъ языкѣ—абазъ; за каждые 10 словъ вы получите 2 рубля. Такъ неужели же вы захотите отпустить отсюда гостя, огорчивъ его?“ и т. п.

Но все было напрасно: килитцы съ клятвою и неподдѣльнымъ паѳосомъ утверждали, что не знаютъ языка своихъ предковъ.

— „Наши предки,“ говорили они „знали какой-то другой языкъ; но мы, ихъ потомки, давно утратили нарѣчїе, которое, можетъ быть, и существовало прежде.“

Трудно было не вѣрить такимъ искреннимъ завѣреніямъ, вырвавшимся, можно сказать, изъ глубины душевной. Что существовалъ у килитцевъ когда-то свой коренной языкъ и что съ теченіемъ времени онъ утерянъ, доказательствомъ тому послужили *тѣ немногія слова и фразы*, которыя невольно и безсознательно прорывались у килитцевъ, во время ихъ продолжительныхъ переговоровъ съ нами на обыкновенномъ татарскомъ (адербейджанскомъ) языкѣ, которыми они владѣютъ отлично; тѣ слова были совершенно незнакомыя, не имѣвшія ничего общаго съ корнями языковъ арабскаго, персидскаго и татарскаго, и только нѣкоторыя изъ словъ оказались взятыми изъ персидскаго. Это открытіе сдѣлалъ мулла законоучитель, прекрасно, какъ было сказано выше, изучившій восточные языки.

— „Обожди,“ останавливалъ законоучитель рассказчика-килитца, „что это за слово *чанычъ*?“ *Чанычъ*—оказывалось значило *козель*. „А *вагъ*—что такое?“ спрашивалъ мулла; слово *вагъ* значило *яма*. Такимъ образомъ, мною были составлены списки словъ, которыя были, можно сказать, отбиты у рассказчиковъ и которыя были совершенно непонятны нашему ученому муллѣ.

Вотъ этотъ списокъ *):

Вагъ—яма.

Казантанъ (персидское *керъ-атанъ*)—паукъ.

Сумъхъ-палънъ—цѣдилка для плова.

Чанычъ—бювелъ.

Тианчъ—котель.

Патаваъ—завязъ внизу штановъ (татарское—долъхъ).

Дыгѣвъ—плугъ съ паромъ быковъ.

Панюртъ—название одной съѣдобной травы (татарское название ея *амамъ-кѣмаджи*).

*) Курсивъ обозначаетъ слова, взятые изъ персидскаго языка.

Казанфары́ мерё *хара чү* (персидское *харъ*—осель)
солнце взошло,—осель, трогай!

Герй-герй—по два.

Каріанъ (персидское *каріянъ*)—деревенскій житель.

Гарібани—чужестранецъ.

Безе—шумъ—встань пойдёмъ.

Кѣмиши бері, хѣлиши пейнку (персидское *ке-машра бѣаръ, хейлашра тюанкунъ*)—меньше принеси, больше утай.

Бязымъ—домашнія дрова.

Тавазъ—градъ.

А вотъ фраза, выспрошенная въ г. Ордубадѣ женою приставы у своей прислуги, женщины-киликки:

Пчишь-бичйшь бавашь-вямъ йчли-мава ма-
вала-чò—крѣпко труси орѣхи, чтобы они, упавъ далеко,
спрятались (т. е. подъ кусты отъ взоровъ хозяина).

Вотъ тѣ немногія слова, которыя мною съ большимъ трудомъ добыты у килитцевъ.

На обратномъ пути, по дорогѣ изъ гор. Ордубада, не доѣзжая 4-хъ верстъ до первой станціи Азы, мнѣ показывали всторонѣ отъ почтовой дороги, въ землѣ, развалины древняго города, когда-то носившаго названіе *Хараба-гилънъ*; ясно видны верхнія части нѣкоторыхъ зданій.

Бывшій инспекторъ народныхъ училищъ Эриванской губерніи *Як. Пасхаловъ*.

